Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук

На правах рукописи

Колоколов Александр Михайлович

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ВЕРХОВЬЯХ ОКИ И ДОНА В VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI ВЕКА

Исторические науки: 5.6.3. Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 1.

Научный руководитель:
д.и.н. Леонтьев А. Е.

Москва 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ 1.

ВВЕДЕНИЕ……..4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ВЕРХОВЬЕВ ОКИ И ДОНА…….....15
1.1. История полевого изучения памятников VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона……...16
1.2. Историография изучения славянских древностей верховьев Оки и Дона...24
ГЛАВА 2. ДАННЫЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ……..36
ГЛАВА 3. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В VIII ВЕКЕ……...40
ГЛАВА 4. ПОСЕЛЕНИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ IX – 1-Й ПОЛОВИНЫ X ВЕКА ……....70
4.1. Географическое положение и топография памятников ……72
4.2. Оборонительные сооружения……..……79
4.3. Жилые и хозяйственные постройки…….83
4.4. Объекты производственного назначения…….91
4.5. Керамика…….....94
4.6. Вещевой комплекс……..…..106
4.6.а. Украшения и детали одежды…….....107
4.6.б. Хозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода……....131
4.6.в. Изделия из кости и глины……139
4.7. Предметы воинской культуры……144
4.7.а. Предметы вооружения……..145
4.7.б. Элементы поясного набора……..…171
4.7.в. Предметы конского снаряжения……..181
4.8. Верхнеокский участок Донского торгового пути……..…194
4.9. Финал памятников IX – 1-й половины X века……...212
ГЛАВА 5. ПОСЕЛЕНИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ 2-Й ПОЛОВИНЫ X – СЕРЕДИНЫ XI ВЕКА…….219
5.1. Географическое положение и топография памятников……222

5.2. Оборонительные сооружения……..227
5.3 Жилые постройки…….....232
5.4. Керамика……..……..…236
5.5. Вещевой комплекс …….…….....245
5.5.а. Украшения и детали одежды……..…245
5.5.б. Хозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода……..…260
5.5.в. Предметы воинской культуры……265
5.6. Финал памятников 2-й половины X – середины XI века……..273
ГЛАВА 6. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ IX – 1-Й ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА…….278
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……....295
СПИСОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ……...305
СПИСОК АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ……...…312
Архивные материалы……..…….……..312
Литература……...…323
СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, В КОТОРЫХ ИЗЛОЖЕНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ…….…..394
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ…….…400
ТОМ 2.
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Сводная таблица полевых исследований на памятниках VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона с XIX века по 2025 год….....3
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Каталог памятников VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона……...…..14
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Каталог опорных комплексов……..…54
АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ…….....66

ВВЕДЕНИЕ.

Актуальность темы исследования. Освоение славянами верховьев Оки и Дона – часть общего этнокультурного процесса, происходившего на территории Днепро–Донского междуречья в последней четверти I – начале II тыс. н. э. Значительную роль в этих событиях играют носители роменской археологической культуры, сложившейся на территории Днепровского лесостепного левобережья в 1-й половине IX в. Вопрос о дате появления славян – носителей роменской культуры на территории исследуемого региона неразрывно связан с изучением финала предшествующей мощинской культуры, наиболее поздние памятники которой датируются серединой VII в. Проблема хронологической лакуны VIII в. является одной из основных в средневековой археологии региона, и не раз затрагивалась в научной литературе последних лет, в контексте изучения как мощинских (Воронцов, 2016. С. 121–161), так и роменских древностей (Григорьев, 2005б. С. 143). Вторая хронологическая лакуна связана с финальным периодом существования древностей роменского типа на территории региона. До настоящего времени, древности 2-й половины X – середины XI в. были представлены материалами всего одного городища. По это причине невозможно было проследить процесс замещения роменской археологической культуры древнерусской, распространившейся на территории региона в XI в. Сложившаяся ситуация не позволяет адекватно определить место древностей Окско-Донского междуречья на исторической карте Восточной Европы, установить характер внешних связей, проследить динамику развития материальной культуры внутри региона. Настоящее диссертационное исследование направлено на решение обозначенных проблем.

Степень разработанности проблемы. За более чем столетнюю историю изучения региона накоплен обширный археологический материал, который введен в научный оборот лишь частично. Во 2-й половине XX в. Татьяной Николаевной Никольской были выпущены две монографии, которые являются первыми обобщающими трудами, посвященными периоду славянского освоения нашего региона: «Культура племён бассейна Верхней Оки в I

тысячелетии н.э.» (Никольская, 1959) и «Земля вятичей: К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв.» (Никольская, 1981). Итог исследованиям XX в. подвела вышедшая в 2005 году монография Александра Вадимовича Григорьева «Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э.», которая на сегодняшний день является базовой работой по указанной теме. В ней же впервые предложена дробная хронология памятников региона (Григорьев, 2005б. С. 133–143). Проводившиеся после выхода этой работы целенаправленные археологические исследования позволяют значительно полнее представить процесс освоения славянами верховий Оки и Дона. Благодаря им появилась возможность осветить проблемы этнокультурной ситуации предроменского периода освоения региона и переходного этапа от роменской к древнерусской культуре. Кроме того, было расширено представление о материальной культуре населения и уточнена хронология археологических памятников.

Объектом исследования являются археологические памятники и материальная культура населения верховий Оки и Дона VIII – середины XI в.

Предметом исследования являются культурно-исторические процессы, происходившие в верховьях Оки и Дона в эпоху славянского освоения региона.

Целью исследования является построение адекватной современному уровню археологической исследованности хронологической шкалы древностей региона в эпоху его освоения славянами (VIII – середина XI в.).

Для достижения поставленной цели разработана исследовательская программа, направленная на анализ памятников верховий Оки и Дона эпохи славянской колонизации, традиционно связываемых с древностями роменской археологической культуры, которая включает следующие задачи:

1. Изучение историографии и истории полевого изучения славянских древностей VIII – середины XI в. на территории Окско-Донского региона с середины XIX в. по настоящее время.

2. Создание актуального свода памятников VIII – середины XI в. на основе результатов полевых работ последних десятилетий, с учетом музейных коллекций и архивных материалов.
3. Выявление древностей VIII в., ранее неизвестных в исследуемом регионе.
4. Выделение из общего массива древностей IX–XI вв., памятников характерных для 2-й половины X – середины XI в.
5. Выявление особенностей географического и топографического расположения памятников, исследование оборонительных сооружений, жилых и хозяйственных построек, производственных комплексов, характеристика керамики, набора украшений, орудий труда и предметов бытового обихода, атрибутов воинской культуры VIII – середины XI в.
6. Разработка хронологии древностей верховий Оки и Дона эпохи славянского освоения региона.

Территориальные рамки исследования. В географическом отношении изучаемая территория находится в центре Восточно-Европейской равнины на северо-западе Среднерусской возвышенности на пограничье лесной и лесостепной зон (рис. 1). По характеру поверхности изучаемый регион представляет собой равнину, пересечённую долинами рек, балками и оврагами. Большинство рек (около 80%) относится к бассейну Оки – самой крупной, и по сегодняшний день судоходной водной артерии, остальные (около 20%) принадлежат к Донскому бассейну. Река Ока протекает по западной и северо-западной части региона, ее основные правые притоки – реки Упа, Осётр, Зуша, Вашана, Беспута, Иста, Скнига, Свободь, Выпрейка. Крупные притоки второго порядка – реки Плава, Солова, Упка, Тулица, Шат, Шиворона, Уперта (притоки Упы), Апрань (приток Беспуты), Снежедь, Чернь (притоки Зуши). В восточной и юго-восточной части расположены верховья реки Дон с двумя основными правыми притоками – реками Непрядва и Красивая Меча. Различны и почвенные покровы территорий, в зависимости от принадлежности к речной системе: на территории Окского бассейна преобладают дерново-подзолистые

супесчаные (в западной части), и серые лесные (в северной и центральной части) почвы; бассейн же верхнего Дона покрыт в основном выщелоченными чернозёмами и, в меньшей степени, плодородными мощными чернозёмами (в юго-восточной части). Поскольку речь идет о древностях водораздела Оки и Дона, то в сферу интересов диссертационного исследования, в основном, входят правые притоки Оки, а так же правые притоки Дона первого порядка. В работе так же привлекаются материалы ближайших к исследуемому региону памятников, расположенных на левых притоках Оки (Вырка, Жиздра) и левых притока Дона (Мокрая Табола). В административном плане это территория Тульской, северо-запада Орловской и восточной части Калужской областей.

В историко-географическом отношении исследуемый регион располагается в контактной зоне лесных и лесостепных культур. На протяжении изучаемого периода территория Окско-Донского водораздела находилась в сфере политических и экономических интересов Хазарского каганата, затем Древнерусского государства. Географическое положение и особенности речной сети обусловили большое значение региона в системе существовавших восточноевропейских торговых путей.

Хронологические рамки исследования охватывают время между финалом наиболее поздних мощинских памятников, и окончательным замещением роменской культуры древнерусской.

Наиболее поздние памятники мощинской культуры, бытовавшей на территории региона с середины III в., прекращают существование во 2-й половине VII в. (Воронцов, 2022. С. 142–154). Примерно к этому же времени относится финал позднедьяковской культуры Москворечья (Кренке, 2016. С. 261–332) и исчезновение основной части рязано-окских памятников в среднем течении Оки (Ахмедов, 2010. С. 16).

Финал роменской культуры связан с окончательным включением изучаемой территории в состав Черниговского княжества в результате походов князя Владимира Всеволодовича Мономаха на вятичей в начале 80-х гг. XI в.

Период освоения славянами региона приходится на время культурно-исторических явлений происходивших на территории окружающей ойкумены, и оказавших серьезное влияние на население верховьев Оки и Дона. Наиболее важными из них являются формирование Древнерусского государства, возникновение и гибель Хазарского каганата, миграция венгров. Несомненное влияние на жителей региона оказал обширный мир финно-угорских культур, расположенных к северу и востоку от исследуемого региона, в бассейнах среднего и нижнего течения Оки, верхнего и среднего течения Волги и Камы.

Источниковой базой исследования являются материалы археологических раскопок и разведок конца XIX – начала XXI в., архивные материалы, а так же результаты полевых исследований последних 20 лет, в большинстве которых принимал участие соискатель.

В настоящее время известно 126 археологических памятников VIII – 1-й половины XI в., из которых 38 исследованы раскопками.

В работе были использованы коллекции археологических материалов, полученные в ходе раскопок и разведок на памятниках верховьев Оки и Дона, хранящиеся в фондах ГИМ (Москва), Государственного музея-заповедника «Куликово поле», Тульского областного краеведческого музея и его районных филиалов. Изучение материалов научных отчетов проводилась в научных архивах Института археологии РАН и Государственного музея-заповедника «Куликово поле». Множество современных отчетных материалов было предоставлено авторами работ. В формировании большинства из них принимал участие соискатель.

Методологическая база исследования основывается на современных принципах археологии как исторической науки, изучающей прошлое человечества по материальным источникам. В качестве базовых использованы принципы объективности, системности и историзма. Принцип объективности основан на критическом подходе к анализу источников, всестороннем рассмотрении исторических фактов, процессов и явлений. Принцип системности требует изучения исторических явлений и процессов в качестве

целостных систем, анализа их структуры, функций, внешних и внутренних взаимодействий. Принцип историзма подразумевает рассмотрение вещей и явлений как развивающихся в соответствии с конкретными историческими условиями, делая акцент на изменчивости элементов и структур материальной, духовной и социальной реальности.

Методы исследования. В исследовании использованы традиционные для археологии методы классификации и картографирования памятников, типологического анализа артефактов, сравнительной статистики.

Для получения исчерпывающей картины заселения региона в эпоху славянской колонизации, потребовалось осуществить тщательную каталогизацию памятников. Впервые такая работа была проведена А.В. Григорьевым и представлена в монографии 2005 года, где было учтено 40 памятников археологии (Григорьев, 2005б. С. 175–192). С учетом работ последних 20 лет, был составлен обновленный и дополненный каталог памятников верховьев Оки и Дона эпохи славянской колонизации. В него вошли 126 памятников археологии, среди которых 110 поселений: из них 25 городищ, 91 селище, 9 курганных могильников, а так же 1 поминальный комплекс и 1 местонахождение.

При исследовании вещевого и керамического комплекса применялись типологический, классификационный и сравнительно-аналитический методы. Они направлены на определение хронологических границ бытования комплексов памятников, сложившихся на базе культур славянского круга, а также определения направлений культурных связей, импульсов и заимствований.

При подборе аналогий вещевым находкам, керамическим формам, а так же конструкциям жилых, хозяйственных и фортификационных сооружений в первую очередь, рассматривались материалы сопредельных территорий – Днепровского Левобережья, Подесенья, Посемья и Среднего Подонья, которые в исследуемый период были заняты памятниками роменской или «роменско-боршевской (борщевской)» культуры (Сухобоков, 1975; Ляпушкин, 1958а;

Григорьев, 2000; Винников, 1995; Енуков, 2005). Материалы этих регионов привлекались и для характеристики погребальных памятников верховьев Оки и Дона. Для анализа древностей «предроменского периода» использовались материалы типа Сахновки-Волынцево, новинковского типа, материалы мордовских могильников, а так же синхронные находки из состава днепровских кладов (Алихова, 1969. Ахмедов, 2010; Гавритухин, 2001; Матвеева**,** 1997; Родинкова, 2011; Щеглова, 1990). При рассмотрении наиболее важных хроноиндикаторов, маркирующих различные этапы славянской колонизации региона, привлекались аналогии из комплексов салтово-маяцкой культуры, венгров периода миграции и обретения родины, Древней Руси, Скандинавии, Восточной Прибалтики, Приуралья, Великой Моравии (Белавин, Крыласова, 2008; Каинов, 2019; Комар, 2018; Кулаков, 2012; Мурашева, 2000; Новиков, 2012; Плетнева, 1989; Arbman, 1943; Thunmark-Nylen, 1995, 1998, 2006; The Ancient Hungarians, 1996; и др.)

Важную роль в полевом исследовании поселенческих памятников региона сыграла методика «плавающего профиля», позволившая эффективно использовать материалы многослойных городищ обладающих сложной стратиграфической и планиграфической структурой, и создавать подробные хронологические колонки древностей. Эта методика была разработана А.В. Григорьевым, и затем успешно применялась А.М. Воронцовым на памятниках позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, и Е.В. Столяровым при работе с поселениями раннего железного века. Она подразумевает изначально послойную разборку культурного слоя памятника, с опорой на данные постоянно перемещающегося профиля. При этом каждый стратиграфический профиль доводится до уровня археологического материка и графически фиксируется, что позволяет проследить малейшие изменения в структуре культурного слоя памятника. Такой подход к изучению памятника показал высокие результаты при раскопках городищ Гора Услань, Лобынское, Кетри, Супруты, Спицино.

Научная новизна. В рамках диссертационного исследования, на основе всестороннего анализа материала (системы расселения, топографии памятников, характера оборонительных сооружений, конструкции жилых, хозяйственных и производственных сооружений, керамического и вещевого комплексов) впервые разработана дробная хронология древностей, бытовавших на территории региона в течение трех столетий; скорректированы временные рамки для отдельных этапов славянской колонизации региона, выделенных предшествующими исследователями; предложена этнокультурная картина для каждого из этих периодов, с учетом изменения облика материальной культуры населения, а так же смены векторов внешних влияний и связей.

Практическая значимость работы. Результаты диссертационного исследования могут найти практическое применение в следующих областях:

- При создании обобщающих историко-археологических работ, посвященных эпохе формирования Древнерусского государства.
- При подготовке учебных пособий для средней и высшей ступени образования, а так же для разработки учебных лекционных курсов.
- При разработке концепций музейных экспозиций.
- В качестве справочного материала при комплектовании фондов музеев и осуществлении научно-фондовой работы.
- При планировании туристическо-экскурсионной деятельности, для разработки туристических маршрутов по памятникам археологии Тульской, Калужской, Орловской областей.
- Для составления исторических справок при разработке разделов проектной документации, обосновывающих меры по обеспечению сохранности объектов культурного наследия, расположенных на территории Окско-Донского региона, при проведении земляных, мелиоративных, и иных хозяйственных работ.

Личный вклад соискателя. Соискателем принималось активное участие в полевых исследованиях памятников VIII–XI вв. верховьев Оки и Дона, материалы которых легли в основу диссертации. Автор диссертации участвовал

в раскопках городищ Супруты, Снедка, Спицино, Кетри, Лобынское, Петровское, Гора Услань, селишь Б. Тризново-4, Щучье-1, а так же в разведочных работах на территории исследуемого региона. Кроме этого, соискатель осуществлял обработку материала, полученного в ходе разведок и раскопок, составлял тематические разделы научных отчетов в период 2007–2025 гг. Так же, соискателем обработаны 67 археологических коллекций из фондов ГИМ (Москва), Государственного музея-заповедника «Куликово поле», Тульского областного краеведческого музея и его районных филиалов. Кроме этого, автором диссертации были проработаны материалы 126 научных отчетов, хранящихся в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН и архиве Государственного музея-заповедника «Куликово поле», а так же более 700 научных статей и монографий по теме исследования.

Апробация результатов работы. По теме исследования автором опубликовано 43 печатных работы общим объемом 34.6 авторских листа. Из них 12 в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, предусмотренных ВАК для публикации результатов диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата наук. Основные положения диссертации опубликованы в журналах Российская археология (Москва), Краткие сообщения Института археологии (Москва), Археологические вести (Санкт-Петербург), Поволжская археология (Казань), Археология Евразийских степей (Казань), Археологическое наследие (Воронеж), Уфимский археологический вестник (Уфа), Нижневолжский археологический вестник (Волгоград), Историко-географический журнал (Екатеринбург), Ежегодник финно-угорских исследований (Ижевск), Quaestio Rossica (Екатеринбург) а так же в тематических и юбилейных сборниках статей, изданных в Туле, Курске, Москве, Минске, Воронеже и сборниках материалов Всероссийских археологических съездов 2011 и 2025 гг. Результаты полевых работ по теме диссертационного исследования кратко изложены в ежегодных сборниках «Археологические открытия» и «Археологические исследования в Центральном Черноземье». Кроме этого, теме диссертации посвящены 2 главы

в коллективной монографии «Археология Окско-Донского водораздела». Результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на научных международных, всероссийских и региональных археологических конференциях: XIX и XXIII Всероссийские археологические съезды (2011 и 2025 гг.); Средневековая археология Восточной Европы. К 100-летию со дня рождения В.Д. Белецкого (2019 г.); Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья (2019 г.); Город Средневековья и раннего Нового времени. Археология и история (2020 г.); Проблемы изучения древнерусских сельских территорий. Памяти М.И. Гоняного (2021 г.); Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья (2021 и 2023 гг.); Археология Беларуси и сопредельных территорий: новые материалы и интерпретации (2023 г.); VI конференция «Археология и геоинформатика» (2023 г.); XII Международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (2023 г.); XII Международная научно-практическая конференция «Мир оружия: история, герои, коллекции» (2024 г.); Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов (2024); Средневековые памятники Восточной Европы: методы и подходы полевых исследований (2024 и 2025 гг.); Хазарский каганат и его окружение. К 50-летию Советско–Болгаро–Венгерской археологической экспедиции (2025); а так же в курсе лекций, проводимых автором на базе лектория музея-заповедника «Куликово поле».

Структура диссертации. Работа состоит из двух томов. Том 1 представляет собой текст диссертации и состоит из десяти основных частей: введения, основной части (шести глав, каждая из которых делится на шесть–девять параграфов, некоторые из которых имеют подпараграфы), заключения, списка музейных коллекций использованных в работе, списка архивных источников и специальной литературы, перечня научных публикаций, в которых изложены основные научные результаты исследования, списка сокращений. Том 2 включает в себя три приложения (Сводная таблица полевых исследований на памятниках VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона;

Каталог памятников VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона; Каталог опорных комплексов) и альбом иллюстраций, состоящий из 143 рисунков.

Положения, выносимые на защиту. В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

– Славянская колонизация верховьев Оки и Дона проходила в три этапа, для каждого из которых характерны определенные черты материальной культуры.

– Начальный этап славянского освоения региона приходится на VIII в. Основную роль в сложении этнокультурной картины в этот период играли носители древностей типа Сахновки–Волынцево. Материалы этого времени представлены немногочисленными, но выразительными находками, обнаруженными в ходе исследований последних лет на 12 памятниках региона.

– Следующий, ранний период занимает IX – 1-ю половину X в. В это время в верховьях Оки и Дона возникает множество памятников, материалы которых принадлежат к роменской археологической культуре. Поселения расположены на берегах крупных рек региона, их жители принимают активное участие в функционировании Верхнеокского участка Донского торгового пути. Для погребального обряда характерны подкурганные кремации на стороне. В этот период население региона испытывает серьезное влияние салтово-маяцкой культуры.

– Поздний этап наступает во 2-й половине X в. и продолжается до середины XI в. В этот период территорию продолжают населять носители роменской культуры, но меняется система расселения. Все исследованные памятники этого времени расположены на удалении от крупных водных артерий региона. Их вещевой и керамический комплекс демонстрирует постепенный переход в древнерусскую культурную среду. Во 2-й половине – конце XI в. роменская культура в верховьях Оки и Дона полностью замещается древнерусской. Достоверных погребальных памятников этого периода пока не известно.

ГЛАВА 1.
ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ВЕРХОВЬЕВ ОКИ И ДОНА.

История формирования представлений о процессе славянского освоения верховий Оки и Дона имеет два направления: историческое и археологическое.

Первое направление базируется на анализе немногочисленных летописных данных о «вятичах». Попытки реконструкций этнополитической ситуации региона в интересующий нас период на основании скудных письменных источников в разное время предпринимались в работах В.Н. Татищева (Татищев, 2003), Н.М. Карамзина (Карамзин, 2006), С.М. Соловьева (Соловьев, 1879), Д.И. Иловайского (Иловайский, 1858), П.В. Голубовского (Голубовский, 1881) В.О. Ключевского (Ключевский, 1978), Н.П. Барсова (Барсов, 1865), А.А. Шахматова (Шахматов, 1919), М.К. Любавского (Любавский, 1909) и многих других. Подход перечисленных исследователей демонстрирует различный уровень критики источника, которая, при этом, ограничена невозможностью проверить информацию летописи другими письменными свидетельствами. Все эти подходы проанализированы и обобщены в работах Александра Анатольевича Майорова. На основании письменных источников и анализа историко-географической ситуации, исследователь пришел к выводу, что бассейн Верхней Оки начал заселяться славянами в VIII–IX вв., благодаря проходившими через территорию региона важным торговым путям, активизация которых синхронна процессу колонизации. Освоение Верхнего Поочья славянскими племенами сопровождалось ассимиляцией местного балтского населения. При этом предполагается культурная связь переселенцев с западнославянским миром. (Майоров, 2015а. С. 101–105; 2015б. С. 227–237; 2015в. С. 8–12; 2016а. С. 8–13; 2016б. С. 55–62; 2017а. С. 18–21; 2017б. С. 19–21).[1] При сопоставлении исторических и археологических данных А.А. Майоров опирается на выводы,

[1]Основные выводы приведены в докторской диссертации А.А. Майорова «Социально-политическая история Верхнеокского (верховского) региона с VIII до середины XVI в.» (Майоров, 2021. С. 92–208)

приведенные в монографических трудах Т.Н. Никольской, А.В. Григорьева, А.М. Воронцова и др.

Второе направление основано на анализе данных археологических работ на памятниках верховий Оки и Дона. Поскольку археологическое исследование проходит в два этапа – полевое исследование памятников, затем интерпретация и обобщение полученных материалов, историю изучения материальной культуры населения региона в VIII – 1-й половине XI в. следует изложить в той же последовательности.

1.1.
История полевого изучения памятников VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона.

Процесс первичного, в целом хаотического сбора информации о славянских древностях региона, проходил с конца XVIII в. по конец XIX в. Он проявлялся, в основном в коллекционировании древних вещей, в том числе интересующей нас эпохи: арабских монет, кладов серебра, украшений (Наумова, 2016. С. 63–77). На этом фоне выделяется программа историко-культурного изучения регионов России, предложенная З. Доленга-Ходаковским в 1820 г. Исследователь планировал «розыскание вятичей» на территории Орловской и Тульской губерний (Ходаковский, 1820. С. 246–247). Несмотря на большой объем работы, проделанной исследователем работы в северных губерниях, на территории интересующего нас региона этот проект воплощен не был (Семенов и др, 2025. С. 198–204).

В результате активной деятельности Московского археологического общества, а так же Калужской, Тульской и Орловской ученых архивных комиссий, в конце XIX – начале XX в. начинаются планомерные исследования археологических памятников в верховьях Оки и Дона. Благодаря этим работам был накоплен фактический материал, позволивший составить первоначальное представление о процессе славянского освоения региона. Были предприняты

раскопки на знаковых памятниках: гор. Федяшево (В.А. Городцов, 1897 г.), Дуна и Акиньшино (В.Н. Теплов, 1899 г.; Ю.Г. Гендуне, 1903 г.). Эти работы имеют большую ценность на сегодняшний день, т.к. раскопки гор. Федяшево с 1897 года более не возобновлялись, а площадка и укрепления гор. Дуна, к моменту последних исследований в 2011 году, практически полностью погибла.

В 1900–1902 гг. Ю.Г. Гендуне предприняла исследования на гор. Мышега. На сегодняшний день памятник полностью уничтожен (Арх. ИИМК РАН. Гендуне, 1901, 1902). Полевые работы 2022 года на месте его локализации позволили предположить наличие в его комплексе материалов IX–X вв. (Володин и др., 2024. С. 144–160).

Однако наибольшее внимание исследователи уделяли исследованиям курганов. В 1898 году Н. И. Булычев вскрыл 12 насыпей могильника у с. Доброе (Булычев, 1898. С. 7–12). Так же проводились раскопки курганного могильника у д. Тшлыково: в 1903 гг. В.Р. Апухтин раскопал 3 курганных насыпи (Наумова, 2019. С. 211–212), а в 1906–1907 гг. И.Е. Евсеев – еще 5 курганов (Евсеев, 1908. С. 22–23). Следует так же отметить разведочные работы по р. Упе и ее притокам, которые проводил Н.И. Троицкий. В частности, он обследовал гор. Поречье на р. Упе (Троицкий, 1899. С. 25–28), большая часть которого на сегодняшний день погибла. Материалы этих работ в дальнейшем позволили Т.Н. Никольской предположить существование на городище несохранившегося слоя славянского времени (Никольская, 1959. С. 112–113).

На протяжении второго десятилетия XX в. полевые работы на памятниках региона не велись, и были возобновлены только после революции. В начале 20-х гг. экспедицией под руководством Ф.А. Афремовой в курганном могильнике Песковатое-1 были исследованы 3 курганные насыпи (Седов, 1973. С. 13).

После значительного перерыва к полевым исследованиям памятников региона археологи вернулись только в середине – 2-й половине 30-х годов. Изучение археологических памятников региона в этот период связано с

именами сотрудников Тульского краеведческого музея М.А. Дружинина и Г.А. Доррера. В 1935–1939 гг. ими были обследованы большинство упомянутых выше поселений и могильников. Работы носили характер осмотров и сборов подъёмного материала. Тем не менее, М.А. Дружинин составил картотеку памятников, в том числе интересующего нас периода, топографические сведения из которой имеют большую ценность, особенно при локализации утраченных ныне объектов (НА ГМЗ «Куликово поле». Инв. № 9001). Схожую деятельность в конце 30-х годов вели М.М. Герасимов, М.В. Воеводский, П.Н. Третьяков, в 1935–1936 гг. обследовавшие памятники в Калужском и Белевском течении Оки, а также в бассейнах рек Упа и Тулица. По результатам этих работ был опубликован свод археологических памятников Тульской области, в который вошли поселения и могильники интересующего нас периода: гор. Федяшево, Тимофеевка и Супруты, кург. мог. Доброе, сел. Торхово-3, (Герасимов и др., 1941а. С. 40–53; 1941б. С. 43–58). Раскопки в этот период были эпизодичны – в 1935 году М.М. Герасимов раскопал 6 насыпей курганного мог. Доброе (Герасимов и др., 1941а. С. 45).

Следующий этап полевого изучения славянских древностей верховьев Оки и Дона приходится на 50–80-е годы XX в. В этот период в регионе началось целенаправленное изучение известных памятников IX–XI вв.

Активные полевые работы вела С.А. Изюмова. В 50–70-е годы ей были предприняты раскопки гор. Супруты и Щепилово, курганных могильников Б. Тризново, Доброе, Западное. Самые масштабные исследования были осуществлены на базовом памятнике региона – гор. Супруты, где за 11 сезонов было вскрыто 2300 кв. м культурного слоя. Полностью материалы раскопок в научный оборот введены не были; их результаты нашли отражение в ряде обзорных статей (Изюмова, 1970. С. 76; 1972б. С. 93; 1974. С. 53; 1983. С. 77–91), публикациях находок лучевых височных колец (Изюмова, 1978. С. 100–103), гончарного горна из раскопа 1967 года (Изюмова, 1972а. С. 130–133), отдельных комплексов и кладов 1969 и 1972 гг. (Изюмова, 1989. С. 206–213; 2002. С. 88–108).

В 1952–1953 гг. С.А. Изюмова вела раскопки на гор. Щепилово. Публикация материалов горизонта IX–X вв. ограничилась упоминанием некоторых находок этого времени (в том числе дирхема 906 г.) в единственной статье, посвященной памятнику (Изюмова, 1958. С. 203). Софья Андреевна осуществила раскопки вала городища, на сегодняшний день практически утраченного. Судить о его конструкции мы можем лишь на основании чертежа разреза, помещенного в отчете 1953 года (Арх. ИА РАН. Изюмова, 1953. № 840).

Помимо городищ С.А. Изюмова в 1957–1964 гг. исследовала курганы у с. Доброе, дер. Западное и Тризново. После раскопок Софьи Андреевны столь масштабных исследований на погребальных памятниках IX–XI вв. верховьев Оки и Дона не велось, а материалы работ конца XIX – 1-й половины XX вв. не были полноценно введены в научный оборот, и, в основном, безвозвратно утрачены. Публикации работ С.А. Изюмовой в журнале «Советская археология» на сегодняшний день являются наиболее информативным источником по погребальному обряду населения региона в IX–XI вв. (Изюмова, 1961. С. 252–257; 1964. С. 151–163; 1970. С. 191–201).

С.А. Изюмова проводила и разведочные работы на территории региона. Наиболее ценными на сегодняшний день являются материалы обследований гор. Таптыково и Першино (Изюмова, 1953. С. 68–79), т.к. оба эти памятника были полностью уничтожены во 2-й половине XX в. в ходе строительных работ. На этих городищах были зафиксированы горизонты IX–X вв.[2]

В 1950–1980 гг. исследование славянских древностей региона осуществляла Т.Н. Никольская. Полевых работ на памятниках Окско-Донского междуречья Татьяна Николаевна практически не вела, отдавая предпочтение левобережью Верхней Оки. Исключение составляют работы на комплексе памятников у с. Воротынцево (р. Зуша) в 1953 и 1955 гг., где помимо раскопок

[2]Осмотр места разрушения Першинского городища в 2005 г., и собранный в процессе подъемный материал подтвердил датировку памятника (Арх. ИА РАН. Наумова, 2005). При работе с сохранившейся частью разведочной коллекции С.А. Изюмовой с городища Таптыково, помимо керамики мощинской культуры, был обнаружен фрагмент донца лепного толстостенного сосуда роменского типа (Фонды ГИМ, №83491)

на площадке городища был осуществлен разрез напольного вала и вскрыт курган, расположенный поблизости (Никольская, 1959. С. 19), а так же на кург. мог. Вороново на правом берегу Оки в 1962 году (Никольская, 1964. С. 75; 1981. С. 25–26).

В 1971, 1973 и 1987 гг. краевед Н.Г. Трофимов предпринял раскопки трех курганных насыпей могильника у д. Тшлыково, содержащих остатки кремаций, помещенных в лепные сосуды роменского типа. (Арх. ИА РАН. Трофимов, 1973). Он же обследовал остатки сыродутного металлургического горна IX–X вв. у д. Бунаково в 1973 году[3].

В 1980-х гг. на территории региона исследования проводили М.Е. Смирнова, В.Г. Миронова, Г.К. Патрик, А.С. Фролов, Ю.Д. Разуваев (см. приложение 1). В основном это были разведочные работы и осмотры уже известных памятников с целью из паспортизации. При этом богатый материал для дальнейшего изучения дали раскопки М.Е. Смирновой в 1989 году сел. Уткино-1 (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989). Работы носили спасательный характер, и полноценно опубликованы не были. В 1983–1984 гг. Ю.Д. Разуваев годах провел небольшие раскопки на гор. Дубики (Разуваев, 1987. С. 121–128). На сегодняшний день это единственное исследованное раскопками городище в верховьях Дона с материалами IX–XI вв.

С конца 80-х годов работы по поиску и исследованию памятников VIII–XI вв. ведутся сотрудниками Тульской археологической экспедиции.

В период с 1995 по 2007 год А.В. Григорьев, совместно с А.В. Шековым и А.М. Воронцовым заложил восемь раскопов на площадке гор. Супруты и осуществил разрез вала. В результате была разработана дробная внутренняя хронология памятника. Финал славянского поселения на площадке городища А.В. Григорьев определял в рамках 1-й четверти X в., основываясь, преимущественно на исследовании нумизматических находок (Григорьев, 2008. С. 95–99). Так же, были предприняты раскопки и других базовых памятников –

[3]Не все работы Н.Г. Трофимова нашли отражение в научных отчетах, данные о результатах большинства из них почерпнуты из личного архива исследователя (НА ГМЗ «Куликово поле». Б.н).

сел. Торхово-3, гор. Тимофеевка (совместно с А.В. Шековым) и Снедка. Именно эти исследования стали базовыми для понимания этнокультурной ситуации на территории междуречья верховьев Оки и Дона в IX–X вв.

В 1998–2017 гг. разведки и раскопки в верховьях Дона вел М.И. Гоняный. Работы касались сел. Устье-2, на котором, посредствам многолетних планшетных сборов, была собрана коллекция предметов IX–X вв., и раскопками изучено несколько жилых и хозяйственных комплексов этого времени. При интерпретации памятника, исследователь опирался на труды А.В. Григорьева, и ограничивал время существования поселения IX – началом X в. (Гоняный, 2017. С. 165–170; 2020. С. 62–101).

Раскопки сел. Слободка-1 на р. Шат (правый приток Упы), которые предпринял Г.А. Шебанин в 1999–2001 годах, дали ценные материалы для понимания особенностей сельскохозяйственного производства населения региона в исследуемый период и функционирования важного отрезка торгового пути о р. Шат. Материалы этих раскопок опубликованы автором работ совместно с соискателем (Шебанин, Колоколов, 2023. С. 208–235). В результате многолетних работ Ю.Г. Екимова на поселении Каменка-1 на р. Вырка (левый приток Оки), был выделен комплекс материалов VIII–X вв. Результаты работ так же были опубликованы (Екимов, Колоколов, 2023. С. 208–235).

Необходимо отметить и синхронные исследования древностей интересующей нас эпохи на территории ближайшего сопредельного региона – северо-западной части Верхнего Поочья, которые с начала 90-х гг. по сегодняшний день проводит О.Л. Прошкин. С 1991 года О.Л. Прошкин проводил исследования на знаковом памятнике левобережья Верхней Оки – гор. «Чертово Городище». Материалы этих работ легли в основу монографического труда, посвященного изучению левобережья верхней Оки в период славянской колонизации – «Чертово Городище. Освоение славянами Верхнего Поочья» (Прошкин, 2011). Работы на памятнике продолжались и позже: в 2012 году был осуществлен разрез южного вала, материалы которого очередной раз подтвердили принадлежность укреплений славянскому этапу

существования памятника (Прошкин, Терещенко, 2021. С. 204–217). Помимо исследований «Чертова Городища», следует отметить раскопки на гор. Козельск (Нигматулин и др., 2005), и работы на гор. Таруса (Фролов, Прошкин, 2011) в результате которых на этих памятниках были выявлены слои IX–X вв.

В заключение обзора, следует обратить внимание на одну важную особенность археологических полевых работ на территории региона в XX – первом десятилетии XXI в., которая была учтена автором диссертации, при планировании разведочных маршрутов и выборе памятников для раскопок. На протяжении прошлого и в начале нынешнего столетия масштабным раскопкам подвергались памятники, расположенные на берегах наиболее крупных рек региона – Ока, Упа, Красивая Меча, Зуша. По этим же магистралям проходили и основные разведочные маршруты. При этом памятники, расположенные в глубине лесной зоны, на мелких ручьях и овражках, за редким исключением, не привлекали внимания исследователей, либо были просто не известны. Это вполне объяснимо – доступ к таким объектам и сейчас крайне затруднен, а коллекции происходящие с них довольно скудны. Тем не менее, такая особенность подхода к полевому изучению региона привела к образованию хронологической лакуны 2-й половины X в., и слабой изученности поселений конца X – 1-й половины XI в., т.к. памятники этого времени концентрируются именно в тех местах, которые привлекали наименьшее внимание археологов прошлого столетия.

В период с 2008 года по настоящее время полевые исследования памятников VIII – 1-й половины XI в. в верховьях Оки и Дона ведутся Е.В. Столяровым, И.С. Простяковым, Т.А. Полукеевой, Е.О. Володиным, при активном участии в них А.М. Колоколова – автора диссертационного исследования.

Сейчас известно 126 памятников, которые содержат интересующие нас слои (рис. 4). Из них раскопками изучено 38, остальные известны по разведочным работам. Материалы большинства раскопок не изданы, многие коллекции работ 1-ой половины XX в. утрачены либо находятся в

депаспартизированном состоянии и малопригодны для исследований. Для воссоздания этнокультурной картины региона наиболее информативны комплексы, исследованные в период с конца 80-х годов XX в. по настоящее время. Эти работы связаны, в основном, с деятельностью тульских археологов – сотрудников ТАЭ, экспедиций ТОКМ и ГУК ЦОИПИК. Немалую роль сыграли исследования коллег из сопредельных регионов – сотрудников экспедиций ВДАЭ ГИМ, КГОКМ.

Информация обо всех полевых работах на памятниках с горизонтом VIII – 1-й половины XI в., расположенных в верховьях Оки и Дона в период с конца XIX в. по настоящее время представлена в Приложении 1.

Следует так же привести краткий обзор, посвящённый изучению памятников мощинской культуры, так как эти древности являются важным элементом дальнейшего изложения. В основном, история их исследования повторяет предыдущее повествование, т.к. большинство базовых памятников IX–X вв. расположены на территории мощинских поселений и их полевое изучение в конце XIX – XX в. осуществлялось параллельно. Так, горизонт мощинской культуры представлен на упомянутых выше гор. Федяшево, Поречье, Супруты, Торхово, Щепилово, Таптыково, Петровское, Першино, Акиньшино, Дуна, сел. Торхово-3, Уткино-1. Целенаправленное изучение памятников мощинской культуры началось в конце XX – 1-м десятилетии XXI в., и связано с работами А.М. Воронцова. Им были проведены работы на гор. Борисово, Ново-Клеймёново, Картавцево (Воронцов, 2013. С. 11–14). Особо следует отметить раскопки на гор. Акиньшино в 2010–2011 гг., где были выявлены материалы VII в., относящиеся к финалу мощинской культуры на Верхней Оке (Воронцов, 2016. С. 221–260). Результаты этих работ позволили предметно обозначить проблему хронологической лакуны между бытованием мощинской культуры в верховьях Оки и массовым заселением Окско-Донского региона славянами в IX в. Разработанная А.М. Воронцовым подробная типология посуды мощинской культуры (Воронцов, 2013. С. 90, рис. 10), позволила предположить в ряде керамических форм из комплексов IX–X вв.

продолжение мощинских традиций, и получить такими образом дополнительный материал для заполнения хронологического разрыва (см. гл. 3).

1.2.
Историография изучения славянских древностей верховьев Оки и Дона.

Осмысление процесса славянского освоения территории в интересующий нас период неразрывно связано с историей открытия и изучения роменской археологической культуры. Древности этого круга вошли в научную литературу под своим именем с начала XX в., после работ Н. Е. Макаренко в верховье реки Сулы в районе города Ромны. Благодаря исследованиям А.А. Спицына в 1905 году и П.П. Ефименко конца 20-х годов на Большом и Малом Боршевских городищах в Подонье, в научный обиход вошел термин «боршевская культура». В дальнейшем, исследователи неоднократно обращали внимание на близкую схожесть этих культур, объединяя их под общим названием «роменско-боршевская» (См. напр. Ляпушкин, 1947; 1957), либо, напротив, подчеркивали их отличие и утверждали недопустимость такого объединения (Сухобоков, 1975. С. 144–146). История изучения этих древностей на территориях Поднепровья, Подесенья и Посемья – тема отдельного исследования и далеко выходит за рамки данной диссертации. Историографические обзоры по этой теме весьма полно представлены в работах В.В. Енукова, А.В. Григорьева, А.В. Комара (Григорьев, 2000. С. 5–12; Енуков, 2005. С. 51–56; Комар, 2012. С. 128–140).

Необходимо отметить, что на протяжении всего XX в. различными исследователями, для обозначения славянского населения верховьев Оки и Дона использовался летописный этноним «вятичи». Реже вятичами называли синхронное славянское население лесостепного Подонья. При рассмотрении истории изучения славянских древностей региона, мы, вслед за авторами

трудов по этой проблематике, также будем пользоваться этим термином. При этом следует помнить, что наименование «вятичи» в научной литературе применяли и в более широком смысле по отношению к населению Верхнеокского региона всей эпохи домонгольской Руси.

Попытки систематизации археологических материалов Окско-Донского региона эпохи средневековья предпринимались еще в середине XIX в. Публикации этого времени ограничивались сводами с описанием наиболее ярких, выделяющихся в рельефе памятников – городищ и курганов, в том числе относящихся к периоду славянского освоения территории (см. напр. Сахаров, 1851.; Афремов, 2008). В их число попали гор. Лобынское, Нижняя Городня, Фурсово-2, Жабынь (Сахаров, 1851. С. 16–29).

Первый этап целенаправленного изучения славянских древностей региона приходится на конец XIX – 1-ю половину XX в. Он характеризуется первыми попытками интерпретации накопленных к тому времени материальных источников. Осмысление археологических данных, в основном, базировалось на летописных сообщениях о расселении славянских племен и дальнейшей судьбе племенного союза «вятичей».

Публикации дореволюционных исследователей сводились, в основном, к интерпретации материалов отдельных исследованных памятников, однако славянские древности уже были выделены ими из массы археологических находок многослойных поселений. Так, В.А. Городцов датировал ранние слои Федяшевского городища VI в., а верхние слои – IX–X вв., при этом полагая, что все древности поселения принадлежали славянскому племени вятичей (Городцов, 1898а. С. 223). К этому же культурному кругу он отнес еще ряд обследованных им памятников Окского бассейна: курганы и поселение на правом берегу р. Оки у с. Песковатое, курганный могильник Воронец, и гор. Фурсово-2 (Городцов, 1898а; 1898б; 1998в). Ю.Г. Гендуне в материалах гор. Дуна выделяла группу славянской керамики (Гендуне, 1903). К славянским древностям она отнесла также материалы раскопок курганов у с. Доброе и дер. Западное (Наумова, 2019. С. 186, 190).

Впервые, попытку локализации расселения «вятичей» на основании археологических источников предпринял А.А. Спицын, в контексте определения границ племенных союзов. Исследователь опирался на немногочисленные данные раскопанных курганов и находки арабских монет (Спицын, 1899. С. 333–334).

Первая обобщающая работа, посвященная, рассмотрению славянских древностей региона и сопредельных территорий, вышла в 1930 г. – «Курганы вятичей» А.В. Арциховского. В задачи исследования входило определение границ расселения летописных вятичей на основании археологического материала, а так же систематизация вятических древностей. В качестве основания для демаркации расселения племенного союза был выбран характерный вещевой материал из ингумационных захоронений: лопастные височные подвески, пластинчатые браслеты с загнутыми окончаниями, хрустальные и стеклянные шарообразные бусы (Арциховский, 1930. С. 113). Эти погребения исследователь разделил на три периода: XII, XIII, и XIV в. (Арциховский, 1930. С. 150). При этом, А.В. Арциховский выделяет и кремационные захоронения, актуальные для исследуемой нами темы, однако, по причине малого количества вещевых находок, к вятическим причисляет их условно (Арциховский, 1930. С. 105). Артемий Владимирович упоминает так же, о некоторой условности применения этнонима «вятичи» к древнерусским материалам исследуемого региона: «…всюду употребляемый мною термин „вятичи" до некоторой степени является, поскольку дело идет о XIII и XIV вв., условным. В XIV в. этот термин, конечно, уже не употреблялся. Последнее летописное упоминание о вятичах относится к 1197 г. Но археологи узнают это племя по тем многочисленным женским украшениям, границы распространения которых совпадают с историческими границами земли вятичей. Это совпадение в XIV в. остается такое же, как в XII в.» (Арциховский, 1930. С. 151).

Во 2-й половине XX в. появляются обобщающие исследования археологов-славистов, где материалы VIII–XI вв. верховий Оки и Дона в числе

других историко-географических областей Восточной Европы рассматриваются в рамках проблемы расселения славян и в контексте истории Древнерусского государства. В реалиях археологии эти процессы отразились в появлении, распространении и исчезновении памятников роменской культуры.

К вопросу славянской колонизации верховьев Оки и Дона обращался известный археолог-славист И.И. Ляпушкин, основные научные интересы которого относились к синхронным древностям Днепровского Левобережья. В своих трудах он подчеркивал ведущую роль трансконтинентальной торговли в процессе освоения Окско-Донского региона славянским населением и важную посредническую роль Хазарского каганата, которая в дальнейшем, перешла к Волжской Булгарии (Ляпушкин, 1968. 149–153). И.И. Ляпушкин предложил объединить славянские древности Левобережного Поднепровья и Подонья под общим названием «роменско-боршевская культура» (Ляпушкин, 1947; 1957). С ней он связывал и население Окско-Донского междуречья, ограничивая время бытования древностей этого круга на территории региона VIII–X вв. При этом, И.И. Ляпушкин подчеркивает культурную общность славянских памятников Днепровского Левобережья, Подонья и Верхней Оки, признавая любые попытки их разделения несостоятельными. (Ляпушкин, 1968. С. 89).

Более подробно и аргументированно процесс освоения славянским населением региона верхней Оки и Дона раскрыл В.В. Седов, считавший, что в Верхнем Поочье, ранее занятом представителями мощинской культуры, славяне (вятичи) появились в результате миграции населения роменской культуры с юго-западных территорий (Седов, 1982. С. 148). Позднее в качестве начального этапа этого процесса Валентин Васильевич рассматривал продвижение в бассейн Верхней Оки волынцевского населения в VIII в. Отсутствие же на территории региона ярких материалов этого типа он объяснял «постепенной инфильтрацией носителей волынцевских древностей». Аналогичная схема предлагалась им и для Верхнего Подонья (Седов, 1995. С. 197–199; 1999. С. 58, 59).

В монографии 1959 г. Т.Н. Никольская на основании всех известных к тому времени археологических данных представила карту и материалы памятников Верхнего Поочья железного века и раннего средневековья. При этом, в отличие от упомянутых выше исследователей, Татьяна Николаевна лично проводила полевые работы на памятниках региона (см. п. 1.1). Обращаясь к вопросам этнокультурной принадлежности памятников 2-й половины I тыс. и времени появления на Оке вятичей, автор подчеркивала единство материальной культуры вятичей и северян в рамках роменской культуры, считая возможным предполагать появление славянского населения в Верхнеочье в IV–V вв. со стороны бассейна Десны (Никольская, 1959. С. 57, 78, 79, 84).

Иную версию славянского освоения Окско-Донского региона предложил П.Н. Третьяков. Он предполагал генетическую связь роменской культуры с балтскими культурами Поочья, и считал, что именно они послужили основой сложения роменской культуры, которая затем распространилась на юг и юго-восток (Третьяков, 1982. 7–8). Основой для такого вывода послужила орнаментация лепной посуды роменского типа веревочным штампом, которую исследователь связывал с традициями мощинской культуры. (Третьяков, 1969. С. 78–90). Поддержки коллег и дальнейшего развития эта гипотеза не получила.

Вторая обобщающая работа Т.Н. Никольской в которой славянские древности рассматривались в контексте древнерусской истории региона, была издана спустя 22 года (Никольская, 1981). В монографии древности верховьев Оки и Дона рассмотрены в хронологических рамках VIII – конца XI в.: от начала заселения региона славянскими племенами, до окончательного подчинения вятичей Древнерусскому государству. Материалы этого времени Татьяна Николаевна связывала с носителями роменской культуры, сам же период именовала «ранневятическим», отделяя его от собственно «вятического» этапа, связанного уже с древнерусской историей региона (Никольская, 1981. С. 12–41). При этом нижняя хронологическая граница – VIII в., определена общепринятой на тот момент датой возникновения роменской

культуры, а верхняя – летописными данными о походах Владимира Мономаха на вятичей (Никольская, 1981. С. 287–288). Территория расселения вятичей очерчена на основании распространения курганов с кремациями (Никольская, 1981. С. 41). Исследовательница особо выделяла правобережную группу укрепленных поселений как наиболее ранних, возникших в ответ на угрозу вторжения со стороны лесостепного Подонья (Никольская, 1981. С. 19–25). В целом, Т.Н. Никольская рассматривает «ранневятический» период как хронологически единый, не выделяя внутри него отдельных этапов.

Одним из дискуссионных вопросов в изучении материальной культуры славян верховьев Оки и Дона, являлась ее связь с синхронными древностями населения Среднего Подонья. По этому поводу высказывались преимущественно исследователи среднедонских памятников, в частности А.Н. Москаленко и А.З. Винников.

А.Н. Москаленко, хотя и признавала определенную связь материальной культуры верхнеокских и среднедонских славян, но, в то же время подчеркивала различия в погребальном обряде, керамике, конструкции жилищ и отопительных сооружений. Она предлагала рассматривать древности северян, вятичей и донских славян как разные археологические культуры, термин «роменско-боршевская культура» считала недопустимым (Москаленко, 1965. С. 69–73; 1966. С. 142–144; 1981. С. 147–148). В этом вопросе ее поддерживал исследователь славянских древностей Поднепровья О.В. Сухобоков. (Сухобоков, 1975. С. 144–146). А.З. Винников, напротив, отмечал родственность материальной культуры верховий Оки и Дона и Среднего Подонья и относил время проникновения славян на Верхнюю Оку к VIII в. Этнокультурную же общность жителей двух сопредельных регионов объяснял миграцией населения на территорию лесостепного Подонья из Верхнего Поочья, произошедшей не ранее середины IX в. (Винников, 1995. С. 116–126).

Таким образом, можно выделить ряд особенностей, характерных для восприятия этнокультурной ситуации в регионе исследователями в 50–80 гг. Население верховьев Оки и Дона эпохи формования Древнерусского

государства единодушно воспринималась учеными как часть восточнославянского мира, сформировавшееся на этой территории в результате миграции с территории Днепровского Левобережья. Исследователи отмечали близкую родственность материальной культуры славян Окско-Донского междуречья с древностями роменской и боршевской (роменско-боршевской) культур. Процесс славянского освоения региона в VIII–XI вв. рассматривался как хронологически монолитный, попыток выделения отдельных его этапов не предпринималось. Выводы об этнокультурной ситуации в регионе базировались, в основном, на материалах курганных могильников. Особенности погребального обряда сопоставлялись с синхронными древностями сопредельных территории, и соотносились с летописными сведениями о расселении славян. При этом материальная культура поселенческих памятников использовались в качестве вспомогательных данных. Исключение составляют материалы Супрутского городища, однако объем публикаций, посвященных исследованиям памятника, был явно не сопоставим с объемом проведенных на нем раскопок.

Современное понимание процесса заселения славянскими племенами междуречья Оки и Дона сложилась благодаря работам сотрудника ТАЭ А.В. Григорьева. В 2000 г. вышла первая монография А.В. Григорьева, где древности нашего региона рассматриваются исследователем в комплексе с материалами Днепровского лесостепного левобережья (Григорьев, 2000). Главным трудом ученого стала вышедшая в 2005 году книга, посвященная славянским древностям водораздела Оки и Дона (Григорьев, 2005б), которая на сегодняшний день является базовой работой по указанной теме.

Помимо монографических трудов, в период с 1996 по 2014 год А.В. Григорьевым выпущено более 30 статей, посвященных проблемам славянской археологии верховьев Оки и Дона, а так же публикации материалов отдельных памятников, комплексов и категорий материальной культуры исследуемого региона (см. Список опубликованных работ…, 2021. С. 27–28). Александр Вадимович четко сформулировал версию существования и активного

функционирования Верхнеокского участка Донского торгового пути, определил его основные магистрали, опорные пункты, вероятные участки волоков (Григорьев, 2006а. С. 51–60)

А.В. Григорьев впервые предложил дробную хронологию славянских древностей региона (Григорьев, 2005б. С. 133–143). Согласно ей, бытование славянских памятников на территории верховьев Оки и Дона делится на три периода: ранний (IX – 1-я четверть X в.), средний (2-я – 3-я четверть X в.) и поздний (последняя четверть X–XI в.). Памятники среднего периода он выделял гипотетически, но это позволило автору данной диссертации скорректировать вектор полевых работ, и фактически подтвердить схему, предложенную А.В. Григорьевым, с некоторыми коррективами хронологических рамок выделяемых этапов (Григорьев, 2005б. С. 14–16, 141–143).

Следует отметить, что в своих построениях А.В. Григорьев, в отличие от предшественников, опирался в основном на материалы раскопок поселенческих памятников: сел. Торхово-3 и Уткино-1, гор. Супруты, Щепилово, Тимофеевка. Все эти памятники расположены в бассейне р. Упы – правого притока Оки.

Параллельно с А.В. Григорьевым исследованиями славянских древностей ближайшего сопредельного региона – Верхнеокского левобережья, занимался Олег Леонидович Прошкин. Он так же рассматривает появление древностей роменского типа на Верхней Оке в рамках первого этапа славянского освоения (2-я половина IX – 1-я половина XI в.), населением из Подесенья, Верхнего Подонья и Верхнего Поднепровья (Прошкин, 2003. С. 42–48).[4] Базовый для левобережья Оки памятник – гор. «Чертово Городище», О.Л. Прошкин интерпретирует в качестве локального культового места, подчеркивая при этом его синхронность и культурную общность с Супрутским городищем (Прошкин, 2011. С. 72–73; Прошкин, 2016. С. 113–119).

[4]В 2001 году О.Л. Прошкин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период».

Вопрос существования и функционирования участка торгового пути на территории исследуемого региона, неразрывно связан с изучением находок монетного серебра, происходящих из кладов и комплексов поселений. Сведения о кладах и отдельных находках восточных монет VIII–X вв. с территории Верхнего Поочья представлены в трудах исследователей конца XIX – XX в.: А.И. Черепнина (Черепнин 1892), А.К. Маркова (Марков 1910), В.В. Кропоткина (Кропоткин, 1971; 1978) и др.[5] Наиболее полный свод и анализ восточного монетного серебра с территории Поочья предпринят в диссертации А.А. Гомзина (Гомзин 2013). Нумизматическим находкам с территории изучаемого региона посвящен ряд статей исследователя (Гомзин, 2022; Гомзин, Прошкин, 2023; и др.).

Помимо общих проблем славянской колонизации региона, следует особо обратить внимание на вопрос, до настоящего времени вызывающий острые дискуссии среди специалистов – характер и время гибели поселения IX–X вв., расположенного на площадке Супрутского городища.

В обзорных работах С.А. Изюмова предлагала различные версии времени гибели поселения. Так, в ранних работах гибель городища связывалась с походом на вятичей князя Владимира Святославича в 981 г. (Изюмова, 1971. С. 76), в более поздних – с походом 965 г. Святослава Игоревича (Изюмова, 1983. С. 90; 1998. С. 114–116; 2002. С. 88–108). Поскольку эти предположения не были основаны на анализе вещевого комплекса памятника, они имели, скорее предположительный характер.

А.В. Григорьев датировал финал поселения в рамках 1-й четверти X в. В отличие от него, курские исследователи А.В. Зорин и А.Г. Шпилев, связывали гибель Супрутского городища с событиями русско-северянской войны 884 г. (Зорин, Шпилев, 2009. С. 408; Шпилев, 2018. С. 107). К североевропейским материалам памятника, а именно предметам конской упряжи, в работах посвященных формирования древнерусского уздечного набора обращался В.В.

[5]Историографический обзор изучения восточного монетного серебра приведен в диссертации А.А. Гомзина (Гомзин, 2013. С. 13–30).

Новиков (Новиков, 2009, 2012). Исходя из анализа этой категории находок был сделан вывод, что финал поселения не мог наступить ранее середины X в. В это же время, к материалам Супрутского городища из раскопов С.И. Изюмовой обращалась В.В. Мурашева, опубликовав ряд знаковых находок из комплекса памятника (Мурашова, 2012 С. 103–106; 2021. С. 128–140; 2020. С. 144–150). В том числе она, вслед за С.А. Изюмовой, опубликовала комплекс супрутского клада 1969 года (Мурашова, 2008). На основании анализа находок скандинавского круга, обнаруженных на памятнике, В.В. Мурашова рассматривала поселение IX–X вв. на площадке городища как административно-торговый центр региона находящийся под контролем североевропейской дружины (Мурашева, 2011. С. 72).

Отдельно следует осветить историю формирования представлений о древностях круга Сахновки, с которыми связан предроменский этап освоения славянами территории региона. На территории верховий Оки и Дона группа этих древностей выделена автором диссертации в результате работ последних лет. До этого временной отрезок между финалом мощинской культуры и началом освоения региона славянским населением являлся белым пятном на хронологической шкале. Существование лакуны VIII в. отмечал и А.В. Григорьев. Однако, находки характерны гончарных сосудов с лощением и высоким прямым венчиком на гор. Супруты, сел. Уткино-1 и Торхово-3 он связывал не с материалами VIII в., а с финальным этапом волынцевских древностей, которые, по его мнению, продолжают существовать в бассейне Верхней Оки после 1-й четверти IX в. (Григорьев, 2004. С. 23–25; 2005. С. 143–144).

Древности круга Сахновки являются ранним этапом волынцевской культуры, выделенной Д. Т. Березовцом в результате раскопок в 1948–1950 гг. поселений и могильников в районе села Волынцево Сумской области (Березовец, 1952. С. 242–250). Наиболее полную историю изучения волынцевских древностей на территории Поднепровья, Подесенья и Посемья можно почерпнуть из обзорных работ В.В. Енукова, А.В. Комара, Е.А.

Шинакова, А.А. Чубура. (Енуков, 2005. С. 51–56; Комар, 2012. С. 128–140; Шинаков, Чубур, 2018. С. 183–185).

Группа памятников типа Сахновка выделена О.М. Приходнюком из древностей лесостепной зоны Днепровского правобережья и датирована им серединой VII – серединой VIII в. (Приходнюк, 1980. С. 47–49, 126; Приходнюк, Казанський, 1978. С. 43–47). И.П. Русанова и ряд других исследователей соотносят их с ранним этапом райковецкой (Луки-Райковецкой) культуры, датируемым около рубежа VII/VIII – рубежа VIII/IX вв., при вероятном удревнении нижней хронологической границы для ряда территорий (Гавритухин, 2024а. С. 89–90). Попытки некоторых украинских исследователей пересмотреть термин и рассматривать памятники типа Сахновки в качестве узколокальной группы, не получили у большинства специалистов поддержки (см. обзоры: Гавритухин, 2018. С. 56; 2024а. С. 88).

Термин «древности типа Сахновка» в основном используется в отношении материалов раннего (первого, по О.А. Щегловой) этапа памятников волынцевского типа, для которых характерно отсутствие круговых «волынцевских» сосудов (основной тип: горшки с прямым венчиком, лощеные, часто черные, нередко с пролощенным орнаментом) (Щеглова, 1986; 1996; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 146–148). Его финал (т.е. начало следующего этапа) исследователи связывают с экспансией Хазарского каганата в лесостепь и юг лесной зоны Днепровского Левобережья в 730-е гг. или несколько позднее, а центр распространения волынцевской круговой керамики (вероятно, и опорный пункт хазарского контроля над регионом) соотносят с городищем Битица (близ совр. г. Сумы). Т.е. на территориях, значительно отдаленных от Битицы, второй этап мог наступить позднее или не наступить вовсе, и сахновский этап длился вплоть до роменской эпохи, сменяющей волынцевскую. Начало же первого этапа соотносится с финалом колочинской и пеньковской культур, который маркирует выпадение кладов типа Мартыновки около 3-й четверти VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996; Обломский, Родинкова, 2014).

Обозначение «древности типа Сахновки – Волынцево» нередко применяют для обобщенной характеристики памятников Левобережья Днепра и бассейна Северского Донца, существовавших между колочинско-пеньковским и роменским этапами, т.е. датирующихся в пределах 2-й половины / конца VII – VIII / начала IX в. (Казанский, 2014. С. 72–74; Обломский, Родинкова, 2014. С. 391–392; и др.). Наряду с ним используются также термины волынцевская культура (напр., Енуков, 2024) и памятники волынцевского типа.

ГЛАВА 2.
ДАННЫЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Перед тем как приступить к анализу материальной культуры населения верховьев Оки и Дона конца I – начала II тыс. н.э., необходимо кратко охарактеризовать комплекс немногочисленных исторических источников, содержащих информацию об этнокультурных процессах на территории региона в интересующий нас период. На сегодняшний день, в распоряжении историков имеются всего два таких источника: Повесть временных лет и Киево-Печерский патерик.

Согласно Повести временных лет, исследуемая территория на рубеже первого и второго тысячелетий была заселена крупным племенным союзом – вятичами. Все письменные данные, говорящие нам об этнополитической ситуации на территории верховьев Оки и Дона в IX–XI вв. заключаются в нескольких упоминаниях «вятичей» в Повести временных лет.

Упоминания о вятичах фигурируют в наиболее ранней части летописи, повествующей о расселении славянских племен. В датированной части ПВЛ вятичи упоминаются в период с 859 по 988 г. Более поздние письменные свидетельства о них связаны с событиями конца XI – начала XII в., и содержатся в «Поучении Владимира Мономаха» и «Киево-Печерском Патерике» (ПЛДР, 1980. С. 494). В дальнейшем память о них образовании некоторое время сохраняется в названии северо-восточной волости Черниговского княжества – «Земли вятичей», занимавшей часть их племенной территории (Зайцев, 2016. С. 111). Наиболее поздние упоминания вятичей содержатся в Ипатьевской летописи в связи с событиями междоусобной войны середины XII в. Последний раз они упоминаются в летописи под 1197 годом.

Отдельного упоминания заслуживает географическое обозначение «Вантит», известное по сообщениям арабских авторов. Оно встречается в книге Ибн Русте «ал-Алак ан-нафиса», в анонимном географическом сочинении X в. «Худуд ал-алам», а так же в историческом произведении «Зайн ал-ахбар» Абу Саида Абд аль-Хайя Гардизи (Новосельцев, 1965. С. 393–394). Некоторые

историки отождествляли это обозначение с областью расселения вятичей (Ф. Вестберг, В.Ф. Минорский, Т. Левицкий) (Новосельцев, 1965. С. 394). Большинство археологов-славистов XX в. считали Вантит конкретным населенным пунктом, расположенным на территории Лесостепного Подонья (Рыбаков, 1969. С. 194). Поселение отождествляют с различными крупными археологическими памятниками Подонья: городищем Титчиха (Москаленко, 1981. С. 79; Винников, 1996. С. 72); Животинным городищем (Моця, Халиков, 1997. С. 136); комплексом памятников на правом высоком берегу р. Воронеж у северной окраины современного города Воронеж (Пряхин, 1997. С. 109–117). Все перечисленные памятники выходят далеко за географические рамки настоящего исследования.

Попытки реконструкций этнополитической ситуации на территории Окско-Донского региона в интересующий нас период на основании скудных письменных данных в разное время предпринимались в работах отечественных историков XVIII–XX вв. Эти же данные регулярно упоминаются в работах советских археологов: А.В. Арциховского (Арциховский, 1930), П.Н. Третьякова (Третьяков, 1953), Т.Н. Никольской (Никольская, 1980), Б.Д. Грекова (Греков, 1949) и Б.А. Рыбакова (Рыбаков, 1982), В.В. Седова (Седов, 2002) и др. Наиболее современной работой по истории Верхнего Поочья IX–XI вв., основанной на материалах письменных источников, является обзорный труд А.А. Майорова «Верхнеокские вятичи» (Майоров, 2023).

Приведем цитаты из Повести временных лет, где прямо упоминаются вятичи, с которыми традиционно связывается славянское население верховьев Оки и Дона, в контексте интересующей нас эпохи.

«...Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата в Лясехъ, Радимъ, а другий Вятко, и пришедъша и седоста Радимъ на Съжю, (и) прозвашася Радимичи, а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце, отъ негоже прозвашася Вятичи» (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 11–12.)

859 г.: «В лето 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словенехъ, и на Мери, и на всех, (и на) Кривичах; а Козари имаху на Полянехъ,

и на Северехъ и на Вятичехъ, имаху по белей веверице отъ дыма» (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 18).

907 г.: «...поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци … (И) съ сими со всеми поиде Олегъ на конехъ и на кораблехъ» (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 29)

964 г.: «...посылаше къ странамъ, глаголя: «хочу на вы ити.» И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи, и рече Вятичемъ: «кому дань даете?» Они же реша: «Козаромъ по щьлягу отъ рала даемъ (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 64–65).

966 г.: «Вятичи победил Святослав и дань на них возложил» (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 65).

981 г.: Владимир «вятичи победил и возложил на них дань от плуга яко же отец его имал». (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 81–82).

Рубеж 70–80 гг. XI в.: «...въ Вятичи ходихомъ по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму» (ПСРЛ. Т.1, 1872. С. 238).

«И Радимичи, и Вятичи и Северъ одинъ обычаи имяху: живяху в лесехъ якоже (и) всякий зверь, ядуще все нечисто, (и) срамословье в нихъ предъ отьци и предъ снохами, (и) браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы схожахуся на игрищ а на плясанье и на вся бесовьская игрища, и ту оумыкаху жены собе, с неюже кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. (И) аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху всудину малу, и поставляху на столпе на путехъ, еже творять Вятичи и ныне. Си же творяху обычая Кривичи (и) прочии погани, не ведуще закона Божия, но творяще сами собе закон» (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 12–14).

Таким образом, крайняя скудность исторических данных заставляет обратиться к археологическим материалам, которые, применительно к исследуемому периоду, являются практически единственным источником для реконструкции этнокультурой ситуации в междуречье Оки и Дона на рубеже тысячелетий. Кроме того, сведения из датируемой части летописи, относятся к

IX–X вв., для предшествующего же периода исторических данных нет вовсе. Именно этому этапу, предваряющему массовую колонизацию региона носителями культур славянского круга, посвящена следующая глава.

ГЛАВА 3.
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В VIII ВЕКЕ.

Непосредственно периоду славянского освоения верховьев Оки и Дона предшествует эпоха Великого переселения народов, которая характеризуется бытованием на территории региона древностей мощинской археологической культуры. На Верхней Оке наиболее ранние памятники мощинской культуры появляются к середине III в. Они возникают в результате трансформации почепской культуры, сформировавшейся в бассейне Десны. В начале III в. носители древностей типа Почеп, относящихся к позднезарубинецкому кругу (Обломский, 2002. С. 10–20), вытесняется из Подесенья, где в это время формируется группа памятников деснинского варианта киевской культуры, и перемещается на Верхнюю Оку (Воронцов, 2022. С. 146).

Памятники мощинской культуры расположены по берегам Верхней Оки и ее притоков. Наиболее западный ареал охватывает верховья р. Угра (левый приток р. Ока) и небольшой участок бассейна верхнего Днепра (рис. 5). На раннем этапе мощинской культуры поселения представлены исключительно городищами, селища возникают лишь к середине I тысячелетия. Погребальные памятники немногочислены, и представлены группой курганных могильников в бассейне р. Угра – Шаньково, Почепок, Кажаки, Дубровка, Дюкино (Воронцов, 2022. С. 148).

Керамический комплекс мощинской культуры состоит исключительно из лепной посуды. Она представлена горшками с грубой и лощеной поверхностью, лощеными мисками, глиняными сковородами. Наиболее характерные формы – горшки с высоким венчиком и резким переходом от плечика к венчику и ребристые миски с цилиндрическим или раструбовидным верхом (рис. 7) (Воронцов, 2013. С. 90, рис. 10).

Финал памятников мощинской культуры, приходится на середину – 2-ю половину VII в. Материалы VI–VII вв. зафиксированы на городищах Акиньшино, Борисово, Воротынцево, Картавцево (рис. 5: 12, 67, 87, 95). Одно

из них, самое позднее городище Акиньшино (рис. 5: 12) гибнет в результате штурма, о чем свидетельствуют многочисленные находки в его слое трехлопастных наконечники стрел, характерных для степного комплекса вооружения. Основанием для датировки наиболее поздних слоев мощинских памятников являются находки предметов ременной гарнитуры геральдического стиля (Воронцов, 2016. С. 227–228).

Примерно этим же временем датируется финал позднедьяковской культуры в бассейне Москвы (Кренке, 2016. С. 261–332) и исчезновение основной части рязано-окских памятников в среднем течении Оки (Ахмедов, 2010. С. 16). Не выходят за рамки середины VII в. и материалы колочинской культуры, обнаруженные в верховьях Оки в последние годы (Радюш, 2017. С. 87; Никитина, Дударев, 2019. С. 181).

До недавнего времени, период, наступивший после финала мощинской культуры, и продолжающийся до начала массового заселения региона носителями древностей роменского типа представлял собой хронологическую лакуну, длительностью более столетия, охватывающую конец VII – VIII в. (Григорьев, 2005б. С. 143). Отсутствие известных памятников этого времени не позволяло ясно представить картину начального этапа славянской колонизации региона

А.В. Григорьев предполагал, что в этот период на Верхней Оке сохранялись небольшие группы мощинского населения, которые вступали в контакт со славянскими переселенцами уже в IX в. В поддержку этого утверждения Александр Вадимович приводит данные гидронимики, в частности – балтское название река Упа, сохранившееся до наших дней, и свидетельствующее о преемственности между балтскими и славянским населением (Григорьев, 2005б. 143–144). В пользу этой версии говорит и предположение В.В. Седова, относительно традиции сооружения деревянных погребальных камер в курганах, возникшей в балтской среде, и получившей свое развитие в славянском погребальном обряде (Седов, 1973. С. 16).

Помимо аргументов В.В. Седова и А.В. Григорьева, на существование носители мощинских культурных традиций в период VIII в., а возможно и далее, указывают отдельные находки керамических сосудов мощинских типов в жилых постройках IX–X вв. Таких комплексов на сегодняшний день известно всего два. Один из них – постройка XXII на сел. Каменка-1 (Екимов, Колоколов, 2023. Рис. 8–11). От нее сохранился котлован подпрямоугольной формы, в северо-западном углу которого располагались остатки печи-каменки, типичной для славянских древностей региона IX–X вв. Под развалом печи было in situ зафиксировано скопление фрагментов груболепных роменских сосудов, среди которых был обнаружен неполный развал чернолощеной мощинской миски (рис. 7: 3) типа V по А.М. Воронцову (рис. 7: 4) (Воронцов, 2013. С. 90, рис. 10). Условия обнаружения миски дают основания говорить о синхронности бытования керамики обеих традиций в контексте данного сооружения.

Второй объект, где зафиксировано одновременное существование посуды роменской и мощинской традиций – постройка 1 раскопа XXVII на гор. Супруты, где наряду с множественными фрагментами и формами сосудов роменского типа, был in situ зафиксирован развал мощинского горшка (рис. 7: 1) (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002, рис. 59: 1; Колоколов, 2011. С. 52, рис. 1) типа VI по А.М. Воронцову (рис. 7: 4) (Воронцов, 2013. С. 90, рис. 10). Постройка, согласно хронологии памятника, разработанной А.В. Григорьевым, относится к IV периоду существования славянского поселения (Григорьев, 2008. С. 95–99), который предшествует его гибели в середине – 2-й половине X в. (Колоколов, 2023д. С. 24–43).

Кроме того, из постройки 2 раскопа XXV происходит лепной сосуд (рис. 7: 2), демонстрирующий черты метисации роменской и мощинской керамических традиций (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 32; Колоколов, 2011. С. 52–53, рис. 1). Сама постройка относится к тому же периоду, что и постройка 1 раскопа XXVII, упомянутая выше (Григорьев, 2008. С. 95–99). Её t.p.q. определяет находка дирхема 867 г. (определение А.В. Фомина) (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. С. 14). Коническая форма сосуда, толстые стенки,

примеси крупного шамота в тесте, и грубая фактура поверхности соответствуют роменской керамической традиции. Оформление же верхней части горшка, а именно высокий, слегка отогнутый наружу венчик и дополнительный уступ, полученный путем увеличения толщины профиля на переходе от венчика к плечику характерно для типа V мощинской посуды по А.М. Воронцову (рис. 7: 4) (Воронцов, 2013. С. 90, рис. 10).

Других следов мощинских традиций в материалах интересующего нас периода пока не известно, что, возможно, связано с крайней немногочисленностью изученных комплексов этого времени. Однако существование роменских построек, содержащих развалы сосудов мощинской культуры, подразумевает наличие связи между населением, появившимся на территории региона в IX в., и существовавшим на Верхней Оке до середины VII в., Что возможно только при условии продолжения обитания определенной части носителей мощинских культурных традиций в VIII в. (Колоколов, 2024б. С. 141).

Помимо немногочисленных материалов, позволяющих гипотетически расширить временные рамки бытования мощинской культуры, на сегодняшний день накоплен определенный массив данных, свидетельствующих о заселении региона в «предроменский» период носителями древностей славянского круга. Речь идет о древностях типа Сахновки-Волынцево, распространённых на территории лесостепной зоны Днепровского правобережья и бассейна Северского Донца в конце VII–VIII вв. (рис. 20) (Казанский, 2014. С. 45–137; Обломский, Родинкова, 2015. С. 381–403).

Для большей ясности при дальнейшем рассмотрении материалов региона предроменского периода, следует определиться с терминологией, касающейся типов интересующих нас древностей. Это касается, в первую очередь, соотношения понятий «древности круга Сахновки» и «древности типа Волынцево»[6]. Рассматриваемые древности в целом допустимо называть

[6]История выделения и изучения древностей типа Сахновка-Волынцево см. гл. 1 «История и историография изучения славянских древностей верховьев Оки и Дона»

памятниками волынцевского типа. Внутри этого типа необходимо выделять два круга древностей. К памятникам или комплексам, содержащим характерную гончарную волынцевскую керамику следует применять термин «круга Битицы», по названию городища, с которым, вероятнее всего был связан один из наиболее крупных центров производства таких сосудов (Григорьев, 2000. С. 17–18; Колода, 2009. С. 175–176). Комплексы же, керамический набор которых включает только лепную посуду уместно именовать «круга Сахновки». Для территории Поднепровья, древности круга Сахновки допустимо рассматривать в качестве раннего этапа памятников волынцевского типа (конца VII – 1-й половины VIII в.), для которых характерно отсутствие гончарных сосудов. При этом необходимо учитывать, что на территориях, значительно отдаленных от Битицы, второй этап мог наступить позднее или не наступить вовсе, и сахновский этап длился вплоть до роменской эпохи, сменяющей волынцевскую.

Существует несколько версий карт этих древностей (наиболее полные: Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 106; Енуков, 2024. Рис. 41). В предлагаемом варианте (рис. 20), памятники волынцевского типа бассейна Днепра и Северского Донца нанесены согласно карте, опубликованной В.В. Енуковым (Енуков, 2024. Рис. 41), как наиболее актуальной, учитывающей работы последних лет. В ней учтены 89 пунктов, в том числе практически все памятники, представленные в версии 1996 года (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 106). В нее не вошли 2 памятника, нанесенные на карту 1996 года: городища Пастырское и Момоты. Пастырское городище является уникальным памятником, существовавшим в промежутке между 2-й половиной / 4-й четвертью VII и серединой VIII в., и изготовляемая на нем гончарная керамика и украшения т.н. «пастырского типа» встречаются в комплексах волынцевского круга древностей, однако этнокультурная принадлежность лепной керамики с городища остается предметом оживленных дискуссий (Обломский, 1996а. С. 124; Казанский, 2014. С. 65–70; Обломский, Родинкова, 2024. С. 55). Городище Момоты обладает крайне скудным культурным слоем и оснований для

уверенного отнесения его к изучаемому кругу древностей недостаточно (Приходнюк, 1980. С. 135–136). На карту дополнительно нанесен Дмитриевский могильник, в комплексе которого содержалась лепная керамика, близкая сахновской и гончарные волынцевские сосуды (Обломский А.М., 1996б. С. 114), а так же поселение Куриловка-2 (рис. 20: 46), где в ходе работ 2016–2019 гг. изучены несколько жилищ с материалами круга Сахновки (Родинкова, 2016; 2019а; 2019б).

На сегодняшний день, на территории изучаемого региона можно выделить 7 поселенческих памятников, материалы которых свидетельствуют о существовании на них горизонта конца VII–VIII вв. Четыре из них расположены на берегах р. Упа: гор. Супруты (рис. 6: 8) и Петровское (рис. 6: 9), сел. Б. Тризново-3 (рис. 6: 11) и Уткино-1 (рис. 6: 12); два – на притоках Упы: гор. Никулино на р. Вашане (рис. 6: 6), сел. Торхово-3 на р. Тулице (рис. 6: 10); и один памятник – пос. Каменка-1 (рис. 6: 3), находится на левом притоке Оки – р. Вырка. В верховьях Дона материалов интересующего нас времени пока не обнаружено. Немногочисленность памятников не позволяет, на настоящем этапе исследования, установить закономерность их географического расположения.

Главной отличительной чертой этих поселений является наличие в их комплексе характерной керамики круга Сахновки и Битицы, а так же украшений и деталей поясного набора, имеющих близкие аналогии в материалах 2-й половины VII – VIII в. с территории Лесостепного Поднепровья, Северного Кавказа, Подунавья, Балкан.

Памятник, где комплексы с керамикой сахновского круга впервые были изучены раскопками – пос. Каменка-1, на р. Вырке (левый приток Оки) (рис. 6: 3). Поселение многослойное, и помимо материалов интересующего нас периода на нем представлены древности эпохи бронзы, IX–X вв. и позднего средневековья. В ходе многолетних раскопок на селище, помимо прочего, были исследованы две хозяйственные ямы (II и XLIX) с материалами сахновского круга (Екимов, Колоколов, 2023. С. 231–233, рис. 14–16). Из заполнения этих

объектов происходят три толстостенных лепных горшка с округлобоким туловом и высоким S-видным венчиком, орнаментированным пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 8: 1–3). Они имеют хорошо заглаженную поверхность, плотное тесто с примесью песка и мелкофракционного шамота. По профилировке они относятся к подтипу 1 типа I сахновской керамики по О.М. Приходнюку (Приходнюк, 1980. С. 49, рис. 27). Аналогичные им формы происходят с памятников Днепро-Донского междуречья и связаны с горизонтом 2-й половины VII – VIII в. (Зиньковская, 1998. С. 8, рис. 3; Любичев, 2002. С. 13–21; Абашина, Скиба, 2003. С. 47, рис. 3; и т. д.). Наиболее территориально близкие аналогии фиксируются в левобережье р. Десны на поселениях Новоямское-3 (рис. 20: 64) на р. Сев (левый приток р. Неруссы) (Обломский, 2016. С. 103–108.) и Куриловка-2 (рис. 20: 46) при слиянии рек Суджа и Псёл (Арх. ИА РАН. Родинкова, 2016. Рис. 129: 3, 4; 50: 3; 56; 57; 59; 243: 1; 2019. С. 112–114). На поселении Куриловка-2 наиболее характерные формы сосудов происходят из развала глинобитной печи, расположенной в углу котлована жилой постройки подквадратной формы (Арх. ИА РАН. Родинкова, 2019. Рис. 122: 1, 2; 124: 1–2; 134).

Так же, из ямы II происходит горшок с высоким прямым венчиком и 4-мя рядами пальцевых вдавлений – по срезу венчика, по шейке, плечику и тулову (рис. 8: 4). На памятниках междуречья верховьев Оки и Дона IX–X вв. сосуды роменской традиции с аналогичным орнаментом не известны, равно как и на сопредельной территории роменской культуры (Сухобоков, 1997. С. 165, рис. 2; Щербань, 2011. С. 89–92; Винников, 1978. С. 55–61). Не характерно для сосудов роменской культуры и наличие высокого прямого венчика. Таким образом, соотнести этот сосуд с древностями Верхней Оки IX–X вв. затруднительно, как на основании морфологии, так и его орнаментаци[7]. При этом близкие по форме сосуды известны в волынцевских древностях VIII в.: они относятся к типу 3 по

[7]Схожие орнаментальные композиции присутствуют на лепных сосудах с синхронных памятников северо-западных регионов: Приильменья, Поволховья, Мстинско-Моложского междуречья (Плохов, 2002. С. 141–154). Однако, ярких свидетельств культурных контактов славян междуречья верховьев Оки и Дона с населением указанных регионов пока не зафиксировано.

А.Т. Смиленко и С.П. Юренко (Смиленко, Юренко. С. 280, рис. 59: 8). В материалах того же круга известна и сходная орнаментация керамики. В частности, подобным образом украшены сосуды из культурного слоя волынцевского поселения Обмачев на р. Сейм (Майко, 2004. С. 50, рис. 2: 4, 5).

С древностями круга Сахновки можно связать материалы постройки 3 XXVIII раскопа на гор. Супруты (рис. 6: 8). Стратиграфически, эта постройка относится к наиболее раннему этапу славянского поселения на памятнике (рис. 81) (Григорьев, 2008. С. 95–99; Колоколов, 2011. С. 53, рис. 1), существовавшего вплоть до середины X в. Из нее происходят два лепных сосуда (рис. 9: 2, 3), морфологически и орнаментально близкие горшкам из хозяйственных ям поселения Каменка-1, а так же лепной горшок с округлыми плечиками и вертикальным венчиком (рис. 9: 1), относящийся к древностям волынцевского типа VIII в. (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 28, 29; 2007, рис. 56: 1). Он близок к типу V волынцевской лепной керамики по А.Т. Смиленко и С.П. Юренко (Смиленко, Юренко, 1990. С. 280, рис. 59: 4). Вещевых находок заполнение постройки не содержало.

Помимо керамики круга Сахновки и лепных горшков волынцевских форм, на памятниках исследуемого региона встречаются так же немногочисленные находки гончарных сосудов круга Битицы. Один из них происходит из раскопа XIX 1973 г. на Супрутском городище. Это округлобокий горшок с высоким вертикальным венчиком, украшенный линейным и волнистым орнаментом, (рис. 9: 4)[8] (Колоколов, 2022б. С. 218, рис. 19: 5). Схожие гончарные сосуды с лощением происходят с сел. Торхово-3 (раскоп IV, яма 36 (рис. 9: 5) и яма 65 (рис. 9: 6)) (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1997, рис. 27: 1; 1998, рис. 33; 2005. С. 126. Рис. 52, 1, 2) и Уткино-1 (раскоп III, яма 37) (рис. 9: 7) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 74–79). Все они относятся к типу II волынцевской гончарной керамики по А.Т. Смиленко и С.П. Юренко (Смиленко, Юренко, 1990. С. 283, рис. 60: 4). А.В. Григорьев связывал эти находки с финальным этапом существования волынцевских древностей,

[8]Фонды ГИМ. № ГК 18941005.

которые, по его мнению, продолжали существовать в бассейне Верхней Оки после 1-й четверти IX в. (Григорьев, 2004. С. 23–25). Однако, учитывая материалы сахновского круга, выявленные на территории региона, в том числе в комплексе гор. Супруты, находки гончарной керамики круга Битицы допустимо связывать с предроменским периодом освоения Верхней Оки.

Помимо керамики, древности предроменского периода на Верхней Оке маркирует ряд вещевых находок: детали поясного набора с гор. Супруты и Никулино, и украшения с гор. Петровское и сел. Б. Тризново-3.

С городища Супруты происходят две поясные накладки интересующего нас времени, обнаруженные на поврежденном карьером участке площадки. Одна из них – пятиугольной формы, с орнаментом в виде трех вдавленных полушарий, вписанных в треугольник (рис. 10: 8) (Колоколов, 2023е. С. 271, рис. 2: 2). Такой орнамент характерен для предметов поясного набора типа Арадац–Фенлак, среди которых встречаются и накладки аналогичной формы. Эти предметы бытуют в середине – 2-ой половине VII в., в I среднеаварский период. (Гавритухин, 2001. С. 111, 158, рис. 38; Lőrinczy G., Straub P., 2023. S. 79–115). Предметы этого типа известны так же в составе Хорошевского клада середины VIII в., обнаруженного на территории Подонцовья (Аксенов, 2022. С. 159, рис. 4: 2).

Вторая находка – бляшка в форме песочных часов с рельефным сложносоставным орнаментом на внешней стороне (Григорьев, 2005б. С. 77, рис. 30: 16) (рис. 10: 7). Подобные находки характерны для древностей среднего Подепровья VII – VIII вв. (Щеглова, 2009. С. 39–66). В частности, набор схожих изделий (26 экз.) происходит из клада с поселения Великие Будки, время сокрытия которого датируется рубежом VII–VIII – началом VIII в. (Горюнова, Родинкова, 1999. С. 188, 214, рис. 47: 4).

Овальнорамчатая пряжка с фигурным щитком (рис. 10: 9) происходит с гор. Никулино на р. Вашана (левый приток Оки) (рис. 6: 6). Она была обнаружена в процессе разведочных работ 2000 года на малой площадке городища (Колоколов, 2023е. С. 275, рис. 3: 4). Находка относится к типу 25 по

В.Б. Ковалевской и, по материалам северного Кавказа, датируется VIII в. (Ковалевская, 1979. С. 30, табл. XIII: 1). Аналогичная пряжка происходит из катакомбы VII аланского могильника Чми, время сооружения которой А.К. Амброз относит к VIII в. (Амброз, 1971, рис. 13: 19. С. 130). С гор. Никулино связан еще один комплекс находок, относящихся к несколько более раннему периоду. В 2020 году в фонды музея были переданы детали ременной гарнитуры от поясов неволинского и агафоновского типов 2-ой половины VII – начала VIII в.: 6 накладок и пряжка выполненные из бронзы[9]. Предметы были обнаружены в осыпи ЮВ склона городища. Там же, неподалеку от предметов ременной гарнитуры, были найдены 9 византийских фолисов 20-х – 40-х гг. VII в. (Ираклий и Констант II) (Арх. ИА РАН. Грибков, 2020. Т. 1. С. 108–109, 169–177; Т. 3. С. 41, рис. 261. С. 42, рис. 262). На сегодняшний день, гор. Никулино является наиболее северным памятником с материалами 2-й половины VII – VIII в.

На западном склоне гор. Петровское на р. Упе (рис. 6: 9) в 2015 году был обнаружен фрагмент бронзового браслета прямоугольного сечения, с расширяющимися полыми концами, украшенными по кругу несколькими рядами пуансонного орнамента (рис. 6: 10) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. Рис. 197: 3). Такие браслеты характерны для днепровских кладов II группы, набор украшений из которых бытовал в период конца VII – середины VIII в. (Щеглова, 1990. С. 162–204; Родинкова, 2011. С. 247). В частности, аналогичные изделия входят в состав Киевского клада 1892 г., Пастырского клада 1898 г. (Гавритухин, Щеглова, 1996. С. 240, рис. 61: 20, 22), и Зайцевского клада (Приходнюк, 2005. С. 172, рис. 67: 8). Подобные браслеты массово представлены в материалах Пастырского городища где, очевидно, осуществлялось их производство (Приходнюк, 2005. С. 45–47, 161, рис. 56: 1, 2; 162, рис. 57: 1, 2, 163, рис. 58: 3, 4 и т. д.).

[9]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская область, Алексинский район. Разведки 2020 г. под руководством Грибкова А.В. ВХ-2345

Объектов VIII в. в площади раскопа выявлено не было, керамика волынцевского типа, в материалах памятника так же не зафиксирована. В связи с этим встает вопрос о принадлежности находки к одному из горизонтов, представленных на городище. Хронологически ближайшие комплексы, изученные на памятнике, относятся к древностям мощинской и роменской культур.

Связь этой находки с горизонтом мощинской культуры маловероятна, т.к. материалов позднего ее этапа (VI – 1-я половина VII) на городище не зафиксировано. Возможно соотнесение браслета с материалами роменского периода существования поселения (IX–X вв.), на что указывает наличие хронологически близкой аналогии. Подобный браслет был найден в погребении 1 кургана 2 могильника Цурковка культуры смоленских длинных курганов (Седов, 1974. Табл. 26: 21). Он изготовлен из бронзы, и имеет прямоугольное сечение дужки, так же как и браслет с Петровского. В целом, исследователи сходятся что погребение, из которого он происходит, можно датировать временем не ранее середины VIII в. (Гавритухин, 1997. С. 49–50; Нефедов, 2000. С. 196). При этом А.Д. Мачинская, при рассмотрении материалов этого захоронения (№1) и синхронного ему (№2) совершенного в том же кургане, приводит аналогии прочим вещам из них в слое середины VIII – середины IX в. Старой Ладоги (Мачинская, 1990. С. 57). Это дает возможность предположить, что находка браслета на гор. Петровское могла быть связана с наиболее ранним этапом заселения площадки городища носителями роменской культуры в IX в.

Однако, не стоит исключать, что находка относится к горизонту сахновки-волынцево, материалы которого не вошли в створ раскопа, площадь которого составила всего 54 кв. м. Ситуация же, когда на памятнике горизонт VIII в. непосредственно предшествует поселению роменской культуры, отмечается на всех перечисленных выше памятниках: гор. Супруты и Никулино, сел. Торхово-3, Уткино-1 и Каменка-1.

Представительный набор вещей «предроменского» периода, включающий украшения и элемент поясной гарнитуры происходит с сел. Б. Тризново-3.

Поселение расположено на берегу безымянного оврага впадающего в Упу, в 5,5 км к юго-западу от гор. Супруты (рис. 6: 11). Памятник известен по разведочным материалам. Коллекция керамики состоит из маловыразительных стенок лепных сосудов с включениями дресвы и шамота в тесте (Арх. ИА РАН. Столярова, 2017. Рис. 298). Кроме этого, в ходе работ 2017 и 2022 гг. на селище были найдены четыре бронзовых изделия, относящиеся к интересующему нас периоду (Арх. ИА РАН. Столярова, 2017. Рис. 299; Арх. ИА РАН. Простяков, 2022. С. 203, 160: 1–3). Среди них – подковообразная поясная накладка с растительным орнаментом, принадлежащая к кругу древностей типа Врап-Ерсеке (рис. 10: 4) (Колоколов, 2023е. С. 271, рис. 2: 1). Наиболее близкие аналогии ей происходят из эпонимных кладов 2-й половины VII – начала VIII в., обнаруженных на территории Балкан (Тотев, Пелевина, 2005. Рис. 8, 5–10. С. 90). Схожие изделия входят в состав раннесалтовских наборных поясов VIII в. (Комар, 2001. С. 109–110).

Еще три находки представляют собой цельнолитые звездчатые подвески, имитирующие украшения, получившие в литературе наименование «серьги пастырского типа» (Айбабин, 1973).

Одна из них – крупная подвеска, с утратой большей части дужки. Сохранившаяся часть украшена канавкой по центру, а так же подтреугольным выступом с насечками, имитирующими псевдозернь (рис. 10: 2). Тремя идентичными выступами снабжен щиток серьги – круглой формы с полусферическим выступом в центре и рельефным бордюром по кругу. Это изделие следует рассматривать в качестве упрощённой имитации украшений типа I–5 по А.И. Айбабину (Айбабин, 1973. С. 65, рис. 2: 5). Серьги этого типа массово представлены в комплексе Пастырского городища (тип 1-а по О.М. Приходнюку) (Приходнюк, 2005. С. 41–42, рис. 33: 5, 45: 9, 51: 1–3, 5, 7, 52: 1, 5, 7). Прототипы находке с Б. Тризново-3 содержатся и в составе днепровских кладов II группы: в частности, в Киевском кладе 1892 года (Гавритухин, Щеглова, 1996. С. 240, рис. 71: 10). В нем же содержится браслет, аналогичный находке с гор. Петровское, рассмотренной выше (рис. 10: 6). Более

упрощенный вариант такой серьги входит в комплекс Хорошевского клада середины VIII в. с территории Подонцовья, уже упоминавшегося при рассмотрении поясной накладки типа Арадац-Фенлак с Супрутского городища (Аксенов, 2022. С. 159, рис. 4: 2).

Вторая подвеска с селища, имитирует украшения того же типа, однако отличается более грубым исполнением (рис. 10: 3). По сути, это изделие лишь повторяет контур серег типа I–5, детали практически отсутствуют. Кроме того, оно имеет уменьшенный размер – почти в 2 раза по сравнению с первой подвеской и ее прототипами.

Третья подвеска, обнаруженная на памятнике, имеет в качестве прототипа украшения типа I–2 по А.И. Айбабину (Айбабин, 1973. С. 65, рис. 2: 5) (рис. 10: 1). Щиток изделия, помимо полусферического выступа в центре окруженного нечетко оформленным орнаментом, так же снабжен пятью гладким подтреугольными лучами. Они подразумевают под собой пирамидки зерни, расположенные в том же порядке на украшениях–прототипах. В верхней части щитка расположен фрагмент простой дуги круглого сечения. Качество изделия низкое, на поверхности видны множественные литейные раковины. По оформлению лучей на щитке, форме дужки и размеру это изделие схоже с подвеской из состава Зайцевского клада, относящегося ко II группе днепровских кладов (Приходнюк, 2005, рис. 67: 5)

Украшения, послужившие прототипами изделий с сел. 3 у д. Б. Тризново, в основном, изготовлены из серебра, и как уже упоминалось, массово встречаются в составе днепровских кладов II группы, а так же в комплексе Пастырского городища. Наибольшее распространение они получает в период конца VII – 1-й половины VIII в. (Щеглова, 1990. С. 162–204; Родинкова, 2011. С. 247; Рябцева, 2011. С. 255).

Отдельно стоит остановиться на материалах уникального мемориального комплекса, который был открыт и исследован в 2021–2024 гг. на площадке гор. Гора Услань на р. Упа (рис. 6: 1). Всего на памятнике было изучено 3 ритуальных сооружения – одно в 2021 г., и два в 2024 г.

Сооружение 1 представляло собой каменную насыпь округлой в плане формы, диаметром около 3-х м, сложенную из плотно подогнанных необработанных обломков известняка и лимонита (рис. 11: 1). В профиле конструкция имела усечено-коническую форму (рис. 11: 3). Между камнями обнаружены многочисленные кости животных. В ходе разбора конструкции, в центральной ее части, под толщей камней было зафиксировано кострище, представлявшее собой линзу округлой в плане формы, диаметром около 50 см, мощностью около 5 см, состоящую из древесного угля, золы и печины. Под ней находилось округлое пятно прокаленного грунта, диаметром около 30 см (рис. 11: 2). Под насыпью, в том числе в кострище были обнаружены несколько предметов: железный нож (рис. 11: 8), миниатюрный лепной кувшин (рис. 11: 7) и бронзовая пряжка (рис. 11: 6).

Поскольку пряжка является датирующей находкой для этого сооружения, ее хронлогический и культурный контекст следует рассмотреть подробно. Она имеет размер 2,1 х 2,2 см, с лицевой стороны покрыта точечным пуансонным орнаментом, язычок крепится к короткой стороне рамки (рис. 12: 1). Прототипы таким пряжкам, имеющие прямоугольную рамку и рельефное литое изображение ромбов по углам рамки, известны в могильниках 1-й половины I тыс. верхнего Поволжья и Прикамья. В частности, они происходят из комплексов III–V вв. азелинской культуры: погребения 5 Суворовского могильника (рис. 12: 4) и погребения 15 Азелинского могильника (рис. 12: 5) (Амброз, 1971. С. 108, рис. 9: 60–61; Генинг, 1963); из комплекса кургана 7 Салиховского могильника III–VI вв. в Башкирии (рис. 12: 8) (Васюткин, 1986. С. 188, рис. 6: 15; 193–194); из погребения 8 Селиксо-Трофимовского могильника IV–V вв. (рис. 12: 7) (Полесских, 1974. С. 25, рис. 3: 9). Наиболее ранним изделием в этой серии является пряжка из погребения 727 Тарасовского могильника (рис. 12: 6), датирующегося серединой II – серединой III в. (Голдина, 2003. С. 314, табл. 312: 9–3; Красноперов, 2015. С. 207–234).

Более близкую морфологию имеют пряжки из комплексов VI–VII вв. Одна из них происходит из захоронения 149 Безводнинского могильника (рис.

12: 14), расположенного на территории верхнего Поволжья (Краснов, 1980. С. 206, рис. 35: 6). Это захоронение, по мнению Ю.А. Краснова относится ко 2 стадии функционирования могильника, укладывающейся в рамки VI – начала VII в. (Краснов, 1980. С. 108)[10].

Близкие пряжки, но с округлыми угловыми выступами содержатся в комплексе погребений №№ 2 и 15 старшего Кужендеевского могильника VI–VII вв. расположенного в бассейне р. Теша (рис. 12: 15) (Жиганов, 1959. С. 221, рис. 3: 11). Отдаленно схожие предметы, отличные тем, что имеют только 2 выступа на углах противоположных месту крепления обоймы, известны в комплексе 2-го Старобадиковского могильника в бассейне р. Вад VII–IX вв. (Петербургский, 1987. С. 63, рис. 5; 8).

Единичные находки пряжек с угловыми выступами известны в раннеславянских и северокавказских древностях середины I тыс. (рис 12: 12, 13) (Терпиловский, 1985. С. 96, рис. 17: 23; Багаев, Виноградов, 1972. С. 85, рис. 4: 4). Упомянутые изделия, хотя и схожи с пряжками с Горы Услань по основному их отличительному признаку – прямоугольной рамке и наличию выступов на углах, однако они превосходят последнюю по размеру, значительно массивней и грубее по исполнению, а форма их ближе к квадратной. Сходство их с нашей находкой скорее случайно, чем вызвано наличием культурных связей (Колоколов, 2023в. С. 180–181).

Прямые аналогии пряжке из ритуального сооружения 1 происходят из комплексов 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. мордовских могильников среднего и нижнего Поочья. Прямоугольная пряжка с характерными ромбовидными выступами на углах и подвижной обоймой для крепления ремня, покрытой пуансонным орнаментом происходит из кремационного погребения №10 Елизавет-Михайловского могильника (рис. 12: 11) (Алихова, 1969. С. 46; 123, табл. 25: 2). По мнению О.В. Зеленцовой, это погребение относится к ранней группе стадии А среднецнинских могильников, датируемой серединой – концом VII в. (Зеленцова, 2005. С. 324). Близкая по форме пряжка,

[10]В данный момент предмет хранится в фондах музея «Куликово поле» (ГМЗ-КП–63-10).

в комплексе сложносоставного пояса происходит из женского погребения № 10 мордовского могильника Красное-III, расположенного в бассейне р. Теша (рис. 12: 9) (прав. приток р. Оки, нижнее течение) (Алексеев, Зеленеев, Мартьянов, 1990. Табл. VI:1). Могильник датируется в рамках конца VI – начала VIII в. (Алексеев, Зеленеев, Мартьянов, 1990. С. 89). Аналогичные пряжки содержатся в комплексе погребений №33 и №36 Серповского могильника на р. Цне (рис. 12: 10) (Алихова, 1959. С. 124, табл. 53: 5). В целом, время бытования Серповского могильника укладывается в рамки 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. (Зеленцова, 1999. С. 64).

Еще две пряжки того же типа были обнаружены на площадке городища (рис. 12: 2, 3; 16: 2, 3). На основании приведенных аналогий можно заключить, что пряжка из кострища и находки на склоне относятся к кругу мордовских древностей и датируются в рамках 2-й половины VII – 1-й половины VIII в.

Железный нож, обнаруженный вблизи кострища (рис. 11: 8), имеет длину 16,5 см (лезвие – 9 см, черешок – 6,5 см). Лезвие треугольного сечения, со слабо выделенным долом с одной стороны, занимающим всю ширину клинка. Черешок имеет прямоугольно сечение и скошенное окончание. При переходе от черешка к лезвию в нижней части находится плавный уступ. Спинка лезвия и черешок расположены по отношению друг к другу под тупым углом, при этом острие и окончание черешка находятся на одной линии. Ножи такой формы вполне характерны для славянских древностей. В частности, они широко распространены на славянских памятниках среднего Дона, где выделяются в тип 1 по А.З. Винникову (Винников, 1995. С. 63; Рис. 18: 1–3).

Миниатюрный груболепной кувшинчик из кострища имеет высоту 10 см, диаметр горла – 4,2 см, тулова – 8 см. Ручка расположена с одной стороны. Изделие имеет следы вторичного прокала, вероятно обгорело в костре (рис. 11: 7). Подобных находок на территории региона ранее известно не было. Лепные кувшины близких форм, размеров и пропорций происходят из захоронений кочевнических могильников VII – VIII вв. на Средней Волге – I и II

Новинковского, II Брусянского, I Малорязанского (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. С. 141, рис. 38).

У подножья сооружения был обнаружен развал груболепного сосуда. Он изготовлен из ожелезненной глины с примесью дресвы и мелкофракционного шамота, орнамент отсутствует. Горшок приземистый, конической формы, с коротким, слегка отогнутым наружу венчиком, плавным переходом от тулова к плечику (рис. 11: 4). Сосуд изначально стоял в неглубокой ямке (ок. 3 см). По характеру теста и профилировке этот сосуд относится к древностям круга Сахновки. По форме он близок к типу I–2 сахновской керамики по О.М. Приходнюку (Приходнюк, 1980. С. 49, рис. 27). Аналогичные по характеру теста и близкие по морфологии сосуды происходят из постройки VIII в. 4 раскопа на поселении Куриловка-1 на р. Суджа (прав. приток Псла)[11]. К этому же кругу древностей относятся фрагмент лепного горшка из нижней части каменной насыпи (рис. 11: 5), и профили сосудов, обнаруженные на площадке городища (рис. 16: 4, 5).

Ритуальные сооружения 2 и 3, изученные в 2024 году, демонстрируют ту же организацию, что и сооружение 1. Они представляют собой каменные выкладки, под которыми находится кострище без следов кремации; на их поверхности, либо в подножие расположены лепные сосуды, с которыми связаны остатки ритуальной пищи[12] (рис. 13: 1–2; 14: 1–3).

С сооружением 2 связаны шесть лепных керамических сосудов. Три из них находились у Ю-З края (рис. 13: 4–6), и фиксировались в виде локально расположенных развалов (рис. 13: 1: I–III). Расположенное в центральной части сооружения скопление фрагментов лепной керамики, оказалось остатками еще трех сосудов (рис. 13: 1: IV–VI), форма которых была реконструирована (рис. 13: 7–9). Ритуальное сооружение 2 отличает оригинальная конфигурация в виде

[11]Выражаю благодарность Власте Евгеньевне Родинковой за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

[12]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собранная в 2024 г. в ходе археологических исследований на городище у д. Гора Услань (МО г. Тула) отрядом ТАЭ под руководством Столярова Е.В. ВХ-2416.

равнобедренного треугольника, медиана которого сориентирована по линии В-З с небольшим отклонением (рис. 13: 1).

Ритуальное сооружение 3 демонстрирует схожую конструкцию и размер с сооружением 1, изученном в 2021 году. Его каменная выкладка так же имеет округлую форму и близкие размеры: диаметр около 3-х м., мощность до 40 см (рис. 14: 1–3). Сооружение 3 включало в себя элемент, не зафиксированный при изучении двух первых объектов – массивный жертвенник, расположенный в 0.2 м. к Ю-З от каменной выкладки. Он представлял собой плоскую известняковую плиту подтреугольной формы, длиной 80 см, шириной основания 50 см и толщиной 10-12 см (рис. 14: 4–6). Несмотря на то, что раскоп располагался вблизи склона, и его поверхность понижается в направлении севера на 0.7 м., жертвенный камень расположен строго горизонтально. Это было достигнуто при помощи двух каменных подставок, установленных под плиту со стороны склона (рис. 14: 7). Вероятно, наличием жертвенника объясняется и расположение кострища – оно находится в непосредственной близости от камня – в 0.6 м. к С–В (рис. 14: 2, 8). На поверхности каменной выкладки обнаружено 6 графически реконструируемых форм, которые были зафиксированы in situ, в виде локально расположенных развалов (рис. 15: 1–6).

Единственная вещевая находка, связанная с сооружением 3 – трапециевидная привеска без орнамента, была обнаружена вблизи кострища (рис. 15: 8). Такие украшения имеют чрезвычайно широкое распространение: они известны как в составе славянских, так и салтово-маяцких и финно-угорских древностей. Крупные трапециевидные подвески без орнамента широко представлены в составе Днепровских кладов I группы, выпадение которых маркирует нижнюю дату древностей сахновского круга (Родинкова, 2011. С. 243, рис. 1: 31).

Интересной находкой является стенка сосуда с налепной шишечкой, обнаруженная в центре каменной выкладки сооружения 3 (рис. 15: 7). Ближайшая аналогия этой находке – погребальная урна из захоронения 14 грунтового могильника Щурово, который датируется в рамках конца VIII –

начала X в. (Сыроватко, Клещенко, Добровольская, 2012. С. 90, рис. 2; С. 87; Сыроватко, 2023. С. 76–77). Похожий орнаментальный прием наблюдается на некоторых экземплярах посуды из салтово-маяцких ритуальных комплексов на территории Маяцкого поселения (Винников, Плетнева, 1998. С. 95, рис. 35: Б; С. 100, рис. 37: Г), а так же из захоронений 2-й четверти VII – рубежа VII – VIII в. могильника Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 133, рис. 70: 6–8; С. 139, рис. 76: 19; С. 192, рис. 117: 10; С. 207, рис. 132: 3 и т.д.). Таким образом, сосуд, к которому принадлежала стенка с налепной шишечкой, может являться подражанием южным образцам ритуальной посуды.

Рассматривая в целом керамический комплекс изученных сооружений, можно заключить, что наряду с типичной сахновской керамикой (рис. 11: 4, 5; 13: 5–9; 15: 1, 2, 5), в нем присутствуют развитые волынцевские формы (рис. 13: 4; 15: 3, 4), при чем они встречаются не только в комплексе ритуальных сооружений, но и в подъемном материале с площадки городища (рис. 16: 4). Такие формы сосудов известны как среди лепной, так и среди гончарной волынцевской керамики (Смиленко, Юренко, 1990. С. 280–281, рис. 59–60). Наличие таких сосудов позволяет ограничить время бытования комплекса VIII в. Не противоречит это дате и находка бронзовой пряжки в кострище поминального сооружения 1.

В комплексе сооружений 1, 2 и 3, среди фрагментов керамики зафиксированы скопления костей животных и птиц. Интерпретировать эти находки можно как остатки поминальной пищи. В целом, ритуальные действия, связанные с трапезой и приношением жертв в память о покойном, в современной науке определяется термином «тризна». Среди костного материала представлены четыре вида домашних животных: овца, свинья, лошадь, КРС, так же обнаружены кости птицы, предположительно куропатки. Большинство костей фрагментировано, что характерно именно для кухонных останков. Некоторые из них обуглены по краям, что свидетельствует о приготовлении мяса на открытом огне. Останки свиньи, в основном представлены частями, содержащими много соединительной ткани, что может

свидетельствовать о приготовлении студня или подобных ему блюд (НА Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Чубур, 2024).

Вызывает вопросы функциональная интерпретация комплекса. Характер исследованных сооружений позволяет связать его с поминальной обрядностью. Традиционно, термин «поминальный комплекс» применяется к объектам, имеющим явно ритуальное назначение, но не содержащим следов захоронений. В частности, А.К. Амброз выделяет «сооружения поминального культа, связанного с применением огня». К ним он относит курганы в Нижнем Поволжье, содержащие кострища, кости животных и обгорелые вещи, но лишенные следов погребений, а так же комплекс в Макартете и Вознесенке (Амброз, 1980. С. 19–20). С поминальной обрядностью исследователи связывают комплекс 7 в Новогригорьевке (Казанский, 2020. С. 95), и Ливенцовский VII, курган №35 2-й половины VI – начала VII в. (Безуглов, Ильюков, 2007. С. 25–48), относящиеся к постгуннскому времени. Причем в обоих упомянутых случаях использованы каменные выкладки, перекрывающие следы ритуальных действий.

Таким образом, можно уверенно констатировать, что и мы имеем дело именно с поминальным комплексом, состоящим из локально расположенных поминальных сооружений. Вероятно, они были посвящены соплеменникам, не вернувшимся из военного похода, или погибшим вдали от дома связи с какими либо трагическими событиями. Не исключено так же, что место кремации и захоронения праха покойных располагалось в другом месте, и в будущем так же будет обнаружено. Место сооружения поминального комплекса было выбрано не случайно: это узкий мыс, отделенный от окружающего пространства древним валом, возведенным в эпоху раннего железного века. Погребальных памятников, синхронных изученному поминальному комплексу, на территории региона пока не обнаружено.

Помимо находок, связанных с ритуальными сооружениями, на площадке гор. Гора Услань был найден фрагмент зеркала с центральной петлей и орнаментом в виде расходящихся частых лучей и нескольких концентрических

кругов на оборотной стороне (рис. 16: 1). Такие зеркала возникают в середине – 2-й половине II в. и существуют вплоть до IX–X вв. На территории верховьев Оки и Дона они могут относиться к двум культурно-хронологическим горизонтам: середина IV–V в. (мощинская культура, памятники типов Криволучье и Чертовицкое-Замятино) (Обломский, 2015. С. 294, рис. 316: 10–13; Воронцов, Столяров, 2017. С. 308, рис. 6: 6), и IX–X вв. (Плетнева, 1989. С. 101–103, рис. 51–53). В то же время, зеркала с бортиком, украшенные концентрическими окружностями и расходящимися лучами известны в аланских материалах VII – 1-й половины VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 36: 4; 112: 4; 116: 20; 126: 11). Таким образом, не исключено что эта находка относится ко времени создания поминального комплекса на площадке городища.

Таким образом, в конце VII – VIII в. мы наблюдаем распространение на территории региона древностей волынцевского типа. Это согласуется с предположением В.В. Седова, который рассматривал продвижение в бассейн Верхней Оки волынцевского населения в VIII в. в качестве начального этапа славянского освоения Окско-Донского региона (Седов, 1995. С. 197–199; 1999. С. 58, 59). Процесс миграции населения из основного ареала волынцевской культуры – территории Поднепровья, в верховья Оки наилучшим образом иллюстрирует группа памятников, расположенных в юго-западной части изучаемого региона, на участке Окско-Деснинского водораздела.

Наиболее яркие материалы круга Сахновки изучены на пос. 1 у д. Железное Городище. Материалы этого памятника представляют особенную ценность для понимания этнокультурных процессов в Днепро-Донском междуречье, благодаря особенности географического расположения памятника[13] (рис. 6: 2). Поселение находится на Окско-Деснинском водоразделе, в верховьях р. Навля (левый приток р. Десна), в 22 км от истока р. Цон (правый приток р. Ока). Поскольку это поселение является единственным,

[13]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция археологических предметов, собр. в 2014 г. в ходе раскопок селища Железное городище-1 Шаблыкинского р-на Орловской обл. отрядом ТАЭ под рук. Столярова Е.В. ВХ-1916

наиболее близким к изучаемому региону памятником, в комплексе которого изучено жилище VIII в., на характеристике его материалов стоит остановиться подробнее.

В 2014 гг., в одном из раскопов на памятнике был исследован котлован жилой постройки подквадратной формы. В северо-восточном углу котлована зафиксированы остатки отопительного устройства – печи, сооруженной на материковом останце. Размеры ее составили 1,9 х 1,6 м. Устье печи было обращено к центру постройки (рис. 17). Боковые стенки и свод печи достоверно проследить не удалось. Камней или глиняных изделий – «вальков», в развале печи зафиксировано не было. Хотя не исключено, что «вальки» использовались в конструировании свода печи, но определимых фрагментов этих изделий не сохранилось. Поскольку материк на памятнике сложен опесчаненым ярко-бурым суглинком с многочисленными линзами желтого песка, совершенно непригодным для вырезания в нем стенок и купола печи, можно заключить, что они были возведены из принесенной глины. Очевидно, материковый останец здесь играл роль подиума, для поднятия пода печи относительно дня котлована. Такие печи были широко распространены в V–VII вв. на территории западной и центральной Украины, юга Польши и Белоруссии (Гавритухин, 2024б. С. 25). В интересующее нас время такие печи были основным типом отопительных сооружений в Днепровском регионе (Юренко, 1985. С. 118).

Для горизонта древностей круга Сахновки типичны углубленные в грунт жилища с глинобитной печью в углу (Юренко, 1985. С. 118). Подробная типология сахновских жилых построек, основанная на их конструктивных особенностях, разработана В.В. Енуковым. Согласно ей, жилище, изученное на поселении 1 у д. Железное Городище, ближе всего к 3-й группе построек (Енуков, 2021. С. 172–173). Эту группу характеризует недостаточное для возведения каркасно-столбовой конструкции количество столбовых ям на дне котлована – пять и менее (на дне котлована нашей постройки зафиксировано всего 2 столбовые ямы). Вероятнее всего, наземная конструкция жилища представляла собой сруб, перекрывающий котлован, имевший меньшую

площадь (Енуков, 2021. С. 177). В целом, постройки этого типа широко распространены на территории Поднепровья и Подонечья, однако наибольшая их концентрация наблюдается в бассейне Десны и Сейма (Александровка-1, Веселое, Волынцево, Макча, Новоямское-3, Попово-Лежачи, Роище, Сосновка, Куриловка-2 (Енуков, 2021. С. 169–170, табл; Арх. ИА РАН. Родинкова, 2019. Т. 2. Рис. 76).

С постройками этого типа связаны и печи, конструктивно близкие отопительному устройству жилища на пос. 1 у д. Железное Городище. В частности, такая печь находилась в постройке 29 поселения Александровка 1 в Подесенье (Терпиловский, Шекун, 1996. С. 99, рис. 53). На пос. Куриловка-2 в Посемье, схожей конструкции печь относится к комплексу объекта 13, изученного в раскопе 3 (Арх. ИА РАН. Родинкова, 2019. Т. 2. Рис. 106–117). Объект является котлованом жилища, конструкция которого также позволяет отнести его к типу 3 по В.В. Енукову (Арх. ИА РАН. Родинкова, 2019. Т. 2. Рис. 76).

Наиболее близкой аналогией, как морфологически, так и территориально, является объект 2/1, изученный на поселении Новоямское-3 на р. Сев (Обломский, 2016). Объект представляет собой котлован жилища сахновского времени, с глинобитной печью в углу. Сама конструкция жилища относится к той же группе, что и постройка 2 на пос. 1 у д. Железное Городище – 3 по В.В. Енукову (Обломский, 2016. С. 105, рис. 3; Енуков, 2021. С. 169, табл.). Аналогична и конструкция глинобитной печи (Обломский, 2016.С. 106, рис. 5).

В заполнении постройки обнаружена серия толстостенной лепной керамики, изготовленной из ожелезненной глины с примесью мелкофракционного шамота (рис. 18: 5, 6; 19). Единственная графически реконструируемая форма принадлежит груболепному неорнаментированному сосуду с примесью шамота в тесте. Это округлобокий, сильно профилированный горшок с высоким S-видным венчиком (рис. 18: 5), относящийся к кругу Сахновки (тип I-1 по О.М. Приходнюку) (Приходнюк, 1980. С. 49, рис. 27, II, 2). Горшки аналогичной формы происходят из

комплексов горизонта Сахновки поселения Новоямское-3 на р. Сев (рис. 20: 64) (Обломский, 2016. С. 107, рис. 6). Сосуды, аналогичные по профилировке и характеру теста, происходят и на синхронных памятниках Верхней Оки, рассмотренных выше: на сел. Каменка-1, в составе ритуального комплекса на гор. Гора Услань, в комплексе Супрутского городища.

Интересным элементом керамического комплекса постройки является находка сегмента керамического диска без бортика (рис. 19: 10). Такие предметы характерны, в основном, для более ранних материалов Колочинской и Пеньковской культур V – 1-й половины VII вв. (Обломский, 1996. С. 101; 1996а. С. 112). Тем не менее, известны они и на раннем этапе волынцевской культуры, в частности среди керамики жилища 19 эпонимного поселения Волынцево (Щеглова, 1986. С. 18, рис. 2: 14).

Помимо частей лепных сосудов, в заполнении постройки обнаружены четыре индивидуальные находки: два глиняных миниатюрных сосудика, бусина синего стекла и железный наконечник стрелы.

Железный черешковый наконечник стрелы имеет ромбовидное перо линзовидного сечения, наибольшее расширение которого расположено в нижней трети, а так же короткую шейку подпрямоугольного сечения (рис. 18: 3). Такие наконечники широко распространены в раннеславянских древностях V–VII вв. (Казанский, 2015. С. 59, рис. 9: 19, 20, 23, 32; 11: 10–14; 17: 8; 18: 13, 39). Наконечник аналогичной формы происходит с площадки гор. Гора Услань, на котором расположен ритуальный комплекс VIII в. (Колоколов, 2023г. С. 263, рис. 3: 4).

Бусина из синего непрозрачного стекла имеет форму симметрично усеченного шара (рис. 18: 1). Ее диаметр – 11 мм, высота – 9 мм, диаметр отверстия – 3,5 мм. Такие бусы распространены в V–IX вв. на территории Северного Кавказа и Крыма (Ковалевская, 2000. С. 7; Могильник Дюрсо: каталог, 2021. С. 252, рис. 185: 1.2.1; С. 294, рис. 220: 2.1), в Верхнем Прикамье, в VI–VIII вв. (Голдина, 2010. С. 31, 60), а так же на территории Южного Урала, в конце VII – VIII в. (Русланова, 2018. С. 113; рис. 27, 36; С. 257, табл. 74).

Особый интерес представляют находки двух миниатюрных керамических сосудов (рис. 18: 2, 4). В целом, миниатюрные сосуды – типичное явление для более ранних материалов – колочинской и пеньковской культур (Горюнов, 1981. С. 17; Обломский, 1996в. С. 113, рис. 95: 29). Тем не менее, горшковидные миниатюрные сосуды известны и среди интересующих нас древностей. Свод находок миниатюрных сосудов этого типа с синхронных памятников Днепровского Левобережья был осуществлен С.А. Горбаненко и Ю.О. Пуголовком (Горбаненко, Пуголовок, 2016. С. 207–228). Они представлены на волынцевских поселениях Волынцево, Харьевка, Ходосовка, Шестовица (рис. 20: 19, 95, 97, 102). Наиболее близкий по форме и орнаментации к нашему сосуд происходит с поселения Волынцево (Смиленко, Юренко, 1990. С. 280, рис. 59). Миниатюрные сосуды кубковидной формы на выделенном поддоне встречаются среди керамического комплекса пеньковской и колочинской культур: они известны в материалах пеньковского горизонта пос. Хитцы (Горюнов, 1981. С. 132, рис. 57: 5, 6) и колочинского могильника Лебяжье (погребение 63) (Зиньковская, 1998. Рис. 1: 11). Изделие с пос. 1 у д. Железное Городище имеет значительно меньшие размеры и более грубое исполнение, чем сосуды с приведенных выше памятников. Вероятнее всего, эта находка является более поздним подражанием кубкам пеньковско-колочинского времени.

Совокупность рассмотренных материалов позволяет нам уверено отнести комплекс жилища, исследованный на пос. 1 у д. Железное Городище к древностям круга Сахновка – раннему этапу волынцевской культуры (Щеглова, 1986. С. 20–21). Основой для этого является конструкция постройки и отопительного устройства в нем, а также комплекс лепной посуды из заполнения котлована жилища: толстостенной, с примесью шамота в тесте. В качестве дополнительных свидетельств в пользу принадлежности комплекса постройки именно к раннему этапу волынцевской культуры можно привести находку миниатюрного кубовидного сосуда на выделенной ножке, ближайшие аналогии которому распространены в материалах пеньковской и колочинской

культур. Об этом же говорит близость конструкции сооружения и отопительного устройства в нем, а так же схожесть форм лепной керамики с комплексом жилища 2/1, изученного на поселении Новоямское-3. По мнению А.М. Обломского, это комплекс датируется в рамках начала – середины VIII в., (Обломский, 2016. С. 108). Прочие находки из котлована постройки – черешковый наконечник стрелы и бочковидная стеклянная бусина так же не противоречат предложенной датировке. Формально датировать комплекс постройки возможно только в общих рамках бытования памятников волынцевского типа – конца VII – VIII в. Но, учитывая приведенные выше аргументы, наиболее вероятна дата в рамках 1-й половины VIII в. Ближайшие к пос. 1 у д. Железное Городище памятники Деснинского бассейна с синхронными древностями того же культурного круга – поселения 1–3 у д. Новоямское на р. Сев (лев. приток р. Нерусса, лев. притока р. Десна) (рис. 20: 64) (Обломский, 2016. С. 103–108; Шинаков и др., 2013. С. 85–92).

В среднем течении р. Цон (левый приток Оки), исток которой находится в непосредственной близости от истока р. Навли, известны три памятника с материалами, синхронными пос. 1 у д. Железное Городище: гор. у д. Муравлево (рис. 6: 5) и сел. 3 у д. Сеножатное (рис. 6: 7) и Лебедка (рис. 6: 4). На гор. Муравлево этот горизонт маркируется находкой бронзовой подвески с псевдозернью, форма щитка которой схожа со звездчатыми серьгами из состава днепровских кладов 2-й группы (рис. 10: 5) (Никитина, Дударев, 2019. С. 178, рис. 3). Однако, в отличие от основной массы изделий именуемых в литературе «серьги Пастырского типа» (Айбабин, 1973), изделие с Муравлево не имеет дужки, вместо которой в верхней части щитка расположена петля для подвешивания. Украшений полностью аналогичной конструкции найти полка не удалось. Керамики, достоверно относящейся к интересующему нас времени на городище пока не обнаружено. На сел. Сеножатное-3 интересующие нас древности представлены находками керамики волынцевского типа, собранными с поверхности памятника (Желудков, и др., 2019. С. 176–177). Еще один памятник с материалами VIII в., расположенный на р. Цон – сел. Лебедка

(рис. 6: 4). Раскопки на нем проводила Т.Н. Никольская в 1952–1953 гг. Автор работ выделяет в керамическом комплексе памятника группу сосудов «с прямым горлом, но выпуклыми плечиками», которые «относятся к несколько более раннему времени, чем сосуды роменского типа, а именно к VII–VIII вв.». В качестве аналогий Т.Н. Никольская приводит материалы Волынцевского поселения и могильника (Никольская, 1957. С. 191)

Пос. 1 у д. Железное Городище и группа памятников на р. Цон является связующим звеном между речными бассейнами, и позволяет нам рассматривать маршрут Десна–Навля–Цон–Ока как один из путей проникновения раннеславянского населения с территории Днепровского Левобережья в Верхнеокский регион. Этот процесс предварял массовое заселение берегов Верхней Оки и ее притоков носителями древностей роменского типа в IX в.

Таким образом, на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов мы можем предварительно представить этнокультурную ситуацию, сложившуюся на территории Верхнего Поочья во 2-й половине VII – VIII в.

Основную роль в ее сложении играли древности волынцевского типа. С этим пластом древностей связаны находки бронзовых подвесок имитирующих серьги пастырского типа, браслета с полыми окончаниями, предметов поясного набора, а так же лепных и гончарных сосудов круга Сахновки и Битицы. Эти материалы маркируют наиболее ранний этап освоения региона представителями культур славянского круга.

Помимо носителей древностей типа Сахновки-Волынцево, есть основания предполагать существование в предроменский и роменский периоды остатков населения, бытовавшего на территории региона с середины III по середину VII в. Подтверждением этому, служат находки сосудов мощинской традиции в комплексах IX–X вв.

Наиболее сложным вопросом является этнокультурная интерпретация поминального комплекса на гор. Гора Услань. Изученный комплекс демонстрирует культурный эклектизм: лепные сосуды, связанные с сооружением, относятся к кругу Сахновки, пряжка из кострища ритуального

сооружения 1 встречает аналогии в мордовских древностях, находка же миниатюрного лепного кувшина имеет явное степное происхождение. Некоторую ясность может внести происхождение самого обряда сооружения подобных поминальных конструкций с использованием каменных выкладок, кострищ и ритуальных сосудов.

Первым делом, напрашиваются параллели с древнетюркскими поминальными практиками, где имеются синхронные, аналогичным образом организованные объекты. Схожие комплексы, а именно округлые каменные выкладки под которыми расположены угольные пятна, сосуды, кости животных, и, в редких случаях вещевые находки, обнаруживаются, в частности в тюркских древностях южного Зауралья, в составе памятников Селенташского типа VI–VIII вв. (Боталов, 1996. С. 149, рис. 1; 153, рис. 4; 156, рис. 6). Аналогичные поминальные сооружения можно обнаружить и еще дальше на востоке – т.н. ритуальные курганы раннесредневековых тюрок Алтая 2-й половины VII – 1-й половины IX в. (Серегин, Матренин, 2016. С. 131, рис. 62; 132, рис. 63). В целом, возведение поминальных сооружений с применением каменных выкладок, жертвенниками и остатками тризн – характерная черта древнетюркской культуры середины – 2-й половины I тыс. н. э. (Дворников, 2004).

В то же время, можно обратить взор на запад, и обнаружить схожие объекты в синхронных древностях Балкан. Это т.н. «српске громиле» – небольшие курганы обложенные камнем, около 4-5 м в диаметре, без следов захоронений, однако с остатками ритуалов, посвященных умершим (Јанковић, 1997. С. 382–393). Близкое к публикуемым по форме и размеру сооружение из Уздолья близ Книна (совр. Хорватия) содержит, помимо костей животных фрагменты керамики, и датируется VIII – началом IX в. (Јанковић, 1998. С. 75–79). Этнокультурная интерпретация этих объектов так же вызывает дискуссии в среди сербских археологов (Радичевић, 2023. С. 94–96).

Разумеется, наличие схожих объектов в древнетюркских и балканских древностях, даже не смотря на их относительную синхронность, не позволяют

всерьез возводить сооружения, изученные на гор. Гора Услань к столь территориально и культурно далёким материалам. Приведенные примеры скорее демонстрируют особую сложность, возникающую при этнокультурной интерпретации уникального для нашего региона памятника.

Однако, степной вектор интерпретации комплекса представляется наиболее актуальным. Благодаря исследованиям последних лет, схожие объекты стали известны в Верхнедонском ареале салтово-маяцкой культуры. Территориально ближайший к нам изучен на сел. Мухино-2: он представлял собой каменную выкладку прямоугольной в плане формы и размерами 1,2 х 1,5 м, ориентированную по линии С-З – Ю-В. Под камнями были найдены мелкие кальцинированные кости коровы, а так же железный наконечник копья. Сооружение датировано авторами работ в рамках 2-й половины VIII – середины IX вв. (Земцов, Владимиров, 2024. С. 217–234). Ритуальное сооружение хазарского времени с использованием сплошной каменной выкладки известно и на территории Нижнего Подонья – это знаменитый «курган с камнем», с поверхности которого собран набор наконечников стрел конца VIII – начала IX в. (Флеров, 2005. С. 33).

Схожие объекты известны и в степных древностях VII–VIII вв. среднего Поволжья – в погребально-поминальных практиках на памятниках новинковского типа. Для погребальных памятников этого типа характерно перекрытие захоронений каменными выкладками, содержащими среди камней кости домашних животных и фрагменты сосудов, являющихся, вероятно, остатками поминальных тризн (Лифанов, Зубов, 2011. С. 53). Неоднократно зафиксированы так же каменные выкладки, не содержащие захоронений, и выполнявшие поминальную функцию (Лифанов, 2017. С. 79–90). Такие комплексы известны в составе могильников на Самарской Луке: в частности, курганы 3 и 5 Бруснянского II могильника, курган 9 Выползовского могильника (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. С. 51, 194). Под насыпью кургана 12 Новинковского II могильника, который имел каменную обкладку, содержащую кости животных, на уровне материка располагалось, как и в нашем случае,

зольное пятно овальной формы не содержащее следов захоронения (Матвеева, 1997. С. 23–24, 154, рис. 56). Курган 9 Выползовского могильника, так же не содержащий захоронения, по форме, размеру и мощности каменного панциря близок к объекту на площадке гор. Гора Услань (Богачев, Ермаков, Хохлов, 1996. С. 86, 97, рис. 4). Как было сказано выше, находки лепных кувшинов, аналогичных обнаруженному в кострище, так же характерны для новинковских древностей.

О присутствии степного этнического компонента в материалах комплекса косвенно свидетельствует и остеологический набор, представленный среди остатков поминальной тризны – он демонстрирует явное преобладание костей овцы и лошади (Чубур, 2026. С. 487).

Новые исследования на Самарской луке свидетельствуют о тесном взаимодействии славян и степняков в VIII в., что выражается в памятниках Жигулевского типа, в комплексе которых обнаруживается значительный славянский компонент (Сташенков, 2024. С. 83–85). Вероятнее всего, возникновение поминального комплекса на гор. Гора Услань в VIII в. связано со схожими этнокультурными процессами, предваряющими как массовое заселение берегов Верхней Оки и ее притоков славянами в IX в., так и мощное влияние салтово-маяцкой культурно-исторической общности на этом этапе.

Начиная с IX в. на территории верховьев Оки и Дона возникает многочисленная группа памятников, связанных с роменской археологической культурой. Древности этого типа продолжают существование вплоть до середины XI в. Своего расцвета они достигают в IX – 1-й половине X в. Согласно хронологии славянских древностей региона, памятники этого времени соответствуют раннему этапу славянской колонизации Окско-Донского междуречья.

ГЛАВА 4.
ПОСЕЛЕНИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ IX – 1-Й ПОЛОВИНЫ X ВЕКА.

Основой для формирования этнокультурной картины региона в этот период являются древности роменской археологической культуры, сложившейся на территории Днепровского лесостепного левобережья в 1-й половине IX в. (Макаренко, 1925; Сухобоков, 1975; 1992; Григорьев, 2000). Синхронные славянские памятники в бассейне Дона, выделялись исследователями в боршевскую культуру (Ефименко, Третьяков, 1948; Москаленко, 1981). Материальная культура славян Поднепровья и Подонья весьма схожа, и в литературе часто употребляется термин «роменско-боршевская культура», происходящий от названия двух эпонимных памятников – гор. Монастырище у гор. Ромны и Большого и Малого Борщевских городищ[14]. Формирование роменской культуры происходило в ареале предшествующих ей древностей волынцевского типа, маркирующих предроменский этап освоения территории (см. предыдущую главу).

На территории верховьев Оки и Дона формирование культуры проходило в тех же ритмах, что и в целом в Днепро–Донском ареале. Как показано в предыдущей главе, древности VIII в. в нашем регионе представлены немногочисленными пока памятниками, соотносимыми с культурным горизонтом типа Сахновки-Волынцево. Начиная с рубежа VIII–IX вв. мы уже имеем многочисленные поселения и могильники роменской культуры. Они достаточно хорошо изучены, в том числе масштабными раскопками.

Всего на сегодняшний день нам известно 63 памятника, которые можно отнести к раннему периоду славянского освоения региона – IX – 1-й половине X в., среди них 55 поселений и 8 могильников (рис. 21). Наиболее информативным и исследованным памятником этого времени является поселение на площадке гор. Супруты (рис. 21: 46), игравшее роль военного и

[14]Подробнее о соотношении понятий «роменская» и «боршевская» культура см. п. 2.2 «Историография изучения славянских древностей верховьев Оки и Дона»

административного центра в исследуемый период, и, вероятно выполнявшее функции контроля над ключевым участком речного торгового пути (Григорьев, 2005б. С. 156–161)[15]. В качестве базовых также привлекаются материалы комплексов, изученных на гор. Петровское (рис. 21: 36) (раскопки 2015 г.), Гора Услань (рис. 21: 12) (раскопки 2021 г.), сел. Уткино-1 (рис. 21: 54) (раскопки 1989 г.), Торхово-3 (рис. 21: 48) (раскопки 1996–1999 гг.), Каменка-1 (рис. 21: 22) (раскопки 2010 г.), Устье-2 (рис. 21: 51) (раскопки 2017 г.), Слободка-1 (рис. 21: 44) (раскопки 1999–2001 гг.). В качестве вспомогательных данных могут быть использованы отдельные находки из раскопок С.И. Изюмовой на гор. Щепилово (рис. 21: 61) 1951–1953 гг., и курганных группах Доброе (рис. 21: 14), Западная (рис. 21: 20) и Б. Тризново (рис. 21: 49), данные раскопок конца XIX – начала XX вв. на гор. Федяшево (рис. 21: 56) и Дуна (рис. 21: 17), на курганных могильниках Тшлыково (рис. 21: 50), Воронец (рис. 21: 6) и Песковатое (рис. 21: 33). Отдельно стоит отметить работы краеведа Н.Г. Трофимова на курганном могильнике Тшлыково и сел. Бунаково, известные, в основном, по данным его личного архива, а так же материалы раскопок Е.О. Володина на сел. Щучье (2015–2016 гг.), которые на сегодняшний день не введены в научный оборот (рис. 21: 62)[16].

Памятники известные по разведочным данным могут быть отнесены к поселениям раннего периода условно, на основании их географического положения и подъемного материала. Многие из них приведены в приложении 1 обобщающей работы А.В. Григорьева 2005 года (Григорьев, 2005б. С. 175–192). С этого времени количество подобных памятников значительно возросло. В 2009 г. выявлены поселения Шатск-17–18 на берегу р. Шат (рис. 21: 58, 59) (Арх. ИА РАН. Колоколов, 2010. С. 11–12). В 2013 г. на берегу р. Осетр были

[15]Для полноценной интерпретации пригодны материалы работ 1995–2007 гг., т.к. они тщательно зафиксированы и связаны со стратифицированными комплексами. Находки из раскопок С.А. Изюмовой 1954–1977 гг. могут использоваться лишь как вспомогательные, при характеристике отдельных элементов материальной культуры населения.

[16]Необходимо остановится на материалах раскопок гор. Велегож (Арх. ИА РАН. Столяров, 2012), которые введены в научный оборот, однако в данной работе не используются. Интерпретация Р.Н. Модиным фрагментов груболепных сосудов происходящих из раскопа 2012 г. как керамики роменского типа (Модин, 2015. С. 184–197) требует уточнения, и, возможно пересмотра.

обнаружены сел. 1 и 2 у д. Андреевка, сел. 1 у д. Грабоново, сел. 1–2 у д. Причаль (рис. 21: 1, 2, 13, 38, 39) (Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014), сел. Изволь-1 (рис. 21: 19) на р. Упе (Арх. ИА РАН. Столяров, 2014). На территории Белевского р-на Тульской области было выявлено 7 поселений расположенных на берегу Оки и содержащих в подъемном материале лепную керамику роменского типа: Песковатое-1 и 4, Сестринский, Кондратово, устье Усты, Мощены, устье Гастунки (рис. 121: 34, 35, 42, 24, 53, 26; 52) (Прошкин и др., 2005. С. 203–218). Поселения, расположенные на берегу р. Красивая Меча, не учтенные в монографии А.В. Григорьева, так же предположительно являются памятниками раннего периода: гор. Дубики, сел. Козье-1, Маслово-1, Дубики-1, Шилово-1 (рис. 21: 15, 23, 25, 16, 60) (АКР Тульской обл., 2002. С. 67–76).

4.1.

Географическое положение и топография памятников.

В отличие от древностей VIII в., уровень изучения которых находится на стадии накопления материалы и его первичного осмысления, для IX – 1-й половины X в. мы имеем значительное число выявленных памятников, в том числе изученных раскопками. При рассмотрении географических и топографических характеристик поселений этого времени необходимо учитывать неравномерность археологической исследованности территории. Наиболее изученной является юго-восточная часть региона: течение верхнего Дона с притоками – рр. Мокрая и Сухая Табола, Непрядва. Благодаря сплошным археологическим разведкам на этой территории выявлено более 300 памятников археологии. Около 200 из них относятся к древнерусскому периоду, на 10% из которых осуществлены масштабные археологические раскопки (Гоняный, 2005а. С. 95–162). Однако, несмотря на это, там выявлен всего один памятник интересующей нас эпохи – сел. Устье-2. В меньшей степени изучено течение Красивой Мечи, при этом кол-во памятников IX–X вв. там значительно больше (одно городище и четыре селища). Территория окского

бассейна изучена неравномерно. Наиболее исследованным участком является течение р. Упы и ее крупных притоков: Шата, Соловы, Тулицы. Именно на этот регион приходится наибольшее количество открытых и раскопанных памятников и, обнаруженных кладов. Разведочными исследованиями достаточно полно изучено меридиональное течение Оки от впадения в нее Зуши, а так же верховья Осетра. Слабее исследованы верховья Оки в Орловском течении и бассейны некоторых ее притоков: Зуши, Вашаны, Беспуты, Исты. Тщательно обследованы водораздельные участки между верховьями притоков Оки и Дона (в административном отношении – территории Воловского и Тепло-огаревского районов Тульской области), однако памятников интересующего нас периода там выявлено не было (АКР Тульской обл., 1999. С. 11–77).

Поселения IX – 1-й половины X в. (селища и городища) расположены в основном на берегах реки Ока и ее крупных притоков, которые связывают бассейны Оки и Дона (Упа, Шат, Зуша) или позволяют значительно сократить путь внутри Окского бассейна (Осетр, Вашана, Тулица).

Как уже было упомянуто, почвенные покровы территорий, в зависимости от принадлежности к речной системе различны. Для настоящего исследования наибольший интерес представляет территория правобережья Оки с бассейном Упы, где преобладают благоприятные для занятия земледелием серые лесные почвы (Почвенная карта РСФСР, 1988. Л. 5). Вероятно, этот фактор так же оказал значительное влияние на наиболее густую заселенность этого региона. Бассейн верхнего Дона занят поселениями этого времени гораздо меньше, несмотря на то, что именно эти территории покрыты наиболее плодородными лесостепными черноземами и достаточно полно исследованы. Небольшое количество памятников IX–X вв. известно только на притоках Дона – Мокрой Таболе и Красивой Мече (рис. 21). Активное освоение черноземных территорий в верховьях Дона началось только к концу XII в. (Гоняный, 2005а. С. 95–162), при этом черноземные территории среднего Дона были массово заселены славянами в IX–X вв.

Широкая полоса, где памятников IX–X вв. не известно вовсе, расположена в центральной части региона и проходит по линии северо-восток–юго-запад, по водораздельному участку между верховьями притоков Оки и Дона. Ширина его составляет около 70 км. Эта территория подвержена активной эрозии, благодаря чему сформировались многочисленные овраги, максимально сближающие между собой верховья рек Окского и Донского бассейнов. Овраги, расположенные на водоразделах, имеют сильно ветвящуюся в плане форму, благодаря чему их обводненные русла пригодны для организации волоков.

Все городища с горизонтом IX – 1-й половины XI в. располагаются на высоких берегах крупных рек и их крупных притоках, связующих бассейны Оки и Дона. Так, гор. Супруты, Петровское и Щепилово располагаются на р. Упе, гор. Дуна и Федяшево на р. Оке, гор. Дубики на р. Красивая Меча, гор. Воротынцево на р. Зуше. Все эти водотоки являются различными вариантами прохождения судов из Окского бассейна в Донской (Григорьев, 2006а. С. 51–60). Вышеперечисленные городища располагаются либо непосредственно на берегу р. Оки (гор. Дуна, Федяшево, Вороново), либо на водоемах, связывающих речные бассейны Оки и Дона: путь Ока – Упа – Шат – Иван-Озеро – Дон (гор. Петровское, Щепилово, Супруты); путь Ока – Зуша – Красивая Меча – Дон (гор. Воротынцево, Дубики). Традиционно, укрепленные поселения в зависимости от типа рельефа, подразделяют на мысовые и островные (Раппопорт, 1967. С. 67), или останцовые, мысовые, расположенные на краю естественного препятствия, гряде, возвышении, ровной местности (Кучера, 1999. С. 13). На территории нашего региона представлен лишь один из этих типов. Все городища верховьев Оки и Дона, на которых зафиксированы материалы IX – 1-й половины X вв. расположены на высоких мысах отделенных от напольной части искусственной преградой. Разница заключается в том, что часть городищ имеют 2 склона, одним из которых является высокий берег ручья или реки, а вторым – берег впадающего в них оврага (рис. 22: 2–4) (гор. Щепилово, Петровское, Федяшево, Дуна, Никулино, Дубики,

Воротынцево). Площадка таких городищ обычно имеет подтреугольную в плане форму. Другая часть городищ имеет 3 склона, один из которых представляет собой высокий берег ручья или реки, два других – берега впадающих в них оврагов (рис. 22: 1) (гор. Супруты, «Чертово Городище»). Эти городища имеют округлую или подпрямоугольную форму площадки.

Те же характеристики справедливы и для неукрепленных поселений этого периода. Так, сел. Уткино-1 находится непосредственно на берегу Упы; сел. Торхово-3 расположено на берегу р. Синетулицы, являющейся важным транспортным узлом, соединяющим бассейны рек Упа, Вашана и Осетр; сел. Слободка-1 расположено на берегу р. Шат – основной водной артерии, соединяющей Окский и Донской бассейны. Расположение неукрепленных поселений на местности различно. Часть из них занимает невысокие (5-10 м от уровня воды) пологие склоны речных берегов, при впадении в основной водоем меленькой речки, ручья или оврага. Такое расположение демонстрируют сел. Торхово-3, Уткино-1, Щучье-1. В схожих топографических условиях находятся сел. Слобока-1, Победа, Бутырки, однако высота их над уровнем воды превышает 20 м. Некоторые поселения занимают площадки на территории надпойменных террас, ограниченные оврагами с двух сторон, как, например, сел. Каменка-1.

Подавляющее большинство городищ IX – 1-й половины XI в. исследуемого региона не имеет примыкающих к ним неукрепленных поселений. Исключением является гор. Вороново на р. Оке, в верхнем слое которого были зафиксированы материалы IX–X вв. (Никольская, 1964. С. 75–81) – вблизи него расположены два селища размерами до 1 га каждое, где в подъемном материале зафиксирована лепная керамика роменского типа (Прошкин, 2003. С. 187). Еще одно городище с прилегающим к нему неукрепленным поселением этого времени расположено на территории сопредельного региона – гор. Волконское в бассейне р. Жиздры (Прошкин, 2003. С. 187)

Поселения, на которых известны материалы IX – 1-й половины X в., чаще всего расположены в местах, где до этого находились памятники мощинской археологической культуры III–VII вв. Так, подстилающие слои этого времени зафиксированы на сел. Торхово-3, Уткино-1, Щучье-1, и др. (см. приложение 2). В некоторых случаях, селища IX – 1-й половины X в. возникали на территориях, где ранее находились поселения эпохи раннего железного века (например, сел. Слободка-1). Аналогичная ситуация и с укрепленными поселениями IX – 1-й половины X в. – они расположены на площадках городищ мощинской культуры (гор. Супруты, Щепилово, Таптыково, Федяшево), либо раннего железного века (гор. Гора Услань, Дубики) (подробнее см. п. 4.2). Говорить об устойчивой территориальной связи поселений IX – 1-й половины X в. с памятниками VIII в., сложно, ввиду крайней немногочисленности последних. Однако можно констатировать, что на большинстве объектов, где обнаружены отдельные находки или комплексы предроменского периода, изучены насыщенные слои поселений роменского времени. Такая ситуация характерна для сел. Уткино-1, Торхово-3, Каменка-1, а так же для гор. Супруты, Петровское, Никулино, Гора Услань.

На сегодняшний день известно 13 городищ и 8 селищ, которые можно уверенно отнести к раннему периоду. Они все исследованы раскопками, и имеют в своем комплексе материалы, характерные для IX – 1-й половины X в. Памятники известные по разведочным данным можно причислить к раннему периоду условно, на основании подъемного материалов, локальных земляных работ, и географического положения (рис. 4). Подавляющее большинство их составляют селища (32 памятника).

Весьма важный параметр, по которому традиционно классифицируются городища периода IX–XIII вв. – размер их защищенной площади (Куза, 1996. С. 40). Однако, в отношении городищ IX – 1-й половины XI в. исследуемого региона эту характеристику следует применять с осторожностью. Элементы фортификации большинства памятников этого времени исследованы раскопками, в результате которых установлено, что они были созданы в эпоху

раннего железного века или Великого переселения народов. Городища с укреплениями, возведенными в период IX – 1-й половины X в. практически не известны, в качестве исключения могут быть рассмотрены гор. «Чертово Городище» и Дубики (подробнее см. п. 4.2). Необходимо учитывать, что поселения, основанные в славянское время на городищах предыдущих эпох, были ограничены размерами площадки, заданными первоначальными создателями укреплений[17]. Тем не менее, площадь поселений на площадках городищ позволяет оценить приблизительную численность жителей, и является важной характеристикой памятника для сравнительной характеристики освоенных районов. Размеры площадок городищ, с материалами IX – 1-й половины XI в. следующие:

Городище	**Площадь укрепленной территории (га.)**
Вороново	0.22
Воротынцево (внутренняя площадка)	0.2
Гора Услань	0.38
Дубики	0.23
Дуна	не подлежит измерению
Жабынь	не подлежит измерению
Никулино (внутренняя площадка)	0.35
Новосиль	0.47
Петровское	0.18
Супруты	0.57
Таптыково	0.3
Федяшево	0.25
Щепилово	0.4
Юрцово	0.16

Как видно, размеры поселений на площадках городищ не превышают 0.5 га. Исключение составляет площадка Супрутского городища, размер которой составляет 0.57 га. Особый статус этого поселения в ряду памятников Окско-Донского региона уже подчеркивался выше.

Если площадь укрепленных поселений можно достоверно вычислить исходя из размеров площадки городища, то ситуация с площадями селищ

[17]Значительного изменение размера первоначальной площадки в позднее время – известны на гор. Никулино на р. Вашане (рис. 21: 27; 22: 2) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2001. С. 53–55) и гор. Воротынцево на р. Зуше (рис. 21: 9) (Никольская, 1959. С. 88). Увеличение площадки первоначального городища более чем в 2 раза было достигнуто путем строительства дополнительной линии укреплений со стороны поля. Вероятнее всего оно было осуществлено не ранее XII в., в результате образования на месте ранних городищ древнерусских городских поселений.

гораздо сложнее. Установить размеры таких памятников возможно методом парных шурфов[18], но подобные работы обычно проводятся в связи с оценкой воздействия хозяйственных работ на памятник археологии. В отношении поселений IX – 1-й половины XI в. таких работ практические не проводилось. При этом стоит учитывать, что и при использовании такой методики, получение валидных данных маловероятно[19]. Таким образом, достоверных сведений о площади неукрепленных поселений на настоящем этапе исследования мы не имеем. На сегодняшний день мы располагаем лишь приблизительными линейными размерами для части селищ, достоверно или косвенно отнесенных к периоду IX – 1-й половины XI в. Они были установлены исследователями на момент выявления памятника, на основании рельефа местности и распространения подъемного материала. Рассчитать площадь памятников на основании линейных размеров затруднительно, т.к. эти объекты не имеют уточнённых полигональных границ и простое перемножение длинны и ширины участка распространения подъемного материала, приведет к еще большему искажению данных.

Селище	**Приблизительные линейные размеры памятника (м.)**	**Источник**
Андреевка-1	150 х 100	Приказ № 45 от 06.03.2014 г. Прил. № 5. № 90
Андреевка-2	150 х 50	Приказ № 45 от 06.03.2014 г. Прил. № 5. № 91
Берхино-1	65 х 35	АКР, Московская обл. Часть 4. С. 106
Бутырки	150–200 х 150 м	Арх. ИА РАН. Равдина, 1956. № 4056
Воротынцево-8	240 х 100	АКР, Орловская обл. С. 62.
Грабоново-1	200–280 х 50–120	Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. № 42031–42033
Дубики-1	60 х 50	АКР. Тульская обл. Часть 2. С.70
Ивановка-2	290 х 170	Арх. ИА РАН. Зацаринный, 2006 г. №36078
Изволь-1	350 х 180	Арх. ИА РАН. Столяров, 2014. № 48611–48612
Каменка-1	300 х 230–70	Екимов, Колоколов, 2023. С. 208–235.
Козье	140 х 50	АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 71–72

[18]«Границы территории объекта археологического наследия либо его частей, не выраженных в рельефе, следует подтверждать парными шурфами – шурфом, содержащим культурный слой, и расположенным напротив него шурфом, в котором культурный слой отсутствует. Расстояние между парными шурфами определяется держателем открытого листа с учетом вида и индивидуальных особенностей объекта археологического наследия» (Положение…от 12 апреля 2023 г. п. 3.8)

[19]Наиболее ярко это демонстрирует пример сел. Торхово-3, при раскопках которого были обнаружены и изучены представительные материалы интересующего нас периода. В 2019 году были осуществлены работы по детализации границ поселения, и расчет его площади (Грищук, Фомин, 2019. С. 254–255). Однако границы были установлены исходя из распространения культурного слоя XIV–XV вв., занимающего наибольшую площадь. Границы и размеры поселения IX–X вв. остались неясны.

Маслово	50 х 20	АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 74
Новоселки-2	450 х 50	АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 154.
Новоселки. Поселение 1	100 х 70	АКР, Московская обл. Часть 4. С. 49
Новоселки. Поселение 3	140 х 60	АКР, Московская обл. Часть 4. С. 50.
Победа	400 х 170	Архив ИА РАН. Шебанин, 1999. № 27433
Причаль-1	110 х 40	Арх. ИА РАН. Клянин, 1989. № 14430
Причаль-2	155х120	
Сатинка-1	10 х 10	Арх. ИА РАН. Столяров, 2009. № 37918
Слободка-1	1400 х 100–500	АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 133–134
Торхово-3	2000 х 1300	АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 162–164.
Устье-2	260 х 86	Гоняный, 2020. С. 62–101
Уткино-1	450 х 85	АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 134.
Чифировка	170 х 50	АКР Тульская обл. Часть 2. С. 135.
Шатск-17	150 х 100	Арх. ИА РАН. Колоколов, 2009. № 37848
Шатск-18	200 х 100	Арх. ИА РАН. Колоколов, 2009. № 37848
Шилово	130 х 110	АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 76
Щучье-1	300 х 40	АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 50

4.2.

Оборонительные сооружения.

Городища раннего периода довольно полно исследованы раскопками. Помимо исследований на их площадках, на городищах производились разрезы напольных волов, мысовых и боковых укреплений. Так, в 1996 г. А.В. Шековым осуществлен разрез вала (раскоп XXII) на Супрутском городище (рис. 23: 13; 24: 1) (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. С. 4–30; рис. 6–10). Раскопки на площадке гор. Щепилово и разрез напольного вала осуществлены С.А. Изюмовой в 1952–1953 гг. (рис. 23: 17; 24: 3) (Григорьев, 2005б. С. 26). На гор. Дуна разрез напольного вала и рва осуществлен А.М. Воронцовым в 2011 г (рис. 23: 4; 24: 5) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2011). На гор. Федяшево В.А. Городцовым в 1897 г. были осуществлены раскопки площадки памятника и исследованы укрепления (Городцов, 1898; 1900). На гор. Петровское (рис. 23: 10) в 2015 г. наряду с площадкой исследован участок укреплений западного склона (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015). Укрепления гор. Дубики исследовались в 2004 и 2015 гг. Ю.Д. Разуваевым (рис. 24: 3; 24: 4) (Разуваев, 2015. С. 148–152; 2018. С. 31–41). Зачистка разрушения вала гор. Воротынцево

была осуществлена в 1955 году Т.Н. Никольской (рис. 24: 2; 24: 2) (Никольская, 1959. С. 88).

Раскопочными исследованиями установлено, что укрепления на городищах раннего периода возведены в 1-й половине – середине 1 тыс. н.э. или эпоху РЖВ (Колоколов, 2021. С. 188–223). Исследования напольного вала гор. Щепилово в 1952 г. С.А. Изюмовой установили, что укрепления этого поселения были возведены во время мощинского периода существования городища, и в славянское время не обновлялись (Григорьев, 2005б. С. 27). Укрепления гор. Супруты так же были возведены в 1-й половине I тыс. н.э. (Григорьев, 2005б. С. 27; Шеков, 1997. С. 190). Разрез вала на гор. Дуна выявил укрепления XII–XIV вв., предположительно относящиеся к летописному городу Девягорецку (Воронцов и др. 2018. С. 7–49). Плохая сохранность вала городища не позволяет сделать однозначный вывод о наличие, либо отсутствие фортификации ранних эпох. Предположить что первоначальные укрепления гор. Дуна были возведены в эпоху РЖВ позволяет наличие на площадке городища мощных культурных напластований VI – последних веков I тыс. до. н.э. (Столяров, 2015. С. 96–121). Укрепления гор. Федяшево исследовались В.А. Городцовым в 1897 году, им был прорезан напольный вал. По мнению исследователя, возведение вала относится к в 1-й половине – середине I тыс. н.э. (Городцов, 1898. С. 217–229; 1900. С. 5–10). Исследования укреплений западного края площадки гор. Петровского позволили установить, что они относятся к горизонту VI–V вв. до н.э. (Столяров, Простяков, 2025. С. 47). Вал гор. Воротынцево, судя по описанию Т.Н. Никольской, имел 2 этапа строительства. Нижняя часть вала состояла из стерильного обожженного суглинка, и относилась, очевидно, к горизонту эпохи РЖВ верхняя часть вала состояла из культурного слоя славянского поселения, использованного при возведении укреплений городища XI–XII вв. (Никольская, 1959. С. 88). Отсутствие в насыпи вала материалов эпохи РЖВ приводит к выводу, что в славянское время укрепления городища серьезно не обновлялись. В результате исследований укреплений на гор. Гора Услань 2021–2024 гг. было установлено,

что они возведены в период VI–V вв. до. н. э. (Столяров и др., 2022. С. 177–179; 2025. С. 216–219).

Наиболее интересным в фортификационном отношении памятником этого времени, является гор. Дубики. Это единственное городище, расположенное на берегу реки относящейся к бассейну р. Дон на территории верховьев Оки и Дона. Вал гор. Дубики исследовался Ю.Д. Разуваевым в 2004 и 2015 гг. В результате было установлено, что укрепления были сооружены носителями городецкой культуры скифского времени, затем обновлялись в начале I тыс. н.э. (Разуваев, 2015. С. 148–152; 2018. С. 31–41). Ю.Д. Разуваевым так же был зафиксирован элемент сгоревшей деревянной конструкции в насыпи вала, представлявший собой столбовую яму насыщенную древесным углем. При помощи радиоуглеродного анализа конструкция была датирована концом IX – началом XI вв. (Разуваев, Засовская, 2014. С. 352). На настоящий момент гор. Дубики это на территории нашего региона единственный памятник где зафиксированы конструкции славянского времени на гребне вала предыдущих эпох. Если интерпретировать эту конструкцию как оборонительное сооружение, то вероятнее всего оно представляло собой так называемый «заплот». Подобный вид укреплений представляет собой стену из горизонтально улаженных друг на друга бревен, закрепленных между вертикальными стояками (Моргунов, 2019. С. 306–307; рис. 113: 3), один из которых мог оставить вышеупомянутую столбовую яму. Частокольная конструкция исключена, т.к. подразумевает наличие канавы глубинной около 0.5 м (Коваль, 2017. С. 15). Не исключено так же наличие жилой либо хозяйственной постройки на вершине вала, учитывая его пологую форму. Вероятно, время возникновения славянского поселения на площадке гор. Дубики синхронно городищам раннего периода, но, ввиду того что оно располагалось в стороне от памятников Окского бассейна, ему удалось избежать участи гор. Супруты и синхронных ему поселений расположенных на притоках Оки. Расположение городища вдали от впадение в р. Дон (48 км по прямой) не позволило ему разделить судьбу крупного славянского поселения

Устье-2 на р. Мокрая Табола (левый приток р. Дон), гибель которого М.И. Гоняный датирует 1-й четвертью X в. и связывает с гибелью гор. Супруты (Гоняный, 2020. С. 70). Наличие в керамическом комплексе городища помимо лепной роменской, достаточного количества раннекруговой керамики (Разуваев, 1987. С. 127–128, рис. 5) может быть объяснено продолжением его существования и после уничтожения городищ раннего периода и прекращения функционирования речного торгового пути (подробнее см. п. 5.2).

Таким образом, практически все укрепленные пункты раннего периода (гор. Щепилово, Супруты, Дуна, Федяшево, Петровское, Дубики, Воротынцево), по сути, являются поселениями, организованными на площадках городищ ранних эпох, и не оснащенными собственной системой фортификации. Объяснением этому может служить внутри– и внешнеполитическая стабильность в регионе, и как следствие, отсутствие необходимости в мощных укреплениях.

Исключение составляет гор. «Чертово Городище» – ближайший синхронный памятник левобережья Оки, тщательно исследованный раскопками. Памятник расположен на сильном удалении от крупных речных артерий, что исключает его прямое участие в функционировании Донского торгового пути. В то же время исследования укреплений городища выявили, что они представляют собой характерную для славян рубежа I–II тыс. деревоземляную конструкцию в виде цепочки засыпных срубов с использованием природного камня, выходы которого зафиксированы на площадке памятника (Прошкин, 2016а. С. 64–81). При этом комплекс находок памятника говорит о том, что гор. «Чертово Городище» синхронно гор. Супруты, и славянский период бытования на нем ограничивается IX – 1-й половиной X в. (Прошкин, 2016а. С. 113–119). О.Л. Прошкин связывает гибель гор. «Чертово Городище» с финалом г. Супруты, погибшего вследствие военного разгрома (Прошкин, 2016б. С. 113–119). Однозначной интерпретации памятника на настоящий момент не существует. Многолетней исследователь городища О.Л. Прошкин выдвинул предположение, что памятник является

локальным культовым местом славянского населения Верхнего Поочья и, возможно, убежищем (Прошкин, 2011. С. 72–73).

Помимо перечисленных, на территории региона известны так же укрепленные поселения, содержащие материалы IX – 1-й половины X в., но фортификация которых относится к более поздней эпохе. Это городища, где укрепления древнерусского времени возведены на территории существовавшего ранее славянского селища. Такие городища как Слободка (рис. 23: 12) (Арх. ИА РАН. Шебанин, 1999, 2000; Григорьев, 2005б. С. 27), Устье (рис. 23: 15) (Гоняный, 2020. С. 62–101) и Новое Село (рис. 23: 8) (Григорьев, 2005б. С. 180) имеют на площадке материалы IX–X вв., относящиеся к культурному слою роменских селищ, на дневной поверхности которых в XII–XIII вв. были возведены укрепления. Очевидно, это относится и к гор. Свисталово на р. Упе (рис. 23: 11). Во время раскопок 1990 года М.Е. Смирновой, в культурном слое городища были обнаружены фрагменты и реконструируемые формы груболепных сосудов роменского типа, однако разрез вала показал, что укрепления относятся к древнерусскому этапу существования памятника (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1990)

4.3.
Жилые и хозяйственные постройки

Детальные реконструкции жилых построек памятников раннего периода были выполнены А.В. Григорьевым, на основании раскопок на гор. Супруты, сел. Торхово-3 и Уткино-1 (рис. 25: 7, 8, 10). После этого, столь масштабных полевых работ на памятниках раннего периода не осуществлялось. Единичные жилищные комплексы были изучены на гор. Гора Услань (Колоколов, 2023г. С. 252–267) и сел. Каменка-1 (Екимов, Колоколов, 2023. С. 208–235), а так же комплекс из 8-ми построек, изученный в раскопе XXVIII на гор. Супруты (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006; 2007). К остаткам жилых построек относится и яма 1, исследованная на сел. Ивановка-2 (Зацаринный, 2023. С. 240–259) (рис. 25; 102). Эти объекты вполне укладываются в типологию жилых построек,

разработанную А.В. Григорьевым. (Григорьев, 2003. С. 319–343). Поэтому мы приведем краткую характеристику жилищного строительства населения междуречья Оки и Дона в IX – 1-й половины X в.

Жилые постройки раннего периода представлены 3-мя основными категориями (по А.В. Григорьеву): полуземлянки (рис. 26: 12: I), наземные постройки с подполом, занимающим всю, половину или менее ее площади (рис. 26: 12: II) и полностью наземные постройки (рис. 26: 12: III). Практически все жилища представляли собой сруб, форму и конструкцию крыши достоверно восстановить не возможно. Исходя из данных определения пород дерева по угольками, осуществленного на материалах раскопа XXVIII на гор. Супруты, при сооружении построек использовалась, в основном, древесина клена (Арх. ИА РАН. Александровский, 2006. С. 24–40). Клен и сейчас является наиболее распространённой породой дерева на территории Тульских засек.

В большинстве случаев дома отапливались печами каменками. Их развалы фиксируются в постройках всех типов. В жилищах, имеющих заглубленную часть, они представляют собой компактные завалы обожженного камня, угля и печины. В наземных постройках фиксируется в основном глиняный под округлой формы. Останцовые печи (т.е. вырезанные в материковой стене котлована) известны только на сел. Уткино-1. На памятниках Днепровского лесостепного левобережья ситуация обратная: в жилищах преобладают останцовые печи, каменки же единичны (Григорьев, 2005б. С. 37–38).

На поселениях раннего периода (Супруты, Уткино-1 и Торхово-3) представлены постройки всех 3-х типов (рис. 26: 1–8). При этом преобладают конструкции 1-го и 2-го типа, полностью наземные сооружения представлены в меньшей степени. На сел. Торхово-3 и Уткино-1, помимо вышеописанных, известны сооружения округлой формы с ямой от центрального столба, служившего для поддержания кровли. Аналогиями таким объектам являются юртообразные жилища, распространенные в древностях салтово-маяцкой культуры (Григорьев, 2003. С. 319–343; 2005. С. 54–55, рис. 17). Округлые

юртообразные жилища каркасно-столбовой конструкции, снабженные округлым же котлованом, встречаются на поселениях оседлого славянского населения лесостепи более раннего времени V–VIII вв. (Казанский, 2019. С. 73–86).

Стоит отдельно остановиться на реконструкциях построек 1 и 2 раскопа 3 (2017 г.) на сел. Устье-2, выполненных А.В. Шишковым. Они представляют особый интерес, т.к. это единственные жилища, исследованные в бассейне верховьев Дона. По мнению исследователя, постройка 1 представляла собой срубную конструкцию с двумя жилыми уровнями, каждый из которых был оснащен собственным входом и отопительным устройством, при этом печи располагались практически на одной вертикальной оси (рис. 26: 10) (Шишков, 2020. С. 53–54, рис. 11). Для исследуемого региона это не вполне типичный вид жилища, однако, оно имеет близкие аналогии в синхронных славянских древностях Северской земли: жилища близкой конструкции зафиксированы на пос. Горбово (Григорьев, 2000. С. 91, рис. 33) и на Липинском городище (Енукова, 2006. С. 354, рис. 65). Не менее оригинальная реконструкция предложена для постройки 2. Объект представляет собой две неглубокие аморфные ямы, соединённые друг с другом, в одной из которых зафиксированы остатки отопительного устройства (Шишков, 2020. С. 58, рис. 14). Автор исследования реконструирует сооружение как наземное жилище с хозяйственной пристройкой (рис. 26: 11) (Шишков, 2020. С. 59–60, рис. 15–16).

В основных чертах традиция домостроительства населения верховьев Оки и Дона на протяжении раннего периода, в целом сходна с традициями носителей роменской культуры на сопредельных территориях: Днепровского Левобережья (Григорьев, 2000. С. 77–100), Посемья (Енукова, 2007), Верхнего Подонья (Енуков, Енукова, 2012. С. 140–147; Тропин, 2020. С. 186–206). В качестве местной особенности можно выделить преобладание печей каменок. Вероятно, это связано с большей доступностью камня и характером грунта лесной зоны. Материковый горизонт зачастую представляет собой песчаный или супесчаный грунт, малопригодный для сооружения останцовой печи.

Следы хозяйственных построек представлены большим количеством ям, выявленных при раскопках на поселениях. В ямах, перекрытых легкими навесами, следы от которых сохраняются редко, хранились различные припасы. Часть из них имеет грушевидную или колоколовидную форму и интерпретируется как зернохранилища. Отдельные зерновые ямы известны на сел. Торхово-3, Уткино-1, Щучье-1 (рис. 25: 8, 10, 11). На городищах зерновых ям пока не обнаружено.

Наилучшее представление о зернохранилищах раннего периода нам дают материалы раскопок сел. Слободка-1 (рис. 21: 44; 25: 6). При раскопках памятника была выявлена особая хозяйственная зона поселения, расположенная в прибрежной части поселения, на которой было сконцентрировано 17 зерновых ям, объемом от 0,37 до 4 куб. м (рис. 27). Учитывая, что селище расположено на р. Шат, маркирующей один из основных маршрутов перехода из Окского в Донской бассейны, расположение значительного количества зернохранилищ отдельно от жилой застройки свидетельствует о торговом назначении хранящейся в них продукции.

В результате раскопок на селище, на уровне материковой поверхности были выявлены контуры 25 заглубленных объектов округлой в плане формы. Остатков жилых построек в границах раскопа обнаружено не было.

Большинство объектов могут быть интерпретировано как «хлебные» или «зерновые» ямы. В качестве таковых могут рассматриваться 17 ям – №№ 1, 2, 4–6, 8, 11, 14, 16–22, 24, 25 (рис. 27–30). Для них характерна колоколовидная (№№ 1, 4, 11, 14, 17, 22) либо коническая (№№ 2, 5, 6, 16, 19–21, 25) форма и следы обжига по дну и стенкам. Ямы, имеющие цилиндрическую форму – №№ 8, 18 (рис. 28: 8; 30: 12), так же допустимо отнести к категории зерновых (Григорьев, 2000. С. 104–105), тем более что в заполнении ямы №18 обнаружены включения зерен ячменя, пшеницы, ржи, проса и гороха (Шебанин, Колоколов, 2023. С. 434, табл. 2). Еще один объект, который на основании находок зерен перечисленных культур можно отнести к зернохранилищам, несмотря на нетипичную морфологию – яма № 24. Ее форму

можно определить как «кубковидная» (рис. 30: 9). Не вполне ясным остается назначение ямы 7. Ни размером, ни формой она не подходит под категорию зерновых (рис. 29: 14). Заполнение ее представлено прослойками, насыщенными древесным углем, чередующимися с прослойками суглинистого затека. Из заполнения ямы происходит 2 стенки груболепных сосудов роменского типа и 1 донце (рис. 29: 12, 13).

Большинство ям имеют на дне тонкий слой, насыщенный древесным углем, золой, печиной и обгорелыми камнями (рис. 28: 1; 29: 10; 30: 1, 6, 12). Этот слой сформировался в результате обжига дна и стенок. Многочисленные прослойки древесного угля, вкрапления печины, костей МРС, свидетельствует о длительном их использовании в качестве мусорных ям. Подобное заполнение фиксируется и на синхронных памятниках левобережья Днепра (Григорьев, 2000. С. 104–105, рис. 39).

В ямах №№ 5 и 8, в верхней и средней части их заполнения зафиксированы каменные вымостки (рис. 29: 7, 8; 28: 7). В заполнении ямы 5, под каменной вымосткой зафиксирована угольная прослойка со следами сгоревшей соломы и зерен злаков. Установить прямую связь между этой прослойкой и каменной вымосткой не представляется возможным. Так же из заполнения ямы 5 и 8 происходит наиболее представительная серия керамики роменского типа на памятнике. Керамика толстостенная, с заглаженной поверхностью, примесями дресвы и шамота в тесте (рис. 28: 9–12; 28: 1–5). Однозначная интерпретация этих конструкций затруднительна. О.Н. Заидовым высказывалось предположение, что объект имел культовое назначение[20]. Это предположение, впрочем, не исключает первоначального использования ям в качестве зернохранилищ. Возможно, каменные вымостки имели чисто утилитарную функцию и сооружались на дне уже заплывших или забросанных ям как основа для открытого очага или долговременного кострища. Вероятное их назначение – варианты летних кухонь, или, учитывая расположение здесь

[20]Предположение было высказано О.Н. Заидовым, принимавшим непосредственное участие в раскопках памятника.

«зерновых ям» – сооружения для сушки снопов. Подобные сооружения в восточнославянском мире известны по этнографическим материалам как шиши, или овины (Зеленин, 1991. С. 74–80).

Таблица 1. Находки зёрен в отмывках заполнения ям сел. Слободка-1 Киреевского района Тульской области. Обработка Кирьяновой Н.А.

№№ ям	ячмень	пшеница	рожь	просо	горох	обломки	дикорастущие
18	18 (?)	1+2 (?)	1 (?)	3	2	28	1 малина
21	10 (?)	–	–	–	–	–	1 лещина
24	23	3 (?)	–	1	–	37	–
24	11	–	2 (?)	–	–	3	–
25	9	–	–	3	–	24	–

По объему зерновые ямы можно разделить на 3 условные категории, предложенные А.В. Григорьевым для памятников Северской земли, где в качестве единицы измерения предлагается четверть – традиционная мера объема сыпучих тел в XIV–XX вв., равная приблизительно 0,2 куб. м. Ямы были малые (до 4-х четвертей), средние (4–7 четвертей) и большие (свыше 7 четвертей) (Григорьев, 2000. С. 105). Объем является приблизительным, он вычислен исходя из стратиграфического разреза ям, по формуле объема усеченного конуса – $V=1/3\pi h(r_1^2+r_1*r_2+r_2^2)$, где V – объем, r_2 – малый радиус, r_1 – большой радиус, h – высота, π – число Пи (3,14). Таким образом, к категории малых относятся ям относятся объекты №№ 2, 11, 14, 16, 24, 25 (6 ям), средних – 21, 20 (2 ямы), больших – 1, 4–6, 8, 17, 18, 22 (8 ям) (рис. 27–30). При этом, явной зависимости между формой ямы и ее размерами не наблюдается. На лицо явное преобладание ям крупного объема (7,5–20 четвертей) – их больше половины от общего числа.

Таблица 2. Размеры и форма зерновых ям на сел. Слободка-1

Сокращения: Ц – цилиндрическая; Кол. – колоколовидная; Кон. – конусовидная; Куб. – кубовидная; D1 – диаметр устья; D2 – диаметр дна; H – высота. (по: Шебанин, Колоколов, 2023. С. 434)

№ ямы	Размеры			Форма	Объем (л)	Объем (четв.)
	D1 (м.)	D2 (м.)	H (м.)			
Малые (0,5-1.5 кб.м.)						

2	0,85	1,07	0,65	Кон.	610	2,9
11	1	1,4	0,75	Кол.	856	4
14	1	0.98	0.58	Кол.	580	2,8
16	0,8	1,15	0,8	Кон.	637	3
24	0,9	0.38	110	Куб.	383	1,8
25	0,9	1,04	50	Кон.	370	1,8
Средние (1,5-2,3 кб.м.)						
20	1,45	1,5	0,7	Кон.	1157	5,5
21	1,07	1,18	1,05	Кон.	1143	5,5
Большие (2,3-4,3 кб.м.)						
1	1,45	1,8	1,05	Кол.	2316	11
4	1,19	1,67	1,05	Кол.	1835	8,8
5	2,1	2,35	0,97	Кон.	3985	19
6	1,8	1,98	0,75	Кон.	1987	9,5
8	1,5	1,6	8	Ц	1510	7,5
17	1,2	1,3	1,1	Кол.	1647	7,8
18	2	2	1,4	Ц	4311	20
19	1,3	1,4	0,95	Кон.	1361	6,5
22	1,27	1.4	1,15	Кол.	1596	7,6

На территории верховьев Оки и Дона отдельные житные ямы зафиксированы так же на поселениях IX – 1-й половины X в.: сел. Торхово-3, Уткино-1 (Григорьев, 2005б. С. 60), а так же Щучье-1 (Арх. ИА РАН. Володин, 2016; 2017). Во всех случаях зерновые ямы располагались либо внутри жилых построек, либо в непосредственной близости от них. При этом, соотношение ям разного объема на них практически равное, с некоторым преимуществом хранилищ малого объема (Григорьев, 2005б. С. 61). Подобная ситуация фиксируется и на синхронных памятниках Днепровского Левобережья (Григорьев, 2000. С. 104–105). На поселении Слободка-1 мы наблюдаем обособленную хозяйственною зону, на которой сконцентрировано значительное количество житных ям.

Схожее расположение зернохранилищ наблюдается на сел. Шуклинка-1 в курском Посемье (Веретюшкина, 2020. С. 126, рис. 1). По мнению исследователей этого памятника, концентрация зерновых ям в отдельной зоне связано с совместным пользованием урожаем жителями поселка, а обнаружение на территории селища монетного клада, свидетельствует о торговом назначении запасов зерна (Веретюшкина, Горбаненко, 2012. С. 214; Веретюшкина, 2020. С. 124). Это утверждение справедливо и для сел. Слободка-1. Хотя на памятнике отсутствуют находки, связанные с торговой

деятельностью, количество выявленных объектов на небольшом участке раскопа, их расположение в прибрежной части поселения, а так же явное преобладание ям большого объема (от 7,5 до 20 четвертей) позволяет предположить, что зерно, хранящееся в них, предназначалась для оптовой торговли.

Помимо зерновых ям, остатки хозяйственных сооружений сохраняются в виде многочисленных ям малого размера, традиционно обозначающихся термином «столбовые». Зачастую, они образуют скопления, в которых, при желании можно увидеть некоторые закономерности расположения. Однако обоснованная интерпретация и реконструкция таких объектов в качестве хозяйственных сооружений затруднительна, в особенности на многослойных памятниках, где установить время возникновение той или иной столбовой ямы зачастую не возможно.

В качестве остатков хозяйственных сооружений можно рассматривать крупные, заглубленные в грунт объекты, не имеющие конструктивных элементов, позволяющих интерпретировать их как жилища. Такой объект был изучен на гор. Петровское – котлован подпрямоугольной формы, размерами 2,7 х 1,7 м, заглублённый в грунт на 0,4 м. (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. С. 16). Из его заполнения происходит представительная серия керамики роменского типа, железный инструмент, фрагмент пряслица, синяя стеклянная бусина (рис. 93). В пользу нежилого характера этого сооружения говорит отсутствие в его заполнении следов отопительного устройства. Вероятно, сооружения представляло собой наземную хозяйственную постройку с подклетом. К схожим сооружениям можно отнести яму 3 сел. Слободка-1 (рис. 30: 13). Объект имеет небольшую глубину – около 0.5 м, при протяженности профиля – около 2 м, что не типично для зернохранилища. Находок в заполнении не содержалось. Вероятно, здесь мы так же имеем дело с заглубленной частью хозяйственной постройки.

Сказать что-либо определённое о других видах хозяйственных сооружений на поселениях региона затруднительно. Очевидно, они

представляли собой наземные конструкции, остатки которых не фиксируются в культурном слое памятников. Тем не менее, реконструкция одной из таких построек выполнена А.В. Шишковым, на материалах сел. Устье-2. Объект, послуживший основанием для этого, представляет собой аморфную яму, слабо заглубленную в материк (яма 5, раскоп 1, 2014 г.). Автор исследования реконструирует сооружение как легкую наземную постройку, с небольшим углублением внутри (рис. 26: 9) (Шишков, 2020. С. 45–48, рис. 4–6). Однако, не смотря на вполне убедительную реконструкцию постройки, дискуссионной является датировка и культурная принадлежность самого объекта, т.к. в его заполнении обнаружено всего 25 фрагментов керамики, значительную часть которой составляют фрагменты белоглиняной древнерусской посуды (Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. С. 16–17).

4.4.

Объекты производственного назначения.

Находки производственных комплексов IX – 1-й половины XI в. немногочисленны. Обнаруженные объекты связаны с металлургией, смолокурением, гончарным делом. Они зафиксированы всего на 5-ти памятниках: гор. Супруты, сел. Слободка-1, Торхово-3, Уткино-1, Бунаково.

Обилие железных изделий, на поселениях IX – 1-й половины XI в. вызывает вопрос о существовании металлургического производства у славян верховьев Оки и Дона. Крупных металлургических центров IX–XI на территории региона пока не известно, на поселениях зафиксированы единичные находки печей для выплавки железа. Сыродутные горны выявлены на сел. Торхово-3 (рис. 25: 8) и Уткино-1 (рис. 25: 10) (Григорьев, 2005б. С. 64–67). В первом случае горн относился к типу подземных домниц (рис. 31: 2), восходящих к аналогичным сооружениям салтово-маяцкой культуры. Он представлял собой плавильный стакан соединённый подземным каналом с округлой ямой, заполненной металлургическим шлаком. Горны подобной

конструкции, известны в составе Ютановского археологического комплекса (Афанасьев, 1987. С. 77. Рис. 48).

Остатки сыродутного металлургического горна с предгорновой ямой были обнаружены на сел. Бунаково Чернского района Тульской области (рис. 25: 1). Раскопки были осуществлены краеведом Н.Г. Трофимовым в 1973 году[21]. В архиве исследователя сохранился планиграфический чертеж горна, разрез и несколько находок из предгорновой ямы. Судя по этому чертежу, горн представлял собой сооружение, включающее плавильный стакан, предгорновую яму подпрямоугольной формы, и две боковые ямы для мехов, соединённые с ним воздуховодами (рис. 31: 3). Заполнение предгорновой ямы было насыщено древесным углем и золой, в юго-восточном углу зафиксировано скопление металлургического шлака. Кроме того в яме были обнаружены фрагменты груболепного сосуда роменского типа с пальцевыми вдавлениями по венчику (рис. 31: 4), фрагмент керамического металлургического сопла (рис. 31: 5) и два железных предмета (рис. 31: 6, 7).

Конструкция горна характерна для салтовской традиции металлургического производства. Горн схожей конструкции изучен на территории Ютановского археологического комплекса VIII–X вв. салтово-маяцкой культуры (Николаенко, Степовой, 2008. С. 62–71). Такие сооружения относятся к типу IV представляющему – так называемый «сложный горн лесостепного варианта» (Винников, Степовой, 2012. С. 76–83, 102).

Схожую конструкцию имел металлургический горн, изученный на сел. Уткино-1 (Смирнова, 1989. С. 26–35. Рис. 18, 19) (рис. 31: 1)[22]. В заполнении предгорновой ямы (яма 34 раскопа I), помимо сгустков металлургического шлака, было обнаружено скопление гончарной керамики салтово-маяцкой культуры (рис. 39: 12, 16). Судя по тому, что керамика была зафиксирована в

[21]Отчет по этим работам не поступил в Архив ИА АН, поэтому оперировать мы можем только данными из личного архива исследователя. Коллекция, вероятно поступившая в один из школьных музеев Чернского района, утрачена.

[22]Вероятно, предгорновая яма изначально несла функцию котлована жилища (в нижней ее части зафиксированы остатки печки-каменки), а переоборудование ее в предгорновую стало следствием вторичного использования (рис. 98).

верхней части заполнения (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 29), она, вероятно, попала в объект вследствие его последующего использования в качестве мусорной ямы.

Наличие следов металлургического производства на памятниках верховий Оки и Дона, обусловлено, прежде всего, доступностью основного сырья. На территории исследуемого региона существуют богатые месторождения железной руды, входящие в Тульский железорудный район (Пустовалов, 1933. Рис. 6).

Помимо металлургического, на памятниках этого периода известны следы смолокуренного производства. В специальных ямах производилась возгонка смолы, которая стекала в емкость, расположенную в углублении ямы. Такими являлись ямы 12 и 13 сел. Слободка-1 (рис. 25: 6) (Шебанин, Колоколов, 2023. С. 431, рис. 12). Они имеют чашевидную в профиле форму, в их придонной части выкопано дополнительное углубление колоколовидной формы диаметром 0,5 м, и глубиной 0,5 м (рис. 32: 7, 8). В таком углублении ямы 12 обнаружен груболепной сосуд роменского типа: приземистой формы с коротким, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 32: 1).

В пользу назначения ям говорит их расположение на краю поселения, ввиду высокой пожароопасности данного производства. Ямы, скорее всего, являются разновременными. Так, профиль ямы № 13 демонстрирует классическое мусорное заполнение, с характерными прослойками древесного угля и находками стенок груболепных сосудов роменского типа. Заполнение же ямы 12, более монолитно, вкрапления древесного угля и печины распределены равномерно, в профиле отчетливо читаются прослойки суглинистых затеков. Находка сосуда в нижней ее части свидетельствует о том, что яма была заброшена либо в процессе функционирования, либо через непродолжительное время после его завершения. Таким образом, яма №12, предположительно, была сооружена поблизости от ранее заброшенной ямы №13, и функционировала вплоть до момента прекращения жизни на поселении. Подобные ямы известны в портовой зоне Гнездовского селища, где они

интерпретируются как смолокуренные (Фетисов, Мурашева, 2008. С. 213–220). Кроме Гнездова они известны на памятниках южной Руси X–XI вв. (Фетисов, Мурашева, 2008. С. 213–220). Представлены похожие комплексы и на территории Волжской Булгарии в XI–XII вв. (Валиев, 2010. С. 427–429).

Единственный гончарный горн исследуемого периода зафиксирован на гор. Супруты (Изюмова, 1972. С. 130–133) (рис. 32: 9). Горн состоял из двух камер: топочной и обжигной. Топочная камера располагалась в материковой яме, в ее центре находился останец – опорный столб для горизонтальной разделительной перегородки. Устье выступало за пределы камеры. Топку и обжигную камеру разделяла глиняная горизонтальная перегородка теплопроводно-разделительного блока, с шестью округлыми отверстиями и следами ремонта. Обжигная камера и свод практически не сохранились, от низ осталась одна глинобитная стенка с отпечатками ткани. Уверенно датировать это сооружение достаточных оснований нет. По свидетельству автора раскопок С.А. Изюмовой «в развале обжигательного отделения найдены сильно расслоившиеся куски стенок красноглиняного гончарного сосуда, не дающие возможность определить его форму и судить о времени его изготовления» (Изюмова, 1972а. С. 133). Синхронные горны схожей конструкции входят в комплекс гончарных мастерских с памятников Доно-Донецкого варианта салтово-маяцкой культуры (Николаенко и др., 2006. С. 35–37; Плетнева, Красильников, 1990. С. 92–139). Не исключено, что горн относится к поселению XII–XIII вв., так же располагавшемуся на площадке городища (Григорьев, 2005б. С. 185).

4.5.
Керамика.

На сегодняшний день мы располагаем полноценными коллекциями керамики из раскопок 10 поселенческих памятников. Наиболее многочисленная и представительная серия керамических сосудов происходит из комплекса Супрутского городища. Всего она насчитывает более 100 целых и графически

реконструируемых форм. Наибольшей информативностью обладают материалы из раскопок 1995, 1996, 1999, 2000, 2002, 2006–2007 гг., т.к. они происходят из хорошо зафиксированных и стратифицированных построечных комплексов. Из раскопов этих лет происходит около 40 керамических форм, они хранятся в фондах Гос. музея-заповедника «Куликово поле»[23]. Керамика из раскопов С.А. Изюмовой 1954–1977 может использоваться как вспомогательный материал, т.к. особенности полевой методики тех лет не позволяют нам достоверно установить связь предметов с определенным комплексом или слоем. Материалы этих работ хранятся в фондах ГИМ[24] и ТОКМ[25]. Представительные керамические серии содержаться в материалах раскопок сел. Уткино-1 1989 г.[26] и сел. Торхово-3 (оно же 3-й Городищенский завод) 1993, 1996, 1997, 1999 гг.[27], однако количество реконструируемых форм в них не велико. Небольшие по объему коллекции керамики происходят из раскопок сел. Каменка-1 (Екимов, Колоколов, 2023), Устье-2 (Гоняный, 2020), гор. Петровское (2015 г.)[28] и Гора Услань (2021 г.)[29]. В качестве вспомогательных могут быть привлечены материалы раскопок гор. Дуна (1899 г.) [30] и Щепилово (1952–1953 гг.)[31]. Они сохранились фрагментарно и по большей части депаспортизированы, однако дают представительную серию керамических форм. Керамика из раскопок гор.

[23]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 1995 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок, ГМЗ-КП-101; 1996 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок, ГМЗ-КП-118; 1999 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок, ГМЗ-КП-607; 2000 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок, ГМЗ-КП-778; 2002 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок (р. 24, 26, 26а, 27), ГМЗ-КП-1961; 2002 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок (р. 25), ГМЗ-КП-1954; 2006 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок, ГМЗ-КП-1955; 2007 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок, ВХ-1613.

[24]Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Супруты. Оп. В 2730; Оп. В 2732

[25]Фонды ТОКМ. Городище Супруты. 1955 г., опись ЕИК 4150; 1956 г., Опись ЕИК 4151; 1968 г., Опись ЕИК 5575

[26]Коллекция керамики из раскопок 1989 г. на сел. Уткино-1 готовится к передаче в фонды Гос. музея-запаоведника «Куликово поле»

[27]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Ленинский район Тульской области, 1992 г., селище 3 у д. Торхово, материалы разведок, ГМЗ-КП-17; поселение 3-й Городищенский завод, материалы раскопок, ГМЗ-КП-32; 1996-1997 гг., поселение 3-й Городищенский з-д у д. Торхово, материалы раскопок, ГМЗ-КП-303; 1997 г., поселение 3-й Городищенский з-д у д. Торхово, материалы раскопок, ГМЗ-КП-157; 1999 г., поселение 3-й Городищенский з-д у д. Торхово, материалы раскопок. ГМЗ-КП-627.

[28]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская область, Одоевский район, Петровское, городище. Раскопки 2015 г. ВХ-2060.

[29]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собр. в 2021 г. в ходе раскопок городища Гора Услань МО г. Тула, ВХ-2348.

[30]Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Дуна 1899 года. Коллекция № 42786, оп. 546

[31]Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Щепилово 1953 г. Коллекция № 84158, оп. Б 998; коллекция предметов из раскопок городища Щепилово 1952 г. Коллекция № 84012, оп. Б 1065

Федяшево 1898 года практически полностью утрачена[32]. Материалы разведочных исследований для характеристики керамического комплекса мало информативны.

Специальных работ, посвященных анализу особенностей славянской лепной керамики региона к настоящему времени нет, если не считать публикации Е.Н. Носова результатов изучения хранящейся в фондах ГИМ коллекции лепных сосудов гор. Дуна, из раскопок Н.В. Теплова и Ю.Г. Гендуне (Носов, 1974. С. 3–10). Так же, автором диссертации была опубликована небольшая работа, посвященная обзору лепной роменской керамики Супрутского городища (Колоколов, 2011. С. 52–53).

Основу керамического комплекса памятников раннего периода составляет груболепная керамика, характерная для роменской археологической культуры Левобережья Днепра. Поскольку материальная культура населения верховьев Оки и Дона является одним из локальных вариантов роменской, в дальнейшем мы будем использовать обозначение «керамика роменского типа».

Несмотря на генетическое сходство лепной керамики роменского типа с сосудами круга сахновки, распространенными на территории региона в период VIII в., можно выделить ряд существенных отличий между ними. Для древностей сахновского круга доминирующим типом керамики на поселениях являются сильно профилированные округлобокие сосуды с S-видным венчиком, представленные в комплексах сел. Каменка-1, постройки 3 XXVIII раскопа на гор. Супруты, а так же постройки 2 пос. Железное Городище (рис. 8, 9, 18). На памятниках IX – 1-й половины X в., несмотря не многочисленность материала, такие формы редки. В комплексах поселений преобладают сосуды с коротким отогнутым наружу, либо прямым венчиком. Отличается так же характер керамического теста и качество лепки сосудов. Сосуды сахновского круга, обнаруженные на территории Окско-Донского региона имеют небольшую толщину стенок (до 1 см), плотное тесто с примесью мелкофракционного шамота и, преимущественно заглаженную поверхность.

[32]Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Федяшево 1898 г. Коллекция № 42486

Роменские же сосуды отличаются, в большинстве, толщиной стенок более 1 см., рыхлым тестом с примесью крупного шамота и шероховатой поверхностью. Различна и орнаментация: сосуды VIII в. украшены пальцевыми вдавлениями по венчику (в единичном случае и по плечикам), других орнаментов пока не зафиксировано, тогда как керамика IX – 1-й половины X в., наряду с пальцевым, имеет достаточно широкий спектр вариантов декора, среди которых преобладает веревочный штамп.

Как уже было отмечено, керамика роменского типа представлена толстостенной груболепной посудой, выполненной из ожелезненной глины с крупными примесями шамота, в меньшей степени – дресвы и органики. Керамическое тесто грубое, поверхность бугристая, покрытая трещинами, обжиг печной, неравномерный. Цвет поверхности – красный, красно-коричневый, коричневый, желтый, серый. На изломе черепки аналогичны цвету поверхности или же имеют более темный цвет. Сосуды формировались методом кольцевых налепов. В меньшей степени представлены сосуды с затёртой, практически гладкой поверхностью. Они были изготовлены с использованием той же технологии, однако при их создании применялись более мелкие фракции отощающих примесей. Обжиг их, как правило, низкотемпературный.

Существует множество классификаций, на основании которых можно описать морфологию лепных сосудов. Однако, сам характер лепной роменской керамики не позволяет создать объективной типологии материала, где тип сосуда коррелировал бы с хронологией комплекса или памятника. В нашем случае правильнее было бы говорить о классификации материала для удобства его описания. Множество статистико-комбинаторных методов, разработанных во 2-й половине XX в. (см. например Бобринский, 1972; Генинг, 1973; Русанова, 1976 и др.) не подходят для классифицирования лепной керамики региона IX–X вв. В большинстве своем эти методики основаны на сравнении форм сосудов посредствам математического соотношения его отдельных пропорций. При этом, глубоко индивидуальные лепные сосуды часто имеют

ассиметричную форму, вследствие чего замеры одного и того же сосуда, сделанные в различных проекциях могут значительно отличатся, что приводит к серьезной погрешности. Эти методики были опробованы автором диссертационного исследования на материалах Супрутского городища, и не дали удовлетворительного результата[33].

Помимо формализованных классификаций керамического материала, основанных на математических методах, существует множество традиционных схем. Среди них стоит отметить классификацию И.И. Ляпушкина (Ляпушкин, 1952; 1958), основанную на функциональных характеристиках сосудов и их хозяйственного назначения, а так же визуальному делению по видам внутри типов. По схожим принципам построены классификации А.З. Винникова (Винников, 1995), В.А. Петрашенко (Петрашенко, 1992), О.В. Сухобокова (Сухобоков, 1975; 1988). Для описания морфологии роменской лепной керамики наиболее удобна классификация созданная С.П. Юренко на материалах Днепровского Левобережья (Смиленко, Юренко, 1990).

Автором диссертационного исследования предложена собственная классификация материала, учитывающая региональные особенности керамического комплекса. Для ее создания использована методика, примененная А.М. Обломским для древностей римского времени лесостепного Поднепровья и Верхнего Подонья (Обломский, 2001. С. 262–264, рис. 8, 9; Обломский, Терпиловский, 1991. С. 14–16). Эта методика успешно апробирована А.М. Воронцовым при анализе керамических форм мощинской культуры, происходящих с памятников исследуемого региона (Воронцов, 2007). Она предполагает разделение формы сосуда на условные участки, по которым осуществляется подробное описание его профиля, учитывая при этом пропорции сосуда и отдельных его частей. Принцип разделения типов сосудов предусматривает характеристику формы тулова (конусовидная, округлобокая), пропорций (приземистые, вытянутые), высоту и форму венчика, а так же

[33]Применению статистико-комбинаторных методов к типологии лепной керамики роменского типа была посвящена дипломная квалификационная работа автора диссертации (Колоколов, 2008).

переход от венчика к плечику (плавный, резкий, с декоративным утолщением). Основой для классификации стала коллекция раскопок Супрутского городища, т.к. в ней представлены все типы сосудов, встречающиеся на прочих памятниках региона. Предложенная классификация позволяет выделить семь основных типов форм сосудов:

Тип I (рис. 33: I–II). Конусовидные сосуды с отогнутым венчиком.

1а (рис. 33: I) – вытянутые сосуды с коротким отогнутым наружу венчиком и плавным переходом от тулова к венчику

1б (рис. 33: II) – вытянутые сосуды с высоким S-видным, отогнутым наружу венчиком и плавным переходом от тулова к венчику.

Тип II (рис. 33: III–IV)**.** Конусовидные сосуды с прямым венчиком.

2а (рис. 33: III) – вытянутые сосуды с коротким прямым венчиком и плавным переходом от тулова к венчику.

2б (рис. 33: IV) – приземистые сосуды с высоким прямым венчиком и плавным переходом от тулова к венчику.

Тип III (рис. 34: I). Мисковидные сосуды. Очень приземистые сосуды, где диаметр наибольшего расширения превышает высоту сосуда с коротким, отогнутым наружу венчиком и плавным переходом от тулова к венчику.

Тип IV (рис. 34: III). Псевдоволынцевские сосуды (По А. В. Григорьеву). Округлобокие сосуды с высоким вертикальным венчиком.

Тип V (рис. 34: V)**.** Сосуды с резким переходом от тулова к венчику (ребром).

Тип VI (рис. 34: IV). Вытянутые сосуды с плавным переходом к венчику и декоративным утолщением на плечике.

Тип VII (рис. 34: II). Приземистые округлобокие сосуды с коротким загнутым во внутрь венчиком.

Сосуды I, II, III и VII типов соответствуют материалу большинства памятников роменского типа, изученных в сопредельных регионах. Сосуды этих типов встречаются на всех памятниках региона периода IX – 1-й половины X в., изученных раскопками (рис. 35–37)

Сосуды V и VI типов резко отличаются от классической керамики роменской культуры. Так, сосуды VI типа соответствуют сосудам типов V.2 и IV.2, причем больше тяготеют к типу IV.2, а сосуды V типа сосудам VI типа по типологии А.М. Воронцова созданной для керамики мощинского типа III–VII вв. Данные типы происходят из IV хронологического горизонта мощинской культуры (конец IV–V в.) на территории Окско-Донского региона, а вероятнее всего существуют и далее (Воронцов, 2008. С. 202–206). Наличие сосудов V и VI типов в комплексах IX – 1-й половины X в. свидетельствует о продолжении существование группы носителей мощинских древностей после финала основных памятников мощинской культуры в середине VII в. (подробнее см. гл. 3).

Сосуды IV типа можно отнести к так называемым «псевдолонцевским» или «волынцоидным» сосудам (по А.В. Григорьеву) (Григорьев, 2000. С. 153–154). Это округлобокие горшки с высоким вертикальным венчиком – такая форма характерна для гончарных волынцевских сосудов круга Битицы. Однако они изготовлены из грубого теста с крупными примесями шамота, дресвы и органики. Такие сосуды встречаются в финальных комплексах раннего периода, в частности в заполнении постройки 4 XVIII раскопа на гор. Супруты (рис. 37: 9) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 39). А.В. Григорьев так же применял к таким сосудам термин «псевдоволынцевские» (Григорьев, 2000. С. 154). Вероятно, они являются подражанием качественной, гончарной посуде волынцевского типа, встречающейся на памятниках региона в VIII в. (подробнее см. гл. 3). Тем не менее, на поселениях раннего этапа такая керамика не имеет массового распространения, хотя бытует очень долго – отдельные профильные части «псевдоволынцевских» горшков встречаются и на памятниках, отнесённых к позднему периоду (Григорьев, Колоколов, 2021. С. 143). Гораздо шире она распространена на памятниках сопредельного региона – среднего Подесенья (Гурьянов, Чубур, 2021. С. 94–95)

Очень редким типом керамических форм на поселениях раннего периода являются сковороды с бортиком. При этом, в синхронных древностях

Поднепровья (Смиленко, Юренко, 1990. С. 283, рис. 61: 10) и Подонья (Винников, 1995. Рис. 29) они представлены достаточно полно. На территории региона реконструируемая форма лепной неорнаментированной сковородки происходит из котлована жилой постройки 1 (рис. 100: 5) раскопа 2017 года на сел. Устье-2 (Гоняный, 2020. С. 99, рис. 25: 3), а так же из раскопа 1952 г. на гор. Щепилово (рис. 37: 9).

При анализе орнаментации роменской лепной керамики с памятников в верховьях Оки и Дона использована методика А. А. Узянова (Узянов, 1982), учитывающая технологию нанесения орнамента. Выявляется две основные технологические основы:

I. Орнаменты нанесенные пальцем или ногтем (нелинейные элементы орнаментики). Среди керамического материала памятников верховьев Оки и Дона нелинейные орнаменты представлены, в основном, четырьмя видами:

П–1 – Отпечатки боковой стороны ногтевой фаланги пальца с частичным оттиском края ногтя, промежуток между отпечатками меньше самого отпечатка, орнаментирован только край венчика (рис. 38: 1). Аналогичным образом орнаментированы и сосуды типа Сахновки, относящиеся к предроменскому периоду славянского освоения региона (см. гл. 3) (рис. 6).

П–2 – Отпечатки подушечки ногтевой фаланги пальца, промежуток между отпечатками больше ширины отпечатка, орнаментирован только край венчика. Такой орнамент встречается, в основном, на сосудах, которые относятся либо к наиболее раннему этапу роменских древностей региона, либо, к предыдущему, предроменскому периоду (см. гл. 3) (рис. 7: 2)

II. Орнаменты нанесённые различными инструментами – веревочным штампом, круглой палочкой, гребёнкой (линейные элементы орнаментики). Среди материала верхнего Поочья линейные орнаменты представлены, в основном, четырьмя видами:

Н – Сплошной ряд наклонных насечек по краю венчика (рис. 38: 2)

ВШ–1 – Сплошной ряд наклонных отпечатков веревочного штампа только по венчику сосуда (рис. 38: 3).

ВШ–2 – Сплошной ряд наклонных отпечатков веревочного штампа по венчику и плечикам сосуда (рис. 38: 6).

ВШ–3 – Непрерывная ломаная линия по плечику сосуда, так же из отпечатков веревочного штампа (рис. 38: 4).

В единичных случаях встречаются варианты комбинации линейного и нелинейного орнамента: сочетание пальцевых вдавлений по венчику и веревочного штампа по плечику сосуда (рис. 38: 5). Так же единичны находки фрагментов сосудов с орнаментом в виде ломаной линии или грубо выполненной волны (рис. 38: 9–11).

Нелинейные орнаменты имеют весьма ограниченное количество композиционных решений по причине скудного инструментария (в качестве инструмента выступал палец или ноготь гончара).

Группа линейных орнаментов, в отличие от нелинейных отличается гораздо большим композиционным разнообразием и количеством элементов орнаментики, т. к. имеет гораздо более богатый инструментарий нанесения. Однако подавляющее число роменских сосудов (90%) имеющих линейный орнамент украшены при помощи верёвочного штампа и приходится на три основные композиции указанные выше.

Орнаментация, в подавляющем большинстве случаев, прослеживается только по краю венчиков сосудов, в редких случаях – по плечикам. Это пальцевые и ногтевые вдавления, отпечатки веревочного штампа, насечки острым предметом (рис. 38: 1–6). По сравнению с регионом Поднепровья, где насчитывается более пятидесяти орнаментальных мотивов роменской керамики (Сухобоков, 1988. С. 309), декор посуды верховьев Оки и Дона отличается скудостью композиций, велик процент неорнаментированных сосудов. Уникальной для региона является фрагмент груболепного горшка с прочерченным тамгообразным символом на плечике (рис. 38: 8).

Исключение составляет так же лепной горшок с гор. Петровское с оригинальным орнаментом: линия, прочерченная по всей окружности тулова горшка острым предметом, закрученная в виде спирали, при этом венчик

горшка украшен пальцевыми вдавлениями (рис. 38: 7). На лепных сосудах, с памятников верховьев Оки и Дона и левобережья Верхней Оки, подобный орнаментальный мотив ранее не встречался (Никольская, 1981; Прошкин, 2011; Григорьев, 2005б; Гоняный, 2020 и др.). В литературе, специально посвященной орнаментации роменской керамики с сопредельных территорий, аналогичных орнаментальных мотивов и композиций также не обнаружено (Сухобоков, Юренко, 1997. С. 165, рис. 2; Щербань, 2011. С. 89–92; Винников, 1978. С. 55–61)[34]. В качестве случая нетипичной орнаментации можно так же привести горшок из кургана 17 могильника Западная: помимо традиционной горизонтальной ломаной линии по плечику, нанесённой веревочным штампом, аналогичными ломаными линями, расположенными вертикально декорировано и тулово сосуда от донца плечика (Изюмова, 1964. С. 161, рис. 3: 13)

Провести полноценную статистическую обработку керамического материала, по признаку орнаментации сосудов не представляется возможным. Для количественной нам необходимы либо целые формы, либо фрагменты с сохранившейся большей частью венчика и плечика. Но поскольку основной материал представлен довольно мелкими фрагментами сосудов, объективно судить не только об их количестве, но зачастую и о виде орнамента которым был украшен сосуд, невозможно. Так, нельзя с полной уверенностью говорить о пальцевом, либо верёвочном орнаменте только по венчику сосуда, относя его, таким образом, к одному виду орнамента (П–1, ВШ–1), в том случае если не сохранилось плечико данного сосуда, возможная орнаментированность которого относит сосуд совершенно к другому виду (ВШ–2, ВШ–3).

В целом, по технологическим, морфологическим и орнаментальным характеристикам лепная керамика с памятников верховьев Оки и Дона не выходит за пределы общей датировки роменской культуры.

Гончарная салтовская керамика являлась основной импортной посудой на поселениях региона (рис. 39). В основном это фрагменты круговых горшков,

[34]Вероятно, орнаментацию этого сосуда стоит отнести к категории случайностей. Орнамент был весьма небрежно нанесен создателем сосуда скорее спонтанно, чем под влиянием культурных традиций.

изготовленных из хорошо проработанного теста, с примесью мелкой дресвы, толченого известняка или песка. Поверхности сосудов покрыты тщательно проработанным волнистым (рис. 39: 1, 3, 6-8, 15, 21), линейным (рис. 39: 2, 4, 14, 17, 18, 23) или комбинированным орнаментом (рис. 39: 11, 12). В некоторых случаях применялось продольное (рис. 39: 5) либо крестообразное лощение (рис. 39: 13, 16). Мы не имеем достаточного количества профильных частей сосудов, что бы составить подробное типологическое описание этого комплекса керамики. Немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении венчики сосудов происходят из культурного слоя Супрутского городища. Они имеют S-видный профиль, с прямым подрезом (рис. 39: 7), либо небольшим наплывом по краю, образовывающим желобок (рис. 39: 6). В целом, по всем перечисленным характеристикам гончарная керамика с памятников раннего периода идентична кухонной посуде салтово-маяцкой культуры (Афанасьев, 2013. С. 13–25).

Наиболее информативные фрагменты гончарной керамики салтово-маяцкого круга происходят из построечных комплексов поселений раннего периода. Обычно они составляют 1–3 % от общего количества керамики в комплексе, где подавляющее большинство представлено груболепными роменскими сосудами. В частности, такая керамика содержится в заполнении постройки 1 раскопа II на гор. Гора Услань (рис. 39: 5; 94: 5); ямы 33 раскопа IV на сел. Торхово-3 (рис. 39: 1–4; 96: 6); ямы 34 раскопа 1 и ямы 11 раскопа 3 на сел. Уткино-1 (рис. 39: 8–23). Стенки гончарных салтовских сосудов встречаются в заполнении многих построечных комплексов гор. Супруты (см. приложение 3). Керамика этого типа широко распространена в комплексе сел. Щучье-1 (рис. 21: 62) (Арх. ИА РАН. Володин, 2015, рис. 102: 6; 2016. Рис. 31) и сел. Грабоново-1 (рис. 21: 13) (Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. С. 178–182), на р. Осетр, однако материалы этих памятников пока не введены в научный оборот.

Находки салтовских сосудов следует рассматривать в качестве импорта с территории Хазарского каганата, свидетельств изготовления круговой

керамики на территории региона в этот период не зафиксировано. Единственный гончарный горн, исследованный С.А. Изюмовой на гор. Супруты, содержащий «сильно расслоившиеся куски стенок красноглиняного гончарного сосуда», не имеет надежной датировки и культурной атрибуции (см. п. 4.4).

На поселениях раннего периода известны единичные находки фрагментов амфор причерноморского происхождения. В основном они представлены стенками качественных гончарных сосудов с полосчатым рифлением по корпусу, и фрагментами венчиков горловин (рис. 78: 1–7, 9–11). Они известны на гор. Супруты, сел. Торхово-3, Устье-2, Слободка-1 (Григорьев, 2005б. С. 126, рис. 52: 15–19; Суханов, 2020. С. 102–106; Шебанин, Колоколов, 2023. Рис. 4: 7, 6), Ивановка-2 (Зацаринный, 2023. С. 256, рис. 9: 4). Так же известна единичная находка фрагмента амфорной ручки – в заполнении ямы 12 раскопа 1 на сел. Уткино-1 (рис. 78: 8). Наиболее информативный профиль причерноморской амфоры происходит с сел. Уткино-1, из заполнения ямы 3 раскопа 1 (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 13). Сохранилась горловина амфоры с местом крепления ручки (рис. 78: 2). Тесто сосуда тонкое, хорошо проработанное, поверхность покрыта вертикальным лощением. Заслуживает внимания оформление верхней части амфоры: над местом крепления ручки венчик отогнут наружу, а край его завернут во внутрь, и оформлен небольшим, заостренным в верхней части валиком. Несмотря на сильную фрагментированность сосуда, столь характерная профилировка дает возможность поиска аналогий в синхронных древностях. Амфоры, с аналогичным оформлением верхней части происходят с территории Пташкинского археологического комплекса (восточная Таврия), из склада в северном нефе храма (Гадло, 1980. С. 142, рис. 7: Б, Д). По Е.В. Суханову, эти амфоры относятся к типам II-2/1 и II-6 которые имеют достаточно широкую датировку – в рамках 2-й половины VIII – X в., комплекс же, из которого происходят сосуды датируется не ранее середины IX в. (Суханов, 2018. С. 84–86). У типу II-4/1 относится амфора с аналогичной нашей профилировкой

венчика, происходящая с Сидоровского городища 2-й половины IX – начала X в., из заполнения хозяйственной ямы (Суханов, 2018. С. 85; Кравченко, Давыденко, 2001. С. 250; 275, рис. 25: 2). Находки фрагментов амфорной посуды является одним из важнейших маркеров функционирования речного торгового пути. Речь об этом пойдет в разделе 4.8.

4.6.
Вещевой комплекс.

Вещевой комплекс населения региона IX – 1-й половины XI в. включает в себя украшения и детали костюма, атрибуты воинской культуры (вооружение, снаряжение боевого коня, поясной набор), а так же набор орудий труда и предметов домашнего обихода, изготовленных из железа, камня, кости и глины. Наибольшее число вещевых находок обнаружены в комплексах Супрутского городища, в раскопах 1995, 1996, 1999, 2000, 2002, 2006–2007 гг., в ряде случаев, в качестве вспомогательного материала, привлечены наиболее информативные находки из коллекций С.А. Изюмовой 1954–1977 гг., хранящиеся в фондах ГИМ и ТОКМ. Кроме этого, использованы вещи из раскопок гор. Петровское, Гора Услань, Щепилово, Новосиль, сел. Торхово-3, Уткино-1, Устье-2, Ивановка-2, Слободка-1, Каменка-1[35]. При характеристике вещевого набора использовались не только предметы из жилищных, хозяйственных или погребальных комплексов, но и находки из пахотного горизонта памятников, участков разрушения культурного слоя, а так же подъемный материал, полученный в результате разведок. В разделе не учитываются т. н. «случайные находки», контекст обнаружения которых либо не известен вовсе, либо сомнителен. Все представленные предметы обнаружены в ходе археологических исследований и хранятся в государственном музейном фонде РФ, либо ранее были опубликованы в научных изданиях. Так, использованы материалы разведок и мониторингов на

[35]Выходные данные археологических коллекций, полученных из раскопок перечисленных памятников. см. п. 5.5.

гор. Федяшево, Никулино, Мосолово, сел. Слободка-1, Изволь-1, Грабоново-1, Победа-1, Устье-2, местонахождения у д. Орлово[36], а так же вещевые находки из кладов у д. Ленино и д. Головеньки[37]. Так же, для более полной характеристики привлекался материал ближайшего знакового памятника сопредельного региона Левобережья Верхней Оки – гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2011, 2013б, 2017).

4.6.а.

Украшения и детали одежды

Бывшие в обиходе населения верховьев Оки и Дона украшения и детали одежды по своему происхождению представлены изделиями восточнославянского, североевропейского, степного и финно-угорского происхождения. Единичны находки предметов западнославянского импорта.

***

Наиболее многочисленной группой находок украшений и деталей одежды являются типичные восточнославянские изделия: привески, браслеты, застежки, височные кольца. Знаковой работой по типологии и хронологии вятических украшений является диссертация Т.В. Равдиной «Хронология "вятических" древностей», а так же серия статей, опубликованных ею в 60-70 годах (Равдина Т.В., 1965; 1968; 1975а; 1975б). Исследовательница уточнила и дополнила типологию, разработанную А.В. Арциховским. Однако в ее работах

[36]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция археологических предметов, собр. в 2017 г. в ходе разведочных исследований на городище Мосолово Заокского района и городище Занинка Алексинского района Тульской области, ВХ-2061; Заокский и Алексинский районы Тульской области, 1998 г., городище у д. Никулино, материалы разведок. ГМЗ-КП-139; Коллекция арх. предметов, собр. в 2014 г. в ходе разведок в г. Туле, Ленинском, Одоевском, Алексинском районах Тульской области, ВХ-1913; Коллекция предметов, собранная в 2022 г. в ходе археологических исследований на территории МО г. Тула, в Алексинском, Белевском, Одоевском, Щекинском районах Тульской области, ВХ-2381; Случайная находка в районе д. Кутьма Щекинского р-на Тульской области, ГМЗ-КП-1888/3.
Фонды МБУК «Узловский художественно-краеведческий музей». Материалы разведок и раскопок на сел. Слободка-1 Киреевского района Тульской области в 1999–2000 гг. коллекции № 5465 и 5466

[37]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 2017 г., селище Головеньки-1, 3 материалы разведок, ГМЗ-КП-1917; Комплекс предметов обнаруженных у д. Ленино Суворовского района Тульской области. ГМЗ-КП-1542.

рассмотрены, в основном материалы древнерусского периода истории вятичей середины XI – середины XIII в. (Равдина, 1975б).

Привески.

Наиболее массовой категорией украшений являются трапециевидные привески с пуансонным орнаментом. Они известны как в составе славянских, так и салтово-маяцких и финно-угорских древностей VIII–X вв. Схожие изделия были широко распространены и среди предшествующего славянам населения региона – носителей мощинской культуры. Такие находки представлены на гор. Супруты, Петровское, сел. Уткино-1, Торхово-3 (рис. 42: 10–21). Часть из них, очевидно, связана с культурой смоленских длинных курганов – это крупные трапециевидные привески, покрытые с пуансонным орнаментом, рельефными концентрическими окружностями, продольные стороны которых оформлены выпуклыми бордюрами (рис. 42: 10, 14, 15) (Михайлова, 2022. С. 73, рис. 3). Часть этих находок так же связана с построечными комплексами на поселениях: постройкой 2 раскопа XXV (рис. 83: 14) и постройкой 2 раскопа XXVIII (рис. 85: 22) на гор. Супруты; постройкой 1 раскопа IV (рис. 95: 2) 4 раскопа VI (рис. 97: 4) на сел. Торхово-3.

Браслеты.

Весьма распространенной категорией украшений на территории региона были браслеты. В основном это бронзовые дротовые браслеты полукруглого либо прямоугольно-уплощенного сечения с прямыми обрубленными концами. Подобные изделия имеют широкие хронологические и территориальные рамки, они распространены по всей территории Древней Руси с конца I тыс. н.э. до XIV в. (Седова, 1981. С. 94). Такие украшения найдены на сел. Торхово-3, Уткино-1 и гор. Супруты (Григорьев, 2005б. С. 97, рис. 40: 1, 3–6). Серебряные браслеты с утолщёнными окончаниями находились в составе Железницкого клада, время выпадения которого определяется концом IX – началом X в. (Григорьев, 2005б. С. 97, рис. 40: 12; С. 138) и известны в материалах роменской культуры на всём протяжении её существования (Григорьев, 2000. С. 134, 135). Менее распространённой категорией браслетов являются

пластинчатые изделия с загнутыми окончаниями. Наиболее яркая находка такого браслета происходит с сел. Торхово-3: он изготовлен из бронзовой пластины треугольного сечения, и украшен косыми насечками (Григорьев, 2005б. С. 97, рис. 40: 1). Схожие изделия представлены как в ареале роменской культуры (Енуков, 2024. С. 15, рис. 4), так и среди финно-угорских древностей (Леонтьев, 1996, рис. 76: 6).

Особый интерес представляет находка из постройки 1 гор. Гора Услань (рис. 94: 4). Это фрагмент дрота в виде дуги, изготовленного из оловянистой бронзы. С одного торца предмет имеет округлое сечение, с другого – подпрямоугольное, со скругленными гранями. На его поверхность нанесен орнамент в виде высеченной ломаной линии (рис. 42: 8). Возможно, этот предмет является фрагментом дуги подковообразной фибулы. Однако соотнесение находки с целыми экземплярами круглодротовых браслетов с расширяющимися концами по толщине и степени изгиба позволяет обосновано предполагать, что она является фрагментом такого браслета, а именно участка перехода от дуги к окончанию. Круглодротовые браслеты с расширяющимися окончаниями подпрямоугольного сечения известны в роменских древностях Днепровского Левобережья. В частности, такой морфологией обладают браслеты из постройки №1 2-й половины X в. Большого Горнальского городища (Куза, 1981. С. 14: 1, 2), однако они изготовлены из серебра. При этом известны и бронзовые варианты схожих браслетов: в материалах Тазовского и Перверзевского I-го поселений (Шпилев, 2010. С. 250; С. 242, рис. 7: 5, 8).

Застежки.

На памятниках раннего периода широкое распространение имели детали костюма изготовленные из железа. Наиболее популярными среди них были железные дротовые застежки–сюльгамы с завернутыми в спираль концами (спирали расположены в одной плоскостью с дугой) (рис. 42: 6, 7). Подобные изделия имеют весьма широкую хронологию. Наиболее ранние из них происходят с гор. Борисово и Ново-Клейменово, и датируются II–V вв.

(Воронцов, 2013. Рис. 38: 6; 65: 5). Они известны в комплексе гор. Супруты и Гора Услань, а так же на поселения Торхово-3 и Уткино-1 (Григорьев, 2005б. С. 97, рис. 40: 7, 9, 10; Колоколов, 2023г. С. 263, рис. 3: 2; Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 79: 38).

Еще одно железное изделие – т.н. «ладьевидная подвеска» (по А.В. Григорьеву) (рис. 42: 5) была обнаружена в комплексе постройки 2 раскопа XXV (рис. 83: 15) (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. С. 14; 2005. С. 102). Изделие представляет собой слегка изогнутую пластинку узкой листовидной формы, покрытую с лицевой стороны гравированным орнаментом «елочка». Один конец пластинки пристроен, другой загнут в виде круглой петли прямоугольного сечения. Схожий по морфологии, но изготовленный из бронзы предмет (рис. 42: 5а) происходит из культурного слоя городища (раскоп III. кв. 54. пл. 3)[38]. У этой находки на противоположном от петли конце расположен крючок. Вероятнее всего, он присутствовал и на окончании железного изделия, но не сохранился. Предмет из бронзы орнаментирован двумя рядами горизонтальных насечек. Функциональное назначение этих предметов не вполне ясно. Достаточно близкие по форме железные изделия с сохранившимися крючками происходят с ближайшего памятника сопредельного региона – гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2011. С. 52, рис. 45: 13–15), где О.Л. Прошкин так же рассматривает их в качестве поясных застежек (Прошкин, 2011. С. 55). Два изделия в виде прямоугольных пластинок с крючком, орнаментированные зигзагообразными линиями, обнаружены в кургане 4 и 17 могильника Западная, и интерпретированы С.А. Изюмовой как детали застежек (Изюмова, 1964. С. 155, рис. 2: 5; С. 161, рис. 3: 2). Однако надежных аналогий в комплексе синхронных поясных наборов обнаружить удалось. Можно предположить, что эти предметы являются рыболовными блеснами. Листовидные изделия с крючком с одной стороны и кольцом или отверстием с другой, интерпретируемые как блесна, известны в материалах

[38]Фонды ТОКМ. Городище Супруты. 1955 г., опись ЕИК 4150/д45

Древней Руси, причем среди них встречаются экземпляры покрытые орнаментом (Куза, 1970. С. 10, рис. 8).

Типичным предметом костюма славянского круга древностей является застежка с округлой рамкой, украшенной по внешнему кругу восемью пирамидками псевдозерни (рис. 42: 9). В этом отношении, декор изделия идентичен височным кольцам первого периода развития, снабженным аналогичными пирамидками. Находка была обнаружена в результате разведочных сборов на сел. Торхово-3[39]. Такие застежки известны на ряде славянских поселений IX–X вв. Поднепровья, в частности на пос. Горбово (Григорьев, 2000. С. 39, рис. 13: 8).

Височные кольца.

Самым простым видом таких украшений являются перстнеобразные кольца, диаметром от 1 до 3 см, изготовленные из бронзовой или серебряной проволоки, с прямыми, сведенными окончаниями (рис. 42: 1, 2). Можно говорить о 11 таких находок на территории региона, одна из них происходит из культурного слоя сел. Торхово-3 (рис. 42: 1), 10 – с гор. Супруты[40]. При этом только одно кольцо можно достоверно связать с жилищным комплексом (рис. 42: 2) – оно происходит из захоронения на дне постройки 1 раскопа XXIII гор. Супруты (рис. 82: 2). Так же, бронзовое проволочное височное кольцо обнаружено в комплексе кургана 10 могильника Западная (Изюмова, 1964. С. 161, рис. 3: 3).

Второй, близкий тип украшений – т.н. «односпиральные» височные кольца. Они так же изготовлены из проволоки, но в отличие от изделий, описанных выше, одно их окончание закручено в спираль, обращенную внутрь кольца (рис. 42: 2, 4). Известно 2 находки, обе они происходят из жилищных и хозяйственных комплексов сел. Торхово-3. Одна из них – из постройки 4 раскопа VI на (рис. 42: 2; 97: 3), вместе с находкой трапециевидной привески с пуансонным орнаментом (рис. 42: 16), одной синей и двумя глазчатыми

[39] Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-1404/3.
[40]Фонды ТОКМ, ЕИК 4150/47д. Фонды ГИМ, №№ ГК 18944799; 18941243; 18941244; 18940362; 18940426; 18940430; 18940436.

стеклянными бусами (рис. 45: 12–14) и лепной роменской керамикой. Вторая – из комплекса хозяйственной ямы 36 раскопа IV (42: 4). Ближайшие подобные находки с территории сопредельного региона обнаружены на гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2011. С. X, Рис. 23). Изделия такой морфологии имеют достаточно широкую хронологию и топографию: они встречаются как в раннеславянских материалах Поднепровья VI–VII вв. (Приходнюк, 1998. С. 134, рис. 64: 7; С. 140, рис. 71: 3; С. 143, рис. 75: 16–20; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 289. Рис. 104: 4; и др.), так и в комплексах X в. Гнездова (Пушкина, 1987. С. 52. Рис. 1: 8–9). Известна такая находка и в Юго-Восточном Приильменье, причем в работе 2025 г. С.Е. Торопов высказал предположение, что появление односпиральных подвесок на северо-западе Руси связано с военными событиями на территории Окско-Донского региона в X в. (Торопов, 2025. С. 193–202).

Наиболее характерными украшениями восточнославянского круга являются лучевые серьги, традиционно именуемые в литературе височными кольцами (рис. 43). Кольца интересующего нас периода происходят с гор. Супруты (21 экз), Воротынцево (1 экз.) и Новосиль (1 экз.), сел. Устье-2. Так же, в целом или фрагментированном виде они содержатся в составе некоторых кладов, введённых в научный оборот или хранящихся в государственном музейном фонде: Железницком (8 экз.), Ленинском (8 ф-тов), а так же безымянном кладе, обнаруженном на севере Тульской области (6 экз.). В качестве вспомогательного материала могут быть привлечены находки с ближайшего памятника сопредельного региона – гор. «Чертово Городище» (3 экз.). Количество изделий обнаруженных любителями металлопоиска и не поступивших в музейный государственный фонд не подлежит подсчету. Таким образом, на сегодняшний день для периода IX – 1-й половины X в. мы обладаем 48 экземплярами целых и фрагментированных лучевых колец.

К этой категории предметов, в контексте эволюции восточнославянских височных колец обращались В.П. Левашева (Левашова, 1967. С. 7–54) и Н.Г. Недошивина (Недошивина, 1980. С. 107–111). Специальные работы,

посвященные типологии и хронологии именно лучевых подвесок принадлежат Г.Ф. Соловьевой (Соловьева, 1978. С. 171–178) и А.Е. Шинакову (Шинаков, 1980. С. 110–127). В их работах нашли отражение и материалы памятников интересующего нас региона: лучевые кольца с гор. Супруты и из состава Железницкого клада. Эти находки отнесены исследователями к ранним вариантам лучевых височных колец (Соловьева, 1978. С. 177; Шинаков, 1980. С. 123)

Находки с территории нашего региона демонстрируют их полную эволюционную цепочку. А.В. Григорьев выделяет 3 этапа развития этой категории украшений (Григорьев, 2010б. С. 219–226). Для памятников раннего периода актуальны изделия 1-го и 2-го этапов развития. Кольца 1-го этапа миниатюрны, украшены псевдозернью с обеих сторон, имитируя дугу с напаянными пирамидками зерни (Григорьев, 1995. С. 38–41). Они встречаются на гор. «Чертово Городище» и Воротынцево и сел. Устье-2 (рис. 43: 1–3).

Изделия 2-го этапа отличаются большими габаритами, орнаментированы только с одной стороны. Имитация пирамидок зерни на дуге на этом этапе эволюционирует в полноценные лучи (рис. 43: 6–13). В большинстве, украшения этого этапа представляют собой семилучевые кольца с псевдозернёным орнаментом. Кольцо-основание, переходящее в дужку хорошо выражено, переход оформлен как гладкое утолщение в виде расплющенной бусины. Количество лучей одинаково с внешней и внутренней стороны кольца. По краю лучей проходит ложнозернёный бордюр, внутри которого изображен рельефный треугольник. Такие кольца широко распространены и на синхронных памятниках сопредельных регионов: на гор. Новотроицкое (жилище 24) (Ляпушкин, 1958. Рис. 63; Шинаков, 2021. С. 59, рис. 3: Е1); на гор. Курского Посемья Ишутино, Красный курган, Переверзево II (Шпилев, 2007. Рис. 1: 1–3). Находка с Переверзево II происходит из комплекса сооружения, датированного А.А. Узяновым концом IX – 1-й половиной X в. (Узянов, 1984. С. 93).

Еще одним типом височных колец, значительно отличающимся от большинства украшений 2-го этапа развития, являются изделия с изображением птиц на дужке, и сложнофигурными лучами (рис. 43: 15, 16). Два таких предмета происходят из культурного слоя гор. Супруты (Григорьев, 2005б. С. 89, рис. 38: 9, 10). Серия таких колец, изготовленных из серебра (3 экземпляра) содержалась в комплексе женского захоронения (рис. 43: 15), исследованного С.А. Изюмовой на городище в 1970 г. Помимо этих украшений, в комплексе была обнаружена серьга «салтовского типа» (Мурашева, 2015. С. 168, рис. 5). Височные кольца с изображением птиц на дужке имеют достаточно широкую географию распространения: они известны на территории Курского Посемья (Шпилев, 2018. Рис. 2: 1), Смоленского Поднепровья (Пушкина, 2015. Рис. 1: 4–6), и Южного Прикарпатья (Тимощук, 1982. С. 179. Рис. 91: 6). А.В. Григорьев относит их ко второй группе лучевых височных колец, возникновение и наибольшее распространение которой приходится на конец IX – начало X в (Григорьев, 2010б. С. 224, рис. 3: 9–12). А.В. Шпилев предлагает более широкую датировку этой категории изделий: 2-я половина IX – 1-я половина X в. (Шпилев, 2018б. С. 107). На территории нашего региона височные кольца с изображением птиц на дуге продолжают существовать и во 2-й половине X в. (рис. 137) (подробнее см. раздел 5.1.д).

Наиболее представительная коллекция колец 2-го этапа происходит с гор. Супруты (рис. 43: 6–9, 14–16), где, вероятно, располагалась одна из мастерских по их производству (Григорьев, 2006в. С. 298–300). Об этом свидетельствует, в частности, находки на памятнике литейных форм для изготовления таких украшений (Григорьев, 2005б. С. 94: рис. 39). Фрагменты таких серег происходят из Ленинского клада (рис. 43: 10–13), вместе с дирхемами IX в. (определение В.А. Кулешова)[41]. Клад обнаружен на правом берегу р. Упы в нижнем ее течении (рис. 76: 9; 79: 11). В научный оборот введены так же материалы клада, обнаруженного на севере Тульской области, но не

[41]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-1542.

поступившего в музейный гос. фонд. В нем содержалась серия из шести височных колец второго этапа развития (Григорьев, 2012в. С. 73–79)

Массовое распространение лучевых серёг третьего этапа развития относится к более позднему периоду славянского освоения региона, и подробное описание этой категории предметов пойдет в следующем разделе. Скажем только, что они практически утратили морфологическую связь с прототипами, по сути, став новым типом украшений. Однако мода на изготовление таких украшений была сформирована на финальном этапе раннего периода, о чем свидетельствует находка типичной серьги 3-го этапа развития на Супрутском городище (рис. 43: 14) (Григорьев, 2010б. С. 222, рис. 3: 6). А.В. Григорьев относил это украшение к изделиям 2-го этапа, однако по стилю оформления оно очень близко к височным кольцам из Полтевского клада (см. п. 5.1.д), датирующегося концом X – началом XI в. (Колоколов, 2023д. Рис. 3: 9–11), и, очевидно является переходной формой к изделиям 3-го этапа развития (рис. 140).

Крайне любопытной находкой этого круга является миниатюрная пятилучевая серьга (рис. 43: 4), обнаруженная на разрушенном участке площадки гор. Супруты (Григорьев, 2005б. С. 92. Рис. 38: 4) Она относится к т.н. украшениям с имитацией «расплющенных бусин» (Шинаков, 2021. С. 41). Морфологически и метрически схожие предметы известны в составе клада с младшей монетой 818/819 гг., найденном на гор. Новотроицкое (Ляпушкин, 1958. С. 28–29. Рис. 15: 3). Эти изделия, несмотря на близкую морфологию, проработаны достаточно примитивно, причем Супрутское кольцо имеет более грубую и схематичную форму, нежели Новотроицкое и отличатся от него меньшим количеством боковых лучей. Более детально проработано схожее изделие с гор. Новосиль на р. Зуше (рис. 43: 5) (Радюш, 2016. С. 146, рис. 1: 2), которое, вероятно, было изготовлено по примеру кольца с гор. Новотроицкого и послужило прототипом для супрутского украшения.

Бусы.

Находки бус известны на многих памятниках региона, наибольшее их количество – на поселениях раннего периода. Представительные серии их происходят с гор. Супруты, сел. Торхово-3 и Уткино-1. В коллекции Супрутского городища насчитывается около 200 бусин, подавляющее их большинство происходит из раскопок С.А. Изюмовой 1954–1977 гг. Около 20 пригодных для исследования бусин обнаружено на сел. Торхово-3, 11 происходит с сел. Уткино-1, 10 экземпляров содержалось в курганных захоронениях могильника Западное. Находки с прочих памятников представлены единичными экземплярами. Подавляющее большинство этих предметов обнаружено в пахотном горизонте либо в нестратифицированном культурном слое. Учитывая, что большинство типов бус имеют весьма широкие хронологические рамки бытования, а памятники, с которых они происходят, являются многослойными, наибольшее внимание стоит обратить на изделия, происходящие из достоверных комплексов IX – 1-й половины X в.

Наиболее многочисленную группу составляют стеклянные бусы (рис. 44). Подавляющие их большинство это изделия четырнадцатигранной, шаровидной и сфероидной формы, изготовленные из полупрозрачного синего стекла. Они происходят из культурного слоя сел. Уткино-1 (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 81) и Торхово-3[42] (рис. 44: 13–31; 32–40). Этот тип бус имеет крайне широкую хронологию и географию: они распространены в южной части среднерусской равнины в период V–IX вв., в том числе на территории Северного Кавказа и Крыма (Ковалевская, 2000. С. 7). Широко распространены они в синхронных материалах мордовских памятников, где относятся к хронологической группе В (VIII–IX вв.) (Терехова, 2014. 112–113, 220, рис. 24: 1–5). Известны такие находки и в составе комплексов: четырнадцатигранная бусина (рис. 44: 10) происходит из постройки 4 раскопа VI вместе с находкой трапециевидной привески с пуансонным орнаментом, односпиральной височной подвеской и лепной роменской керамикой (рис. 44: 10). Синяя

[42]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Ленинский р-н Тул. обл., 1992 г., селище 3 у д. Торхово, материалы разведок, ГМЗ-КП-17

цилиндрическая бусина (рис. 44: 33) обнаружена в заполнении ямы 34 раскоп I сел. Уткино-1 (рис. 98), которая в один из периодов существования выполняла функцию предгорновой ямы металлургического горна (см. п. 4.4). С это же памятника, из ямы 22 раскопа II происходит кубическая бусина синего стекла (рис. 44: 36). Так же, синяя бусина из полупрозрачного стекла, найдена в комплексе хозяйственной постройки 2 гор. Петровское. Изделие имеет форму симметрично усеченного шара (рис. 44: 6).

Не менее распространенным типом бус являются многочастные пронизки зеленого и синего непрозрачного стекла, происходящие с тех же памятников (рис. 44: 24–26, 30). Представлены они и в комплексе ближайшего синхронного памятника сопредельного региона – гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2011. С. 34, рис. 26: 3–6). Многочастные бусины-пронизки декорированные металлической фольгой – серебряной либо золотой, и покрытые кантарелью бесцветного прозрачного стекла известны на сел. Уткино-1 (рис. 44: 38–40) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 81) и Торхово-3 (рис. 44: 27–29, 31) (Колоколов, 2022б. С. 213, рис. 14: 31, 32, 35), но они происходят из пахотного горизонта памятников. Три серебростеклянные бусины-пронизки обнаружены в заполнении постройки 4 раскопа XXVIII на гор. Супруты, относящейся к финальному этапу жизни славянского поселения (рис. 44: 1–3; 81) (Григорьев, 2005б. С. 105, рис. 43: 27; Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 24: 1, 2). Золотостеклянные бусины-пронизки найдены в захоронениях могильника у д. Западное, они связаны с курганами (кург. №№ 3, 12, 20), внутри которых зафиксированы погребальные сооружения (рис. 47: 7–9) (Изюмова, 1964. С. 155, рис. 2: 1–4). Многочастные стеклянные бусины–пронизки с металлической фольгой широко распространены на территории Восточной Европы во 2-й половине I тысячелетия (Деопик, 1961. С. 216, рис. 4: 27–29; 221), а так же на синхронных памятниках Северного Кавказа (Львова, 2000. С. 258).

В комплексах памятников IX – 1-й половины X в. встречаются немногочисленные находки глазчатых бус. Две синие бусины с белыми глазками в красном ободке (рис. 44: 11, 12) найдены в постройке 4 раскопа VI

на сел. Торхово-3, вместе с синей четырнадцатигранной бусиной (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999. С. 4–7). Глазчатые бусы известны в курганах могильника Западное, не содержащих погребальных сооружений (Изюмова, 1964. С. 161, рис. 3: 4–9). Бусины из кургана 9 были изготовлены из серо-белого, желтого, либо бирюзового стекла с жёлтыми либо зелеными глазками в красном ободке (рис. 44: 42, 44, 45), одна – из бирюзового стекла с продольной красно-белой волнистой линией (рис. 44: 43). В кургане 18 содержалась бусина из бледно-зеленого стекла с желтыми глазками оранжевом ободке, украшенном черными ресничками (рис. 44: 41). Подобные глазчатые бусы, в том числе с глазками, декорированными ресничками, а так же изделия с двухцветной волнистой линией широко представлены в древностях салтово-маяцкой культуры, в частности – в материалах Дмитровского могильника (Плетнева, 1989. Рис. 67: 24–26; 67: 32). Так же, из постройки 4 раскопа XXVIII на гор. Супруты, происходит крупная, стеклянная бусина черного оттенка, непрозрачная, дисковидной формы, овального сечения, с беспорядочными белыми, желтыми и красными вкраплениями, и широким, круглым каналом отверстия (рис. 44: 4). Аналогий этой находке среди синхронных древностей обнаружить не удалось. Однако, набор близких по размеру, форме, и декору бусин происходит из погребения 135 могильника Дюрсо (Могильник Дюрсо: каталог, 2021. С. 232, рис. 169: 3.2.1), комплекс которого датирован 2-й половиной V – 2-й половиной VII в. (Могильник Дюрсо: каталог, 2021. С. 234). Таким образом, не исключено, что бусина попала в заполнение постройки из более раннего, подстилающего слоя в переотложенном виде.

Единственное изделие из стекла помимо бус, которое гипотетически может относиться к исследуемой эпохе – фрагмент синего стеклянного браслет треугольного сечения с сел. Слободка-1 (Шебанин, Колоколов, 2023. С. 424, рис. 5: 12). Такие изделия рассматриваются исследователями в качестве импорта с территории Византии и Причерноморья (Щапова, 1972. С. 110–112, рис. 19). Находки подобных браслетов известны в комплексах древнерусских городов, в частности в Новгороде – в слоях X – середины XIII в.

(Полубояринова, 1963. С. 170, 174–175, рис. 1: 7) и в Минске, где наибольшая концентрация таких находок приходится на XI – 1-ю половину XII в. (Загорульский, 1982. С. 229–231). Для сельских памятников является редкой находкой. Фрагмент аналогичного браслета происходит с территории Измерского селища (Казаков, 2007. С. 204, рис. XVII), возникновение которого датируется не ранее конца X в. (Казаков, 2000. С. 88–99). Таким образом, несмотря на возможные хронологические пересечения с находками в древнерусских городских слоях, фрагмент браслета с сел. Слободка-1 относится, скорее всего, к периоду XII–XIII вв., материалы которого так же представлены на памятнике.

Значительно реже встречаются изделия, изготовленные из камня – сердолика и горного хрусталя. На настоящий момент серия подобных бус известна только в коллекции гор. Супруты, Щепилово, сел. Торхово-3, Уткино-1. Сердоликовые бусины имеют призматическую, четырнадцатигранную, бипирамидальную или дисковидную форму (рис. 45: 1–11). Четырнадцатигранная вытянутая бусина (рис. 45: 5) происходит с гор. Щепилово, из раскопок С.А. Изюмовой 1953 г[43]. Уплощенная четырнадцатигранная бусина найдена в культурном слое сел. Торхово-3 (рис. 45: 8). Две аморфные сердоликовые бусины (рис. 45: 10, 11) обнаружены в пахотном горизонте сел. Уткино-1 (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 81) Наибольшая коллекция сердоликовых бус происходит из раскопов 1954–1977 гг. на гор. Супруты[44]. Бусы из горного хрусталя представлены призматическими, четырнадцатигранными, дисковидными и шаровидными изделиями (рис. 45: 12–17), на сегодняшний день они известны только на Супрутском городище. Ранние находки граненых сердоликовых бус происходят из курганов с трупосожжениями северо-западной Руси конца IX–X в., основная их масса датируется X–XI вв. (Сергеева, 1990. С. 98). Распространены они, как

[43]Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Щепилово 1953 г. Коллекция № 84158, оп. Б 998.
[44]Фонды ГИМ. №№ ГК 18937549; 18940997; 18943789.

и бусины из горного хрусталя и на территории Северной Европы (Arbman, 1943. Taf. 120: 1).

Единичные находки каменных бус можно связать с построечными комплексами. Так, в постройке 2 раскопа XXVII обнаружены две сердоликовые призматические бусины, и две бусины из горного хрусталя: шаровидная и четырнадцатигранная (рис. 45: 2, 7, 15, 16). Из этой же постройки происходит находка арабского дирхема 867 г. (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2000. С. 13–14). Практически аналогичный набор бусин связан с постройкой 5 раскопа XXVIII: в ее заполнении обнаружен обломок призматической сердоликовой бусины, четырнадцатигранная и дисковидная хрустальные бусины (рис. 45: 1, 13, 14). Призматическая бусина из горного хрусталя содержалась в заполнении постройки 4 раскопа XXVIII, относящейся к финальному этапу жизни городища (рис. 45: 12; 81). Так же, сильно обгоревшая дисковидная сердоликовая бусина содержалась в комплексе кургана №9 могильника Западная (Изюмова, 1964. С. 161, рис. 3: 6), в комплекте с набором глазчатых и мозаичных бусин (рис. 44: 42–45).

В целом, набор стеклянных и каменных бус с памятников верховьев Оки и Дона IX – 1-й половины X имеет транскультурный характер. Производство большинства их, по всей видимости, связано в арабским Востоком. Бусы имеют многочисленные аналогии в Северной Европе, на памятниках Северного Кавказа, Крыма, в могильниках Салтово-маяцкой культуры.

***

Украшения и предметы костюма скандинавского происхождения на памятниках раннего периода крайне немногочисленны. Наиболее яркими изделиями являются фибулы – застежки для одежды.

На сегодняшний день известна всего одна случайная находка бронзовой двускорлупной овальной фибулы типа 51S по Я. Петерсену[45] (рис. 40: 1), которая датируется 1-й половиной X в. (Григорьев, 2005б. С. 164. С. 165, рис.

[45]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Материалы любительских сборов, произведённых весной 2003 г. в нижнем течении р. Упы в границах Одоевского района Тульской области. ГМЗ-КП-1357/1

60: 3). Она была обнаружена в нижнем течении р. Упы в границах Одоевского района Тульской области.

Наиболее представительная коллекция украшений североевропейского круга древностей происходит с гор. Супруты, как наиболее изученного памятника раннего периода и узлового пункта трансконтинентальной торговли. Так, на городище найдены две железные гривны, изготовленные из тордированного прута квадратного сечения, и интерпретируется как наиболее распространенный тип гривны с молоточками Тора (Мурашева, 2012. С. 104). Кроме того, на городище обнаружена одна маленькая спиралеконечная застежка, и фибула с многогранными головками и напускными пирамидками на дуге[46], серебряная щитообразная подвеска с изображением «сегнерова колеса», а также семь экземпляров ладьевидных браслетов[47]. Все эти предметы характерны для североевропейской материальной культуры эпохи викингов. (Мурашева, 2012. С. 103–106). Большинство изделий североевропейского круга изготовлены из двухкомпонентной латуни с содержанием цинка от 2 до 12,9%. Два ладьевидных браслета выполнены из свинцовой латуни, один браслет – из многокомпонентной латуни с содержанием олова 1,2% (Мурашева, 2021. С. 128–140). Эти находки хранятся в фондах ГИМ, и происходят из раскопок С.А. Изюмовой 1954–1977 гг. Уверено соотнести их со стратифицированными комплексами памятника не представляется возможным. По мнению В.В. Мурашевой, находки предметов североевропейского облика свидетельствует о присутствии на поселении выходцев из Скандинавии, которые, составляя военную дружину, осуществляли контроль над участком торгового пути (Мурашева, 2011. С. 72).

На прочих памятниках раннего периода находки украшений североевропейского происхождения единичны. Так, в пахотном слое раскопа 3 на сел. Уткино-1 обнаружена подвеска «гнездовского типа» (рис. 40: 2) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 79: 11). В целом, подвески этого типа наиболее

[46]Фонды ГИМ, № по ГК 18940966.
[47]Фонды ГИМ, №№ по ГК 18939717; 18938644.

распространены в комплексах древнерусских памятников X–XI вв., известны единичные находки и на памятниках XII–XIII вв. (Модин, 2013. С. 132). Поскольку подвеска с сел. Уткино-1 не связана ни с одним жилищным либо хозяйственным комплексом IX – 1-й половины X в., она может являться как случайной находкой, так и относится к более позднему, древнерусскому периоду, материалы которого так же представлены на памятнике (АКР, Тульская обл., 2002. С. 134).

***

Находки украшений западнославянского происхождения на памятниках региона единичны. Одно изделие происходит с гор. Супруты – из заполнения постройки 2 XXVIII раскопа (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 22: 4), относящейся к горизонту, предшествующему гибели славянского поселения (рис. 85: 17) (Григорьев, 2008. С. 95–99). Это бронзовое украшение – декоративная пуговица «gombik» (рис. 40: 4), типичное для древностей Великой Моравии 2-й половины IX – рубежа IX–X вв. (Klanica, 1970. S. 421–446; Krupičkova, Ottenwelter, Březinova, 2019 P. 57–77). Второе моравское изделие – литая бронзовая трехрогая лунница с гроздьями зерни на окончаниях, происходящая из случайных сборов в Одоевском районе (рис. 40: 3) (Григорьев, 2005б. С. 164, 165. Рис. 60: 7). С западнославянскими древностями можно связать находку серебряной полой бусины, покрытой позолотой, украшенной зернью и сканью (рис. 40: 5). Она обнаружена на склоне гор. Никулино (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999. С. 25–26). Аналогии этому изделию широко известны в древностях Великой Моравии 2-й половины IX – 1-й половины XI в. (Sjlle, 1959. С. 449–451. Obr. 63; Great Moravia…, 2014. P. 62, fig. 8; Frolíková, Ottenwelter, Barčáková, 2020. S. 264, Fig. 4). Кроме того, схожие предметы входят в состав Алчедарского клада конца IX – начала XI в. (Рябцева, Тельнов, 2010. С. 285–300)

***

Находки украшений степного круга на памятниках раннего периода более многочисленны и разнообразны, чем предметы североевропейского и

западнославянского происхождения. Это вполне закономерно, т.к. в исследуемый период население региона испытывало значительное влияние салтово-маяцкой культуры, распространенной на большей части Хазарского каганата (Григорьев, 2005б; 2009а. С. 214–221; Прошкин, 2017. С. 32–44; Колоколов, 2022б). Факт даннической зависимости вятичей, с которыми традиционно отождествляется славянское население верховьев Оки и Дона IX–X вв., от хазар неоднократно упоминается в Повести временных лет (ПСРЛ, Т.1, 1926. С. 18, 29).

Самыми массовыми находками украшений степного круга древностей являются т.н. «серьги салтовского типа». Это литые или составные изделия в виде разомкнутого кольца, с шариком в верхней части и вытянутой подвеской различных вариаций в нижней. Они имеют широчайшее распространение на территориях, подверженных культурному влиянию Хазарского каганата (Плетнева, 1989. С. 107–109; Сташенков, 1998. С. 213–213). На территории верховьев Оки и Дона их часто находят в составе кладов: Железницкого, Каширского, Алпатьевского, Супрутского и т.д. (Григорьев, 2010а. С. 449–454). Наиболее представительная коллекция таких украшений происходит с гор. Супруты (рис. 41: 3). Всего, с территории памятника происходит 16 экземпляров таких украшений (Мурашева, 2015. С. 161–168). Скорее всего, они производились на территории поселения (Григорьев, 2005б. С. 94). На других городищах региона таких находок не известно. Ближайший памятник сопредельного региона левобережья Оки, где известны украшения этого типа – гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2017. С. 41, рис. 8).

Фрагменты салтовских серег происходят с 2-х селищ региона: Устье-2 (Гоняный, 2020. С. 83, рис. 9: 1) и Ивановка-2 (Зацаринный, 2023. С. 253, рис. 6: 2). При чем, если серьга с Ивановки-2 является вполне стандартным изделием – гроздевидная подвеска, состоящая из одинаковых шариков, оканчивающаяся крупной бусиной (рис. 40: 2), то находка с сел. Устье-2 относится к более редкому типу этих украшений. В отличие от наиболее распространённых типов, здесь крупная бусина (D – 6 мм) примыкает к кольцу, а ниже располагаются

более мелкие шарики, по мере уменьшения (D – 3 и 2 мм) (рис. 41: 1). Подвеска изготовлена из медного сплава, и, скорее всего, произведена на месте. Схожее украшение найдено на гор. Супруты. По мнению В.В. Мурашевой, наиболее близкие аналогии этому изделию связанны с синхронными древностями Дунайской Болгарии, где они относятся к серьгам т.н. «волынского» типа (Мурашева, 2015. С. 163, рис. 2: 8; Рябцева, 2005. С. 97, рис. 23.)

С сел. Устье-2 происходит еще одно изделие степного происхождения – т.н. «ворворка» (рис. 41: 11), в виде усеченной четырехгранной пирамиды с 2-мя отверстиями в вершине (Гоняный, 2020. С. 83, рис. 9: 6). Такие украшения широко распространены в материалах салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 108. Рис. 56; Аксенов, Михеев, 2006. С. 217, рис. 15: 17). Еще 2 предмета, которые можно отнести к ворворкам, но несколько иной морфологии, происходят с памятников Окского бассейна. Это схожие по размерам бронзовые граненые трубочки, обнаруженные на сел. Ивановка-2 и гор. Супруты. Находка с селища изготовлена в технике литья, и орнаментировано тремя поперечными рельефными валиками (рис. 41: 24). Предмет был обнаружен в пахотном горизонте памятника (Зацаринный, 2023. С. 243, 253, рис. 6: 1). Ворворка с Супрутского городища представляет собой свернутую бронзовую пластину, которой придано многогранное сечение (рис. 41: 23). В верхней и нижней части предмет так же декорирован рельефными валиками, основание покрыто прочеканенным орнаментом в виде многорядной ломаной линии, опоясывающей изделие (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 22: 6). Вероятнее всего, такие предметы использовались в качестве трубочек для подбородочной кисти на конской сбруе (Плетнева, 1989. С. 87. Рис. 42).

Перстни с круглым щитком для стеклянной или каменной вставки и крестообразно расположенными лапками для крепления является типичным изделием для древностей салтово-маяцкой культуры. Находки подобных перстней в значительном количестве известны на ее знаковых памятниках – Дмитриевском и Верхнесалтовском могильниках VIII – начала X в. (Плетнева, 1989. С. 116, рис. 61; Аксенов, 2016. Рис. 5: 22, 23, 25–27). На территории

региона такие перстни происходят с сел. Устье-2 (рис. 41: 5, 6) (Гоняный, 2020. С. 83, рис. 9: 7, 8) и гор. Петровское (рис. 41: 4) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. Рис. 195: 6).

Единственная в регионе находка двучленной железной фибулы происходит с сел. Торхово-3, из комплекса ямы 33 (рис. 41: 22; 96: 4) (Григорьев, 2005б. С. 97, рис. 40: 11). Аналогичные изделия широко представлены в комплексах салтово-маяцких памятников Подонья. В частности, они обнаружены в захоронениях Сухогомольшанского, (Михеев, 1985. С. 116, рис. 7: 11, 29), Дмитриевского (Плетнева, 1989. С. 112, рис. 59) и Маяцкого могильников (Флёров, 1993. С. 134, рис. 57: 2). Керамический комплекс объекта включает фрагменты груболепных роменских сосудов (рис. 96: 7) и гончарной салтовской посуды (рис. 96: 6), причем последние составляют значительный процент – 13.5 % (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1997. С. 11. Рис. 24).

Детали костюма представлены так же находками бронзовых литых пуговиц с массивным ушком (рис. 41: 12–16). Подобные изделия широко распространены как в степных материалах. В частности, они массово представлены в захоронениях Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 108, рис. 56: 1). На территории региона они известны в материалах гор. Супруты (Григорьев, 2005б. С. 101, рис. 42: 14, 15) и «Чертово Городище», а так же на сел. Торхово-3, (Григорьев, 2005б. С. 101, рис. 42: 10, 11, 14, 18; Прошкин, 2011. С. 52, рис. 35: 16) и Слободка-1 (Шебанин, Колоколов, 2023. С. 424, рис. 5: 2)

Типичные украшения степного круга – однопрорезные бубенчики, орнаментированные в нижней части рифлеными вертикальными полосами, обнаружены на гор. Супруты и сел. Устье-2 (рис. 41: 7–9). Причем если находка с Устья-2 обнаружена в ходе металлодетекторных сборов (Гоняный, 2020. С. 83, рис. 9: 4), то бубенчик с Супрут происходит из постройки 2 раскопа XXVIII, относящейся к горизонту предшествующему гибели славянского поселения (рис. 85: 16) (Григорьев, 2008. С. 95–99). Бубенчики относятся к типу 1 по С.А.

Плетневой и широко представлены в ареале салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 109. Рис. 57: 1). Пуговица-бубенчик, обнаруженная на склоне гор. Петровское – сферической формы, с двумя отверстиями в нижней части, узкой прорезью между ними и припаянным ушком круглого сечения в верхней части, имеет более широкие территориальные и хронологические рамки бытования (рис. 41: 21). Такие изделия известны в салтово-маяцких древностях IX–X вв. (Плетнева, 1989. С. 109. Рис. 57: 1). Набор схожих бубенчиков содержится в составе Фативижского клада VIII в. (Комар, 2011. С. 158, рис. 8). На территории региона находка аналогичного предмета происходит из заполнения постройки 1 раскопа XXVII на Супрутском городище (Григорьев, 2002. Рис. 57: 2). Эта постройка относится к периоду предшествующему гибели славянского поселения в середине X в. (Григорьев, 2008. С. 95–99).

Отдельно стоит рассмотреть уникальную для нашего региона находку: фрагмент прямоугольной накладки с точечным орнаментом по периметру и углами, оформленными в виде трилистника, обнаруженный на гор. Петровское (рис. 41: 25). Это изделие хотя и предназначено для фиксации ремня, не является деталью поясного набора, а использовалось для застегивания поясной сумочки-кошелька. Такие предметы плашмя крепятся к кожаной поверхности, для чего снабжены креплениями на оборотной поверхности, кроме того у них конструктивно не предусмотрен язычок, фиксация ремня осуществлялась непосредственно гранями рамки. Подобная накладка, в комплексе с набором элементов декора кошелька, происходит из захоронения 256 Крюково-Кужновского могильника – погребального памятника древней мордвы (Krylaszova, Belavin, Türk, 2014. P. 479, kep. 11: 1). Схожее изделие происходит из погребения 154 Бирки. В том же погребении обнаружены несколько нашивных бляшек на кошелек венгерского облика. (Arbman, 1943. Taf. 91: 3). Два аналогичных изделия происходят из Гнездова, одно из них из комплекса кургана Л–27 (Ширинский, 1999. С. 137, рис. 23: 2: 1; Arne, 1914. Fig. 360).

Стилистически схожая накладка происходит из погребения 10 Аланского могильника Мартан-Чу (Виноградов, Мамаев, 1984. Рис. 8: 2).

***

Украшения финно-угорской группы, хотя и немногочисленны, составляют достаточный яркий и характерный пласт инокультурных древностей на памятниках Окско-Донского региона. Это не удивительно, т.к. интересующий нас регион с севера и востока граничит с обширным финно-угорским миром (рис. 40: 6). Связи населения Окско-Донского региона с финно-угорскими культурами прослеживаются еще в эпоху Великого переселения народов, что проявляется, в частности, в находках на памятниках этого времени специфичных для окских финнов крестовидных фибул (Воронцов, 2022, 153).

На поселениях встречаются предметы, имеющие аналогии и прототипы и на более удаленных территориях – Пермском Приуралье и Прикамье. К ним относятся литые ажурные украшения с подвесками с гор. Супруты и сел. Торхово-3 (рис. 40: 7, 9). Наиболее яркая находка этого круга обнаружена в супрутской постройке 1 раскопа 1999 г. (рис. 82) Это круглая бронзовая бляшка с ажурным щитком и выступом, украшенным спиралями (Григорьев, 2005б. С. 101, рис. 41: 1) (рис. 40: 9; 82: 3). Аналогичные изделия широко распространены в синхронных финно-угорских древностях. В частности, они происходят из погребения 15 Веселовского могильника, погребений 14 и 15 могильника Черемисское кладбище, погребения 10 могильника «Нижняя стрелка», погребения 77 Дубовского могильника, (Никитина, 2012. С. 151, рис. 45: 2; 210, рис. 104: 2; 215, рис. 109: 3; 255, рис. 149: 11, 12), погребения 7 Подболотьевского могильника (Зеленцова, Милованов, 2021. С. 20, рис. 5: 6), и т. д.[48]

[48]К тому же кругу относится кольцевидная пластинчатой застежка, опубликованная в монографии А.В. Григорьева, происходящая из грабительских раскопок на гор. Супруты и датированная им на основании

Еще один элемент украшения финно-угорского круга происходит с сел. Ивановка-2 (Зацаринный, 2023. С. 243, рис. 6: 3). Это литая бронзовая привеска, состоящая из ушка и вытянутого язычка (рис. 40: 11). Близкие по форме привески содержатся в конструкции шумящих украшений мери IX–X вв. (Голубева, 1987. Табл. XXIX: 19; Спицын, 1905. С. 161. Рис. 446).

Бутылковидные привески, характерные для поволжско-финских древностей, происходят с сел. Торхово-3[49], а так же Супрутского городища (рис. 40: 12–15). Причем одна из них (рис. 40: 13) – из ямы 15 раскопа XXVII, относящейся к славянскому периоду бытования городища (Григорьев, 2002, рис. 57: 11; 23). Вторая такая подвеска обнаружена в культурном слое памятника – в раскопе XXVI[50]. Фрагмент сложносоставного шумящего украшения, состоящий из бутылковидной привески с двумя петлями, к которым крепятся две трапециевидные подвески, происходит из раскопа II 1956 года на гор. Супруты[51]. Из культурного слоя поселения происходят так же трехчастные подвески с литыми привесками и детали шумящих привесок в виде «гусиных лапок». Они обнаружены в ходе раскопок С.А. Изюмовой 50–70 х гг. и хранятся в фондах ГИМ[52].

Интересной и неоднозначной находкой финно-угорского круга является фрагмент бронзового изделия с реалистичным изображением человеческого лица с сел. Слободка-1 (рис. 40: 10). Предмет представляет собой слегка изогнутую пластинку овальной формы, размером 14 х 20 мм, и толщиной 2 мм, без следов крепления на оборотной стороне. На лицевой стороне изделия изображена личина в фас, черты которой прорисованы углубленным контуром. В нижней части изделие обломано, однако в левой ее стороне сохранился фрагмент продолжавшейся ниже композиции. Назначение и морфологию

аналогий VIII в. (Григорьев, 2005б. С. 101, рис. 42: 1). Однако, По материалам древнемордовского Абрамовского могильника такие изделия датируются в рамках IV в. (Ставицкий, 2015, рис. 1: 1, 2). Таким образом, эта находка относится к более раннему периоду бытования памятника, и не входит в круг рассматриваемых нами предметов.

[49]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-155/6

[50]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-1961/10

[51]Фонды ТОКМ. ЕИК-4150/35

[52]Фонды ГИМ, №№ по ГК 18935695; 18941267; 18941229

изделия, фрагментом которого является находка, понять затруднительно. Однозначно интерпретировать и датировать этот предмет на настоящий момент затруднительно. Однако, учитывая стилистические особенности изображения, можно попытаться очертить круг возможных аналогий среди синхронных древностей Восточной Европы.

На синхронных памятниках верховьев Оки и Дона известно две находки предметов с изображениями человеческого лица – на гор. «Чертово Городище» и сел. Устье-2. Фрагмент пластинчатой накладки с креплениями с гор. «Чертово Городище» О.Л. Прошкин считает элементом уздечного набора, и связывает с кочевническими древностями VI–VIII вв. (Прошкин, 2011. С. 57, рис. 37: 2). Находка с сел. Устье-2 представляет собой накладку полусферической формы с рельефным изображением человеческого лица на внешней стороне, со штифтом для крепления к ремню (Гоняный, 2020. С. 84, рис. 10: 8). Однако и стилистически и конструктивно эти предметы значительно отличаются от находки с сел. Слободка-1, в связи с чем их нельзя рассматривать как изделия одного культурно-хронологического круга.

Во 2-й половине I – начале II тыс. н. э. металлические предметы с антропоморфными изображениями известны во многих культурах западной Евразии: мелкие изделия и крупные бляхи-решмы с личинами встречаются на территории Саяно-Алтая, Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Приднестровья (Король, 2006. С. 153–185; 2017. С. 60–65; Разумов, Тельнов, Лысенко, Синика, 2021. С. 61–69). Подвески-маски известны и среди мелкой пластики Скандинавии, Восточной Прибалтики и Древней Руси (Кулаков, 2012а. С. 226–244; 2016. С. 144–162; Новикова, 1999. С. 47–53), однако изображения на них стилистически далеки от изделия с сел. Слободка-1.

Сопоставимое с нашей находкой изображение человеческого лица размещено на уплощенном окончании браслета, происходящего из погребения 86 Шатрищенского могильника рязано-окских финнов, функционировавшего в V – начале VIII в. (Кравченко, 1974. С. 140, рис. 17: 10)

Наиболее стилистически близкие изображения личин обнаруживаются на бронзовых изделиях с памятников VII–XI вв. Пермского Предуралья. Эти предметы входят в культурное явление, именуемое в литературе как пермский звериный стиль (Голдина, 1985. С. 76–77, 228, рис. 13, табл. XX; Оборин, 1976. Илл. 55–70; Оборин, Чагин, 1988. С.109–144; Белавин, Игнатьева, Оятева, 2009; Доминяк, 2010).

Полностью аналогичных артефактов среди изделий этого круга обнаружить не удалось. Впрочем, абсолютно идентичных вещей не наблюдается и среди изделий пермского звериного стиля – каждое изваяние является уникальным. Однако по художественному способу передачи черт человеческого лица, изделия с территории Пермского края наиболее близки находке с сел. Слободка-1, в отличие от синхронных предметов с прочих территорий. Среди них можно выделить 2 изделия наиболее схожих с нашей находкой. Это бронзовые личины, хранящиеся в фондах Пермского краеведческого музея, где они датируются в рамках VII–IX вв.[53] (Доминяк, 2010. С. 21).

Отсутствие прямых аналогий и надежного археологического контекста значительно затрудняет однозначную датировку и культурную атрибуцию бронзового изделия с антропоморфным изображением. Однако на основании стилистической схожести с приуральскими древностями VII–IX вв. допустимо предварительно связать его со славянским периодом бытования селища – IX–X вв.

Косвенным подтверждением близости изделия с сел. Слободка-1 к кругу древностей пермского звериного стиля может служить находка перстня, обод которого состоит из 2-х окружностей с оттиском витого шнура, соединенных сдвоенными бусинами псевдозерни. К ободу крепятся две петли для присоединения шумящих привесок (рис. 40: 8). Перстень обнаружен в ходе проведения разведочных исследований на сел. Победа (рис. 21: 37), расположенном в 5 км к западу от сел. Слободка-1, выше по течению р. Шат

[53]Фонды Пермского краеведческого музея. № ГК 15592396; №3337541.

(Арх. ИА РАН. Шебанин, 2000. С. 6–7; рис. 8: 8). Такие украшения характерны для финно-угорского мира пермского Предуралья, в литературе посвященной средневековым древностям этого региона они именуются «шумящие перстни». Однако эти предметы малочисленны, и с их датировкой возникают определенные трудности. Они соответствуют изделиям типа Б23б по К.В. Моряхиной и датируются XI в. (Моряхина, 2017. С. 227, рис. 1), однако в обширном своде перстней Пермского Приуралья приведены всего две находки этого типа (Моряхина, 2019. С. 205, № 149; 273, № 285), одна из которых не имеет надежного археологического контекста. Второй перстень происходит из комплекса Рождественского могильника, и датировка его обусловлена верхней датой существования памятника (Востроκнутов, 2020. С. 109). При этом стоит учесть, что шумящие перстни с декором в виде витого шнура известны еще в материалах Ломоватовской культуры, они относятся к типу Тип 3ж по Р.Д. Голдиной, и датируются концом VII–VIII вв. (Голдина, и др., 1980. С. 50; 180, Табл. XXXIX: 8). Еще одна находка перстня с многочастным щитком, декорированным витым шнуром, и подвешенными к нему шумящими украшениями происходит из комплекса клада X в., обнаруженного на гор. Иднакар в Удмуртии (Иванова, Куликов, 2000. С. 32, рис. 57). Таким образом, нельзя исключать, что перстень с сел. Победа относится к периоду IX – 1-й половины X в.

4.6.б.
Хозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода.

Традиционным, наиболее устойчивым к временным изменениям элементом материальной культуры славян верховьев Оки и Дона является набор железных орудий труда и предметов домашнего обихода. Этот комплекс включает в себя орудия для обработки земли, дерева, металла, кожи,

инструменты ювелирного производства, рыболовные снасти, предметы хозяйственного обихода.

Обработка дерева осуществлялась топорами, имеющими универсальное назначение. Эти орудия можно рассматривать и в качестве предметов вооружения и хозяйственного инвентаря. Специализированные боевые топоры рассмотрены в специальных разделах (см. п. 4.7.а), они относятся к североевропейскому, либо степному кругу древностей. В этом разделе речь идет о крупных узколезвийных проушных топорах с непрофилированным обухом (рис. 53) типа VIII по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966. С. 30, рис. 6; 39–40). Подобные орудия широко распространены на памятниках Восточной Европы последней четверти I тыс. н.э. Однако, несмотря на массовость этой категории предметов, мы имеем единственный такой топор на территории нашего региона, надежно связанный с комплексом IX – 1-й половины X в. (рис. 53: 4). Он происходит из заполнения постройки 4 XXVIII раскопа на Супрутском городище. На самом Супрутском городище за все время исследований обнаружено около 20 узколезвийных топоров с непрофилированным обухом и симметричными выступающими щековицами, но ни один из них нельзя достоверно связать с жилищным либо хозяйственным комплексом (рис. 53: 1, 2). Единичная находка происходит из пахотного горизонта сел. Уткино-1 (рис. 53: 3) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 78). Такие изделия имеют достаточно широкие хронологические рамки. В северо-западных регионах Восточной Европы они бытуют с середины 1 тыс. н. э. до X в. (Казакявичус, 1982. С. 71–80). Встречаются они, и в материалах мощинской культуры (в частности на эпонимом гор. Мощино (Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 31, рис. 3), так же широко представленных в комплексе Супрутского городища и сел. Уткино-1. При этом стоит заметить, что на топоре из постройки 4 треугольные симметричные щековицы отсутствуют. Таким образом, можно уверено говорить лишь об одном орудии, относящимся к интересующему нас периоду.

Наиболее массовыми предметами хозяйственного обихода на поселениях раннего периода являются железные ножи, обнаруженные на большинстве изученных раскопками памятниках. В основном это орудия с прямой спинкой, черешок которых расположен на одной линии с обушком, и уступом при переходе черенка к лезвию (рис. 47: 9). Они массово встречаются и на памятниках верховьев Оки и Дона, в частности на сел. Устье-2 (Гоняный, 2020. С. 82, рис. 8: 1–2, 4–7), Уткино-1 (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 76–77); Слободка-1 (Шебанин, Колоколов, 2023. С. 423, рис. 4: 4). Такие ножи относятся к типу 1 по А.З. Винникову, широко распространенному на памятниках донских славян (ок. 25%) (Винников, 1995. С. 63, рис. 18: 1–3). По А.А. Балашову относятся к варианту 2 типа I, являющемуся одним из самых распространенных на славянских памятниках Днепро-Донского междуречья в IX–X вв. (Балашов, 2013). Согласно типологии Р.С. Минасяна такие ножи принадлежат к группе I, и бытуют на территории Восточной Европы в период с VI по XI в. (Минасян, 1980. С. 69). По мнению исследователя, форма орудий этой группы происходит от «горбатых» ножей эпохи раннего железного века.

Другая группа ножей – с прямым упором при переходе черешка к клинку (рис. 47: 7, 8). Они относятся к т.н. ножам «аланского типа» (Минасян, 1980. С. 70). Они широко представлены на памятниках салтово-маяцкой культуры IX–X вв. (Михеев, 1985. Рис. 9, 11, 14 и т.д.), а так же на синхронных роменских поселениях (Ляпушкин, 1958. С. 328, табл. XCIII, 2, 6, 7 и т.д.). Такие ножи известны в комплексе гор. Гора Услань (рис. 47: 8) (Колоколов, 2023г. С. 263, рис. 3: 1) и Щепилово (рис. 47: 7)[54] .

На памятниках раннего периода известны единичные находки ножей с волютообразным навершием. Это в целом редкое, но типичное орудие для восточнославянских древностей рубежа I–II тыс. н.э. К таким изделиям относится железный нож с сел. Каменка-1 – цельнометаллический, с коротким треугольным в сечении клинком и прямоугольной в сечении рукоятью. Спинка

[54]Фонды ГИМ, Коллекция предметов из раскопок городища Щепилово 1952 г. Коллекция №84012. оп. Б 1065/103

клинка и рукояти составляют единую линию (рис. 47: 10). Общая длина предмета – 16,7 см, длина клинка около 6,5 см, его ширина при переходе в рукоять – 1,4 см. По основным характеристикам находка с сел. Каменка-1 близка цельнометаллическим ножам с волютообразным навершием, известным в материалах поселений и могильников на территории Восточной Европы в VII–X вв. (Минасян, 1978. С. 148–152; Винников, 1995. С. 64–65, рис. 18: 12–14; Ковалевский, 1998. С. 9–24; Рабинович, 2005. С. 351–359. Мысько, Пивоваров, 2010. С. 1–7). В материалах Гнёздовского и Выползовского городищ подобные ножи связаны с комплексами, датирующимися не ранее середины X в. (Пушкина, 2018. С. 190–191). Вторая находка такого ножа происходит из культурного слоя гор. Супруты[55].

Принадлежностью режущих инструментов являются абразивные орудия, предназначенные для доводки лезвий, после их заточки. В археологической литературе чаще всего они именуются «оселки». Миниатюрные оселки из мелкозернистого сланца с отверстиями для подвешивания – достаточно редкая находка на памятниках Окско-Донского региона. Они известны только на двух памятниках: гор. Супруты и сел. Уткино-1. Причем если находки с Супрутского городища происходят из нестратифицированного культурного слоя памятника[56] и могут относиться к более позднему, древнерусскому периоду его бытования, то оселки с сел. Уткино-1 связаны с хозяйственными комплексами интересующего нас периода. Так, трапециевидный оселок обнаружен в заполнении ямы 29 раскопа II (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 81: 46), а изделие подпрямоугольной формы со скругленными углами – в заполнении ямы 23 раскопа II (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 81: 24). Судя по размеру и конфигурации, обе ямы являются зерновыми (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 64).

Достаточно широко на поселениях представлены орудия в виде граненых либо округлых стержней, на некоторых из которых, при условии хорошей

[55]Фонды ГИМ. № по ГК 18936914
[56]Фонды ТОКМ. Р. III. кв. 56, ЕИК 4150/д56; Фонды ГИМ. №№ ГК 18940960; 18938719; 18936903

сохранности предмета, прослеживается заостренная рабочая часть. Такие предметы интерпретируются как шилья – инструменты, применяемые в быту и различных отраслях ремёсла для проделывания отверстий. Этот вид орудий имеет достаточно устойчивую морфологию, сохраняющуюся и в последующее, древнерусское время (Колчин, 1959. С. 64; Сингх, 2009. Табл. 54–56). Поскольку большинство таких предметов обнаружено в культурном слое или на поверхности многослойных памятников, на которых, помимо интересующих нас древностей, представлены и материалы Древней Руси, с периодом IX – 1-й половины X в. мы можем связать лишь немногочисленные находки, происходящие из построечных комплексов. Они представлены на гор. Супруты и Петровское. Орудия из комплексов Супрутского городища имеют схожую морфологию: они изготовлены в виде четырехгранного дрота прямоугольного сечения (черешка), переходящего в стержень круглого сечения с заостренным концом (рабочая часть). Эти предметы найдены в заполнении постройки 2 раскопа XXV[57], (рис. 47: 15), и постройки 4 XXVIII раскопа (рис. 47: 14) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 61: 6). Шило с гор. Петровское, происходит из заполнения хозяйственной постройки 2 (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. Рис. 137: 5) и, в отличие от орудий из комплексов Супрут, имеет не округлое, а ромбовидное сечение рабочей части (рис. 93: 14).

К орудиям металлообработки относится обнаруженное в постройке 7 XXVIII раскопа на гор. Супруты железное втульчатое зубило (рис. 47: 5) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 74: 1). Инструмент относится к типу слесарных зубил, предназначенных для рубки холодного металла, а так же для нанесения орнамента на поверхность готовых изделий. С ювелирным делом связаны так же находки железных миниатюрных пинцетов. В рассматриваемый период они известны только в комплексе ближайшего памятника сопредельного региона – гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2011. С. 37, рис. 28: 1).

[57]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской обл., 2002 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок. ГМЗ-КП-1954/31.

Орудие, относящееся к рыболовному промыслу – однозубая прямая железная накладная острога (рис. 47: 4), была найдена на гор. Гора Услань (Колоколов, 2023г. С. 263, рис. 3: 3). Изделие имеет множественные аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры (Михеев, 1985. С. 56–57, рис. 28: 19–22). Изогнутые однозубые остроги известны на синхронных памятниках донских славян. (Винников, 1995. Рис. 14: 1, 2). Крайне редкими находками в комплексах IX – 1-й половины X в. являются рыболовные крючки. В нашем распоряжении есть всего один предмет (рис. 47: 6), связанный с постройчным комплексом – он происходит из постройки 2 раскопа XXV на гор. Супруты (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 37: 16).

Орудия пашенного земледелия обнаружены только на Супрутском городище, в раскопах С.А. Изюмовой. В комплексе памятника найдены единственные, для исследуемого периода, экземпляры наральников (Меч и златник, 2012. С. 45: 40). Они относятся к типу IB1 по Ю.А. Краснову (Краснов, 1987. С. 40; Рис. 9: 1). Изделия этого типа имеют весьма широкие хронологические рамки бытования, и используются вплоть XIII в. Помимо отдельных находок, с площадки городища происходит клад сельскохозяйственных орудий. По мнению А.В. Григорьева, предметы, входящие в него (наральники, серпы, косы), не использовались жителями поселка по прямому назначению, а являлись предметом торгового оборота (Григорьев, 2017. С. 272). Единственная находка плужного ножа или «чересла» на памятниках раннего периода, так же связана с материалами Супрутского городища (Путь из варяг в греки и из грек…, 1996. С. 75: 620).

Инструменты для ручной обработки земли представлены железными мотыжками. На территории региона найдено три таких орудия: на гор. Мосолово, сел. Слободка-1 и Устье-2. Наиболее крупный экземпляр был обнаружен на склоне гор. Мосолово (рис. 47: 1). Изделие имеет широкую, секировидную по форме лопасть, постепенно сужающуюся к втулке. Размер изделия следующий: общая длина – 16.7 см; длина лезвия – 9 см; длина втулки – 7,7 см; ширина лезвия – 14,4 см; ширина втулки 5.6 см. Мотыжки схожего

размера датируются в широком хронологическом диапазоне – VIII–X/XI вв. (Колода, Горбаненко, 2010. Прил. III. Табл. 18. С. 167). Возможно, увеличенные размеры изделия свидетельствуют об изготовлении их славянскими мастерами по салтовским образцам, имеющим значительно меньшие размеры (наибольшую длину 9–10,5 см при ширине рабочей части 4,5–6 см). (Веретюшкина, Балашов, 2016. С. 213–214). Аналогичные мотыги с широкой секировидной лопастью известны в коллекции раскопок С.А. Изюмовой на Супрутском городище (Меч и златник, 2012. С. 45: 41, 42).

Мотыга с сел. Слободка-1 представляет собой железное орудие с прямой рабочей кромкой лопасти и незамкнутой втулкой. Ее длина составляет 9 см, ширина лезвия – 5 см, средняя ширина втулки – 3,7 см. (рис. 47: 3). Такая же известна на сел. Устье-2 (рис. 47: 2) (Гоняный, 2020. С. 82, рис. 8: 8)[58].

Подобные орудия были широко распространены в степных и лесостепных раннесредневековых древностях и хорошо представлены в инвентаре могильников салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 91,92. Рис. 46; Колода, Горбаненко, 2010. С. 63, рис. 32: 7–10). На территории Днепровского Левобережья аналогичные мотыги широко известны среди славянских древностей V–X вв. – в материалах пеньковской и роменской культур (Горбаненко, Пашкевич, 2010. С. 127–128, рис. 4.17–4.18)

Следующая категория предметов – орудия для сбора урожая и заготовки кормов, представленные железными серпами. На памятниках IX–X вв. верховьев Оки и Дона серпы известны в материалах Супрутского городища (рис. 46: 3) (Григорьев, 2005б. С. 84), а так же на сел. Слободка-1, Устье-2 (рис. 46: 4) (Гоняный, 2020. С. 82, рис. 8: 9), Грабоново-1 (рис. 46: 2) (Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. Т.1. С. 179; Т. 3. Рис. 878) и Уткино-1 (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 65, рис. 77: 36). Типичное изделие, найденное на сел. Слободка-1 (рис. 46: 1) имеет слабоизогнутый клинок, заканчивающийся пяткой, загнутой перпендикулярно плоскости клинка. Общая длина предмета –

[58]Существует мнение, что такие орудия в силу своей формы и размеров были теслами, т.е. использовались для обработки дерева (Приймак, 1990. С. 72).

42 см. Он относится к серпам группы II, подгруппы 1 по Р.С. Минасяну. Подобные орудия бытовали на территории всей Восточной Европы в период с V по XI в. (Минасян, 1978. С. 79–80, рис. 4). Они широко представлены на памятниках VIII–X вв. салтово-маяцкой культуры, где выделены В.К. Михеевым в группу I, составляющих около трети всех находок серпов (Михеев, 1985. С. 45; 134, рис. 25: 2–7). Это изделие, учитывая значительные размеры (общая длина 42 см), вполне допустимо интерпретировать как косу-горбушу. Разделение предметов подобной морфологии на «косы» и «серпы» является условным. На гор. Супруты известны так же находки серпов с отогнутым наружу черешком (Меч и златник, 2012. С. 46: 44) группы VI по Р.С. Минасяну (Минасян, 1978. С. 82–83).

К категории бытового инвентаря относится находка пружинных ножниц с сел. Слободка-1 (рис. 47: 11). Такие изделия применялись для стрижки малого рогатого скота и широко распространены как на памятниках салтово-маяцкой культуры (Колода, Горбаненко, 2010. С. 120, рис. 67; Михеев, 1985. С. 27, рис. 11: 17), так и на синхронных славянских памятниках Подонья (Винников, 1995. Рис. 17: 1). Помимо сел. Слободка-1, на территории верховьев Оки и Дона известны только в материалах Супрут (Изюмова, 1972б. С. 93).

Шарнирные ножницы с прямыми рукоятками происходят из комплекса постройки 4 XXVIII раскопа гор. Супруты (рис. 47: 13), относящейся к финальному этапу существования славянского поселения (рис. 81) (Колоколов, 2022б. С. 215, рис. 16: 6). Для X в. такие находки очень редки. В этот период аналогичные шарнирные ножницы встречаются в комплексах торговых факторий Северной Европы[59]. При этом, в древнерусских материалах известны и шарнирные ножницы восточного происхождения. Так, ножницы с арабской надписью происходят из комплекса кузнечно-ювелирной мастерской, середины

[59] В частности, аналогичные ножницы происходят из погребения 644 Бирки (Arbman, 1943. Taf. 176: 2). Это захоронение, помимо богатого погребального набора, содержит серию арабских монет, младшая из которых – дирхем династии Саманидов, датированный 920/921 гг. (Arbman, 1940, P. 221). Так же из погребения происходят 2 овальные фибулы типа 51C и большая круглая фибула типа IIB по И. Янссону, (Arbman, 1940, P. 223, abb/ 183: 1, 2; Jansson, 1984в. S. 47; 1984a. S. 76–77). Время бытования фибул данных типов определяется исследователями как середина – 2-я половина X в. (Андрощук, 2010. С. 80–81; Янсон и др., 2010. С. 576).

X в., расположенной в пойменной части Гнездовского (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 45, рис. 22: 1). Ножницы такой же конструкции, но иной формы – с выгнутыми наружу рукоятками (рис. 47: 12), были обнаружены в раскопе 1955 года С.И. Изюмовой[60]. Наиболее морфологически близкие изделия происходят из хазарских слоев Саркела (Сорокин, 1959. С. 147, рис. 6: 4).

К предметам бытового обихода можно отнести так же футляры для трута – железные полые трубочки с продольным отверстием. Такие находки происходят из комплексов Супрутского городища: постройки 1 раскопа 27 (рис. 84: 13) и постройки 4 раскопа 28 (рис. 47: 16). Аналогичные предметы известны и в синхронных материалах ближайшего памятника сопредельного региона – гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2011. С. 37, рис. 28: 3).

Таким образом, мы видим, что большинство металлических орудий обнаруженных на памятниках раннего периода имеет прямые аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры. Часть из них могла являться предметом прямого импорта, а часть изготовлена в мастерских региона, что подтверждает находки металлургических горнов, сконструированных так же по салтовским образцам.

4.6.в.

Изделия из кости и глины

Изделия из кости на славянских памятниках региона встречаются не часто – органические материалы далеко не всегда сохраняются в культурном слое. Имеющиеся предметы представлены подвесками-амулетами из клыков животных, игральными астрагалами-бабками, кочедыками. Редкими находками являются игральные шашки, резные пуговицы, томары. Они известны только в материалах Супрутского городища.

[60]Фонды ТОКМ. ЕИК 4150/д44

Подвески-амулеты, изготовленные из клыка животного с отверстием для подвешивания известны с каменного века. Подобные изделия происходят во множестве с сел. Уткино-1 (рис. 48: 1) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 84), и гор. Петровское (рис. 48: 2) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. Рис. 188: 4). Такие изделия широко распространены и в синхронных материалах сопредельных регионов (Куза, 1981. С. 36, рис. 19).

Довольно распространенной находкой являются изделия из плюсневых костей животных (преимущественно овцы) – игральные кости-астрагалы. От кухонных отходов их отличают просверленные отверстия, и, в ряде случаев – насечки в виде косой решетки (рис. 48: 3). Не исключено, что такие изделия могли так же использоваться в ритуальных целях, и нести охранительную функцию (см. Тропин, Чубур. 2023. С. 49–59). Большая часть этих предметов обнаружена при раскопках гор. Супруты и сел. Уткино-1 (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 84; Григорьев, 2005б. С. 121, рис. 48: 1–4), единичные находки происходят с гор. Никулино (Арх. ИА РАН. Грибков, 2020. Рис. 295: 7) и Петровское (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. Рис. 115: 7; 162: 2). Однако, стоит обратить внимание, что подавляющее большинство этих предметов обнаружены в качестве подъемного материала, или происходят из нестратифицированного слоя памятников. Поскольку находки игральных костей-астрагалов на территории региона известны в объектах XII–XIV вв.[61] , а на всех перечисленных выше памятниках представлены материалы этого времени, то в качестве изделий, достоверно относящихся к интересующему нас периоду следует рассматривать предметы из комплексов IX – 1-й половины X в. Такие комплексы изучены только на гор. Супруты. На Супрутском городище два астрагала с отверстиями содержатся в постройке 2 раскопа XXV (рис. 83: 20, 21) и постройке 4 раскопа XXVIII (рис. 48: 3).

[61]Например, в заполнении ямы 141, раскопа 1 поселения Колесовка-1. Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Кимовский район Тульской области, 2008 г., поселение Колесовка-1, материалы раскопок. ГМЗ-КП-1977/17. Так же, астрагал с отверстием обнаружен в заполнении хозяйственной ямы 1 раскопа II на сел. Уткино-1, которая относится к XIV в. (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 84: 9).

Еще одним типом костяных изделий, типичных для древностей роменской культуры, являются кочедыки – инструменты, изготовленные из кости с эпифизом, который исполнял роль рукояти и заостренные с противоположного конца. По данным этнографии, такие орудия использовались для плетения различных изделий из лыка и бересты (лаптей, корзин), а так же для распутывания узлов. Для периода IX – 1-й половины X в., известна всего одна находка такого орудия – в культурном слое гор. Щепилово (раскоп 1953 г.)[62], при том, что костяные кочедыки широко представлены на синхронных памятниках Поднепровья и Подонья (Винников, 1995. Рис. 14: 5–8; Стефутин, 2013. С. 134–135). Такие изделия известны и в комплексах памятников верховьев Оки и Дона в период 2-й половины X – XI в. (см. п. 5.1.д, 5.2).

Три костяных изделия в виде усеченных конусов, два из которых орнаментированы поперечными насечками, одно – точками, обнаружены в постройке 4 раскопа XXVIII на гор. Супруты (рис. 48: 5–7; 86: 21–23). В литературе подобные предметы интерпретируются как рукояти ножей, горлышки бурдюков, охотничьих манков, и т.д. Есть версия, что эти изделия являются т.н. «томарами» – костяными наконечниками стрел для охоты на мелкую пушную дичь. Такие изделия широко представлены как в древностях салтово-маяцкой культуры (Флерова, 2001. С. 47–49, рис. 12), так и в древнерусских материалах X в. (Дементьева, 2015. С. 230–237). Большая часть этих предметов покрыта узором, в основном, в виде поперечных кольцевых линий, встречаются и более сложные орнаментальные композиции[63]. Помимо постройки 4, неорнаментированные костяные изделия, которые можно рассматривать в качестве томаров происходят из постройки 2 и 3 пласта (кв. 22) раскопа XXV[64], а так же раскопа XXI[65]. Они так же представляют собой полые

[62]Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Щепилово 1953 г. Коллекция № 84158, оп. Б 998/856.

[63]Поперечными кольцевыми линями орнаментирован томар, обнаруженный в Троицком X раскопе в сооружении начала XII века. Назначение предмета не вызывает сомнений, т.к. сохранилось древко, на которое был насажен конусовидный роговой наконечник. (Гайдуков, Макаров, 1993. С. 179–188. Рис. 2, 3)

[64]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-1954/21; 1954/8.

[65]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-101/59

цилиндры с расширением на конце. Еще одно костяное изделие несколько иной морфологии, но, вероятно того же назначения, происходит из ямы 16 раскопа 27 на гор. Супруты[66]. Оно представляет собой массивный стержень, овального сечения, с продольным каналом и заостренным шлифованным окончанием (рис. 48: 4). Предмет можно соотнести с т.н. «пулевидными» костяными наконечниками стрел, массово представленными в слоях Саркела, том числе относящихся к хазарскому времени (Флерова, 2001. 46–47; Рис. 10: 6–22).

Уникальной для нашего региона находкой является полусферическая пуговица с отверстием в центре, украшенная циркульным орнаментом (рис. 48: 8). Изделие обнаружено в раскопе XXV на гор. Супруты. (Григорьев, 2005б. С. 101, рис. 42: 20). Аналогичные пуговицы происходят из слоев Саркела 30–60 гг. X в. (Флерова, 2001. С. 102; С. 198. Рис. 52: 1–6)

С гор. Супруты происходит еще одно костяное изделие дисковидной формы, которое может быть определено как игральная шашка, пуговица или пряслице (рис. 48: 9). Предмет был найден в районе таза костяка женщины, обнаруженной в раскопе XXIV (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 37: 20). Покойница не была захоронена, находилась в девиантной позе, и, вероятнее всего, погибла во время штурма городища (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. С. 4–5). Этот факт позволяет отнести изделие к финальному этапу существования славянского поселения на площадке городища. Схожие костяные предметы найдены в слое Саркела X в. (Флерова, 2001. С. 200, рис. 54: 8–10).

Редкими находками являются единичные фрагменты костяных составных гребней, которые известны только в материалах гор. Супруты[67], и связаны с североевропейским импортом (Григорьев, 2005б. С. 120–122). Такие изделия типичны для европейских памятников рассматриваемого времени. На сегодняшний день известно 4 гребня относительно полной сохранности, из раскопок С.А. Изюмовой[68] (рис. 48: 10). Это однотипные односторонние

[66]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-1961/29.
[67]Единственный костяной гребень, обнаруженный на гор. Щепилово, относится к эпохе Великого переселения народов (Воронцов, 2013. С. 39)
[68]Фонды ТОКМ. ЕИК 4151/33; Фонды ГИМ. №№ ГК 18937584; 18940397; 18940386

составные гребни с узкой выпуклой спинкой, и симметричными накладками. Накладки орнаментированы вертикальными, сдвоенными переплетенными линиями, либо перекрещивающимися многорядными линиями и глазками (точка в окружности). По К. Амбросиани они относятся к типу B1:3 (Ambrosiani, 1984. P. 165, abb. 18: 8). Гребни этого типа были широко распространены в Северной, Восточной и Западной Европе эпохи викингов (Ambrosiani, 1984. P. 165, taf. 18: 1), известны также на древнерусских памятниках X в. (Давидан, 1962. С. 100, 101; Дементьева, 2014. С. 143–147 и др.). Помимо Супрутского городища, фрагмент гребня того же типа происходит с гор. Федяшево, из раскопок А.В. Городцова 1898 года (Никольская, 1969. С. 63, рис. 27: 8).

Практически со всех исследованных раскопками памятников региона происходят глиняные пряслица – грузики для веретена. В основном это груболепные изделия шаровидной (рис. 49: 5), биконической (рис. 49: 3, 4, 6–8) или цилиндрической (рис. 49: 1, 2) формы с небольшим отверстием в центре. Несмотря на то, что биконические пряслица характерны в основном для древностей типа Ново-Клейменово II–III вв. и мощинской культуры IV–V вв. (Воронцов, 2013. С. 127, рис. 46: 7; 133, рис. 52: 6, 7; 154, рис. 70: 3), они встречаются в надежных комплексах IX – 1-й половины X в.: в постройках 4 (рис. 86: 17, 19), 5 (рис. 90: 14) и 6 (рис. 91: 7) раскопа XXVIII Супрутского городища, постройке 2 гор. Петровское (рис. 93: 12), а так же в постройке 1 гор. Гора Услань (рис. 94: 3). Известны единичные находки пряслиц изготовленных из стенок круговых сосудов салтово-маяцкой культуры – на гор. Супруты (Григорьев, 2005б. С. 84–85).

Среди керамических грузиков памятников IX – 1-й половины X в. выделяются два изделия грибовидной формы со сквозным отверстием. Одно из них обнаружено в кв. 16 сел. Каменка-1 (рис. 49: 9). Поверхность изделия шероховатая, в тесте обильная примесь дресвы и шамота. Диаметр предмета 2,4–2,5 см, высота 1,2 см. В древнерусских материалах имеется большое количество морфологически идентичных предметов изготовленных из свинца,

именуемых в литературе «грузик» (Носов и др., 2019. С. 168, рис. 79: 12, 13; 180, рис. 88: 24, 29; 217, рис. 121: 18; 227, рис. 121: 38). Керамические грузики усечено-конической формы встречаются и материалах волынцевской культуры VIII в. (Щеглова, 1987. С. 44, рис. 1: 2). Горизонт этого времени так же зафиксирован на сел. Каменка-1 (см. гл. 3), поэтому не исключено, что находка относится именно к нему. Второй грузик грибовидной формы обнаружен в культурном слое гор. Щепилово (рис. 49: 8)[69]. На прочих памятниках IX–X вв. верховьев Оки и Дона аналогичные изделия не известны.

4.7.
Предметы воинской культуры

Наиболее ярким элементом материальной культуры населения в исследуемый период являются предметы воинского снаряжения. Они представлены 3-мя категориями: предметами вооружения, деталями поясного набора и амуницией боевого коня. Судить о воинской культуре населения верховьев Оки и Дона мы можем в основном по материалам поселений. В изученных на территории региона курганах не зафиксировано ни одного погребения, которое можно было бы интерпретировать как захоронение воина. Погребальные находки предметов воинского снаряжения единичны.

Наиболее многочисленная коллекция предметов воинской культуры происходит с гор. Супруты, что объясняется статусом поселения и масштабом проведенных на нем работ. Из комплексов этого памятника происходит наибольшее число предметов вооружения, конского снаряжения и поясного набора. Наиболее информативные материалы обнаружены в ходе работ 1995, 1996, 1999, 2000, 2002, 2006–2007 гг., (раскопы XXI–XXVIII), т.к. именно они связаны с комплексами и стратифицированными слоями памятника. В качестве вспомогательного материала привлечены наиболее яркие находки из раскопов 1954–1977 гг., хранящиеся в фондах ГИМ и ТОКМ. С гор. Супруты происходит

[69]Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Щепилово 1952 г. Коллекция № 84012, оп. Б 1065/303.

так же единственный полный поясной набор, обнаруженный на территории региона: он содержался в комплексе клада 1969 года.

Помимо Супрутского городища, жилищные и хозяйственные комплексы, содержащие предметы воинской культуры, преимущественно степного круга, изучены на сел. Торхово-3, Уткино-1, Устье-2.

При характеристике воинской культуры населения допустимо использовать не только предметы из комплексов, но и наиболее яркие находки из пахотного горизонта селищ, со склонов площадок городищ, участков разрушения культурного слоя, а так же подъемный материал, полученный в результате разведок. Так, находки предметов вооружения, обнаруженные вне комплексов, происходят с гор. Супруты, Петровское, Дуна, Вырск, Щепилово, Федяшево, сел. Торхово-3, Уткино-1, Устье-2, Слободка-1, Березовка-4. В некоторых случаях привлекаются материалы местонахождений на территории Щекинского и Богородицкого районов Тульской области. Единичные находки деталей поясного набора обнаружены на гор. Петровское, Федяшево, сел. Торхово-3, Слободка-1, Каменка-1, Устье-2. К этой категории относится единственная находка предметов воинской культуры из комплекса захоронения – это набор из трех серебряных накладок, обнаруженный в кремации кургана 7 Тшлыковского могильника. Элементы конского снаряжения представлены на гор. Федяшево, сел. Торхово-3, Уткино-1, Устье-2. На гор. Гора Услань обнаружена уникальная для нашего региона находка рассматриваемого периода – пара железных шпор.

Помимо коллекций с перечисленных памятников, для более полной характеристики материала, привлекались находки предметов вооружения и поясного набора с ближайших памятников сопредельного региона – гор. «Чертово Городище» и «Городище».

Таким образом, для характеристики воинской культуры населения верховьев Оки и Дона IX – 1-й половины X в. мы располагаем материалами 15 памятников.

4.7.а.

Предметы вооружения.

Все находки предметов вооружения IX – 1-й половины X в. в границах верховьев Оки и Дона происходят с поселенческих памятников – городищ и, в меньшей степени, селищ (рис. 50, 54, 58). Воинских захоронений на территории региона к настоящему времени не выявлено. На поселениях только единичные предметы связаны с комплексами жилых либо хозяйственных построек. Подавляющая их часть выявлена в культурном слое памятников, на склонах городищ, либо представляет собой подъемный материал, собранный в ходе разведочных исследований.

Наиболее многочисленный пласт предметов вооружения – это вещи т.н. «восточноевропейского» круга. Так же, значительная часть находок, относится к культуре милитаризованных обществ. Речь идет о предметах североевропейского и степного круга древностей.

Самой массовой категорией предметов вооружения, обнаруженных на памятниках IX – 1-й половины X в., являются наконечники стрел. Этот массив находок требует достаточно осторожного подхода. Во-первых, для изучения следует использовать либо целые предметы, либо находки достаточной степени сохранности, для достоверного определения их типа. Во-вторых, необходимо учитывать контекст обнаружения того или иного наконечника. Это, в первую очередь, касается плоских черешковых наконечников стрел с пером ромбовидных и килевидных форм, которые широко распространены на территории Восточной Европы среди славянских и финно-угорских народов. Если для предметов североевропейского и степного круга разработаны специальные типологии (см. напр. Крыганов, 2012; Владимиров, 2017; Wegraeus, 1986; Lindbom, 1994; и др.), то основным инструментом для определения и датировки находок восточноевропейского облика, является классическая типология наконечников стрел А.Ф. Медведева (Медведев, 1966). Согласно ей, большинство таких наконечников, при условии их удовлетворительной сохранности, можно датировать VIII–XI вв., некоторые из

них более широко – в границах VIII–XIII/XIV вв. В основном, предметы вооружения восточноевропейского круга обнаружены в виде подъемного материала на поврежденных участках площадок городищ и их склонов, а так же на поверхности селищ, подвергшихся сельскохозяйственной распашке. Такие находки происходят с гор. Федяшево (Никольская, 1959. С. 63, рис. 27: 1–5), Супруты (Григорьев, 2005б. С. 74, рис. 28), Петровское (Колоколов, Простяков, 2025. С. 97, рис. 5: 2, 4), сел. Слободка-1 (Шебанин, Колоколов, 2023. С. 424, рис. 5: 5–8), Устье-2 (Гоняный, 2020. С. 86–93). Поскольку почти на всех этих поселениях, помимо слоя IX–X вв. известны древности XI–XIII вв. (гор. Федяшево, Супруты, Петровское, сел. Слободка-1, Торхово-3, Устье-2), однозначно отнести эти вещи к интересующей нас эпохе затруднительно. По этой причине, имеет смысл рассматривать только находки, происходящие из комплексов – остатков жилых построек и хозяйственных ям. Только эти предметы можно уверено отнести к периоду IX – 1-й половины X в. В отличие от находок восточноевропейского круга, ланцетовидные и трехлопастные наконечники стрел, относящиеся соответственно к североевропейскому и степному кругу древностей, имеют более узкую датировку. В связи с этим, допустимо учитывать находки таких предметов обнаруженные не только в комплексах, но и в культурном слое поселений, отдавая предпочтение первым.

Для первичного описания наконечников стрел следует использовать типологию А.Ф. Медведева, в которой отражены предметы различного этнокультурного происхождения.

Таблица 3. Находки наконечников стрел из комплексов и культурного слоя памятников IX – 1-й половины X в.

Памятник	Обст-ва находки	Тип по А.Ф. Медведеву																			
		восточноевропейского круга													степного круга				североевропейского круга		
		2	12	34	40	41	42	43	44	45	46	63	79	82	13	14	17	18	62.2	75	77.1
Гор. Супруты	Культурный слой																1		10	2	2

Гор. Петровское	склон																									
Сел. Слободка-1	ПМ																									
Сел. Устье-2	Р. III	П.1														1										
	Культурный слой																	2								
Сел. Уткино-1	Р.II	П.1																					2			
Сел. Торхово-3	Культурный слой																						1			
	Р. XXVIII	П.6																						2		
		П.4	1		3					2	1					2							3			
		П.2									2					1										
	Р. XXV	П.2					1																			
		П.1										1														
	Р. XXVII	П.2				1		1																		
		П.1							1																	
	Р. XXIV	П. 5														1										

ИТОГО: 48

Как видно из таблицы, большинство наконечников стрел восточноевропейских типов происходит из построечных комплексов, изученных в ходе работ 1995–2007 гг. на гор. Супруты (рис. 81): построек 5 раскопа XXIV; 1 и 2 раскопа XXV; 1 и 2 раскопа XXVII; 4 раскопа XXVIII.

Из постройки 5 раскопа XXIV (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2000. С. 8–10) происходит черешковый килевидный наконечник стрелы наконечник стрелы (рис. 51: 1). Он относится к типу 82 по А.Ф. Медведеву и датируется рамках IX–XI в. (Медведев, 1966. С. 81, табл. 30, 83; табл. 17, 7–11).

В заполнении постройки 1 раскопа XXV (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 37: 5) был обнаружен железный наконечник стрелы (рис. 51: 2) типа 46 по А.Ф. Медведеву – ромбовидный, с наибольшим расширением в нижней трети пера. Такие наконечники имеют широкий временной диапазон бытования – с рубежа нашей эры до конца XIII в. (Медведев, 1966. С. 67–68).

С постройкой 2 раскопа XXV (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 37: 17) связан железный наконечник стрелы (рис. 51: 3) типа 41 по А.Ф. Медведеву – ромбовидный, с упором и расширением в нижней трети длины пера, датируемый в рамках VIII–XI вв. (Медведев, 1966. С. 65–66).

Из постройки 1 раскоп XXVII (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 57: 10) так же происходит железный наконечник стрелы (рис. 51: 4). Он имеет перо ромбовидной формы с наибольшим расширением в центре, упор, и соответствует типу 43 по А.Ф. Медведеву. Датируются такие наконечники широко – IX – серединой XIII в. (Медведев, 1966. С. 66–67).

Два черешковых наконечника стрел обнаружены в постройке 2 раскопа XXVII (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 57: 13, 14). Один из них относится к типу 42 по А.Ф. Медведеву (рис. 51: 5) – широкий, ромбовидный с расширением в середине длины пера, с упором. Такие наконечники распространены в IX–X вв. (Медведев, 1966. С. 66). Второй – с пером вытянутой ромбовидной формы, ромбовидного сечения, с расширением в

нижней трети пера и упором для древка (рис. 51: 6), близок к изделиям типа 40 по А.Ф. Медведеву, которые широко датируются в рамках X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 64–65).

Еще три предмета были найдены в постройке 2 раскопа XXVIII (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 23). Один из них – килевидный, сплющенный, с шейкой (рис. 51: 7), относится к типу 82 по А.Ф. Медведеву, и датируется IX–XI вв. (Медведев, 1966. С. 81). Два наконечника – ромбовидные с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками, с расширением в средней части длины пера (рис. 51: 8, 9), близки изделиям типа 45 по А.Ф. Медведеву, которые так же распространены в IX–XI вв. (Медведев, 1966. С. 67).

Наибольшее количество наконечников стрел восточноевропейских типов (8 экз.) связаны с постройкой 4 раскопа XXVIII (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 31; 2007. Рис. 60). Три из них относятся к типу 34 по А.Ф. Медведеву – это килевидные наконечники с расширением в нижней половине длины пера (рис. 51: 12, 14, 16), широко распространенные на территории Восточной Европы в VIII–X вв. (Медведев, 1966. С. 63). Два наконечника принадлежат типу 82 – килевидные сплющенные с шейкой (рис. 51: 11, 15), и датируются IX–XI вв. (Медведев, 1966. С. 81). Тем же временем датируется и ромбовидный наконечник типа 45 (рис. 51: 13) (Медведев, 1966. С. 67). Более широкие хронологические рамки бытования – IX–XIV вв. имеют два изделия типа 44 (рис. 51: 10, 17) (Медведев, 1966. С. 67). Как мы видим, большинство наконечников имеет достаточно широкие датировки, и надежно отождествить их с интересующей нас эпохой позволяет только принадлежность к стратифицированному комплексу.

Единственный наконечник стрелы найден в постройке 8 раскопа XXVIII (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 74: 3). Он имеет ромбовидную форму, перо плавно переходящее в черешок (рис. 51: 18). Этот предмет сложно связать с каким-либо типом по А.Ф. Медведеву. Тем не менее, он имеет множественные аналогии в материалах Южного Урала, как синхронных

(Мажитов, 1981. С. 69, рис. 37: 15; С. 81, рис. 43: 2; С. 106, рис. 57: 4), так и более поздних (Мажитов, 1981. С. 150, рис. 73: 11; С. 152, рис. 74: 18).

В гораздо меньшей степени комплексы с предметами вооружения восточноевропейского облика представлены на селищах. Единственная такой объект изучен на памятнике, расположенном в бассейне Дона – это постройка 1 раскопа III на сел. Устье-2 (Гоняный, 2020. С. 65). От нее сохранился котлован подпрямоугольной формы, сориентированный углами по сторонам света, с развалом отопительного сооружения в северном углу (см. п. 4.3 и рис. 26: 10). В заполнении постройки содержался лепной горшок роменского типа и фрагмент лепной глиняной сковороды (рис. 100) (Гоняный, 2020. С. 99, рис. 25). Так же на дне котлована был обнаружен черешковый наконечник без шейки, с лавролистным, приплюснутым в 2-х сторон пером (рис. 51: 19; 100: 2) типа 79 по А.Ф. Медведеву. Изделия этого типа датируются в широком диапазоне – от IX до XIV в. (Медведев, 1966. С. 80, табл. 14: 33). Два аналогичных наконечника происходят из подъемного материала сел. Слободка-1, где, помимо горизонта IX–X вв., зафиксированы и древнерусские материалы (Шебанин, Колоколов, 2023. С. 424, рис. 5: 7, 8).

Таким образом, подавляющее большинство наконечников стрел восточноевропейского круга, при датировании их с помощью типологии А.Ф. Медведева, демонстрируют весьма широкий временной диапазон бытования – в границах VIII/IX–XI–XIII/XIV вв. Это делает практически непригодным для характеристики материальной культуры той или иной эпохи подъемный материал с многослойных памятников. Рассмотрев материалы жилищных комплексов IX – 1-й половины X в., мы можем достоверно выделить серию наконечников восточноевропейского круга, которые использовались в качестве вооружения в интересующий нас период. К ним относятся наконечники стрел типов 2, 34, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 63, 79, 82 по А.Ф. Медведеву.

Наконечники стрел степного круга обнаружены на шести поселенческих памятниках региона IX – 1-й половины X в. (рис. 54: 36, 46, 48, 51, 55), а так же в составе одного местонахождения.

Всего два из них обнаружены на укрепленных поселениях: на гор. Супруты (рис. 55: 5)[70] и Петровское (рис. 55: 2) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. Рис. 191: 1)[71]. Большинство наконечников степного круга найдено на селищах: Слободка-1 (рис. 55: 4) (Арх. ИА РАН. Шебанин, 1999. Рис. 15: 11), Торхово-3 (рис. 55: 6), Уткино-1 (рис. 55: 9, 10) (Григорьев, 2005б. С. 72, рис. 23: 3, 4, 10; Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 67, рис. 79: 35), Устье-2 (рис. 55: 1, 3) (Гоняный, 2020. С. 86. Рис. 12: 4, 6). Одна случайная находка происходит с территории Богородицкого района[72].

По типологии А.Ф. Медведева интересующие нас наконечники стрел относятся к типам 13, 14, 17 и 18, распространенным в VII–IX вв. (Медведев, 1966. С. 59–60, 171, табл. 30А: 13, 14, 18). Помимо этой работы, существует ряд специальных трудов, посвященных наконечникам стрел салтово-маяцкой культуры. Наиболее часто используется типология А.В. Крыганова, разработанная на материалах кремационных могильников бассейна Северского Донца и Оскола (Крыганов, 1989. С. 98, рис. 1: 1–21). Однако, для описания наших находок больше подходит типология С.И. Владимирова, созданная на материалах захоронений 2-й половины VIII – начала X в. ближайшего к нам Доно-Донецкого региона (Владимиров, 2017а. С. 39, рис. 1). По этой схеме находки с памятников верховьев Оки и Дона относятся к 2-м отделам: I – трехлопастные наконечники (сел. Слободка-1 и Устье-2, гор. Супруты) и IV – наконечники треугольного сечения (сел. Уткино-1, Торхово-3, Березовка-4, Богородицкий р-н).

Изделия I отдела преобладают на территории Доно–Донецкой степи во 2-й половине VIII – начале X в. (Владимиров, 2017а. С. 43, рис. 3). На памятниках Окско-Донского региона они представлены 2-мя типами: тип 1, подтип А – треугольные со скошенными плечами; тип 2, подтип Б – килевидные с

[70]Фонды ТОКМ. ЕИК–4151/1

[71]Стоит отметить, что в ближайшем сопредельном регионе – на левобережье Оки, располагается гор. «Чертово Городище», где такие находки носят массовый характер, в отличие от Супрутского городища. Всего с него происходит 31 трехлопастной наконечник VIII–X вв. (Прошкин, 2013. С. 64–76). При этом, изученная раскопками площадь на гор. Супруты (2828 кв. м) многократно превышает объемы исследований гор. «Чертово Городище» (256 кв. м).

[72]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–1595/6

широким пером (Владимиров, 2017а. С. 39, рис. 1: 1–4, 9–16). Два наконечника типа 1А происходят из пахотного горизонта сел. Устье-2 (рис. 55: 1, 3) (Гоняный, 2020. С. 86, рис. 12: 4, 6).

Одно изделие типа 2Б, обнаружено в пахотном горизонте сел. Слободка-1 (рис. 55: 7) (Арх. ИА РАН. Шебанин, 1999. С. 9). Это миниатюрный наконечник с упором при переходе пера в черешок. Формально к тому же типу относится наконечник, обнаруженный в культурном слое гор. Супруты (рис. 55: 5)[73]. Морфология его несколько отлична – он значительно массивнее, и имеет трехгранное окончание пера, что сближает его с бронебойными наконечниками.

Ко 2-му варианту типа 2Б отдела I относится и наконечник стрелы со склона гор. Петровское (рис. 55: 2) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. Рис. 191: 1). Он отличается большими размерами, по сравнению с остальными наконечниками степного круга с территории региона (длина изделия – 9,4 см). По типологии А.Ф. Медведева этот экземпляр ближе к наконечникам типа 17, распространенным в VIII–X вв. (Медведев, 1966. С. 60, табл. 12: 13; 30: 17).

Находки IV отдела представлены наконечниками типа 2 – удлиненные, треугольного сечения. На территории Доно-Донецкого региона они составляют только 1,5 % от общего числа найденных стрел (Владимиров, 2017. С. 42). На территории Окско-Донского региона один предмет этого типа обнаружен не территории Богородицкого района Тульской области вне контекста памятника археологии (рис. 55: 7). Еще один наконечник стрелы типа 2 отдела IV происходит из культурного слоя (раскоп IV 1997 г.) сел. Торхово-3 (рис. 55: 6) (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1997. С. 18).

Еще два наконечника треугольного сечения обнаружены на сел. Уткино-1 (рис. 55: 9, 10; 99: 3, 4). Поскольку это единственные находки наконечников стрел степного круга на территории региона, связанные с построечным комплексом, следует подробно рассмотреть их археологический контекст. Они происходят из заполнения постройки 1 раскопа 2. Объект представляет собой котлован жилища с печью-каменкой в углу (рис. 99: 1) (Арх. ИА РАН.

[73]Фонды ТОКМ. ЕИК–4151/1

Смирнова, 1989. С. 46–49). Наконечники стрел были обнаружены рядом, на дне постройки. Это позволяет предположить, что вещи хранились в жилище, а не попали в него в результате военных действий на поселении. Там же были найдены 2 амулета, изготовленных из клыков животных (рис. 99: 6, 7), груболепное биконическое пряслице (рис. 99: 8), а так же оселок и бисер голубого стекла (рис. 99: 5) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 81: 45; 82: 38; 84: 37, 39). Керамика из заполнения котлована представлена фрагментами груболепных сосудов роменского типа, с пальцевыми вдавлениями по венчику (рис. 99: 9) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 94). Аналогичный наконечник стрелы (рис. 55: 8) происходит с сел. Березовка-4, расположенного в верховьях Дона (рис. 54: II), при этом синхронных материалов на памятнике не зафиксировано (Гоняный, Двуреченский, 2013. С. 132, рис. 6)[74].

Наиболее многочисленная коллекция наконечников стрел североевропейского круга происходит с гор. Супруты, часть из них были ранее опубликованы (Григорьев, 2012г. С. 371, рис. 2: 3, 6; 2005. С. 74, рис. 28: 3; Мурашева, Каинов. 2020. С. 14, рис. 6: 3, 6). Так же, находки таких наконечников известны на гор. Петровское, и сел. Слободка-1 (рис. 58: 36, 44). Для полноты картины следует привлечь так же материалы с памятников левобережья Оки – гор. Вырск, Дуна, «Чертово Городище» и «Городище». Для описания этой категории предметов мы будем использовать работу А.Ф. Медведева (Медведев, 1966), а так же типологию Э. Вэгре, разработанную им на шведских материалах, и дополненную П. Линдбомом (Wegraeus, 1986. Abb. 4: 2; Lindbom P., 1994. P. 434, fig. 1).

Среди ланцетовидных наконечников стрел с памятников нашего региона наиболее массовыми являются изделия типа 62, вар. 2 по А.Ф. Медведеву (Медведев, 1966. С. 73) – с плоским пером, шейкой и упором (рис. 59; 60: 1–8).

[74]Авторы публикации находки – М.И. Гоняный и О.В. Двуреченский относят изделие к наконечникам типа 24 (по А.Ф. Медведеву), время бытования которых ограничивается XII – 1-й половиной XIII в. (Гоняный, Двуреченский, 2013. С. 108; Медведев, 1966. С. 61). Однако, наконечники этого типа имеют несколько отличную морфологию от находки с сел. Березовка–4. Их отличает длинная шейка и короткое, массивное перо, чего не наблюдается в нашем случае (Медведев, 1966. Табл. 30: 24). Нельзя исключать, что наконечник с сел. Березовка–4 связан с древностями IX–X вв. Предмет обнаружен в ходе сборов подъемного материала, а аналогичные ему изделия происходят из достоверного комплекса IX–X вв. на сел. Уткино–1

По Э. Вэгре данный тип стрел делится на 2 варианта – A1 – с короткой шейкой (рис. 59: 4–13; 60: 1–8), A2 – с длиной шейкой (рис. 59: а, 1–3) (Wegraeus, 1986. P. 23–25, Abb. 4: 2). По типологии П. Линдбома вариант A1 делится на подварианта: AJ1 – с широким пером, AS1 – с узким пером (Lindbom P., 1994. P. 434, fig. 1). Среди плоских ланцетовидных стрел с короткой шейкой довольно отчетливо выделяются две разновидности – с наибольшим расширением в центральной части пера (рис. 59: б), и с наибольшим расширением в верхней трети пера (рис. 59: в). Ограниченное количество материала не позволяет статистически проследить преобладание той или иной разновидности.

Ланцетовидные наконечники стрел типа A2 по Э. Вэгре на сегодняшний день известны на гор. Супруты, и на трех ближайших городищах левобережья Верхней Оки – Вырск, «Чертово Городище» и «Городище». Два наконечника с гор. Супруты (рис. 59: 1, 2; 87: 3, 7) связаны со стратифицированным комплексом – они происходят из постройки 4 раскопа XXVIII (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 31: 54; Григорьев, 2009б. С. 78, рис. 3), которая относится к финальному этапу существования славянского поселения (рис. 81), и прекращает свое существования в результате военного разгрома городища (Григорьев, 2008. С. 95–99; 2011а. С. 22–23). Наконечник того же типа, однако значительно меньших размеров (рис. 59: 3) обнаружен на склоне гор. Вырск (Арх. ИА РАН. Наумова, 2021. Рис. 18: 5). Два подобных наконечника происходят с площадки гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2013б. С. 68, рис. 2: 1, 5), а так же с гор. «Городище», (Прошкин, 2011. С. 88, рис. 57: 11). По мнению Э. Вэгре, стрелы типа A2 имели в основном военное применение (Wegraeus, 1986. P. 23–25). Условия их обнаружения на памятниках позволяет предположить, что эти находки маркируют штурм укрепленных поселений, и, принадлежали нападающей стороне.

Наконечники типа A1 известны в большем количестве (17 экз.). Наиболее представительная серия происходит с гор. Супруты. Они, в основном, были получены в ходе сборов подъемного материала на разрушенных участках

культурного слоя городища (рис. 59: 5–7) (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. Рис. 19: 3; 20: 4). Наконечники, обнаруженные в ходе раскопок С.И. Изюмовой 1954–1977 гг.[75], нельзя уверенно связать со стратифицированными комплексами (рис. 59: 4, 1; 60: 5–8).

Интересен контекст обнаружения ланцетовидного наконечника стрелы (рис. 59: 7) в раскопе XXII на гор. Супруты, представляющем собой разрез напольного вала[76] (рис. 24: 1) (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. Рис. 20: 3). Предмет был обнаружен на участке внутреннего склона вала, в слое остатков укреплений мощинского времени (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. Рис. 3, 6). Предположительно, наконечник мог оказаться в слое в результате обстрела площадки городища с юго-восточной стороны. С комплексом Супрутского городища связанны еще две находки наконечников типа А1 (рис. 59: 8, 9; 91: 4, 5) – они происходят из постройки 6 раскопа XXVIII (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 71: 2, 3)[77].

Наконечники типа А1 обнаружены так же на склонах гор. Петровское (рис. 59: 10) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. Рис. 198: 4), Вырск (рис. 59: 13; 60: 1–3) (Арх. ИА РАН. Наумова, 2022. Рис. 18: 1–4), на площадке гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2013. С. 68, рис. 2: 2, 4) и Дуна (рис. 60: 4)[78], а так же из пахотного горизонта сел. Слободка-1 (рис. 59: 12) (Арх. ИА РАН. Шебанин, 2000. Рис. 14: 17)[79].

Находки плоских ланцетовидных наконечников стрел известны на всех памятниках Древней Руси, где зафиксировано ощутимое североевропейское

[75]Фонды ТОКМ. ЕИК–4150/4–5; Фонды ГИМ. №№ ГК 18941118, 18941175, 18938748, 18938865, 18935682.

[76]На момент существования поселения IX–X вв. следов перестройки укреплений не зафиксировано, и вал, возникший в 1-й половине I тыс. н.э, в интересующий нас период вероятнее всего воспринимался жителями как элемент рельефа (см. п. 4.2).

[77]Постройка расположена в стороне от основного стратиграфического узла, однако, сама, не будучи перекрыта либо прорезана поздними сооружениями, перекрывает постройку 8, относящуюся к одному из ранних строительных периодов славянского поселения (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 4). В заполнении постройки 6 зафиксирована высокая концентрация древесного угля (Григорьев, 2008. С. 95–99). Таким образом, высока вероятность, что время ее гибели синхронно расположенной поблизости постройке 4, и находки наконечников стрел в ее заполнении так же связанны со штурмом городища.

[78]Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Дуна 1899 года. Коллекция № 42786, оп. 546/709.

[79]По данным С.Ю. Каинова, наконечник этого типа был так же обнаружен на поселении Крапивенка, расположенном на территории современного Щекинского района Тульской области (Каинов, 1999. С. 60, рис. 7: 42), однако обнаружить предмет в музейных фондах, равно как и его изображение пока не удалось.

влияние. Период наиболее активного их распространения на территории Восточной Европы приходится на X – начало XI в. (Каинов, 1999. С. 61)

Значительно реже на поселениях встречаются находки граненых ланцетовидных наконечников стрел – типов 75 и 77 по А.Ф. Медведеву. Они являются специализированным оружием, предназначенным для поражения защищенного доспехом противника, и вероятнее всего, входили в набор вооружения профессиональных воинов.

На территории региона известно 2 наконечника стрел типа 75 по А.Ф. Медведеву – ланцетовидных, с трехгранным сечением пера (рис. 59: г) (Медведев, 1966. С. 78–79). По типологии Э. Вэгре эти изделия соответствует типу D1 и датируются X – 1-й половиной XI в. (Wegraeus, 1986. P. 21–23, 32). Оба наконечника происходят с гор. Супруты. У одного из них (рис. 60: 10) утрачена большая часть пера, на шейке нанесен орнамент в виде пяти плотно расположенных валиков. Наконечник происходит с разрушенной части площадки городища (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. Рис. 20: 6). Второй наконечник (рис. 60: 9) не имеет орнамента, и происходит из пласта 3, кв. 83, раскопа V[80]. Аналогичные изделия представлены в материалах Гнездова (Каинов, 2019. С. 96, рис. 67: 1, 2; 1999. С. 55. Рис. 3), где датируются не ранее 2-й четверти X в. (Каинов, 1999. С. 54). Они известны так же в комплексах Рюрикова городища (Носов, Хвощинская, 2014. С. 50, рис. 2: 4, 5), Бирки (Arbman, 1940. Taf. 12: 7, 8), Хедебю (Paulsen, 1999. P. 110. Abb. 13: 11). С древнерусских памятников Беларуси происходит 10 экземпляров наконечников стрел этого типа (Плавинский, 2013. С. 402–403).

Наконечники типа 77, вар. 1 по А.Ф. Медведеву – ланцетовидные, квадратного сечения с коротким черешком на территории Руси датируются X – началом XI в. (Медведев, 1966. С. 79). По Э. Вэгре эти наконечники соответствуют типу D2 и датируются 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. (Wegreus, 1986. S. 32). По материалам Гнездовского могильника они датируются не ранее 2-й четверти X в. (Каинов, 1999. С. 54). Наконечник типа

[80]Фонды ТОКМ, ЕИК–4151/2

77.1 обнаружен в заполнении ямы 30-х гг. X в., расположенной в пойменной части Гнездовского поселения. (Мурашева и др., 2007. С. 32, рис. 1: 4; С. 71, табл. 2).

Два наконечника типа 77.1 происходят с гор. Супруты: с разрушенного участка площадки (рис. 59: д; 60: 11). (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. Рис. 19: 7), и из раскопа VI[81]. На склоне гор. Вырск так же обнаружены два изделия того же типа (рис. 60: 12, 13). Подобные наконечники происходят с площадки гор. «Чертово Городище» (рис. 60: 14) (2 экз.) (Прошкин, 2013. С. 68, рис. 2: 6), а так же с гор. «Городище» (1 экз.), из раскопок Ю.Г. Гендуне 1902 г. (Прошкин, 2011. С. 88, рис. 57: 13).

Представляет интерес сравнение археологического контекста находок наконечников стрел степного, восточноевропейского, и североевропейского происхождения. Наконечников стрел восточноевропейских типов обнаружено множество, вероятнее всего они имеют местное происхождение, использовались в качестве универсальных орудий, и контекст их обнаружения самый разнообразный. Иначе обстоит ситуация с находками наконечников стрел североевропейского облика. Практически все они происходят либо со склонов городищ (гор. Супруты, Вырск, Петровское), либо из комплексов связанных с гибелью поселения (гор. Супруты). При этом наконечники стрел степного круга в подавляющем большинстве происходят с селищ, причем в случае с находками на сел. Уткино-1 два однотипных наконечника обнаружены рядом, на дне жилой постройки, и, вероятно составляли комплект. Это свидетельствует в пользу того, что трехлопастные наконечники степного круга использовались местным славянским населением, наряду с восточноевропейскими ромбовидными, а изделия скандинавских типов в большинстве оказались на памятниках региона в результате внешней военной агрессии в середине X в.

Помимо наконечников стрел, с памятников верховьев Оки и Дона происходят предметы, относящиеся к древковому, ручному метательному и

[81]Фонды ГИМ. № ГК 18935735.

короткоклинковому вооружению – топоры, наконечники копий и сулиц, боевые ножи. Немногочисленные находки можно связать с оружейной гарнитурой – детали колчанов и крючок-подвес с зооморфным окончанием, а так же с комплексом защитного снаряжения – фрагменты кольчужного плетения. Среди этих вещей так же можно выделить предметы восточноевропейского, североевропейского и степного круга.

В круг предметов вооружения восточноевропейского облика входят двушипные наконечники сулиц, ромбовидные и двушипные наконечники копий, узколезвийные топоры.

Узколезвийный проушной топор с непрофилированным обухом (рис. 53: 4) типа VIII по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966. С. 30, рис. 6; 39–40), обнаружен в заполнении постройки 4 раскопа XXVIII. Этот предмет, как и в целом узколезвийные топоры восточноевропейского круга, являются универсальными орудиями, и были рассмотрены в разделе, посвященном предметам хозяйственного назначения (см. п. 4.6.б). Наконечник копья из этой же постройки относится к ранним вариантам типа IIIA по А.Н. Кирпичникову и датируется IX–X вв. (Кирпичников, 1966. С. 13–14). Он имеет удлиненное перо треугольной формы линзовидного сечения, резко выраженные плечики, массивную коническую втулку (рис. 52: 2). Еще один наконечник этого типа происходит с гор. Щепилово (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2002. Рис. 5), но он не связан с жилищным либо хозяйственным комплексом (раскоп 2004 года) (рис. 52: 3).

Из этого же комплекса происходит находка втульчатого наконечника, с двушипным пером линзовидного сечения, тонкой втулкой круглого сечения (рис. 52: 4). Наконечник относится к типу 2 по А.Ф. Медведеву (Медведев, 1966. С. 56), и имеет весьма широкие хронологические рамки бытования – VIII–XIII вв. Однотипные синхронные предметы представлены только на одном памятнике ближайшего сопредельного региона – на гор. «Чертово Городище», причем один из них имеет тордированную шейку (Прошкин, 2011. С. 45, рис. 32: 1; С. 63, рис. 39: 8, 9). Размер изделия (длина составляет 12,5 см) позволяет

рассматривать его как наконечник сулицы. В целом, такие изделия характерны для древностей VIII–X Левобережье Днепра и древнерусских памятников IX–X вв. северо-западных регионов (Минасян, 1978. С. 35–37).

Из постройки 6 раскопа XXVIII происходит двушипный наконечник копья (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 71) Он относится к типу VII по А.Н. Кирпичникову (рис. 52: 1). Изделия этого типа широко распространены в IX–XI вв. в восточноевропейских древностях лесной полосы, и использовались преимущественно как охотничье оружие (Кирпичников, 1966. С. 17).

Таким образом, мы можем выделить серию предметов восточноевропейского круга, которые использовались в качестве вооружения в интересующий нас период – это топоры типа VIII, наконечники копий типов IIIA, VII по А.Н. Кирпичникову и наконечники сулиц типа 2 по А.Ф. Медведеву.

В качестве предметов степного круга следует рассматривать находки топоров-чеканов, наконечника копья, боевых ножей, а так же деталей колчанной гарнитуры и фрагментов защитного снаряжения.

Единственный целый топор-чекан происходит с сел. Уткино-1 (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 78: 23; Григорьев, 2005б. С. 75, рис. 29: 5). Топор имеет треугольное лезвие, и выраженные округлые щековицы, на тыльной стороне расположен короткий, молоточковидный обух без наклона к топорищу (рис. 56: 2; 99: 11). Он наиболее близок к изделиям типа 5 по А.В. Крыганову (Крыганов, 2012. С. 207, рис. 37), имеющим широчайшее распространение на территории Днепро – Донской степи, лесного Поволжья, Прикамья, Предкавказья, а так же в древностях венгров и болгар в VIII–X вв. Изделие было обнаружено в нижней части зерновой ямы 11а раскопа III. (рис. 99: 10) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 65–66). Из ее заполнения, помимо находки топора, происходили фрагменты груболепных сосудов роменского типа (рис. 99: 13) и венчик гончарного салтовского сосуда с волнистым орнаментом (рис. 99: 12) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 96).

Второй топор был обнаружен в комплексе местонахождения в районе д. Орлово Щекинского района Тульской области (рис. 54: I), открытого в 2023 году в 1.8 км к ЮЮЗ от Супрутского городища (Арх. ИА РАН. Простяков, 2022. С. 212. Рис. 174: 4)[82]. По размеру и форме лезвия этот топор близок находке с Уткино-1, однако у него не сохранился обух, так что однозначно определить тип изделия затруднительно (рис. 56: 3).

Единственный наконечник копья степного круга древностей происходит со склона оврага напротив гор. Петровское (рис. 56: 1) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. Рис. 199). Это втульчатый наконечник с узким пером листовидной формы ромбического сечения. Соотношение длины пера и втулки 1:1. В нижней части втулки расположен валик, характерный для копий, распространенных в ареале салтово-маяцкой культуры. Это изделие близко к типу 1А отдела 1 наконечников Доно-Донецкого региона 2-й половины VIII – начала X в. по С.А. Владимирову (Владимиров, 2016. С. 286, рис. 1)[83].

Находок длинноклинкового оружия степного круга древностей, характерных для IX – 1-й половины X в. на территории региона пока не обнаружено. К короткоклинковым предметам вооружения можно гипотетически отнести две находки ножей. Один из них обнаружен в рамках местонахождения у д. Орлово, вместе с находкой топора-чекана. Это железный черешковый нож с обоймой из цветного металла при переходе черешка к клинку (рис. 56: 4). Орудие имеет крупный размер (общая длина – 20 см), и редкую форму – острие опущено вниз, к режущей кромке. Аналогичные ножи известны в материалах Волжской Булгарии X–XIII в. (Измайлов, 1997. С. 54,

[82]Вместе с топором, на территории площадью около 100 кв. метров было обнаружено два железных ножа, дужка от котелка, а так же серебряный дирхем плохой сохранности. Ни одного фрагмента керамики, равно как и признаков культурного слоя на этом месте обнаружено не было. Вероятно, местонахождение представляло собой кратковременный воинский лагерь.

[83]Стоит отметить, что при всем сходстве, близкая к листовидной форма пера, присущая находке с Петровского, не вполне типична для салтово-маяцких наконечников типа 1А. Однако, отождествить находку с каким либо другим кругом древностей (местным славянским, североевропейским или древнерусским), так же представленными на памятнике, не представляется возможным. Наконечники, характерные для них, не имеют валиков в нижней части втулки (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 337. Табл. 125; Каинов, 2019. С. 130; Колоколов, 2022. С. 207, рис. 8: 2, 4). Единственное копье североевропейского облика с валиком на втулке известно в материалах Гнездова. Однако, валик был смонтирован в ходе ремонта, и не является его конструктивной особенностью (Каинов, 2019. Т.2. С. 72, рис. 43: 5–5а).

рис. 27)[84]. Второй предмет имеет больше оснований для отнесения к комплексу профессионального вооружения. Он обнаружен в заполнении ямы 33 раскопа IV на сел. Торхово-3, в слое развала печи-каменки (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1997. С. 75, рис. 29: 6; 2005. С. 76). Яма являлась заглублённой частью жилой постройки, имела прямоугольную в плане форму и была ориентирована углами по сторонам света (рис. 96: 1). Приблизительная реконструкция предмета предложена А.В. Григорьевым (рис. 56: 5а), согласно которой он представляет однолезвийное орудие с металлической пластиной при переходе клинка к черешку. Пластина сохранилась не полностью, ее можно рассматривать не только в качестве перекрестия, но и как металлическую оправу ножен (рис. 56: 5; 96: 5). Несмотря на плохую сохранность находки, по некоторым критериям ее можно отнести к комплексу профессионального вооружения. Ряд исследователей относит к ним размер лезвия (см., например Плетнёва, 1989. С. 91; Аксёнов, 2014. С. 15; Кирпичников, 1966. С. 72 и др.), однако, сохранность изделия не позволяет установить достоверную длину клинка. По мнению У.Ю. Кочкарова, наличие перекрестия является главным критерием для отнесения ножа к предметам вооружения (Кочкаров, 2010. С. 158). Подобные орудия известны в материалах Предкавказья VIII–X вв. (Кочкаров, 2010. С. 159, рис. 2: Б). Представлены они и на салтово-маяцких памятниках Подонцовья (Кравченко, 2020а. С. 204. Рис. 6: 11). Наименование этого типа вооружения является дискуссионным: традиционно, оружие с односторонней заточкой клинка считается боевым ножом, с двусторонней – кинжалом. Однако У.Ю. Кочкаров относит к кинжалом и односторонние орудия, снабженные перекрестием, выделяя их в тип II (Кочкаров, 2010. С. 158).

Детали колчанной гарнитуры представлены металлическими петлями и крючками. Две колчанные петли обнаружены в постройке 4 раскопа XXVIII гор. Супруты (рис. 86: 3, 4) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 32: 1, 2),

[84]Причислить этот нож к предметам воинской культуры можно лишь условно. Скорее его допустимо выделить из массы железных ножей обнаруженных на памятниках региона IX–X вв., благодаря крупным габаритам, оригинальной форме клинка, контексту обнаружения, а так же обойме из цветного металла не встреченной более ни на одном синхронном орудии в границах верховьев Оки и Дона.

относящейся к финальному этапу славянского поселения на городище (рис. 81) (Григорьев, 2008. С. 95–99)[85]. Первая петля сохранилась большей частью (рис. 57: 2). Она представляет собой железное изделие в виде четырехгранного стержня прямоугольного сечения П-образной формы в центре, переходящего в пластинчатые окончания, с одним сквозным отверстием в каждом и вставленными в них двумя клепками с плоскими шляпками округлой формы с внутренней стороны. Из массы синхронных колчанных петель этот предмет выделяет ассиметричная форма, и выступы с двух сторон от клепки в верхней части. Прямых аналогий этому изделию в древностях сопредельных регионов обнаружить не удалось[86]. Наиболее схожее по морфологии изделие происходит из комплекса венгерского могильника Тужер, расположенного на территории Карпатской котловины (Hampel, 1905. P. 178–179, fig. 432). От второй петли, сохранилась только центральная часть в виде четырехгранного стержня прямоугольного сечения с П-образным выступом и фрагментом отверстия для крепления (рис. 57: 1).

Колчанный крючок с пластинчатым овальным щитком, украшенным гравированным орнаментом происходит из постройки 5 раскопа XXVIII на гор. Супруты (рис. 57: 3; 90: 12). Постройка относится к III этапу существования славянского поселения на городище (рис. 81), предшествующему времени его гибели (Григорьев, 2008. С. 95–99). Изделие относится к типу 2 (по А.В. Крыганову), широко распространенному в средневековых кочевнических древностях Днепро-Донского междуречья (Крыганов, 2012. С. 47, 189, рис. 17: 4). Фрагмент наиболее морфологически и орнаментально схожего изделия происходит из комплекса Больше-Тархановского могильника 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. (Генинг, Халиков, 1964. Табл. XVII: 6). Еще один колчанный крючок происходит из пахотного горизонта сел. Торхово-3 (рис. 57: 4) (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1997. С. 18; 2005. С. 75, рис. 29: 8). Он имеет

[85]Из этой постройки так же происходит 13 наконечников стрел, принадлежащих к северо– и восточноевропейским типам, предметы степного круга среди них отсутствуют

[86]Колчанные петли с памятников ареала салтово-маяцкой культуры, как правило, имеют симметричную форму (Владимиров, 2017б. С. 298, рис. 28; С. 300, рис. 29; Крыганов, 1989. Рис. 1: 28, 29; Медведев, 1966. С. 127, табл. 7; Плетнева, 1989. С. 72, рис. 33 и др.).

щиток каплевидной формы с фрагментами двух крепежных клепок и с тонким Т–образным окончанием. Крючки с Т–образным окончанием, но имеющие рамчатые щитки, широко известны в материалах салтово-маяцкой культуры (Крыганов, 2012. С. 189, рис. 17: 2; Кравченко, 2020а. С. 120, 304, рис. 210: 16). Близкие по форме щитковые крючки с Т-образным окончанием удалось найти только в кочевнических древностях Алтая, относящихся к несколько более раннему периоду. В частности, они происходят из комплекса VII–VIII вв. могильника Кудыргэ (Илюшин, 2000. С. 166, рис. II: 6) и могильника того же времени Шестаки-II (Кузнецов, 2014. С. 71, рис. 6: 1).

К элементам защитного снаряжения степного круга древностей можно предположительно отнести три фрагмента кольчужного плетения (рис. 57: 5; 96: 3) (Григорьев, 2005б. С. 76). Однозначно определить культурное происхождение этих предметов затруднительно. Фрагменты кольчужного полотна в это время широко известны на сопредельных территориях и в материалах Древней Руси, в частности в слое конца VIII – начала IX в. Старой Ладоги (Рябинин, 1995. С. 54), а так же в комплексах X в. Гнездовского могильника (Каинов, Щедрина, 2021. С. 157–187). Но необходимо заметить, что в целом, комплекс ямы 33 содержит значительный процент находок, связанных со степными древностями. Помимо находки вышеупомянутого боевого ножа, в ее заполнении обнаружена единственная в регионе находка двучленной железной фибулы (подробное описание см. п. 4.6.а) (Григорьев, 2005б. С. 97, рис. 40: 11), а так же отмечена значительная доля фрагментов гончарной салтовской посуды – 13.5 % от всей керамики из объекта (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1997. С. 11. Рис. 24)[87].

В целом, типы вооружения степного круга, обнаруженные на памятниках IX – 1-й половины X в. верховьев Оки и Дона представлены и на синхронных славянских памятниках сопредельных регионов. Трехлопастные наконечники

[87]Необходимо отметить, что находки фрагментов кольчужного плетения не обязательно относятся к комплексу вооружения. В литературе встречаются различные версии: находки интерпретируются исследователями в качестве фрагментов кольчуг, боевых поясов, предметов обуви, кошельков, сумочек (Крыганов, 2012. С. 83). Надежных оснований для однозначной интерпретации находок с сел. Торхово-3 у нас недостаточно.

стрел известны на Битицком, Новотроицком, Переверзевском, Животинном и Белогорском городищах (Винников, 1995. Рис. 12: 23, 34; Григорьев, 2000. С. 143, рис. 48: 21, 22; Енуков, 2005. С. 133. Рис. 37: 3), колчанные петли происходят с сел. Жерновец в Посемье (Балашов, 2020. С. 116, рис. 2: 1–3), Фрагменты кольчужного полотна известны на территории лесостепного Поднепровья в комплексе Волынцевского могильника 2-й половины VIII – начала IX в. (Григорьев, 2000. С. 140), а так же на территории Посемья – Шуклинском и Мухинском селищах (Балашов, 2020. С. 111).

Находки предметов вооружения североевропейского круга с поселений IX–X вв. верховьев Оки и Дона, за исключением ланцетовидных наконечников стрел, немногочисленны. Среди них не известно предметов элитного профессионального вооружения: клинкового оружия, деталей щитов и элементов защитного снаряжения. Находки представлены только предметами, относящимися к ручному метательному и древковому вооружению.

К ручному метательному оружию можно отнести ромбовидный наконечник сулицы (рис. 61: 4), из заполнения постройки 2 раскопа XVIII на гор. Супруты (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 54: 2). По форме он наиболее близок к наконечникам типа III по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 337, табл. 125). Особенностью его конструкции является смещение лопастей пера относительно продольной оси. Наконечники близкой формы и аналогичного сечения пера известны на территории Скандинавии в II–V вв., в частности в материалах Иллеруп Адал, где они выделены в 20-й тип (Ilkjær, 1990. Taf. 173.) Подобный прием встречается в конструкции некоторых типов скандинавских ланцетовидных стрел эпохи викингов (Westphalen, 2002. P. 236, abb. 109: 3; Paulsen, 1999. P. 110. Abb. 12: 2). Вероятно, наконечник из постройки 2 так же североевропейского производства, либо изготовлено под влиянием скандинавских оружейных традиций. Надежный археологический контекст находки не позволяет связать ее с более ранним периодом существования городища.

Из той же постройки происходит топор с вогнутой бородкой, вытянутым тонким прокованным полотном, профилированным обухом (нижний обушной выступ утрачен) и боковыми щековицами (рис. 61: 3). Морфологически, топор наиболее близок к типу IV по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966. С. 30, рис. 6; 37;). По мнению С.Ю. Каинова, этот тип орудий формируется во 2-й половине X в. (Каинов, 2019. С. 148). Однако, изделие из постройки 1 имеет ряд отличий от классической формы IV типа. Это, прежде всего, практически прямая линия верхней части полотна и широкая бородка (45% от общей длины топора). Наиболее близкие аналогии находке из постройки 1 происходят с территории северной Европы и восточной Балтики. Топор схожей морфологии содержится так же в погребении №4 (2-я половина X в.) Дубовского могильника, расположенного на территории Верхнего Поволжья. (Никитина, 2012. С. 71; 322, рис. 216: 3). Аналогичный топор, интерпретированный как боевой, происходит из мужского захоронения 1077 Бирки с крайне скудным погребальным инвентарем (Arbman, 1943, taf. 14: 3; Hallinder, 1986. S. 47). Схожее орудие обнаружено в захоронении середины X в. могильника Боговей, на датском о. Лангеланн (Grøn, 1994. P. 120, fig. 122). На территории Восточной Балтики аналогичное орудие содержится в захоронении в Улиле, Тартумаа (Эстония), которое датируется концом эпохи викингов (Tvauri, 2012. P. 126–127, Fig. 82: 2). Значительное число схожих предметов происходит с территории Польши, из комплексов IX–XI вв. (Kotowicz, 2014. Tabl. IX: 7; XLIII: 3; CXXXIV: 2; CLII: 2). Постройка 1 относится к III этапу существования славянского поселения на гор. Супруты (рис. 81), предшествующему времени его гибели (Григорьев, 2008. С. 95–99; 2011а. С. 22–23). Учитывая хронологические рамки существования памятника, высока вероятность, что мы имеем дело с наиболее ранним вариантом топоров этого типа[88]. Надежных оснований соотнести топор из постройки 1 с североевропейским кругом

[88]С площадки гор. Супруты происходит еще 2 топора типа IV (Фонды ТОКМ. ЕИК 4151/12; 5575/4). Они происходят из раскопок 1956 и 1968 гг. Соотнести находки со стратифицированными комплексами затруднительно. Эти изделия ближе по морфологии к классическим топорам типа IV, чем экземпляр из постройки 1. Не исключено, что они относятся к более позднему, древнерусскому горизонту так же представленному на площадке городища (Григорьев, 2005б. С. 184–185)

древностей недостаточно. Однако, комплекс близких аналогий происходящих с территории Скандинавии, Прибалтики, а так же памятников Древней Руси испытавших значительное североевропейское влияние, позволяет рассматривать находку в настоящем разделе работы.

Два топора, которые можно уверенно отождествить со скандинавским кругом древностей относятся к типу С по Я. Петерсену (Петерсен, 2005. С. 72. Рис. 32). Этот тип характеризуется прямым верхним краем лезвия, отсутствием верхних щековиц и, широким, оттянутым к низу обухом. Данные топоры следует рассматривать в качестве универсальных орудий. Один из них обнаружен на гор. Супруты (рис. 61: 2) в раскопе V (пл. 2, кв. 73)[89]. С городища так же происходит фрагмент обуха аналогичного топора (Каинов, 2019. С. 149–150). Второй топор этого типа (рис. 61: 1) обнаружен в районе села Кутьма Щекинского района Тульской области (рис. 58: I), вне контекста памятника археологии[90]. Аналогичный топор обнаружен в захоронении 865 Бирки (Arbman, 1943, taf. 14: 1), однако он располагался в верхней части могильной насыпи, поэтому надежно связать его с погребением не возможно (Hallinder, 1986. С. 47). Подобные топоры в большом количестве известны в Хедебю (Westphalen, 2002. Taf 16: 1,2) и на памятниках Готланда (Thunmark-Nylén L., 1998; Taf. 252–253). Два фрагмента обухов топоров типа С происходят с Гнездовского городища из слоя, сформировавшегося не ранее 2-й четверти X в. (Каинов, 2019. С. 149, рис. 55: 1, 3). Изделия этого типа известны так же на территории Приладожья (Мурашева, Каинов. 2020. С. 11, рис. 2, 3; 176). Два морфологически схожих орудия обнаружены в погребениях 15 и 16 Веселовского могильника (Никитина, 2012. С. 150, рис. 44: 3; С. 156, рис. 50: 6), которые Г.А. Архипов датирует X – началом XI в. (Архипов, 1973. С. 66–67). Аналогичный по форме и размеру находке с Супрут топор происходит с Сарского городища, где датируется в рамках конца VIII – начала IX в. (Леонтьев, 1996. С. 123). Таким образом, нельзя утверждать, что этот топор

[89]Фонды ТОКМ. ЕИК 4151/11.
[90]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–1888/3.

связан с финалом поселения на Супрутском городище. Вероятно, он оказался на памятнике в период его активного функционирования, в результате импорта.

К североевропейскому кругу древностей на сегодняшний день можно отнести единственный наконечник копья с готическим врезным орнаментом на втулке (рис. 61: 5) с гор. Супруты (раскоп XIX)[91]. Он относится к типу E по Я. Петерсену (Петерсон. 2005. С. 59–60, рис. 13). Перо наконечника было обломано, и он использовался в качестве бытового инструмента, возможно пешни. Следует так же отметить находку целого наконечника аналогичного копья с гор. «Чертово Городище» (Прошкин, Павлишак, 2025. С. 35, рис. 2). Наконечники с готическим орнаментом на втулке широко распространены на территории Норвегии, Финляндии, юго-восточной Прибалтики в IX–X вв. (Каинов, 2019. С. 124). Наконечник копья с готическим орнаментом происходит так же из погребения гнездовского кургана Ц–15/Кусц–1874, которое датируется 2-й четвертью X в. (Каинов, 2019. Рис. 41. С. 124–125). На юге Руси случайная находка аналогичного изделие была сделана на территории Черкасское области (Андрощук, Зоценко, 2012. С. 117). Серия копий типа E с врезным орнаментом на втулке происходит с территории Беларуси. Одно из них обнаружено в окрестностях Минска и является случайной находкой. Два орудия происходят из слоя гор. Кульбачино, и не имеют надежной привязки к комплексу. Еще две находки связаны с комплексами погребений X – начала XI в. могильников Рацкий Бор и Устье (Дернович, 2006. С. 19–20, рис. 8–11). Таким образом, на территории Древней Руси наконечник копья типа E с готическим орнаментом на втулке известны в основном в комплексах 2-й четверти X – XI в.

Предметом, с высокой долей вероятности относящимся к комплексу вооружения, является изделие с зооморфным окончанием из постройки 1 раскопа XXVIII на гор. Супруты. Из нее же происходят описанные выше находки топора типа IV по А.Н. Кирпичникову и наконечника сулицы. Изделие

[91]Фонды ГИМ. Оп. В 2730/9

представляет собой фрагмент бронзового изделия со следами позолоты, в виде изогнутого в 2-х плоскостях стержня, оканчивающегося литой детально проработанной головой мифического животного (дракона?) с открытой пастью. Место перехода от головы к стержню оформлено четырьмя валиками, на участке изгиба в перпендикулярной плоскости изделие сломано (рис. 62: 1). Единичные изделия, схожие с супрутской находкой, известны на древнерусских памятниках. На настоящий момент введено в научный оборот только 2 экземпляра – они происходят из Гнездовского археологического комплекса. Один из них происходит из кургана Л–47 (рис. 62: 3) (Авдусин, 1957. С. 126, рис. 10; 1952. С. 96, рис. 26: 2). На основании ряда сопутствующего инвентаря, захоронение датируется, по мнению С. Ю. Каинова, не ранее 2-й четверти – середины. X в. (Каинов, 2001. С. 60–61). Второй предмет (рис. 62: 2), хотя и близок морфологически, стилистически является сильно упрощенным вариантом приведенных выше изделий, и, в отличие от них, изготовлен из черного металла (Сизов, 1902. С. 56; табл. VII: 3; Медведев, 1966. С. 127, табл. 7: 10). Находка обнаружена в ходе работ конца XIX в., контекст ее не ясен.

Стилистически, находка с гор. Супруты имеет явные североевропейские корни. Наиболее представительная серия подобных предметов, с окончаниями, оформленными в виде звериных голов, происходят с о. Готланд. Речь идет о подковообразных фибулах типа 8а – с «реалистичными» головами животных (Thunmark-Nylén L., 1995. Abb. 269: 1; 1998, Taf. 113: 1 a–b; 114: 1 a–b, 2 a–b; 2006. P. 110). Их свод был представлен в работе А. Карлсона (Carlsson¸ 1988), а затем дополнен в работах Л. Тунмарк-Нюлен. Находки фибул типа типу 8а нередки и для памятников материковой Скандинавии. Серия подобных изделий обнаружена в 3-х мужских погребениях Бирки – №№ 477, 644 и 736 (Arbman, 1943. Taf. 48: 1–4). Надежные основания для узкой датировки (дирхем 920/921 гг.; 2 овальные фибулы типа 51С и большая круглая фибула типа IIB по И. Янссону) имеет только захоронение 644 – середина – 2-я половина X в. (Arbman, 1940, P. 221; P. 223, abb/ 183: 1, 2; Jansson, 1984в. S. 47; 1984a. S. 76–

77; Андрощук, 2010. С. 80–81). Х. Толин выделяет данную категорию вещей из Бирки в тип V: «кольцевые застежки с головками животных» (Thålin, 1984. P. 19). Бронзовая фибула с позолотой типа 8а, с незамкнутой дугой происходит из раскопок портовой зоны Хедебю (Kalmring, 2010. P. 436, abb. 317: 1). Единичные экземпляры подковообразных фибул с загнутыми наружу головами животных известны так же на территории Норвегии (Petersen, 1928. P. 191, fig. 233) и Финляндии (Thålin, 1984. P. 19). Из погребения X в. курганного могильника Кауп на Куршской косе происходит фибула с развернутыми противоположно головами дракона (Dworschak, 2018. P. 153, abb. 89, P. 269). В. И. Кулаков предлагает более узкую дату для этого захоронения – конец X – начало XI в. (Кулаков, 2012б. С. 124).

Остается неясным функциональное назначение предмета, фрагментом которого является рассматриваемая находка. Аналогичное изделие из кургана Л–47 Гнездова Д. А. Авдусиным обозначатся как «медный крюк» (Авдусин, 1957. С. 125), «скоба» (Авдусин, 1952. С. 96, рис. 26: 2), «скоба для подвешивания вещей» (Авдусин, 1989. С. 259, рис. 88). Морфологически схожее железное изделие, по мнению В.И. Сизова, служило «для привешивания меча или ножа посредством кольца в ножнах» (Сизов, 1902. С. 56). В монографии А.Ф. Медведева этот предмет представлен в ряду колчанной фурнитуры (Медведев, 1966. С. 19–20; С. 127, табл. 7: 10).

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем достаточно скромную коллекцию предметов вооружения, которые допустимо связать с североевропейскими древностями. Наиболее представительная серия предметов североевропейского вооружения происходит с гор. Супруты, площадка которого на протяжении XX–XXI вв. была раскопана практически полностью (Григорьев, 2013а. С. 62–68). Основную массу этой коллекции составляют наконечники ланцетовидных стрел (около 20 экз.), из которых только 5 находок можно уверенно связать со стратифицированными комплексами. Прочие находки с поселений единичны и обнаружены на склонах либо в пахотном горизонте памятников. Находки скандинавских топоров типа С не могут быть

однозначно связаны с комплексом вооружения, эти орудия имеют универсальный характер. Вероятно, они являются предметами импорта, ввезенными на территорию региона по Донскому торговому пути. Это же утверждение справедливо и для наконечника копья с готическим орнаментом на втулке: в пользу версии мирного импорта свидетельствует переделка предмета вооружения в хозяйственный инструмент после его поломки, и дальнейшее использование в быту.

4.7.б.

Элементы поясного набора.

Неотъемлемым элементом костюма воина того времени были пояса, украшенные металлическими деталями. Они включают в себя пряжки, поясные накладки и наконечники ремней.

Находки деталей поясного набора представлены на гор. Супруты (рис. 63: 46), Петровское (рис. 63: 36), Федяшево (рис. 63: 56), сел. Торхово-3 (рис. 63: 48), Слободка-1 (рис. 63: 44), Каменка-1 (рис. 63: 22), Устье-2 (рис. 63: 51). Так же, в работе использованы предметы с ближайшего памятника сопредельного региона – гор. «Чертово Городище». Единственная находка в комплексе захоронения – набор из трех серебряных накладок, обнаруженный в кремации кургана 7 могильника Тшлыково (рис. 63: 50).

Наиболее представительный набор поясной гарнитуры с территории региона, содержащийся в составе Супрутского клада 1969 г. (рис. 66), неоднократно опубликован и всесторонне рассмотрен исследователями (см. Мурашева, 2008; Комар, 2018. Рис. 45: 2; и т.д.). Поясной набор состоит из 61 накладок с кольцом, 39 сердцевидных накладок, пятиугольной бляшки с прорезью, пряжки и двух наконечников ремня (Мурашева, 2008. С. 16–23).

Накладки с кольцом имеют щиток полуовальной формы, на лицевой стороне которого распложено рельефное изображение хищного животного, по краю - узелковый бордюр. На оборотной стороне изделий находятся три

крепежных клепки[92] (рис. 66: 8–12). Сердцевидные накладки также украшены узелковым бордюром по краю и изображением семилепесткового растения в центре (рис. 66: 4–7). Пятиугольная бляшка с прорезью орнаментирована рельефным изображением стебля с трёхлистным навершием и двумя ветвями с листьями по бокам (рис. 66: 13). Пряжка состоит из подтреугольной рамки и подвижного щитка, декорированного сложным растительным орнаментом (рис. 66: 3). Ременные наконечники орнаментированы рельефными сюжетными композициями. На одной стороне изображена хищная птица держащая в клюве травоядное животное (рис. 66: 1), на оборотной – хищное животное с птицей в зубах (рис. 66: 2).

Форма и характер оформления элементов поясного набора свидетельствует о его принадлежности степному миру. По мнению В.В. Мурашевой, они связаны с древностями салтово-маяцкой культуры (Мурашева, 2008. С. 23). По мнению А.В. Комара, предметы изготовлены в субботцевском стиле (венгров периода миграции), (Комар, 2019. С. 160). Второе утверждение представляется более убедительным, т. к. узелковый бордюр, которым украшены накладки с кольцом и сердцевидные бляшки – характерный признак древневенгерского художественного литья. Обращает на себя внимание пятиугольная бляшка с отверстием и сердцевидные накладки: поясной набор, состоящий из накладок аналогичной формы и орнаментации, происходит из комплекса венгерского могильника Надькёрёш (Fodor, 1999, 90, fig. 8).

Большинство прочих находок с памятников региона составляют поясные накладки. Помимо материалов Супрутского клада 1969 года мы располагаем 30 находками с памятников региона. Большинство их содержится в материалах Супрутского городища. В основном, это вещи, обнаруженные на разрушенных участках памятника, либо в культурном слое. При этом с построечными комплексами можно уверенно связать только 4 предмета из раскопов XXI и XXVIII. Поясные накладки, найденные на гор. Федяшево, Петровское, сел.

[92]Серия из 18 аналогичных накладок содержится в фондах Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Набор, предположительно был обнаружен на территории Карачаево-Черкессии. ГМЗ-КП-1997/812-829

Каменка-1, Слободка-1, Устье-2 происходят из пахотного горизонта памятников, либо со склонов площадок городищ.

В зависимости от морфологии эти находки можно классифицировать следующим образом: фигурные с прорезью, геометрические с прорезью, фигурные цельные, фигурные с кольцом, фигурные с фронтальным ушком, круглые с отверстием, зооморфные.

Фигурные накладки с прорезью.

Пятиугольная накладка с рифленым ободком (рис. 64: 2; 85: 4) происходит из постройки 1 раскопа XXVIII на гор. Супруты (рис. 63: 46). Она относится к виду 1Г, гр.1 кл. IV по В.В. Мурашевой (Мурашева, 2000. С. 31, рис. 35). Подобные накладки, в различных орнаментальных вариациях, широко распространены в кочевнических древностях IX–X вв. Встречаются они и на территории Скандинавии – в материалах поселения Черная земля на о. Бьерко (Jansson, 1986. S. 94, Abb. 10: c). Близкие и многочисленные аналогии известны на памятниках лесного Поволжья в комплексах X в. могильников «Черемисское кладбище», Дубовского, Юмского (Никитина, 2012. С. 69–70; Рис. 112: 7; 120: 2; 215: 1; 257: 28; 288: 8), и Танкеевского (Казаков, 1971. С. 121, табл. XX: 35), а так же в синхронных древностях Огузов (Круглов, Марыксин, 2012. С. 419, рис. 6). В заполнении этой же постройки обнаружены топор, наконечник сулицы и фрагмент изделия с зооморфным окончанием (рис. 85: 3, 6, 7), рассмотренные в разделе посвященным североевропейским предметам вооружения (см. п. 4.7.а).

В заполнении постройки 5 раскопа XXI на гор. Супруты содержалась накладка каплевидной формы с двумя выступами по бокам и подпрямоугольной прорезью (рис. 64: 4) (Арх. ИА РАН. Шеков, 1995. Рис. 51: 7. С. 29). Аналогичное изделие обнаружено на разрушенном участке памятника (рис. 64: 5)[93]. Подобные накладки известны в погребальных комплексах верхнего Поволжья: в частности, в могильнике «Нижняя стрелка» IX – начала XII в., в захоронении 19а (Никитина, 2012. Рис 296: 37, 38). Здесь уместно рассмотреть морфологически схожую накладку, относящуюся к категории

[93]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская область, Щекинский районн. 1995. ГМЗ-КП-101/22

фигурных цельных (рис. 64: 14). Она найдена в постройке 2 раскопа XXI на гор. Супруты, относящейся к горизонту предшествующему гибели поселения (Арх. ИА РАН. Шеков, 1995. Рис. 51: 7. С. 19). Аналогичные накладки встречаются в одних наборах с изделиями, описанными выше, в частности в погребении 59 Елизавет-Михайловского могильника VIII–XI вв. на р. Цна (Алихова, 1969. Табл. 32: 13, 15).

Накладка с прорезью, оформленная в виде трехлепесткового лотоса (рис. 64: 3), найдена в пахотном горизонте сел. Устье-2 (рис. 63: 51) (Гоняный, 2020. Рис. 10: 4). Такие изделия широко представлены в материалах салтово-маяцкой культуры, в частности в катакомбах 1-й половины – середины IX в. Дмитриевского и Верхне-Салтовского могильников (Плетнева, 1989. Рис. 87; Аксенов, 2010. Рис. 2: 11. С. 119).

Прямых аналогий пятиугольной бляшке с широким прямоугольным отверстием (рис. 64: 6) с гор. Акиньшино (Воронцов, Модин, 2014. С. 261, рис. 11: 14), обнаружить не удалось. Наиболее морфологически близким изделием является накладка из погребения 65 могильника Мыдлань-Шай середины VIII – середины IX в Прикамье (Генинг, 1962. Табл. IV: 22). Хотя памятник предположительно относится к периоду 2-й половины X в. (рис. 103: 1), эта находка хронологически принадлежит к более раннему времени.

Геометрические накладки с прорезью.

На памятниках Окско-Донского региона обнаружены три прямоугольные накладки с прорезью. Одна из них найдена на склоне гор. Петровское (рис. 63: 36; 64: 7), вторая – в культурном слоя сел. Торхово-3 (рис. 63: 48; 64: 8) (Колоколов, 2022б. Рис. 10: 13, 14), третья обнаружена на гор. Супруты[94]. Они относятся к поясным наборам т.н. «общетюркского типа», бытовавшим на территории Восточной Европы и Приуралья с середины VII до XI в. (Гончаров, Кадиева, 2020. С. 55–56). К этой же группе древностей относится накладка овальной формы с прорезью (рис. 64: 9), обнаруженная на площадке гор. Супруты (Григорьев, 2005б. Рис. 30: 12).

[94]Фонды ГИМ. № ГК 18943795.

Цельные фигурные накладки.

С гор. Федяшево (рис. 63: 56) происходят две гладкие сердцевидные накладки с 2-мя боковыми выступами в узкой части (рис. 64: 12, 13). Предметы были обнаружены на склоне площадки городища (Архив ИА РАН. Простяков, 2023. С. 222). На одной из них явственны следы литейного брака (рис. 64: 13). По А.В. Комару, наиболее близкие к нашим находкам изделия относятся II-му горизонту салтово-маяцкой культуры, датирующемуся концом VIII – 1-й половиной IX в. (Комар, 2018. Рис. 39).

Вытянутая пятиугольная накладка, с орнаментом в виде трех продольных линий (рис. 64: 15) найдена в постройке 1 раскопа XXI на гор. Супруты, относящейся к горизонту предшествующему гибели поселения (Арх. ИА РАН. Шеков, 1995. Рис. 51: 9; Григорьев, 2005б. С. 33). Подобные изделия происходят из погребения 15 Веселовского могильника IX–XI вв. и погребения 10 могильника «Черемисское кладбище» VIII–XI вв., расположенных на территории Вятско-Ветлужского междуречья (Никитина, 2012. Рис. 45: 4, рис. 99: Б1).

Еще три накладки этого типа были обнаружены на площадке Супрутского городища. Одна из них, с 2-мя роговидными выступами (рис. 64: 17) (Григорьев, 2005б. Рис. 30: 9), аналогична накладке из жертвенного комплекса №8 Русенихинского могильника. Комплекс датирован X в. (Никитина, 2018. Рис. 14: 45. С. 71). Вторая – каплевидной формы с изображением 2-х лепесткового лотоса (рис. 64: 19) (Григорьев, 2005б. Рис. 30: 7) характерна для III-го горизонта древностей салтово-маяцкой культуры, датирующемуся серединой IX в. (Комар, 2018. Рис. 39). При этом изделие низкого качества, щиток ассиметричен, орнамент читается плохо. Точных аналогий накладке схожей формы со схематичным геометрическим орнаментом (рис. 64: 18) обнаружить не удалось. Наиболее близкое ей изделие происходит из катакомбы 51 Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. Рис. 85). Еще одна, близкая по форме накладка с гладким щитком, но иначе оформленной верхней частью (в виде фигурного выреза), и едва намеченными боковыми

выступами найдена на разрушенном участке площадки Супрутского городища (рис. 64: 26)[95]. Очевидно, прототипом для формы изделия послужили накладки типа 5 по С.А. Плетневой – литые фигурные бляшки со схематизированным трилистником (Плетнева, 1989. С. 79, рис. 36). Такие бляшки широко представлены в катакомбах Дмитриевского могильника, на всех этапах его бытования. Есть среди них и экземпляры, где широкая часть оформлена аналогично накладке с Супрут – в виде «фигурной скобки» (Плетнева, 1989. С. 161, рис. 85: 121: 9, 81: 4; С. 166, рис. 87: 108: 2).

Серебряная сердцевидная накладка, с гравированным орнаментом в виде четырехлепестковой розетки (рис. 64: 1) происходит из культурного слоя раскопа XXIV на гор. Супруты (Григорьев, 2005б. Рис. 30: 15). Изделия, изготовленные в схожей технике и стилистике содержатся в погребении 12 Больше-Тиганского могильника (Халикова, Халиков, 2018. Табл. X: 8–13), связанного с древностями ранних венгров VIII–IX вв.

Пятиугольная накладка с бортиком, и фрагментом крепежной клепки с внутренней стороны (рис. 64: 16), обнаруженная на площадке гор. Супруты (Григорьев, 2005б. Рис. 30: 13), так же имеет аналогии в материалах этого могильника. Схожее изделие входит в состав поясного набора из погребения 35 (Халиков, Халикова, 2018. Табл. XXVII: 10е).

Круглые накладки с широким центральным отверстием.

Одна из них (рис. 64: 10) найдена в заполнении столбовой ямы № 82 сел. Каменка-1 (рис. 63: 22). Она относится к классу 1, виду 1Ж по В.В. Мурашевой (Мурашева, 2000. С. 26–27, рис. 27: 1Ж). Подобные накладки известны в материалах салтово-маяцкой культуры. В частности, аналогичное изделие происходит из помещения 16 Сидоровского городища (Кравченко, 2020б. С. 303, рис. 209: 28), датирующегося 2-й половиной IX – началом X в. (Кравченко, 2020б. С. 27). Морфологически схожие предметы встречаются и на ряде памятников лесного Поволжья. С I Измерского селища происходит

[95]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская обл., Щекинский р-н, с. Супруты. 2007 г. ВХ-1613/170.

кольцевидная ременная накладка с 4-мя штырьками для крепления, Е. П. Казаковым она выделена в тип БП–1, широко датирующийся в пределах домонгольского периода (Казаков, 1991. С. 130, рис. 44: 12; С. 132–133). Аналогичный предмет обнаружен на I Красносюндюковском городище (Кочкина, Сташенков, 1993. С. 199, рис. 14: 8). Серия схожих накладок с 3-мя штырьками для крепления происходит из погребения 13 могильника X в. Тисаэзлар-Башхалом II на территории Венгрии (Révész L., 1996. P. 361, tab. 138). Очевидно, данное изделие связанно со слоем IX–X вв.

Вторая накладка обнаружена на сел. Устье-2 (рис. 63: 51) (Гоняный, 2020. Рис. 10:9). В отличие от изделия с Каменки-1 она украшена тремя пальметовидными выступами по краю (рис. 64: 11). Накладка имеет множественные аналогии среди предметов поясной гарнитуры IX в. в ареале салтово-маяцкой культуры и сопредельных территорий (Халиков, Халикова, 2018. Табл. XVIII: 8; Плетнева, 1989, рис. 87).

Накладки с кольцом. Предметы этой группы снабжены поперечно расположенной петлей и, в ряде случаев, сохранившимся кольцом.

Накладка подтреугольной формы обнаружена на сел. Слободка-1 (рис. 63: 44). На лицевую часть щитка подтреугольной формы нанесен орнамент в виде шестилепестковой пальметты (рис. 64: 25). Данный мотив относится к стадии 3 I этапа развития салтовского растительного орнамента по Н.А. Фоняковой, и формируется в середине IX в. (Фонякова, 1986. С. 42, 45, рис. 4: 11). По А.В. Комару подобные накладки соответствуют II-му этапу развития деталей поясов салтово-маяцкой культуры, датирующемуся концом VIII – 1-й половиной IX в. (Комар, 1999. С. 132, табл. 4; 2018. С. 354, рис. 39). Аналогичные изделия происходят из погребений конца VIII – IX в. Нейталовского, Дмитриевского, Верхне-Салтовского могильников (Аксенов, Хоружая, 2004. С. 210–211, рис. 10: 2, 10; Плетнева, 1989. С. 166, рис. 87: 10; Ляпушкин, 1958б. С. 131, рис. 21; Аксенов, 2010. С. 116, 120, рис. 2: 12).

Три накладки с кольцом и щитком подтреугольной формы происходят с ближайшего памятника левобережья Оки – гор. «Чертово Городище»

(Прошкин, 2017. Рис. 6: 8, 9, рис. 7:2). Они так же типичны для поясного набора салтово-маяцкой культуры. Две из них, украшенные схематическим геометрическим узором (рис. 64: 22, 23), по А.В. Комару характерны для горизонтов II–II/III салтово-маяцкой культуры, датирующихся концом VIII – серединой IX в. (Комар, 2018. Рис. 39). Третья накладка с рельефным орнаментом в виде 3-х пальметт, произрастающих из трехчастного основания (рис. 64: 24), по А.В. Комару относится к III-му горизонту салтово-маяцкой культуры, датирующемуся серединой IX в. (Комар, 2018. Рис. 39. С. 87).

Фигурные накладки с фронтально расположенным ушком.

Три одинаковые серебряные накладки в виде стилизованного трилистника содержались в кремации, в кургане 7 Тшлыковского могильника (рис. 63: 50) (Арх. ИА РАН. Трофимов, 1973. Фотография №7: 3). Коллекция памятника полностью утрачена. Изображение одной накладки обнаружено в личном архиве Н.Г. Трофимова, в отчете представлена нечеткая черно-белая фотография всех накладок (рис. 64: 21). Они типичны для поясов салтово-маяцкой культуры, и соответствуют II-му горизонту, датирующемуся концом VIII – 1-й половиной IX в. (Комар, 2018. Рис. 39).

Зооморфные накладки.

Накладка с реалистичным изображением головы лошади (рис. 64: 20; 85: 18) обнаружена в постройке 2 раскопа XXVIII на гор. Супруты, относящейся к горизонту предшествующему гибели славянского поселения (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 22: 7; Григорьев, 2008. С. 95–99). Полных аналогий находке обнаружить не удалось. При этом накладки в виде фронтально расположенных голов копытных животных широко распространены в кочевнических древностях Евразии, от алтайских захоронений VII–VIII вв. (курган 13 могильника Юстыд XXIV (Кубарев, 2005, табл. 15:6)), и известны за пределами степного пояса вплоть до находок «восточного облика» X в. шведской Бирки (Arbman, 1943. Taf. 91: 2).

Находки пряжек менее распространены на памятниках региона, поясных накладок. На сегодняшний день мы можем уверено говорить о 13 находках. В

основном они относятся к широко распространенным в VIII–IX вв. на территории западной Евразии категориям овальнорамчатых (рис. 65: 4–8), либо треугольнорамчатых (рис. 65: 1, 2) с прямоугольной либо трапециевидной рамчатой обоймой. Они происходят из культурного слоя гор. Супруты (рис. 65: 1, 2, 4–8)[96], «Чертово Городище» (Григорьев, 2005б. Рис. 30: 1–3, 5; Прошкин, 2017, рис. 6: 7; Колоколов, 2022б. Рис. 10: 4), и относятся к типам 2 и 3 по С.А. Плетневой (Плетнева, 1989. Рис. 36: 2, 3), или отд. II, типам 11,13 (подтип 3) и отд. IV типу 6 по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1979. С. 25–27, табл. IX: 15; X: 7; С. 36–37, табл. XVII: 12). С построечными комплексами связаны 2 изделия, обнаруженные на Супрутском городище: треугольнорамчатая пряжка из постройки 2 XXVII раскопа 2002 г. (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 57: 3), периода предшествующего гибели славянского поселения на городище (Григорьев, 2008. С. 95–99); и овальнорамчатая пряжка (рис. 65: 4; 86: 8) из постройки 4 раскопа XXVIII (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 57: 6), относящейся к финальному этапу существования поселения (рис. 81).

Менее распространены на памятниках региона овальнорамчатые пряжки с пятиугольным неподвижным щитком типа 4 по С.А. Плетневой (Плетнева, 1989. Рис. 36: 4) или к типу 11 варианта 16, подтипа 1 по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1979. С. 38, табл. XI: 4, XVIII:1). Они происходят с гор. Супруты и сел. Устье-2 (рис. 65: 3, 9) (Григорьев, 2005б. Рис. 30: 3; Гоняный, 2020. Рис. 10: 3). Пряжки этого типа так же широко представлены в кочевнических древностях VIII–IX вв.

Иную культурную принадлежность имеет бронзовая овальнорамчатая пряжка со схематичным зооморфным изображением на неподвижной ажурной обойме (рис. 65: 10). Она найдена на площадке ближайшего памятника сопредельного региона – гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2011. Рис. 35: 11). Находка была рассмотрена при публикации материалов памятника.

[96]Одна из таких пряжек входит в состав Супрутского клада 1969 г. (рис. 65: 5), однако В.В. Мурашевой интерпретирована как подпружная (Мурашева, 2008. С. 27: рис. 36). Кроме того, такие пряжки и их фрагменты содержаться в коллекции раскопок городища 1954–1977 гг.: Фонды ТОКМ, ЕИК 4190/54д; Фонда ГИМ, № ГК 18938710

(Прошкин, 2011. С. 55–56). Изделие является весьма грубой репликой пряжек с изображением медведя. Прототипы этому изделию широко распространены на территории Сургутского Приобья в эпоху раннего средневековья. Наиболее близким прототипом являются бронзовые пряжки типа 3.1 по А.В. Гордиенко (Гордиенко, 2007. С. 50, ил. 1: 7).

Две бронзовые рамчатые пряжки с сел. Устье-2, по мнению М.И. Гоняного относятся к роменскому этапу существования поселения (Гоняный, 2020. Рис. 10: 1, 2). Одна из них – с треугольной рамкой, с двумя выступами у основания (рис. 65: 11) надежных аналогий не имеет. Однако по размеру и стилю художественного оформления она схожа с кольцевидной накладкой, украшенной тремя пальметовидными выступами по краю, обнаруженной на этом же памятнике (рис. 64: 11). Возможно, они принадлежат к одному поясному набору. Вторая – со следами серебрения, пятиугольная с заостренным окончанием, покрытым рельефным растительным орнаментом (рис. 65: 12), так же не имеет прямых аналогий на памятниках VIII–X вв. сопредельных территорий. Морфологически близкое изделие бронзовое с позолотой происходит с сел. Жилино VIII–XI вв. расположенного в окрестностях Плиски (Болгария) (Стоянова, 2003. С. 112–113, обр. 3: 3). Поскольку обе упомянутых пряжки происходят из подъемного материала, не исключено что они относятся к следующему, древнерусскому периоду бытования селища.

Наконечники ремней.

Бронзовый наконечник ремня (рис. 65: 13) из культурного слоя сел. Торхово-3 (рис. 63: 48) (Григорьев, 2005б. Рис. 30: 20) характерен для памятников салтово-маяцкой культуры. В частности, схожие изделие происходит из катакомбы 7 Маяцкого могильника, датированного последней четвертью IX – началом X в. (Флеров, 1984. Рис. 14: 30). Еще один бронзовый ременной наконечник ременной наконечник из коллекции раскопок Супрутского городища С.А. Изюмовой[97], имеет близкие аналогии в материалах Дмитриевского могильника – в комплексе катакомбы 143, относящейся

[97]Фонды ГИМ. № ГК 18940998.

позднему этапу существования памятника (Плетнева, 1989. С. 164, рис. 86: 143). К этому же кругу относится и гладкий штампованный наконечник с заостренным концом из коллекции Супрут[98] – аналогичные ему предметы происходят из катакомб поздней группы Дмитриевского могильника и относятся к типу 1 по С.А. Плетневой (Плнтнева, 1989. С. 35–36; 164, рис. 86).

Кроме того, в раскопе XXV на гор. Супруты был обнаружен железный наконечник ремня (рис. 65: 14) в виде прямоугольной приостренной пластины с загнутыми внутрь краями (Григорьев, 2005б. Рис. 30: 21).

Как следует из описания, все представленные предметы имеют множественные аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры и памятников Поволжья и Приуралья. Стоит отметить, что практически все изделия представлены в единичном экземпляре, исключение составляют парные накладки с гор. Федяшево (рис. 64: 12, 13). Это, во многом, объясняется поселенческим характером находок, которые представляют собой потерянные в ходе эксплуатации предметы. Еще одной особенностью этой категории находок, является наличие большого количества грубых, некачественных копий с предметов степного круга, изготовленных, вероятно, на месте: они представлены в основном на гор. Супруты (рис. 64: 17–19, 26).

4.7.в.

Предметы конского снаряжения.

Еще одной категорией предметов, связанных с воинской культурой, является снаряжение боевого коня: элементы уздечной ременной гарнитуры, удила, псалии, стремена.

Подавляющее большинство находок этой категории происходит с Супрутского городища (рис. 67: 46). Единичные предметы обнаружены на гор. Федяшево (рис. 67: 56) и Гора Услань (рис. 67: 12), сел. Торхово-3 (рис. 67: 48), Уткино-1 (рис. 67: 54) и Устье-2 (рис. 67: 51). Находки, связанные с

[98]Фонды ГИМ. № ГК 18943793.

комплексами, известны только в материалах Супрутского городища – они обнаружены в остатках жилых и хозяйственных объектов исследованных раскопами XXV, XXVII и XXVIII, а так же в составе клада 1969 года. В качестве вспомогательного материала использованы так же находки из раскопов 1954–1977 гг. Предметы с прочих памятников найдены в нестратифицированном слое поселений при раскопках (гор. Федяшево, сел. Торхово-3, Уткино-1), либо в качестве подъемного материала (гор. Гора Услань, сел. Устье-2).

Находки североевропейского происхождения на сегодняшний день обнаружены только на гор. Супруты (рис. 67: 46). Скандинавский уздечный набор входит в состав Супрутского клада 1969 года. Этот комплекс неоднократно опубликован в научных изданиях и каталогах выставок, и всесторонне рассмотрен исследователями (Изюмова, 2002; Мурашева, 2008; Новиков, 2009; 2012; Григорьев, 2012г. Рис. 13; Меч и златник, 2012. С. 50–51). В него входят железные удила с приклёпанными к ним псалиями и направляющими ремней оголовья (рис. 68: 9). Каждый из псалиев состоит из трехчастного разделителя ремней, и двух симметричных зооморфных пластин. К разделителю крепятся направляющие для ремней повода и оголовья. Псалии и направляющие оформлены в скандинавском стиле Borre. В этом же стиле изготовлены направляющие ремней оголовья (рис. 68: 1) из постройки 2 XXVII раскопа 2002 г. (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 58), которая относится к периоду, предшествующему гибели славянского поселения на городище (Григорьев, 2008. С. 95–99)[99]. Эти предметы имеют широкие аналогии как в материалах Древней Руси (Гнездово, Белоозеро), так и на территории Скандинавии – кургана № 1 в Борре (Норвегия), клада ремесленника в Смисс (Готланд) и т. д. (Мурашева, 2008. 7–11; Новиков, 2009. С. 96–98; 2012. С. 121). Помимо уздечного набора из комплекса Супрутского клада 1969 года

[99]Согласно монографии А.В. Григорьева 2005 года, находка происходит их ямы 16 раскопа XXVII (Григорьев, 2005б. С. 81, рис. 33). Согласно же отчетной документации – из постройки 2 раскопа XXVII (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. С. 20). Скоорее всего, оба указания являются верными, т.к., судя по плану раскопа, яма 16 расположенна в непосредственной близости от котлована постройки 2, и является ее конструктивной частью(Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 43).

происходит набор круглых бляшек для ремней оголовья с зооморфным орнаментом. Одна серия накладок (44 экз.) украшена изображениям зооморфных масок и ромбовидным умбоном в центре (рис. 68: 8), другая (3 экз.) – профильным изображением птицы (рис. 68: 7). Эти изделия так же относятся к скандинавской художественной традиции (Мурашева, 2008. С. 12–15). В качестве элемента конского снаряжения североевропейского круга – детали стремени может рассматриваться и объемная полая обойма в виде головы дракона (рис. 68: 2), из коллекции раскопок Супрутского городища С.А. Изюмовой (Мурашева, 2012. С. 106, рис. 1).

Однако большинство находок предметов конской упряжи на территории региона относятся к степному кругу древностей VIII–X вв. К этому кругу относятся и 47 серебряных пластинок, так же содержащихся в кладе 1969 года (рис. 68: 3–6). Они интерпретированы как накладки на переднюю и заднюю луку седла. В отличие от деталей оголовья, параллели этим изделиям обнаруживаются в кочевнических древностях южного Урала и Карпатской котловины IX–X вв. (Мурашева, 2008. С. 24–27).

Наиболее частыми находками предметов конской упряжи на памятниках региона являются удила и псалии.

Практически целые удила типа Ia по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1973. С. 12–13, рис. 4: Ia) со стержневидными псалиями, происходят с гор. Супруты (рис. 70: 9). Они были найдены в пласте 2 кв. 89 раскопа V, заложенного С.А. Изюмовой в 1956 г. вблизи южного склона городища[100]. На городище обнаружено несколько фрагментов таких удил. Они происходят из раскопок С.А. Изюмовой: из раскопа IV, пл. 3 в кв. 66 (рис. 70: 6), а так же из раскопа V, пл. 2 в кв. 89 и 96 (рис. 70: 5, 7–9)[101]. В коллекции раскопок С.А. Изюмовой фондов ГИМ, также есть фрагменты удил типа Ia[102]. Деталь удил этого типа (рис. 70: 3) найдена на сел. Уткино-1 (рис. 67: 54) в пахотном

[100]Фонды ТОКМ. ЕИК 4151/58
[101]Фонды ТОКМ, ЕИК 4151/57; 4151/59.
[102]Фонды ГИМ. №№ ГК 18941123; 18941262; 18938724.

горизонте раскопа III (кв. Н–25) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 84. Рис. 79: 13).

Аналогичные удила происходят с гор. «Чертово Городище» на левобережье Верхней Оки (Прошкин, 2013. С. 71, рис. 4: 3). Подобные изделия широко распространены в древностях степного круга, в том числе в материалах салтово-маяцкой культуры (Кравченко, 2020а. С. 216, рис. 2).

Стержневидный бронзовый псалий удил того же типа, но с крупным рифлением и грибовидными навершиями (рис. 70: 4) был обнаружен на гор. Федяшево (рис. 67: 56) в раскопках В.А. Городцова (Никольская, 1959. С. 118–119. Рис. 27: 6). Характер оформления изделия позволяет уточнить его этнокультурную принадлежность. Стержневидные псалии с крупным рифлением характерны для конской упряжи венгров эпохи завоевания родины (Hampel, 1905. S. 245, fig. 580; Dienes, 1966. P. 213, kep. 3: 2. P. 214, kep. 4: 2).

S–видные псалии обнаруженные на поселениях региона, так же являются типичными для степного круга древностей IX–X вв. (Плетнева, 1989. С. 82, рис. 38; Мажитов, 1981. С. 43–44, рис. 21: 5, 21, рис. 22: 5, 9; С. 48, рис. 24: 20 и т.д.). Железный S–видный односоставной псалий, с тордированными окончаниями, увенчанными уплощенными навершиями, содержался а заполнении постройки 2 раскопа XXV на гор. Супруты (рис. 70: 1; 83: 22) (Григорьев, 2005б. С. 80, рис. 32: 1). Постройка относится к этапу, предшествующему гибели славянского поселения на городище (рис. 81) (Григорьев, 2008. С. 95–99).

Близкий ему фрагмент S-видного псалия с боченковидным утолщением на окончании и уплощенным навершием (рис. 70: 2) происходит их пахотного слоя раскопа IV на сел. Торхово-3 (рис. 67: 48) (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1997. С. 6; 2005. С. 80, рис. 32: 2).

Частой находкой на памятниках региона являются кольчатые удила типа IV (по А.Н. Кирпичникову), имеющие весьма широкую датировку и географию распространения (Кирпичников, 1973. С. 17). Учитывая, что на большинстве интересующих нас поселений помимо горизонта IX–X вв. представлены так же

материалы других эпох, рассматривать удила типа IV обнаруженные вне контекста датированных комплексов бессмысленно. По этой причине, уместно привести лишь те находки, которые возможно уверенно соотнести с древностями IX–X вв. Это удила из постройки 4 XXVIII раскопа на гор. Супруты, относящейся к финальному этапу существования славянского поселения на памятнике (рис. 71: 4; 81; 86: 24) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 34; Григорьев, 2008. С. 95–99).

Стремена в настоящее время известны лишь на одном памятнике – гор. Супруты. Стремя с пластинчатой петлей для ремня (рис. 71: 6) происходит из раскопок С.А. Изюмовой 2-й половины XX в.[103] Контекст обнаружения находки не известен. Стремя имеет грушевидное очертание, с гладкой, выгнутой наружу подножкой и плоской петлей с овальным отверстием, без выраженного перехода к дуге, имеющей подтреугольное сечение. А.Н. Кирпичников относит такие стремена к изделиям типа I, распространенным в Восточной Европе в IX–XI вв. (Кирпичников, 1973. С. 47: Рис. 29). По Г.А. Федорову-Давыдову стремя принадлежит к типу Б-I и датируется в рамках VIII–XI вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 12, рис. 1; 14). Несмотря на популярность находок этого типа на территории Восточной Европы, в материалах салтово-маяцкой культуры они встречаются сравнительно редко (Кравченко,2020. С. 218, рис. 4: 1–3; Армарчук, 2006. С.17–18; 169, рис. 5). В составе этих древностей массовыми являются стремена арочной формы с прямой или вогнутой внутрь подножкой (Крыганов, 1989. С. 106). В большей степени грушевидные стремена с выгнутой наружу подножкой представлены в материалах VIII–X вв. Поволжья и Приуралья (Данич, 2018. С. 154, рис. 3: 2–4; Крыласова, 2017. С. 54, рис. 4: 2, 6; Мажитов, 1981. С. 85, рис. 45: 8; 88, рис. 46: 10, 20), в комплексах X в. Карпатской котловины (Révész, 1993. S. 351–416), а так же в древностях Огузов (Круглов, Марыксин, 2012. С. 414, рис. 3: 7, 8). Согласно типологии П.В. Красильникова, посвященной находкам с территории Волжской Болгарии, они выделяются тип БII/2, и датируются концом VIII – X в. Такие стремена

[103]Фонды ТОКМ. ЕИК 7569/89.

представлены в комплексах Танкеевского, Большетиганского и Чишминского могильников, а так же на Измерском селище I (Красильников, 2012. С. 365, рис. 3: 3–6). Известны находки аналогичных изделий и в материалах Древней Руси, в частности, в составе камерного погребения в Шестовицах (Комар, 2019. С. 394, рис. 78: 14).

Кроме того, пара одинаковых стремян была обнаружена при обследовании разрушенной части площадки Супрутского городища (рис. 71: 7, 8) (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. Рис. 21: 9, 10; Григорьев, 2005б. С. 82, рис. 34). Они так же имеют грушевидную форму, однако от вышеописанного стремени отличаются полукруглым сечением дуги и иным оформлением петли. Эти находки обладают трапециевидной петлей с прямоугольным отверстием, и имеет выраженный переход к дуге, оформленный в виде валика. Стремена грушевидной формы с выделенной петлей так же известны в составе перечисленных выше древностей, но наиболее близкие по форме изделия представлены в синхронных материалах южного Урала (Мажитов, 1981. С. 32, рис. 13: 12: 44, рис. 22: 12; 48, рис. 24: 9), и Западной Сибири (Неверов, 1998. С. 135, рис. 4: 2, 4; 136, рис. 5: 3; 138, рис. 7: 2). Стремя аналогичной формы, с валиком при переходе от петли к дуге, обнаружилось в мордовских материалах Средней Оки – в составе погребения 20 Лядинского могильника, датированного рубежом IX – 1-й половиной X в. (Воронина, 2007. С. 66, 106, рис. 63: 3). А.В. Комар связывает находку этого стремени с распространением влияния сросткинской культуры Западной Сибири IX–X вв. на правобережье Волги (Комар, 2019. С. 183).

На гор. Супруты и сел. Устье-2 (рис. 67: 51) известны также немногочисленные находки металлических деталей ремней сбруи. В их число входят ременные разделители, т.н. «чумбурный блок» и наконечник ремня оголовья.

Ременных разделителя найдено три, и все они содержатся в материалах Супрутского городища. Два бронзовых разделителя, аналогичных друг другу, представляют собой трехчастную рамку округлой формы с тремя овальными

отверстиями для ремня (рис. 69: 1, 2). В центре расположена полукруглая рельефная бляшка, окруженная бордюром из полусферических выступов, от нее отходят 3 луча, разделяющие рамку на сегменты, в месте их сочленения с рамкой расположены 3 полусферических выступа. Изделия имеют многочисленные аналогии в материалах памятников Южного Урала, Крыма, Венгрии IX–X в. (Приймак, 2010. С. 266–272). Упомянем только территориально ближайшие комплексы, содержащие аналогичные находки. Это погребение 52 Дубовского могильника с младшей монетой 933–941 гг. (Наср ибн Ахмед) (Никитина, 2012. С. 69–70; Рис. 257); погребение 1007 Танкеевского могильника 1-й половины X в. (Казаков, 1992. С. 96, рис. 30: 9); кремационное погребение 36 Лядинского могильника конца IX – начала XI (Воронина, 2007. Рис. 23; С. 122, рис. 77: 4), и др. Супрутские разделители так же происходят из стратифицированных комплексов. Один из них был обнаружен в постройке 2 XXVIII раскопа (рис. 69: 2; 85: 21) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 22: 4), относящейся к горизонту предшествующему гибели славянского поселения (Григорьев, 2008. С. 95–99), второй – в заполнении хозяйственной ямы 5 того же раскопа (рис. 69: 1) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 79: 2).

Еще один разделитель из железа и представляет собой кольцо с направляющими в виде согнутых пластин (рис. 69: 3). Он обнаружен на участке площадке гор. Супруты, разрушенной карьером (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999; 2005. С. 80, рис. 32: 10). Эта находка типична как для древностей салтово-маяцкой культуры, так и в целом для кочевнических древностей средневековья (Аксенов, Михеев, 2009. С. 388, рис. 1: 10; 393, рис. 4: 17; С. 400). Известны они и на славянских памятниках лесостепного Подонья, в частности в материалах Малого Борщевского городища (Григорьев, 2000. С. 144, рис. 49: 7)

Характерной находкой салтовского круга VIII–X вв. является фигурная бронзовая ременная подвеска, часто именуемая в литературе как «чумбурный блок». Функциональное назначение этих предметов не вполне ясно, однако в ареале салтово-маяцких памятников лесостепного Подонья они, в основном

встречаются в захоронениях содержащих элементы конской упряжи или захоронения коней (Владимиров, 2016б. С. 223, рис. 2. С. 225). С территории региона происходит всего одна находка такого изделия. Она обнаружена в ходе сборов подъемного материала с поверхности сел. Устье-2 (рис. 69: 4) (Гоняный, 2020. С. 84, рис. 10: 7). Изделие типично для салтово-маяцких памятников лесостепного Подонья (Владимиров, 2016б. С. 223, рис. 2).

Еще одним предметом конской упряжи, который часто встречается на поселениях IX–X вв. нашего региона являются железные подпружные пряжки. Данная категория находок, как и кольчатые удила, имеет довольно широкие пространственно-временные рамки бытования, поэтому есть смысл рассматривать только находки из комплексов. Так, железные подпружные пряжки содержались в комплексах славянского поселения на площадке гор. Супруты: в постройке 2 XXVIII раскопа (рис. 71: 2; 85: 5) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 21: 1), ямы 16 XXVII раскопа (рис. 71: 3) (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. Рис. 57: 6); на сел. Уткино-1, в комплексе ямы 22 раскопа II (рис. 71: 1) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 52–53. Рис. 79: 12). Конфигурации пряжек различны – встречаются арочные, лировидные, кольцевидные. Сечение рамки круглое либо усечено-коническое. Находки таких предметов типичны для средневековых памятников Доно-Донецкой степи, Причерноморья, степного и лесного Приуралья (Армарчук, 2006. С. 185, рис. 21; Кравченко, 2020. С. 219, рис. 5; Крыласова, 2017. С. 53, рис. 3; Мажитов, 1981. Рис. 17: 12; 38: 18; 43: 7; 61: 2; и др.).

Отдельно следует остановиться на находке наконечника ремня конского оголовья на гор. Супруты. Он происходит из заполнения постройки 4 XXVIII раскопа (рис. 69: 5; 86: 5). Как уже было сказано, постройка относится к финальному этапу существования славянского поселения на городище (рис. 81). С ней так же связаны находки колчанных петель и кольчатых удил, речь о которых шла выше.

Наконечник подпрямоугольной формы имеет размеры 4 х 3 см, снабжен 2-мя крепежными штифтами на оборотной части. Лицевая часть изделия

украшена четырехлепестковой фигурой и полусферическим выступом в центре, края его обрамлены «узелковым» бордюром (рис. 69: 5) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 57: 1; Григорьев, 2009б. С. 79, рис. 5: 4).

Аналогичные предметы массово представлены в венгерских захоронениях на территории Карпатской котловины, причем в основном в комплексах середины – 2-й половины X в. (Révész, 1994. Abb. 1: 1, 5, abb. 3: 1, Abb. 23: 4. P. 355; The Ancient Hungarians, 1996. P. 98, fig. 29; P. 170, fig. 2; P. 213, fig. 4, 5; P. 235, fig. 5; P. 322, fig. 2; Langer, Lőrinczy, Türk, 2019. P. 77–83; Gulyás, Gallina, Türk, 2019. C. 115–120; kép. 1: 1; и т.д.). Для нашего региона наконечник является уникальной находкой. На территории Европейской части России они известны в публикациях только в одном экземпляре – случайная находка без археологического контекста (Новиков, 2009. Рис. 68: 19). Кроме того, наконечник ремня схожей формы и размера, выполненный в той же стилистике, что и находка с Супрут, происходит из захоронения могильника Актуба в Южном Зауралье. Это изделие отличается от супрутского количеством лепестков изображенных на рельефной фигуре занимающей лицевую часть предмета – их три вместо четырех. Наконечники ремней с таким вариантом оформления так же известны в X в. на территории Венгрии (The Ancient Hungarians, 1996. P. 98, fig. 28). По мнению ряда исследователей, единичные находки таких наконечников на территории Центральной России и Приуралья являются предметами импорта с территории Венгрии, в венгерских комплексах IX в. на территории современных России и Украины таких предметов не обнаружено (Новиков, 2009. С. 182; Боталов и др., 2021. С. 89, рис. 3: 1). В древностях субботцевского типа IX в. (венгров периода миграции) аналогичные вещи не известны (Комар, 2019. С. 235–236).

Находка наконечника ремня на гор. Супруты имеет большое значение для понимания хронологии памятника и древностей региона в целом. По версии А.В. Григорьева славянское поселение на площадке гор. Супруты гибнет в рамках 2-го десятилетия X в. (Григорьев, 2008. С. 95–99). По мнению автора данной работы, финал поселения наступил не ранее середины X в. (Колоколов,

2023д. С. 29). Находка наконечника ремня венгерского круга в постройке финального этапа прямо не противоречит версии А.В. Григорьева. Однако учитывая, что стилистика предмета формировалась уже в X в. после перемещения венгров на территорию Карпатской котловины, выпадение его в культурный слой объекта в период ранее середины X в. на территории верховьев Оки и Дона представляется маловероятным. В пользу гибели славянского поселения на гор. Супруты не ранее середины столетия свидетельствует еще ряд находок, в основном, североевропейского происхождения (Колоколов, 2023д. С. 24–43).

Подавляющее большинство вещей степного круга (предметов вооружения, конского снаряжения и поясного набора), обнаруженных на памятниках междуречья Оки и Дона имеют аналогии на обширной степной территории от южного Урала до карпатского региона в период VIII–X вв. Все эти предметы в большей или меньшей степени представлены в ареале салтово-маяцкой культуры. При этом, привлекает внимание выразительный ряд предметов, относящихся к венгерским древностям. В их число входят бронзовый стержневидный псалий с гор. Федяшево, колчанная петля и наконечник ремня оголовья с Супрут.

При обилии предметов конского снаряжения на памятниках региона практически отсутствуют вещи, относящиеся к снаряжению всадника. Единственные находки – две железные шпоры с острым коническим шипом и загнутыми внутрь крючками на концах (рис. 71: 5), обнаруженные на площадке гор. Гора Услань (рис. 67: 12) (Арх. ИА РАН. Столяров, 2021. С. 15, рис. 15: 6, 7). Они относятся к типу VI тип, вар. Б по В.Б. Перхавко (Перхавко, 1978. С. 116, рис. 2:12). Предметы этого типа широко распространены на территории Восточной Европы в VIII–IX вв. (Перхавко, 1978. С. 123–124). Не исключено, впрочем, что находки шпор могут относиться к периоду 2-й половины VII – VIII вв., так же представленному в материалах памятника (см. гл. 3). Железные шпоры схожей конфигурации известны в ареалах колочинской и пражской культур, а так же на синхронных памятниках верхнего Поднепровья

(Казанский, 2015. С. 66–67). Известны они в западнославянских древностях VIII–IX вв. (Biermann, 2019. S. 27, Abb. 2).

Представленный перечень находок демонстрирует абсолютное преобладание степных типов элементов конской упряжи на памятниках раннего периода. Предметы североевропейского происхождения единичны, причем наиболее яркая находка (позолоченные удила в стиле borre) обнаружена в кладе. Вероятнее всего, она была тезаврирована и рассматривалась исключительно как предмет роскоши и средство накопления богатства. Подавляющее же большинство утилитарных предметов снаряжения боевого коня имеют прочные аналогии в синхронных древностях восточно-европейской степи, а так же территорий находящихся под культурным и политическим влиянием Хазарского каганата. Это же утверждение справедливо и для предметов вооружения и поясного набора. Таким образом, комплекс вещей с, относящихся к воинской культуре с памятников раннего периода, демонстрирует устойчивое степное влияние.

***

В заключение стоит обобщенно рассмотреть находки предметов воинской культуры из заполнения постройки 4 раскопа XXVIII гор. Супруты (рис. 86–87) (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. Рис. 31; 2007. Рис. 58–60), т.к. этот комплекс является эталонным для финала памятников раннего этапа (IX – 1-й половины X в.). Стратиграфически постройка относится к финальному этапу существования поселения (рис. 81) и гибнет вместе с ним в пожаре (Григорьев, 2008. С. 95–99). Помимо данных стратиграфии это подтверждается находкой в ее заполнении разрозненных человеческих останков, в том числе фрагментов мужского черепа (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. С. 11). Материалы постройки демонстрируют многочисленный комплекс синхронно бытовавших предметов воинской культуры, в который входят вещи всех описанных выше категорий: вооружения, конского снаряжения и поясного набора.

Таблица 4. Предметы воинской культуры из заполнения постройки 4 раскопа XXVIII гор. Супруты

Категория предметов		Культурный круг		
		Восточноевропейский	Степной	Североевропейский
Предметы вооружения	Топоры	1*		
	Наконечники копий	1		
	Наконечники дротиков	1		
	Наконечники стрел	8		3
	Колчанные петли		2	
Предметы поясного набора	Пряжки		1	
Предметы конского снаряжения	Удила		1	
	Украшения оголовья		1	
ВСЕГО: 18				

*Количество предметов в заполнении постройки

Обращает внимание культурная эклектичность атрибутов воинской культуры из комплекса. Большинство предметов составляют вещи восточноевропейского круга: топор типа VIII (рис. 87: 12), наконечник копья типа IIIA (рис. 87: 14) (по А.Н. Кирпичникову); наконечни1ки стрел типов 34, 44, 45 82 (рис. 87: 2, 4–6, 8–11) и сулицы типа 2 (рис. 87: 13) (по А.Ф. Медведеву). Предметы степного круга представлены находками кольчатых удил типа IV (рис. 86: 24) (по А.Н. Кирпичникову), овальнорамчатой поясной пряжки типа 2 (рис. 86: 8) (по С.А. Плетневой), колчанных петель (рис. 86: 3, 4) и наконечника ремня конского оголовья, имеющих аналогии в венгерских древностях (рис. 86: 5).

Стоит отметить, что к восточноевропейскому кругу относятся именно предметы вооружения – топор, копье, наконечники стрел и сулицы, являющиеся орудиями универсального назначения – они могли использоваться как в бою, так и в хозяйственной деятельности и на охоте. Предметы же воинской культуры, не являющиеся оружием – детали поясного набора и конского снаряжения, а так же металлические детали колчана – относятся к степному кругу. При этом, учитывая находки колчанных петель, можно предположить, что обнаруженные в постройке наконечники стрел относятся к одному набору, хранившемуся в колчане. Этот комплекс предметов может облегчить работу с находками, обнаруженными на памятниках региона, но не имеющими надежного археологического контекста, а также дать дополнительный материал для уточнения типологических схем разработанных во 2-й половине XX в.

Сложнее обстоит вопрос с находками ланцетовидных стрел из заполнения постройки (рис. 87: 1, 3, 7). Учитывая судьбу поселения и стратиграфическую позицию комплекса, нельзя исключать, что стрелы попали в него в результате военного штурма, и принадлежали нападавшей стороне.

Завершая рассмотрение вещевого комплекса памятников раннего периода славянской колонизации верховьев Оки и Дона (IX – 1-я половина X в.), следует отметить, что наибольший массив иноэтничных материалов связан с древностями степного круга. С поселений этого времени происходят многочисленные находки предметов вооружения, конского снаряжения, поясной гарнитуры и украшений этого круга, а так же гончарной керамики. Эти вещи имеют надежные аналогии на обширной степной территории от южного Урала до карпатского региона в период IX–X вв. Все они, в большей или меньшей степени, представлены в ареале салтово-маяцкой культуры. Это вполне закономерно: факт даннической зависимости «вятичей», с которыми традиционно отождествляется славянское региона IX–X вв., от хазар неоднократно упоминается в Повести временных лет (ПСРЛ, Т.1, 1926. С. 18, 29). Очевидно, что взаимоотношения не ограничивались только взиманием

дани, а имели более сложный и многогранный характер. Влияние степных древностей здесь ощущается значительно сильнее чем, например, финно-угорских, несмотря на гораздо большую удаленность основного ареала салтово-маяцкой культуры по сравнению с местами локализации древней мордвы или мещеры. В какой-то степени это может быть объяснено большей привлекательностью яркой воинской культуры Хазарского каганата, однако развитые экономические связи именно со степными регионами, несомненно, играли главную роль. В качестве основы этих связей следует рассматривать контроль над ключевым участком речного торгового пути – переходом из Окского (шире – Волжского) бассейна в Донской, расположенным на территории исследуемого региона. В пользу этого говорит и тот факт, что наибольшее количество древностей степного круга обнаружено в комплексах Супрутского городища, игравшего роль военного и административного центра. При том, обосновано можно говорить лишь о тесном экономическом взаимодействии славян Окско-Донского региона со степным миром, а не об активной инфильтрации культур.

4.8.

Верхнеокский участок Донского торгового пути.

Как было уже неоднократно упомянуто, поселения IX – 1-й половины X в. характеризует их очевидная связь с Верхнеокским участком Донского торгового пути. Версию о существовании и активном функционировании этого участка в интересующий нас период высказал А.В. Григорьев, и, в дальнейшем активно развивал ее в ряде печатных работ (Григорьев, 2006а С. 51–60; 2006б. С. 181–182; 2010а. С. 449–454; 2011б. С. 67–71). Полевые исследования 2006–2025 гг. подтвердили предположения исследователя.

Донской путь был одним из многочисленных путей сообщения Восточной Европы, связывающих Балтийский и Черноморо-Каспийский регионы (Леонтьев, Носов, 2012. С. 397, рис. 4). Он обеспечивал прямой выход в черноморский регион, с северными же территориями его связывала р. Ока,

ведущая от верховьев Дона в Верхнее Поволжье, а так же в Верхнее Поднепровье – через речные пути Окско-Деснинского водораздела. Так же, из Донского речного бассейна, с использованием волго-донского сухопутного пути, можно было оказаться на нижней Волге и далее в Каспийском регионе – экономической зоне арабского мира. Донской путь большей частью проходил по территории Хазарского каганата, верховья же его, и переход в Окский бассейн находились на территории, заселённой славянами – данниками хазар. Значительная часть пути приходилась на среднее течение Дона, где в качестве опорного пункта могло выступать Титчихинское либо Животинное городище донских славян (Винников, 2022. С. 278–280). После распада Хазарского каганата в середине X в. торговля по Дону значительно ослабевает[104].

На территории исследуемого региона находился один из сложных участков этого пути: он вел от верховьев Дона через водораздел к притокам Оки – рр. Упа, Шат, Зуша при возможном использовании путей по рр. Осетр, Вашана, Тулица.

Основными маркерами торгового пути являются находки кладов серебра, инструментов для малых взвешиваний (весов и гирек), отдельных монет в культурном слое поселений, а так же фрагментов тарных сосудов-амфор и импортной гончарной керамики салтово-маяцкой культуры.

На сегодняшний день в верховьях Оки и Дона известно о 30 монетных, вещевых и денежно-вещевых кладах (табл. 5; рис. 79). Число их, осевшее в частных коллекциях, не поддается подсчету. Поскольку подавляющее большинство кладов (за исключением найденных на гор. Супруты в ходе раскопок С.А. Изюмовой в 1969 и 1972 гг.) обнаружены местными жителями

[104]Вторую жизнь Донской путь получил уже в эпоху расцвета домонгольской Руси – XII–XIII вв., о чем свидетельствует комплекс археологических данных (подробно см. Шебанин, 2000. С. 118–122). Дальнейшее развитие этот маршрут получает в XIV–XV вв., благодаря активному функционированию в его устье двух крупнейших пунктов международной торговли – золотоордынского Азака и итальянской Таны. В качестве одного из опорных пункта Донской торговли в это время рассматривается «рязанский град Дубок», отождествляемый с Устьинским археологическим комплексом (Лаврентьев, 2023. С. 20–45), на территории которого расположено единственное поселение IX – 1-й половины X в. в верховьях Дона. Попытки возрождения Окско-Донского речного пути предпринимались в начале XVII и XVIII вв., воплотившись в строительстве гидротехнических сооружений, вошедших в историю под именем Епифанских шлюзов (Загоскин, 1910. С. 221–222; Юркин, 2015. С. 16–24).

либо любителями металлопоиска, комплектность их недостоверна, вследствие чего датировка этих комплексов по младшей монете является условной. От некоторых из них сохранилось лишь несколько монет (Воздремо, Сотино), часть известна только по сведениям полученных от находчиков и фотографиям, сделанных в момент обнаружения (Бабошино, Павловское). Часть кладов известна по публикациям конца XIX века, и датировка их так же недостоверна (Обозрение…, 1883; Черепнин 1892). Однако, учет и картографирование этих комплексов необходимы, т.к. это позволяет более полно представить масштаб и направление поступления восточного серебра на территорию региона, и дальнейшее его движение.

Таблица 5. Монетные, вещевые и денежно-вещевые клада верховьев Оки и Дона.

Клад	**Характер клада**	**Монетный набор**	**Мл. Монета (год от Р.Х.)**	**Вещевой набор**	**№ на карте**	**Источник**
С монетами 1 и 2 периода обращения (по В.Л. Янину), либо с вещами IX– 1-й пол. X в.						
Китаевка	Монетный	236 монет	VIII в.	–	рис. 79: 27	Обозрение…, 1883. С. 171
Тимофеевка	–	–	749(?)	–	рис. 79: 22	Григорьев, 2010а. С. 450, рис. 1
Кашира	Денежно-вещевой	–	VIII – нач. IX в.	гривны, пруты, подвески, серьги и перстни серебряные	рис. 79: 8	Черепнин 1892. С. 1
Баскач	Денежно-вещевой	Неполный, определены 4 монеты	807/808	Серебряные пруты и 2 серебряные бляшки	рис. 79: 2	Корзухина 1954. С. 81
Теплое	Монетный	51 монета	810/811	–	рис. 79: 21	Фонды музея-заповедника «Куликово Поле». ГМЗ-КП–1724
Хитровка	Монетный	–	810/811	–	рис. 79: 25	Кропоткин, 1978. С. 113
Чертово Городище	Монетный	45 монет	813/814	–	рис. 79: 29	Гомзин, Прошкин, 2023. С. 259–272
Ленино	Денежно-вещевой	6 монет	814/815	8 фрагментов лучевых колец 2-го этапа развития	рис. 79: 10	Фонды музея-заповедника «Куликово Поле». ГМЗ-КП–1542
Венев	Монетный	46 монет	815/816	–	рис. 79: 3	Гомзин, 2022. С. 52–60
Лапотково	Денежно-вещевой	62 монеты	816/817	–	рис. 79: 9	Марков 1910. С. 49.
Сотино	Монетный	Неполный, доступно 17 монет	833	–	рис. 79: 18	Арх ИА РАН. Столяров, 2014. С. 50–51.
Протасово	Монетный	–	841/842	–	рис. 79: 16	Кропоткин, 1978.

Кунаково[105]	Монетный	–	851/852	–	–	С. 114
Гритчино	Монетный	–	860/861	–	рис. 79: 6	
Растовец	Монетный	–	863/864	–	рис. 79: 17	
Супруты 1972 г.	Денежно-вещевой	19 монет	866 г.	Гривна глазовского типа, кольцевидное височное кольцо, 2 серьги салтовского типа.	рис. 79: 20	Изюмова, 1989. С. 206–213
Воздремо[106]	Денежно-Вещевой	60 монет, доступно 3 монеты	867/868	Неизвестен	рис. 79: 4	Арх ИА РАН. Столярова, 2017. С. 29–31
Мишнево	Денежно-вещевой	101 монета	868/869	Серебряная цепочка	рис. 79: 11	Марков, 1910. С. 12.
Остроги	Монетный	–	870	–	рис. 79: 13	Кропоткин, 1978. С. 114
Хитровка	Монетный	–	872/873	–	рис. 79: 25	
Бобыли[107]	Монетный	Неизвестен	875/876	–	–	
Железницы	Денежно-Вещевой	258 монет	877/878	две гривны глазовского типа, шесть браслетов, пять серег салтовского типа, восемь лучевых колец 2-го этапа развития, наконечник пояса.	рис. 79: 7	Корзухина, 1954. С. 81
Одинцово	Монетный	200 монет	VIII–IX вв.	–	рис. 79: 12	Кропоткин, 1971. С. 86
Бабошино	Денежно-вещевой	Неизвестен	–	Височные кольца 2-го этапа развития, серьги «салтовского» типа, пронизки, серебряный лом.	рис. 79: 1	Сведения от находчиков
Головеньки	Вещевой	–	–	6 боченковидных гирек.	рис. 79: 5	Фонды музея-заповедника «Куликово Поле». ГМЗ-КП-1917
Павловское	Денежно-вещевой	неизвестен	–	Черепаховидная фибула	рис. 79: 14	Сведения от находчиков
Супруты 1969 г.	Вещевой	–	–	См. пп. 4.7.б; 4.7.в	рис. 79: 19	Изюмова, 2002. С. 88–108
Торхово	–	–	–	–	рис. 79: 23	Григорьев, 2010а. С. 450, рис. 1
Тула	–	–	–	–	рис. 79: 24	
Неизвестный клад север тульской области	Вещевой	–	–	Лучевые височные кольца 2-го этапа развития (6 шт.), серьги салтовского типа (2 шт) и браслеты с расширяющимся концами (2 шт), Гривна глазовского типа, перстень	–	Григорьев, 2012б. С. 44–46
С монетами 3 и 4 периода обращения (по В.Л. Янину), либо с вещами 2-й пол. X– 1-й пол. IX в.						
Полтево	Денежно-вещевой	72 монеты	976–977	6 лучевых колец третьего этапа развития парных, серьга с	рис. 79: 15	Фонды музея-заповедника «Куликово Поле». ГМЗ-КП-1739

[105]Не вполне ясно наименование и локализация клада. Согласно А.А. Гомзину – Кудиново (Гомзин, 2013. С. 33–34).
[106]Клад утрачен.
[107]По А.А. Гомзину, точное местонахождение клада не известно (Гомзин, 2013. С. 8).

				«расплющенной бусиной», два круглодротовых браслета с расширяющимися окончаниями, проволочная серьга круглого сечения, товарно-весовой слиток-браслет, пластинчатое очелье, серебряный лом.		
Щепотьево	Монетный	104 монеты	979	–	рис. 79: 28	Лебедев, Амосов, 2017. С. 37–44

Как видно, подавляющее большинство кладов содержит младшие монеты, относящиеся к первому и второму периоду обращения арабского дирхема в восточной Европе по В.Л. Янину (Янин, 2009. С. 100–159). К первому периоду (VIII – 1-й треть IX в.) принадлежат 7 кладов: Баскач, Венев, Лапотково, Ленино, Теплое, Хитровка-1, Чертово Городище; ко второму (833 г. – начало X в.) – 10 кладов: Бобыли, Гритчино, Железницы, Кунаково, Мишнево, Остроги, Протасово, Растовец, Супруты, Хитровка-2. Следует отметить, что на территории Посемья – сопредельного региона существования роменской культуры, наблюдается обратная ситуация – там преобладают клады с младшими монетами третьего и четвертого периода обращения (Енуков, 2005. С. 345, табл. 9).

Все клады найдены на территории Окского бассейна, в верховья Дона и его притоков таких находок не обнаружено. При картографировании известных кладов выявляются две зоны их концентрации: нижнее и среднее течение Упы и междуречье Оки и Осетра. Такое распределение кладов маркирует два возможно существовавших направления движения серебра из Донского бассейна. Один из них выходит по Осетру к Средней Оке. Второй – по Упе в верхнее течение Оки, с дальнейшим выходом в Верхнее Поднепровье – либо по верховьям Оки и Десны (Леонтьев, 1986. С. 4, рис. 1), либо вдоль течения Жиздры (Леонтьев, Носов, 2012. С. 397, рис. 4), либо через т.н. «угровский переход» – по течению р. Угры в Верхнее Подесенье (Майоров, Шинаков, 2023. С. 125–139).

Помимо монетного серебра, в состав некоторых кладов входили серебряные украшения и их фрагменты: серьги салтовского типа, лучевые кольца, браслеты с утолщенными окончаниями и т.д. а также ювелирный лом. Информативными вещевыми находками являются лучевые височные кольца: они содержатся в кладах Бабошино, Железницы, а так же в кладе, обнаруженном на севере Тульской области. Все кольца относятся ко второму этапу развития этой категории украшений по А.В. Григорьеву, который датируется в рамках конца IX – 1-й половины X в. (подробнее см. п. 4.6.а). Эти изделия позволяют условно датировать клады, в составе которых монеты отсутствуют вовсе, либо недоступны для определения (Бабошино, клад с севера Тульской области).

Находками, свидетельствующими о вовлеченности исследуемого региона в дальнюю торговлю являются серебряные гривны «глазовского» типа (рис. 77: 3). Они содержалась в составе Супрутского клада 1972 г. (Изюмова, 1989. С. 210, рис. 2: 2), Железницкого клада (Корзухина, 1954. С. 81), а так же в составе комплекса, обнаруженного на севере Тульской области (Григорьев, 2012б. С. 44–46). Гривны «глазовского» типа, хотя и типичны для волжско-камских финнов, были широко распространены на территории Восточной и Северной Европы IX–X вв. (Зеленцова, 2018. С. 314–322), и могли выполнять роль платежного средства при осуществлении крупных торговых операций, а также использовались как украшения в привилегированной части общества (Hårdt, 2016. С. 65).

Единичные находки монет известны на гор. Супруты, Щепилово, Федяшево, Петровское, Дуна, Дубики, сел. Устье-2. Они относятся к первому (VIII – 1-я треть IX в.), второму (833 г. – начало X в.), и началу третьего (начало X в. – 938 г.) периодам обращения арабского дирхема по В.Л. Янину (Янин, 2009. С. 100–159). Следует заметить, что младшие монеты, обнаруженные на большинстве памятников (Супруты, Щепилово, Дуна, Дубики) относятся к началу X в., тогда как ни в одном из известных кладов таких монет не содержится. Вероятно, это связано с характером находок: эти монеты могли

выпасть в слой памятников на самом позднем этапе их существования, возможно в момент гибели поселений, тогда как тезаврация монет, обнаруженных в кладах осуществлялась ранее.

Таблица 6. Находки отдельных монет на поселениях IX – 1-й половины X в.

Памятник	**Количество найденных монет**	**Мл. Монета (год от Р.Х.)**	**№ на карте**	**Источник**
Гор. Супруты	35	903/904	Рис. 75: 46	Григорьев, 2005б. С. 193–195. Фонды музея-заповедника «Куликово Поле». ГМЗ-КП-1961/17
Гор. Щепилово	5	906	Рис. 75: 61	Григорьев, 2005б. С. 195
Гор. Дуна	4	906/907	Рис. 75: 7	Теплов, 1899. С. 19; Грудинкин, 1995. С. 7. Воронцов, и др., 2018. С. 7–49
Гор. Петровское	2	810/811	Рис. 75: 36	Колоколов, Простяков, 2025. С. 86
Гор. Дубики	1	914/915	Рис. 75: 15	Разуваев, 1987. С. 128.
Гор. Федяшево	1	815	Рис. 75: 56	Городцов, 1898. С. 222
Сел. Устье-2	1	780–790-е гг.	Рис. 75: 51	Гоняный, 2020. С. 66.

Находки монет в комплексах построек единичны. На сегодняшний день мы располагаем остатками двух жилищ Супрутского городища, содержавших нумизматический материал. В постройке 6 раскопа XXIV был обнаружен дирхем 888/889 гг. (рис. 82: 10) (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2000. С. 10). Стратиграфически объект относится к финальному этапу существования славянского поселения на городище (рис. 81) (Григорьев, 2008. С. 95–99). Вторая находка связана с комплексом постройки 2 раскопа XXIV (рис. 83: 13). В ней найдена половина дирхема 867 г. (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2000. С. 13–14). Постройка относится к этапу предшествующему гибели поселения (рис. 81) (Григорьев, 2008. С. 95–99). Как видно, датировки монет не противоречат стратиграфической последовательности комплексов.

Помимо кладов и нумизматических находок, участие жителей региона в дальней торговле маркируют находки на поселениях принадлежностей для малых взвешиваний (деталей складных весов и гирек), а также фрагментов тарной амфорной и импортной столовой керамики.

Таблица 7. Находки предметов торгового инвентаря и фрагментов амфорной посуды на поселениях IX – 1-й половины X в.

Памятник	**Речной бассейн**	**Гирьки** (кол-во)	**Детали весов** (кол-во)	**Ф-ты Амфор**	**Ф-ты кер. салт.**	**№ на карте (рис.)**	**Источник**
Гор. Супруты	Упа	25	5[108]	+	+	75: 46	Григорьев, 2013б. С. 74–82
Сел. Головеньки-1 (клад, см. табл. 5)	Солова	6				79: 5	Колоколов, 2022б. С. 193
Гор. Гора Услань	Упа				+	75: 12	Арх. ИА РАН. Столяров, 2021. Т.2. С. 119, рис. 170: 1
Сел. Грабоново-1	Осетр			+	+	75: 13	Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. С. 178–180
Сел. Ивановка-2	Тулица			+	+	75: 21	Зацаринный, 2023. С. 252, Рис. 5: 1–5; 256, Рис. 9: 4
Сел. Изволь-1	Упа	1				75: 19	Колоколов, 2022б. С. 211, рис. 12: 3
М. Стрекаловка-5 (случайная находка)	Упа		1			76: 24	Фонды музея-заповедника «Куликово Поле». ГМЗ-КП-1930/15
Гор. Никулино	Вашана	1				75: 27	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2001. Рис. 111:7
Сел. Слободка-1	Шат			+		75: 44	Шебанин, Колоколов, 2023. С. 423, рис. 4: 7, 6; 431, рис. 12: 2
Сел. Торхово-3	Тулица			+	+	75: 48	Григорьев, 2005б. С. 126, рис. 52: 5–12, 16
Сел. Устье-2	Дон			+		75: 51	Суханов, 2020. С. 102–106.
Сел. Уткино-1	Упа			+	+	75: 54	Колоколов, 2025. С. 163, рис. 3: 18–20
Гор. Федяшево	Ока	1				75: 56	Арх. ИА РАН. Простяков, 2022. С. 222, рис. 190: 1
Сел. Щучье-1	Осетр			+	+	75: 62	Арх. ИА РАН. Володин, 2016. Рис. 25, 30, 31
Всего		**34**	**6**				

К предметам торгового инвентаря относятся принадлежности для малых взвешиваний – детали равноплечных весов и гирьки. Наиболее распространенный тип гирек – боченковидные, изготовленные из железа, покрытые медной оболочкой с нанесенными на полюса обозначениями весовой нормы (кратности). Весовая норма обозначалась пуансонным точками, соединенными прочерченными линиями образующими различные композиции. Композиции соединительных линий на полюсах наиболее тяжелых гирек, представляли собой так называемые «псевдокуфические надписи» (рис. 77: 11).

[108]Согласно подсчетам А.В. Григорьева, на городище обнаружены фрагменты коромысел и чашечек, принадлежащие пяти наборам весов (Григорьев, 2013б. С. 75).

Боченковидные гирьки широко распространены в Восточной и Северной Европе в IX–XI вв.

Большинство предметов торгового инвентаря обнаружено на гор. Супруты. С памятника происходят складные весы с чашечками, помещенные в деревянный разъемный футляр (Жуковский, 2022. С. 49, рис. 11), целое коромысло равноплечных весов (рис. 77: 1), а так же фрагменты коромысел и чашечек (Григорьев, 2013б. С. 74–82). На городище собрана наиболее представительная коллекция весовых гирек – 25 экз. (Григорьев, 2005б. С. 109–120, рис. 47; 2012а. С. 121–134; Арх. ИА РАН, Воронцов, 2006; 2007). Помимо боченковидных, в комплексе памятника известны две гирьки другого типа – четырнадцатигранные (рис. 77: 13), и одна бронзовая дисковидная, покрытая оловом (Григорьев, 2005б. С. 112, рис. 47: 8–10). Находка дисковидной или «монетовидной» гирьки может свидетельствовать о наличие связи с весовой системой Византии (Григорьев, 2013б. С. 80), где такие, изготовленные из медного сплава, были широко распространены в VII–IX вв., а в некоторых ее регионах бытовали вплоть до XII в. (Жуковский, 2019. С. 80–81).

Складные равноплечные весы найдены на сел. Малая Стрекаловка-5, расположенном в бассейне Упы[109], однако прочих материалов интересующего нас периода памятник не содержал (Арх. ИА РАН, Простяков, 2015. С. 38).

Единичные находки боченковидных гирек происходит с сел. Изволь-1 на р. Упе (рис. 77: 6) и гор. Федяшево на р. Оке (рис. 77: 8). Шесть гирек, вероятно представляющих собой единый набор разновесов, содержалась в кладе, обнаруженном на сел. Головеньки-1[110], в бассейне р. Соловы (лев. приток Упы) (рис. 77: 9–12).

Интерес вызывает находка весовой гирьки с гор. Никулино (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2001. Рис. 111: 7). Изделие имеет стандартную бочкообразную форму, однако на ее полюсах отсутствуют обозначения кратности. Вместо

[109]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле» ГМЗ-КП-1930/15. Случайная находка на территории селища, которое относится эпохе позднего средневековья (XIV–XV вв.). Памятник находится в 3,5 км. к северо-северо-западу от гор. Гора Услань IX – 1-й половины X в.
[110]Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-1917/1-6.

этого, на одной вершине нанесена глубокая зарубка, вероятно зубилом (рис. 77: 7). Гирьки с повреждениями в виде пропилов, наносимых с целью корректировки их веса, известны на территории Древней Руси в XI–XII вв. (Жуковский, 2022. С. 244, рис. 29). Однако, в нашем случае, насечка выполнена рубящим орудием, что не влияет на массу изделия.

Находки предметов торгового инвентаря в комплексах построек единичны. В этом плане наиболее показательным является комплекс постройки 4 раскопа XXVIII, относящейся к финальному этапу существования славянского поселения на городище (рис. 81). Из ее заполнения происходит чашечка равноплечных весов и боченковидная весовая гирька (рис. 77: 2, 5; 86: 11, 16). Еще одна гирька найдена в постройке 2 раскопа XXVIII (рис. 77: 4; 85: 27), которая относится к периоду, предшествующему гибели поселения (рис. 81).

Фрагменты амфорной тарной керамики причерноморского происхождения обнаружены на 8 поселениях, расположенных на берегах Упы, Осетра, Тулицы, Шата и Дона. Не менее показательным являются находки гончарной салтовской керамики (табл. 7). Такая керамика содержалась в комплексе поселений на Упе, Осетре, Тулице и Шате (подробное описание амфорной и салтовской керамики см. 4.5).

Еще одна находка, косвенно свидетельствующая о торговой активности населения – ладейная заклепка, обнаруженная на гор. Супруты в отвале раскопа 1967 года (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. Рис. 79: 1) (рис. 77: 14). Она имеет прямую шайбу и шляпку, и предназначена для скрепления деревянных корабельных деталей и досок обшивки бортов. Небольшой – около 4 см размер заклепки показывает, что она могла использоваться для скрепления обшивки малого судна (Сорокин, 1997. С. 81–82). На поселениях наибольшее количество ладейных заклепок обнаружено в «портовой зоне» Гнездова – более 100 (Мурашева, Фетисов, 2014. С. 287–293).

Наиболее изученным в археологическом отношении является «упинский отрезок» Верхнеокского участка (рис. 76). Упа является основным правым

притоком Верхней Оки связывающим Оку и Дон через р. Шат и Иван-Озеро (ныне Шатское водохранилище).

А.В. Григорьев при выделении Упинского участка опирался, в основном, на материалы гор. Супруты, Щепилово и сел. Уткино-1 (Григорьев, 2006а. С. 51–60). За последние два десятилетия изучения славянских древностей верховьев Оки и Дона, количество выявленных и исследованных памятников на берегах Упы значительно возросло, увеличилось и количество обнаруженных кладов (см. табл. 5).

На сегодняшний день известно 11 поселений с материалами IX – 1-й половины X в., расположенных непосредственно на берегах Упы. Они представлены 6 поселениями на площадках городищах ранних эпох и 5 селищами. С этих памятников происходят нумизматические находки, принадлежности для малых взвешиваний и предметы импорта. К бассейну Упы относятся около половины известных в регионе кладов. Перечисленные данные позволяют рассматривать Упинский участок как основное направление торгового транзита Окско-Донского региона в IX – 1-й половине X в. Следует более подробно остановиться на характеристике этих материалов.

Ближайшим к устью Упы существующем ныне памятником IX – 1-й половины X в. (26,3 км выше по течению)[111], является гор. Петровское (рис. 76: 13), на площадке которого был найден дирхем 810/811 гг.[112] На правом берегу Упы, напротив гор. Петровское, у д. Ленино обнаружен денежно-вещевой клад (рис. 76: 9). Он содержал фрагменты лучевых височных колец (рис. 43: 10–13) и 6 монет, младшая из которых датируется 814/815 г. (см. табл. 5). Между гор. Петровское и устьем Упы располагалось не сохранившееся до наших дней гор. Мишнево (рис. 4: 57). Сведений о наличие на нем слоя IX–X в. у нас нет (АКР Тульской обл., 1999. С. 183–184). Однако, на его площадке был обнаружен денежно-вещевой клад (рис. 76: 10) с младшей монетой 868/869 г. (см. табл. 5).

[111]Здесь и далее расстояние приводится по руслу реки.

[112]Гор. Петровское расположено в 38 км от гор. Дуна (рис. 76: 5) на левом берегу Оки, на площадке которого был выявлен насыщенный слой IX–X в. (Носов, 1974. С. 3–10), содержащий, в числе прочего, находки дирхемов (см. табл. 6).

В 46,4 км выше по течению, на правом берегу Упы расположено селище 1 у д. Прудки, датированное при выявлении в 1982 г. XII–XIII вв. (АКР Тульской обл., 1999. С. 166) (рис. 76: 7). При повторном осмотре в 2022 году, на восточной его окраине была собрана серия лепной керамики роменского типа. В 9 км. ниже по течению, в районе с. Павловское в 2021 г., любителями металлопоиска был обнаружен денежно-вещевой клад[113] (рис. 76: 12).

Далее, вверх по течению Упы, в 22,5 км от сел. Прудки-1, находится гор. Супруты (рис. 76: 20) с богатейшими материалами IX – 1-й половины X в. (см. выше), позволяющих интерпретировать его как один из узловых пунктов Верхнеокского участка Донского торгового пути.

Следующим, памятником по маршруту в Дону является гор. Поречье, расположенное в 43 км от гор. Супруты (рис. 76: 15)[114]. В округе городище зафиксированы три клада (см. табл. 5): монетные – у д. Протасово (841/842 гг.) (рис. 76: 16), у д. Тимофеевка (749(?) г.) (рис. 76: 25) и денежно-вещевой – у д. Бабошино (рис. 76: 1), содержащий лучевые височные кольца 2-го этапа развития[115].

Далее, в 25,8 км выше по течению, находится сел. Изволь-1 (рис. 76: 6), где в процессе разведочных работ была обнаружена бочковидная весовая гирька (рис. 77: 6) (Колоколов, 2022б. С. 211, рис. 12: 3). В 29,5 км от сел. Изволь-1, выше по течению Упы, расположено гор. Щепилово (рис. 76: 23). В культурном слое поселения IX – 1-й половины X в., существовавшего на площадке прежнего городища мощинской культуры, было найдено 5 серебряных монет, младшая из которых датируется 906 г. (табл. 6).

---

[113]По сведениям, полученным от находчиков, и фотографическим материалам с места находки клад насчитывал более ста дирхемов и содержал овальную фибулу

[114]Городище сильно повреждено, большая часть площадки утрачена. Исследования 2005 года не выявили на его площадке материалов позже II–V вв. (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2005. С. 4–10). Однако Т.Н. Никольская упоминает, что в верхнем слое городища была обнаружена керамика «грубая, толстостенная (толщина стенок до 15 мм)» (Никольская, 1959. С. 112–113). В кратком отчете о работах Тульского краеведческого музея 1935 и 1936 года так же упоминается, что в обнажениях городища обнаружено «большое количество фрагментов грубой посуды с очень толстыми днищами» (Герасимов и др., 1941б. С. 56). Приведенные описания груболепной керамики наиболее подходят для посуды роменского типа. Возможно, на площадке этого городища так же существовало поселение IX–X вв., культурный слой которого не сохранился до наших дней.

[115]Информация о кладе получена от находчиков. Имеется общая любительская фотография комплекса.

Далее, вверх по течению, в 37,3 км от гор. Щепилово, располагалось утраченное ныне гор. Таптыково (рис. 76: 21), так же содержащего слой IX–X вв.[116] Между этими городищами, в окрестностях Тулы обнаружены два клада, точная датировка которых неизвестна (рис. 76: 26, 27).

В 24,3 км выше гор. Таптыково, расположено гор. Гора Услань (рис. 76: 4), в комплексе которого содержится гончарная салтовская керамика (Колоколов, 2023г. С. 265, рис. 5: 1). Неподалеку от городища, на территории позднесредневекового селища Малая Стрекаловка-1 было найдено коромысло равноплечных складных весов (рис. 76: 24).

Между гор. Таптыково и Гора Услань, справа в Упу впадает р. Шат, являющаяся важным участком торгового пути. Шат и Дон имели общий исток – Иван Озеро (ныне Шатское водохранилище), которое объединяет Окскую и Донскую речные системы (Григорьев, 2005б. С. 5). На правом берегу Шата выявлено 5 поселений IX–X вв. (Шебанин, Колоколов, 2023. Рис. 2). На одном из них (сел. Слободка-1 (рис. 76: 19), в ходе раскопок обнаружены фрагменты тарных сосудов–амфор (рис. 78: 9–11), и гончарной салтовской керамики (рис. 32: 2), а так же зафиксированы скопления житных ям большого объема, предназначенных для хранения товарного зерна (рис. 27–30) и сооружения для возгонки смолы – необходимого материала для ремонта речных судов (рис. 32: 7, 8), (Шебанин, Колоколов, 2023. С. 410–434).

Далее, вверх по течению Упы, расположена цепочка из четырех поселений с материалами IX–X вв., находящихся на правом берегу реки. Ближайшее к гор. Гора Услань – сел. Сатинка-1 (рис. 76: 17) находится в 23,2 км по руслу (Арх. ИА РАН. Столяров, 2009. С. 11. Рис. 30–33). В 10,4 км выше по течению расположено сел. Бутырки-1 (рис. 76: 2) (Григорьев, 2005б. С. 176),

[116]Раскопок на памятнике не проводилось, разведочная коллекция практически утрачена. Однако, по свидетельству С.А. Изюмовой, обследовавшей городище в 1951 году, помимо материалов мощинской культуры, на его площадке встречалась керамика «толстостенная, с шамотом или дресвой в глине, с шероховатой поверхностью, без орнамента, а так же с орнаментом, характерным для роменских городищ» (Изюмова, 1953. С. 70). Кроме того, часть разведочной коллекции С.А. Изюмовой с гор. Таптыково, сохранилась в фондах ГИМ, где помимо керамики мощинской культуры содержался фрагмент донца лепного толстостенного сосуда роменского типа (Фонды ГИМ, №83491). Очевидно, здесь мы также имеем дело с поселением IX–X вв., на площадке более древнего городища.

и гор. Свисталовка (в 5,36 км вверх по течению) (рис. 76: 18) (Григорьев, 2005б. С. 180).

Последним известным памятником на Упинском отрезке является сел. Уткино-1 (рис. 76: 22). Оно находится в 6,5 км выше по течению от гор. Свисталовка, и в 45,5 км от гор. Гора Услань. Дальнейшее направление пути не вполне ясно, т.к. верховье Упы в археологическом отношении изучено слабо. Памятников IX–X вв. выше сел. Уткино-1 пока не выявлено. Вероятно, путь продолжался выше по течению реки до ее истока, где осуществлялся переход в верховья рек Красивая Меча или Непрядва (рис. 75), являющимся правыми притоками Дона. Не исключено, что дальнейший маршрут мог проходить по р. Уперта, т.к. в 5.5 км выше по этой реке расположено сел. Чифировка-1 с материалами IX–X вв. (Григорьев, 2005б. С. 191). Сел. Уткино-1 так же замыкает один из участков спрямления Упинского отрезка пути, проходящий по р. Солова (Григорьев, 2005б. С. 150–151). Река Солова впадает в Упу неподалеку от Супрутского городища (6,2 км выше по течению), и берет свой исток в непосредственной близости от слияния рр. Упы и Уперты, где и расположено сел. Уткино-1. Расстояние по современному руслу Соловы от устья до сел. Уткино-1 составляет 60 км. При этом расстояние между этими пунктами по руслу Упы составляет около 200 км. Таким образом, Соловский участок позволяет сократить путь между гор. Супруты и сел. Уткино-1 в 3,3 раза. Поселений с материалами IX–X вв. непосредственно на берегах Соловы пока не выявлено. Однако, существование на реке Солова отрезка торгового пути косвенно подтверждает находками монетных кладов у с. Лапотково (рис. 76: 8) и д. Воздремо (рис. 76: 28) (Григорьев, 2005б. С. 110. Рис. 46: 7), а так же клада весовых гирек в на сел. Головеньки-1 (рис. 76: 3; 77: 9–12) (табл. 5). Таким образом, сел. Уткино-1 могло являться одним из узловых пунктов упинского отрезка торгового пути наряду с гор. Супруты. Раскопками 1989 года в его комплексах выявлено значительное количество фрагментов гончарной салтовской керамики (рис. 39: 8–23), и тарных сосудов–амфор (рис. 78: 1–3, 8) (Григорьев, 2005б. С. 127, 189–190), известны и предметы

вооружения степного круга древностей (рис. 56: 2; 67: 9, 10) (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. Рис. 78: 23; 79: 35).

Таким образом, материалы, полученные в результате исследований последних лет, подтверждают и существенно дополняют версию А.В. Григорьева о функционировании участка торгового пути на р. Упе. Помимо описанных выше материалов, на поселениях, расположенных на берегах Упы (гор. Супруты, Петровское, сел. Уткино-1), обнаружено значительное количество импортных предметов: украшений и предметов воинской культуры степного, скандинавского и западнославянского происхождения.

Помимо упинского отрезка пути, материалы археологических исследований позволяют предполагать существование альтернативных маршрутов, позволяющих осуществить переход из Окского в Донской бассейн.

Один из них мог проходить по р. Вашана, и далее, по маршруту Синяя Тулица–Тулица попадать в Упу недалеко от места впадения в нее р. Шат. Участок маркируется гор. Никулино на р. Вашане (рис. 75: 27), с которого происходит находка весовой гирьки (рис. 77: 7), а также сел. Торхово-3 (рис. 75: 48) и Ивановка-2 (рис. 75: 21), на которых зафиксированы находки амфорной керамики и гончарной салтовской посуды, а так же предметы воинской культуры степного круга. Кроме того, к этому маршруту относятся три монетных клада (см. табл. 5): они найдены у д. Сотино (рис. 79: 18), у д. Торхово (рис. 79: 23) и в окрестностях г. Тула (рис. 79: 24).

В качестве другого альтернативного маршрута может рассматриваться р. Осетр, по которой из Оки можно попасть в р. Тулица, и, затем в Упу. Маршрут по р. Осетр маркируется цепочкой селищ с материалами IX–X вв. Керамические коллекции двух из них (Щучье-1 (рис. 75: 62) и Грабоново-1 (рис. 75: 13)) содержали значительный процент гончарной салтовской керамики и фрагменты амфор (Арх. ИА РАН. Володин, 2016. Рис. 25, 30, 31; Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. С. 178–180). Так же, в бассейне Осетра обнаружено три клада (см. табл. 5): в окрестностях г. Венев (815/816 г.), д. Железницы (877/878 г.) и д. Теплое (810/811 г.) (рис. 79: 3, 7, 21).

Значительно слабее в археологическом отношении исследован гипотетический маршрут по рекам Зуша – Красивая Меча. Он маркируется тремя поселениями на берегу Зуши: гор. Воротынцево, сел. Воротынцево-8 (рис. 75: 9, 10) и гор. Новосиль (рис. 75: 32). В среднем течении р. Красивая Меча выявлено крупное скопление поселений IX–X вв.: гор. Дубики, сел. Дубики-1, Козье, Маслово, Шилово (рис. 75: 15, 16, 23, 25, 60). На городище Дубики был обнаружен дирхем 914/915 гг.[117] (Разуваев, 1987. С. 128). Использование р. Зуши в качестве торговой дороги косвенно подтверждает, обнаруженный недалеко от ее устья, на берегу р. Сальница (правый приток р. Зуша), клад, относящийся к более позднему периоду (рис. 79: 15).

Разумеется, наиболее протяженным отрезком пути был участок Оки, от впадения Упы до впадения Зуши. Несмотря на то, что за многие годы исследований на этом отрезке было выявлено множество поселений интересующего нас периода, раскопками было исследовано только городище у д. Федяшево (рис. 75: 56). Активное участие жителей укрепленного поселения в функционировании торгового пути подтверждает находка на его площадке дирхема 815 г. (Городцов, 1898. С. 222), и боченковидной весовой гирьки (рис. 77: 8) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2022. С. 222, рис. 190: 1).

Дискуссионным является вопрос о способе передвижения по исследуемым путям. По мнению А.В. Григорьева, Окско-Донской участок торгового пути имел преимущественно водный характер. В пользу этого утверждения он приводит ряд аргументов, свидетельствующих о возможности прохода малых судов по маршруту Упа–Шат–Иван-Озеро–Дон, не исключая, при этом, и сухопутных способов преодоления водораздельных участков по т.н. «волокам» (Григорьев, 2005б. С. 146–153). Археологически это подтверждается находкой на гор. Супруты ладейной заклепки, а так же следов смолокуренного производства на р. Шат (сел. Слободка-1), связывающей среднее течение Упы и верховья Дона (подробнее см. п. 4.4).

[117]Очевидно, после некоторого перерыва, на площадке городища возникло поселение в XI в., о чем свидетельствуют находки гончарных древнерусских сосудов (Разуваев, 1987. С. 127, рис. 5: 8, 9).

При этом нельзя исключать, что движение товаров осуществлялось по сухопутным трактам, где речные долины выполняли функцию пространственных ориентиров, а в зимнее время могли выступать в качестве санного пути. Однако, археологических подтверждений этой версии нет. В ее пользу может свидетельствовать существование в эпоху позднего средневековья на территории Окско-Донского региона участка Муравского шляха – сухопутного пути ведущего из Причерноморья в северо-восточные регионы Руси. Путь проходил по водораздельным участкам Оки и Дона – в верховьях Красивой Мечи, Непрядвы, Прони, Плавы и Упы (Бурцев и др., 2020. С. 93).

Вероятно, путь был комбинированным и носил сезонный характер. Часть его – на наиболее полноводных участках основных водотоков, могла осуществляться на судах, отрезки же, расположенные на водоразделах преодолевались сухопутным порядком.

Таким образом, мы можем предполагать достаточно разветвлённую сеть возможных торговых маршрутов, подтверждаемых археологическими материалами. На территории Окско-Донского региона мы имеем дело с ключевым участком трансконтинентальной торговли, расположенном в центре Русской равнины, равноудалённо от Балтийского и Черноморского регионов.

Существование торгового пути и особенное место, которое занимала территория верховьев Оки и Дона в его системе, повлияли на облик материальной культуры региона в период IX – 1-й половины X в., а так же отразились на системе расселения. Все поселения этого времени расположены на берегах крупных, по местным меркам, водных артерий, которые определяли основные направления торговых маршрутов. Помимо соображений, связанных с торговлей, близость крупного водоема имеет первостепенное хозяйственное значение. Однако, как будет видно из дальнейшего изложения, в следующий период, ознаменованный значительным снижением торговой активности, жители региона предпочитали селиться на отдалении от берегов основных рек, выбирая верховья и средние течения их небольших притоков – мелких речек,

ручьев и обводненных оврагов. Это очередной раз подтверждает ведущую роль гидросети региона в организации торгового транзита, и ориентацию основных дорог на русла крупных рек. При несомненном занятии населения традиционными видами хозяйства и промыслов, вовлеченность жителей в функционирование торгового пути подтверждается находками на поселениях принадлежностей для малых взвешиваний, серебряных монет, фрагментов амфорной тары. Достаточно многочисленны и находки предметов импорта: украшений и атрибутов воинской культуры, имеющих аналогии среди степных, североевропейских и западнославянских древностей (см. пп. 4.6.а, 4.7), что говорит о широких торговых связях населения верховий Оки и Дона в IX – 1-й половине X в. Наибольшая концентрация импортных вещей зафиксирована на гор. Супруты, что подтверждает особую роль поселения в системе торгового пути.

В середине X в. в результате военного вторжения, последствия которого нашли наиболее яркое отражение в материалах Супрутского городища, приходит в упадок и торговый транзит через Окско-Донской путь. На период 2-й половины X в. нам известно всего 2 клада, содержащих монеты четвертого периода обращения (939 – конец X в.): у с. Полтево Чернского района и у д. Щепотьево Заокского района Тульской области (Лебедев, Амосов, 2017. С. 37–44) (см. табл. 5).

Клад, обнаруженный у д. Щепотьево Заокского района Тульской области (бассейн р. Вашана), состоит из 104 монет (рис. 79: 28). Младшими монетами данного клада являются один саманидский и два бувайхидских дирхама 979 г. (Лебедев, Амосов, 2017. С. 38).

Вещевой комплекс клада, обнаруженного у д. Полтево Чернского района Тульской области (рис. 79: 15), содержал набор украшений славянского круга древностей, 72 монеты, весовые слитки серебра и ювелирный лом. Младшая монета клада датируется 976–977 г.[118] (Определение А. А. Гомзина).

[118]Фонды гос. музея «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/55

Упомянутые клады относятся к позднему периоду т.к. сокрытие их произошло не ранее конца X в. Они демонстрируют включение региона в восточноевропейскую экономическую среду после прекращения действия Донского торгового пути с середины X в.

При этом мы наблюдаем, что кладов с младшими монетами 2-й – 3-й четверти X столетия, а так же отдельных монет, этого времени на территории региона практически неизвестно. А.Н. Гомзин объясняет этот факт сменой маршрута поступления арабского серебра на Оку в последней четверти IX – первом десятилетии X в., вызванной политическими катаклизмами в Аббасидском Халифате и Хазарии. По его мнению, в это время, на смену Донскому пути поступления восточных монет приходит Волжский маршрут (Гомзин, 2013. С. 203–204).

Нумизматических находок на поселениях 2-й половины X – XI в. (позднего периода) практически неизвестно (см. гл. 5). Единственный дирхем, используемый в качестве привески, был обнаружен на сел. Б. Тризново-4, (Колоколов, Простяков, 2024. С. 155, рис. 2: 3), но сильная стёртость монеты не позволяет датировать ее. Селище расположено в верховьях безымянного ручья, правого притока Упы.

К финалу позднего этапа славянских древностей относятся спорадические находки западноевропейских монет. Одна из них – подражание динарию, чеканенному епископом г. Утрехта в г. Гронингене в 1-й половине XI в., была обнаружена в районе поселка Бутиково, в верховьях р. Скнижки (прав. приток Оки) (Григорьев, 2005б. С. 110). Кроме этого в литературе имеются сведения о находках западноевропейских денариев X–XI вв. в алексинском течении Оки (Потин, 1967. С. 183).

4.9.

Финал памятников IX – 1-й половины X века.

Ответ на вопрос о датировке финала памятников раннего этапа можно получить, обратившись к материалам Супрутского городища – эталонного для

ранней группы поселений. Это единственный памятник, на котором ярко отразились следы военного разгрома. На городище зафиксирован насыщенный слой пожара, выделена группа жилых построек, погибших вместе с поселением, а так же обнаружено более ста человеческих костяков.

Дискуссия относительно времени гибели поселения на площадке Супрутского городища продолжается не одно десятилетие. Варианты, предлагаемые исследователями, имеют значительный хронологический разброс – от конца IX до конца X в. С.А. Изюмова в своих ранних работах связывала гибель городища с походом на вятичей князя Владимира Святославича в 981 г. (Изюмова, 1971. С. 76), в более поздних – с походом 965 г. Святослава Игоревича (Изюмова, 1983. С. 90; 2002. С. 88–108). Поскольку эти предположения не были основаны на анализе вещевого комплекса памятника, они имели, скорее предположительный характер. К 960–970 гг. X в. относит финал поселения Е.А. Шинаков. Он связывает это событие с процессом присоединения Верхнеокских территорий к Древнерусскому государству (Шинаков, 1987. С. 135.) А.В. Зорин и А.Г. Шпилев связывают гибель Супрутского городища с событиями русско–северянской войны 884 г. (Зорин, Шпилев, 2009. С. 408; Шпилев, 2018б. С. 107).

Следует остановиться на двух, наиболее аргументированных точках зрения, опирающихся на анализ находок. Первая принадлежит А. В. Григорьеву. Он, основываясь преимущественно на исследовании нумизматических находок, датирует финал славянского поселения на площадке городища в рамках 1-й четверти X века. По его мнению, находки на памятнике младших монет, отчеканенных в 903/904 гг., свидетельствует о том, что военный разгром поселения произошел в районе 910–915 гг. (Григорьев, 2005б. С. 135–139; 2008. С. 95–99). Однако, принимая во внимание версию А.А. Гомзина, следует предположить, что датировка младших монет, обнаруженных на городище отражает не время гибели поселения, а общую тенденцию поступления монетного серебра на территорию региона (Гомзин, 2013. С. 203–204).

Вторая версия не настолько пока разработана, и основана на изучении вещей североевропейского происхождения, содержащихся в кладе 1969 года, и в культурном слое городища. При публикации Супрутского клада 1969 г., В.В. Мурашева датировала его 1-й половиной X в. (Мурашева**,** 2008. С. 34–35). Позднее В. В. Новиков, основываясь на анализе удил скандинавского происхождения из состава этого клада (рис. 80: 10), предположил, что он был скрыт не ранее середины X в. К периоду середины – 2-й половины X в. он относит так же направляющие ремней оголовья в стиле Borre (рис. 80: 2) из постройки 2 XXVII раскопа. (Новиков, 2012. С. 121). Исходя из этого был сделан вывод, что финал поселения не мог наступить ранее середины X в.

В пользу данной точки зрения можно привести еще ряд находок, обнаруженных как в комплексах построек, так и на разрушенных участках культурного слоя памятника: предметы вооружения, украшения, элементы поясного набора.

В этом отношении интерес представляет собой наконечник ремня (рис. 80: 4), найденный при обследовании разрушенного участка городища (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. Рис. 19: 5). Изделие представляет собой согнутую пополам серебряную прямоугольную пластину с четырьмя заклепками для крепления, покрытую тремя рядами пуансонного орнамента в виде «песочных часов». Подобный орнамент встречается на ювелирных изделиях Готланда эпохи викингов (Thunmark–Nylen, 1998. Taf. 143: 18, 19; 157: 5, 6; Stenberger, 1947. Abb. 37: 3; 38: 1, 2: 46: 1; 57: 5; 111: 1; 131: 1). Близкое изделие, хотя и иного функционального назначения, происходит из погребения № 201 могильника Коппарсвик в Висбю (о. Готланд) (Thunmark–Nylen, 1995. abb. 326; Matthias S. Toplak, 2016. P. 165; 2016a. P. 212). Оно представляет собой обойму пряжки, изготовленную, как и находка с Супрут, из согнутой серебряной пластины с крепежными клепками и украшенной тремя рядами аналогичного пуансонного орнамента. Погребение, относится к фазе II существования могильника (Matthias S. Toplak, 2016a. P. 212.), которая соответствует середине X в. – 980 гг. (Matthias S. Toplak, 2016. P. 42). Аналогичный орнамент присутствует и на

крестовидном изделии из погребения 274 того же могильника (Matthias S. Toplak, 2016. P. 166) фазы III существования могильника (Matthias S. Toplak, 2016a. P. 290), включающей погребения, совершенные между 980–1020 гг. (Matthias S. Toplak, 2016. P. 42). Приведенные аналогии позволяют датировать супрутскую находку серединой – 2-й половиной X в.

Среди предметов вооружения, обнаруженных на памятнике, можно выделить ряд находок североевропейского и древнерусского происхождения, возникновение, или наибольшее распространение которых так же приходится на середину – 2-ю половину X в.

Одной из них является топор с вогнутой бородкой, вытянутым тонким прокованным полотном, профилированным обухом и боковыми щековицами, обнаруженный в постройке 1 XXVIII раскопа (рис. 80: 5), о котором шла речь в разделе 5.7.а. В заполнении этой же построй, помимо топора, обнаружен фрагмент бронзового стержня со следами позолоты, оканчивающегося литой детально проработанной головой мифического животного с открытой пастью (рис. 80: 1). Функциональное назначение предмета, фрагментом которого является находка, остается неясным. Как уже было сказано выше, по мнению В.И. Сизова, изделие служило для подвешивания меча. Схожие предметы происходят с территории Гнездовского могильника из комплексов середины – 2-й половины X в. (Колоколов, 2022а. С. 256–269).

А.В. Григорьев относит постройку 1, в заполнении которой содержались эти находки, к III этапу существования славянского поселения на гор. Супруты, предшествующему времени его гибели (Григорьев, 2008. С. 95–99; 2011а. С. 22–23). Приведенные аргументы позволяют датировать ее временем не ранее середины X века.

В пользу версии о времени гибели Супрутского городища не ранее 2-й четверти X в. свидетельствуют так же находки граненых ланцетовидных стрел и наконечника копья с готическим врезным орнаментом на втулке.

Два наконечника стрел – ланцетовидные, с трехгранным сечением пера (рис. 80: 7, 9), типа 75 по А. Ф. Медведеву, или D1 по Э. Вегрэ, датируются не

ранее 2-й четверти X в. Другой тип наконечников – ланцетовидные, квадратного сечения с коротким черешком (рис. 80: 8), типа 77, вар. 1 по А. Ф. Медведеву и, или D2 по Э. Вегрэ датируются 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. Подробное описание этих находок приведено в разделе 5.7.а.

Наконечник копья типа E по Я. Петерсену (Петерсен, 2005. С. 59–60, рис. 13) с готическим врезным орнаментом на втулке происходит из раскопа XIX 1971 г (рис. 53: 5). (Колоколов, 2023а. Рис. 5: 6). На территории Древней Руси находки аналогичных изделий известны в основном в комплексах 2-й четверти X–XI вв. (Каинов, 2019. С. 124–125. Рис. 41; Дернович, 2006. С. 19–20, рис. 8–11).

Еще одна находка с городища – подковообразная фибула с напускными усеченными пирамидками на дуге и пуансонным орнаментом, по материалам Гнездова датируется 2-й половиной X – началом XI в.[119] (Авдусина, Ениосова, 2001. С. 96–98).

В пользу той же версии свидетельствует наконечник ремня оголовья венгерского круга древностей, датирующийся не ранее 2-й половины X в., и обнаруженный в постройке 4 раскопа XXVIII (рис. 80: 3). Находка подробно рассмотрена в разделе 5.7.в. Постройка 4 относится к финальному этапу существования поселения, и гибнет вместе с ним в результате военного нашествия (Григорьев, 2008. С. 95–99; 2009б. С. 77–80).

Приведенные выше находки, имеющие многочисленные аналогии в североевропейских и древнерусских материалах середины X – XI вв., уже свидетельствуют в пользу смещения этой даты к середине X в[120]

[119]Фонды ГИМ. №ГК 18940966

[120]В коллекции раскопок 1954–1977 гг. Супрутского городища содержится ряд находок, которые могут относиться к финальному этапу поселения IX–X вв., так и к материалам поселения XI–XIII вв., так же существовавшему на площадке городища. К ним относятся 2 топора типа IV А.Н. Кирпичникову из раскопов 1956 и 1968 гг. (Фонды ТОКМ. ЕИК 4151/12; 5575/4). Особый интерес представляет находка кольцевого стремени с килевидным выступом в верхней части и узким отверстием в нем, и дужкой округлого сечения, с инкрустацией цветным металлом в виде ряда поперечных линий (Фонды ТОКМ. ЕИК 7572/89). По А.Н. Кирпичникову стремя относится к типу IXа и датируется XII–XIII вв. (Кирпичников, 1973. Рис. 29). Однако этот тип стремян известен и в более ранний период. В Болгарских, Северокавказских и Алтайских материалах они встречаются комплексах XI–XII вв. (Армарчук, 2006. С. 24–27). В древностях восточной Прибалтики они содержатся в захоронениях середины X – начала XI в. (Кулаков, 1999. С. 221–222, 229). Таким образом, не исключено, что находка этого стремени относится к финальному этапу славянского поселения на площадке гор. Супруты.

Соответственно, прекращение существования городища вероятнее всего произошло не в 1-й четверти X в., как предполагал А.В. Григорьев, а не ранее середины столетия. Таким образом, версии, высказанные С.А. Изюмовой и Е.А. Шинаковым, и затем развитые В.В. Мурашевой и В.В. Новиковым подтверждаются. Не исключено, что гибель поселения действительно связана с событиями 2-й половины X в., описанными в Повести временных лет: походом Святослава Игоревича на вятичей в 964–965 гг. (ПСРЛ. Т.1. С. 64–65) или походом Владимира Святославича на Верхнюю Оку 981–982 гг. (ПСРЛ. Т.1. С. 64–65), как и предполагала С.А. Изюмова (Изюмова, 1971. С. 76; 1983. С. 90). Имеющиеся на сегодняшний день материалы не позволяют однозначно связать уничтожение Супрутского городища с тем или иным летописным событием. Однако, версия ликвидации одного из опорных пунктов хазарского влияния в Верхнеокском регионе, в ходе войны Святослава Игоревича с каганатом, выглядит предпочтительнее.

Таким образом, выделяемый в настоящей работе ранний этап, в основном соотносится с ранним этапом, выделяемым А.В. Григорьевым. При этом, несколько скорректированы его хронологические рамки: если А.В. Григорьев определял их как IX – 1-я четверть X в. (Григорьев, 2005б. С. 14–16, 141–143), то мы, на основании приведенных выше материалов, склонны продлить его до середины столетия.

Достоверных, археологически подтвержденных данных о причинах и времени прекращения существования прочих памятников раннего периода у нас нет. Ни на одном из поселений IX – 1-й половины X в. не зафиксировано ярких следов военного штурма. В нашем распоряжении имеются лишь косвенные признаки, на основании которых можно предполагать причинно-следственную связь и относительную синхронность гибели Супрут и финала прочих поселений, составлявших инфраструктуру Верхнеокского участка торгового пути. Единственный синхронный памятник, где прослеживаются следы военного конфликта, расположен на левобережье Оки – это гор.

«Чертово Городище». Городище гибнет в пожаре, а на северо-восточном склоне и с напольной стороны площадки, в районе въездного проема зафиксирована высокая концентрация наконечников стрел (Прошкин, 2016б. С. 119).

Когда речь идет о финале поселений раннего периода, не подразумевается их одномоментная гибель в результате катастрофических событий по примеру Супрутского городища. Скорее всего, этот процесс не был мгновенным, хотя и занял достаточно ограниченный отрезок времени. Следов военного разгрома на них не фиксируется, однако и свидетельств существования этих поселений во 2-й половине X в. не обнаружено. Несмотря на внушительный объем археологических работ, раннегончарной и гончарной керамики древнерусского облика, а так же вещей, датирующихся не ранее середины X в. на памятниках, расположенных вдоль Оки, Упы, Шата, Вашаны, Тулицы, Осетра, а так же в бассейне Дона, не найдено. Такие находки характерны для поселений, расположенных в средних течениях либо верховьях мелких притоков этих рек, речь о которых пойдет в следующей главе.

В более широком плане финал памятников раннего периода связан с судьбой Хазарского каганата, с которым население Окско-Донского региона имело тесные экономические и культурные связи. В качестве одной из их составляющих следует рассматривать контроль над Верхнеокским участком Донского пути, и участие населения региона в поддержании торгового транзита. К середине X в., из-за внутренних противоречий и набегов кочевников из средней Азии, хазарское государство значительно ослабевает. Походы князя Святослава Игоревича в 60-х годах X в. привели к окончательному его распаду. События, происходившие на территории подконтрольного каганату Окско-Донского региона и наиболее ярко отразившиеся в материалах Супрутского городища, были частью этого процесса. Со 2-й половины X в. начинается постепенный переход региона в древнерусскую культурную и политическую среду.

ГЛАВА 5.
ПОСЕЛЕНИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ 2-Й ПОЛОВИНЫ X – СЕРЕДИНЫ XI В.

Изменившиеся исторические обстоятельства отразились на жизни славянского населения рассматриваемого региона. По археологическим данным во 2-й половине X столетия меняется география расселения, начинаются изменения в материальной культуре, отразившиеся в керамическом и вещевом комплексе. Завершается этот процесс в XI веке практически полным замещением существовавшей здесь в IX–X вв. культуры древнерусской. Согласно предложенной периодизации древностей, памятники 2-й половины X – середины XI в. выделены в поздний период славянского освоения региона.

Период 2-й половины X – середины XI в. знаменателен тем, что к этому времени относятся несколько упоминаний «вятичей» в датированной части летописи, с которыми традиционно отождествляются славяне Верхней Оки. Причем речь о них идет не в общем перечне племен, как в недатированной части ПВЛ, или в ее разделах, относящихся к IX – началу X в. (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 11–12, 18, 29), а в связи с конкретными политическими событиями, происходящими на территории изучаемого региона. Два упоминания связаны с проходами князя Святослава Игоревича против хазар, которые привели к окончательному распаду каганата. Этой теме посвящена обширная библиография, основанная на сопоставлении летописного текста и свидетельств восточных географов (см.: Петрухин, 2021. С. 437–447). Одно упоминание датировано 964 г.: «...посылаше къ странамъ, глаголя: «хочу на вы ити. И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи, и рече Вятичемъ: «кому дань даете?» Они же реша: «Козаромъ по щьлягу отъ рала даемъ (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 64–65); второе – 966 г.: «Вятичи победил Святослав и дань на них возложил» (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 65). Как уже было сказано в предыдущей главе, не исключено, что с одним из этих событий и связан разгром Супрутского городища. В пользу этой версии говорит и время гибели поселения, установленное на основании

археологических находок из финальных комплексов памятника, и набор наконечников стрел, принадлежащих нападавшей стороне (см. п. 4.9). Следующее упоминание относится к 981 г.: Владимир «вятичи победил и возложил на них дань от плуга яко же отец его имал». (ПСРЛ. Т.1, 1926. С. 81–82). Далее, вятичи упоминаются только спустя сто лет – на рубеже 70–80 гг. XI в.: «...въ Вятичи ходихомъ по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму» (ПСРЛ. Т.1, 1872. С. 238).

Для характеристики материальной культуры памятников позднего периода нами использованы материалы раскопок гор. Акиньшино 2009 и 2010 гг.[121], гор. Кетри 2019 г[122]., гор. Лобынское 2003 и 2022 г[123]., гор. Снедка 2009 г[124]., гор. Спицино 2020 г[125], гор. Тимофеевка 1996, 1998–1999 гг.[126], сел. Б. Тризново-4 2023 г[127]. Кроме материалов раскопок, при характеристике древностей данного периода привлекаются разведочные материалы городищ Вырск, Нижняя Городня, Першино, Спицино, Фурсово-2, а так же селищ Лужки-1, 5, Лужное-8, Образцово-2, Озерки-1, Сотино-1, Хотетово-2–7[128].

---

[121]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская область, Суворовский район. Раскопки 2009 года под руководством Воронцова А.М. ВХ-1393; Тульская область, Суворовский р-н. Раскопки 2010 года под руководством Воронцова А.М. ВХ-1463.

[122]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция археологических предметов, собр. в 2019 г. в ходе раскопок городища у б. д. Кетри (МО г. Тула) отрядом ТАЭ под руководством Простякова И.С. ВХ-2151.

[123]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собранная в 2022 г. в ходе раскопок на городище у д. Лобынское (МО г. Тула) отрядом ТАЭ под руководством Простякова И.С. ВХ-2445/1-1144; Ленинский район Тульской области, 2003 г., городище Лобынское, материалы раскопок. ГМЗ-КП-1910.

[124]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская область, Одоевский район. Снедка, городище. Раскопки 2008 года под руководством Григорьева А.В. ВХ-1406

[125]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собр. в 2020 г. в ходе исследований на городище Спицино Ясногорского района Тульской области отрядом ТАЭ под руководством Простякова И.С. ВХ-2242.

[126]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Дубенский район Тульской области, 1999 г., городище Тимофеевка, материалы раскопок. ГМЗ-КП-658; 1998 г., материалы раскопок. ГМЗ-КП-400; 1996 г., материалы раскопок. ГМЗ-КП-121.

[127]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский р-н Тульской области, 2023 г., селище Большое Тризново-4, материалы раскопок. ГМЗ-КП-2064

[128]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собранная в 2021 г. в ходе археологических разведок на городище у д. Вырск Козельского р-на Калужской области отрядом ТАЭ под руководством Наумовой Т.В. ВХ-2308; Комплекс случайных находок обнаруженных находка в районе Лобынского городища (Ленинский р-н Тульской обл.) в 1990-е гг. ГМЗ-КП-826; Алексинский район Тульской область, 2005 г., материалы разведок. ГМЗ-НВ-638; Коллекция предметов, собранных в 2019 г. в ходе археологических исследований на городище у д. Спицино Ясногорского района Тульской область отрядом ТАЭ под руководством Полукеевой Т.А. ВХ-2156; Коллекция арх. предметов, собр. в 2014 г. в ходе разведок в г. Туле, Ленинском, Одоевском, Алексинском районах Тул. область отрядом ТАЭ под рук. Столярова Е.В. ВХ-1913; Коллекция арх. предметов, собр. в 2014 г. в ходе разведок в Ленинском и Щекинском районах Тульской области отрядом ТАЭ под рук. Столяровой К.А. ВХ-1884; Одоевский район Тульской области, 1996 г., материалы разведок. ГМЗ-КП-114.

На время выхода последней обобщающей работы, посвященной вопросу заселения славянскими племенами верховьев Оки и Дона достоверных памятников 2-й половины X – середины XI в. практически не было известно (Григорьев, 2005б. С. 14–15). Единственное, выявленное и обследованное на тот момент поселение позднего периода – гор. Тимофеевка, относится к финальному его этапу, и не отражало в полной мере специфики материалов этого времени. Такая ситуация во многом объясняется особенностью подхода к полевым работам, практиковавшегося исследователями славянских древностей региона в конце XIX–XX вв. В этот период масштабными раскопками изучались памятники, расположенные на берегах наиболее крупных рек – Ока, Упа, Красивая Меча, Зуша, по ним же прокладывались и основные разведочные маршруты. Эти объекты находятся в удобных для организации экспедиций местах и обладают перспективностью обретения богатых археологических коллекций. При этом памятники, расположенные в глубине лесной зоны, на мелких ручьях и овражках, за редким исключением не привлекали внимания исследователей, либо были просто не известны. Это вполне объяснимо – доступ к таким объектам и сейчас крайне затруднен, поведение раскопок на них связано с серьезными логистическими сложностями. Как будет показано далее, памятники позднего периода расположены именно на водораздельных участках, в верховьях мелких речек, оврагов и ручьёв, впадающих в крупные реки региона. Некоторые памятники были открыты еще в XIX в. (например гор. Лобынское и Кетри), однако, горизонта интересующего нас времени на них известно не было. Работы последних лет позволили выделить группу поселений характерных для позднего периода. Их количество значительно уступает числу памятников раннего периода, т.к. их изучение находится пока в начальной стадии.

На сегодняшний день мы располагаем данными раскопок пяти памятников: четырех городищ (Лобынское, Кетри, Тимофеевка, Спицино), два из которых – Тимофеевка и Кетри относятся к финальному этапу позднего периода, и сел. Б. Тризново-4. Прочие памятники отнесены ко 2-й половине X –

середине XI в. на основании материалов разведочных работ и раскопок, где интересующие нас древности представлены в небольшом количестве. Самые яркие материалы дали гор. Акиньшино, Першино, Нижняя Городня, Вырск, а так же сел. Сотино-1, Образцово-2.

А.В. Григорьев в монографии 2005 года выделял два периода, следующих после раннего: средний (2-3 четверть X в.) и поздний (последняя четверть X – XI в.) (Григорьев, 2005б. С. 14–16, 141–143). Однако, поскольку время бытования памятников раннего периода расширено до середины столетия, а достаточных оснований для столь дробного разделения этапов нет, мы предлагаем рассматривать упомянутые выше памятники в рамках позднего периода 2-й половины X – середины XI в.

Основными критериями для отнесения поселения позднему периоду являются наличие в его материалах, помимо лепной роменской керамики, фрагментов и форм раннегончарной посуды; наличие вещевых находок, датируемых не ранее середины X в. В комплексах и культурном слое поселений финального этапа позднего периода встречаются находки гончарной древнерусской керамики.

5.1.

Географическое положение и топография памятников

Расположение памятников рассматриваемого времени относительно речной системы региона иное в сравнении с поселениями предыдущего этапа. В отличие от них городища и селища, на которых зафиксированы материалы позднего периода, располагаются на значительном удалении от крупных водных артерий региона[129], которые на предыдущем этапе представляли собой

[129]В качестве примера схожего процесса можно привести изменение топографии расселения предшествующего славянам населения Верхней Оки – носителей мощинской культуры. Их поселения в III–V вв. расположены, в основном, по руслу Оки и ее крупных притоков. В более поздний период количество мощинских памятников в регионе резко сокращается, они переносятся на мелкие притоки Оки, в глубину лесной зоны. При этом, материалы наиболее изученного памятника позднего периода мощинской культуры – Акиньшинского городища, свидетельствуют о военном характере прекращения жизни на нем (Воронцов, 2014. С. 323). На площадке этого городища, впоследствии, возникло поселение во 2-й половине X в. (Колоколов, 2023д. С. 31–32).

различные варианты Верхнеокского участка Донского торгового пути (см. п. 4.8).

При этом, нет оснований исключать, что часть рассматриваемых поселений могли возникнуть еще в ранний период (вероятнее всего ближе к его финалу), и какое то время существовать параллельно с памятниками IX – 1-й половины X в. Наличие материалов более позднего времени может быть свидетельством того, что они переживают поселения раннего периода и продолжают существование во 2-й половине X – середине XI в. При этом, следует учитывать, что ни на одном из памятников, относимых к позднему периоду не обнаружено салтовской либо амфорной керамики, характерной для большинства исследованных поселений памятниками IX – 1-й половины X в.

В таблице представленной ниже, приведены расстояния, на которых расположены основные памятники позднего периода от крупных рек Окско-Донского региона.

Таблица 8. Расположение основных памятников позднего периода относительно крупных рек.

Наименование	**Водоем, на берегу которого расположен памятник**	**Расстояние до берега крупной реки по руслу водоема, на берегу которого расположен памятник**	**№ на карте**
Гор. Спицино	р. Апрань (прав. приток р. Беспута, прав. приток р. Ока)	40 км до впадения в Оку по руслам рр. Беспута и Апрань.	рис. 103:36
Гор. Лобынское	руч. Лобынский (Лобынский овраг) (лев. приток р. Упа)	1,7 км	рис. 103:18
Гор. Акиньшино	р. Свободь (прав. приток р. Ока)	8,5 км	рис. 103:1
Гор. Першино	руч. Свинка (лев. приток р. Упа)	1,5 км	рис. 103:31
Гор. Нижняя Городня	руч. Городенка, (прав. приток р. Скнига, прав. приток р. Ока)	30 км до впадения в Оку по руслам руч. Городенки и р. Скниги.	рис. 103:26
Гор. Вырск	р. Средняя Вырка (лев. приток р. Ока)	6,5 км	рис. 103:7
Гор. Снедка	р. Снедка (прав. приток р. Упа)	2.5 км	рис. 103:34
Гор. Фурсово-2	р. Иста (прав. приток р. Ока)	4 км.	рис. 103:42
Гор. Кетри	р. Упка (прав. приток р. Упа)	2.3 км.	рис. 103:16
Гор. Тимофеевка	р. Волхонка (прав. приток р. Упа)	0.5 км.	рис. 103:37
Сел. Б. Тризново-4	Безымянный ручей (прав. приток р. Упа)	3 км.	рис. 103:41
Сел. Сотино-1	Безымянный ручей (прав. приток р. Вашана)	3 км	рис. 103:35
Сел. Образцово-2	Безымянный овраг (прав. приток р. Плава, лев. приток р. Упа)	7.9 км до впадения в Упу по руслу безымянного оврага и р. Плава	рис. 103:27

Исходя из географического расположения памятников, принадлежность которых к позднему периоду подтверждена археологическим материалом, можно наметить вектор дальнейшего поиска и обследования памятников 2-й половины X – середины XI в. На сегодняшний день можно выделить несколько микрорегионов на территории верховьев Оки и Дона, где расположены памятники, с высокой долей вероятности содержащие материалы позднего периода. Наиболее перспективным из них является бассейн реки Ватца (правый приток р. Упа), в верхнем и среднем течении которой выявлены сел. Денисово-1–3, Лужки-1 и 5, Кирилловка-3 (рис. 103: I). На сел. Денисово-1 и 2, Лужки-1 и 5, в ходе разведок 1996 г. (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. С. 171–173; 183–184) собрана небольшая коллекция лепной и раннегончарной керамики (рис. 115: 4–23), что косвенно подтверждает их принадлежность к памятникам позднего периода. Ближайшее, схожее по топографии скопление памятников, выявлено в бассейнах рек Колодня и Вера (правые притоки р. Упа). В него входят сел. Хотетово-2, 5, 7, Озерки-1, Лужное-8 (рис. 103: II). Еще два таких микрорегиона расположены в верховьях руч. Воздремок, Малаховка и р. Тросна (правые притоки р. Солова), где обнаружены сел. Головеньки-1, 3, Воздремо-10, Майский-1, 4, 5 (рис. 103: III), а так же в районе слияния рек Упа и Шат – в бассейнах рек Вьевка (левый приток р. Шат) и Шиворона (левый приток р. Упа), где выявлены сел. Болохово-1, Пятницкое-1, Пушкарские выселки-1 (рис. 103: IV). Помимо перечисленных скоплений, отдельные памятники, перспективные для выделения на них горизонта 2-й половины X – середины XI в. расположены в бассейнах рек Крушма, Выпрейка, Скнига, Песочня, Нериска.

Городища верховьев Оки и Дона, на которых зафиксированы материалы позднего периода, расположены на высоких мысах отделенных от напольной части искусственной преградой. Одна часть городищ имеет 2 склона, одним из которых является высокий берег ручья или реки, а вторым – берег впадающего в них оврага (гор. Нижняя Городня (рис. 104: 2), Першино (рис. 104: 4)). Площадка таких городищ обычно имеет подтреугольную в плане форму.

Другая часть городищ имеет 3 склона, один из которых представляет собой высокий берег ручья или реки, два других – берега впадающих в них оврагов (гор. Акиньшино (рис. 104: 3), Снедка (рис. 105: 1)). Эти городища имеют округлую или подпрямоугольную форму площадки. Исключение составляют гор. Спицино (рис. 104: 1). Его отделенная от напольной части серповидным валом площадка занимает высокий береговой выступ в излучине р. Апрань (прав. приток Беспуты, прав. приток Оки) делающей в этом месте крутую петлю. Из ряда перечисленных выше памятников выделяется гор. Фурсово-2 (рис. 105: 2). От прочих городищ региона его отличает колоссальный размер – площадь, ограниченная валом, составляет 4 га. Памятник расположен на мысу правого берега р. Иста, образованным впадением в нее р. Городенки и безымянного оврага. Расположенный по центру городища овраг делит его на две площадки, примерно одинакового размера.

Селища занимают водораздельные площадки в верховьях небольших ручьёв и овражков (рис. 106: 3), или располагаются на мысах, образованных разветвлениям русла (рис. 105: 1, 2).

Финал позднего периода славянской колонизации региона отмечен двумя памятниками – гор. Тимофеевка (рис. 103: 37) и Кетри (рис. 103: 16). Они расположены на мелких притоках р. Упы в небольшом отдалении от их устья (см. табл. 9). Гор. Тимофеевка находится на мысу между р. Челомна и поймой левого берега р. Волкона (рис. 105: 3). Гор. Кетри расположено на левом, высоком берегу, р. Упка, на мысу образованным долиной реки и двумя небольшими оврагами (рис. 105: 4). Однако, в отличие от гор. Спицино, Лобынское, Снедка, Фурсово-2, а также укрепленных поселений раннего периода, за валами гор. Тимофеевка и Кетри расположены селища с синхронными материалами. В непосредственной близости от гор. Тимофеевка (0.2–0.7 км) расположены пять поселений – сел. Тимофеевка-1–3 (рис. 103: 38–40) и Березово-1–2 (рис. 103: 3–4) где в подъемном материале содержатся фрагменты лепных и круговых сосудов синхронных материалу городища (АКР, Тульская обл., 1999. С. 136). За валами гор. Кетри так же было выявлено

неукрепленное поселение – сел. Кетри-1 (рис. 103: 16а). На его площади был собран подъемный материал, представленный фрагментами лепных, раннекруговых и круговых сосудов (Арх. ИА РАН. Фомин, 2000. С. 17; АКР, Тульская обл., 2002. С. 151). Как уже было отмечено выше, эти памятники являются самыми поздними из изученных славянских городищ на территории региона.

Таблица 9. Городища и селища позднего периода.

Наименование	**Тип памятника**	**Степень изученности**	**Время возведения укреплений (для городищ)**	**Площадь укрепленной территории городища, либо приблизительные линейные размеры селища**	**№ на карте**
Акиньшино	городище	раскопки	III–VII вв.	0,57 га.	рис. 103:1
Батищево-4	селище	сбор п/м	–	270 х 150 м.	рис. 103:2
Березово-1			–	300 х 100 м.	рис. 103: 3
Березово-2			–	150 х 100 м.	рис. 103: 4
Болхово-1				680 х 220 м.	рис. 103:5
Воздремо-10			–	175 х 120 м.	рис. 103:6
Вырск	городище	шурфовка сбор п/м	IV–V, XIV–XV вв.	2,52 га.	рис. 103:7
Головеньки-1	селище	шурфовка сбор п/м	–	160 х 220 м.	рис. 103:8
Головеньки-3			–	200 х 350 м.	рис. 103:9
Денисово-1			–	110 х 220 м.	рис. 103:10
Денисово-2			–	70 х 200 м.	рис. 103:11
Денисово-3			–	250 х 70 м.	рис. 103:12
Дубики	городище	раскопки	VIII–VII вв. до н. э.	0,12 га.	рис. 103:13
Калединовка-4	селище	Шурфовка сбор п/м	–	140 х 60 м.	рис. 103:14
Карташово-1			–	270 х 140 м.	рис. 103:15
Кетри	городище	раскопки	X в.	1 га.	рис. 103:16
Кетри-1	селище	сбор п/м	–	5 га.	рис. 103:16а
Кирилловка-3	селище	Шурфовка сбор п/м	–	70 х 360 м.	рис. 103:17
Лобынское	городище	раскопки	VIII–VII вв. до н. э.	0,24 га.	рис. 103:18
Лужки-1	селище	сбор п/м	–	50 х 100 м.	рис. 103:19
Лужки-5			–	100 х 800 м.	рис. 103:20
Лужное-8			–	120 х 220 м.	рис. 103:21
Майский-1			–	630 х 80–210 м.	рис. 103:22
Майский-4			–	380 х 210 м.	рис. 103:23
Майский-5		шурфовка	–	120 х 60 м.	рис. 103:24
Нижняя Городня	городище		IV–V вв.	0.38 га.	рис. 103:26
Образцово-2	селище	сбор п/м	–	160 х 850 м.	рис. 103:27
Озерки-1			–	100 х 260 м.	рис. 103:28
Першино	городище		IV–V вв.	0,24 га.	рис. 103:31
Пушкарские выселки-1	селище		–	770 х 200 м.	рис. 103:32
Пятницкое-1			–	60 х 40 м.	рис. 103:33
Снедка	городище	раскопки	X в.	0,3 га.	рис. 103:34
Сотино-1	селище	шурфовка сбор п/м	–	100 х 370 м.	рис. 103:35
Спицино	городище	раскопки	IV–V вв.	1,26 га.	рис. 103:36

Тимофеевка			X в.	1,4 га.	рис. 103:37
Тимофеевка-1	селище	шурфовка сбор п/м	–	75 х 210 м.	рис. 103:38
Тимофеевка-2			–	60 х 250 м.	рис. 103:39
Тимофеевка-3			–	100 х 350 м.	рис. 103:40
Б. Тризново-4		раскопки	–	70 х 50 м.	рис. 103:41
Фурсово-2	городище	шурфовка, разрез вала	X в.	4 га.	рис. 103:42
Хотетово-2	селище	сбор п/м	–	160 х 160 м.	рис. 103:43
Хотетово-5			–	70 х 60 м.	рис. 103:44
Хотетово-7			–	400 х 200 м.	рис. 103:45

5.2.

Оборонительные сооружения

Большинство городищ с материалами позднего периода заняли площадки укрепленных поселений предыдущих эпох. Это касается городищ Спицино, Лобынское, Акиньшино, Першино, Нижняя Городня, Вырск. Утверждать обновление фортификации в славянское время на этих памятниках мы не можем, т.к. исследование укреплений на них не проводилось. Единственное городище из перечисленных, где был осуществлен разрез напольного вала – гор. Акиньшино. Эти работы показали, что укрепления датируются мощинским временем, следов же более поздней фортификации на памятнике не обнаружено (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2011. С. 31–35).

Представление о фортификационных сооружениях, возведенных в течение позднего периода, нам дают материалы раскопок памятника его финального этапа – гор. Тимофеевка (рис. 108: 2, 3). Мыс, на котором расположено городище, образован заболоченной поймой одного ручья, и руслом другого ручья, протекающего параллельно. Площадка имеет подпрямоугольную форму, с северо-запада защищена двумя валами высотой 5 и 3 м. В центральной части внешнего вала расположен въезд. Склоны площадки эскарпированы, по ее периметру расположен вал высотой до 1 м. В 1998–1999 гг. были предприняты раскопки вблизи восточного склона городища, где был исследован участок наиболее ранних укреплений памятника (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1998; 1999). Вариант реконструкции укреплений городища представлен А.В. Григорьевым (Григорьев, 2005б. С. 27–31). Они представляли собой забутованные грунтом срубы, к которым, со стороны площадки

примыкала линия пустых деревянных городен (рис. 108: 3) (Григорьев, 2005б. С. 29–30, рис. 7). По керамическому материалу укрепления датируются концом X – XI в. (рис. 117: 10–16) (Григорьев, 2005б. С. 128–131, 185). К этому же времени относятся прилегавшие к укреплениям жилые постройки (Григорьев, 2005б. С. 57–59, 108, рис. 44: 15, 16; Столяров, Шеков, 2021. С. 162–171).

На втором памятнике финального этапа позднего периода – гор. Кетри, раскопок укреплений не проводилось. Однако, исходя из того, что материалов ранее конца X в. в комплексе городища не содержится, можно предположить, что возведение укреплений синхронно постройкам раннего горизонта бытования памятника (конец X – 1-я половина XI в.) (Колоколов и др., 2021. С. 172–204). Площадка городища окружена валом в форме незамкнутого кольца, высотой до 4 м, шириной у подошвы – до 12 м. Детальная инструментальная съемка памятника позволила сформировать предварительное представление о характере укреплений. В конструкции вала отчетливо читаются углы сочленения звеньев крепостной стены - засыпных срубов (рис. 105: 4а). Длина одного звена составляет около 20 м. С напольной стороны читается заплывший ров шириной около 10 м., в северной и южной части плавно переходящий в овраги. В северной части у подножья вала зафиксирована берма шириной 10 м, по которой, возможно, осуществлялся въезд на площадку городища (рис. 105: 4б). В северо-западной части поверхность бермы плавно переходит в площадку через разрыв вала шириной около 2-х метров. С правой стороны от разрыва, по направлению въезда, на валу располагается всхолмление, размером 2х4 м., высотой около 1 м. от поверхности вала. Предположительно, оно представляет собой остатки воротного башнеобразного устройства и вместе с бермой и проездом образует въездную группу (рис. 105: 4в). Расположение въезда на краю берегового склона городища характерно для славянских и древнерусских городищ (Моргунов, 2009. С. 125). В западной, мысовой части площадки читаются остатки небольшого вала, практически уничтоженного и частично обвалившегося в сторону реки. Склон мыса эскарпирован. В сторону реки от городища мыс имеет узкое продолжение шириной около 15 м.,

представляющий собой пологий спуск к воде. На мысу расположена дополнительная линия укреплений, состоящая изо рва, образованного углубленным в основание склона эскарпом, и так же вала (рис. 105: 4г). Аналогичные элементы фортификации зафиксированы на ранних славянских городищах VIII–IX вв. (Григорьев, 2000. С. 61–62). Таким образом, внешний облик остатков укреплений гор. Кетри вполне характерен для древностей исследуемого периода.

Оборонительные сооружения, возведенные в эпоху славянской колонизации региона, известны еще на двух памятниках – гор. Снедка и Фурсово-2 (рис. 103: 34, 42; 105: 1, 2). Эти городища представляют собой редкий для изучаемого региона случай однослойных памятников – слой на площадке городища синхронен укреплениям, материалов более ранних и более поздних эпох не обнаружено.

На гор. Фурсово-2[130], в шурфе у подножия вала (рис. 105: 2) были зафиксированы несколько сгоревших, перпендикулярно лежащих деревянных плах, которые представляли собой угол срубной конструкции (рис. 108: 1в). В юго-восточном борту шурфа были зафиксированы торцы обугленных плах, из чего можно заключить, что конструкция имела продолжение. Вероятно, она представляла собой цепочку внутренних хозяйственных клетей, непосредственно примыкающих к деревоземляной стене, т.н. «городне». Внутри срубная конструкция была заполнена серым суглинком с обильными вкраплениями древесного угля, печины и обожженных камней. В заполнении было обнаружено несколько фрагментов лепной керамики роменского типа: 2 венчика и 9 стенок (рис. 110: 6).

В ходе работ была так же осуществлена зачистка разрушения вала протяженностью 5 и шириной 1 м. (рис. 108: 1а). В результате, в нижней части вала был зафиксирован слой красного прокаленного суглинка, и несколько параллельно лежащих обгорелых плах, сориентированных вдоль линии вала

[130]Работы на городище были осуществлены в 2019 году автором настоящего исследования (Колоколов, 2019. С. 181–196).

(рис. 108: 1б). Этот слой маркирует расположение оборонительной клети, или «городни» – фортификационного сооружения характерного для славянских древностей X–XI вв. Находок в насыпи вала обнаружено не было.

Исходя из проведенных работ, можно предположить, что городище имело двухрядную оборонительную систему. Цепочка внешних деревоземляных стен состояла из срубов-городней, заполненных грунтом, образовавшимся при рытье оборонительного рва. Со стороны площадки городища к ним примыкала цепочка пустотелых хозяйственных клетей, остатки которых были обнаружены в шурфе 1 (рис. 108: 4). Подобная система укреплений характерна для славянских городищ IX–XI вв. (Моргунов, 2009. С. 45–51). Исходя из материала, обнаруженного в заполнении хозяйственной клети, представленного исключительно лепной роменской керамикой, можно сделать вывод, что укрепления возведены славянским населением не позже конца X – середины XI в. (Колоколов, 2019. С. 181–196).

На гор. Снедка полноценный разрез вала дал возможность ознакомиться с конструкцией въездной группы городища[131]. Вал городища имеет высоту до 1,85 м, ширину у подошвы – до 10 м. Перед ним располагается ров глубиной до 3 м, шириной до 5 м . Основное тело вала состояло из стерильного материкового суглинка, которым были забутованы деревоземляные стены. В раскопе зафиксирован разрыв в цепочке стен, что говорит о наличие на этом месте въезда. Напольная часть вала перекрывала мощный угольный слой, с которым соотносятся горелые плахи (рис. 107: 1, 2). В нем содержалось 336 фрагментов керамических сосудов, из которых удалось реконструировать три груболепных роменских горшка (рис. 110: 1–3). Из этого слоя происходило и несколько вещевых находок – костяная подвеска-амулет, астрагал, костяной кочедык (рис. 123: 1, 4, 5). Поскольку угольный слой находился с внешней стороны вала, интерпретировать его в качестве остатков хозяйственной клети недопустимо.

[131]Раскопки укреплений были осуществлены А.В. Григорьевым в 2008 году, их результаты были опубликованы совместно с автором диссертационного исследования. (Григорьев, Колоколов, 2021. С. 141–161).

Поскольку мы имеем дело с въездной группой городища, угольный слоя, насыщенный находками мог сформироваться в результате падания сгоревшей надвратной конструкции. Возможно, она представляла собой башнеобразное устройство. Остатки похожего сооружения зафиксированы при раскопках въездного сооружения летописного Снепорода, где рядом с основанием въездной башни, был зафиксирован мощный угольный слой с обгоревшими бревнами, содержавший керамику XI–XII вв. (Моргунов, 2012а. С. 85–86; 2012б, С. 220–230). В качестве дополнительного элемента фортификации гор. Снедка можно выделить ограждение, расположенное по внутреннему краю рва (рис. 107: 2). Поскольку частокольных ям не зафиксировано, оно, вероятно, представляло собой однорядную бревенчатую стену из горизонтально улаженных друг на друга бревен, закрепленных между вертикальными стояками. В литературе, для подобных каркасно-столбовых конструкций, используется термин «заплот» (Моргунов, 2019. С. 306–307).

На основании имеющегося материала, укрепления гор. Снедка, представляются следующим образом: мыс, образованный двумя глубокими оврагами и террасой р. Снедка, был отделен от напольной части деревоземляной стеной, состоящей из цепочки срубов-городней, ширина которых составляла около 2-х метров. Перед стеной располагалась берма шириной 5 м., на которой перед рвом, было установлено дополнительное заграждение в виде «заплота». Глубина рва доходила до 3 м, ширина – около 5 м. Въезд на площадку городища располагался в южной части стены. Он представлял собой разрыв в цепочке срубов шириной около 3-х метров, и был снабжен надвратным башнеобразным сооружением (подробнее: см. Григорьев, Колоколов, 2021. С. 141–161).

Главная проблема, возникающая при интерпретации гор. Фурсово-2 и Снедка – отсутствие датирующих находок, что не позволяет надежно определить время возникновения укреплений и период функционирования поселения. Отнести эти памятники к позднему периоду мы можем лишь гипотетически, на основании единственного косвенного признака –

географического положения. Как и поселения, достоверно принадлежащие к периоду 2-й половины X – середины XI в., гор. Снедка и Фурсово-2 расположены на берегах мелких притоков основных водных артерий региона. Оба городища просуществовали недолго, о чем свидетельствует слабая насыщенность культурного слоя на их площадках, и погибли в пожаре, хотя явных следов военного штурма на них не зафиксировано.

5.3.
Жилые постройки.

Жилые постройки на памятниках позднего периода преимущественно наземные. В ряде случаев они имеют небольшой нежилой котлован, занимающий часть площади жилища. Отопительные устройства представлены традиционными печами-каменками. Отсутствие столбовых ям в большинстве случаев, свидетельствует о преимущественно срубной конструкции жилищ.

Остатки жилых построек изучены на пяти памятниках позднего периода – гор. Спицино, Лобынское, Кетри, Тимофеевка, сел. Б. Тризново-4.

На гор. Спицино, раскопом 2020 года были изучены остатки двух жилых построек, относящихся к двум строительным периодам (рис. 129: 1). Постройка 1 имела только наземную часть подквадратной в плане формы, размером около 4 х 4 м и была ориентирована углами по сторонам света. В северном углу постройки зафиксированы остатки отопительного сооружения – пода округлой формы, диаметром около 0,9 м, изготовленного из глины с примесью мелких камней (рис. 109: 1). Вторая постройка относится к категории наземных с нежилым котлованом, который занимал половину (или менее) ее площади (рис. 109: 3). (Григорьев, 2005б. С. 35–60). Наземная ее часть так же имела подквадратную в плане форму размерами около 4 х 4 м и была ориентирована углами по сторонам света с незначительным отклонением. В целом, по размеру и ориентации она сходна с постройкой 1. В западной части постройки зафиксированы остатки сильно разрушенного отопительного сооружения,

представляющего собой пятно прокаленного суглинка округлой формы[132] (рис. 109: 3). Стратиграфическое взаиморасположение жилищ, позволяет предполагать последовательную перестройку сооружений в рамках существования одной усадьбы.

Остатки еще двух жилых построек изучены раскопом 2 (2022 г.) на гор. Лобынское (рис. 130, 131). Постройка 1 была сильно повреждена грабительскими разрытиями. Следов заглубленной части на исследованном участке постройки не зафиксировано. Сооружение имело подпрямоугольную в плане форму, и было ориентировано по сторонам света. Реконструируемые размеры жилища – около 4 х 4 м. В юго-восточном углу зафиксированы остатки печи-каменки (рис. 109: 5). Конструкция сооружения аналогична постройке 1 на гор. Спицино (см. выше).

Постройка 2, расположенная к западу от постройки 1 так же является жилой, о чем свидетельствует наличие печки-каменки, остатки которой были зафиксированы в южном углу сооружения (рис. 131). Однако, в отличие от постройки 1, это жилище имеет небольшой котлован, край которого попал в площадь раскопа. Жилище относится к более раннему строительному периоду, чем постройка 1. Таким образом, здесь мы имеем дело с последовательной перестройкой жилищ в рамках одной усадьбы, как и на гор. Спицино (Колоколов, Простяков, 2021. С. 63)[133].

Жилая постройка на неукрепленном поселении позднего периода изучена в раскопе 2023 года на сел. Б. Тризново-4 (рис. 132). Она состояла из наземной части и нежилого котлована, который занимал большую часть сооружения.

[132]Плохая сохранность отопительного сооружения объясняется тем, что после прекращения функционирования постройки 3, на месте ее расположения были проведены планировочные работы, с целью подготовки площадки для возведения постройки 1. Котлован и наземная часть постройки были засыпаны синхронным бытовым мусором, и утрамбованы культурным слоем городища, вместе с которым в заполнение постройки попали немногочисленные фрагменты лепных сосудов мощинской культуры.

[133]Из заполнения построек 1 и 2 на гор. Лобынское удалось получить достаточно представительную остеологическую коллекцию. В заполнении постройки 1 содержалось 30 единиц остеологического материала. Из них 16 принадлежали домашним животным: 2 – КРС, 3 – свинье, 11 – лошади; 2 кости принадлежали бобру и медведю. 12 костных останков определению не подлежат. В заполнении постройки 2 содержалось 10 единиц остеологического материала. Из них 7 принадлежали домашним животным: 4 – КРС, 1 – свинье, 2 – лошади; 1 кость принадлежала бобру. 2 единицы костных останков не подлежат определению (Чубур, 2023. С. 22–23).

Котлован имел подпрямоугольную форму, и был ориентирован по сторонам света, с небольшим отклонением на север. Длина его составляла 3,2 м, ширина – около 3 м, глубина – 0,3–0,4 м. В заполнении котлована фиксировалось большое количество обожжённых камней, происходящих из развала печи-каменки. Основание печи было зафиксировано в 0,1 м к востоку от края котлована, и представляло собой скопление прокаленных камней, печины и древесного угля (рис. 109: 6).

О конструкции жилищ финального этапа позднего периода мы можем судить по материалам гор. Кетри и Тимофеевка. Постройка 2, изученная на гор. Кетри (рис. 109: 2) относится к категории наземных сооружений с нежилым котлованом, который занимал половину (или менее) ее площади. Следы наземной части жилища были полностью уничтожены в процессе сооружения построек XI–XII вв., поэтому общие его параметры могут быть определены приблизительно, на основании распространения участка снивелированного слоя погребенной почвы. Он отсутствует к югу от котлована, очевидно на данном участке он был срезан для возведения наземной части постройки. Предположительно, постройка имела подквадратную форму размером около 3 х 3 м и была ориентирована углами по сторонам света. Котлован занимал северо-восточную половину сооружения, и был вытянут по линии северо-запад – юго-восток. Длина котлована составляла 2,8 м, ширина – 1,5 м. На дне юго-восточного углубления было зафиксированы остатки печи-каменки – скопление золы, печины и сильно прокаленных камней.

Близкая по конструкции постройка зафиксированы на синхронном гор. Тимофеевка (рис. 109: 4) (Григорьев, Шеков, 1998. С. 19). Согласно отчетной документации она числится как яма 33 раскопа 1996 года (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996). Она имела вытянутую, подпрямоугольную форму, размер 1,5 х 4,9 м, глубину 0,3–0,4 м, и была сориентирована по линии юго-восток – северо-запад. В заполнении содержались включения древесного угля, печины, прокаленных известняковых камней, образующих два скопления и являвшихся, очевидно, остатками отопительного устройства. Вероятно, яма, как и на гор.

Кетри представляет собой подклет наземного жилища. К северо-востоку от него расположена линия столбовых ям, относящихся к конструкции наземной части постройки. Практически аналогичный размер и конструкцию имела и яма 22, изученная в раскопе 2 на гор. Тимофеевка (Арх. ИА РАН. Шеков, 1995. Рис. 13).

Таким образом, мы видим, что все изученные постройки с памятников позднего периода либо исключительно наземные, либо имеют неглубокий нежилой котлован–подклет, занимающий около половины или менее площади сооружения. Все они снабжены печами-каменками в качестве отопительного сооружения. В целом, конструкция этих жилых построек продолжает традицию домостроительства характерную для II и III типа жилищ (по А.В. Григорьеву) поселений раннего периода (см. рис. 26: 12: II). Исключение составляет постройка 1 на сел. Б. Тризново-4. Она выбивается из типологического ряда славянских жилых построек региона – при наличии квадратного котлована значительной площади, занимающего большую часть жилища, отопительное устройство расположено в наземной части сооружения. Подобных конструктивных решений среди прочих славянских жилищ верховьев Оки и Дона пока не известно.

По предположению А.В. Григорьева, высказанного им в монографии 2005 года, для памятников позднего периода характерны именно наземные жилища, либо постройки с неглубоким котлованом-подклетом. Исследователь основывался на материалах единственного, известного на тот момент памятника позднего периода – гор. Тимофеевка, а так же на данных синхронных поселений сопредельных территорий – Посемья, Среднего Поочья, левобережья верхней Оки (Григорьев, 2005. С. 58–59). Полевые исследования последних лет на памятниках позднего периода полностью подтвердили версию А.В. Григорьева.

5.4.

Керамика.

Керамика памятников позднего периода представлена фрагментами лепной посуды роменского типа и, в значительно меньшем количестве, раннекруговых сосудов наиболее архаичных форм. В комплексах поселений финального этапа позднего периода – гор. Тимофеевка и Кетри, встречается гончарная древнерусская керамика.

Роменская керамика не имеет значимых отличий от сосудов раннего периода (рис. 110, 111). Это та же толстостенная груболепная посуда из ожелезненной глины с крупными примесями шамота, дресвы и органики. Встречаются и сосуды с заглаженной поверхностью и более мелкими фракциями отощающих примесей. Следует отметить нетипичную для роменской керамики региона технологию, применённую при изготовлении сосудов из постройки 3 раскопа 1 гор. Спицино. Заглаженная поверхность этих сосудов имеет пористую структуру, вследствие выщелачивания дробленого известняка использованного в качестве примеси к формовочной массе (рис. 110: 8, 9). Нигде более применение известняка в качестве отощителя не зафиксировано.

Большинство сосудов, как и в ранний период, украшено пальцевыми вдавлениями по венчику (гор. Лобынское, Спицино, сел. Б. Тризново-4). Тезис, высказанный в 80-х годах А.А. Узяновым, о преобладании пальцевого орнамента в качестве индикатора раннего этапа роменских древностей (Узянов, 1982. С. 122–135), применительно к материалам верховий Оки и Дона вряд ли можно признать актуальным. На лепных сосудах конца I – начала II тысячелетия междуречья Оки и Дона этот орнамент доминирует, при весьма скудном наборе прочих декоративных мотивов (Колоколов, 2022б. С. 220, рис. 21). Он широко распространен как на керамике памятников VIII в. (см. гл. 3) и IX – 1-й половины X веков (см. п. 4.5), так и на сосудах, происходящих из комплексов позднего периода (рис. 110: 1, 7, 11–13; 111: 5, 6, 8, 11). В незначительном количестве известны сосуды, орнаментированные веревочным

штампом – они происходят их постройки 1 сел. Б. Тризново-4 (рис. 111: 2). Лепная керамика из финальных комплексов позднего периода практически не имеет орнамента (рис. 116: 10, 11, 13–16; 117: 1–3; 118: 1–4).

Находки раннегончарной керамики в комплексах позднего периода немногочисленны. В первую очередь стоит остановиться на материалах, происходящих из комплексов построек изученных раскопками на гор. Спицино и Лобынское, а так же сел. Б. Тризново-4.

На городища Спицино небольшая серия фрагментов раннекруговой керамики обнаружена в заполнении постройки 1. Один из двух найденных венчиков раннегончарных сосудов по типологии И.Г. Сарачева, разработанной на материалах Днепровского Левобережья, относится к типу 1 по (рис. 114: 3). Профиль второго венчика (рис. 114: 2) близок к типу 4 (Сарачев, 2000. С. 228, рис. 62). Венчики этих типов появляются во 2-й половине X в. (Сарачев, 2000. С. 232). Кроме них в заполнении постройки, помимо 330 фрагментов лепных сосудов роменского типа, обнаружено 15 неорнаментированных стенок раннекруговых сосудов. Таким образом, раннегончарная керамика в комплексе постройке 1 составляет 3.8%. Стратиграфически постройка 1 является наиболее поздней из исследованных на памятнике. Прочие объекты гор. Спицино раннекруговой керамики не содержали (Арх. ИА РАН. Простяков, 2020. С. 18).

Представительная серия раннекруговой керамики происходит с гор. Лобынское. Неорнаментированный раннегончарный горшок в обломках находился в заполнении постройки 1 (рис. 112: 1; 130: 8) (Колоколов, 2024а. Рис. 3: I; 5: 1). Верхняя часть сосуда демонстрирует применение гончарного круга при формировании и обработке венчика. Следы этого явно читаются на внутренней поверхности в виде рядов ровных, горизонтальных каннелюр. Венчик имеет небрежный горизонтальный срез и небольшой наплыв на некоторых участках внутренней поверхности. При этом на тулове горшка наблюдается вертикальное ручное заглаживание поверхности. По А.А. Бобринскому сосуды, сочетающие следы применения гончарного круга при формировании и обработке венчика и признаки ручного заглаживания

остальной части внешней поверхности демонстрируют пограничную ситуацию между РФК–2 и РФК–3 (Бобринский, 1978. С. 44).

Еще один профиль раннегончарного горшка происходит из раскопа 2003 года[134]. В отличие от сосуда из постройки 1 он украшен двумя рядами грубого волнистого орнамента по плечику (рис. 112: 2). Его профилировка близка сосудам типа 1 по Е.В. Каменецкой, датирующимся в Гнездово 2-й четвертью X в. (Каменецкая, 2019. С. 148, рис. 17: 1; С. 38). В этом же раскопе обнаружен венчик раннекругового горшка (рис. 112: 3), который по профилировке близок к вар. 2 типа 1 по В.С. Курмановскому, распространенному в X – начале XI в. (Курмановский, 2020. С. 22. Табл. 2; С. 21)

Показательна серия керамической посуды из заполнения постройки 1 сел. Б. Тризново-4 (Колоколов, Простяков, 2024. Рис. 4, 5). Всего в заполнении постройки обнаружено 332 фрагмента керамики. Большинство из них – около 95%, принадлежит груболепным сосудам роменского типа – толстостенным, из ожелезненной глины с примесями крупного шамота, или – шамота и дресвы в тесте (рис. 111: 1–7). Остальная керамика (около 5%) – фрагменты сосудов, изготовленных с использованием гончарного круга. Степень его применения, по А.А. Бобринскому, соответствует РФК–3 (Бобринский, 1978. С. 49–51). Из этих фрагментов реконструируются три неполные формы раннегончарных сосудов. Остановимся на них подробнее.

Сосуд №1 (рис. 113: 1; 132: 10) по профилировке и характеру теста близок к лепным толстостенным горшкам роменского типа. Он имеет конусовидную форму с резко отклоненным наружу, закругленным венчиком, и резким изгибом шейки, тесто с примесью дресвы и шамота. Венчик изготовлен простейшим способом, и соответствует типу 1 по И.Г. Сарачеву (Сарачев, 2000. С. 228, рис. 62). На территории днепровского левобережья венчики этого типа появляются во 2-й половине X, и исчезают в 1-й половине XI в. (Сарачев, 2000. С. 232). На плечико и тулово сосуда, во время доводки на гончарном круге, нанесен сложный орнамент: грубая однорядная, местами двух- и трехрядная

[134]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ–НВ–624/249

волна, прочерченная на переходе от шейки к плечику, и несколько уровней многорядной волны тщательно нанесенной гребенкой на тулово горшка.

Сосуд №2 (рис. 113: 2; 132: 11) имеет S-видный профиль, его венчик оформлен в виде наплыва правильной формы, образованного в результате закругленного косого среза. По И.Г. Сарачеву венчик относится к типу 4 (Сарачев, 2000. С. 228, рис. 62), сосуды которого датируются 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. (Сарачев, 2000. С. 232). Стенки сосуда тонкие (не более 7 мм), в качестве отощителя формовочной массы использована мелкая дресва. Шейка и плечики сосуда декорированы грубой, многорядной волной.

Сосуд №3 (рис. 114: 1; 132: 13) так же имеет S–видный профиль, венчик оформлен прямым срезом по краю. Плечико горшка украшено ломаной многорядной волной, под которой прочерчены несколько рядов горизонтальных линий. Толщина стенок достигает 10 мм, в качестве отощителя теста использована дресва. Раннекруговые сосуды аналогичной профилировки и орнаментации широко распространены на северо-западе Руси, и датируются в пределах 2-й половины X в. (Горюнова, 2009. С. 133, рис. 2). Типичны они и для памятников смоленского Поднепровья, где выделяются в вар. 1 типа AII по Е.В. Каменецкой, и датируются 2-й – 3-й четвертью X в. (Каменецкая, 2019. С. 38, 148, рис. 17: 2).

Помимо материалов раскопок, фрагменты и реконструируемые формы раннегончарных сосудов обнаружены на памятниках верховьев Оки и Дона и в ходе разведочных работ.

Профиль S-видного горшка с желобком по краю венчика (рис. 115: 1) найден в шурфе, заложенном на сел. Сотино-1, при зачистке верхней части постройки (рис. 133). Из нее так же происходит 1 неполный профиль груболепного горшка роменского типа с пальцевыми вдавлениями по венчику (рис. 111: 8). Раннекруговой сосуд имеет ближайшие аналогии в комплексе памятников северо-западной части региона – гор. Воротынск (рис. 114: 7), пос. Кривское-3 (Прошкин, 2013а. С. 80, рис. 10: 1–3). Подобные сосуды широко распространены на северо-западе Руси, где датируются в пределах 2-й

половины X в. (Горюнова, 2009. С. 133, рис. 2). Раннекруговой горшок с сел. Сотино-1 близок к сосудам типа IIA по Е.В. Каменецкой, которые бытуют на территории смоленского Поднепровья во 2-й – 3-й четверти X в. (Каменецкая, 2019. С. 148, рис. 17: 2; С. 38). В этой же постройке обнаружен фрагмент стенки толстостенного раннекругового сосуда с комбинированным орнаментом (рис. 133: 4).

Раннекруговая керамика сел. Образцово-2 представлена двумя венчиками сосудов отогнутых наружу со срезанным краем. Один из них имеет ровный срез по краю, его шейка украшена четырьмя рядами линейного орнамента (рис. 115: 2). Второй имеет желобок по краю, орнамент не зафиксирован (рис. 115: 3). Венчики близки к вар. 1 и 2 типа II по Е. В. Каменецкой, датирующемуся 2-й – 3-й четвертью X в. (Каменецкая, 2019. С. 148, рис. 17: 2; С. 38). Так же на поверхности селища найдено 5 стенок раннекруговых сосудов, в том числе украшенных линейным орнаментом (Арх. ИА РАН. Столярова, 2014. Рис. 114: 3–7). Помимо раннегончарной керамики, с памятника происходит серия фрагментов лепных роменских сосудов (рис. 111: 9–11).

Профиль толстостенного раннекругового горшка, изготовленного из ожелезненной глины с крупнофракционными примесями дресвы и шамота (рис. 114: 4), происходит с площадки гор. Вырск (Арх. ИА РАН. Наумова, 2021. Рис. 44: 4). По характеру теста и профилировке этот сосуд близок к лепной керамике роменского типа. Венчик горшка короткий, отогнутый, с желобком по краю, на плечике имеется утолщение. В целом, он близок к архаичному типу раннекруговых сосудов – IA по Каменецкой. По материалам Смоленского Поднепровья этот тип датируется в целом X в. (Каменецкая, 2019. С. 148, рис. 17: 1; С. 38). Однако наличие желобка по краю более характерно для типа IIA по Е. В. Каменецкой, распространенного во 2-й – 3-й четверти X в. (Каменецкая, 2019. С. 148, рис. 17: 2; С. 33). Плечики и тулово сосуда покрыто многорядным зубчатым штампом, который на территории Верхней Оки обычно встречается на древнерусских гончарных сосудах XI–XIII вв. (Болдин, 2012. С. 31: рис. 8: 1; С. 128). Однако данный орнамент так же характерен и для

раннекруговых сосудов типов А–III, IV, Б–I, III, бытующих на территории Смоленского Поднепровья в середине – 3-й четверти X в. (Каменецкая, 2019. С. 35–41).

Фрагмент сосуда, обнаруженный в слое 0 гор. Акиньшино, (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2010. Рис. 96: 7) можно интерпретировать как венчик раннекругового горшка с косо срезанным краем (рис. 114: 5). Он относится к вар. 1 типа II по Е.В. Каменецкой, (Каменецкая, 2019. С. 148, рис. 17). На территории Смоленского Поднепровья подобные сосуды датируются 2–3-й четвертью X в. (Каменецкая, 2019. С. 38).

Гор. Першино, которое гипотетически отнесено к позднему периоду, на сегодняшний день полностью уничтожено, раскопок на нем не проводилось. В 2005 при обследовании тракторных отвалов на месте его разрушения была собрана небольшая коллекция керамики (Арх. ИА РАН. Наумова, 2005 С. 7–8; Рис. 3–8): 19 фрагментов груболепных сосудов роменского типа, среди которых два венчика орнаментированных пальцевыми вдавлениями, а так же стенка грубого раннекругового сосуда, украшенного волнистым и линейным орнаментом (рис. 114: 6). Эта находка в совокупности с фрагментами лепных роменских сосудов, а также удаленность городища от русла р. Упы позволяет предположительно отнести памятник ко 2-й половине X – середине XI в.

Анализ находок раннекруговой керамики с территории ближайшего сопредельного региона – левобережья Верней Оки, был осуществлен О.Л. Прошкиным. По его мнению, присутствие на памятниках раннекруговой керамики в сочетании с лепной является основанием датировать их в рамках 2-й половины X – 1-й половиной XI в. (Прошкин, 2013. С. 88). Это утверждение справедливо и для материалов исследунмого региона.

К финалу позднего периода, помимо раннегончарной посуды в комплексах и культурном слое памятников появляется небольшой процент гончарной древнерусской посуды. Такие находки содержатся в материалах гор. Кетри и Тимофеевка.

В заполнении постройки 2 гор. Кетри было обнаружено 16 фрагментов раннекруговых сосудов. Из них 9 стенок с прочерченным линейным орнаментом (рис. 116: 12) и 8 фрагментов венчиков. Сильная фрагментированность материала и отсутствие представительных профильных частей не позволяет определить степень РФК. Сосуды изготовлены из ожелезненной глины с примесями крупного шамота, дресвы органики, обжиг печной. Отнести фрагменты стенок к раннекруговым сосудам позволяет наличие линейного орнамента, нанесенного с применением вращения. Профили большинства венчиков имеет простейшую профилировку, широко распространенную на памятниках сопредельных регионов X–XI вв. (рис. 116: 5–7). Наиболее характерным является венчик с вертикальным подрезом (рис. 116: 6), его профилировка близка типу 2а по И.Г. Сарачеву, датируемому 2-й половиной X – началом XI в. (Сарачев, 2000. С. 228, рис. 62; 232). Венчик аналогичной профилировки происходит из заполнения ямы конца X – XI в. на сел. Хотяжи-1 (Кренке, 2019. С. 85; С. 351, рис. 183: 7). Наибольший интерес представляет находка верхней части гончарного древнерусского сосуда, обнаруженного в развале печи (рис. 116: 1; 134: 9). Сосуд изготовлен из беложгущейся неожелезненной глины, что характерно для южнорусской традиции гончарства. Горшки с аналогичной профилировкой венчика широко известны на памятниках южной Руси, где они датируются концом X – началом XI в. (Археология Украинской ССР, 1986. С. 449; Григорьев, 1983. С. 67–73. Рис. 2: 1–14; Моргунов, 2012б. С. 49, рис. 27; С. 61, рис. 36; 2019. С. 94, рис. 38; С. 95, рис. 39; С. 96, рис. 40). Аналогичные венчики гончарных горшков встречаются в позднероменских комплексах северской земли (Григорьев, 2000. С. 219, рис. 60).

В заполнении синхронной хозяйственной постройки 4 на гор. Кетри, помимо лепной роменской керамики, были обнаружены 2 фрагмента венчиков гончарных сосудов (рис. 116: 2, 3; 134: 18, 21) типа 1, подтипа Б и типа 6 по И.Г. Сарачеву (Сарачев, 2000. С. 228, рис. 62). Венчики этих типов датируются в рамках конца X – 1-й половины-середины XI в. (Сарачев, 2000. С. 233–234).

На памятниках южной Руси сосуды с такими венчиками бытуют в конце X – 1-й половине XI в. (Археология Украинской ССР, 1986. С. 449; Григорьев, 1983. С. 67–73. Рис. 2, 1–14; Моргунов, 2012. С. 49, рис. 27; С. 61, рис. 36; Моргунов, 2019. С. 94, рис. 38; С. 95, рис. 39; С. 96, рис. 40). Стенка кругового сосуда с линейным орнаментом из постройки 4 (рис. 116: 4), по характеру теста и обработки поверхности схожа с венчиком белоглиняного горшка из постройки 2 (рис. 116: 1). Кроме того, в заполнении постройки 4 было обнаружено 10 стенок лепных и 3 стенки раннекруговых сосудов.

Показательными являются и комплексы жилых построек гор. Тимофеевка: ямы 22 раскопа 2 и ямы 33 раскопа 3. Керамический набор ямы 33 схож с серией посуды из постройки 2 гор. Кетри: в ее заполнении так же содержались фрагменты лепных роменских сосудов (рис. 117: 1–3), раннекруговая и гончарная древнерусская керамика (рис. 117: 4–9). Раннекруговая керамика представлена венчиком горшка с вертикальным дугообразным срезом с оттянутым книзу и заостренным краем (рис. 117: 4). Он соответствует венчикам типа 4 по И.Г. Сарачеву, наибольшее распространение которых приходится на конец X – 1-ю половину XI в. (Сарачев, 2000. С. 228, 232). Так же из заполнения объекта происходят стенки и донца гончарных древнерусских сосудов, с волнистым (рис. 117: 6), линейным (рис. 117: 8) и комбинированным орнаментом (рис. 117: 7).

Керамический набор ямы 22 раскопа 2 содержал 6 фрагментов стенок древнерусских круговых белоглиняных сосудов без орнамента (Арх. ИА РАН. Шеков, 1995. С. 11–12. Рис. 45–48). Так же в ее заполнении, помимо лепной керамики роменского типа (рис. 118: 1–4), был найден венчик раннегончарного горшка с горизонтальным срезом (рис. 118: 6), и реконструируемая форма раннекругового сосуда с S-видным, горизонтально срезанным венчиком и небрежным волнистым орнаментом по плечику (рис. 118: 5). Эти сосуды имеют широкие аналогии на северо-западе Руси во 2-й половине X в. (Горюнова, 2009. С. 133, рис. 2). Датирующей находкой для комплекса является находка

пряслица из розового пирофиллитового сланца (подробнее см. п. 5.5.б) (рис. 124: 2).

Таким образом, сравнивая керамический набор из комплексов гор. Тимофеевка и Кетри следует отметить их явное сходство. Фрагменты гончарных сосудов из комплекса построек 2 и 4, относящихся к раннему стратиграфическому горизонту гор. Кетри, вероятно являются наиболее ранними образцами древнерусской гончарной керамики на территории региона (рис. 116: 1–4). В то же время основную массу керамического комплекса этих построек составляет груболепная посуда роменского типа – около 70%. Близкое соотношение лепной, гончарной и раннекруговой посуды дают нам и материалы построек гор. Тимофеевка.

Осуществить статистические просчеты соотношения керамики из культурного слоя гор. Кетри невозможно, т.к. слой 2-й половины X – середины XI в. перекрыт поселением конца XI – 1-й половины XII в., и частично перемешан с ним. На гор. Тимофеевка более позднее поселение возникает только в конце XIV в., поэтому материал из слоя 2-й половины X – XI в. отделяется хорошо. Основу керамического комплекса этого слоя составляют фрагменты раннекруговых сосудов – 80,6 %. Древнерусская керамика составляет 12,7 %, доля лепной не превышает 6,7 % (Григорьев, 2005б. С. 14). Высокий процент раннегончарной керамики в культурном слое городища, может быть связан с тем, что его финал приходится на 2-ю половину – конец XI в. (Григорьев, Шеков, 1998. С. 19).

Следует отметить еще одно городище, где находки раннегончарной и гончарной керамики позволяют предположить существование на нем поселения финального этапа позднего периода – гор. Дубики на р. Красивая Меча (правый приток Дона) (рис. 103: 13). Речь о поселении шла в разделе, посвященном материалам IX – 1-й половины X в.: на его площадке был изучен объект с керамикой роменского типа, и обнаружен дирхем 914/915 гг. Однако, помимо этих материалов, в культурном слое поселения был обнаружен развал раннегончарного горшка с комбинированным орнаментом (рис. 118: 7),

оформление венчика которого аналогично венчику из ямы 33 гор. Тимофеевка (рис. 117: 4), а так же гончарная древнерусская керамика (Разуваев, 1987. С. 127, рис. 5: 8, 9). Небольшой объем материала не позволяет уверено говорить о преемственности или ее отсутствии между поселением раннего и позднего периодов. Возможно, возникнув на площадке городища в ранний период, оно продолжало существование во второй половине X столетия и далее.

5.5.
Вещевой комплекс

На памятниках позднего периода, представлены те же категории вещевых находок, что и на поселениях IX – 1-й половины X в.: украшения и детали одежды, хозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода, изготовленные из железа, кости, глины и камня, а так же атрибуты воинской культуры: оружие, элементы поясного набора и конской упряжи. Количественно эти находки значительно уступают вещевому комплексу раннего периода, что связано с меньшим объемом проведенных полевых исследований на памятниках 2-й половины X – середины XI в. Самые представительные коллекции происходят с поселений, исследованных раскопками: гор. Спицино, Лобынское, Кетри, Тимофеевка, сел. Б. Тризново-4.

5.5.а.
Украшения и детали одежды

Как показывает анализ керамического комплекса памятников позднего периода, в составе которого доминирует лепная керамика роменского типа, этнокультурная основа населения сохранялась. Во 2-й половине X – середине XI в. продолжают бытовать украшения восточнославянского круга. На сегодняшний день мы можем оперировать находками, обнаруженными на гор. Лобынское и Кетри, сел. Стоино-1, а так же в составе Полтевского клада.

Уникальная для нашего региона находка – набор одинаковых нашивок (6 шт.) из свинцово-оловянистого сплава, связана с постройкой 2, изученной на

гор. Лобынское (рис. 120: 1–6; 131: 2–8). Они представляют собой колечки диаметром 1,4 см, с перекладиной по центру, декорированные с внешней стороны бусинами псевдозерни. Пять из них были обнаружены в ходе переборки отвала грабительской ямы, нарушившей заполнение постройки, одно (рис. 120: 1) было зафиксировано in situ в котловане (рис. 131: 2), под фрагментом лепного роменского горшка (рис. 131: 9). Свинцово-оловянистые нашивки были широко распространены на территории северо-западной Руси в VIII–X вв. Среди них встречаются схожие с нашими находками экземпляры – круглые бляшки с имитацией зерни по кругу, с крестообразными перемычками, или двумя отверстиями для крепления. (Щеглова, 2002. С. 142–143, рис. 4: 16–26). Однако, более близкие изделия известны на памятниках XI–XIV веков Поволжья и Предуралья, там же имеются и формы для их отливки (Иванов, 1998. Рис. 55: 16; Востроκнутов, Крыласова, 2012. С. 109, 111, рис. 1, 7, 8: 1–8; Белавин, Крыласова, 2017. С. 287, рис. 1: 9–12). Ранние находки таких нашивок по материалам Рождественского городища датируются XI–XII веками (Белавин, Крыласова, 2008. С. 462, рис. 200: 50; С. 424). По мнению исследователей, они связаны с древнерусскими переселенцами (Белавин, Крыласова, 2017. С. 288–289). Единственное отличие нашивок с территории Приуралья от находок с гор. Лобынское заключается в том, что зернь сымитирована не рельефными бусинами, а грубым рифлением. Надежный контекст находки с гор. Лобынское позволяет предположить, что мы имеем дело с одним из этапов развития этой категории украшений, занимающим промежуточное положение между свинцово-оловянистыми нашивками VIII–X вв. северо-западной Руси и предметами XI–XIV вв., обнаруженными на территории Поволжья и Приуралья. На основании приведенных аналогий, наиболее вероятная их датировка – XI в.

К восточнославянскому кругу древностей можно отнести находки украшений и деталей одежды, изготовленных из железа: браслет с гор. Кетри и фибулу с гор. Спицино.

Железный дротовый браслет с загнутыми окончаниями (рис. 120: 8; 134: 7) был найден в слое развала печи постройки 2 гор. Кетри (Колоколов и др., 2021. С. 186, рис. 7: 6). Диаметр изделия – 5 см, толщина дрота – 0,3 см. На крайнюю немногочисленность браслетов подобного типа указывал еще А.В. Арциховский (Арциховский, 1930. С. 16; Рис. 10). Схожее украшение, так же изготовленное из железа, происходит с гор. Переверзево-2 на р. Тускарь (Шпилев, 2010. С. 242, рис. 7: 11–11а), финал которого датируется концом X в. (АКР Курской обл., Ч.1. 1998. С. 200). Близки по форме железный браслет, имеющий не круглое, а прямоугольное сечение, известен в комплексе рубежа X – XI в. гор. Жидеевка (Зорин, Стародубцев, 2018. С. 141, Рис. 15: 4). Железные, круглодротовые спиралеконечные браслеты известны в мордовских комплексах более раннего периода – VIII–IX вв. (Вихляев и др., 2008. С. 42; С. 220, рис. 70: 2; С. 141–145, 320, 327, 328, 342, 345).

Железная подковообразная спиралеконечная фибула с прямоугольном сечением дуги обнаружена на площадке гор. Спицино (Колоколов, Простяков, 2021. С. 55, рис. 3: 7) (рис. 120: 9). Такие изделия известны и на памятниках IX – 1-й половины X в., в частности на гор. Супруты и сел. Торхово-3 (Григорьев, 2005б. С. 97, рис. 40: 7, 9, 10). В целом, на территории Руси подобные фибулы широко распространены в X в. (Мальм, 1967. С. 155).

Представительная серия украшений славянского круга древностей содержится в составе Полтевского клада (рис. 79: 15) с младшей монетой 976/977 г. (см. п. 4.8, табл. 5), обнаруженного в округе д. Полтево Чернского района Тульской области, на берегу р. Сальница (пр. приток р. Зуша). Поскольку это единственный комплекс на территории Окско-Донского региона, в котором представлен набор лучевых височных колец, характерных для 2-й половины X – 1-й половины XI в., следует рассмотреть его подробно.

Комплекс содержит 72 целых и фрагментированных серебряных дирхема, на 12 из них монет имеются отверстия для подвешивания (подробнее о

монетной части клада см. п. 4.8)[135]. Вещевая часть клада содержит 15 предметов изготовленных из серебра. Среди них: 6 височных колец,[136]; миниатюрная серьга с «расплющенной бусиной»[137]; два круглодротовых браслета с расширяющимися окончаниями[138]; проволочное височное кольцо круглого сечения[139]; товарно-весовой слиток-браслет из дрота ромбического сечения[140]; многократно согнутое пластинчатое очелье[141]. Кроме того, в состав клада входил серебряный лом и сырье ювелирной металлообработки: брусок-слиток, фрагмент круглого дрота, моток проволоки и гладкая пластина с неровными краями[142].

Самой информативной категорией вещей в кладе является набор лучевых височных колец (рис. 119: 1–6). Такие украшения содержатся в составе многих денежно-вещевых кладов верховьев Оки и Дона IX–X вв. (см. п. 4.8, табл. 5), и, согласно хронологии, разработанной А.В. Григорьевым, относятся ко 2-му этапу развития височных колец (Григорьев, 2010б. С. 449–454). Изделия из Полтевского клада, согласно той же хронологии, по ряду признаков можно отнести к 3-му этапу развития, датированному 2-й половиной X – началом XI в. (Григорьев, 2010б. С. 225).

Четыре из шести изделий составляют две устойчивые морфологические пары, причем одно кольцо в паре является качественным (рис. 119: 1, 2), детально проработанным прототипом, а второе – грубой его копией (рис. 119: 4, 5). Оригинальное изделие пары 1 (рис. 119: 1) представляет собой семилучевое кольцо с разомкнутой дугой. Как внешние, так и внутренние лучи (кол-во их совпадает), имеют небольшие каплевидные навершия. Лицевая часть изделия украшена псевдозерненым орнаментом. На боковых лучах точки псевдозерни расположены в форме треугольного фестона, повторяющего очертания лучей.

[135]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/1–72
[136]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/73–78
[137]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/79
[138]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/81–82
[139]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/80
[140]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/83
[141]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/84
[142]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/85–88

На центральном луче псевдозернь составляет фигуру из 10-ти точек, в виде перевернутой пирамиды. Подобная композиция имитирует пирамидки зерни колец раннего этапа, к которым конструктивно восходят лучи. (Григорьев, 2010б. С. 221. Рис. 2). Снизу к ней примыкает фигура из 3-х точек, вместе с вершиной пирамиды образующих ромб. По щитку изделия, дугообразно располагается ряд крупных точек псевдозерни, обрамленный по краям бордюром, который, вероятно, предусматривался как ряд мелких точек псевдозерни, сплавившихся в сплошную линию в результате некачественного литья. Вместе с дугой изделия эта композиция образует правильную окружность. Полной аналогии данному украшению найти не удалось. Близкий по орнаментации и оформлению лучей предмет происходит из разрушенного могильника Вщиж «Благовещенская Гора» (Шинаков, 2021. С. 59, рис. 4: В). Единственное его отличие от кольца из пары 1 – количество лучей: у изделия из могильника по 5 внешних и внутренних лучей, а вместо крайних – дисковидные утолщения в местах соединения дужки и щитка. Данное украшение Е.А. Шинаков выделяет в вариант 55, переходный к группе IV (конец X – начало XI в.) (Шинаков, 2021. С. 59). Вероятно, именно этот вариант послужил прототипом для более позднего, 7-ми лучевого кольца из Полтевского клада.

По морфологии, метрическим данным и весу изделия из 2-й пары практически аналогичны вышеописанным (рис. 119: 2). Единственным существенным отличием является форма фестонов на лучах: они исполнены не в виде треугольника из точек псевдозерни как в предыдущем случае, а в виде перевернутых арок, изображенных сплошной выпуклой линией. Внешние и внутренние лучи покрыты сплошной псевдозернью, тогда как центральная часть внешних боковых лучей кольца из пары 1 орнамента лишена.

Оригинальное украшение 2-й пары полностью соответствует варианту № 26 группы IV по А. Е. Шинакову, датирующемуся концом X – началом XI в. (Шинаков, 1980. С. 117, рис. 2). В эту группу входит аналогичное украшение из кургана 41 2-го Пекуновского могильника (Шинаков, 2021. С. 60, рис. 5: Б), а

так же пара колец из постройки 1 с монетой 70-х гг. X в. Большого Горнальского городища (Куза, 1981. С. 14, рис. 5: 4, 5; С. 29). Изделия аналогичной стилистики происходят из Воробьевского денежно-вещевого клада, с младшей монетой 975/976 г. (Гребенникова, Шпилёв, 2009. С. 36: 3; С. 40), а так же с Горнальского поселения (Шпилев, 2008б. Рис. 2: 1, 2). Фрагмент лучевого кольца с Ишутинского городища (на р. Сейм) аналогично вышеприведенным изделиям по орнаменту и морфологии, однако отличается по количеству внутренних лучей: их пять, а не семь как у остальных украшений (Шпилев, 2010. С. 230, рис. 4: 5, 5а). Бытование данных украшений А. Г. Шпилев связывает с финалом роменской культуры в Курском Посемье (Шпилев, 2009б. С. 13).

В целом, рассмотренные выше изделия чрезвычайно схожи между собой, их можно рассматривать в рамках одного типа.

Еще одно височное кольцо по количеству лучей и оформлению их наверший (рис. 119: 3) схоже с украшениями предыдущих 2-х пар. Однако, заметно более высокое, по сравнению с ними, качество исполнения: контуры изделия четче, орнаментальные элементы исполнены лучше, полностью отсутствует литейный облой. Несмотря на схожие с предыдущими размеры, изделие значительно легче и изящней. Главное отличие данного кольца – орнамент. На лицевой стороне украшения полностью отсутствует псевдозернь. Внутренние лучи орнаментированы канавкой по краю повторяющей контур. На внешних боковых лучах, помимо аналогичной канавки, прослеживаются едва заметные линии, образующие прямую решетку. По-видимому, их задача – имитация псевдозерни. Подобный орнамент на лучах известен у морфологически схожего кольца происходящего из кургана №92 (XI в.) Кубаевского могильника (Спицын, 1905. С. 138, рис. 126, С. 113; Соловьева, 1978. С. 174, рис. 2: 5). Щиток изделия украшен скудно: его покрывает широкое орнаментальное поле, украшенное глубоким вертикальным рифлением, в нижней части ограниченное волнистой канавкой, образующей все те же фестоны в виде перевернутой арки при переходе к лучам. Продолжение дуги

имитирует не ряд точек псевдозерни, как в предыдущих случаях, а широкая гладкая полоса, лишенная орнамента. Аналогичной орнаментальной композиции обнаружить, пока не удалось. Согласно типологии Е.А. Шинакова кольцо №5 ближе всего к типу Н (вар. 29) V гр., конца X – начала XII в. (Шинаков, 1980. С. 117, рис. 2), однако орнаментация щитка вертикальными насечками сближает его с типом Л (вар. 27) IV гр. Вероятно, украшение является уникальным и представляет собой переходный вариант между данными типами.

Грубо исполненное височное кольцо в кладе (рис. 119: 6), обладая значительно меньшими размерами, чем оригинальные кольца 1 и 2 пар, практически тождественно им по массе – 6.5 г., что связанно с большой толщиной изделия. Контур украшения нечеткий, орнамент читается слабо. Главное отличие его от остальных колец клада – 5 внутренних лучей вместо 7. Несмотря на слабую проработку лицевой части изделия, орнаментальная логика его ясна: две глубокие канавки на щитке, имитирующие продолжение дуги, и полукруглые фестоны при переходе к лучам. На самих лучах орнамент не отображен. По типологии А. Е. Шинакова кольцо соответствует типу Н (вар. 29) V гр., конца X – начала XII в. (Шинаков 1980: С. 117, рис. 2). Самой близкой аналогией по морфологии и орнаментации является набор лучевых колец из Жидеевского клада, скрытого в 80-х гг. X в. (Шпилев, 2008б. Рис. 2: 6; С. 192). Пара схожих украшений из бронзы происходит из славянского захоронения №507 Крюково-Кужновского могильника (Иванов, 1952. С. 191, табл. VII)

В составе клада содержится так же миниатюрная пятилучевая серьга с имитацией «расплющенных бусин» (рис. 119: 12). Изделия этого типа уже рассматривались в разделе 5.6.а. Такие находки известны и на памятниках раннего периода – гор. Супруты и Новосиль, а так же на гор. Новотроицкое в Поднепровье, где зафиксировано самое раннее изделие этого типа с 8-ю лучами. Таким образом, изделие из Полтевского клада позволяет нам проследить полную эволюционную цепочку этого типа украшений: от 8-ми

конечной серьги IX в., до 5-конечной конца X в., отдаленно напоминающей прототип (рис. 140).

Единственное височное кольцо, найденное на поселении 2-й половины X – середины XI в. происходит с сел. Сотино-1. От изделия сохранился фрагмент с изображением птицы на дужке и двумя лучами (рис. 120: 7). Такие изделия достаточно широко распространены на памятниках раннего периода, и описаны в разделе 5.6.а. В частности, два близких по стилю, украшения найдены на гор. Супруты (Григорьев, 2005б. С. 89, рис. 38: 9, 10). Аналогичные изделия известны и на памятниках сопредельных регионов, синхронных поселениям позднего периода верховьев Оки и Дона. Так, схожие украшения обнаружены на территории Гнездовского археологического комплекса (Пушкина, 2015. Рис. 1: 4–6). Контекст обнаружения одного из них достоверно неизвестен. Два других предмета связаны с датированными комплексами. Фрагмент такого височного кольца происходит из ямы, относящейся к финалу пойменной части селища, который датируется 2-й половиной X в. (Пушкина, 2015. Рис. 1: 5; С. 127). Принимая во внимание находку из Гнездова, возможно расширить хронологические рамки бытования подобных изделий. Таким образом, фрагмента височного кольца на сел. Сотино-1 не противоречит предложенной датировке памятника. Кольца с изображением птиц на дужке следует рассматривать как один из устойчивых типов этой категории украшений, существующих на протяжении как раннего, так и позднего периодов (рис. 140).

Помимо височных колец в составе, еще ряд украшений можно связать с восточнославянским кругом древностей. К ним относятся два аналогичных друг другу серебряных браслета из круглого дрота с расширяющимися окончаниями, из состава Полтевского клада (рис. 119: 7, 8). Вес изделий практически идентичный: 22,95 г. и 23,13 г. Подобные браслеты известны в материалах роменской культуры на всём протяжении её существования (Григорьев 2000. С. 134, 135). Они широко распространены в комплексах IX – 1-й половины X в. (Григорьев, 2012б. С. 44–46). Такие украшения входят так же в состав кладов конца X – 1-й половины XI в.: Курского (Стародубцев, Лебедев,

2015. Рис. 1: 4, 5), Жидеевского (Шпилев, 2008а. С. 48, рис. 5: 1) и Воробьевского (Гребенникова, Шпилёв, 2009. С. 36: 3). Пара схожих браслетов происходит из постройки 1 Большого Горнальского городища, в которой, как было указано выше, обнаружена пара височных колец аналогичных украшению из рассматриваемого клада. (Куза, 1981. С. 14, рис. 5: 1, 2).

В кладе содержится так же многократно согнутая серебряная пластина массой 16.97 г., представляющая собой ювелирный лом (рис. 119: 16). Это, т.н. «очелье» – узкая тонкая лента с сужающимися концами, заканчивающимися петлями-крючками. Подобные уборы известны в погребальных комплексах Днепровского Левобережья, конца X – XI в. (Шпилев, 2008а. С. 43–59; 2009а. 338–351). Аналогичное изделие входит в состав Жидеевского клада конца X в. (Шпилев, 2008а. С. 48, рис. 5: 1).

Иную морфологию имел серебряный браслет (рис. 119: 9) в виде свернутого в кольцо четырехгранного дрота без орнамента и с неоформленными окончаниями[143], так же представленный в составе клада. В комплексе кладов IX–X вв., найденных на исследуемой территории, таких предметов не известно. Традиционно, они интерпретируются как платежно-весовые слитки товарного серебра. Масса браслета составляет 50 г. В большинстве кладов о. Готланд эпохи викингов содержится серебряный четырехгранный дрот в разных формах, в том числе и в виде аналогичных браслетов (Stenberger, 1947. P. 131: 7). Данные изделия нормированы по весу и кратны весовой единице 100 г. (Жуковский, 2019. С. 216). Ближайшая аналогия происходит с территории северской земли: 3 аналогичных браслета известны в составе Коробкинского клада 2-й половины X – начала XI в. (Шпилев, 2018а. С. 257, рис. 4: 3; С. 244).

Проволочное височное кольцо (рис. 119: 13), из клада, является самым простым видом украшений. В целом или фрагментированном виде они известны на большинстве исследованных памятников IX–XI вв. верховьев Оки и Дона и сопредельных регионов. В том числе, аналогичное изделие

[143]Фонды гос. музея «Куликово поле». (ГМЗ-КП–1739/83)

содержалось в комплексе упомянутой выше постройки 1 Большого Горнальского городища в связи с находками лучевых колец (Куза, 1981. С. 14, рис. 5: 3).

Примечательной находкой из состава клада является серебряный сырьевой слиток-брусок[144] (рис. 119: 10) массой 16.72 г. Слиток имеет следующие размеры: длинна – 4.6 см, ширина – 0.7 см, толщина – 0.3 см. Сечение его трапециевидное, окончания скругленные, по центру лицевой стороны проходит неглубокая продольная борозда. Очевидно, это изделие относится к «метрологически нестабильным палочковидным слиткам», бытовавшим на территории Руси до середины XI в. (Комар, 2015. С. 539). Масса данного слитка определялось не весовым стандартом, а параметрами исходного, или планируемого изделия. Остальные 3 предмета в кладе представляют собой ювелирный лом – моток тонкой серебряной проволоки (рис. 119: 14), толщиной ок. 0.03 мм, массой 0.76 гр.; фрагмент круглого дрота массой 8.75 гр., а так же гладкая пластина с неровными краями (рис. 119: 11) (массой 1,11 гр., представляющая собой фрагмент неопределимого изделия (рис. 119: 15)[145]. Общий вес серебра в кладе составляет 356 г.

В целом, вещевой комплекс клада соответствует его датировке по монетному составу.

Яркими предметами импорта, маркирующими поселения позднего периода, являются вещи североевропейского и древнерусского происхождения. Большинство их происходят с базовых памятников этого времени: гор. Спицино и Лобынское, сел. Б. Тризново-4.

Представительная серия таких предметов обнаружена на гор. Спицино. Среди них – фрагмент подковообразной бронзовой фибулы (рис. 121: 1) с напускными усеченными пирамидками на дуге, пуансонным орнаментом в виде точек на вершинах пирамидок и треугольных отпечатков на дуге. Подобные фибулы по материалам Гнездова датируются 2-ой половиной X – началом XI в.

[144]Фонды гос. музея «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/85
[145]Фонды гос. музея «Куликово поле». ГМЗ-КП–1739/86–88

(Авдусина, Ениосова, 2001. С. 96–98). Вторая находка этого круга – серебряная шестигранная подвеска с орнаментом в виде волют и пирамидки в центре (рис. 121: 3). Декор таких изделий стилистически близок орнаменту маленьких круглых фибул группы IV по И. Янссону (Jansson, 1984б. S. 62, 64. Abb. 8, 2: IV: A1, A2, B). Ближайшие аналогии нашей находки происходят из погребения 861 могильника Бирка (Arbman, 1943. Taf. 96, 13), комплекса №45 Центрального раскопа 1980–1983 гг. на Рюриковом городище, датированного 2-ой половиной X – рубежом X–XI в. (Носов, 1990. С. 126, 156, рис. 48: 14), и гнездовского клада 1868 г. (2-ая половина X – рубеж X – XI в.) (Гущин, 1936. С. 53–57; табл. IV: 21–23; Корзухина, 1954. С. 22–23). Таким образом, находка с гор. Спицино обосновано может датироваться 2-й половиной X – началом XI в. С памятника происходит так же игла «со шпорой» (рис. 121: 2). Подобные иглы являются деталями скорлупообразных фибул (Jansson, 1985. P. 115, fig. 104: b), бытовавших на территории Руси на протяжении всего X и в начале XI в. В частности, на Рюриковом городище серия аналогичных игл обнаружена в слое X в. (Носов и др., 2017. С. 92, илл. 23: 3–5).

Игла с орнитоморфным изображением у основания, принадлежащая подковообразной фибуле, обнаружена на гор. Лобынское, у подножья печи–каменки постройки 1 раскопа 2 (2022г.) (рис. 121: 4; 130: 1, 2). Фибулы с такими иглами и отдельные находки игл, характерны для древнерусских материалов 2-й половины X – XI в. Одна из них происходит из слоя пожара 2-го горизонта культурного слоя Белоозера, датированного концом X – XI в. (Голубева, 1967. С. 93, рис. 33: 1; 1973. С. 68, рис. 13: 7). Другая находка обнаружена в кремации кургана №3 у с. Видлицы (Карелия) (Равдоникас, 1934. С. 14, Табл. IV: 14). Это захоронение датируется X – началом XI в. (Голубева, 1973. С. 69). Еще одна фибула найдена в захоронении кургана 19 могильника Нисимковичи, функционировавшего с конца X по XII век в Гомельском Посожье (Богомольников, Макушников, 1988. С. 13, рис. 4: 2). Подковообразная фибула с иглой, у основания которой изображена голова птицы, происходит с территории Новгородского Полужья. В отличие от

находки с Лобынского, изображение проработано гораздо детальнее и четче, однако стилистически очень близко. Изделие содержалось в комплексе могильника Удрай, в захоронении кургана IV–6, вместе с денарием 2-й половины XI в. (Равдина, 1988. С. 17, табл. 10: 22, С. 119). Фибула с иглой, аналогичной нашей, а так же отдельная находка такой иглы, происходят из слоя XI в. Суздальского кремля (Седова, 1997. С. 94–95, рис. 29: 9, 14). Исходя из приведенных материалов можно заключить, что изделия, аналогичные находке из постройки 1 гор. Лобынское широко распространены на территории Древней Руси в комплексах, датирующихся не ранее конца X в., преимущественно – в XI в. (Кренке, Ершов, 2025. С. 294–307).

Многочисленные аналогии в североевропейских и древнерусских материалах имеет фрагмент ладьевидного браслета (рис. 121: 5), обнаруженный на сел. Б. Тризново-4 (Колоколов, Простяков, 2024. Рис. 2: 2, 5). Браслет имеет широкую среднюю часть полукруглого сечения, и сужающиеся окончания. Он орнаментирован вертикальными валиками на месте сужения дуги и по центру; между рядами валиков читается три горизонтальные линии пуансонных точек. Следов дополнительной проработки орнамента на готовом изделии не наблюдается, очевидно, браслет отлит по оттиску прототипа. Реконструируемый диаметр изделия – 6 см.

Браслеты, послужившие прототипом для изделия с сел. Б. Тризново-4, имеют североевропейское происхождение (Petersen, 1928. P. 152, fig. 183). В частности, схожий браслет содержался в захоронении 83 Бирки (Arbman, 1940. P. 35–36; 1943. Taf. 109, 5, 6). Схожие браслеты распространены и на памятниках северо-запада Древней Руси. Один из них происходит из постройки 1 раскопа 1984–1985 г. на Рюриковом городище (Носов, Плохов, 2005. С. 39, 201, табл. 29, 8), а так же из горизонта X в. Белоозера (Голубева, 1973. С. 74–75, 140–141, рис. 51, 28). В слое X в. Старой Ладоги была найдена каменная форма для отливки таких браслетов (Давидан, 1980. С. 62, табл. 2, 18). Находки ладьевидных браслетов связаны так же с курганами Южного Приладожья (Бранденбург, 1895. Табл. IV). Два из них очень близки к находке с сел. Б.

Тризново-4. Один браслет происходит из захоронения 2 кургана Урицкое (Костино–95; XCV по Бранденбургу) (Бранденбург, 1895. Табл. IV, 16), в комплексе с двумя скорлупообразными фибулами типа 27 и равноплечной фибулой типа 58 (по Я. Петерсену), на основании которых погребение датировано IX веком (Кочуркина, 2013. С. 62–63; Богуславский, Яблоник, 1987. С. 25–26). При этом фибулы указанных типов встречаются и в комплексах X в. (Горюнова, 2016. С. 18; Седых, Френкель, 2014. С. 165–198). Второй браслет найден в комплексе трупосожжения кургана 1 в Нюбиничах, содержащего находку дирхема 916/917 гг. (Кочуркина, Линевский, 1985. С. 131–133, рис. 58, 7). Таким образом, браслеты, послужившие прототипами изделия, с сел. Б. Тризново-4, в основном связаны со слоями и комплексами X в., и, судя по находке из Нюбиничей, тяготеют к середине столетия.

С памятником финала позднего периода – гор. Тимофеевка, связаны находки двух бронзовых древнерусских перстней. Один из них – цельнолитой, с имитацией витья на внешней стороне передней части (рис. 121: 9), найден в слое конца X – XI в.[146] По материалам Новгорода такие изделия датируются широко – в пределах XI – конца XIV в. (Седова, 1981. С. 123, Рис. 45: 5-8, С. 125–126; Лесман, 1990. С. 51). Подобные перстни являются частой находкой в древнерусских погребальных комплексах, но встречаются и на поселенческих памятниках Верхней Оки в. т.ч. при раскопках Серенска (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 213. Рис. 104: 4, 5; 105: 5-8). Вероятно, здесь мы имеем дело с одной из самых ранних находок такого перстня на территории Окско-Донского региона. В том же слое обнаружен прямой узкопластинчатый разомкнутый перстень с диагональными насечками на наружной стороне (рис. 121: 10)[147]. Такие перстни широко распространены в древнерусских материалах XI в. (Недошивина, 1967. С. 259; Седова, 1981.С. 131; Зайцева, 2008. С. 119–121).

Помимо вещей североевропейского и древнерусского круга, на памятниках позднего периода продолжают бытовать предметы финно-

[146]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-121/106
[147]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-121/104

угорского облика. Среди них – шумящая треугольная привеска, найденная на гор. Лобынское[148] (рис. 121: 7). Такие украшения характерны для финно-угорских племен Среднего Поволжья. По Л.А. Голубевой изделие принадлежит к типу I, и датируется IX–X вв. (Голубева, 1982. С. 113. Рис. 2: 8). Так же, в раскопе 2003 г. на городище (Арх. ИА РАН. Иванов, 2003. Рис. 9: 2) было найдено проволочное височное кольцо «муромского типа» (рис. 121: 6). В Муроме было обнаружено такое кольцо, соединенное в одно целое с треугольной подвеской схожей по оформлению с найденной на городище (Спицин, 1901. Табл. XXX: 16). Еще одно типичное изделие финно-угорского круга – «очковидная» обувная подвеска со спиралевидным орнаментом, происходит с сел. Б. Тризново-4 (рис. 121: 8). Такие предметы повсеместно распространены в древностях в VIII–XI вв. (Розенфельдт, 1982. С. 91–93).

На протяжении позднего периода в небольшом количестве встречаются и предметы степного круга древностей, составлявшие основу вещевого комплекса памятников раннего периода. Известна всего одна такая находка, относящиеся к категории украшений – фрагмент подвески-амулета в виде коня, обнаруженный на гор. Спицино (рис. 121: 11). Изделие выполнено аккуратно: литье качественное, черты проработаны детально, грива коня намечена насечками, а по корпусу нанесен циркульный орнамент. Возможно, изваяние включало и фигуру всадника, но средняя часть и вторая половина предмета не сохранилась. Такие амулеты характерны для салтово-маяцкой культуры, их чаще всего находят в женских захоронениях. Они массово представлены в погребениях Дмитриевского (Плетнева, 1989. С. 97, рис. 48) и Верхне-Салтовского (Аксенов, 2016. С. 15–37) могильников VIII – начала X в. Стилистически близкие находки происходят из дореволюционных сборов на площадке могильника III–IX вв. Камунта (Северная Осетия) (Албегова, Ковалевская, 2011. С. 287, рис. 1: 10).

Помимо металлических украшений, с памятниками позднего периода связаны немногочисленные находки стеклянных и каменных бус.

[148]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП–826/1

На площадке гор. Спицино найдена сердоликовая многогранная бусина (Арх. ИА РАН. Полукеева, 2019. Рис. 275: 5) (рис. 120: 16). Ранние находки подобных изделий происходят из курганов с трупосожжениями конца IX – X в., основная их масса датируется X–XI вв. (Сергеева, 1990. С. 98). Такие находки широко распространены и на памятниках раннего периода, большинство их обнаружено в комплексе Супрутского городища (см. п. 4.6.а).

Две многочастные стеклянные бусины-пронизки декорированные металлической фольгой обнаружены в постройке 1 раскопа 2 (2022 г.) на гор. Лобынское (Арх. ИА РАН. Простяков, 2022. Т. 2. С. 106, рис. 147: 2, 3) (рис. 130: 5, 6). Одна из них декорирована серебряной фольгой (рис. 120: 11), вторая – золотой (рис. 120: 10). Оба изделия покрыты кантарелью бесцветного прозрачного стекла. Этот тип является одним из основных среди стеклянных бус региона в предыдущий, ранний период (подробно см. п. 4.6.а). Интересен контекст обнаружения находок: они были найдены при расчистке развала лепного роменского горшка, в придонной части сосуда вместе с астрагалом (см. ниже). Еще одна многочастная бусина-пронизка из непрозрачного стекла обнаружена на площадке гор. Фурсово-2 (рис. 120: 12).

Из слоя конца X – XI в. гор. Тимофеевка происходит четыре бусины. Среди них – мозаичная бусина, с многоцветным орнаментом красного, зеленого, желтого оттенков[149], найдена в ходе раскопок 1996 года (рис. 120: 17) (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996). Схожие изделия известны в комплексе Центрального Гнездовского городища (Доброва, 2018. С. 117, рис. 8: 4). Со слоем гибели поселения славянского периода на городище связана находка золотостеклянной бусины[150] (рис. 120: 13) (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999. С. 16). В этом же слое содержалась белая пастовая бусина дисковидной формы с красно-коричневым орнаментом[151] (рис. 120: 14) (Арх. ИА РАН. Григорьев,

[149]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-121/108
[150]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-658/33
[151]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-658/34

1999. С. 17), и сердоликовая бусина вытянутой биконической формы с граненой поверхностью[152] (рис. 120: 15).

5.5.б.

Хозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода

Наиболее многочисленной категорией вещей на памятниках 2-й половины X – середины XI в. являются предметы хозяйственно-бытового назначения, изготовленные из железа.

Несколько железных орудий происходит из остатков жилищ памятников позднего периода. В заполнении наземной жилой постройки 1 гор. Спицино содержался железный нож, у которого черешок продолжает спинку обуха, лезвие при переходе к черешку имеет плавный уступ (рис. 122: 10). В постройке 2 того же памятника найдено железное шило круглого сечения с плоским черешком, центральная часть которого тордирована (рис. 122: 7). В слоях Новгорода такие изделия встречаются в строительных ярусах с X в. до середины XV в. (Сингх, 2009. С. 92–93, табл. 56: 3–7). Железное шило в виде четырехгранного стержня прямоугольно-квадратного сечения, с утолщенной серединой и заостренными окончаниями (рис. 122: 11) обнаружено в заполнении постройки 1 сел. Б. Тризново-4 (Колоколов, Простяков, 2024. С. 157, рис. 3: 11).

На площадке и склонах гор. Спицино был обнаружен ряд железных предметов хозяйственного назначения (Арх. ИА РАН. Простяков, 2020. С. 199–203): наральник, железный пинцет, фрагмент надочажной цепи, плужный нож (рис. 122: 1, 3, 6, 16).

Наральник имеет умеренно заостренный наконечник, плечики слабо выражены, втулка расширяется к тыльной части, длина и ширина втулки около ½ общей длины (рис. 122: 1). Наибольшая ширина лопасти находится в верхней части, незначительно превышает среднюю ширину втулки. Предмет относится

[152]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-400/5

к типу ІБ1 по Ю.А. Краснову (Краснов, 1987. С. 38–39; Рис. 8: 1). Такие орудия бытуют на территории восточной Европы с 1-й половины I тыс. до XIII–XIV вв. Еще одно сельскохозяйственное орудие – фрагмент железного серпа с отогнутым наружу черешком, происходит из заполнения постройки 5 гор. Кетри (Колоколов и др., 2021. С. 192, рис. 13: 2) (рис. 124: 8). Такие изделия являются типичным для славянских и древнерусских памятников южной зоны земледелия (Колчин, 1953. С. 89–95).

Железный пинцет (рис. 122: 3) (Арх. ИА РАН. Полукеева, 2019. Рис. 274: 1) относится к типу I, варианта 3 по В.К. Сингху. Он представляет собой тонкую пластину согнутую пополам, имеет в месте сгиба небольшой прямоугольный выступ, края губ слегка загнуты. (Сингх, 2009. С. 47–48, рис. 3, в). В культурном слое древнего Новгорода такие орудия встречаются в слоях XI–XV вв. (Сингх, 2009. С. 48).

Интересной находкой является звено надочажной цепи, т.к. это единственный экземпляр такого изделия, известный на территории региона. Сохранилась около половины предмета, на окончаниях заметны следы слома. Звено имело восмеркообразную форму, изготовлено из тордированного четырехгранного прута, в месте соединения со следующим звеном имеет уплощение (рис. 122: 6). Цепи с аналогичными звеньями использовались в быту как кочевого, так и оседлого населения восточноевропейских степей (Колода, 2007. С. 120–132). На одном конце они имели крюк для крепления потолочному подвесу в жилище, а на другом – плоскую изогнутую лапку для подвешивания котла. Известны такие приспособления и в материалах Древней Руси и Северной Европы, но они отличаются несколько иным способом плетения (Авдусина, 2021. С. 37, рис. 14: 2; Arbman, 1940. Taf. 30).

Помимо железных изделий, на склоне гор. Спицино был найден свинцовый грузик (рис. 122: 4). Такие находки типичны для синхронных древнерусских памятников. В частности, значительное их количество обнаружено в комплексе Рюрикова городища (Носов и др., 2019. С. 168, рис. 79: 11; 180, рис. 88: 16, 21; илл. 32: 6, 7).

К позднему периоду может относиться находка пружинных ножниц с гор. Вырск (рис. 122: 2). Отличительной чертой этого изделия является наличие петли на пружинном конце, что, по материалам древнего Новгорода свидетельствует о принадлежности орудия к X–XI вв. (Сингх, 2009. Т. 1, С. 93–96; Т.2. Табл. 59: 1–4).

Обилие железных изделий на памятниках позднего периода свидетельствует о развитом металлургическом и кузнечном производстве. Производственных сооружений на поселениях 2-й половины X – середины XI в. пока не обнаружено, известны лишь отдельные следы их существования. Среди них – находки двух горновых криц на восточном склоне гор. Спицино (рис. 122: 14, 15) (Колоколов, Простяков, 2021б. С. 176, рис. 5). Скопление сгустков металлургического шлака было зафиксировано и в заполнении постройки 5 на том же памятнике (рис. 129: 1) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2020. С. 161, рис. 141). Отсутствие следов отопительного сооружения говорит о хозяйственном назначении сооружения. Не исключено, что она имела функции предгорновой ямы, при этом сам горн не вошел в площадь раскопа. Помимо сгустков шлака и небольшого количества лепной керамики (рис. 129: 4, 5) в заполнении объекта было найдено миниатюрное слесарное зубильце (рис. 122: 5; 129: 6) (Колоколов, Простяков, 2021. С. 62, рис. 8: 14). Скопление сгустков металлургического шлака, было зафиксировано так же в нижней части заполнения хозяйственной постройки 4 на гор. Кетри (рис. 124: 6, 7) (Колоколов и др., 2021. С. 191, рис. 12).

Других следов черной металлургии на памятниках позднего периода не обнаружено. При этом можно говорить о существовании бронзолитейного производства на сел. Б. Тризново-4, о чем свидетельствуют находки сгустков застывшего металла из каналов литейных форм (рис. 122: 12, 13) (Колоколов, Простяков, 2024. Рис. 2: 6, 7).

Отдельную категорию хозяйственных принадлежностей с памятников позднего периода составляют изделия из кости, рога, глины и камня. Находки

эти немногочисленны, но все они происходят из жилищных либо хозяйственных комплексов.

Как и на протяжении раннего периода, на памятниках 2-й полвины X – середины XI в. встречаются астрагалы. Один из них был обнаружен в постройке 1 раскопа 2 (2022 г.) на гор. Лобынское. Предмет имеет отверстие для подвешивания, насечек на лицевой стороне не обнаружено (рис. 123: 2) (Колоколов, 2024а. Рис. 5а: 6). Вторая такая находка происходит из слоя сгоревших укреплений гор. Снедка (рис. 123: 1) (Григорьев, Колоколов, 2021. С. 156, рис. 8: 1).

В заполнении котлована постройки 1 на сел. Б. Тризново-4 было найдено роговое острие с V-образным вырезом в широкой торцовой части (рис. 123: 3) (Колоколов, Простяков, 2024. С. 157, Рис. 3: 10). Аналогичные орудия происходят из слоев Саркела IX – середины X в., которые могли использоваться для свивания веревок или плетения (Флерова, 2001. С. 280–281; 217, рис. 4).

В слоя пожара гор. Снедка, помимо упомянутого выше астрагала, содержалось выточенная из кости подвеска, формой имитирующие клык животного (рис. 123: 4) (Григорьев, Колоколов, 2021. С. 156, рис. 8: 2). Изделие схожей морфологии, но с художественно оформленным навершием в виде головы животного, известно на роменском поселении Переверзово в Посемье (Енуков, 2005. С. 140, рис. 40: 2). В том же слое гор. Снедка был найден костяной кочедык (рис. 123: 5). Подобные изделия известны и на поселениях раннего периода (см. п. 4.6.в).

С памятниками финального этапа позднего периода – гор. Тимофеевка и Кетри, так же связан небольшой набор традиционных костяных изделий. Среди них – костяной кочедык из слоя конца X – XI в. гор. Тимофеевка (Григорьев, 2005б. С. 121, рис. 48: 9, 10), и костяная проколка (рис. 124: 5) – из заполнения ямы 33 раскопа 3 того же памятника (Столяров, Шеков, 2021. С. 168, рис. 6: 3). Подвеска-амулет, изготовленная из клыка животного (рис. 124: 4) обнаружена в нижней части заполнения постройки 2 на гор. Кетри, под развалом печи

(Колоколов и др., 2021. С. 186, рис. 7: 7). Аналогичные подвески известны и на памятниках раннего периода (рис. 48: 1, 2) – гор. Петровском и сел. Уткино-1 (см. п. 4.6.в).

Весьма редкой находкой на памятниках позднего периода являются широко распространенные ранее керамические пряслица. На сегодняшний день мы располагаем всего тремя находками из заполнении наземной жилой постройки 1 на гор. Спицино – они представлены груболепными битрапециевидными грузиками (рис. 123: 6–8). В конце позднего периода на территорию региона начинают поступать пряслица из пирофиллитового сланца. Они найдены только на одном памятнике этого времени – гор. Тимофеевка. Дисковидное пряслице с каналом отверстия 7 мм (рис. 124: 1) было обнаружено в слое гибели поселения славянского периода на городище[153] (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999. С. 16). Вторая находка (рис. 124: 2) найдена в заполнении ямы 22 раскопа 2. Она имеет биконическую форму и широкое отверстие: 10 мм. Производство шиферных пряслиц возникает в конце X в. и в XI–XIII вв. они широко распространяются по Древней Руси и сопредельным территориям. Согласно хронологии шиферных пряслиц Р.Л. Розенфельда, диаметр внутреннего канала 10 мм., позволяет отнести находку к изделиям раннего типа, распространенным в XI в. (Розенфельд, 1964. С. 223). На прочих памятниках позднего периода таких находок не известно, они получают более широкое распространение в древнерусское время. Три таких пряслица обнаружены в постройках конца XI – 1-й половины XII в. позднего горизонта гор. Кетри (Колоколови др., 2021. С. 198–199, рис. 19: 3, 20: 4, 5).

Еще одно орудие, изготовленное из камня – черный сланцевый оселок с отверстием для подвешивания[154] (рис. 124: 3), происходит из комплекса ямы 33 раскопа 3 гор. Тимофеевка (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996). Такие находки известны и на знаковых поселениях раннего периода – гор. Супруты и сел. Уткино-1 (см. п. 4.6.б).

[153]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-658/35
[154]Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». ГМЗ-КП-121/105

5.5.в.

Предметы воинской культуры.

Коллекция атрибутов воинской культуры с памятников позднего периода крайне немногочисленна. К ним относятся предметы вооружения, конского снаряжения, поясного набора. Самая представительная коллекция предметов вооружения происходит с гор. Спицино. Там обнаружены фрагмент обуха топора, наконечник копья и три наконечника стрел.

Фрагмент обуха топора с симметричными треугольными щековицами (Арх. ИА РАН. Простяков, 2020. Рис. 196: 4), не позволяет однозначно определить его тип (рис. 125: 5). Судя по форме и размерам он, вероятно, принадлежит узколезвийному топору типа VIII по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966. С. 30, рис. 6). Орудия этого типа широко распространены на славянских памятниках региона в IX – 1-й половине X в. (Григорьев, 2005б. С. 75, рис. 29: 1–4)[155].

Наконечники стрел известны только на гор. Спицино (3 экз.) (Арх. ИА РАН. Полукеева, 2019. Рис. 274: 2; 275: 3; 276: 2). Среди них – фрагмент лавролистного наконечника стрелы с коротким черешком и линзовидным сечением (рис. 125: 3) типа 63 по А. Ф. Медведеву (Медведев, 1966. С. 74–75. Табл. 14, 9), датируется IX–XI вв. Аналогичный наконечник происходит с памятника раннего периода – гор. «Чертово Городище» (Прошкин, 2013. С. 68, рис. 2: 3). Черешковый килевидный наконечник стрелы (рис. 125: 2) относится к типу 82 по А.Ф. Медведеву и датируется IX–XI в. (Медведев, 1966. С. 81, табл. 30, 83; табл. 17, 7–11). Они известны и на памятниках IX – 1-й половины X в.: гор. Супруты (Григорьев, 2005б. С. 74, рис. 28: 10), Петровское (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015, рис. 198: 3), сел. Устье-2 (Гоняный, 2020. С. 90, рис.

[155]Еще один, на этот раз целый узколезвийный топор был найден в окрестностях гор. Лобынское. Он обладает длинным, узким лезвием подтреугольной формы, и сильно выраженными, узкими щековицами. Такие орудия широко распространены на территории Литвы и Белоруссии, где имеют весьма широкие хронологические рамки бытования – с середины I тысячелетия н. э. до X в. (Казакявичюс, 1982. С. 71–80). А.В. Григорьев рассматривает его в контексте славянских древностей (Григорьев, 2005. Рис. 29: 2). Однако, единственный аналогичный топор с территории Верхней Оки, найден в контексте мощинских древностей (Воронцов, Ахмедов, 2012. С. 31, рис. 3) коих на гор. Лобынское не обнаружено. Не исключено, что находка топора связана с одним из памятников эпохи Великого переселения народов, выявленных в округе гор. Лобынское в 2023 году (Столяров и др., 2024. С. 217–221).

16:4; С. 87, рис. 13: 1), в том числе в составе стратифицированных комплексов (см. п. 4.7.а). Не вполне ясно происхождение третьего наконечника стрелы с гор. Спицино (рис. 125: 4). Его форма близка к ланцетовидной, однако заметна угловатость контура пера при переходе к острию, что не характерно для изделий скандинавского происхождения. При этом на памятнике обнаружена серия украшений североевропейского круга, а так же следы развитого металлургического производства и большое количество кованых изделий (Колоколов, Простяков, 2021. С. 50–66). Возможно, данный предмет был изготовлен местным мастером, использовавшим в качестве образца ланцетовидный наконечник.

Единственный наконечник копья, обнаруженный на гор. Спицино (Арх. ИА РАН. Полукеева, 2019. Рис. 278: 1), так же косвенно можно связать с североевропейским влиянием (рис. 125: 1). Его перо имеет ланцетовидную форму (ближе к листовидной) и соотношение с длиной втулки 1:1. Предположительно, данная находка является древнерусским вариантом североевропейских ланцетовидных наконечников копий, сформировавшимся во 2-й половине X в. (Каинов, 2019. С. 278–279).

Несмотря на немногочисленность предметов вооружения, связанных с памятниками позднего периода, именно к этому времени относится единственная известная в регионе находка длинноклинкового оружия. Это сабля с перекрестием, обнаруженная в пригороде г. Тулы, в окрестностях д. Конино (рис. 103: I; 126) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2022. С. 31–32, рис. 61). Несмотря на то, что место находки зафиксировано и обследовано, памятника археологии, с которым она могла бы быть связана, не обнаружено. Полной аналогии изделию обнаружить так же не удалось, хотя схожие экземпляры вооружения известны в литературе. Например, очень близкую морфологию клинка и перекрестия имеет венгерская сабля, обнаруженная в окрестностях Аусбурга (Schulze-Dörrlamm 2006. P. 50, fig. 11), и связанная с битвой на реке Лех 955 года (Schulze-Dörrlamm 2006. P. 51; Grygiel, 2023. S. 132). По У.Ю. Кочкарову клинок сабли относится к типу I, имеющему широкую датировку: с

конца VIII по XIII в. (Кочкаров, 2008. С 26; С. 134, табл. VI: 1). Самая близкая аналогия нашему клинку происходит из кургана 2 адыгейского могильника Колосовка (Дитлер, 1958. Табл. XVII: 1), датирующегося в пределах 2-й половины X – 1-й половины XI в. (Пьянков, Цокур, 2011. С. 160). От клинка из Колосовки сабля из окрестностей д. Конино отличится размером обратной заточки: клинок из кургана 2 заточен на ¼, клинок нашей сабли заточен на ¾. Такая заточка известна всего на нескольких экземплярах раннесредневековых сабель. Среди них – находка из окрестностей Майкопа (Zakharov, Arendt, 1935. Abb. 24:1, Gorelik, 2002. Tab. X-6: 9), и из погребения 436 Бояновского могильника (Данич, 2022. С. 139, рис. 7: 5). Упомянутые изделия датируются широко – в рамках IX–X вв. Наиболее яркий экземпляр раннесредневековой сабли с обратной заточкой на большей части клинка – т.н. «сабля Карла Великого» (The Ancient Hungarians, 1996. P. 67–71), датируется в рамках конца X – 1-й четверти XI в. (Кирпичников, 1965. С. 272; Кирпичников, Коваленко 1993. С. 127). По А.Н. Кирпичникову перекрестие сабли, обнаруженной в окрестностях д. Конино, соответствует типу 1Б и датируется X – 1-й половиной XI в. (Кирпичников, 1966. С. 68–69; Рис. 13: 1б). Основной орнаментальный элемент перекрестия – трехлепестковая пальметта с переплетающимися стеблями присутствует на ряде изделий этого типа. Одно из них происходит из кургана I Гочевского могильника (Самоквасов, 1915. Табл. IX, 6–9), второе – из района Княжьей горы (Ханенко, Ханенко, 1902. С. 31; Табл. VI, 212). Р.С. Орлов, относил художественное оформление этих перекрестий к южнорусской "школе Б" и датировал 1-й половиной XI в. (Орлов, 1983. С. 43; рис. 11). Схожий орнамент нанесен на перекрестие типа 1Б, принадлежащее сабле из огузского погребения 1, кургана 4, могильника Маяк Октября, которое датируется началом XI в. (Хабарова, 2001. С. 14: VII; Круглов, 2016. С. 221–223). Помимо сабельных перекрестий, изображение трехлепестковой пальметты с переплетающимися стеблями можно встретить еще на ряде изделий 2-й половины X – 1-й половины XI в. В их числе оковка малого рога из Черной

Могилы (Корзухина, 2017. С. 623, рис. 6), и большая бляшка из кургана 2 в Табаевке (Орлов, 1984. С. 49).

Таким образом, сабля, обнаруженная у д. Конино с высокой вероятностью датируется в рамках 2-й половины X – 1-й половины XI в. Эта находка может быть связана с процессом внедрением сабли в вооружение древнерусского всадника, начавшимся в 1-й половине XI в. (Кирпичников 1966. С. 68–69). Самые ранние находки фрагментов сабель в составе древнерусского комплекса вооружения, происходят из Гнездовского могильника и датируются 2-й половиной X в. (Каинов, 2019. С. 117). Не исключена связь находки с ближайшим к нему памятником позднего периода – гор. Кетри (рис. 103: 16), расположенном в 3.6 км к западу от местонахождения.

Однако, учитывая бесконтекстный характер находки, не стоит исключать и возможность более поздней датировки сабли. Так, предметы вооружения со слабоизогнутым клинком и обоюдоострым окончанием известны в материалах аскизской культуры (Кызласов, 2008. С. 72–99). Стиль оформления фигурной оковки, характерный для аскизских сабель конца X–XI в. (Кызласов, 2008. С. 84; Рис. 6, 7, 8, 9), схож с рассматриваемым нами предметом (рис. 126: 2). Поскольку появление аскизских древностей на территории верховий Оки и Дона относится XIII в., (Гоняный, 2005б. С. 85–100), не исключено что и находки сабли у д. Конино может быть связана с древнерусским периодом истории региона.

Помимо вооружения, на памятниках позднего периода встречаются находки предметов конского снаряжения. Они происходят с гор. Спицино и Тимофеевка, а так же с сел. Б. Тризново-4.

На гор. Спицино найдены два железных псалия. Один из них (рис. 125: 7) – железный двухсоставный гвоздевидный, с рубчатым орнаментом и шишечками на концах (Арх. ИА РАН. Полукеева, 2019. Рис. 276: 1), является деталью удил типа Ia по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1973. С. 12–13, рис. 4, Ia). По мнению исследователя, гвоздевидные псалии с рубчатым орнаментом и шишечками на окончаниях характерны для X в. (Кирпичников, 1973. С. 13–

14). Вторая находка с городища связана с комплексом хозяйственной постройки 5 (рис. 129: 1). В ее заполнении обнаружен железный S-видный односоставной псалий с уплощенными окончаниями (рис. 125: 6). Он имеет многочисленные аналогии в степных древностях IX–X вв. (Мажитов, 1981, рис. 21: 5, 22: 9; 24: 20; 26: 25 и др.; Плетнева, 1989, рис. 38; Генинг, Халиков, 1964. табл. IX), и финно-угорских материалах Нижнего Поочья VIII–X вв. (Гришаков, Седышев, 2013. С. 110, рис. 1: 6). Схожий по морфологии односоставной псалий, с иным оформлением окончаний происходит из постройки 2 раскопа XXV на гор. Супруты (рис. 70: 1).

Подпружная железная пряжка происходит с сел. Б. Тризново-4 (рис. 125: 8) (Арх. ИА РАН. Простяков, 2022. С. 189, рис. 137: 8). Находки таких предметов типичны для средневековых памятников Доно-Донецкой степи, Причерноморья, степного и лесного Приуралья (Армарчук, 2006. С. 185, рис. 21; Кравченко, 2020. С. 219, рис. 5; Крыласова, 2017. С. 53, рис. 3; Мажитов, 1981. Рис. 17: 12; 38: 18; 43: 7; 61: 2; и др.), известны они и на поселениях раннего периода верховьев Оки и Дона (см. п. 4.7.в).

Единственная находка кольчатых удил (рис. 125: 9) связанна с гор. Тимофеевка – они были обнаружены слое конца X – XI в. (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1998. С. 28; 2005. С. 85, рис. 35: 3), и относятся к типу IV по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1973. С. 17).

Наиболее ярким элементом воинской культуры на памятниках позднего периода являются предметы поясного набора. Они представлены, в основном, ременными накладками, единственная пряжка найдена на гор. Вырск (Дедук и др., 2024. С. 8–9). Она относится к категории овальнорамчатых (рис. 127: 2), широко представленных на памятниках раннего периода (см. п. 4.7.б). Примечательной находкой является наконечник ремня (рис. 127: 4) из разрушенной курганной группы Панское (Арх. ИА РАН. Бурцев, 2008. С. 13–14; Рис. 50: 27) (рис. 103: 29). На основании аналогий среди древнерусских материалов это изделие может быть датировано в рамках 2-й половины X – XI в. (подробно см. гл. 6).

Поясная накладка с петлей и кольцом, имеющая округлый щиток, со спиральным орнаментом и 7-ю расходящимися лучами (рис. 127: 1), происходит с гор. Спицино. Она изготовлена в технике литья по восковой модели из воскового шнура и относится к классу XXXV, виду 1Б по В.В. Мурашовой (Мурашова, 2000. С. 71, рис. 70). Близкая по стилистике накладка происходит со сборов на территории Питерского могильника IX–XI вв. (пермское Предуралье) (Данич, 2013. С. 186, рис. 1: 33). Схожее изделие с орнаментом в виде витого шнура по краю щитка, найдено на территории Шекшовского могильника 2-й половины X – 2-й половины XII в. в Суздальском ополье (Макаров и др., 2014. С. 226, рис. 2: 4).

На гор. Акиньшино найдены две поясные накладки. Одна из них имеет пятиугольную форму и декорирована рельефным изображением «древа жизни» по центру, с 2-мя полупальметами по бокам (рис. 127: 7) (Воронцов, Модин, 2014. С. 261, рис. 11: 15). Схожие накладки встречаются в североевропейских и древнерусских материалах X в. Близкие по морфологии и стилистики изделия происходят с о. Оланд (Швеция) (Мурашова, 2000. Рис. 45: 2), а так же из Гнездовского кургана Ц–1, датированного X в. (Авдусин, 1952. Рис. 29: 6). Накладка с аналогичным орнаментом, но с закругленной нижней частью содержится в кремационном захоронении середины – 2-й половины X в. кургана №38 Петровского могильника (Мурашева, 2000. С. 38, рис. 45: 1Б; Каинов, Зозуля, 2014. С. 141, рис. 3: 12; Зозуля, 2015. С. 131). Встречаются аналогичные предметы в синхронных древностях Северо-Восточной Болгарии (Тотев, Пелевина, 2009. С. 55, рис. 9: 30). Известны они и в материалах 2-й половины X – начала XI в. Верхнего Поволжья и Приуралья. Три схожие накладки найдены в погребении 2-й половины X в. №55 Рождественского могильника (Белавин, Крыласова, 2008. С. 146, рис. 62; Крыласова, 2013. С. 115, рис. 1а: 213). Ещё одна аналогичная находка происходит из погребения №8 Русенихинского могильника (Никитина, 2018. С. 167, рис. 14: 29), где так же был найден дирхем последнего десятилетия X в. (Мухаметшин, Гомзин. 2018.

С. 245). Из приведенных аналогий следует, что распространение таких накладок приходилось на 2-ю половину X – начало XI в.

Вторая накладка с гор. Акиньшино (Воронцов, Модин, 2014. С. 261, рис. 11: 16) имеет кольцо в нижней части щитка, декорированного рельефным изображением стебля с трёхлистным навершием и двумя ветвями с листьями по бокам (рис. 127: 8). Аналогичное изображение нанесено на серию близких по форме бляшек из Гнездова, а так же, в несколько упрощенном виде, на поясную накладку из Супрутского клада 1969 г. (Мурашова, 2008. С. 20–21, рис. XI, XII). Прототипом для изделия с гор. Акиньшино послужили вещи венгерского стиля: полный поясной набор, состоящий из накладок аналогичной формы и орнаментации, происходит из комплекса венгерского могильника Надькёрёш X в. (Fodor, 1999. P. 90, fig. 8).

Пятиугольная поясная накладка происходит с сел. Б. Тризново-4 (рис. 127: 3). Аналогичные ей изделия известны в древнерусских материалах 2-й половины X – XI в. Одно из них было обнаружено в заполнении очага 2, расположенного в производственной зоне пойменной части Гнездовского поселения (Мурашева и др., 2007. С. 53, рис. 33: 2). Этот комплекс датируется 2-й половиной X – началом XI в. (Мурашева и др., 2007. С. 71, табл. 2). Подобные находки известны так же в древностях X в. Шестовицкого археологического комплекса (Орлов, 1984. С. 43, рис. 6: 24). Схожая накладка найдена на территории древнерусского сел. Лопушь в брянском Подесенье (Новожеев, Брешков, 2012. С. 57, рис. 32: 10). Помимо древнерусских материалов, такие предметы имеют хорошо датированные аналогии в древностях Карпат. Так, набор полностью аналогичных накладок происходит из захоронения №25 могильника в г. Клуж-Напока (Румыния), датированного 2-й половиной X в. (Gáll and oth., 2023. P. 28, pl. 4: 5.1–6). Не исключено, что такие накладки использовались для декорирования ремешков поясных сумок (Gáll and oth., 2023. P. 209, fig. 3).

Две поясные накладки сердцевидной формы с овальной петлей, бордюром по краю щитка и рельефным изображением трилистника в центре

(рис. 127: 5, 6; 130: 3, 4) связаны с постройкой 1 раскопа 2 (2022 г.) на гор. Лобынское. Схожие предметы происходят из клада, обнаруженного на гор. Кудеярова Гора на р. Сейм (Енуков, 2005. С. 266, рис. 55: 1–5). Этнокультурная атрибуции и датировка этого комплекса дискуссионна. А.Г. Шпилев, связывает его с венгерским кругом древностей, и датирует серединой – 2-й половиной IX в. (Шпилев, 2017. С. 182–183). Эту точку зрения поддерживает А.В. Комар, соотнося поясные накладки с Кудеяровой горы с предметами субботцевского стиля (Комар, 2018. С. 159–160). По мнению же В.В. Енукова клад датируется концом X в., и составляет единый комплекс с находкой древнерусского перстня, обнаруженного неподалеку от поясных накладок (Енуков, 2005. С. 264–267). О датировке венгерских предметов поясного набора с территории Курского Посемья в рамках 2-й половиной X в. высказывался и А.А. Балашов, ссылаясь на находки накладок венгерского круга на сел. Горналь-1, в жилище середины – конца X в. (Балашов, 2022. С. 185–186, рис. 1: 1–5; Енуков, Енукова, 2015. С. 66, рис. 5). Накладки с гор. Лобынское, более соответствуют датировке, предложенной В.В. Енуковым и А.А. Балашовым. На территории верховьев Оки и Дона, как и в Курском Посемье, вещи венгерского стиля тяготеют к комплексам середины – 2-й половины X в. (Колоколов, 2023б. С. 278).

При рассмотрении предметов ременной гарнитуры степного круга, происходящих как с памятников раннего, так и позднего периодов, привлекает внимание выразительный ряд предметов, относящихся к венгерским древностям. В их число входит ряд металлических деталей поясного и сбруйного набора с гор. Супруты, Лобынское и Акиньшино. При рассмотрении археологического контекста вещей этого круга, несмотря на их малочисленность, создается впечатление хронологически однородной группы, выделяющейся из общей массы кочевнических древностей региона. Так, в венгерском стиле изготовлен поясной набор из состава Супрутского клада 1969 г. (см. п. 4.7.б). При этом сокрытие клада, благодаря содержанию в нем хорошо датируемых элементов конской упряжи скандинавского происхождения,

датируется не ранее середины X в., и, вероятнее всего связано с военным разгромом поселения (Новиков, 2012. С. 121). Две поясных накладки венгерского облика с гор. Лобынское связаны с комплексом постройки 1, датирующейся не ранее 2-й половины X в. Поясная накладка с кольцом с гор. Акиньшино представляет собой грубо отлитое изделие с орнаментом, характерным для изделий венгерского круга. К этому же кругу принадлежит наконечник ремня оголовья из постройки 4 раскопа XXVIII Супрутского городища, относящейся к финальному этапу существования славянского поселения (см. п. 4.7.в).

Такая хронологическая однородность вещей венгерского круга и концентрация их в горизонте финала раннего – позднего периодов позволяет предположить существование двух волн влияния степной воинской культуры на население региона. Первая волна вызвана тесными контактами с салтово-маяцкой культурой в период IX – 1-й половины X в. С ней связаны подавляющее большинство предметов вооружения, предметов конской упряжи и поясного набора, обнаруженных на памятниках региона. Вторая волна приходится на финал раннего периода, и демонстрирует венгерский вектор влияния, который связан как с импортом вещей непосредственно с территории карпатской котловины, так и с появлением предметов изготовленных с использованием стилистических приемов мадьярских ювелиров.

5.6.

Финал памятников 2-й половины X – середины XI века

Таким образом, на период 2-й половины X – середины XI в., на территории Окско-Донского региона мы имеем комплекс поселений, обладающих набором признаков, отличающих их от памятников IX – 1-й половины X в. Одним из главных признаков является наличие в их керамическом комплексе раннегончарной керамики, а в материалах наиболее поздних памятников этого времени и гончарной древнерусской посуды (при полном отсутствии керамики салтово-маяцкой культуры). Вещевой набор

поселений содержит находки датирующихся не ранее середины X в. Синхронные им импортные предметы известны и в финальных комплексах Супрутского городища, на прочих же памятниках раннего периода таких находок не зафиксировано. Следует отметить особенности географического расположения памятников позднего периода – они находятся в верховьях мелких речек, оврагов и ручьёв, впадающих в крупные реки региона, которые на предыдущем этапе определяли основные направления торговых путей. При этом можно констатировать, что этнокультурный состав населения не изменился, о чем свидетельствует доминирование в керамическом комплексе поселений лепной роменской посуды.

Установить точную дату финала памятников позднего периода затруднительно. Ярких следов военного конфликта на них не зафиксировано. Постройки, изученные на гор. Лобынское и сел. Б. Тризново-4 погибли в огне, следов пожара на гор. Спицино не зафиксировано. В пожаре гибнут и самые поздние поселения этого времени – гор. Тимофеевка и Кетри. Единственное событие, отраженное в летописи, с которым гипотетически можно связать гибель этих поселений – походы черниговского князя Владимира Всеволодовича Мономаха на племенного предводителя вятичей Ходоту в начале 80–х гг. XI в. (ПСРЛ. Т.1. С. 81–82), в результате которых территории в бассейне Верхней Оки вошли в состав Черниговского княжества.

Позднее на площадке гор. Кетри возникает уже древнерусское поселение, конца XI – 1-й половины XII в. Причем, между 1-м и 2-м этапами жизни на городище прослеживается период запустения. В позднем горизонте были изучены две синхронно существовавшие жилые постройки, из которых происходили находки, характерные для данного периода: развалы круговых белоглиняных сосудов с волнистым и линейным орнаментом, шиферные пряслица, бронзовая широкорогая лунница, овальное двулезвийное кресало[156]

[156]Существует версия, что поздний горизонт гор. Кетри соотносится с городом Дедославлем, упомянутом в тексте Ипатьевской летописи в связи с событиями междоусобной войны 1146 – 1147 гг. (Фомин, 2001. С. 184).

(Колоколов и др., 2021. С. 172–204)[157]. На гор. Тимофеевка слоев XII–XIII вв. не обнаружено. В XIV–XV вв. на месте городища был построен детинец летописного города Волкона – столицы удельного княжества (Шеков, 2013. С. 93–136). В конце XI – XII в. древнерусские поселения возникают и на площадках других роменских городищ: Дуна, Лобынское, Акиньшино, Супруты, Петровское, Федяшево (Колоколов, Шеков, 2022. С. 221–263).

Результат перехода от периода славянской колонизации региона к эпохи Древней Руси на территории Окско-Донского региона, ярко демонстрирует комплекс, изученный на сел. Калединовка-9 в 2023 году (Грибков, Колоколов, 2024. С. 200–201). Памятник расположен на левом берегу р. Нериска (правый приток р. Вашана) (рис. 103: 14). В ходе работ была изучена заглубленная часть жилой постройки с развалом печки-каменки (рис. 128: 1, 2). Керамический комплекс постройки включал в себя исключительно фрагменты гончарных сосудов, с линейным, волнистым, либо комбинированным орнаментом, и примесью мелкого и среднего песка и дресвы в формовочной массе. Венчики сосудов отогнуты наружу, с косым срезом по внешней стороне, образующим небольшой наплыв, либо с загнутым наружу и уплощённым внешним краем и манжетном (рис. 128: 3–9). Согласно типологии В.С. Курмановского, разработанной на материалах Смоленска (Курмановский, 2020. С. 22, табл. 2), они относятся к сосудам типов 1.3, 1.5, 2.1, 3, бытовавшим не позднее XI в. (Курмановский, 2020. С. 21–23). В отличие от комплексов XI в. изученных на гор. Кетри и Тимофеевка, в заполнении этой постройки полностью отсутствует лепная роменская керамика, нет ее в подъемном материале с поверхности селища (Арх. ИА РАН. Грибков, 2020. Т. 1. С. 144–154). Помимо керамики в заполнении котлована постройки 1 было обнаружено височное кольцо «деснинского» типа или типа «сельцо» – единственная находка такого украшения на территории изучаемого региона, связанная с комплексом жилой постройки (рис. 128: 10). Этот тип колец распространён на территории

[157]Ситуация, когда на месте сгоревших позднероменских памятников возникают древнерусские поселения, при полном отсутствии континуитета, типична и региона Днепровского Левобережья. В частности, схожую картину демонстрируют материалы раскопок детинца Новгород-Северского (Григорьев, 2000. С. 216–217).

Верхнего Поволжья, Подвинья, Москворечья и Поочья в середине – 2-й половине XI в. (Гоняный, 1999 С. 143; Степанова, 2014. С. 157–159). По мнению А.В. Григорьева возможно сузить время наибольшего распространения этих украшений до 2-3 четверти XI в. (Григорьев, 2005а. С. 22–24). Совокупность материалов позволяет датировать постройку в рамках середины – 2-й половины XI в. Таким образом, изученный комплекс демонстрирует облик материальной культуры, пришедшей на смену роменской: с гончарной керамикой, характерной для XI в., при полном отсутствии лепной роменской посуды. В связи с этим можно предположить, что во 2-й половине XI в. произошел приток населения, полностью утратившего традицию изготовления лепной посуды. При этом у местного населения она спорадически встречается и в 1-й половине XII в.: в заполнении постройки 1 гор. Кетри, относящейся к позднему горизонту бытования памятника (конец XI – 1-я половина XII в.), помимо гончарной древнерусской керамики, было обнаружено 25 фрагментов лепной керамики роменского типа (Колоколов, и др., 2021. С. 176–177). Лепная керамика в небольшом количестве продолжает свое существование в XI–XII вв. и на сопредельных территориях роменской культуры, в частности в Посемье (Енуков, 2012. С. 7–8).

Финал роменской культуры на сопредельных территориях – Левобережье Днепра и Среднем Дону, наступил несколько раньше. В Поднепровье замещение материальной культуры происходит в рамках конца X – 1-й половины XI в. По мнению А.В. Григорьева, наиболее активная стадия этого процесса приходится на 2-ю четверть XI в. (Григорьев, 2000. С. 220). На территории Посемья лепная роменская керамика практически исчезает на рубеже X–XI вв. (Енуков, 2005. С. 304), тогда как на поселениях Окско-Донского региона она продолжает преобладать вплоть до середины XI в. Наилучшим образом это демонстрирует сравнение керамического набора комплексов сел. Липино в Посемье и гор. Кетри. В постройках 2 и 4 гор. Кетри содержатся манжетовидные венчики гончарных сосудов (рис. 116: 1, 2), аналогичные венчикам из ямы 8 раскопа 5 на Липинском селище (Енуков, 2005.

С. 285, рис. 56: 14, 22), датирующейся концом X – началом XI в. (Енуков, 2005. С. 283). При этом лепная керамика в этом комплексе составляет всего 10% (Енуков, 2005. С. 283), тогда как в синхронных постройках гор. Кетри она является доминирующей (Колоколов и др., 2021. С. 174–175). В целом, количество памятников в Посемье, в комплексах которых содержится лепная роменская и гончарная древнерусская керамика, значительно превосходит число таких объектов на территории Окско-Донского региона. Ее доля в комплексах варьируется от 1 до 73 % (Енуков, 2005. С. 346–347, табл. 10).

Примерно в тех же темпах процесс угасания славянских древностей происходил и на Среднем Дону, в ареале «боршевской» культуры. Большинство поселений этого региона прекращают существование в конце X в., и не носят следов катастрофических событий. В бассейне р. Воронеж славянские поселения доживают до середины XI в. (Винников, 2012. С. 14–20).

Иная картина складывается к северу от Окско-Донского междуречья. Активное освоение славянами – носителями роменских древностей региона Москворечья начинается только в 1-й половине XI в., когда в верховьях Оки Дона существуют, и близятся к финалу памятники позднего периода (Гоняный, 1999. С. 128–146). При этом имеются свидетельства существования на этой территории славянского населения и в IX–X вв., однако скудость материала не позволяет говорить о массовом заселении бассейна Москвы в этот период (Кренке, 2019. С. 83–88).

ГЛАВА 6.
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ IX – 1-Й ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА.

Погребальные памятники населения Верховьев Оки и Дона, в отличие от поселений, следует рассматривать общим хронологическим блоком. На протяжении IX – 1-й половины XI в. территорию региона населяли славяне – носители роменской культуры. По этой причине наблюдается стабильность погребальной обрядности, и постоянство использования территорий некрополей в течение всего рассматриваемого времени, а зачастую и позже.

Как и население других восточнославянских земель, жители верховьев Оки и Дона хоронили умерших под курганной насыпью. Именно курганам уделяли основное внимание исследователи славянских древностей XX века. В разное время, при рассмотрении погребальных традиций восточных и западных славян, к материалам курганных могильников Окско-Донского региона обращались Г.Ф. Соловьева, Т.Н. Никольская, В.В. Седов, З.Д. Бессарабова, Е. Цолль–Адамикова и др. (Соловьева, 1956; Седов, 1973, 1982; Бессарабова, 1973; Никольская, 1981. С. 27–41; Цолль–Адамикова, 1982). В ряде обзорных работ 2-й половины XX в. погребальные памятники Окско-Донского региона с кремационными захоронениями были рассмотрены в контексте синхронных древностей сопредельных территорий. Г.Ф. Соловьева выделяла верхнеокскую группу курганов с трупосожжениями, при этом указывая на их близкую схожесть с «боршевскими», т.е. среднедонскими памятниками (Соловьева, 1956. С. 148). Отдельную работу погребальному обряду славян Верхней Оки посвятил В.В. Седов. Он разделил все известные на тот момент кремационные погребения IX–X вв. на 2 основные группы: совершенные в погребальных камерах и без них. Захоронения, совершенные с использованием погребальных сооружений В.В. Седов рассматривал как заимствование у предшествующего славянскому населения мощинской культуры (Седов, 1973. С. 10–16; 1982. С. 143–147). З.Д. Бессарабова так же выделяла курганы с погребальными камерами как характерный признак погребального обряда славян Окско-Донского региона (Бессарабова, 1973. С. 79). Деревянные камеры, в качестве

отличительного признака кремационных захоронений Верхней Оки и Среднего Дона, рассматривала Е. Цолль–Адамикова, при этом отмечая их схожесть с внутрикурганными сооружениями западнославянского мира (Цолль–Адамикова, 1982. С. 87–88).

Однако, несмотря на проявленный интерес исследователей, именно погребальный обряд является наименее изученным аспектом культуры славян Окско-Донского междуречья, что связано с состоянием источниковой базы.

Погребальных памятников достоверно датированных IX–X вв. на территории изучаемого региона известно всего восемь. Это курганные могильники Доброе (рис. 72: 6), Западное (рис. 72: 8), Тризново (рис. 72: 13), Воронец (рис. 72: 3), Песковатое (рис. 72: 11), Тшлыково (рис. 72: 14); Воротынцево (рис. 72: 5); Вороново (рис. 72: 7)[158]. В этих некрополях в конце XIX – середине XX в. были раскопаны в общей сложности 70 курганных насыпей, что и дало основания для их датировки. На сегодняшний день почти все перечисленные памятники уничтожены, единичные сохранившиеся курганные насыпи значительно повреждены. Коллекции из раскопок в большинстве своем утрачены либо депаспортизированы, данные, отраженные в отчетах и публикациях, отрывочны. Помимо исследованных памятников в северо-западной части региона, относящейся к правобережью верхней Оки и ее притоков, известен еще ряд курганных могильников, раскопки которых не проводились, и, соответственно четкой датировки они не имеют. В бассейне

[158]На карте, приведенной в монографии В.В. Седова (Седов, 1982. С. 147, карта 22), помимо перечисленных памятников, приведен еще ряд пунктов, обозначенных как «могильники с курганами, содержащими трупосожжения». В их число входят курганные могильники со следующими наименованиями: Стрелково, Фоминское, Устье Калужки, Ждамирово, Слевидово, Городок, Солоново, Голубочки, Никитино, Городище, Мценск, Спасское, Плоты. В настоящей работе, материалы этих памятников не приводятся по следующим причинам. Могильники Стрелково и Фоминское расположены в бассейне реки Пахры и выходят за территориальные границы настоящего исследования. Курганы у д. Слевидово, хотя и содержат трупосожжения, по погребальному инвентарю датируются преимущественно XII в., и не укладываются в хронологические рамки работы (Изюмова, 1970. С. 237–238). Аналогичная ситуация с курганными могильниками Мценск и Плоты. Могильник Мценск датируется XI–XIII вв., и включает в себя, в основном, ингумационные захоронения, трупосожжение же в основании одного из курганов не имеет надежной датировки (АКР, Орловская обл., 1992. С. 54; Евсеев, 1908. С. 40–43). На могильнике Плоты, исследован всего один курган, содержащий ингумационное захоронение XI–XIII вв. (АКР, Орловская обл., 1992. С. 63). Информации по курганным могильникам Устье Калужки, Ждамирово, Городок, Солоново, Голубочки, Никитино, Городище, Спасское обнаружить не удалось. Погребальные памятники с такими названиями отсутствуют в списке выявленных объектов археологического наследия Тульской, Калужской и Орловской областей, а так же в археологических картах перечисленных регионов.

верхнего Дона погребальных памятников исследуемой эпохи не выявлено (рис. 72), как, впрочем, и курганных захоронений более позднего, древнерусского периода (Колоколов, Шеков, 2022. С. 258, рис. 27).

География погребальных памятников региона различна. Так, пять из них расположены на берегах крупных рек: Песковатое, Вороново и Воронец на р. Оке (рис. 72: 3, 4, 11), Тризново на р. Упе (рис. 72: 13), Тшлыково на берегу р. Зуши (рис. 72: 14). Два наиболее полно изученных могильника – Доброе и Западное имеют несколько отличное расположение. Могильник Доброе, расположен на значительном расстоянии от берега Оки (1 км), в верховых безымянного ручья – левого притока р. Свободь (рис. 72: 4), могильник Западное – на мелком правом притоке Оки – р. Черепеть (рис. 72: 8). Немногочисленность памятников, не позволяет выявить устойчивой закономерности в их топографии. Известные курганные могильники расположены на мысах, образованных впадением в реку ручья или оврага (Песковатское, Воронец, Вороново), либо на береговых возвышенностях (Западное) и надпойменных террасах (Б. Тризново, Воротынцево, Тшлыково).

Курганный могильник Воронец находится 0,3 км к юго-востоку от бывшей деревни, на правом высоком берегу р. Ока, на высоте 21–23 м от русла (рис. 72: 13; 73: 5). На начало XX в. группа насчитывала восемь насыпей высотой около 1,5 м, диаметром около 8 м. Курганы впервые упоминаются в историко-краеведческой работе М.Ф. Бурцева 1895 г. (Бурцев, 1895. С. 25–26). Основные работы на нем проводил В.А. Городцов в конце XIX в.: в 1897 году раскопавший шести курганов. В насыпях были обнаружены семь безынвинтарных ингумаций являющихся поздними впускными захоронениями. Под курганами были зафиксированы погребения, совершенные по обряду кремации на стороне. В трех из них остатки кремации были помещены в деревянные камеры, расположенные в нижней части насыпи. Кроме кальцинированных костей в камерах были части оплавленных металлических предметов, фрагменты и целые формы лепных сосудов, «аналогичные керамике верхнего слоя Федяшевского городища», т.е. роменского типа. В двух курганах

остатки кремации были захоронены без сооружения погребальных камер. В одном из курганов зафиксирована погребальная камера конусовидной формы, выложенная из камня, внутри которого располагался лепной сосуд с остатками кремации. Погребальный инвентарь этого захоронения был представлен деформированными металлическими предметами и бусинами из синего стекла (Городцов, 1898в. С. 224–226; 1900. С. 14–20). Материалы раскопок В.А. Городцова были рассмотрены в монографии Т.Н. Никольской «Земля вятичей» (Никольская, 1981. С. 32–33). На сегодняшний день памятник практически утрачен. В 1995 году курганная группа была осмотрена А.В. Шековым, зафиксированы следы трех разрушенных насыпей (НА ГМЗ «Куликово Поле». Шеков, 1995. С. 14).

Могильник Песковатое-1 (рис. 72: 71; 73: 1) находится в 1,1 км к юго-западу от деревни, на мысу правого берега р. Ока при устье глубокого оврага. В начале 1920-х гг. экспедицией под руководством Ф.А. Афремовой были исследованы три насыпи (Прошкин и др., 2005. С. 204; Наумова, 2016. С. 342). В двух из них содержались безурновые кремации. В одном из курганов были зафиксированы остатки сгоревшей деревянной конструкции, внутри которой находился сосуд «славянского типа с линейным орнаментом» с остатками кремации, бронзовым украшением и фрагментами оплавленных бусин (Наумова, 2016. С. 235). Коллекция, полученная в ходе раскопок, утрачена. На сегодняшний день могильник насчитывает тринадцать курганов, пригодных для дальнейшего исследования. Высота насыпей составляет 0,5–2 м., диаметр 8–19 м., у их основания зафиксированы кольцевые ровики с перемычками. (АКР, Тульская обл., 1999. С. 111–112).

Курганный могильник Вороново на правом берегу Оки (рис. 72: 4; 73: 6), расположен в 0.1 км с северу одноименного городища, частично на мысу, образованном впадением в пойму реки двух оврагов. На момент осмотра в 1962 году могильник насчитывал тринадцать насыпей высотой до 1 м, диаметром 5–12 м. В том же году Т.Н. Никольская осуществила раскопки одного из курганов, в котором содержалось несколько кремационных захоронений без

погребальных сооружений. Трупосожжения были совершены на стороне, и помещены в груболепные сосуды роменского типа. Аналогичные сосуды происходили из культурного слоя городища. (Никольская, 1964. С. 75; 1980. С. 25–26).

Так же, Т.Н. Никольская раскопала одиночный курган у д. Воротынцево на р. Зуше, находящийся в 1 км от одноименного городища (рис. 72: 5). Курган был расположен на правом берегу реки, на пологом склоне. Его насыпь, высотой 2 м, имела неправильную форму, размером 14,8 х 13,6 м. Под ней были зафиксированы четыре груболепных сосуда роменского типа, в два из которых были помещены остатки кремаций, совершенных на стороне (рис. 74: 48, 49). Сосуды были помещены в обугленную погребальную камеру. Кроме того, под насыпью зафиксированы остатки деревянной оградки, состоящей из обугленных столбиков (Никольская, 1959. С. 52–54).

Курганы у дер. Тшлыково расположены в 1,7 км к западу от деревни, на береговом склоне надпойменной террасы правого берега р. Зуши, в 0,5 км к СВВ от слияния рек Зуши и Оки (рис. 72: 14; 73: 2). В начале XX в. могильник насчитывал тридцать курганов. В 1903 гг. В.Р. Апухтин осуществил раскопки трех насыпей. В одной из них содержалось детское ингумационное погребение, относящееся к периоду Древней Руси. Два других кургана содержали кремации совершенные на стороне, причем в одном случае останки были помещены в лепные сосуды, расположенные на поверхности прокаленной площадки (Наумова, 2016. С. 175). В 1906–1907 гг. И.Е. Евсеев исследовал еще пять курганов. Под насыпями были обнаружены остатки трупосожжений на стороне, в двух из них зафиксированы кострища и прокаленные площадки (Евсеев, 1908. С. 22–23). В 1925 г. П.С. Ткачевский вскрыл один из курганов могильника, в котором обнаружил кремационное захоронение (Наумова, 2016. С. 236). В 1971, 1973 и 1987 гг. работы на памятнике проводил краевед Н.Г. Трофимов (Арх. ИА РАН. Трофимов, 1971; 1973; 1987). Он раскопал четыре кургана, содержавших кремации, помещенные в лепные сосуды роменского типа (рис. 74: 43–47). Среди погребального инвентаря были встречены стеклянные бусы,

трапециевидные подвески, проволочные серьги, керамические грузики, оселок (рис. 74: 33–42). Наиболее интересная находка была обнаружена в кремационном захоронении кургана 7 – три одинаковые серебряные накладки в виде стилизованного трилистника (рис. 74: 41) (Арх. ИА РАН. Трофимов, 1973, фото №7: 3). Такие накладки типичны для поясов салтово-маяцкой культуры, и соответствуют II-му горизонту, датирующемуся концом VIII – 1-й половиной IX в. (Комар, 2018, рис. 39). На сегодняшний день это единственное захоронение на территории Верхнеокского Правобережья, содержащее в качестве погребального инвентаря предметы воинской культуры этого времени. В 1995 году, сотрудник ТАЭ О.Н. Заидов предпринял раскопки еще одного кургана и межкурганного пространства, однако захоронений интересующего нас периода обнаружено не было (Арх. ИА РАН. Заидов, 1995). К настоящему времени сохранились 5 сильно поврежденных курганов высотой 1-3 м, диаметром 8-25 м. Ровиков у основания насыпей не зафиксировано.

Курганный могильник Б. Тризново расположен в 0,8 км к юго-западу от деревни, на первой надпойменной террасе правого берега р. Упа (рис. 72: 13). Могильник состоял из 2-х курганов, расположенных на расстоянии 10 м друг от друга, в основаниях их насыпей зафиксированы кольцевые канавки. В 1957 году С.А. Изюмова раскопала оба кургана, в одном из которых была обнаружена безынвентарная, безурновая кремация, совершенная на стороне, в виде углисто-золистой прослойки с содержанием мелких кальцинированных костей. Второй исследованный курган следов захоронения не содержал (Изюмова, 1961. С. 252–258).

Только на двух курганных могильниках – Доброе и Западное во 2-й половине XX в. были проведены масштабные раскопки, результаты которых полноценно опубликованы (Изюмова, 1964. С. 151–163; 1970. С. 191–201).

Могильник Доброе расположен в 0,5 км к северу от северо-восточной окраины села, на правом берегу р. Оки, в 1 км от русла реки, на поле у опушки леса (рис. 72: 6; 73: 3)[159].

На территории могильника, в ходе многолетних раскопок, было вскрыто двадцать семь курганов. Большинство из них были раскопаны в конце XIX – 1-й половине XX века. В 1898 г. Н.И. Булычев вскрыл двенадцать насыпей (Булычев, 1899. С. 7–12). Материалы этих работ в последующем вошли в обобщающую публикацию С.А. Изюмовой (Изюмова, 1970). В том же году Ю.Г. Гендуне раскопала четыре насыпи. В одной из них были зафиксированы остатки кремации, помещенной в лепной сосуд, три насыпи следов захоронений не содержали. В 1935 г. М.М. Герасимов исследовал шесть курганных насыпей, в трех из которых содержались древнерусские ингумации, в остальных – плохо сохранившиеся остатки кремаций. (Изюмова, 1970. С. 191; Наумова, 2016. С. 241). Наиболее информативными оказались работы С.А. Изюмовой: в 1964 г. она исследовала пять курганов. Большая часть изученных погребений представляли собой кремации, совершенные на стороне. Часть их были помещены в погребальные камеры, прочие осуществлены без сооружения внутрикурганных конструкций. Груболепные сосуды, в которые были помещены остатки кремаций, характерны для роменской культуры. Так же в кремационных погребениях были обнаружены стеклянные трехчастные и бирюзовые бусы, сдвоенная желтая бусина. Три кургана, содержали как кремационные, так и ингумационные захоронения. Вероятно, трупоположения в данных случаях являлись более поздними впускными погребениями. Погребальный инвентарь, сопровождавший трупоположения относится к древнерусскому периоду – XI–XII вв. (Изюмова, 1970. С. 191–201). Кроме широко распространённых на территории региона кремаций на стороне, в комплексе могильника Доброе было изучено погребение, совершенное по

[159]В конце XIX в. в нем насчитывалось более 50 курганов, расположенных тремя группами. Они имели высоту от 0,7 м до 3,8 м. при диаметре 4–15 м. У основания большинства насыпей зафиксированы кольцевые ровики, глубиной до 0,6 м. На сегодняшний день сохранилась одна сильно поврежденная насыпь высотой 2 м., диаметром 15–16 м.

обряду неполного трупосожжения на месте. Достоверно такой обряд прослеживался в кургане №8, в котором был обнаружен обгоревший костяк, с западной ориентировкой (Изюмова, 1970. С. 193–194). Скудость погребального инвентаря не позволяет уверенно датировать это погребение. Немногочисленные захоронения, совершенные по аналогичному обряду на территории Днепровского Левобережья, встречаются либо в составе древнерусских могильников, или памятников, где представлены как роменские, так и древнерусские погребения. Для исключительно северянских могильников кремации на месте не характерны (Григорьев, 2000. С. 117).

Курганный могильник Западное расположен в 1 км к юго-западу от деревни, на правом берегу р. Черепеть (правый приток р. Ока), в 0,5 км от русла реки, и в 2 км от ее впадения в Оку (рис. 72: 8; 73: 4). На середину XX в. могильник насчитывал двадцать два кургана. К настоящему времени сохранились четыре поврежденные насыпи, высотой 0,3–3,2 м., диаметром 6–16 м.

В 1898 г. Ю.Г. Гендуне исследовала одну насыпь, в которой содержались с остатки кремации, совершенной на стороне (Наумова, 2016. С. 160, 165). В 1903 г. исследовательница вскрыла еще три кургана. Два из них содержали остатки кремаций «на стороне», причем в первом кургане трупосожжение было помещено в деревянную погребальную камеру в форме усеченной пирамиды, во втором остатки кремации были помещены в лепной сосуд. В третьем кургане зафиксирована ингумация в могильной яме, в которой, помимо костяка, были обнаружены фрагменты «сосуда из красновато-желтой глины, грубой отделки, с прямым, гладким краем горлышка» (РА ИИМК РАН. Оп. 1. 1903. № 15. л. 52-53, табл. IV). В 1957, 1959 и 1960 гг. исследования могильника проводились Тульской экспедицией МГУ под руководством С. А. Изюмовой. На памятнике в то время насчитывалось двадцать две курганных насыпи, четырнадцать из которых были раскопаны.

Всего на территории могильника, в ходе раскопок, было вскрыто восемнадцать курганов, в шестнадцати из которых были обнаружены

захоронения, совершенные по обряду кремации на стороне. В ряде случаев остатки кремации помещались в погребальный груболепной сосуд. Встречаются захоронения совершенные как в деревянных погребальных камерах, так и без сооружения внутрикурганных погребальных конструкций. Груболепные сосуды, в которые были помещены остатки кремаций, характерны для роменской археологической культуры (рис. 74: 22–30, 31). Отличительной особенность могильника Западное является наличие в погребениях большого количества инвентаря. В погребениях были найдены стеклянные и сердоликовые бусы, распространённые в VIII–X вв. на территории Крыма, Кавказа, Поднепровья и Средней Азии, железные ножи, поясные пряжки подпрямоугольной и округлой формы, детали застежек, проволочная серьга, однопрорезной бубенчик, литые пуговицы (рис. 74: 4–20). В одном из курганов обнаружен гончарный сосуд, с орнаментом из волнистых линий по всему тулову, близкий к керамике салтово-маяцкой культуры (рис. 74: 31) (Изюмова, 1964. С. 151–163).

Ввиду скудости данных о погребальных памятниках исследуемой территории, в качестве вспомогательного материала следует привлечь сведения об исследованиях синхронных некрополей ближайшего сопредельного региона – левобережья Оки с притоками – Угрой, Протвой, Цоном. Там раскопками исследовано шесть курганных могильников с захоронениями IX–X вв.: Беницы, Бочарово, Ермолино, Кудиново, Лебедка, Рыжково.

Курганные могильники этого региона демонстрируют тот же обряд захоронения, что и погребальные памятники Верхнеокского Правобережья: кремации совершенные на стороне.

Два могильника с кремационными захоронениями изучены в среднем течении Протвы. Курганы у д. Беницы (рис. 72: 1) расположены в непосредственной близости от поселения X–XI вв. (АКР, Калужская обл., 2006. С. 90). В 1961 году раскопки на нем проводились экспедицией ГИМ, под руководством А.В. Успенской. Был исследован единственный сохранившийся курган полусферической формы высотой 1,85 м. и диаметром 8,4 м., где были

обнаружены остатки кремации совершенной на стороне, с несколькими фрагментами «лепной посуды, аналогичной керамике селища раннего периода» (Успенская, 1964. С. 228).

Курганный могильник Рыжково расположен на левом берегу р. Протва, на мысовидном выступе, высота которого над руслом реки составляет 7–9 м (рис. 72: 12). Он состоит из трёх полусферических насыпей высотой 1,3–2 м., диаметром 8–14 м. В результате раскопок 2005–2007 гг. на территории могильника были исследованы два кургана. В них были обнаружены четыре захоронения, совершенные по обряду кремации «на стороне». Причем три из них были помещены в обугленные деревянные камеры, одно захоронение было совершено без использования погребального сооружения. В основании обоих курганов зафиксированы кольцевые ровики. В курганах были обнаружены фрагменты лепных сосудов роменского типа, бубенчики, стеклянные бусины (Бубликов, Прошкин, Добровольская, 2008. С. 108–123; Прошкин, Бубликов, 2008. С. 85–102).

Обряд трупосожжения на стороне, как с использованием погребальных сосудов, так и без них, демонстрируют курганы у д. Кудиново, расположенные на правом берегу р. Жиздры (рис. 72: 9), исследованные К.Я. Виноградовым в 1936–1937 гг. (Седов, 1973. С. 13). На сегодняшний день могильник полностью утрачен, точное его местонахождение неизвестно.

Могильник Лебедка расположен на вблизи синхронного селища. (Никольская, 1957. С. 176–197). Он находится на склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Цон. В середине XX в. включал в себя тридцать восемь курганов, высотой 0,2–1,1 м., диаметром 4–11 м. У основания части насыпей зафиксированы следы кольцевых ровиков (АКР Орловской обл., 1992. С. 69). Раскопки на памятнике проводили И.Е. Евсеев, П.С. Ткачевский, К.Я. Виноградов, Т.Н. Никольская. В курганах содержались кремации совершенные на стороне, в большинстве случаев помещённые в лепной сосуд. Выделяется группа курганов, в которых погребальные сосуды с кремациями были помещены в деревянные камеры. В качестве погребального инвентаря

зафиксированы находки проволочных и сферических серег, стеклянных бусин, поясной накладки (Никольская, 1981. С. 27–31).

На территории Верхнеокского Левобережья, помимо классических кремационных захоронений, известны отдельные погребения, совершенные по иному обряду. К ним относится мужское захоронение в кургане № 16 могильника Бочарово, расположенного на левом берегу Угры (рис. 72: 2). Погребение представляло собой трупоположение в подкурганной яме, сориентированное головой на запад (Булычов, 1913. С. 73). Хотя такой обряд характерен для древнерусского периода и остальные захоронения этого могильника относятся именно ко 2-ой половине XI – началу XIII в. (Прошкин, 2011. С. 89), находка характерной поясной пряжки в составе ингумации (Прошкин, 2017. С. 40, рис. 7: 1) не позволяет однозначно отнести погребение к основному комплексу некрополя. Пряжка относится к типу овальнорамчатых с пятиугольным неподвижным щитком (тип 4 по С.А. Плетневой) (Плетнева, 1989. Рис. 36: 4). Такие пряжки широко распространены в ареале салтово-маяцкой культуры в VIII–IX вв., а так же известны на гор. Супруты и сел. Устье-2 (рис. 65: 3, 9). По мнению О.Л. Прошкина, захоронение является иноэтничным (Прошкин, 2011. С. 89). Действительно, стоит отметить, что ямные, подкурганные ингумации известны в синхронных древностях Доно-Донецкого варианта салтово-маяцкой культуры (Винников, Сарапулкин, 2008), что, в совокупности с находкой поясной пряжки того же круга древностей наводят на мысль о степном происхождении погребенного. Не исключено так же, что погребение синхронно остальным захоронениям могильника, и находку пряжки следует рассматривать как редкий случай длительного использования предмета, и помещения его в комплекс с более чем двухсотлетним запозданием.

Выделяется также погребение, в составе могильника Ермолино, расположенного в 2 км к западу от поселка, на плато правого берега р. Протвы. Могильник состоял из двух курганов полусферической формы, которые имели высоту 0,9–1,1 м с диаметрами 12–14 м, и одной насыпи продолговатой в плане

формы, высотой 1–1,6 м, размерами 26 х 12 х 7 м, раскопанной Г.А. Массалитиной. Под восточной частью насыпи была изучена округлая, заглубленная в материк яма, с плоским дном и отвесными стенками, которые были обложены деревом и выжжены. Эту конструкцию можно рассматривать как частный случай внутрикурганной погребальной камеры. В ней были обнаружены остатки кремации «на стороне», три сосуда, близкие по типу к роменским, и скудный вещевой набор – железные пряжка и поясной крючок, фрагменты бронзовых предметов (Массалитина, 1992. С. 3–6).

Материалы некрополей Верхней Оки демонстрируют устойчивую традицию погребального обряда населения региона на протяжении раннего периода (IX – 1-я половина X в). Для нее характерны кремации на стороне, с последующим помещением останков в керамическую урну и захоронением в деревянной либо каменной погребальной камере или без нее (рис. 74: 1–3). В ряде случаев известны безурновые захоронения. Погребальный инвентарь кремаций имеет надежные аналогии в керамическом и вещевом комплексе поселений раннего периода исследованных на сегодняшний день. В целом, обряд захоронения населения верховьев Оки и Дона на протяжении IX – 1-й половины X в. тождественен синхронной им погребальной обрядности славян Днепровского Левобережья (Григорьев, 2000. С. 109–118). Материалы единичных захоронений левобережья верхней Оки, совершенных с применением иных погребальных практик, не дают достаточно оснований для однозначной этнокультурной интерпретации.

В целом, обзор материалов курганных могильников в свете современной археологической ситуации в верховьях Оки и Дона, подтверждает объективность и обоснованность выводов исследователей прошлого века – Г.Ф. Соловьевой, Т.Н. Никольской, В.В. Седова, З.Д. Бессарабовой, рассматривавших захоронения по обряду кремации региона в общем ключе восточнославянской погребальной обрядности при наличие характерных черт, в частности – широкого использования внутрикурганных погребальных камер.

Интересен вопрос о пространственном соотношении курганных могильников и синхронных им поселений. В большинстве случаев некрополь расположен в непосредственной близости от поселенческого памятника. Так, вблизи могильника Песковатое расположены два поселения с материалами IX–X вв. – Песковатое-1 и Песковатое-4 (Прошкин и др., 2005. С. 206). Поблизости от могильника Тшлыково так же выявлены два селища IX–X вв. – Тшлыково-1 и 3, (АКР, Тульская обл., 1999. С. 195). Курганы у д. Воротынцево и у дер. Вороново находятся вблизи городища рассматриваемого времени (Никольская, 1981. С. 25–26, 31).

Не столь однозначна ситуация с могильниками Доброе, Западное, Воронец и Тризново. На сегодняшний день неясно, с какими поселениями они могли быть связаны. Могильник Доброе расположен в 3.8 км к юго-западу от гор. Акиньшино. Самое близкое поселение к могильнику Западное – гор. Дуна, находится в 2.4 км к юго-востоку, на противоположном берегу Оки. Вблизи Тризновских курганов выявлено селище Б. Тризново-3, но оно относится к периоду 2-й половины VII – VIII в. Впрочем, скудость материалов из Тризновских курганов не позволяет узко их датировать. Курганный могильник Воронец находится в 3.4 км к югу от гор. Федяшево, на том же берегу Оки. Вероятно, такая ситуация связана с недостаточным уровнем исследованности территории в округе могильников на предмет выявления неукрепленных поселений.

Количество выявленных погребальных памятников явно не соответствует числу известных поселений. У большинства городищ и селищ не обнаружены поблизости курганы, несмотря на высокий уровень исследованности территорий вокруг них. Единственным рациональным объяснением этому может служить вероятное уничтожение курганных насыпей в ходе многовекового хозяйственного освоения территории. В археологических разведках остатки распаханных курганных могильников могли быть выявлены и интерпретированы как селища – на основании подъемного материала.

Таким образом, для раннего периода мы имеем массив кремационных захоронений, погребальный инвентарь которых синхронен находкам с памятников IX – 1-й половины X в. Поскольку те же курганные могильники продолжают существовать во 2-й половине X – XI в., в этом же разделе стоит рассмотреть и немногочисленные погребальные памятники, которые могут относиться к среднему и позднему периодам.

Материалы раскопок могильников не дают нам надежных оснований для выделения в их комплексе группы захоронений 2-й половины X – 1-й половины XI в. Не вполне понятны и признаки, на основании которых можно было бы выделить погребения этого времени из массы обследованных некрополей. Вряд ли можно вести речь о значительном изменении погребальной обрядности населения в этот период. По мнению Н.Г. Недошивиной, на территории Верхнего Поочья смена обряда сожжения умерших на трупоположения происходит на протяжении XI в. (Недошивина, 1974. С. 16–17), что представляется вполне обоснованным.

Выделить погребения 2-й половины X – 1-й половины XI в. возможно лишь, на основании сопутствующего кремациям инвентаря. В частности, такое захоронение известно в комплексе могильника Тшлыково, в кургане №7 (рис. 72: 14; 126: 3, 4). Курган был раскопан Н.Г. Трофимовым в 1973 г. Одно из захоронений, содержащихся в нем, представляло собой трупосожжение, помещенное в раннекруговой сосуд с линейным орнаментом (Арх. ИА РАН. Трофимов, 1973. Рис. 14). Автор раскопок датировал погребение «не ранее середины X в» (Арх. ИА РАН. Трофимов, 1973. С. 8). Действительно, использование раннекругового сосуда в качестве погребальной урны может указывать на время совершения захоронения в период 2-й половины X – начала XI в.

Примечательной находкой является наконечник ремня (рис. 126: 2) из разрушенной курганной группы Панское на левом берегу р. Крушма (прав. приток р. Ока) (рис. 103: 68; 126: 1) на месте распаханного кургана (Арх. ИА РАН. Бурцев, 2008. С. 13–14; Рис. 49–50: 27). Аналогичный наконечник

происходит из культурного слоя поселения 1 Мининского археологического комплекса конца X – XII в. (Вологодская область) (Зайцева, 2008. С. 85, рис. 73: 6). Шесть наконечников, аналогичные находке из Панского, входят в комплекс конского оголовья из кочевнического погребения X в. в Каменке, на Днепре (Кирпичников, 1973. С. 28. Рис. 61: 1). В.В. Новиков относит его к XI в. (Новиков, 2009. С. 219). Находка может свидетельствовать о наличие в составе курганного могильника погребения, относящегося к финалу среднего, либо к позднему периоду.

Таким образом, мы пока не имеем надежных погребальных комплексов, которых уверенно можно соотнести с древностями среднего и позднего периодов славянской колонизации региона. Выстроить непрерывную цепочку развития погребального обряда от ранних славянских трупосожжений на стороне до поздних древнерусских ингумаций в подкурганных ямах, включающую в качестве промежуточных типов кремацию на месте и трупоположение на горизонте и справедливую, в частности, для Среднего Поднепровья (Моця, 1987. С. 126.), на сегодняшний день не представляется возможным.

Тем не менее, курганный обряд погребения сохранялся на территории Окско-Донского региона вплоть до XIII века, при том, что менялся способ захоронения умершего – от кремации на стороне, до ингумации в подкурганной яме. При этом, изменения зачастую прослеживаются в рамках одного могильника, что свидетельствует о долговременности использования кладбищ и отражает преемственность населения изучаемого региона. Так, на территории могильника Доброе исследован ряд подкурганных трупоположений, где погребальный инвентарь представлен семилопастными височными кольцами раннего типа, рубчатыми перстнями, крестопрорезными бубенчиками, хрустальными шарообразными и сердоликовыми бипирамидальными бусинами. На основании характера погребального обряда и сопутствующего инвентаря, эти захоронения можно отнести к древнерусскому периоду (Изюмова, 1970. С. 191–201). На территории могильника Западное в ходе

раскопок обнаружено одно подкурганное трупоположение. Костяк располагался в грунтовой яме с западной ориентировкой. Недостаточные сведения о погребальном инвентаре не позволяют узко датировать захоронение. (Изюмова, 1964. С. 151–163). На территории могильника Тшлыково в ходе раскопок, помимо ранних кремационных погребений, обнаружены подкурганные захоронения, совершенные по обряду ингумации. Некоторые из них являлись впускными в курганную насыпь, перекрывающую более раннее, кремационное погребение. Надежных сведений о погребальном инвентаре не сохранилось. Единственная ингумация в составе могильника, исследованная в недавнем прошлом (1995 г.) О.Н. Заидовым, датирована XIII – началом XIV в. (Арх. ИА РАН. Заидов, 1995. С. 28–45).

Кроме могильников, содержащих как трупосожжения, так и трупоположения, на территории региона изучены и ингумационные курганные некрополи, характерные для эпохи домонгольской Руси (Колоколов, Шеков, 2022. С. 258, рис. 27). В 1991 г. Р.В. Кляниным исследованы два поврежденных кургана у пос. Свиридовский на р. Веневка. В одном из них было найдено погребение по обряду трупоположения. Сопутствующий инвентарь включал в себя костяную рукоять плетки, пряслице, железный нож, стеклянные и серебростеклянные бусины, развалы гончарных горшков. Захоронения датированы XII–XIII вв. (Клянин, 1991. С. 1–16). Крупные работы по изучению древнерусского курганного могильника около с. Бельково вела экспедиция ГИМ под руководством Н.Г. Недошивиной (Недошивина, 2014). В комплексе могильника было изучено одиннадцать ингумационных погребений, содержащих разнообразный инвентарь древнерусского времени: витые гривны, семилопастные височные кольца, витые браслеты, решетчатые перстни и т.д.

Эти могильники, как и отдельные ингумационные захоронения некрополей Доброе, Западное и Тшлыково по погребальному обряду и инвентарю являются классическими «курганами вятичей», выделенными А.В. Арциховским (Арциховский, 1930. С. 113). Как уже было сказано выше, установить прямую эволюционную линию от трупосожжений IX–X в. к

трупоположениям XII–XIII вв. на настоящем этапе исследований невозможно, их объединяют лишь курганный обряд погребения. При этом следует отметить, что в последние годы на территории открыты и исследованы ряд захоронений грунтовых ингумаций с вещами XII–XIII вв., возникших параллельно с курганными некрополями. Это погребения в составе могильников Хавки (2-я половина XII – начало XIII в.) (Простяков, 2021. С. 177–178), Кикина Протока (XIII в.) (Гоняный, Заидов, 1991. С. 29), Бутырки (конец XII – середина XIII в.), Селезневка (середина – конец XII в.), Устье (конец XII в.), Исаковские Выселки (конец XII в.) (Гоняный, 2005а. С. 124–133), а так же захоронение на гор. Никулино (конец XII – 1-я половина XIII в.) (Арх. ИА РАН. Богомолов, 2018. Рис. 22–26).

В этом отношении следует отметить одну интересную особенность распределения древнерусских погребальных памятников на территории верховьев Оки и Дона: курганные могильники сконцентрированы в северо-западной части региона, относящемуся к течению верхней Оки и ее притоков, в бассейне же верхнего Дона известны исключительно грунтовые некрополи. Причем в грунтовых погребениях содержатся материалы конца XII, характерные для курганных могильников Поочья (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 246–254). Более ранних некрополей в верховьях Дона не обнаружено, хотя поселения IX–X вв. там известны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Анализ имеющегося на сегодняшний день археологического материала, позволяет выделить основные этапы этнокультурного процесса, происходившего на территории Окско-Донского региона в последней четверти I – начале II тыс. н.э. Этот процесс связан с начавшейся в VIII в. колонизацией верховьев Оки и Дона восточнославянским населением, которая завершилась в XI в. полным вхождением региона в состав Древней Руси. В настоящей работе собраны данные о 126 археологических памятниках. В результате анализа их керамического и вещевого комплекса, характеристики географического положения, рассмотрения конструкции жилищ и фортификационных сооружений, удалось выявить особенности материальной культуры для каждого из этапов, и проследить динамику освоения территории Окско-Донского региона восточнославянскими племенами на протяжении трех столетий (рис. 137).

Проблема начального этапа славянской колонизации региона вытекает из финала древностей предыдущей эпохи. К середине VII в. на верхней Оке исчезают наиболее поздние поселения мощинской культуры, бытовавшей с середины III в. Памятники роменской археологической культуры возникают в верховьях Оки и Дона не ранее IX в. Проведенное исследование показало, что на смену носителям мощинской культуры, на территорию региона приходит славянское население, с которым связаны материалы типа Сахновки-Волынцево. Этот тип древностей бытовал на территории лесостепного Поднепровья в конце VII – VIII в. Для них характерна лепная керамика круга Сахновки, а так же гончарные горшки круга Битицы. На территории Окско-Донского региона с этим горизонтом связаны так же находки звездчатых подвесок, имитирующих серьги «пастырского типа». В качестве одного из основных путей миграции носителей сахновско-волынцевских древностей на Верхнюю Оку, следует рассматривать южную часть Окско-Деснинского водораздела, где зафиксировано скопление памятников VIII в. Помимо пришлого славянского населения, на протяжении этого, и последующего

периодов в верховьях Оки и Дона могли сохраняться немногочисленные носители мощинских культурных традиции. Об этом свидетельствуют единичные находки мощинских сосудов в комплексах IX – 1-й половины X в. Материалы ритуального комплекса у д. Гора Услань позволяют предполагать участие в освоении Окско-Донского междуречья в предроменский период представителей степного круга культур.

В IX в. в верховьях Оки и Дона возникает многочисленная группа памятников, материалы которых относятся к роменской археологической культуре. На сегодняшний день мы не имеем достаточных оснований для более узкой датировки начала заселения региона носителями роменских древностей. Очевидно, что этот процесс начался не ранее 1-й четверти столетия – общепринятой даты формирования культуры в Поднепровье. Памятники, бытующие на территории Окско-Донского междуречья в IX – 1-й половине X в. отнесены к раннему периоду славянского освоения региона.

Большинство памятников раннего периода расположены на берегах Оки и ее крупных притоков, в бассейне верхнего Дона их известно значительно меньше. Практически все укрепленные поселения этого времени организованны на площадках городищ I тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. н.э., и не оснащенные собственной системой фортификации. Наибольше число поселений составляют селища. Они занимают невысокие пологие склоны берегов и надпойменные террасы, при впадении в основной водоем речки, ручья или оврага. Для погребений характерны кремации на стороне, с последующим помещением останков в керамическую урну и захоронением в деревянной либо каменной погребальной камере или без нее, известны и безурновые захоронения. Погребальный инвентарь соответствует керамическому и вещевому комплексу поселений раннего периода. В целом, обряд захоронения населения верховьев Оки и Дона на протяжении IX – 1-й половины X в. тождественен синхронной им погребальной обрядности славян Днепровского Левобережья и Среднего Подонья.

Существование памятников раннего периода во многом связано с функционированием в IX в. Донского торгового пути. На территории исследуемого региона расположен его узловой участок – переход из Окского (шире – Волжского) бассейна в Донской. Он проходил вдоль Оки и ее крупных притоков, своими верховьями выходящих к бассейну Дона (Упа, Шат, Зуша). Основными маркерами торгового пути являются находки кладов: на сегодняшний день известно о 30 комплексах, содержащих восточные монеты, изделия из серебра, ювелирный лом. Все они найдены на территории Окского бассейна, в верховьях Дона кладов не обнаружено. Отдельные находки арабских монет известны как на поселениях бассейна Оки, так и Верхнего Дона. Об участии населения региона в дальней торговле свидетельствуют так же найденные на поселениях инструменты для малых взвешиваний, фрагменты тарной амфорной керамики и гончарной посуды салтово-маяцкой культуры. Многочисленные импорты, связанные со степными, североевропейскими и западнославянскими территориями говорят о широких торговых связях населения верховий Оки и Дона в IX – 1-й половине X в. Особое место среди поселений раннего периода занимало гор. Супруты. Обилие находок арабских монет, весовых принадлежностей, и предметов воинской культуры, позволяет рассматривать поселение в качестве одного из военных и административных центров изучаемого региона, а так же узловых пунктов торгового пути.

Основным направлением внешних связей населения верховьев Оки и Дона в период IX – 1-й половины X в. были степные территории, находившиеся под контролем Хазарского каганата. На поселениях этого времени найдены многочисленные украшения, детали одежды, предметы воинской культуры и фрагменты гончарной керамики, распространенные в ареале салтово-маяцкой культуры. Конструкции исследованных сыродутных горнов так же характерны для салтовской традиции металлургического производства. Это согласуется и с летописными данными: согласно Повести временных лет, до 2-й половины X в. вятичи, с которыми традиционно отождествляется славянское население региона, являлись данниками хазар.

К середине X в. из-за внутренних противоречий и набегов кочевников из средней Азии, хазарское государство значительно ослабевает. В то же время усиливается влияние Древней Руси, экспансивная деятельность которой распространяется на восточные территории. Походы князя Святослава Игоревича в 60-х годах X в. привели к окончательному распаду Хазарского каганата. Гибель Супрутского городища, которое, вероятно, исполняло роль одного из опорных пунктов хазарского влияния в верховьях Оки и Дона, является отражением этого процесса. Изменившиеся исторические обстоятельства отразились на жизни славянского населения рассматриваемого региона. Прекращают существование поселения раннего периода, расположенные вдоль крупных водных артерий (Ока, Упа, Шат, Осетр, Тулица и др.), составлявшие в IX – 1-й половине X в. инфраструктуру торгового пути. Ярких следов военного разгрома, как на гор. Супруты, на них не фиксируется, однако свидетельств жизни на этих поселениях во 2-й половине X в. не обнаружено.

Выделение памятников следующего, позднего периода (2-й половины X – середины XI в.), является актуальной проблемой в изучении славянских древностей верховьев Оки и Дона. Вопрос о времени их возникновения, непосредственно связан с вопросом датировки финала памятников предыдущего, раннего этапа. Ответить на него возможно обратившись к материалам Супрутского городища. Анализ находок североевропейского, древнерусского и венгерского круга, из слоя финального этапа существования поселения, позволяет утверждать, что его гибель произошла не ранее середины X в. Этим временем следует датировать и финал большинства памятников раннего периода.

Поселения позднего периода возникают на мелких притоках крупных рек региона – в верховьях и средних течениях небольших речек, ручьев, либо обводнённых оврагов. Среди них известны как селища, так и поселения организованные на площадках городищ мощинской культуры или раннего железного века. Все эти памятники имеют в своем комплексе материалы,

датирующиеся не ранее середины X в., к которым относятся вещи древнерусского и североевропейского круга, раннекруговая керамика. В комплексах наиболее поздних памятников этого времени – гор. Тимофеевка и Кетри, помимо раннекруговой, встречается гончарная древнерусская керамика. Эти укрепленные поселения обладают собственной, развитой системой фортификации. Они являются единственными городищами позднего периода, к которым примыкают синхронные селища.

Не следует исключать, что некоторые из рассматриваемых поселений могли возникнуть еще в ранний период (вероятнее ближе к его финалу), и какое то время существовать параллельно с памятниками IX – 1-й половины X в. Наличие в их комплексе материалов более позднего времени может быть свидетельством того, что они переживают поселения раннего периода и продолжают существовать во 2-й половине X – середине XI в.

Еще один тип поселений, который явно отличается от памятников раннего периода – однослойные городища, единственный период жизни на которых синхронен возведенным на них укреплениям. Укрепления их типичны для славянских городищ IX–XI вв.: они представляли собой цепочку внешних деревоземляных стен, состоящих из срубов-городней, заполненных грунтом. Керамический комплекс этих памятников представлен исключительно лепными роменскими сосудами. С поселениями позднего периода их объединяет географическое положение – эти городища так же расположены на удалении от крупных рек региона.

Достоверно выделить тип захоронений, характерных для 2-й половины X – середины XI в. на сегодняшний день не представляется возможным. Учитывая сохранения в этот период населения, носящего роменские культурные традиции, можно предположить, что значительных изменений в погребальном обряде не произошло.

Понимание относительной хронологии памятников дает возможность рассматривать эволюцию отдельных элементов материальной культуры, а так же динамику поступления импортов на территорию региона.

Самым многочисленным и культуроопределяющим элементом материальной культуры является керамика (рис. 138, 139). В предроменский период (VIII в.) на территории Окско-Донского междуречья бытовала лепная керамика круга Сахновки. Наиболее распространены были округлобокие горшки с высоким S-видным венчиком, форма которых сложилась на основе позднепражских традиций. В качестве импорта на этом этапе может рассматриваться гончарная керамика круга Битицы – лощеные горшки с высоким прямым венчиком, которые, возможно продолжали бытовать и в начале следующего периода. Следующий, ранний период (IX – 1-я половина X в.) характеризуется господством лепной роменской керамики, во всем ее типологическом многообразии. Главным ее отличием от роменской керамики сопредельных территорий является крайняя немногочисленность орнаментальных мотивов. В роли импортной керамики в это время выступает круговая посуда салтово-маяцкой культуры. Так же в комплексах раннего периода встречаются горшки мощинского облика, а так же сосуды носящие следы метисации роменской и мощинской керамической традиции, причем на более поздних памятниках такая керамика не известна. На протяжении позднего периода (2-я половина X – середина XI в.) сохраняется традиция изготовления лепной роменской керамики – она по-прежнему является преобладающей, но полностью исчезает гончарная салтовская посуда. Ей на смену приходит раннекруговая керамика древнерусского облика, часть которой, вероятно, производилась на территории региона. К концу позднего периода в комплексах поселений появляется качественная гончарная древнерусская посуда. В более поздний, древнерусский период, роменская керамика полностью вытесняется, но в следовых количествах продолжает встречаться в комплексах XII в.

Характерными украшениями восточнославянского круга являются височные кольца (рис. 140). К предроменскому периоду относятся немногочисленные находки серег пастырского типа. Возможность их эволюции в лучевые височные кольца по сей день является предметом дискуссии. Пяти– и

семилучевые височные кольца, обнаруженные на поселениях и в составе кладов, демонстрирует всю цепочку развития этой категории украшений. Для памятников раннего периода характерны изделия 1-го и 2-го этапов развития (по А.В. Григорьеву). Височные кольца 3-го этапа развития связаны с древностями позднего периода. Они практически утратили связь с прототипами, и стали новым типом украшений. Причем возникновение их вероятно связано с ранним периодом, о чем свидетельствует единичная находка лучевого кольца 3-го этапа на гор. Супруты. Вместе с этим, устойчивой формой, характерной для всех периодов, являются маленькие серьги с имитацией расплющенной бусины. Устойчивым типом являются так же кольца с орнитоморфными фигурами на дуге – они бытуют на памятниках как раннего, так и позднего периода.

Поимо развития керамического комплекса и вещей восточнославянского круга, понимание хронологии памятников позволяет проследить динамику бытования инокультурных элементов на территории Окско-Донского междуречья. К ним относятся древности финно-угорского, степного и североевропейского круга.

Предметы финно-угорского круга, характерные для лесной зоны, несмотря на немногочисленность, представлены достаточно равномерно на всех этапах славянского освоения региона (в зависимости от степени изученности памятников того или иного периода). Из этого можно заключить, что взаимоотношения населения региона с соседними финно-угорскими племенами носили стабильный характер на всем протяжении эпохи славянской колонизации (рис. 141).

Влияние культур восточноевропейской степи прослеживается еще на начальном этапе славянского освоения региона носителями древностей типа Сахновки-Волынцево (VIII в). Большинство древностей степного круга связано с памятниками раннего периода (IX – 1-я половина X в.). С них происходят многочисленные находки предметов вооружения, конского снаряжения, поясной гарнитуры и украшений этого круга, а так же гончарной салтовской

керамики. Это может быть объяснено не только большей привлекательностью яркой воинской культуры Хазарского каганата, но и развитыми экономическими связями именно со степными регионами.

Находки предметов степного круга на памятниках позднего периода единичны. При этом обращает на себя внимание ряд находок ременной гарнитуры из комплексов финала раннего – позднего периода, имеющих близкие аналогии в древностях венгров. Это позволяет говорить о второй волне влияния степной воинской культуры, приходившейся уже на период перехода региона в древнерусскую культурную и политическую среду (рис. 142).

Древности североевропейского круга известны в период IX – 1-й половины X в., только на Супрутском городище. Большинство их связано с поздними комплексами памятника. В поздний период находки североевропейского и древнерусского облика становятся основными импортными предметами, сменяя вещи степного происхождения (рис. 143).

Несмотря на обилие импортных предметов, которые составляют заметную часть вещевого комплекса памятников IX – 1-й середины XI в., характер керамического комплекса, жилых и хозяйственных построек, а также погребального обряда, свидетельствует, что основным населением Окско-Донского региона в этот период были носители роменской археологической культуры. Миграция небольшой части носителей древностей типа Сахновки–Волынцево в VIII в. предваряла массовое заселение берегов Верхней Оки и ее притоков славянами – «роменцами» в IX в.

Во 2-й половине – конце XI в. роменская культура на памятниках верховьев Оки и Дона полностью замещается древнерусской. Это связанно с включением территории в состав Черниговского княжества в результате походов князя Владимира Всеволодовича Мономаха на племенного предводителя вятичей Ходоту в начале 80-х гг. XI в. С этими же событиями может быть связана гибель городищ позднего периода. Вероятно, в ходе присоединения территорий к Древнерусскому государству в первую очередь уничтожались старые вятические административные центры. Их функции

перешли к многочисленным создаваемым городам, известным по письменным источникам. В частности, один из таких центров мог располагаться на гор. Дуна около современного города Чекалина на Оке. Археологические исследования 2011 г. свидетельствуют о возникновении здесь княжеского города в конце XI – начале XII в., надежно отождествляемого с летописным Девягореском (Воронцов и др., 2018). Не исключено, что и на площадке гор. Кетри, после гибели славянского поселения возник древнерусский административный центр (Колоколов и др., 2021. С. 178). Поздний этап существования городища может быть отождествлен с городом Дедославлем, упомянутом в Ипатьевской летописи в связи с событиями междоусобной войны 1146–1147 гг. (Фомин, 2001. С. 184). В качестве летописного древнерусского города, возникшего в XI в., рассматривается так же гор. Калединовка на р. Нериска (приток р. Вашана), где в ходе археологических раскопок были выявлены слои XI – 1-й половины XII в. В результате комплексного историко-археологического анализа установлено, что городище является остатками города Неринск, упомянутого в Ипатьевской летописи под 1147 г. (Шебанин, 2018. С. 116–117; 2023. С. 64–79). Археологические источники подтверждают, что в ходе политической деятельности князя Владимира Мономаха в 80 – начале 90–х гг. XI в. в бассейне Верхней Оки возникла черниговская волость «Вятичи». После Любечского съезда 1097 г. волость, вероятно, была совместным владением князей Давыда и Олега Святославичей из династии черниговских Рюриковичей (Шеков, 2018. С. 138–139). С этого времени для нашего региона наступает следующий исторический период – древнерусский (Колоколов, Шеков, 2022. С. 221–263).

Таким образом, предпринятое исследование позволяет создать целостную этнокультурную картину региона последней четверти I – начала II тысячелетия н. э. Материалы, характерные для некоторых периодов славянского заселения верховьев Оки и Дона (VIII в. и 2-й половины X – середины XI в.) немногочисленны, и находятся пока в стадии накопления. Однако, благодаря проведенной работе сложился перечень археологических памятников,

дальнейшие полевые работы на которых позволят значительно пополнить источниковую базу для изучения древностей этих этапов. Картографирование известных на сегодняшний день поселений, относящихся к малоизученным периодам славянской колонизации региона, позволяет наметить стратегию дальнейших разведочных работ, с целью увеличения числа таких памятников.

СПИСОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ.

1. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Ленинский район Тульской области, 2002 г., городище у д. Щепилово, материалы раскопок. Щепилово, городище. ГМЗ-КП-1881.
2. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 2007 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок. ВХ-1613.
3. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 2006 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок. ГМЗ-КП-1955.
4. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 2002 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок (р.25). ГМЗ-КП-1954.
5. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 2002 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок (р.24, 26, 26а, 27). ГМЗ-КП-1961.
6. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 2000 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок. ГМЗ-КП-778.
7. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 1999 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок. ГМЗ-КП-607.
8. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 1996 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок. ГМЗ-КП-118.
9. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 1995 г., городище у д. Супруты, материалы раскопок. ГМЗ-КП-101.
10. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Ленинский район Тульской области, 1999 г., поселение 3-й Городищенский завод у д. Торхово, материалы раскопок. ГМЗ-КП-627.
11. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Ленинский район Тульской области, 1997 г., поселение 3-й Городищенский завод у д. Торхово, материалы раскопок. ГМЗ-КП-157.

12. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Ленинский район Тульской области, 1996-1997 гг., поселение 3-й Городищенский завод у д. Торхово, материалы раскопок. ГМЗ-КП-303.

13. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Ленинский район Тульской области, 1992 г., селище 3 у д. Торхово, материалы разведок. ГМЗ-КП-17.

14. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Ленинский район Тульской области, 1993 г., поселение 3-й Городищенский завод, материалы раскопок. ГМЗ-КП-32.

15. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Дубенский район Тульской области, 1999 г., городище Тимофеевка, материалы раскопок. ГМЗ-КП-658.

16. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Дубенский район Тульской области, 1998 г., городище Тимофеевка, материалы раскопок. ГМЗ-КП-400.

17. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Дубенский район Тульской области, 1996 г., городище Тимофеевка, материалы раскопок. ГМЗ-КП-121.

18. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собранных в 2019 г. в ходе археологических исследований на городище у д. Спицино Ясногорского района Тульской области отрядом ТАЭ под руководством Полукеевой Т.А. ВХ-2156.

19. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собр. в 2020 г. в ходе исследований на городище Спицино Ясногорского района Тульской области отрядом ТАЭ под руководством Простякова И.С. ВХ-2242.

20. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собр. в 2021 г. в ходе раскопок городища Гора Услань МО г. Тула, ВХ-2348.

21. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Ленинский район Тульской области, 2003 г., городище Лобынское, материалы раскопок. ГМЗ-КП-1910.

22. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция археологических предметов, собр. в 2017 г. в ходе разведочных исследований на городище Мосолово Заокского района и городище Занинка Алексинского района Тульской области отрядом ТАЭ под руководством Грищука М.С. ВХ-2061.

23. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Заокский и Алексинский районы Тульской области, 1998 г., городище у д. Никулино, материалы разведок. ГМЗ-КП-139.

24. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский и Дубенский районы Тульской области, 1992 г., материалы разведок. ГМЗ-КП-4.

25. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Дубенский район Тульской области, 1994-1995 гг., городища Тимофеевка, Березово, пос. Березово-1, материалы раскопок и разведок. ГМЗ-КП-97.

26. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Дубенский район Тульской области, 1996 г., городище Тимофеевка, материалы раскопок. ГМЗ-КП-121.

27. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Дубенский район Тульской области, 1999 г., городище Тимофеевка, материалы раскопок. ГМЗ-КП-658.

28. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Дубенский район Тульской области, 1994-1995 гг., городище Тимофеевка, материалы раскопок. ГМЗ-НВ-3.

29. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Дубенский район Тульской области, 1996 г., материалы разведок. ГМЗ-КП-115.

30. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собранная в 2021 г. в ходе археологических разведок на городище у д. Вырск Козельского р-на Калужской области отрядом ТАЭ под руководством Наумовой Т.В. ВХ-2308.

31. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция арх. предметов, собр. в 2014 г. в ходе разведок в г. Туле, Ленинском, Одоевском, Алексинском районах Тульской области отрядом ТАЭ под рук. Столярова Е.В. ВХ-1913.
32. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». г. Тула, МО, Щекинский р-н Тульской обл., 2020 г., материалы разведок под рук. Столярова. Малая Стрекаловка-5, селище. ГМЗ-КП-1930.
33. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Одоевский район Тульской области, 1996 г., материалы разведок. ГМЗ-КП-114.
34. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция арх. предметов, собранная в 2011 г. в ходе раскопок на гор. Дуна Суворовского р-на Тульской области отрядом ТАЭ под руководством Воронцова А.М. ВХ-1626.
35. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Комплекса предметов найденный близ с. Полтева Чернского района Тульской области. ГМЗ-КП-1739.
36. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция археологических предметов, собр. в 2019 г. в ходе раскопок городища у б. д. Кетри (МО г. Тула) отрядом ТАЭ под руководством Простякова И.С. ВХ-2151.
37. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская область, Алексинский район. Разведки 2020 г. под руководством Грибкова А.В. ВХ-2345.
38. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция арх. предметов, собр. в 2014 г. в ходе разведок в Ленинском и Щекинском районах Тульской области отрядом ТАЭ под рук. Столяровой К.А. ВХ-1884.
39. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция арх. предметов, собр. в 2017 г. в ходе разведок в Щекинском районе Тульской области отрядом ТАЭ под рук. Столяровой К.А. ВХ-2065.
40. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский район Тульской области, 2017 г., селище Головеньки-1,3 материалы разведок Столяровой К.А. ГМЗ-КП-1917.
41. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собранная в 2022 г. в ходе археологических исследований на территории МО г.

Тула, в Алексинском, Белевском, Одоевском, Щекинском районах Тульской области отрядом ТАЭ под руководством Простякова И.С. ВХ-2381.

42. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Алексинский район Тульская область, 2008 г., материалы разведок. ГМЗ-КП-2022.

43. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Алексинский район Тульской область, 2005 г., материалы разведок. ГМЗ-НВ-638.

44. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская область, Одоевский район, Петровское, городище. Раскопки 2015 г. ВХ-2060.

45. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская область, Одоевский район. Снедка, городище. Раскопки 2008 года под руководством Григорьева А.В. ВХ-1406.

46. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская область, Суворовский район. Раскопки 2009 года под руководством Воронцова А.М. ВХ-1393.

47. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Тульская область, Суворовский р-н. Раскопки 2010 года под руководством Воронцова А.М. ВХ-1463.

48. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция археологических предметов, собр. в 2014 г. в ходе раскопок селища Железное городище-1 Шаблыкинского района Орловской области отрядом ТАЭ под рук. Столярова Е.В. ВХ-1916.

49. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Случайная находка в районе д. Кутьма Щекинского р-на Тульской области. ГМЗ-КП-1888/3

50. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Материалы любительских сборов, произведённых весной 2003 г. в нижнем течении р. Упы в границах Одоевского района Тульской области. ГМЗ-КП-1357/1.

51. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Комплекс предметов обнаруженных у д. Ленино Суворовского района Тульской области. ГМЗ-КП-1542

52. Фонды Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Кимовский район Тульской области, 2008 г., поселение Колесовка-1, материалы раскопок. ГМЗ-КП-1977/17.

53. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Комплекс случайных находок обнаруженных находка в районе Лобынского городища (Ленинский р-н Тульской обл.) в 1990-е гг. ГМЗ-КП-826.

54. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собранная в 2024 г. в ходе археологических исследований на городище у д. Гора Услань (МО г. Тула) отрядом ТАЭ под руководством Столярова Е.В. ВХ-2416/1-145.

55. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Коллекция предметов, собранная в 2022 г. в ходе раскопок на городище у д. Лобынское (МО г. Тула) отрядом ТАЭ под руководством Простякова И.С. ВХ-2445/1-1144.

56. Фонды гос. музея-заповедника «Куликово поле». Щекинский р-н Тульской области, 2023 г., селище Большое Тризново-4, материалы раскопок. ГМЗ-КП-2064.

57. Фонды ТОКМ. Городище Супруты. 1955 г. Опись ЕИК 4150.

58. Фонды ТОКМ. Городище Супруты. 1956 г. Опись ЕИК 4151.

59. Фонды ТОКМ. Городище Супруты. 1968 г. Опись ЕИК 5575.

60. Фонды Узловского художественно-краеведческий музей, коллекция № 5465.

61. Фонды Узловского художественно-краеведческий музей, коллекция № 5466.

62. Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Щепилово 1953 г. Коллекция № 84158, оп. Б 998.

63. Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Щепилово 1952 г. Коллекция № 84012, оп. Б 1065.

64. Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Дуна 1899 года. Коллекция № 42786, оп. 546.

65. Фонды ГИМ. Коллекция предметов из разведок 1951 года на городище Таптыково. Предметы № 83491 оп. Б 874.

66. Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Супруты. Оп. В 2730.

67. Фонды ГИМ. Коллекция предметов из раскопок городища Супруты. Оп. В 2732.

СПИСОК АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Архивные материалы

1. Александровский А.Л. Результаты комплексных исследований методами естественных наук культурного слоя и почв городища Супруты // Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях на городище Супруты Щекинского района Тульской области в 2006 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 36010.

2. Бурцев И.Г. Отчет о разведочных археологических исследованиях в Алексинском районе тульской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 42480.

3. Володин Е.О. Отчет о научных археологических исследованиях, проведенных на селище Щучье-1 в Веневском районе Тульской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р–1 № 49109.

4. Володин Е.О. Отчет о научных археологических исследованиях, проведенных на селище Щучье-1 в Веневском районе Тульской области в 2016 г. // Архив ИА РАН. Р–1 № 53092.

5. Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 24216–24217.

6. Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях на городище у д. Ново-Клейменово Ясногорского района Тульской области и в Алексинском и Заокском районах Тульской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 26151.

7. Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях на городище у д. Щепилово Ленинского района Тульской области, в г. Туле, г. Алексине и Богородицком районе Тульской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 26826.

8. Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях на городище у д. Щепилово Ленинского района Тульской области и в г. Туле в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 31481.

9. Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в Дубенском и Одоевском районах Тульской области в 2005 году. Тула. // Архив ИА РАН. Р–1. № 33356.

10. Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях на городище Супруты Щекинского района Тульской области в 2006 году. Том 1. // Архив ИА РАН. Р–1. № 36010.

11. Воронцов А.М., Отчет о раскопках на городище Супруты и разведках на поселении Слободка у с. Супруты Щекинского района Тульской области в 2007 году. Том 1. // Архив ИА РАН. Р–1. № 42640–42641.

12. Воронцов А.М. Отчет об археологических разведочных исследованиях на территории Тульской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 36740.

13. Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском районах Тульской области в 2009 году. Часть 1. Раскопки на городище Акиньшино Суворовского района // Архив ИА РАН. Р–1. № 36737.

14. Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском районах Тульской области и в г. Туле в 2010 году. Часть 1. Раскопки на городище Акиньшино Суворовского района. Тула // Архив ИА РАН. Р–1. № 33216.

15. Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском районах Тульской области в 2011 году. Ч.1. Раскопки на городище Дуна Суворовского района // ИА РАН. Р–1. № 34218.

16. Богомолов В.В. Отчет об археологических исследованиях на городище у д. Никулино Алексинского района Тульской области в 2018 г. Тула, 2019 // Архив ИА РАН. Р–1. № 60904.

17. Богомолов В.В. Отчёт об археологических разведках в Тульской области в 2019 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 63866.

18. Гендуне Ю.Г. Доклад о раскопках, произведенных в 1901 г. / Рукописный отдел НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1901 г. Ед. хр. 39.

19. Гендуне Ю.Г. Доклад о раскопках, произведенных в 1902 г. / Рукописный отдел НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902 г. Ед. хр. 27.

20. Гоняный М.И. Отчет об охранных археологических разведках на территории Венёвского района Тульской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 42031–42033.

21. Гоняный М.И. Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия регионального значения «Селище Устье-2» в Кимовском районе Тульской области в 2014 г. // НА ГМЗ «Куликово поле». № 2014/5.

22. Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических разведок на селище Устье 3, расположенном в Кимовском районе Тульской области, селище Долгое 1 в Данковском районе Липецкой области и на древнерусских памятниках в бассейне р. Нериска на территории Заокского, Алексинского районов Тульской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 57608.

23. Грехова Л.В. Отчет об археологических разведках в Белевском районе Тульской области в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2548.

24. Грибков А.В. Отчет об археологических разведках на территории Алексинского района Тульской области в 2017 году. Тула, 2019 // Архив ИА РАН. Р–1. № 55524.

25. Грибков А.В. Отчет о разведочных археологических исследованиях на территории Дубенского, Киреевского, Кимовского, Алексинского и Заокского районов Тульской области в 2020 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 80058–80060

26. Григорьев А.В. Отчет о раскопках на территории 3-го Городищенского завода у дер. Торхово Ленинского района Тульской области в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 23152 .

27. Григорьев А.В. Отчет о работах на территории Дубенского и Ленинского р-нов Тульской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 21371.

28. Григорьев А.В. Отчет о работах Славянского отряда на территории Дубенского, Ленинского и Щекинского р-нов Тульской обл. в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 23268.

29. Григорьев А.В. Отчет о работах Славянского отряда на территории Щекинского и Киреевского р-нов Тульской обл. в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 24564.

30. Григорьев А.В. Отчет о раскопках городища у с. Супруты Щекинского р-на Тульской обл. в 2002 г. //Архив ИА РАН. Р–1. № 47073.

31. Григорьев А.В. Отчет об археологических раскопках на городище у д. Снедка Одоевского р-на Тульской области в 2008 г. Тула. // Архив ИА РАН. Р–1. № 42486.

32. Гриценко В.П. Отчет об археологических исследованиях разведочного отряда ТГПИ в г. Туле и Ленинском районе Тульской обл. в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 13096.

33. Гриценко В.П. Об охранных археологических исследованиях на пос. Березовка–5 и Мельгуново–4а в Кимовском и Узловском районах Тульской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р–1. 1990. № 15612.

34. Гриценко В. П. Отчет об археологических исследованиях в г. Тула и Тульской области в 1993 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 18477.

35. Грищук М.С. Отчет об археологических разведках в Алексинском и Заокском районах Тульской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 57558.

36. Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 19010.

37. Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в 1995 г. в Калужской и Тульской областях // Архив ИА РАН. Р–1. 1995. № 23183.

38. Екимов Ю.Г. Отчет о работах археологической экспедиции Тульского областного краеведческого музея в Щекинском районе Тульской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 16550.

39. Екимов Ю.Г. Отчёт об археологическом изучении поселения Каменка (Фатьяново-3) на территории Белёвского района Тульской области в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 35740.

40. Екимов Ю.Г. Научный отчёт об археологических раскопках поселения Каменка (Фатьяново-3) на территории Белёвского района Тульской области в 2006 г. (в 2-х томах). // Архив ИА РАН. Р–1. № 42798–42799.

41. Екимов Ю.Г. Научный отчёт о раскопках археологического комплекса Каменка / Фатьяново-3 (многослойное поселение и могильник) на территории

Белёвского района Тульской области в 2010 г. (в 2-х томах). // Архив ИА РАН. Р–1. № 29657–29658.

42. Екимов Ю.Г. Научный отчёт о раскопках объекта археологического наследия «поселение Каменка» на территории Белёвского района Тульской области в 2012 г. (в 2-х томах). // Архив ИА РАН. Р–1. № 49785–49786.

43. Екимов Ю.Г. Научный отчёт об археологической разведке в левобережье меридионального течения Верхней Оки на территории Белёвского района Тульской области в 2012 г. В 2-х томах. Том I. // Архив ИА РАН. Р–1. Б.н.

44. Екимов Ю.Г. Научный отчёт о раскопках объекта археологического наследия «поселение Каменка» на территории Белёвского района Тульской области в 2016 г. (в 2-х томах). // Архив ИА РАН. Р–1. № 53311–53312.

45. Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях в Чернском районе Тульской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 18514.

46. Заидов О.Н. Отчет о работах в Чернском районе Тульской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 19231.

47. Заидов О.Н. Отчет об археологических разведках на территории Белевского, Богородицкого, Ефремовского, Заокского и Каменского районов Тульской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 42859.

48. Зацаринный С.В. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Соловы в Щекинском р-не и в бассейне р. Тулицы (по руч. Халкелец) в Ленинском р-не Тульской области в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 31577.

49. Зацаринный С.В. Отчет о раскопках поселения Карьер-1 в Щёкинском р-не и разведках в бассейне р. Тулицы в Ленинском р-не Тульской области в 2006 г. В 2-х томах. // Архив ИА РАН. Р–1. № 36078–36079.

50. Изюмова С.А. Отчет о раскопках 1952 г. на городище Щепилово Тульской области // Архив ИА РАН. Р–1. № 761.

51. Изюмова С.А. Отчет о раскопках на городище Щепилово Тульской области. 1953 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 840.

52. Изюмова С.А. Отчет об археологических разведках в Тульской обл. в 1954 г. по Открытому листу №68 // Архив ИА РАН. Р–1. № 1009.

53. Изюмова С.А. Отчет о раскопках городища у с. Супруты Крапивенского р-на Тульской обл. 1955 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1197.

54. Изюмова С.А. Отчёт о раскопках городища у с. Супруты в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1357.

55. Изюмова С.А. Отчёт об археологических исследованиях в Тульской обл. летом 1967 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 3488.

56. Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской обл. в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 4226.

57. Изюмова С.А. Отчет о раскопках городища у с. Супруты в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 4592.

58. Изюмова С.А. Отчет о раскопках городища у с. Супруты в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 4593.

59. Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской обл. в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 4941.

60. Изюмова С.А. Отчет о раскопках Супрутского городища в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 6167.

61. Изюмова С.А. Отчет о раскопках городища у с. Супруты в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 6893.

62. Иванов Н.В. Отчет о разведочных археологических исследованиях в Чернском, Воловском и Арсеньевском районах Тульской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 25940.

63. Иванов Н.В. Отчет о разведочных археологических исследованиях в Ленинском районе Тульской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 27433

64. Иванов Н.В. Отчет об археологических исследованиях на городище у с. Лобынское Ленинского района Тульской области и в Заокском районе Тульской области в 2003 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 32767.

65. Клянин Р.В. Отчет об археологических работах отряда ТГПИ им. Л.Н. Толстого в Веневском районе Тульской области и Туле в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 12104.

66. Клянин Р.В. Археологические работы в Веневском, Кимовском, Киреевском районах Тульской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 14430.
67. Клянин Р.В. Отчет об охранных работах на курганной группе у д. Свиридово Веневского района Тульской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 16843.
68. Клянин Р.В. Отчет об археологических изысканиях в Веневском и Заокском районах в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 21968.
69. Колоколов А.М. Отчет о разведочных археологических исследованиях в Ленинском районе Тульской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 37848.
70. Миронова В. Г. Отчет о разведке в валдайском районе Новгородской области и разведке в Тульской области в 1979 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 7494.
71. Наумов А.Н. Отчет о работах в Тульской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 43441.
72. Наумова Т.В. Отчет об археологических исследованиях в Алексинском и Ленинском районах Тульской области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 36081.
73. Наумова Т.В. Отчет о разведочных археологических исследованиях на участках землеотводов на территории муниципального образования г. Тула и Щекинского района Тульской области в 2017 г. В 4-х томах. // Архив ИА РАН. Р–1. № 56711–56714.
74. Наумова Т.Н. Отчет о разведочных археологических работах на территории Козельского района Калужской области в 2021 году // Архив ИА РАН. Р–1. 2021. № 74993.
75. Научный архив ТОКМ, картотека М.А. Дружинина, карточка 779/49.
76. Научный архив ТОКМ, картотека М.А. Дружинина, карточка 537/32.
77. Никитин А.В. Отчет о полевых исследованиях Засечной Черты в районе Тула – Линев – Крапивна – Одоев – Белев – Лихвин – Перемышль в 1949 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 325.

78. Паспорт памятника истории и культуры СССР. Индекс I.3_I.50.19. д. Доброе. Курган. Составитель Миронова В. Г. Дата составления 1 ноября 1979 г.
79. Паспорт памятника истории и культуры СССР. Индекс I.3_I.50.19. д. Западная. Курганы. Составитель Миронова В. Г. Дата составления 1 ноября 1979 г.
80. Полукеева Т.А. Отчет о разведочных археологических исследованиях на территории Новомосковского и Ясногорского районов Тульской области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 69222.
81. Полукеева Т.А. Отчет о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «селище 4 у д. Большое Тризново» в Щекинском районе Тульской области в 2023 году. // Архив ИА РАН. Р–1. Б.н.
82. Простяков И.С. Отчет об археологических раскопках на городище у с. Петровское в Одоевском районе Тульской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 57410.
83. Простяков И.С. Отчет о разведочных работах в МО г. Тула в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 55922.
84. Простяков И.С. Отчет об археологических раскопках на городище у бывшей деревни Кетри в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 64267.
85. Простяков И.С. Отчет об археологических раскопках на городище у д. Спицино в Ясногорском районе Тульской области в 2020 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 70701.
86. Простяков И.С. Отчет об археологических разведках на территории г. Тулы, Белевского, Дубенского и Щекинского районов Тульской области в 2022 году // Архив ИА РАН. Р–1. Б.н.
87. Простяков И.С. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Городище у д. Лобынское» в г. Туле Тульской области в 2022 г. // Архив ИА РАН. Р–1. Б.н
88. РА ИИМК РАН. Оп. 1. 1903. № 15.

89. Родинкова В.Е. Отчет о полевых археологических исследованиях (раскопках), проведенных в 2016 году на поселении Куриловка-2 Суджанского района Курской области // Архив ИА РАН. Р–1. № 54596.

90. Родинкова В.Е. Отчет об археологических раскопках поселения Куриловка 2 Суджанского района Курской области в 2019 году. Т. 1, 2. // Архив ИА РАН. Р–1. № 66641–66642.

91. Смирнова М.Е. Отчет о работе Тульского отряда ДЭ ИААН СССР на селище Уткино Киреевского р-на Тульской обл. в 1989 г. //Архив ИА РАН. Р–1. № 13613.

92. Смирнова М.Е. Отчет о раскопках городища Свисталовка (Тульская область, Киреевский район) в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 15436–15437

93. Столяров Е.В. Отчет об археологических исследованиях в Киреевском районе Тульской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 37918.

94. Столяров Е.В. Отчет об археологических исследованиях в Новосильском и Малоархангельском районах Орловской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 36219.

95. Столяров Е.В. Отчет об археологических исследованиях в Заокском и Кимовском районах Тульской области в 2012 г. Ч.1. Раскопки на городище Велегож Заокского района. Тула // Архив ИА РАН. Р–1. № 35494.

96. Столяров Е.В. Отчет об археологических исследованиях в Заокском, Суворовском и Киреевском районах Тульской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 41413.

97. Столяров Е.В. Отчет об археологических исследованиях на поселении Железное городище 1 в Шаблыкинском районе Орловской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 48637. 2014а.

98. Столяров Е.В. Отчет об археологических разведках в г. Тула, Ленинском, Алексинском и Одоевском районах Тульской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 48611–48612. 2014б.

99. Столяров Е.В. Отчет о разведочных археологических работах на территории МО г. Тула Тульской области в 2020 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 68223.

100. Столяров Е.В. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта культурного наследия «городище у д. Гора Услань» в г. Туле Тульской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 82239–82240.

101. Столяров Е.В. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «городище у д. Гора Услань» в г. Туле Тульской области в 2024 г. // Архив ИА РАН. Р–1. Б.н.

102. Столярова К.А. Отчет об археологических разведках в Ленинском, Алексинском и Щекинском районах Тульской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 48641.

103. Столярова К.А. Отчет об археологической разведке в Щекинском районе Тульской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 57923–57924.

104. Столярова К.А. Отчет Об археологических полевых разведочных работах на территории г. Тула, Щекинского, Одоевского и Дубенского районов Тульской области в 2018 г. // Архив ИА РАН. Р–1. Б.н.

105. Трофимов Н.Г. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Снежеди Чернского района Тульской области в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 4419.

106. Трофимов Н.Г. Отчет о раскопках Тшлыковских курганов и разведке по р. Снежедь Чернского района Тульской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 10054.

107. Трофимов Н.Г. Отчет о результатах работ Долматовского археологического отряда в бассейне рек Зуши и Снежеди в Тульской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 11968–11968а.

108. Трофимов Н.Г. Доклад на областной краеведческой конференции в г. Тула 13–14 июня 1984 г. // Личный архив Н.Г. Трофимова. НА Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Б.н.

109. Шебанин Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Богородицком и Киреевском районах Тульской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 23485.

110. Шебанин Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Узловском и Киреевском р-нах Тульской обл. в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 23132.

111. Шебанин Г. А. Отчет об археологических исследованиях в Узловском и Киреевском р-нах Тульской обл. в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 23275.

112. Шеков А.В. Отчет об археологической разведке отряда ТАЭ в Дубенском, Щекинском районах Тульской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 17447.

113. Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в г. Белеве и Белевском районе Тульской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 17749.

114. Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Плавском, Белевском и Дубенском районах Тульской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 18910.

115. Шеков А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории г. Тулы в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 18666.

116. Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях на территории Дубенского района Тульской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р–1. 1995. № 20225.

117. Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Белевском районе Тульской области в 1995 г. // НА Гос. музея-заповедника «Куликово поле». № 1998/4.

118. Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1996. // Архив ИА РАН. Р–1. № 20271–20274.

119. Шеков А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории городища и поселения 1 у с. Супруты Щекинского района Тульской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 20226.

120. Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Белевском районе Тульской области в 1995 г. // НА Гос. музея-заповедника «Куликово поле». № 1998/4.

121. Шеков А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории городища и поселения 1 у села Супруты Щекинского района Тульской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 20271.

122. Фомин К.Н. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 2000 году. // Архив ИА РАН. Р–1. № 24288–24289.

123. Фомин К.Н. Отчет о разведочных археологических работах в Ленинском и Киреевском районах Тульской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 18721.

124. Фомин К.Н. Отчет об археологических исследованиях в Ленинском и Ясногорском районах Тульской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 21373.

125. Фомин К.Н. Отчет об археологических исследованиях в городе Туле и Тульской области в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 33517.

126. Чубур А.А. Отчет по результатам обработки остеологических коллекций, полученных в ходе проведения археологических исследований на памятниках археологии Городище у д. Лобынское, Городище у д. Гора Услань, Городище у д. Петровское, Селище 2 у д. Себино. Тула, 2023 // НА Гос. музея-заповедника «Куликово поле». № 2023–1/О.

127. Чубур А.А. Отчет по результатам обработки остеологических коллекций, полученных в ходе проведения археологических исследований на городище у д. Гора Услань. Тула, 2024. НА Гос. музея-заповедника «Куликово поле». № 2024–3/О.

128. НА Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Инв. № 9001. Картотека М.А. Дружинина (копия).

Литература.

129. Абашина Н. Скиба А., Кераміка ранньослов"янського поселення Обухів-VII у Київському Подніпров"ї // УкраЇнський керамологічний журнал. 2003. №1(7). С. 44–48.

130. Авдусин Д.А. Гнездовская экспедиция // КСИИМК. 1952. Вып. XLIV. С. 93–103.

131. Авдусин Д.А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов (в 1950 и 1952–1955 гг.) // МИСО, Вып. 2. / отв. ред. Д.И. Будаев. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1957. С. 113–183.

132. Авдусин Д.А. Основы археологии: Учеб. для вузов, по спец. «История». М.: Высш. шк., 1989. 335 с.

133. Авдусина С.А. Клад торгового инвентаря из Гнездова // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Труды Государственного исторического музея. Вып. 215 / Отв. ред. С.Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2021. С. 157–187.

134. Авдусина С.А., Ениосова Н.В. Подковообразные фибулы из Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124 / отв. ред. В.В. Мурашева. М.: ГИМ, 2001. С. 93–101.

135. Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. 1973. № 3. С. 62–72.

136. Аксенов В.С. Новые материалы к распространению христианства среди аланского населения салтово-маяцкой культуры Подонечья / В.С. Аксенов // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: РИЦ ЛГПУ, 2010. С. 112–122.

137. Аксёнов В.С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 12. Киев-Харьков: Международный Соломонов университет, 2014. С. 4–33.

138. Аксенов В.С. Подвески-амулеты в виде коней из катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника: типология и хронология // Хазарский альманах. Т. 14 / гл. ред. О.Б. Бубенок. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 15–37.

139. Аксенов В.С. Клад кузнеца-ювелира середины VIII в. с территории Харьковщины // РА. 2022. №1. С. 153–165.

140. Аксенов В.С., Хоружая М.В. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002 – 2004 гг.) // Хазарский альманах, Т. 4 / гл. ред. В.К. Михеев. Киев–Харьков, 2005. С. 199–215.

141. Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / Хазарский альманах. Т.5. Киев–Харьков: Каравелла, 2006. 308 с.

142. Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // СЕЭС. Т. 7. Хазарское время / гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 387–406.

143. Албегова З.Х., Ковалевская В.Б. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / отв. ред. Х.М. Мамаев. М.: ИА РАН, Ин-т гуманитарных исслед. АН ЧР, 2011. С. 277–295.

144. Алексеев С.И., Зеленеев Ю.А., Мартьянов В.Н. Могильник Красное III //Новые источники по этнической и социальной истории финно–угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Йошкар–Ола: Изд–во Марийского гос. ун–та, 1990. С. 83–100.

145. Алихова А.Е. Серповский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа / под ред. А.П. Смирнова. Саранск: Морд. кн. изд–во, 1959. С. 117–137.

146. Алихова А.Е. Среднецнинская мордва. Материальная культура среднецинской мордвы VIII–XI вв. По материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 гг. Саранск: Морд. кн. изд–во, 1969. 129 с.

147. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II. // СА. 1971. №3. С. 106–134.

148. Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 10–23.

149. Андрощук Ф.А. Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов // Краеугольный камень: археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Т.1 \ отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. М.: «Ломоносовъ», 2010. С. 72–93.

150. Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н. Скандинавские древности южной Руси. Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, 2012. 368 с.

151. Армарчук. Е.А. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН, 2006. 226 с.

152. Археологическая карта России. Калужская область. / Под ред. А.В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2006. 310 с.

153. Археологическая карта России. Курская область. Часть 1 / авт.-сост. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН, 1998. 298 с.

154. Археологическая карта России. Московская область. Часть 4. / авт.-сост. Г. Г. Король и др. М.: ИА РАН, 1997. 351 с.

155. Археологическая карта России. Орловская область / отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: «Авто», 1992. 96 с.

156. Археологическая карта России: Тульская область. Часть 1 / отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН, 1999. 300 с.

157. Археологическая карта России. Тульская область. Часть 2 / отв. ред. А.В. Кашкин Ч. 2. М.: ИА РАН, 2002. 272 с.

158. Археология УССР / отв. ред. В.Д. Баран. Т. 3 / Киев: Наукова думка, 1986 573 с.

159. Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 197 с.

160. Арциховский А.В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 224 с.

161. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. Аланский вариант салтово-маяцкой культуры. М.: Наука, 1987. 200 с.

162. Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА. 2013. №3. С. 13–25.

163. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.

164. Афремов И.Ф. Собрание сочинений / Ред-сост. Н.К. Фомин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. 512 с.

165. Ахмедов И.Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы (Раннеславянский мир. Вып. 13). М.: ИА РАН, 2010. С. 7–34.

166. Ахмедов И.Р., Воронцов А.М. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов: Конференция 3 / под. ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 9–54.

167. Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго–Камья). Самара: «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.

168. Багаев М.Х., Виноградов В.Б. Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 80–86.

169. Балашов, А.А. Ножи славян Днепро-донского междуречья как источник по этнокультурным контактам IX–X вв. // Учёные записки: электроный научный журнал Курского государственного университета. № 3(27). Т. 1, 2013. https://cyberleninka.ru/article/n/nozhi-slavyan-dnepro-donskogo-mezhdurechya-kakistochnikpo-etnokulturnym-kontaktam-ix-x-vv/viewer

170. Балашов А.А. О комплексе вооружения семичей в IX–X вв. // Восточнославянский мир Днепро–Донского междуречья в эпоху средневековья/ отв. ред. А.З. Винников. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2020. С 107–119.

171. Балашов А.А. К вопросу о существовании наборного пояса на территории междуречья Сейма и Псла в X в. // Археология в исследованиях молодых: сборник научных статей Четвертой международной научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения профессора А.З. Винникова (г. Белгород, 11–12 ноября 2020 года) / отв. ред. В.А. Сарапулкин. Белгород: НИУ «БелГУ», 2022. С. 184–188.

172. Барсов Н.П. Материалы для историко-географического словаря России. I. Географический словарь русской земли (IX–XIV ст.). Вильна: Типография А. Сыркина, 1865. 220 с.

173. Безуглов С.И., Ильюков Л.С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона II. / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Москва–Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 25–48.

174. Белавин А.М., Игнатьева О.В., Оятева Е.И. Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа. Пермь: ОТ и ДО, 2009. 160 с.

175. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула. Археология Пермского края. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. 2008. 603 с.

176. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X–XI вв. // ПА. 2017. №1 (19). С. 284–297.

177. Березовець Д.Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області // Археологічні пам’ятки УРСР. Київ: Академія наук УРСР, 1952. С. 242–250.

178. Бессарабова З.Д. Славянские курганы второй половины 1-го тысячелетия н.э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы //АСГЭ. 1973. №15. С. 65–82.

179. Бобринский А.А. Метод количественной оценки сходства и различия форм керамики // Тезисы докладов на секциях посвящённых итогам полевых исследований 1971 г. М.: ИА АН СССР, 1972. С. 332–335.

180. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

181. Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А. Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры Евразийских степей II половины I тысячелетия н. э. / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 83–98.

182. Богомольников В.В. Макушников О.А. Археологические памятники Гомельщины. Минск: «Полымя», 1988. 16 с.

183. Богуславский О.И., Яблоник Д.Л. Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов //

История и археология Новгородской земли. Тезисы научно-практической конференции. Новгород: Новгородская правда, 1987. С. 25–26.

184. Болдин И.В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы периодизации и хронологии) Калуга: КОКМ. 2012. 172 с.

185. Борисов В.М., Курганы и городища в Тульской губернии // Известия Имп. Русского географического общества / под ред. В.И. Срезневского. Т. XV. Вып.3. СПб.: Типография В. Безобразова, 1879. С.240–247.

186. Боталов С.Г. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Каменный пояс, 1996 С. 148–158.

187. Боталов С.Г., Таиров А.Д., Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В. Актюба – новый мадьярский комплекс в южном Зауралье // Труды КАЭЭ. Вып. XIX. Пермь: ПГГПУ, 2021. С. 84–90.

188. Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья. МАР. № 18. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1895. 156 с.

189. Бубликов В.В., Прошкин О.Л., Добровольская М.В. Курганный могильник Рыжково на реке Протве // АП. Вып. 4. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2008. С. 108–123.

190. Булычов Н.И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам р. Оки. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова. 1899. С. 7–12.

191. Булычов Н.И. Раскопки по среднему течению р. Угры. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. 77 с.

192. Бурцев М.Ф. О древности существования г. Белева. Тула: Типография Н.И. Соколова, 1895. 30 с.

193. Бурцев И.Г., Дедук А.В., Столяров Е.В. Засечная черта Русского государства XVI–XVII вв. Историко-археологические очерки / Под ред. И. Г. Бурцева. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2020. 590 с.

194. Валиев Р.Р. Об одном виде промыслов в Волжской Булгарии // Актуальные проблемы тюркологии: Россия и тюрко-мусульманский мир. Материалы X

Международной тюркологической конференции / отв. ред. А.З. Нигамаев. Казань: Изд-во Казанского университета, 2021. С. 427–429.

195. Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // СА. 1986. №2. С. 180–197.

196. Веретюшкина М.В. Традиции хранения урожая населением Посемья в последней четверти I тыс. н. э. // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья / отв. ред. А.З. Винников. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2020. С.120–132.

197. Веретюшкина М.В., Балашов А.А. Контакты северян и населения Хазарии (по материалам земледелия) // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье» / под ред. А.З. Винникова. Вып. 6. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. С. 206–220.

198. Веретюшкина М.В., Горбаненко С.А. Земледелие населения Посемья в X в. (на примере археологического комплекса у д. Шуклинка) // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой): сборник научных трудов. Курск: КГОМА, 2012. С. 209–219.

199. Винников А.З. Орнаментация борщевской керамики // Древняя Русь и славяне / отв. ред. Т.В. Николаева М.: Наука, 1978. С. 55–61.

200. Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. 168 с.

201. Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в эпоху образования Древнерусского государства (лесостепное Подонье в VIII – первой половине XI вв.) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2012. №2. С. 14–20.

202. Винников А.З. Донские славяне VIII–XI вв. // Археология Центрального Черноземья: коллективная монография / Отв. ред. А. П. Медведев. Воронеж: «Научная книга», 2022. С. 267–293.

203. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. 214 с.

204. Винников А.З., Сарапулкин В.А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж: ВГПУ, 2008. 107 с.

205. Винников А.З., Степовой А.В. Древние металлурги Поосколья (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры). Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2012. 229 с.

206. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970–1976 гг). // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии / отв. ред.: В.А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1984. С. 5–27.

207. Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н., Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: б. и., 2008. 349 с.

208. Владимиров С.И. Наконечники копий населения лесостепной зоны Доно-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура) // Археология восточноевропейской лесостепи. Материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18–20 декабря 2015 года / отв. ред. А.М. Скоробогатов. Воронеж: ВГУ, 2016а. С. 280–291.

209. Владимиров С.И. Фигурные подвески (чумбурные блоки) из погребений салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник / ред. А.З. Винников. Воронеж: "Научная книга", 2016б. С. 221–228.

210. Владимиров С.И. Типология и истоки форм наконечников стрел населения Доно – Донецкого региона во второй половине VIII – начале X в. (Салтово-Маяцкая культура) // КСИА. 2017а. Вып. 248. С. 36–48.

211. Владимиров С.И. Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура). Дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 2017б. 310 с.

212. Воеводский М.В. Результаты работ Окской экспедиции 1936 г. // Антропологический журнал. 1937. № 2. С.111–114.

213. Володин Е.О., Дедук А.В., Шебанин Г.А. К методике локализации места уничтоженного укрепленного памятника археологии (на примере городища Мышега) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 20. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2024. С. 143–160.

214. Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века. М.: Наука, 2007. 164 с.

215. Воронцов А.М. Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время. Дисс. … канд. ист. наук. М.: 2007. 269 с.

216. Воронцов А.М. Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела // Труды 11 (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 202–206.

217. Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2013. 173 с.

218. Воронцов А.М. Поздний период существования мощинской культуры // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 311–327.

219. Воронцов А.М. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) РСМ. Выпуск 17 / отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 221–260.

220. Воронцов А.М.. Позднеримское время и эпоха Великого переселения народов (конец II–VII в.) // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2022. С. 142–184.

221. Воронцов А.М., Дедук А.В., Заидов О.Н., Колоколов А.М., Столяров Е.В., Шеков А.В. Локализация летописного Девягореска по письменным и археологическим источникам // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: Археология, История. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2018. С. 7–49.

222. Воронцов А.М., Модин Р.Н. Древнерусский горизонт городища Акиньшино // АП. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 251–264.

223. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Материалы гуннского времени с поселения Упа-2 в черте города Тулы // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского. РСМ. Вып. 19. М.: ИА РАН, 2017. С. 298–310.

224. Востроκнутов А.В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI – XIV века нашей эры: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. СПб.: Издательство «Маматов», 2020. 328 с.

225. Востроκнутов А.В., Крыласова Н.Б. Украшения XII–XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия История. 2012. Вып. 1(18). С. 105–113.

226. Гавритухин И.О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю. // Гістарычна – археалагічны зборник. 1997. Вып. 12. С. 44–58.

227. Гавритухин И.О. Хронология “среднеаварского” периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2001. С. 45–162.

228. Гавритухин И.О. К атрибуции славянских памятников V–VII веков на Южном Буге // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А.М. Обломского. РСМ. Вып. 19 / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2018. С. 51–62.

229. Гавритухин И.О. Культура Луки-Райковецкой (райковецкая) // История России: в 20 т. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI – середине XIII века. Становление и развитие Руси. М.: Наука, 2024а. С. 86–100

230. Гавритухин И.О. Пражская культура // История России: в 20 т. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI – середине XIII века. Становление и развитие Руси. М.: Наука, 2024б. С. 19–35.

231. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. РСМ. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996. 298 с.

232. Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин О.И., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. РСМ. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996. С. 53–57.

233. Гадло А.В. К истории восточной Таврики // Античная древность и средние века. Вып. 17 / отв. ред. Н.Н. Белова. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1980. С. 130–145.

234. Гайдуков П.Г., Макаров Н.А. Новые археологические материалы о пушном промысле Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Новгород, 26–28 января 1993 г.). Вып. 7. / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород: Новгородский государственный объединённый музей-заповедник, 1993. С. 179–188.

235. Гендуне Ю.Г. Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1903. 22 с.

236. Генинг В.Ф. Мыдлань-шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск: Уральский гос. университет, 1962. С. 7–111.

237. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Ижевск–Свердловск: б.и., 1963. 160 с.

238. Генинг В.Ф. Программа Статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. №1. С. 114–137.

239. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге: (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 201 с.

240. Герасимов М.М., Воеводский М.В., Третьяков П.Н. Долина р. Оки, 1935–1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / под. ред. В.В. Гольмстен. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941а. С. 40–53.

241. Герасимов М.М., Воеводский М.В., Третьяков П.Н. Река Тулица и др., 1935–1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / под. ред. В.В. Гольмстен. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941б. С. 53–58.

242. Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. 264 с.

243. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1985. 280 с.

244. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. н.э. на Средней Каме. Т.2. // Материалы и исследования Камско–Вятской археологической экспедиции. Т.2. Ижевск: Удмуртия, 2003. 722 с.

245. Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л. Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / отв. ред. В. Ф. Генинг. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 1980. С. 3–66.

246. Голубева Л.А. Раскопки древнего Беллозера в 1961–1962 гг. / КСИА. 1967. Вып. 110. С. 92–97.

247. Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 216 с.

248. Голубева Л.А. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: УдНИИ, 1982. С. 110–124.

249. Голубева Л.А. Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1987. С. 67–81.

250. Голубовский П.И. История Северской Земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография И.И. Завадского, 1881. 209 с.

251. Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Дисс. … канд. ист. наук. М.: 2013. 499 с.

252. Гомзин А.А. Ранний клад восточных монет из окрестностей Венева // Нумизматические чтения ГИМ 2022 года. К 150-летию Государственного

исторического музея: материалы доклады и сообщения / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: ГИМ. 2022. С. 52–60.

253. Гомзин А.А., Прошкин О.Л., Клад восточных монет с укрепленного поселения «Чертово Городище» // КСИА. 2023. Вып. 273. С. 259–272.

254. Гончаров С.А., Кадиева А.А. Катакомба с поясным набором «общетюркского типа» из могильника Гоуст (по материалам раскопок В.И Долбежева) // Кавказология. 2020. № 3. С. 48–59.

255. Гоняный М.И. Археологические памятники начала славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1999. С. 128–146.

256. Гоняный М.И. Археологические памятники региона Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. Труды ГИМ. Вып. 150. / Отв. ред. А. К. Зайцев. М.: ГИМ, 2005а. С. 95–162.

257. Гоняный М.И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – первой четверти XIV в. в районе Куликова поля (на примере украшений поясной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005б. С. 85–100.

258. Гоняный М.И. Предварительные итоги археологических разведок с использованием детекторов металла на Устьинском археологическом комплексе на Куликовом поле // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. II. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2017. С. 165–170.

259. Гоняный М.И. Предварительные результаты археологических исследований на селище IX – начала X века Устье-2 в верховьях Дона // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья / отв. ред. А.З. Винников. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2020. С. 62–101.

260. Гоняный М.И., Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV в., происходящий с территории поселений, расположенных в верховьях Дона // Военная археология. Вып. 3. М.: Медиа Мир; Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2013. С. 102–146.

261. Гоняный М.И., Заидов О.Н. Древнерусские грунтовые могильники XII–XIV вв. Верхнедонского региона // Археология и история юго-востока Руси. Тезисы докладов конференции: 26–28 ноября 1991 г. Курск: КГПИ, 1991. С. 29–30.

262. Гоняный М.И., Недошивина Н.Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. 1991. № 1. С. 246–254.

263. Горбаненко С.А., Пуголовок Ю.О. Про один маловідомий культ у сіверян // In Sclaveniaterra. 2016. Вип. 1. С. 207–228.

264. Горбаненко С.А., Пашкевич Г.О. Землеробство давніх слов’ян (кінець I тис. до н.е. – I тис. н.е.) Наукове видання. Кіев: Академперіодика, 2010. 316 с.

265. Гордиенко А.В. Страна медведя // Ханты-Мансийский автомномный округ в зеркале прошлого. Вып. 5. / Отв. ред. А.Я. Яковлев. Томск, Ханты-Мансийск: Изд-во Томского университета, 2007. С. 46–57.

266. Городцов В.А. Новейшие археологические исследования в Белевском и Рязанском уездах. Правительственный вестник, №211. 1898а.

267. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уздах в 1897 г. // Археологические известия и заметки. \ Под ред. Д.Н. Анучина и И.А. Кирпичникова. Том VI. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1898б. 19 с.

268. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 году // АИЗ. № 7–8. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1898в. С. 217–229.

269. Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 года // Древности. Труды Императорского Московского археологического

общества. / Под ред. В.К. Трутовского. Т. XVII. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. С. 1–37.

270. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. 135 с.

271. Горюнова В.М. Датирующие возможности раннегончарной керамики X – начала XI в. // РА. 2009. №4. С. 132–141.

272. Горюнова В.М. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города северной Руси). Труды ИИМК. Том XLVII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 328 с.

273. Горюнова В.М., Родинкова В.Е. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. 1999. №4. С. 167–219.

274. Гребенникова И.В., Шпилёв А.Г. Денежно-вещевой клад третьей четверти X в. из с. 2-я Воробьёвка Курской области // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 34–44

275. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Учпедгиз, 1949. 509 с.

276. Грибков А.В. Разведочные исследования на территории Кимовского, Киреевского и Алексинского районов // АИЦЧ 2020. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2021. С. 168–171.

277. Григорьев А.В. Поселение у села Горбово // КСИА. 1983. №175. С. 67–82.

278. Григорьев А.В. Ещё раз о ранних типах лучевых височных колец // Археологічні старожитності Подесення. Чернігів: Сіверянська думка, 1995. С. 38–41.

279. Григорьев А.В., Шеков А.В. Городище X–XI вв. в бассейне р. Упы // Археология юго-востока Руси. Елец: ЕГПИ, 1998. С. 19–21

280. Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Труды ТАЭ, вып. 2. Тула. «Гриф и К°», 2000. 263 с.

281. Григорьев А.В. Весовые гирьки Супрутского городища // Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / отв. ред. Т.В. Гусева. Нижний Новгород: НГПУ, 2001. С. 147–150 .

282. Григорьев А.В. Работы на городище у села Супруты // АО 2001 г. / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2002. С. 138–139.

283. Григорьев А.В. Жилые постройки начального этапа славянской колонизации бассейна р. Упы // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. I. / отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2003. С. 319–343.

284. Григорьев А.В. О финальном этапе волынцевских древностей // Стародавній Іскоростень і слов'янскі гради VIII–X ст. // Гол. ред. О.П. Моця. Кіев: КОРВІН ПРЕСС, 2004. С. 23–25.

285. Григорьев А.В. Об этнической принадлежности височных колец «Деснинского» типа // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XI Всероссийской научной конференции, 5-7 апреля 2005 г. / редкол.: В.А. Бессонов и др. Калуга: Полиграф-Информ, 2005а. С. 22–24.

286. Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005б. 207 с.

287. Григорьев А.В. Верхнеокский участок донского торгового пути в IX – начале X в. // Археология юго-востока Руси. Материалы IV научной конференции / отв. ред. А.Д. Пряхин Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006а. С. 51–60.

288. Григорьев А.В. Денежно-вещевые клады IX – начала X в. бассейна средней Оки // Тез. докл. Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб: «Нестор-История», 2006б. С. 181–182.

289. Григорьев А.В. Об одном этапе развития лучевых височных колец // Археологическое изучение Центральной России: тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка, г. Липецк, 13–16 ноября 2006 г. / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2006в. С. 298–300.

290. Григорьев А.В. О возможности внутренней периодизации Супрутского городища // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Том 1. / Гол. ред. О. П. Моця. Коростень: «Тріада С», 2008. С. 95–99.

291. Григорьев А.В. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ XLIX. / Редкол: Б.С. Короткевич и др. СПб. Издательство Государственного Эрмитажа, 2009а. С. 214–221.

292. Григорьев А.В. Постройка XXVIII/4 городища Супруты // Археология XXI века: Синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области. Материалы научного симпозиума 8–9 апреля 2009 г. Калуга: «Полиграф-Информ», 2009б. С. 77–80.

293. Григорьев А.В. Денежно-вещевые клады IX – начала X в. бассейна Средней Оки // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб: Нестор-История, 2010а. С. 449–454.

294. Григорьев А.В. Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: РИЦ ЛГПУ, 2010б. С. 219–226.

295. Григорьев А.В. Периодизация славянского поселения на городище у с. Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.–М.–Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011а. С. 22–23.

296. Григорьев А.В. Торговый путь по реке Дон в IX в. // XXIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: Материалы конференции / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2011б. С. 67–71.

297. Григорьев А.В. Весы и гирьки городища у с. Супруты // Материалы по истории и археологии России. Том II. Рязань: Александрия, 2012а. С. 121–134.

298. Григорьев А.В. Неизвестный клад из Тульской области // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Материалы XIV

Всероссийской научной конференции. Калуга: Полиграф-Информ, 2012б. С. 44–46.

299. Григорьев А.В. Клады рубежа IX–X вв. бассейна Средней Оки // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIV / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2012в. С. 73–79.

300. Григорьев А.В. На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки // Русь в IX – X веках. Археологическая панорама. М.–Вологда: Древности Севера. 2012г. С. 366–379.

301. Григорьев А.В. История изучения Супрутского городища // Слов'яне і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя / від. ред. Г.Ю. Івакін Київ: Стародавній світ, 2013а. С. 62–68.

302. Григорьев А.В. О весовой системе у населения Супрутского городища // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. Вып. XXV / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2013б. С. 74–82.

303. Григорьев А.В. Об экономическом развитии славян междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / Отв. ред. А.С. Щавелев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 261–277.

304. Григорьев А.В., Колоколов А.М. Славянское городище у. д. Снедка Одоевского р-на Тульской области // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева / ред. А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2021. С. 141–161.

305. Гришаков В.В., Седышев О.В. Снаряжение верхового коня (по материалам Чулковского могильника) // ПА. 2013. №4(6). С. 107–117.

306. Грищук М.С., Фомин К.Н. Уточнение границ Зареченского участка посада городища у д. Торхово // Археологические раскопки на городище у бывшей

деревни Кетри // АИЦЧ 2019. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2020. С. 254–255.

307. Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Керамика роменской культуры в микрорегионе Курово на нижней Судости // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева / ред. А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле". 2021. С. 92–103.

308. Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Гос. акад. истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. Гос. соц. экон. изд-во. Ленингр. отд-ние. М.-Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1936. 82 с.

309. Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 95–108.

310. Давидан О.И. Бронзолитейное дело в Ладоге // Археологический сборник государственного Эрмитажа. Вып. 21. Л.: «Искусство», 1980. С. 59–67.

311. Данич А.В. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // ПА. 2013. №1(3). С. 181–196.

312. Данич А.В. Снаряжение верхового коня (стремена) на материалах раскопок Питер (Степаново Плотбище) могильника // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV / под ред. Н.Б. Крыласовой. Пермь: ПГПУ, 2018. С. 144–154.

313. Данич А.В. Сабли пермского Предуралья // Военная археология. Сборник материалов научно-исследовательского центра «Военная археология». Выпуск 7. Москва–Тула: ИА РАН, Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2022. С. 118–161.

314. Дворников Э.П. Поминальные памятники древних и средневековых кочевников Горного Алтая: автореферат дисс.... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 24 с.

315. Дедук А.В., Колоколов А.М., Наумова Т.В. Городище у деревни Вырск. // Историко–географический журнал. 2024. Т.3, №2. С. 6–19.

316. Дементьева А.С. Односторонние составные гребни с металлическими накладками из Гнездова // РА. 2014. №1. С. 143–147.

317. Дементьева А.С. Наконечники стрел для охоты на пушного зверя с территории Гнёздовского археологического комплекса // АВ. 2015. №21. С. 230–237.

318. Деопик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. 1961. №3. С. 202–232.

319. Дернович С.Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2006. 86 с.

320. Дитлер П. А. Могильник Колосовка № 1 (раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1958. С. 114–141.

321. Доброва О.П. Стеклянные бусы Гнёздова по материалам раскопок Центрального городища // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Выпуск 1. Труды ГИМ. Выпуск 210. М.: ГИМ, 2018. С. 102–126.

322. Доминяк А.В. Свидетельства утраченных времен. Человек и мир в пермском зверином стиле. Пермь: Книжный мир, 2010. 152 с.

323. Дружинин М.А. Археологические разведки летом 1926 г. // Тульский край. 1927. №1(4). С.48–49.

324. Дружинин М.А. Из практики изучения древних рудных разработок // Советское краеведение. 1934. №1. С. 13–15.

325. Евсеев И.Е. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (Орловского) течения р. Оки и ее притоков Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши. Орел, 1908. 32 с.

326. Екимов Ю.Г., Колоколов А.М. Материалы VIII–X вв. поселения Каменка–1 в меридиональном течении Верхней Оки // Куликово Поле: история и археология / отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2023. С. 208–235.

327. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

328. Енуков В.В. Роменское население Посемья в древнерусское время // Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция. 2012. Вып. №2. С. 1–24.

329. Енуков В.В. О ведущих тенденциях в домостроительстве сахновско-волынцевского населения // АН, №1(4). Воронеж, «Научная книга». 2021. С. 160–180.

330. Енуков В.В. Браслеты населения роменской культуры // ПА, 2024, №2(48). С. 8–25.

331. Енуков В.В. Волынцевская культура // История России: в 20 т. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI – середине XIII века. Становление и развитие Руси. М.: Наука, 2024. С. 101–105.

332. Енуков В.В., Енукова О.Н. Исследования Горнальского археологического комплекса в 2012–2013 гг. // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре: сборник статей и материалов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2015. С. 62–82.

333. Енуков В.В., Енукова О.Н. О домостроительстве донских славян (по материалам городища Титчиха) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы Междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина. СПб.: СОЛО, 2012. С. 140–147.

334. Енукова О.Н. История домостроительства населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Дисс. … канд. ист. наук. Курск, 2006. 399 с.

335. Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. / Труды НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. 220 с.

336. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. Материалы и исследования по археологии СССР. Том 8. М.–Л.: АН СССР, 1948. 128 с.

337. Желудков А.С., Акимова Е.Н., Смольянинов Р.В. Исследования в Хотынецком и Урицком районах // АИЦЧ 2018. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2019. С. 176–177.

338. Жиганов М.Ф. Старший Кужендеевский могильник в долине реки Теша // СА. 1959. №1. С. 218–227.

339. Жуковский М.О. Инструменты для малых взвешиваний Древней Руси (IX–XIII вв.). Дисс. … канд. ист. наук. М., 2019 . 402 с.

340. Жуковский М.О. Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси (IX–XIII вв.). М.: Наука, 2022. 380 с.

341. Загорульский Э.М. Возникновение Минска. Минск: БГУ, 1982. 358 с.

342. Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань: Упр. внутр. вод. путей и шоссейн. дорог, 1910. 464 с.

343. Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды. М.: «Квадрига», 2016. 256 с.

344. Зайцева И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенеком озере. Т. 2. Материальная культура и хронология / ред. С.Д. Захаров. М.: ИА РАН; Наука, 2008. С. 57–141.

345. Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI – XIII вв. М.: Индрик, 2011. 404 с.

346. Зацаринный С.В. Славянское селище в устье р. Холкельцы на северной окраине г. Тулы // Куликово Поле: история и археология / отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2023. С. 240–259.

347. Зеленецкий А.Г. О памятниках и древностях г. Черни и Чернского уезда. Тульские губернские ведомости. Тула, 1853, 28 февраля, №9.

348. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука. 1991. 511 с.

349. Зеленцова О.В. О месте Серповского могильника в истории древнемордовского населения // Труды ГИМ, вып. 103 / отв. ред. В.Л. Егоров. М.: ГИМ, 1999. С. 60–65.

350. Зеленцова О.В. Ранний горизонт погребений среднецнинской мордвы (вопросы хронологии) // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Труды ГИМ. Вып. 145 / отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 320–328.

351. Зеленцова О.В. О ранней дате и месте гривен глазовского типа в древностях поволжских финнов // Земли родной минувшая судьба. / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2018. С. 314–322.

352. Зеленцова О.В., Милованов С.И. О планировке Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН, 2021. С. 12–28.

353. Земцов Г.Л., Владимиров С.Ю. Раннесредневековые материалы поселения Мухино-2 на Верхнем дону // КСИА. 2024. Вып. 274. С. 217–234.

354. Зиньковская И.В. Керамика колочинских могильников: Лебяжинский, Княжинский, Картамышевский // Вопросы истории славян. Археология, этнография / под ред. А.З. Винникова. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1998. С. 3–9.

355. Зозуля С.С. О «дружинных» захоронениях в Петровском // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых, Москва, 16–19 марта 2015. / Отв. ред. и сост. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 130–132.

356. Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Жилая зона Жидеевского городища рубежа X–XI вв. // МИАДЛ. Выпуск V. Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур. / Отв. ред. Стародубцев Г.Ю. Курск: ИА РАН, КГОМА, 2018. С. 112–146.

357. Зорин А.В., Шпилев А.Г. Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 384–410.

358. Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII–IX вв. Дневник археологических раскопок. Моршанск: Моршанский Краеведческий музей, 1952. 232 с.

359. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 308 с.

360. Иванова М.Г., Куликов К.И. Древнее искусство Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2000. 216 с.

361. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

362. Изюмова С.А. Археологические разведки в 1951 г. в Тульской области. // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 68–79.

363. Изюмова С.А. Бронзовые лунницы с городища у д. Щепилово // СА. 1958. №4. С. 203.

364. Изюмова С.А. Курганы у дер. Тризново // СА. 1961. № 2. С. 252–257.

365. Изюмова С.А. Курганы около д. Западной VIII–X вв. // СА. 1964. № 2. С. 151–163.

366. Изюмова С.А. Курганы у с. Доброе Тульской области // СА. 1970. № 1. С. 191–201.

367. Изюмова С. А. Курганы у деревни Слевидово // СА. 1970. № 4. С. 237–238.

368. Изюмова С.А. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1970 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 76.

369. Изюмова С.А. Гончарный горн на городище у с. Супруты // Новое в археологии. Сборник статей, посвящённый 70-летию Артемия Владимировича Арциховского // М.: МГУ. 1972а. С. 130–133.

370. Изюмова С.А. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1971 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972б. С. 93.

371. Изюмова С.А. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1973 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 53.

372. Изюмова С.А. Ранние типы лучевых височных колец Супрутского городища // Вестник МГУ. 1978. № 6. С. 101–103.

373. Изюмова С.А. Древности тульской земли // Путешествия в древность. М.: МГУ, 1983. С. 77–91.

374. Изюмова С.А. Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М.: МГУ, 1989. С. 206–213.

375. Изюмова С.А. К вопросу о «погребениях» на Супрутском городище// Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина // М.: «Памятники исторической мысли». 1998. С. 114–116.

376. Изюмова С.А. Супрутский клад 1969 г. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2002. С. 88–108.

377. Иловайский Д.М. История Рязанского княжества. М.: Университетская типография, 1858. 338 с.

378. Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.

379. Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 94–155.

380. Казаков Е.П. Булгаское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское книжное Издательство, 1991. 176 с.

381. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

382. Казаков Е.П. Измери – главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X–XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. / Редкол.: А.Н. Кирпичников и др. СПб.: Вести, 2000. С. 88–99.

383. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 208 с.

384. Казакевич Е.М., Ениосова Н.В. Металлические пуговицы Гнёздовского археологического комплекса X – начала XI в.// Славянские древности VIII–XI

веков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К 60-летию со дня рождения А.В. Григорьева. / Ред. А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2021. С. 230–247.

385. Казакявичюс В. Боевые топоры на территории Литвы и Белоруссии в I тысячелетии н. э. // Древности Белоруссии и Литвы. / Науч. ред. Л.Д. Поболь, А.З. Таутавичюс. Минск: Наука и техника, 1982. С. 71–80.

386. Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / отв. ред. А.В. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.

387. Казанский М.М. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв.// Stratum plus. 2015. №5. С. 43–95.

388. Казанский М.М. О «кочевнических юртах» на памятниках оседлого населения лесостепи (V–VIII вв.) // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / под ред. М.Е. Ткачука и Г.Г. Атанасова. Кишенев: Stratum plus, 2019. С. 73–86.

389. Казанский М.М. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе. // МАИЭТ. Вып. XXV/ Ред. А.И. Айбабин. Симферополь: Соло-Рич, 2020. С. 90–167.

390. Каинов С.Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности северной Руси и её соседей / отв. ред. Е. Н. Носов. СПб: ИИМК РАН, 1999. С. 49–62.

391. Каинов С.Ю. Еще раз о датировке гнѐздовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского // Гнѐздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124 / отв. ред. В.В. Мурашева. М.: ГИМ, 2001. С. 54–63.

392. Каинов С.Ю., Зозуля С.С. Накладки на рукояти мечей (по материалам раскопок Гнёздовского и Петровского некрополей) // «Славяне и иные языци…». / Отв. ред. Н.И. Асташова. М.: ГИМ, 2014. С. 132–140.

393. Каинов С.Ю. Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI в. (по материалам Гнѐздовского некрополя и поселения). Дисс. … канд. ист. наук. Т.1. М. 2019. 342 с.

394. Каинов С.Ю., Щедрина А.Ю. Кольчужный доспех и кольчужные кольца из раскопок Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2 .Труды ГИМ, вып. 215.. М.: ГИМ, 2021. С. 157–187.

395. Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: КДУ, Университетская книга, 2019. 244 с.

396. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2006. 1020 с.

397. Кирпичников А.Н. Так называемая сабля Карла Великого // СА. 1965. № 2. С. 268–276.

398. Кирпичников А.Н. Мечи и сабли IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1–36: Древнерусское оружие. Вып. 1. М.–Л.: «Наука», 1966. 179 с.

399. Кирпичников А.Н. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X–XIII вв. САИ. Вып. Е1–36. Древнерусское оружие. Вып. 2. М.–Л.: Наука, 1966. 146 с.

400. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1–36. Л.: Наука, 1973. 138 с.

401. Кирпичников А.Н., Коваленко В.П. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) // АВ. 1993. №2. С. 122–134.

402. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село / отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. С. 298–363.

403. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. М.: Мысль, 1987. 432 с.

404. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. САИ. Вып. Е 1–2. М.: Наука, 1979. 58 с.

405. Ковалевский В.Н. Еще раз о ножах с волютообразным навершием // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Вып. 12 // отв. ред. А. З. Винников. Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1998. С. 9–24.

406. Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала и раннесредневековых памятников Евразии. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 364 с.

407. Коваль В.Ю. Трансформация оборонительной системы «малого» города средневековой Руси Ростиславля Рязанского // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой / отв. ред. А.В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2017. С. 15–25.

408. Колода В.В. К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Северодонечья // Хазарский альманах. Т. 6 / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев–Харьков, 2007. С. 120–132.

409. Колода В.В. Гончарная керамика волынцевской культуры: Историческая судьба ранних северян и их межэтнические контакты // Дивногорский археологический сборник: труды музея-заповедника "Дивногорье". Вып. 1: Археология / Отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009. С. 164–178.

410. Колода В.В., Горбаненко С.А., Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев: ИА НАН Украины, 2010. 216 с.

411. Колоколов А.М. Лепная керамика роменского типа на памятниках Верхнего Поочья конца I – начала II тыс. н.э. Выпускная квалификационная работа. Калуга, 2008.

412. Колоколов А.М. Лепная керамика роменского типа с городища Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / отв. ред. Макаров Н.А., Носов Е.Н. СПб.–М.–Великий Новгород: «Новгородский технопарк», 2011. С. 52–53.

413. Колоколов А.М. Славянское городище у с. Фурсово на реке Исте // АН. 2019. №1(2). С. 181–196.

414. Колоколов А.М. Типология славянских городищ IX – первой половины XI вв. на территории Окско-донского водораздела // АН. 2021. №1(4). С. 188–223.

415. Колоколов А.М. Находка подковообразной фибулы с зооморфными окончаниями из раскопа XXVIII на городище Супруты // КСИА. 2022а. Вып. 267. С. 256–269.

416. Колоколов А.М. Эпоха формирования Древнерусского государства // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья / под ред. А.М. Воронцова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2022б. С. 184–202.

417. Колоколов А.М. Находки предметов вооружения североевропейского облика с памятников IX–X вв. Окско-Донского водораздела // Сборник статей по итогам работы Международной научной конференции «Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья». Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2023а. С. 114–125.

418. Колоколов А.М. Находки предметов вооружения и конского снаряжения степного круга древностей с памятников IX–X вв. Окско-Донского водораздела // УАВ. 2023б. №2. С. 265–283.

419. Колоколов А.М. Поминальный комплекс 2-й половины VII–VIII вв. у д. Гора Услань // ПА. 2023в. №2(44). С. 173–188.

420. Колоколов А.М. Поселение IX–X вв. на городище у д. Гора Услань на р. Упа, в системе верхнеокского участка Донского торгового пути // МИАДЛ. Вып. VI. Курск: КГОМА, 2023г. С. 252–267

421. Колоколов А.М. Хронология памятников X века на территории Окско – Донского водораздела // ИГЖ. 2023д. Т.2. №1. С. 24–43.

422. Колоколов А.М. Элементы поясной гарнитуры с памятников VIII–X веков Окско-Донского водораздела // АЕС. 2023е. № 3. С. 268–281.

423. Колоколов А.М. Поселение X века на площадке городища у д. Лобынское в бассейне р. Упы // РА. 2024а. №2. С. 138–156

424. Колоколов А.М. Этнокультурная ситуация на территории Верхнего Поочья в «предроменский» период (2-я пол. VII–VIII вв.) // НАВ. 2024б. №1. С. 136–156.

425. Колоколов А.М. Этнокультурная ситуация на территории Окско–Донского водораздела в VIII–X вв. Современное состояние проблемы. // Усходняя Еўропа ў жалезным веку – эпоху Вялікага перасялення народаў: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 70-годдзя з дня нараджэння А.А. Егарэйчанка,

Мінск, 24–25 красавіка 2025 г. / гал. рэд.: А. Г. Каханоўскі. Мінск: БДУ, 2025. С. 155–172.

426. Колоколов А.М., Простяков И.С. Материальная культура горизонта X в. на городище у д. Спицино // ПА. 2021а. №4(38). С. 50–66.

427. Колоколов А.М., Простяков И.С. Раскопки на городище у д. Спицино // АИЦЧ 2020. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2021б. С. 175–176.

428. Колоколов А.М., Простяков И.С. Селище Большое Тризново-4: к вопросу о хронологии и топографии неукрепленных поселений 2-й половины X века Окско-Донского водораздела // АВ. 2024. №3(44). С. 153–164.

429. Колоколов А.М., Простяков И.С. Поселение VIII–X вв. на площадке городища Петровское на р. Упе // АН, №1(8), 2025. С. 83–101.

430. Колоколов А.М., Простяков И.С., Столяров Е.В. Археологические раскопки на городище у бывшей деревни Кетри // АИЦЧ 2019. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд». С. 274–277.

431. Колоколов А.М., Простяков И.С., Столяров Е.В. Городище X–XII вв. у бывшей деревни Кетри // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева / ред. А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле". 2021. С. 172–204.

432. Колоколов А.М., Шеков А.В. Древнерусский период // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья / под ред. А.М. Воронцова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2022. С. 221–263.

433. Колчин Б.А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси. Материалы и исследования по археологии СССР. № 32. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 260 с.

434. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. (Продукция, технология) / МИА № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 7–120.

435. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. 1999. №2. С. 111–136.

436. Комар А.В. Платежные слитки черниговского типа // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / отв. ред. П.Г. Гайдуков. Москва–Вологда: Древности Севера, 2015. С. 531–541.

437. Комар А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма) Т. 2. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2001. С. 103–117.

438. Комар А.В. Поляне и северяне. // Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 128–191.

439. Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции / Komar Olekszij. A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei. Будапешт: Pauker Nyomdaipari Kft. 2018. 424 c.

440. Комар А.В., Стрельник М.А. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. 2011. №5. С. 143–164.

441. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII веков. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 156 с.

442. Корзухина Г.Ф. Турьи рога Черниговских курганов // В камне и бронзе: сб. ст. в честь А. Песковой. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. / Отв. ред. А.Е. Мусин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. С. 620–634.

443. Король Г.Г. Средневековые личины Саяно-Алтая и Восточной Европы (торевтика малых форм) // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). / Под ред. А.В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2006. С. 153–185.

444. Король Г.Г. Реалистичные образы – «личины» в средневековой Центральной Азии: портрет или символ // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 60–65.

445. Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: ТАУС, 2008. 176 с.

446. Кочкаров У.Ю. Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв. // РА. 2010. №1. С. 157–160.

447. Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Археологические исследования на I Красносюндюковском городище в 1991 году // Археологические исследования в Поволжье / отв. ред. Г. И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1993. С. 183–218.

448. Кочуркина С.И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Каталог. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 160 с.

449. Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.

450. Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли / отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 116–183.

451. Кравченко Э.Е. Предметы вооружения и конского снаряжения хазарского времени (среднее течение Северского Донца) // АЕС. 2020а. №6. С. 198–223.

452. Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец // АЕС. 2020б. №4. 344 с.

453. Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ИА НАН Украины; ДонНУ, 2001. С. 233–302.

454. Красильников П.В. К вопросу о типологии стремян с памятников раннебулгарского времени // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII. / Под ред. Н.Б. Крыласовой. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 360–367.

455. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник: (К истории Горьков. Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.

456. Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 235 с.

457. Красноперов А.А. Дата и связи погребения 727 Тарасовского могильника в Прикамье // Stratum plus. 2015. №4. С. 207–234.

458. Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.– Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.

459. Кренке Н.А. Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). РСМ. Вып. 17. М.: ИА РАН, 2016. С. 261–332.

460. Кренке Н.А. и Ершов И.Н. Древнерусские подковообразные фибулы с личинами. КСИА. 2025. Вып. 278. С. 294–307

461. Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX. / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1971. С. 76–97.

462. Кропоткин В.В., О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне / Отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 111–117.

463. Круглов Е.В. Государство гузов в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С. 187–225.

464. Круглов Е.В., Марыксин Д.В. Новое погребение огузского воина-всадника из района Рын-песков Западного Казахстана // СЕЭС. Т. 9: Хазарское время. / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 409–428.

465. Крыганов А.В. Военное дело кочевников Северного Причерноморья конца IV – начала XIII вв. Сумы: «Просвита», 2012. 232 с.

466. Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 1(21). С. 104–115.

467. Крыласова Н.Б. Конь и элементы конской сбруи в погребальном обряде Рождественского могильника в Пермском крае // Труды КАЭЭ ПГГПУ вып. XIII. Пермь: ПГГПУ, 2017. С. 44–54.

468. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. 400 с.

469. Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города / ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1981. С. 6–39.

470. Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1996. 270 с.

471. Куза А.В. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 207 с.

472. Кузнецов Н.А. Оружие дистанционного боя из курганного могильника Шестак-II // Из кузнецкой старины. Вып. 5. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2014. С. 59–73.

473. Кулаков В.И. Ирзекапинис // Stratum plus. 1999. № 5. С. 211–273.

474. Кулаков В. И. Маски в декоративном искусстве эпох Меровингов и викингов // Inkluzīvi. Sastāudītaja Janina Kursīte. Rīga, 2012a. P. 226–244.

475. Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: ГБУК «Калининградский областной музей янтаря», 2012б. 224 с.

476. Кулаков В.И. Антропоморфные изображения у пруссов // ИФ. 2016. №1. С. 144–162.

477. Курмановский В.С. Смоленская керамика XI–XVIII вв.: опыт рабочей классификации // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции. Смоленск: Свиток, 2020. С. 18–29.

478. Кучера М.П. Слов’яно-руські городища VII–XIII ст. між Саномі Сіверським Дінцем. Київ: ІАНАНУ, 1999. 252 с.

479. Кызласов И.Л. Меч из Прииртышья на фоне рубящего оружия степной Евразии // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи / отв. ред. А. З. Винников. Воронеж: Издательство ВГУ, 2008. С. 72–99.

480. Лаврентьев А.В. Рязанские владения в верховьях Дона, «въ верхъ Дону Дубокъ» и Донской путь XIV–XV вв. // ИГЖ. 2023. Т.2, №2. С. 20–45.

481. Лаврова М.А. О раскопках курганов в Белевском уезде Тульской губернии // Вестник археологии и истории, издаваемый археологическим институтом. Выпуск VII. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1888. С. 211–214.

482. Лебедев В.П., Амосов М.А. Клад куфических дирхамов X в. из Тульской области // АЕС. 2017. №6. С. 37–44.

483. Левашова В.П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ, вып. 43. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1967. С. 7–54.

484. Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 3–9.

485. Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.

486. Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X вв. // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 382–401.

487. Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988 г./ Ред. В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков М.: МГУ, 1990. С. 29–98.

488. Лифанов Н.А. Раннесалтовский погребально–поминальный комплекс из могильника Винновка I на Самарской Луке // КСИА. 2017. Вып. 248. С. 79–90.

489. Лифанов Н.А., Зубов С.Э. Раскопки могильника Малая Рязань-I в 2009–2010 гг. и некоторые вопросы изучения памятников новинковского типа на Самарской луке // Салтово-маяцька археологична культура: 110 років від початку вивчення на харківщиі: збірник наукових праць / упоряд. г. Є. Свистун. Харків: Харківський науково–методичний центр охорони культурной спадщини, 2011. С. 50–56.

490. Львова З.А. Техника изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. н.э. // Компьютерная обработка массового археологического материала и раннесредневековых памятников Евразии. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. С. 257–271.

491. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией : курс, читанный в Московском университете в 1908-9 акад. г. М.: Типо-Литография, 1909. 405 с.

492. Любичев М.В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце // Вісник харківського університету, 2002. № 566: Історія. Вип. 34. С. 13–27.

493. Ляпушкин И.И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры // СА. 1947. Т. IX. С. 121–136.

494. Ляпушкин И.И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья // СА. 1952. XVI. С. 7–41.

495. Ляпушкин И.И. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII–X вв. КСИИМК. Вып. 68. 1957. С. 3–13.

496. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА. № 74. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958а. 328 с.

497. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. МИА №62 / отв. ред. М.И. Артамонов. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958б. С. 85–150.

498. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). МИА. № 152 Л.: Наука, 1968. 192 с.

499. Майоров А.А. Призвание Вятко (к вопросу о создании вятичского племенного союза) // Вестник Брянского государственного университета. 2015а. №3. С. 101–105.

500. Майоров А.А. Славянская колонизация территории Верховской историко-географической провинции // Среднерусский вестник общественных наук. 2015б. Т. 10. № 5. С. 227–237.

501. Майоров А.А. Древние вятичи и их особое место среди восточнославянских племен IX–XI вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015в. Т. 21. № 6. С. 8–12.

502. Майоров А.А. Миграционные процессы в Верховском (Верхнеокском) регионе в VIII–XII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2016а. Т. 22. № 4. С. 8–13.

503. Майоров А.А. К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории Верховской историко-географической провинции в VII–VIII веках // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016б. № 3 (72). С. 55–62.

504. Майоров А.А. Территориальные группировки вятичей VIII–XII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2017а. Т. 23. № 3. С. 18–21.

505. Майоров А.А. К вопросу о западных культурных связях вятичей и радимичей// Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017б. № 4 (77). С. 19–21.

506. Майоров А.А. Социально-политическая история Верхнеокского (верховского) региона с VIII до середины XVI вв. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Брянск, 2021. 646 с.

507. Майоров А.А. Верхнеокские вятичи. Орел: Изд-во Среднерусского ин-та управления, 2023. 163 с.

508. Майоров А.А., Шинаков Е.А. Днепро-Окский путь ("угровский переход") конца IX – начала XI века // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 125–139.

509. Майко В.В. Нова памятка Волинцевської культури в Чернігівському Посейм’ї // Археологія. 2004. №3. С. 48–54.

510. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

511. Макаренко М.О. Городище "Монастирище" // Науковий збірник за рік 1924. Київ, 1925. С. 1–23.

512. Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополье: спустя 160 лет после раскопок А.С. Уварова // КСИА. 2014. Вып. 230. С. 219–233.

513. Макарова Т.И., Плетнева С.А. К вопросу о растительном орнаменте в металлопластике Хазарского каганата // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135. М.: ГИМ, 2002. С. 107–114.

514. Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1967. С. 149–190.

515. Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). Спб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1910. 149 с.

516. Массалитина Г.А. Раскопки длинного кургана у с. Ермолино // Боровский краевед. Вып. 4 . Боровск: Боровский музей, 1992. С. 3–6.

517. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.

518. Материалы для археологии России по губерниям и уездам / Сост. Н.П. Горожанский. Вып.1. М.: Типография А.А. Карцева, 1884. 109 с.

519. Мачинская А.Д. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // Новгород и новгородская земля: история и археология. Том 3. В. Новгород: РИО Упрполиграфиздат, 1990. С. 56–57.

520. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. САИ. Вып. Е 1–36 М.: Наука, 1966. 184 с.

521. Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

522. Минасян Р. С. Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XLIII. / Ред. В.А. Суслов. Л.: «Аврора», 1978. С. 35–37.

523. Минасян Р.С. Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии Вып. II. / Ред. А.Д. Столяр. Л.: ЛГУ, 1978. С. 148–152.

524. Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. 1978. № 19. С. 74–85.

525. Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 68–74.

526. Миронова В.Г. Разведка в Тульской области. // АО 1977 г. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М: Наука, 1978. С. 74.

527. Миронова В.Г. Разведки в Тульской области // АО 1979 г. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М: Наука, 1980. С. 64.

528. Михайлова Е.Р. «Смоленские» находки на Северо-Западе Русской равнины: к изучению формирования древнерусской культуры // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 12 / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; 2022. С. 66–79.

529. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: «Вища школа», 1985. 148 с.

530. Могильник Дюрсо: Каталог, 2021. Ч. I. Некрополи Черноморья. Т. VI. / Под ред. А.А. Малышева. М.: ИА РАН; МАКС Пресс. 448 с.

531. Модин Р.Н. Древнерусский горизонт городища Велегож (материалы раскопок 2012 года) // АП. Вып. 11. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015. С. 184–197.

532. Модин Р.Н. Находки подвесок "гнездовского типа" в бассейне Верхней Оки // РА. 2013. №3. С. 129–133.

533. Молчанов А.А. Исследования Городёнковского городища // АО 1979 г. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 65–66.

534. Моргунов Ю.Ю. Въездные сооружения летописного города Снепорода // КСИА. 2012а. Вып. 226. С. 220–230.

535. Моргунов Ю.Ю. Летописный город Снепород и его округа X–XIII вв. Спб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012б. 280 с.

536. Моргунов Ю.Ю. Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович). Вологда: Древности Севера, 2019. 375 с.

537. Моргунов Ю.Ю. Деревоземляные укрепления южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 304 с.

538. Моряхина К.В. Хронология средневековых перстней с памятников Пермского Предуралья // АЕС. 2017. №1. С. 222–227.

539. Моряхина К.В. Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья. Дисс. … канд. ист. наук. Пермь, 2019. 746 с.

540. Москаленко А.Н. Городище Титчиха: Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1965. 310 с.

541. Москаленко А.Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону // Вопросы истории славян. Вып. 2. Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1966. С. 114–144.

542. Москаленко А.Н. Славяне на Дону: Боршевская культура. Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1981. 161 с.

543. Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв.: По данным погребальных памятников. Киев: Наукова думка, 1987. 172 с.

544. Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути-связи-судьбы. Киев: ИА НАН Украины, 1997. 191 с.

545. Мубаракшин С.Р., Белых А.В., Белых Ан.В., Белых Е.М., Шкуринский Н.Г., Целыковский П.С. Мониторинг памятников археологии в Тульской области // АИЦЧ 2024. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2025. С. 203–204.

546. Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.

547. Мурашева В.В. Супрутский клад: из раскопок 1969 г. Труды ГИМ. Вып. 175. М.: ГИМ. 2008. 48 с.

548. Мурашева В.В. Городище у с. Супруты (IX – начало X в.) в системе этно-культурных связей // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. // СПб, М., Великий Новгород: 2011. С. 72.

549. Мурашева В.В. Скандинавские находки из раскопок Супрутского городища // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-

летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (1902–1968) / Сост., ред. О.А. Щеглова, науч. ред. В.М. Горюнова. СПб: СОЛО, 2012 С. 103–106.

550. Мурашева В.В. Серьги славян Хазарского Каганата // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н.А. Макарова. М.–Вологда: «Древности севера», 2015. С. 161–168.

551. Мурашева В.В. Необычная подвеска с городища Супруты. Хазарский альманах. Т. 17 / Глав. ред. О.Б. Бубенок. М.: Индрик, 2020. С. 144–150.

552. Мурашева В.В. Новые данные о химическом составе изделий из металла городища Супруты // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К 60-летию со дня рождения А.В. Григорьева / ред. А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей заповедник «Куликово поле», 2021. С. 128–140.

553. Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. / Отв. ред. В.В. Мурашева. СПб.: «Альфарет», 2007. С. 31–77.

554. Мурашева В.В. Каинов С.Ю. Викинги. Путь на Восток. М.: ГИМ, 2020. 192 с.

555. Мурашева В.В., Фетисов А.А. Портовая зона Гнездова // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам’яті А. В. Кузи. Киев: Стародавній світ, 2014. С. 287–293.

556. Мухаметшин Д.Г., Гомзин А.А. Нумизматический материал из Русенихинского могильника // АЕС. 2018. №3. С. 242–255.

557. Мысько Ю.В. Пивоваров С.В. Находки ножей с волютообразными навершиями в Верхнем Попрутье и Среднем Поднестровье // Stratum plus. 2010. №5. С. 1–7.

558. Наумова Т.В. История изучения археологических памятников тульского края: 1760-е–1930-е гг. Дисс. … канд. ист. наук. М.: 2016. 401 с.

559. Наумова Т.В. Истоки тульской археологии: История изучения археологических памятников Тульского края (1760–1930-е годы). Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. 342 с.

560. Наумова Т.В., Наумов А.Н., Грибков А.В., Колоколов А.М. Результаты археологических исследований на городище у деревни Вырск // АИЦЧ, 2021. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2022. С. 170–172.

561. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. Том 5. 1969–1971 гг. / отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков; М.: ИА РАН, 2017. 352 с.

562. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. Том 7. 1975–1977 гг. / отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков; М.: ИА РАН, 2023. 464 с.

563. Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VI–XII в. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1998. С. 129–151.

564. Недошивина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Сов. Россия, 1967. С. 253–274.

565. Недошивина Н.Г. Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1974. 20 с.

566. Недошивина Н.Г. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец // История и культура Евразии по археологическим данным / редколлегия: Т. Б. Попова и др. М.: ГИМ, 1980. С. 107–111.

567. Недошивина Н.Г. Вятическое кладбище у с. Бельково // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Труды ГИМ. Вып. 198. М.: ГИМ, 2014. С. 34–53.

568. Нефедов В.С. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археологи и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного Семинара 1996–1999. Псков: Псковский государственный

объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2000. С. 191–199.

569. Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М. Древний Козельск и его округа: Труды отдела охранных раскопок ИА РАН. Т. 4. М.: ИА РАН, 2005. 188 с.

570. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья: Археология евразийских степей. Вып. 14 Казань Ин-т истории им. Ш. Марджани, МарНИИЯЛИ, 2012. 408 с.

571. Никитина Т.Б. Русенихинский могильник // АЕС. 2018. №3. 240 с.

572. Никитина А.В., Дударев В.А. Обследование городища Муравлёво–1 // АИЦЧ 2018. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2019. С. 178–181.

573. Николаенко А.Г., Сарапулкин В.А., Степовой А.В. Пашнев А.Н. Гончарный горн № 1 из Ютановки // Краеведческий альманах «Белогорье». Белгород, Изд-во БелГУ, 2006. С. 35–37.

574. Николаенко А.Г., Степовой А.В. Металлургический горн салтово-маяцкой культуры у села Ютановка Белгородской области // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи / отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. С. 62–71.

575. Никольская Т.Н. Древнерусское селище Лебедка. // СА. 1957. №3. С. 176–197.

576. Никольская Т.Н. Археологические раскопки в 1961–1962 гг. в Калужской области // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 75–81.

577. Никольская Т.Н. Культура племён бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. / Материалы и исследования по археологии СССР. Том 72. М.–Л.: АН СССР, 1959. 150 с.

578. Никольская Т.Н. Земля вятичей: К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука. 1981. 296 с.

579. Новиков В.В. Уздечные наборы на территории Древней Руси в IX–XI вв. (по материалам погребений и поселений). Дисс. … канд. ист. наук. М., 2009.

580. Новиков В.В. Об одном типе скандинавских оголовий X в. с территорий Древней Руси и Скандинавии // АВ. 2012. Вып. 18. С. 108–123.

581. Новикова Е.Ю. Подвески-маски из кладов Швеции, восточной Прибалтики и Древней Руси // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 111. М.: ГИМ, 1999. С. 47–53.

582. Новожеев Р.В., Брешков Р.В. Древности села Лопушь. Брянск: Издательство Брянской ГСХА, 2012. 80 с.

583. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина. М.: Восточная литература, 1965. С. 355–419.

584. Носов Е.Н. Лепная керамика городища Дуна // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 3–10.

585. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 211 с.

586. Носов Е.Н., Хвощинская Н.В. Предметы вооружения с Рюрикова городища (по материалам раскопок 2011–2012 гг.) // Stratum plus. 2014. №6. С. 47–54.

587. Носов Е.Н., Плохов А.В. Исследование центральной части Рюрикова городища в 1984–1989 гг. // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). Труды ИИМК. Том XVIII. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 33–66.

588. Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. Труды ИИМК РАН; т. XLIX. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 288 с.

589. Обломский А.М. Инородные компоненты в зоне пеньковской культуры // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. РСМ. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996а. С. 121–124.

590. Обломский А.М. Колочинская культура // Гавритухин О. И., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / РСМ. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996б. С. 96–107.

591. Обломский А.М. Пеньковская культура // Гавритухин О. И., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / РСМ. Вып. 3. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996в. С. 108–120.

592. Обломский А.М. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Успех-Инфо, 2001. С. 122–140.

593. Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). РСМ. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2002. 255 с.

594. Обломский А.М. Хронология верхнедонских памятников середины 1 тыс. н.э. // Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.). РСМ. Вып. 16 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 291–295.

595. Обломский А.М. Материалы раннего средневековья на поселении Новоямское–3 // Русский сборник. Вып. 8. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 103–108.

596. Обломский А.М., Родинкова В.Е. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н.э. Хронология событий // КСИА, 2015. Вып. 235. С. 381–403.

597. Обломский А.М., Родинкова В.Е. Пеньковская и колочинская культуры // История России: в 20 т. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI – середине XIII века. Становление и развитие Руси. М.: Наука, 2024. С. 36–56.

598. Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: Наука, 1991. 173 с.

599. Обозрение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и проч. В России и за границей. Находка старинных монет близ Тулы // Археологические известия и заметки. Т. I / Под. ред. А.В. Орешникова. М.: Тов. Типографии А.И. Мамонтова, 1983. С. 171.

600. Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1976. 189 с.

601. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Альбом. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988. 184 с.

602. Орлов Р.С. Південноруський центр художньої металообробки X ст. // Археологія. 1983. № 44. С. 29–46.

603. Орлов Р.С. Среднеднепровские традиции в художественной металлообработке в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города / отв. ред.: И.П. Русанова. М: Наука, 1984. С. 32–52.

604. Памятники литературы Древней Руси. XII в. М.: Художественная литература, 1980. 704 с.

605. Патрик Г.К. Результаты обследования Одоевского района Тульской области // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М.: ИА АН СССР, 1985. С. 123–125.

606. Перхавко В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1978. №3. С. 113–126.

607. Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа. Саранск: Морд. кн. изд–во, 1987. С. 50–78.

608. Петерсен Ян. Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. Перевод с норвежского. Серия: Оружие разных эпох. СПб. Альфарет. 2005. 352 с.

609. Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я. Киев.: Наукова думка, 1992. 140 с.

610. Петрухин В.Я. Сколько раз ходил на вятичей Святослав? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама / Отв. ред.: Б.Е. Рашковский, Е.А. Мельникова, Е.В. Литовских. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. С. 437–447.

611. Плавинский Н.А. Ланцетовидные наконечники стрел с территории Беларуси. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 58-го заседания / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.–Псков, 2013. С. 399–410.

612. Плетнева С.А. На славяно–хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс М.: Наука, 1989. 285 с.

613. Плетнева С.А., Красильников К.И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: ИА АН, 1990. С. 92–139.

614. Плохов А.В. Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода // АВ. 2002. №9. С. 141–154.

615. Повесть временных лет. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб: издание Археографической комиссии, 1872. 512 с.

616. Покровский Н.П. Два городка на реке Шат // Тульская старина. 1901. №8. С. 21–29.

617. Полесских М.Т. Новые памятники древнейшей Мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд–во, 1974. С. 12–32.

618. Полное Собрание Русских Летописей. Том I. Лаврентьевская летопись. Вып 1: Повесть временных лет. Издание второе / под ред. Е.Ф. Карского. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1926. 286 стб.

619. Полубояринова М.Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР/ Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 164–199.

620. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, утвержденное постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 12 апреля 2023 г.

621. Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа Л.: «Советский Художник», 1967. С. 106–184.

622. Почвенная карта РСФСР масштаба 1 : 2 500 000 / Под ред. В.М. Фридланда. М.: ГУГК, 1988. 16 л.

623. Приймак В.В. Орудия обработки почвы населения Днепровского Левобережья VIII–X вв. // Проблемы археологии южной Руси / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1990. 69–72.

624. Приймак В.В. Ременные распределители раннего и развитого Средневековья // Верхнедонской археологический сборник: сборник научных трудов. Вып. 5 / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: РИЦ ЛГПУ,, 2010. С. 266–272.

625. Приходнюк О.М. Археологічні пам’ятки Середнього Придніпров’я VI–IX ст. н.е. Київ: Наукова думка, 1980. 152 с.

626. Приходнюк О.М. Пеньковская культура (культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский ун-т, 1998. 170 с.

627. Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ; Чернівці: Зелена буковина, 2005. 244 с.

628. Приходнюк О.М., Казанський М.М. Керамічні комплекси поселення Луг І на Тясмині. Археологія. 1978. Віп. 27. С. 43–47.

629. Простяков И.С. Археологические исследования ОАН «Хавки-1. Селище и могильник» // АИЦЧ 2020. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2021. С. 177–178

630. Простяков И.С., Колоколов А.М., Столяров Е.В. Раскопки на городище у д. Лобынское в черте г. Тула // АИЦЧ, 2022. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2023. С. 235–237.

631. Прошкин О.Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2001. 374 с.

632. Прошкин О.Л. Этапы освоения территории Верхнего Поочья в IX-XIII вв. (По археологическим данным) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной научной конференции 25–27 марта 2003 г. Калуга: «Гриф», 2003. С. 42–48.

633. Прошкин О.Л. Славянское освоение территории Калужского края // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 4. Калуга: Калужский научный центр, Российский гуманитарный научный фонд, Администрация Калужской области, 2003. С. 173–198.

634. Прошкин О.Л. Чертово Городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга: Золотая аллея, 2011. 144 с.

635. Прошкин О.Л. Лепная и раннекруговая керамика как культурно-хронологический индикатор археологических памятников IX–XI веков северо-западной части Верхнего Поочья // АП. Вып. 9. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М., 2013а. ИА РАН. С. 69–90.

636. Прошкин О. Л. Предметы вооружения и конского снаряжения с Чертова городища // КСИА. 2013б. Вып. 228. С. 64–75.

637. Прошкин О.Л. Оборонительные сооружения Чертова Городища: результаты археологического изучения // АП. Вып. 12. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2016а. С. 64–81.

638. Прошкин О.Л. Чертово Городище и Супруты – яркие памятники роменской эпохи на Верхней Оке // Русский сборник. Вып. 8. Т. 1 / ред. А.А. Чубур, В.Н. Гурьянов. Брянск: РИО БГУ, 2016б. С. 113–119.

639. Прошкин О.Л. Кочевнические древности IX–X веков в северо-западной части бассейна Верхней Оки // АП. Вып. 13. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2017 С. 33–44.

640. Прошкин О.Л., Бубликов В.В. Курганный могильник у д. Рыжково Боровского района Калужской области в контексте изучения славянского погребального обряда IX–X вв. в Восточной Европе // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 9. Калуга, 2008. С. 85–102.

641. Прошкин О.Л., Екимов Ю.Г., Барбашов Е.Р. Славянские археологические памятники IX–X вв. в белевском течении Оки // Белевские чтения. Вып. 5. М: Изд-во Моск. гос. ун-та леса, 2005. С. 203–218.

642. Прошкин О.Л., Павлишак А.А. Наконечник копья с городища Чертово Городище // АП. Вып. 21 / отв. ред. А.В Энговатова. М.: ИА РАН, 2025. С. 33–37.

643. Прошкин О.Л., Терещенко Е.И. Археологические исследования южного вала городища «Чертово Городище» в 2012 г. (предварительные результаты) //

Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева / Ред. А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле". 2021.С. 204–217.

644. Прошкин О.Л., Терещенко Е.И. Коллекция находок славянского и древнерусского периодов с городища Соборная Гора в городе Чекалине Тульской области // АП. Вып. 19 / отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2023. С. 52–62.

645. Пряхин А.Д. Комплекс памятников конца I тыс. н.э. на северной окраине г. Воронежа: проблема локализации Вантита / Проблемы славянской археологии: труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. М.: ИА РАН, 1997. С. 109–117.

646. Пустовалов Л.В. Генезис липецких и тульских железных руд в свете геохимической истории южного крыла Подмосковного бассейна (опыт литогенетического исследования осадочных пород). М.–Л.: Гос. науч.-техн. геол.-развед. изд-во, 1933. 480 с.

647. Путь из варяг в греки и из грек…: Каталог выставки / Составители Н.И. Асташова, П.Д. Диатропов, Д.В. Журавлев, Л.М. Костюхина ; М.: ГИМ, 1996. 104 с.

648. Пушкина Т.А. Височные кольца Гнёздовского комплекса // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1б. Секция V. Города, их культурные и торговые связи. М.: Наука, 1987. С. 52–57.

649. Пушкина Т.А. Лучевые височные кольца // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 123–129.

650. Пушкина Т.А. Ножи редкой формы из Гнёздова // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Е.А. Рыбиной. М.–В. Новгород: Новгородский государственный музей-заповедник, 2018. С. 189–192.

651. Пьянков А.В., Цокур И.В. О реконструкциях сабли из могильника Колосовка–1 (Адыгея) // Сборник материалов Проблемного совета «Военная

археология» при Государственном Историческом музее. Выпуск 2. М.: Русская панорама, 2011. С. 153–167.

652. Рабинович Р.А. Ножи с волютообразными рукоятками на территории Молдовы и их культурно-исторический контекст // Revista arheologică. Serie nouă. Vol. 1. Nr. 2. Chiişinău, 2005. С. 351–359.

653. Равдина Т.В. О датировке вятических курганов. // СА. 1965. №1. С. 122–129.

654. Равдина Т. В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь: сб. статей к 60-летию академика Б.А. Рыбакова / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 136–142.

655. Равдина Т.В. Древнейшие семилопастные височные кольца // СА. 1975а. № 3. С. 218–223.

656. Равдина Т.В. Хронология "вятических" древностей. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1975б. 19 с.

657. Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М.: Наука, 1988. 152 с.

658. Равдоникас В.И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. Известия ГАИМК. Вып. 94. М.–Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 53 с.

659. Радичевић Д. Срȗске ȉромиле, чешврш века касније // От урала до Балкан: контакты и конфликты в римское время и эпоху средневековья. Программа с тезисами. Нови-Сад: Музей Воеводины, 2023. С. 94–96.

660. Радюш О.А. Работы Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН // АИЦЧ, 2017. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2018. С. 83–87.

661. Радюш О.А. Городище Новосиль. Россия как археологическое пространство / под ред. Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2016. С. 146–147.

662. Разрядная книга 1475–1598 гг. / под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Наука, 1966. 616 с.

663. Разуваев Ю.Д. Исследования в бассейне р. Красивая Меча // АО 1983 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука: 1985. С. 79.

664. Разуваев Ю.Д. Городище у д. Дубики // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1987. С. 121–128.

665. Разуваев Ю.Д. Фортификационно–жилой комплекс скифского времени на городище у деревни Дубики // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. №1. С. 148–151.

666. Разуваев Ю.Д. Дополнительное исследование укреплений городища у д. Дубики на Красивой Мече // История: факты и символы. 2018. №4. С. 31–41

667. Разуваев Ю.Д., Засовская Э.П. Опыт применения радиоуглеродного датирования при исследовании фортификаций верхнедонских городищ раннего железного века // Верхнедонской археологический сборник. / Отв. ред. А.В. Бессуднов. Вып. 6. Липецк: ЛГПУ, 2014. С. 346–358.

668. Разумов С.Н., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Синика В.С. Раннесредневековая матрица для наконечников ремней из Нижнего Поднестровья // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1(52). С. 61–69.

669. Раппопорт П.А. Военное зодчество Западнорусских земель X–XIV вв. МИА 140. Л.: Наука, 1967. 241 с.

670. Родинкова В.Е. Женский костюм днепровских племен в эпоху великого переселения народов: современное состояние исследований. // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 года. М.: ИА РАН, 2011. С. 239–265.

671. Родинкова В.Е. Полевые исследования на поселении Куриловка 2 в Суджанском районе // АИЦЧ 2018. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2019. С. 112–114.

672. Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 177 с.

673. Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. Культура Пражского типа. М.: Наука, 1976. 216 с.

674. Русланова Р.Р., 2018. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия. 376 с.

675. Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. К семидесятилетию А. П. Смирнова. МИА №169. / Ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 189–195.

676. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. М.: Наука, 1982. 599 с.

677. Рябинин Е.А. Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладоги: (Материалы новых исследований) // Древности Северо-Западной России. СПб., 1995. С. 51–56.

678. Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования. Светлана Рябцева. Спб: Нестор-История, 2005. 384 с.

679. Рябцева С.С. О находках украшений византийско-дунайских типов VIII–X вв. на территории Поднепровья и Поднестровья // Древности Восточной Европы: сб. науч. тр. к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков: Харьковский нац. ун-т им. В.Н. Каразина, 2011. С. 252–262.

680. Рябцева С.С., Тельнов Н.П. Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX – начала XI вв. // Stratum plus. 2010. №5. С. 285–300.

681. Самоквасов, Д.Я. Атласъ гочевскихъ древностей : приложеніе къ Дневнику раскопокъ въ окрестностяхъ с. Гочева, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи произведенныхъ Д.Я. Самоквасовымъ въ августѣ 1909 года. М.: Синодальная типографія, 1915. 40 с.

682. Сарачев И.Г. Типология венчиков древнерусских горшков днепровского левобережья // Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000. С. 225–236.

683. Сахаров И.П. Памятники Тульской губернии. Санкт-Петербург: Типография Якова Трея, 1851. 60 с.

684. Седов В.В. Ранние курганы вятичей // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 10–16

685. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. САИ. Вып. Е1–8/2. М.: Наука, 1974. 68 с.

686. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М.: Наука, 1982. 327 с.

687. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 1995. 416 с.

688. Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 316 с.

689. Седов В.В. Освоение славянами Восточноевропейской равнины // Восточные славяне. Антропология и этническая история. Второе издание. М.: Научный мир, 2002. С. 153–159.

690. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

691. Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир», 1997. 236 с.

692. Седых В.Н., Френкель Я.В. О времени и обряде основного погребения кургана 95 Тимеревского могильника // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конференция. Сборник статей / Под. ред. А.Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2014. С. 165–198.

693. Семенов С.А., Кренке Н.А., Чернов С.З. Карта городищ и топонимов 1822 г. Зориана Доленга-Ходаковского – первый свод памятников археологии России и Белоруссии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. №4 (102). С. 198–204.

694. Сергеева З.М. Сердоликовые бусы западнорусских земель (по материалам памятников X–XIII вв. Днепро-Двинского междуречья) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. научно-практ. конф. Псков: ИА АН СССР, 1990. С. 98–99.

695. Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

696. Сизов В.И. Курганы смоленской губернии. Вып. 1-й. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб., Типография Главного Управления Уделов, 1902. 162 с.

697. Сингх В.К. Железный инструментарий средневекового Новгорода. Дисс. … канд. ист. наук. Т. 1, 2. М. 2009. 191 с.

698. Смиленко А.Т., Юренко С.П. Керамика // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. / Ред. Баран В.Д. Киев: Наукова думка, 1990. С. 279–290.

699. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Том I–V. Второе издание. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. 880 с.

700. Соловьева Г.Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне) // СА. 1956. XXV. С. 138–170.

701. Соловьева Г.Ф. Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне / отв. ред. Т.В. Николаева Москва: Наука, 1978. С. 171–178.

702. Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. 206 с.

703. Сорокин С.С. Железные изделия Саркела – Белой Вежи // МИА №75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 135–199.

704. Список опубликованных работ А.В. Григорьева // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева / Ред. А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле". 2021. С. 27–28.

705. Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. №8. С. 301–340.

706. Спицин А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы Вып. 1. Материалы по археологии России, изд. Археологической комиссией; № 25. Санкт-Петербург, 1901. 120 с.

707. Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия ИАК. Вып. 15. СПб, 1905. С. 84–172.

708. Ставицкий В.В. Хронология нагрудных блях Абрамовского древнемордовского могильника // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 3 с.Электронный ресурс]. URL: https://human.snauka.ru/2015/03/9581.

709. Стародубцев Г.Ю., Лебедев В.П. Клад украшений и монисто со знаками Рюриковичей из Курской области: предварительное сообщение // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»: Материалы докладов и сообщений. СПб: Знакъ, 2015. С. 159–168.

710. Сташенков Д. А. Евразийская мода в эпоху раннего Средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии) / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: ПО "СамВен", 1998. С. 213–231.

711. Сташенков Д.А. О возможности выделения новой археологической культуры VIII–IX вв. в Среднем Поволжье и ее славянской атрибуции // От ранних славян до Руси. Тезисы докладов научной конференции к 100-летию со дня рождения В.В. Седова / Отв. ред. Н.В. Лопатин, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2024. С. 83–85.

712. Степанова Ю.В. Могильник сельцо в верховьях Западной Двины по данным археологии // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. №4. С. 155–164.

713. Стефутин С.А. Коллекция костяных и роговых изделий из раскопок Большого Горнальского городища // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы II Международной конференции молодых ученых / Отв. ред. и сост. В.Е. Родинкова, А.Н. Федорина. М.: ИА РАН, 2013. С. 134–135.

714. Столяров Е.В. Городище Дуна: к характеристике горизонтов эпохи раннего железного века (по материалам работ 2011 года) // АП. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015. С. 96–121.

715. Столяров Е.В., Грибков А.В., Воронцов А.М., Колоколов А.М., Крухмаль А.И, Простяков И.С., Фомин К.Н. Разведочные исследования на территории МО г. Тула, Дубенского, Ефремовского, Щекинского районов Тульской области // АИЦЧ 2023. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2024. 217–221.

716. Столяров Е.В., Колоколов А.М., Простяков И.С. Раскопки городища у деревни Гора Услань на территории города Тулы // АИЦЧ 2021. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2022. С. 177–179.

717. Столяров Е.В., Колоколов А.М., Простяков И.С. Раскопки городища у деревни Гора Услань на территории города Тулы в 2024 году // АИЦЧ 2024. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2025. С. 216–219.

718. Столяров Е.В., Простяков И.С., Городище Петровское. К характеристике культурно-хронологических горизонтов VIII в. до н. э. – первых веков новой эры в верховьях Оки и Дона // АВ. 2025. №47. С. 42–58.

719. Столяров Е. В., Шеков А.В. Фрагмент остатков укреплений конца X – XI в. Тимофеевского городища по материалам раскопок конца XX в. // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева / Ред. А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2021. С. 162–171.

720. Стоянова Х. Ранносредновековни селища в землищито на с. Жилино, Новопазарска община // Плиска-Преслав. Том 9 / отг. ред. Р. Рашев. Шумен: Антос, 2003. С. 109–114.

721. Суханов Е.В. Амфоры как источник для изучения торговых контактов населения салтово-маяцкой культуры Среднего и Нижнего Дона. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2018. 465 с.

722. Суханов Е.В. Об аморфной таре селища Устье-2 (предварительные сведения) // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья / отв. ред. А.З. Винников. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2020. С. 102–106.

723. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка, 1975. 168 с.

724. Сухобоков О.В. Украинское Днепровское Левобережье в VII – XIII вв. Труды V международного конгресса археологов славистов / гл. ред. Б.А. Рыбаков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 307–313.

725. Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ. Наукова думка, 1992. 215 с.

726. Сухобоков О.В., Юренко С.П. Орнаментація волинцевсько-роменського керамічного посуду // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян: збірник наукових статей / від. ред. Баран В.Д. Кіев–Львів: «РАС», 1997. С. 161–175.

727. Сыроватко А.С. Щурово: поселения и могильники I тысячелетия н.э. материалы раскопок 2001–2014 гг. Материалы и исследования по археологии Коломны и Коломенского края. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2023. 452 с.

728. Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., Добровольская М.В. Урновое погребение Щуровского могильника // АП. Вып. 8 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. С. 86−94.

729. Татищев В.Н. История Российская. В 3 т. Т. 2. М.: АСТ, 2003. 732 с.

730. Теплов В.Н. Городище «Дуна» близ г. Лихвина Калужской губ. // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Калуга: Типография Губернского Правления, 1899. С. 15–20.

731. Терехова Н.В. Бусы среднецнинской мордвы как исторический источник. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2014. 327 с.

732. Терпиловский Р.В. Колочинская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. / Ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1985. С. 93–97.

733. Терпиловский Р.В., Шекун О.В., Олександрівка-1 – багатошарове слов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів: Сіверянська думка, 1996. 128 с.

734. Тимощук Б.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ: Наукова думка, 1982. 206 с.

735. Торопов С.Е. О двух находках с городища Княжья Гора в бассейне р. Полы // РА. 2025. №3. С. 193–202.

736. Тотев Б., Пелевина О. Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар // Античная древность и средние века. 2005. Вып. 36. С. 85–103.

737. Тотев Б., Пелевина О. Археологические данные о контактах населения Хазарского каганата и дунайских болгар // Степи Европы в эпоху средневековья. Том VII. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 43–60

738. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.: Издательство АН СССР, 1953. 312 с.

739. Третьяков П.Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА. 1969. №4. С. 78–90.

740. Третьяков П.Н. По следам древних славянских племён. Л.: Наука, 1982. 143 с.

741. Троицкий Н.И. Городище при селе Поречье Одоевского уезда Тульской губернии // Тульская старина. 1899. №1. С. 25–28.

742. Троицкий Н.И. Березовское городище и древний удельный город Волконеск. Тула. 1904. 8 с.

743. Тропин Н.А. Славянские жилища IX – начала XI в. на Верхнем Дону: общие подходы к типологии и датировка // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья / отв. ред. А.З. Винников. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2020. С. 186–206.

744. Тропин Н.А., Чубур А.А. Альчики славянского Воргольского городища: от игры к ритуалу // Stratum plus. 2023. №5. С. 49–59.

745. Узянов А.А. Раскопки Переверзевского II городища // АО 1982 г. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 92–93.

746. Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств / отв. ред. А.К. Станюкович. М.: Наука, 1982. С. 122–135.

747. Успенская А.В. Древнерусское поселение Беницы // Ежегодник Государственного Исторического Музея за 1962 г. / Отв. ред. В.Г. Вержбицкий. М.: Советская Россия, 1964. С. 216–228.

748. Успенская А.В., Фехнер М.В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники северо-западной и северо-восточной Руси X–XIII вв.» // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 32. М.: ГИМ, 1956. С. 139–251.

749. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 274 с.

750. Фетисов А.А., Мурашёва В.В. Смолокуренное производство Гнёздова // Стародавний Іскоростень і слов'янсі гради. Том 2 / гол. ред. О.П. Моця Коростень: Тріада С, 2008. С. 213–220.

751. Флёров К.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., Наука: 1984. С. 142–199.

752. Флёров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград: Перемена, ВГПИ, 1993. 144 с.

753. Флёров В.С. Цимлянский комплекс хазарского времени на Нижнем Дону // ПА. 2015. №1 (11). С. 4–39.

754. Флёрова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло (по материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного эрмитажа). Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 256 с.

755. Фомин Н.К. К вопросу о так называемом первом упоминании Тулы в Никоновской летописи под 1146 годом. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула: Тульский полиграфист, 2001. С. 172–185.

756. Фонякова Н.А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры // СА. 1986. №3. С. 36–47.

757. Фролов И.К. Поселение у дер. Железное // Археологические открытия 1968 года / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. 1969. С. 54.

758. Фролов И.К. Поселение у дер. Железное Шаблыкинского района Орловской области // АО 1970 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., Наука, 1971. С. 69.

759. Фролов И.К. Изучение археологической структуры микрорегиона // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М.: ИА АН СССР, 1985. С. 29–38.

760. Фролов А.С., Прошкин О.Л. Таруса в X–XIV веках (по данным археологии). Калуга: Золотая аллея, 2011. 88 с.

761. Хабарова Н.В. Культура средневековых кочевников и городов и Золотой Орды. Волгоград: Волгоградский областной краеведческий музей, 2011. 36 с.

762. Халикова Е.А., Халиков А.Х. Раниие венгры на Каме и Урале (Больше – Тиганский могильник). АЕС. Вып. 25. Казань: Изд-во «Фән», 2018. 144 с.

763. Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. Эпоха славянская (VI–XIII в.). Вып. V. Киев: Типография Кульженко С.В., 1902. 78 с.

764. Ходаковский З. Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории // Сын отечества. 1820. № 39. С. 241–254.

765. Цолль-Адамикова Е. Деревянные конструкции в курганах с трупосожжением у восточных и западных славян // СА. 1982. №4. С. 82–90.

766. Черепнин А.И. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях (Приложение к Трудам Рязанской ученой архивной комиссии). Рязань: Типография Губернского правления, 1892. 43 с.

767. Четыркин И.Д. Пробные раскопки Лихвинского городища 14 и 15 июля 1899 г. // Изв. КУАК. Вып. II. Калуга: Типолитография губ. Правл, 1899. С. 18–19.

768. Четыркин И.Д. Результаты археологических исследований в пределах Калужской губернии за истекший десятилетний период (1891–1901 гг.) // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Выпуск 1901 г. Калуга: Типо-Литография Губернского правления, 1901. С. 10–15.

769. Чубур А.А. Остатки териофауны из поминального комплекса Гора Услань // Млекопитающие в меняющемся мире: актуальные проблемы териологии (XII Съезд Териологического общества им. академика В.Е. Соколова при РАН). Материалы конференции с международным участием, 2–6 февраля 2026 г., Москва, ИПЭЭ РАН. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2026. С. 487.

770. Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград: Вторая государственная типография, 1919. 64 с.

771. Шебанин Г.А. Окско-Донской путь XII – начала XIII вв. в свете новых археологических данных // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия / отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Тульский полиграфист, 2000. С. 118–122.

772. Шебанин Г.А. Летописный Нериньск // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвящённой 100–летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.: МГУ, 2018. С. 127–128.

773. Шебанин Г.А. Летописный Неринск // АП. Вып. 19 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2023. С. 64–79.

774. Шебанин Г.А., Колоколов А.М. Материалы IX–X вв. селища Слободка–1 на р. Шат // Куликово Поле: история и археология / отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2023. С. 410–434.

775. Шеков А.В. Исследования в Тульской области // АО 1996 г. / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М., Наука, 1997. С. 190.

776. Шеков А.В. Волкона – городской центр княжеского удела конца XIV – XV в. / А.В. Шеков // Город средневековья и раннего нового времени. Археология. История. Материалы IV всероссийского семинара. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2013. С. 93–136.

777. Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XIII – середина XVI в. М.: Квадрига, 2018. 501 с.

778. Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. №3. С. 110–127.

779. Шинаков Е.А. О происхождении раннесредневековых городов в Брянском Подесенье // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Киев: Наукова думка. 1987. С. 134–139.

780. Шинаков Е.А. А.В. Григорьев и новые находки лучевых височных колец «второго этапа»// Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева / Ред. А.М.

Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2021. С. 40–60.

781. Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Археологические исследования в Брянске и области в 2012 г. // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2012 г. №1(4). Брянск: Изд-во БГУ, 2013. С. 85–92.

782. Шинаков Е.А., Чубур А.А., 2018. Волынцевские древности Брянского Подесенья и их место в историческом контексте VIII–IX веков на юге Восточной Европы // Старожитності Лівобережжя Дніпра / відп. ред. І. І. Корост. Київ-Котельва: ЦП НАН України і УТО-ПІК. С. 183–199.

783. Ширинский С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник: Исследования и публикации. Часть I. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М.: ГИМ, 1999. С. 87–146.

784. Шишков А.В. Объемно-планировочная реконструкция хозяйственно-жилого комплекса IX–X вв., поселения Устье-2 на Куликовом поле по результатам археологических работ // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья / Отв. ред. А.З. Винников. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2020. С. 32–61.

785. Шпилев А.Г. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII – конец X вв.) // Stratum plus. 2010. №5. С. 221–274.

786. Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X – XI в.) // Русский сборник. Вып. 9. Брянск: РИО БГУ, 2008а. С. 43–59.

787. Шпилев А.Г. Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (IX – начало XIII вв.) // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Материалы конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола / науч. ред. В. В. Енуков. Курск: Курский гос. ун-т, 2008б. С. 189–201.

788. Шпилев А.Г. Об одном типе погребальных головных уборов у южных северян в конце X–XI вв. // Stratum plus. 2009а. №5. С. 338–351.

789. Шпилев А.Г. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII – 1-я половина XIII в.) // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4 / отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2009б. С. 5–33.

790. Шпилев А.Г. Металлические предметы круга хазарских древностей VIII–X вв. из Курской области (Россия) // Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костёнковско-Борщевского археологического региона: материалы Международной практической конференции (Воронеж, 15–17 сентября 2016 г.). Воронеж: Издат. Дом ВГУ, 2017. С. 168–198.

791. Шпилев А.Г Древнерусские клады Курского края // МИАДЛ. Вып. 5. Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур. Курск: ИА РАН, КГОМА, 2018а. С. 240–261.

792. Шпилев А.Г. Новые находки лучевых височных колец IX–X вв. из Курской области // МИАДЛ. Вып. 5. Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур. Курск: ИА РАН, КГОМА, 2018б. С. 104–111.

793. Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 215 с.

794. Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 15–23.

795. Щеглова О.А. Волынцевский горизонт поселения Вовки // КСИА, 1987. Вып. 190. С. 43–48.

796. Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МИАДЛ. Курск: Курский областной краеведческий музей, 1990. С. 162–204.

797. Щеглова О.А. Термин «памятники волынцевского типа». // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. РСМ. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996. С. 130–131.

798. Щеглова О.А. Свинцово-оловянистые украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 134–150.

799. Щеглова О.А. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний //

Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. XLIX. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. С. 39–65.

800. Щербань А.Л. Декор ліпленого посуду літописних сіверян // Сіверщина в історії України. Вип. 4 / ред. С.А. Слєсарєв. Глухів – Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2011. С. 89–92.

801. Юренко С.П. Волынцевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка., 1985. С. 116–124.

802. Юркин И.Н. Епифанские шлюзы: как собирали и как разбрасывали их камни // Тульский краеведческий альманах. 2015. Вып. 12. С. 16–24.

803. Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с.

804. Янссон И., Потупчик М.В., Андрощук Ф.А. Скандинавская фибула из Винницкой области // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки / Ред. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 575–579.

805. Ambrosiani K. Kamme // Birka II: 1. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets academien, 1984. S. 161–176.

806. Arbman Holger. Birka I. Die Gräber. Text. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1940. 560 p.

807. Arbman Holger. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1943. 282 taf.

808. Arne T. La Suede et l'orient etudes archeologiques sur les relations de la Suede et de l'orient pendant l'age des vikings. Upsal. 1914. 240 p.

809. Biermann F. Reitersporen aus Feldberger Burgen im nordwestslawischen Gebiet // Bewaffnung und Reiterausrüstung des 8. bis 10. Jahrhunderts in Mitteleuropa Internationale Tagungen in Mikulčice IX. Brno, 2019. S. 23–36.

810. Dworschak N. Die wikingerzeitlichen Grabbefunde bei Wiskiauten/Mochovoe im Kaliningrader Gebiet. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der

philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, 2018. 393 p., 93 taf.

811. Carlsson A. Vikingatida ringspännen från Gotland: text och katalog. Stockholm: Universitet Stockholms, 1988. 275 p.

812. Dienes I. A honfoglaló magyarok lószerszámának néhány tanulsága // Archaeologiai Értesítő: a magyar régészeti, művészettörténeti és éremtani társulat tudományos folyóirata / Szerkesztő: Fülep Ferenc. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1966. C. 208–234.

813. Frolíková D., Ottenwelter E., Barčáková L. Dětský pohřeb s náhrdelníkem z pohřebiště Triangl v Praze-Střešovicích // Archeologické rozhledy LXXII–2020. S. 260–290.

814. Fodor I. L'heritage archéologique des Hongrois conquérants (X siécle) // Les Hongrois et l'Europe: conquete et integration. Paris : University of Szeged, 1999. P. 61–101.

815. Gáll E., Nagy Sz., Bindea D., Horváth A., Hica I. A unique object from the 10th-century Transylvanian Basin. The mount ornamented sabretache of grave no. 25 in Cluj-Napoca-Plugarilor street // Ephemeris Napocensis, 2023, №33. Pp. 201–232

816. Great Moravia and the beginnings of Christianity. Katalog wystawy / Kouřil P. (Ed). Brno : The Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2014. 533 p.

817. Grøn Ole, Anne Hedeager Krag og Pia Bennike., Vikingetidsgravpladser på Langeland. Rudkøbing: Langelands Museum., 1994. 197 pp.

818. Grygiel M. Early Medieval Finds from Czechowice (Gliwice / PL) // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 53. 2023. № 1. S. 113–136.

819. Gorelik M. Arms and Armour in South-Eastern Europe in the Second Half of the First Millenium AD // A Companion to medieval arms and armour. Woodbridge, 2002. P. 127–147.

820. Gulyás G., Gallina Z., Türk A. Újabb régészeti adatok a Duna–Tisza köze honfoglalás kori településtörténetéhez és a 10. századi bolgár–magyar kapcsolatok kérdéséhez egy tázlári sír kapcsán // Hadak útján. A népvándorláskor kutatóinak

XXIX. konferenciája. Budapest, 2019, november 15–16 / Absztraktkötet Szerkesztők Sudár Balázs, Türk Attila. Budapest 2019. P. 115–120.

821. Hallinder P. Streit-und Arbeitsäxte / Birka II: 2, Systematische Ana-lysen der Gräberfunde / Greta Arwidsson (ed.). Stockholm: Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1986. S. 45–50

822. Hampel J. Alterthumer des fruhen. Mittelalters in Ungarn. ll. Braunschweig: Vieweg und Sohn, 1905. 580 p.

823. Hårdt B. The Perm`/ Glazov rings. Contacts and Economy in the Viking Age between Russia and the Baltic Region // Acta archaeologica lundensia. Lind. Series in 8, No. 67. Lund : Lunds universitet, Institutionen för arkeologi och antikens historia, 2016. 70 p.

824. Ilkjær J. Illerup Ådal. 2: die lanzen und speere: tafelband. Moesgård: aarhus university Press, 1990. 245 taf.

825. Jansson I. Grosse Rundspangen // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1984a. S. 75–84.

826. Jansson I. Kleine Rundspangen // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm, 1984б. S. 58–74.

827. Jansson I. Ovale Schalenspangen // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1984в. S. 45–57.

828. Jansson I. Ovala spannbucklor. En studie av vikingatida standartsmycken med utganspunkt från Björkö - fynden. Uppsala, 1985. 237 p.

829. Jansson I. Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ // Birka II: 2, Systematische Ana-lysen der Gräberfunde / Greta Arwidsson (ed.). Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1986. S. 77–108.

830. Јанковић Ђ. Погреб Срба у раном средњем веку // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 1: Проблемы славянской археологии. М.: Фонд археологии, 1997. С. 382–393.

831. Јанковић Ђ. Српске громиле. Београд: Свесловенски савез; Књижевна реч, 1998. 174 с.

832. Kalmring S. Der Hafen von Haithabu (Die Ausgrabungen in Haithabu. 14 Band). Wachholtz: Verlag Neumunster, 2010. 668 p.

833. Klanica Z. Velkomoravsky gombik, Archeologicke rozhledy. 22. 1970. S. 421–446.

834. Kotowicz Piotr N. Topory wczesnośredniowieczne z ziem polskich. Katalog źródeł. Rzeszow: Fundacja Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego, Instytut Archeologii Uniwersyetu Rzeszowskiego, Muzeum Historyczne w Sanoku, 2014. 443 s.

835. Krupičkova Š., Ottenwelter E., Březinova H. Exact evidences of the use of spherical buttons (gombiky): two case studies from Moravian finds // Přehled výzkumů, 60–2. Brno, 2019 P. 57–77.

836. Krylaszova N.B., Belavin A.M., Türk A. Újabb adatok a honfoglalás kori tarsolyok és tűzkészségek klasszifi kációjához Volga–Káma–vidéki analógiáik fényében // Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. Születésnapjára / Szerkesztette Anders Alexandra, Balogh Csilla, Türk Attila. Budapest: Martin Opitz Kiady. 2014. P. 457–496.

837. Langer D., Lőrinczy G., Türk A. Adatok a 10. századi rozettás lószerszámveretek értékeléséhez és elterjedéséhez az új keleti analógiáik fényében // Hadak útján. A népvándorláskor kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. 29th Conference of scholars on the Migration Period. November 15–16, 2019, Budapest. Absztraktkötet Szerkesztők Sudár Balázs, Türk Attila. Budapest, 2019. P. 77–83.

838. Lindbom P., Pilspetsarna fran Valsgärde 13 // Tor. Üppsala. 27, 1994. P. 431–448.

839. Lőrinczy G., Straub P. A Fönlak-típusú övveretes síregyüttesekről // A Tornyai János Múzeum Évkönyve. V. 2023. S. 79–115.

840. Matthias S. Toplak. Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Kopparsvik. Studien zu neuen Konzepten sozialer Identitäten am Übergang zum christlichen Mittelalter.

Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Philosophischen Fakultät der Eberhard Karls Universität Tübingen. TOBIAS-lib, Hochschulschriftenserver der Universität Tübingen, 2016. 381 p.

841. Matthias S. Toplak. Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Kopparsvik. Studien zu neuen Konzepten sozialer Identitäten am Übergang zum christlichen Mittelalter. Katalog. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Philosophischen Fakultät der Eberhard Karls Universität Tübingen. TOBIAS-lib, Hochschulschriftenserver der Universität Tübingen, 2016a. 394 p.

842. Paulsen H. Pfeil und Bogen in Haithabu // Harald Gelbig and Harm Paulsen. Das archäologische Fundmaterial VI. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 33. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1999. P. 93–143.

843. Petersen J. Vikingetidens Smykker. Stavanger: Dreyers grafiske anstalt, 1928. 222 p.

844. Schulze-Dörrlamm M., Spuren der Ungarneinfälle des 10. Jahrhunderts // In: F. Heldengrab im Niemandsland. Ein frühungarischer Reiter aus Niederösterreich (exhibition catalogue) / Daim (ed.). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2006. P. 43–66.

845. Šolle M. Knížecí pohřebiště na Staré Kouřimi. Památky archeologické 50, 1959. P. 353–506.

846. Révész L. Véretekkel díszített lószerszámok a honfoglalás kori női és férfi sírokból // A Herman Ottó Múzeum évkönyve. Кт. XXX–XXXI/2. Miskolc, 1993. S. 351–416.

847. Révész L. Mit Beschlägen Geschmückte Pferdegeschirre aus den Landnehmezeitlichen Frauen- und Männergräbern // Acta Archaeologien Academine Scientiarum Hungaricue. 46. Budapest, 1994. P. 307–361.

848. Révész L. A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez. Miskolc. 1996. 506 p.

849. Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, Almqvist und Wiksell, 1947. 271 p.

850. Thålin H. Ringspangen. // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1984. S. 15–22.

851. The Ancient Hungarians. Exhibition Cataloque. Ed. by Istvan Fodor. Budapest: Hungarian National Museum. 1996. 479 p.

852. Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands I. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 1995. 396 p.

853. Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands II. Typentafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1998. 333 p.

854. Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands III: 1–2. Text. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2006. 728 p.

855. Tvauri A., The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. Estonian Archaeology, 4. Tartu: University of Tartu Press, 2012. 384 p.

856. Wegraeus, E. Die Pfeilspitzen von Birka // Birka II: 2 / ed. by G. Arwidsson. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1986. P. 21–34.

857. Westphalen P. Die Eisenfunde von Haithabu (Die Ausgrabungen in Haithabu. Band 10). Neumünster: Wachholtz, 2002. 336 p., 109 taf.

858. Zakharov A., Arendt V. Studia Levedica: Regeszeti adatok a magyarsag IX szazadi fortenetehez. Arhaeologia Hungarica. A Magyar nemzeti muzeum Regeszeti kiadvanyai, №16. Budapest, 1935. 80 c.

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, В КОТОРЫХ ИЗЛОЖЕНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях:

1. *Колоколов А.М., Простяков И.С.* Материальная культура горизонта X в. на городище у д. Спицино // Поволжская археология. 2021. №4 (38). С. 50–66.

2. *Колоколов А.М.* Находка подковообразной фибулы с зооморфными окончаниями из раскопа XXVIII на городище Супруты // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 267. С. 256–269.

3. *Колоколов А.М.* Элементы поясной гарнитуры с памятников VIII–X веков Окско-Донского водораздела // Археология Евразийских степей. 2023. №3. С. 268–281.

4. *Колоколов А.М.* Поминальный комплекс 2-й половины VII – VIII вв. у д. Гора Услань // Поволжская археология. 2023. №2 (44). С. 173–188.

5. *Колоколов А.М.* Находки предметов вооружения и конского снаряжения степного круга древностей с памятников IX–X вв. Окско-Донского водораздела // Уфимский археологический вестник. 2023. Том 23. №2. С. 265–283.

6. *Колоколов А.М.* Этнокультурная ситуация на территории Верхнего Поочья в «предроменский» период (2-я пол. VII–VIII вв.) // Нижневолжский археологический вестник. 2024. №1. С. 136–156.

7. *Колоколов А.М.* Поселение X века на площадке городища у д. Лобынское в бассейне р. Упы // Российская археология. 2024. № 4. С. 157–175 .

8. *Колоколов А.М., Простяков И. С.* Селище Большое Тризново-4: к вопросу о хронологии и топографии неукрепленных поселений Окско-Донского водораздела второй половины X в. // Археологические вести. 2024. №44. С. 153–164.

9. *Колоколов А.М.* Находка сабли X–XI вв. в пригороде г. Тулы // Краткие сообщения Института археологии. 2025. Вып. 278. С. 328–341.

10. *Колоколов А.М., Преображенская А.А.* Церковно-административные единицы юго-западного рязанского пограничья: опыт комплексной реконструкции // Quaestio Rossica. 2025. Т. 13, № 2. С. 499–518.

11. *Дедук А.В., Колоколов А.М., Простяков И.С.* Городище у деревни Радуговище // Историко–географический журнал. 2025. Том. 4. №1. С. 51–63.

12. *Колоколов А.М.* Древности финно-угорского круга с памятников VIII–X вв. Окско–Донского региона // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 19, №2. 2025. С. 247–257.

Работы, опубликованные в прочих научных изданиях, сборниках и коллективных монографиях:

13. *Колоколов А.М.* Лепная керамика роменского типа с городища Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / отв. ред. Макаров Н. А., Носов Е. Н. СПб.–М.–Великий Новгород. 2011. С. 52–53.

14. *Воронцов А.М., Дедук А.В., Заидов О.Н., Колоколов А.М., Столяров Е.В., Шеков А.В.* Локализация летописного Девягореска по письменным и археологическим источникам // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: Археология, История. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2018. С. 7–49.

15. *Колоколов А.М.* Славянское городище у с. Фурсово на реке Исте // Археологическое наследие. 2019. №1(2). С. 181–196.

16. *Колоколов А.М.* Изучение памятников IX–XI вв. на территории Окско-Донского водораздела в 2008–2019 гг.: краткие итоги // Археология Волго-Окского региона. К юбилею И. В. Белоцерковской. М.: ГИМ, 2020. С. 78–85.

17. *Колоколов А.М., Простяков И.С., Столяров Е.В.* Археологические раскопки на городище у бывшей деревни Кетри // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2020. С. 274–277.

18. *Колоколов А.М., Полукеева Т.А*. Результаты археологических исследований на городище у д. Спицино в 2019 г. // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2020. С. 266–267.

19. *Колоколов А.М.* Типология славянских городищ IX – первой половины XI вв. на территории Окско-донского водораздела // Археологическое наследие. 2021. №1(4). С. 188–223.

20. *Колоколов А.М., Простяков И.С., Столяров Е.В*. Городище X–XII вв. у бывшей деревни Кетри // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева / ред. А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2021. С. 172–204.

21. *Григорьев А.В., Колоколов А.М.* Славянское городище у д. Снедка Одоевского района Тульской области // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А. В. Григорьева / ред. А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2021. С. 141–161.

22. *Колоколов А.М., Простяков И.С.* Раскопки на городище у д. Спицино // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2021. С. 175–176.

23. *Колоколов А.М.* Эпоха формирования Древнерусского государства // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья. / Под ред. А.М. Воронцова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2022. С. 184–202.

24. *Колоколов А.М., Шеков А.В.* Древнерусский период // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья / Под ред. А.М. Воронцова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2022. С. 221–263.

25. *Наумова Т.В., Наумов А.Н., Грибков А.В., Колоколов А.М.* Результаты археологических исследований на городище у деревни Вырск // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2021. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2022. С. 170–172.

26. *Столяров Е.В., Колоколов А.М., Простяков И.С.* Раскопки городища у деревни Гора Услань на территории города Тулы // Археологические

исследования в Центральном Черноземье 2021. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2022. С. 177–179.

27. *Екимов Ю.Г., Колоколов А.М.* Материалы VIII–X вв. поселения Каменка-1 в меридиональном течении Верхней Оки // Куликово поле: история и археология. К 70-летию М.И. Гоняного / ред. колл.: А.Н. Наумов (отв. ред.), А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2023 С. 208–235.

28. *Шебанин Г.А., Колоколов А.М.* Материалы IX–X вв. селища Слободка-1 на р. Шат // Куликово Поле: история и археология / ред. колл.: А.Н. Наумов (отв. ред.), А.М. Воронцов, А.М. Колоколов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2023. С. 410–434.

29. *Колоколов А.М.* Находки предметов вооружения североевропейского облика с памятников IX–X вв. Окско-Донского водораздела // Сборник статей по итогам работы Международной научной конференции «Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья». Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2023. С. 114–125

30. *Колоколов А.М.* Хронология памятников X века на территории Окско-Донского водораздела // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2. №1. С. 24–43.

31. *Колоколов А.М.* Поселение IX–X вв. на городище у д. Гора Услань на р. Упа, в системе Верхнеокского участка Донского торгового пути // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. VI. Курск: КГОМА, 2023. С. 252–267.

32. *Колоколов А.М., Преображенская А.А.* Возможность использования некрополей XII–XIV вв. района Куликова поля в качестве маркеров территориально–административных единиц юго-западных земель Рязанского княжества // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII Международной конференции (11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М.: Индрик, 2023. С. 126–127

33. *Воронцов А.М., Колоколов А.М., Простяков И.С, Столяров Е.В., Фомин К.Н.* Опыт применения воздушного лазерного сканирования при изучении памятников археологии на территории Тульских засек // Археология и геоинформатика. Шестая международная конференция. Тезисы докладов. М.: ИА РАН, 2023. С. 25–26.

34. *Простяков И.С., Колоколов А.М., Столяров Е.В.* Раскопки на городище у д. Лобынское в черте г. Тула // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2022. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2023. С. 235–237.

35. *Столяров Е.В., Воронцов А.М., Колоколов А.М., Простяков И.С.* Раскопки городища у д. Гора Услань и могильника Залесный в Тульской области // Археологические открытия 2021. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2023. С. 182–185.

36. *Дедук А.В., Колоколов А.М., Наумова Т.В.,* Городище у деревни Вырск // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 2. С. 6–19.

37. *Грибков А.В., Колоколов А.М.* Раскопки на селище 9 у д. Калединовка Заокского района Тульской области в 2023 году // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2023. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2024. С. 200–201.

38. *Полукеева Т.А., Колоколов А.М., Простяков И.С.* Раскопки на селище 4 у д. Большое Тризново в Щекинском районе г. Тульской области // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2023. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2024. С. 210–211.

39. *Простяков И.С., Колоколов А.М., Столяров Е.В.* Раскопки на городище у д. Лобынское в черте г. Тула // Археологические открытия 2022. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2024. С. 154–157.

40. *Колоколов А.М.* Этнокультурная ситуация на территории Окско–Донского водораздела в VIII–X вв. Современное состояние проблемы. // Усходняя Еўропа ў жалезным веку – эпоху Вялікага перасялення народаў: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 70-годдзя з дня нараджэння А.А. Егарэйчанка,

Мінск, 24–25 красавіка 2025 г. / гал. рэд.: А. Г. Каханоўскі. Мінск: БДУ, 2025. С. 155–172.

41. *Колоколов А.М.* Верховья Оки и Дона в эпоху формирования Древнерусского государства: новые данные о хронологии памятников // VII (XXIII) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр.: в 3 т. Т. II. Красноярск, 6–10 октября 2025 г. / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.В. Поляков, П.В. Мандрыка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. С. 218–221.

42. *Столяров Е.В., Колоколов А.М., Простяков И.С.* Раскопки городища у деревни Гора Услань на территории города Тулы в 2024 году // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2024. Липецк–Воронеж: «Новый взгляд», 2025. С. 216–219.

43. *Колоколов А.М., Простяков И.С.* Поселение VIII–X вв. на площадке городища Петровское на р. Упе // Археологическое наследие, №1(8), 2025. С. 83–101.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

АВ – Археологические вести

АЕС – Археология Евразийских степей

АИЗ – Археологические известия и заметки

АИЦЧ – Археологические исследования в Центральном Черноземье

АКР – Археологическая карта России

АН – Археологическое наследие

АН ЧР – Академия наук Чеченской республики

АО – Археологические открытия

АП – Археология Подмосковья

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

АЭМК – Археология и этнография Марийского края

ВГПИ – Волгоградский государственный педагогический институт

ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет

ВГУ – Воронежский государственный университет

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)

ГК – Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации

ГСХА – Государственная сельскохозяйственная академия

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ДонНУ – Донецкий национальный университет

ДЭ ИААН – Деснинская экспедиция Института археологии Академии наук СССР

ЕГПИ – Елецкий государственный педагогический институт

ЕИК – Единая инвентарная книга

ЕГУ – Елецкий государственный университет

ЕФУИ – Ежегодник финно–угорских исследований

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИА НАН – Інститут археології Національної академії наук України

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук

ИГЖ – Историко-географический журнал

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИФ – Исторический формат

ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и искусства Казанского филиала Академии наук СССР

КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

КГОМА – Курский государственный областной музей археологии

КОКМ – Калужский областной краеведческий музей

КСДК – Культура смоленских длинных курганов

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МАР – Материалы по археологии России

МарНИИЯЛИ – Марийский научно–исследовательский институт языка, литературы и истории

МГУ – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья

МИСО – Материалы по изучению Смоленской Области

НАВ – Нижневолжский археологический вестник

НГПУ – Нижегородский государственный педагогический университет

НГУ – Новосибирский государственный институт

ОКМ – Орловский краеведческий музей.

ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра Российской академии наук

ПА – Поволжская археология

ПВЛ – Повесть временных лет

ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РЖВ – Ранний железный век

РСМ – Раннеславянский мир

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СВНЦ ДВО РАН – Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения Российской академии наук

СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья

СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

ТАЭ – Тульская археологическая экспедиция

ТОКМ – Тульский областной краеведческий музей

УАВ – Уфимский археологический вестник

УдНИИ – Удмуртский научно-исследовательский институт

УИИЯиЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

гор. – городище

сел. – селище

пос. – поселение

мог. – могильник

к.м. – курганный могильник

мест. – местонахождение

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук

На правах рукописи

Колоколов Александр Михайлович

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ВЕРХОВЬЯХ ОКИ И ДОНА В VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI ВЕКА

Исторические науки: 5.6.3. Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 2.

Научный руководитель:
д.и.н. Леонтьев А. Е.

Москва 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Сводная таблица полевых исследований на памятниках VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона с XIX века по 2025 год….....3

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Каталог памятников VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона……...…..14

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Каталог опорных комплексов……..…54

АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ……....66

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Сводная таблица полевых исследований на памятниках VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона с XIX века по 2025 год.

№	Памятник	1-е уп-е	Год работ	исследователь	Вид работ	кв. м.	источник
городища							
1	Супруты	1873					Наумова, 2016. С. 383.
			1936	Дружинин М.А.	осмотр	–	Наумова, 2019. С. 262–263
			1938	Доррер Г.А.		–	Григорьев, 2013а. С. 62
			1939			–	
			1954	Изюмова С.А.	раскоп.	2300	Арх. ИА РАН. Изюмова, 1954. № 1009
			1955				Арх. ИА РАН. Изюмова, 1955. № 1197
			1956				Арх. ИА РАН. Изюмова, 1956. № 1357
			1967				Арх. ИА РАН. Изюмова, 1967. № 3488
			1969				Арх. ИА РАН. Изюмова, 1969. № 4226
			1970				Арх. ИА РАН. Изюмова, 1970. № 4592
			1971				Арх. ИА РАН. Изюмова, 1971. № 4593
			1972				Арх. ИА РАН. Изюмова, 1972. № 4941
			1973				Арх. ИА РАН. Изюмова, 1973. № 6167
			1976				Арх. ИА РАН. Изюмова, 1976. № 6893
			1977				Григорьев, 2013а. С. 62–68.
			1995	Шеков А.В.		128	Арх. ИА РАН. Шеков, 1995. № 20226
			1996				Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. № 20271
			1999	Григорьев А.В.		310	Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999. № 23268
			2000				Арх. ИА РАН. Григорьев, 2000. № 24564
			2001				АО. Григорьев, 2002. С. 138–139.
			2002				Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. № 47073
			2006	Воронцов А.М.		90	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. № 36010
			2007				Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. № 42641
2	Акиньшино	1898	Впервые упомянуто как одиночный курган у д. Василенки Лихвинского уезда				Наумова, 2016. С. 161–164
			1903	Гендуне Ю.Г.	раскоп.	13 тр.	
			2008	Наумов А.Н.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Наумов,

							2008. № 43441
			2009	Воронцов А.М.	раскоп	60	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2009. № 36737
			2010			38	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2010. № 33216
3	Вороново	1934	1934	Экспедиция ГАИМК	осмотр		Никольская, 1964. С. 75
			1962	Никольская Т.Н.	раскоп	90	
4	Воротынцево	1953	1953		раскоп	240	Никольская, 1959. С. 87–89; 1981. С. 22–23
			1955			50	
			1983	Фролов И.К.	осмотр	–	Фролов, 1985. С. 29–38
			1985	Патрик Г.К.	осмотр	–	АКР, Орловская обл., 1992. С. 61
			2012	Столяров Е.В.	шурф.	4	Арх. ИА РАН. Столяров, 2012. 36219
5	Вырск	2021	2021	Наумова Т.В.		2	Арх. ИА РАН. Наумова, 2021. Б.н.
	Дубики	1-я пол. XX в.					Научный арх. ТОКМ, карт. М.А. Дружинина, карт.537/32
			1963	Пряхин А.Д.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 2002. С. 69–70
			1979	Миронова В.Г.			Миронова, 1980. С. 64
			1980	Медведев А.П.			АКР, Тульская обл., 2002. С. 69–70
			1983	Разуваев Ю.Д.	раскоп	72	Разуваев, 1987. С. 121–128; 2019. С.146–158
			1984				
			2004			80	
			2015			32	
6	Дуна	1896	1896	Теплов Н.В.	осмотр	–	Теплов, 1899. С. 15–20.
			1897		раскоп	–	
			1898	Четыркин И.Д.			Четыркин, 1901. С. 12–13
			1898	Гендуне Ю.Г.			Гендуне, 1903. 22 с.
			1899				
			1939	Доррер Г.А.	осмотр	–	Наумова, 2016. С. 227.
			2011	Воронцов А.М.	раскоп	79	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2011. № 34218
7	Жабынь	1851					Сахаров, 1851. С. 30
			2008	Заидов О.Н.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Заидов, 2008. № 42859
8	Кетри	1777					РГАДА. Ф. 1354. Оп. 545. Ч. 1. Ед. хр. Б–13 син. План пустоши Балымовой 1777
			1938	Доррер Г.А.	осмотр	–	Наумова, 2016. С. 327.
			1939				
			1951	Изюмова С.А.			Изюмова, 1953. С. 75
			2000	Воронцов А.М.			Арх. ИА РАН. Воронцов, 2000. №№ 24216, 24217
			2019	Простяков И.С.	раскоп	28	Арх. ИА РАН. Простяков, 2019. № 64267
9	Лобынское	1851					Сахаров, 1851. С. 9
			1937–1938	Доррер Г.А.	осмотр	–	Наумова, 2016. С. 388–389
			2002	Иванов Н.В.	шурф	4	Арх. ИА РАН. Иванов, 2002.

							№ 27433
			2003		раскоп	16	Арх. ИА РАН. Иванов, 2003. № 32767
			2022	Простяков И.С.		45	Простяков, Колоколов, Столяров, 2023. С. 235–237
10	Мосолово	1872					Протоколы зас. Моск. арх. общ., 1873. С. 326–327
			1979	Миронова В.Г.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 1999. С. 94
			2001	Воронцов А.М.			Арх. ИА РАН. Воронцов, 2001. № 26151
			2017.	Грищук М.С.	шурф	3	Арх. ИА РАН. Грищук, 2017. № 57558
11	Нижняя Городня	1851					Сахаров, 1851. С. 16
			1968	Ченцов Ю.С.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 1999. С. 143
			1979	Миронова В.Г.			Миронова, 1980. С. 64
			1979	Молчанов А.А.			Молчанов, 1980. С. 65–66
			1998	Клянин Р.В.	шурф	4	Арх. ИА РАН. Клянин, 1998. № 21968
12	Никулино	2000	2000	Воронцов А.М.	шурф	2	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2000. № 24216–24217
			2017	Грибков А.В.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Грибков, 2017. № 55524
			2018	Богомолов В.В.	шурф	4	Арх. ИА РАН. Богомолов, 2018. № 60904
			2020	Грибков А.В.		4	Грибков, 2021. С. 168–171
13	Новосиль	1968–1970		Фролов И.К.	осмотр	–	АКР, Орловская обл., 1992. С. 61.
		2008–2014		Радюш О.А.	раскоп	84	Радюш, 2016. С.146–147
14	Мишнево	1898	1898	Гендуне Ю.Г.	раскоп	пр. 69	Наумова, 2016. С. 160
			1939	Доррер Г.А.	осмотр	–	Наумова, 2016. С. 378
			1979	Миронова В.Г.			Арх. ИА РАН. Миронова, 1979. №7494
15	Першино	Нач. XX в.					Наумова, 2016. С. 227, 330
			1939	Доррер Г.А.	осмотр	–	
			1951	Изюмова С.А.			Изюмова, 1953. С. 78
			2005	Наумова Т.В.			Арх. ИА РАН. Наумова, 2005. № 36081
16	Петровское	1879					Борисов, 1879. С. 240–247
			1939	Доррер Г.А.	осмотр	–	Наумова, 2016. С. 381–382
			1954	Изюмова С.А.	шурф	1	Арх. ИА РАН. Изюмова, 1954. № 1009
			1977	Миронова В.Г.	осмотр	–	Миронова, 1978. С. 74
			1985	Патрик Г.К.			Патрик, 1985. С. 124
			2014	Столяров Е.В.			Арх. ИА РАН. Столяров, 2014. № 48611–48612
			2015	Простяков И.С.	раскоп	54	Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. № 57410
17	Поречье	1898	1898	Троицкий Н.И.	раскоп	–	Троицкий, 1899. С. 25–27
			1936	Дружинин М.А.	осмотр	–	Наумова, 2016. С. 382
			1938	Доррер Г.А.			
			2005	Воронцов А.М.	шурф	4	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2005. № 33356

18	Свисталовка	1879					Борисов, 1879. С. 247
			1969	Равдина Т.В.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 2002. С. 130–131.
			1977	Миронова В.Г.			
			1990	Смирнова М.Е.	раскоп	130	Арх. ИА РАН. Смирнова, 1990. № 15436.
			1994	Фомин К.Н.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Фомин, 1994. № 18721.
19	Снедка	1913					Научный архив ТОКМ, карт.779/49.
			1939	Доррер Г.А.	осмотр	–	Григорьев, Колоколов, 2021. С. 141.
			1954	Изюмова С.А.	шурф	4.5	Арх. ИА РАН. Изюмова, 1954. № 1009
			1996	Шеков А.В.	осмотр	–	Шеков, 1997. С. 190
			2005	Воронцов А.М.	шурф	5	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2005. № 33356
			2008	Григорьев А.В.	раскоп	90	Арх. ИА РАН. Григорьев, 2008. № 42486
20	Спицино	2019	2019	Полукеева Т.А.	шурф	1	Арх. ИА РАН. Полукеева, 2019. № 69222
			2020	Простяков И.С.	раскоп	55	Арх. ИА РАН. Простяков, 2020. Б.н.
21	Таптыково	1873					Наумова, 2016. С. 392–393
			1935	Дружинин М.А.	осмотр	–	
			1937				
			1951	Изюмова С.А.			Изюмова, 1953. С. 70
22	Тимофеевка	1884					Горожанский, 1884. С. 13
			1903	Троицкий Н.И.	осмотр	–	Троицкий, 1904. С. 3–6
			1954	Изюмова С.А.			Арх. ИА РАН. Изюмова, 1954. № 1009
			1977	Миронова В.Г.			АКР, Тульская обл.,1999. С. 135–136
			1992	Шеков А.В.			Арх. ИА РАН. Шеков, 1992. № 17447
			1994		раскоп	320	Арх. ИА РАН. Шеков, 1994. № 18910
			1995				Арх. ИА РАН. Шеков, 1995. № 20225
			1996				Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. № 20271
			1998	Григорьев А.В.	раскоп	180	Арх. ИА РАН. Григорьев, 1998. № 21371
			1999				Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999. № 23268
23	Гора Услань	2020	2020	Столяров Е.В.	шурф	7	Арх. ИА РАН. Столяров, 2020. Б.н.
			2021		раскоп	86	Столяров, Колоколов, Простяков, 2022. С. 177–179
			2024			36	Арх. ИА РАН. Столяров, 2024. Б.н.
24	Федяшево	1895	1895	Городцов В.П.	осмотр	–	Городцов, 1898. С. 217–229
			1897		раскоп	300	Городцов, 1900. С. 1–10
			1975	Пронин Г.Н.	осмотр	–	Пронин Г.Н. Паспорт памятника, 1975. Индекс I.50.4.I.2.

25	Фурсово-2	1851					Сахаров, 1851. С. 29
			1897	Городцов В.П.	осмотр	–	Городцов, 1898. № 211
			1975	Пронин Г.Н.			АКР, Тульская обл.,1999. С. 101–102
			1980	Патрик Г.Н.			
			2001	Иванов Н.В.			Арх. ИА РАН. Иванов, 2001. № 25940
			2019	Колоколов А.М.	шурф	9	Колоколов, 2019. С. 181 – 196.
26	Чекалин	1564					Разрядная книга, 1966. С. 211
			1889	Четыркин И.Д.	шурф	3	Четыркин, 1899. С. 18–19
			1949	Никитин А.В.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Никитин, 1949. № 325.
			1979	Миронова В.Г.			Миронова, 1980. С. 64
			1994	Прошкин О.Л.	шурф	4	Арх. ИА РАН. Грудинкин, 1994. № 19010.
			2019	Прошкин О.Л.	раскоп	451	Прошкин, Терещенко, 2023. С. 52–62
27	«Чертово Городище»	1876					Прошкин, 2011. С. 8–17.
			1920	Ильин Р.С.			
			1987	Фролов А.С.	осмотр	–	
			1991	Прошкин О.Л.	шурф	1	
			1992		раскоп	239	
			2000				
			2003				
			2004				
			2006				
			2009				
			2010				
			2012			16	Прошкин, Терещенко, 2021. С. 204–217
28	Щепилово	1951	1951	Изюмова С.А.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Изюмова, 1951. № 609
			1952		раскоп	100	Арх. ИА РАН. Изюмова, 1952. № 761
			1953			200	Арх. ИА РАН. Изюмова, 1953. № 840
			2000	Фомин К.Н.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Фомин, 2000. № 24289
			2002	Воронцов А.М.	раскоп	20	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2002. № 26826
			2004			45	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2004. № 31481
29	Юрцово	1959	1959	Воронков А.Н.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 2002. С. 213.
			1970	Юркевич З.А.			Паспорт от 21.06.1973
			2009	Воронцов А.М.			Арх. ИА РАН. Воронцов, 2009. № 36740
курганные могильники							
30	Воронец	1895				кугр.	Бурцев, 1895. С. 25–26
			1897	Городцов В.П.	раскоп	6	Городцов, 1898. С. 224–226
			1902	Апухтин В.Р.	осмотр	–	Наумова, 2019. С. 210–211.
			1936	Воеводский М.В.	раскоп	3	Воеводский, 1937. С.111–114
			1995	Шеков А.В.	осмотр	–	Арх. ГМЗ КП. Шеков, 1995.

							№ 1998/4.
31	Вороново	1962	1962	Никольская Т.Н.	раскоп	1	Никольская, 1964. С. 75
32	Вортынцево	1959	1959		раскоп	1	Никольская, 1959. С. 52–54
33	Доброе	1898	1898	Булычев Н.И.	раскоп	12	Булычов, 1899. С. 7–12
				Гендуне Ю.Г.		4	Наумова, 2016. С. 158
			1935	Герасимов М.М.		6	Наумова, 2019. С. 293
			1964	Изюмова С.А.		5	Изюмова, 1970. С. 191–201
			1979	Миронова В.Г.	осмотр	–	Миронова, 1980. С. 64.
34	Западное	1898	1898	Гендуне Ю.Г.	раскоп	1	Наумова, 2016. С. 160, 165
			1903			3	
			1935	Герасимов М.М.	осмотр	–	Герасимов и др., 1941а. С. 44
			1957	Изюмова С.А.	раскоп	14	Изюмова, 1964. С. 151–163
			1959				
			1960				
			1979	Миронова В.Г.	осмотр	–	Миронова, 1980. С.64
35	Панское	2008	2008	Бурцев И.Г.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Бурцев, 2008. № 42480.
36	Песковатское	1898					Наумова, 2016. С.160–161
			1920	Городцов В.П.	осмотр	–	Городцов, 1924. С.8
			1921	Афремова Ф.А.	раскоп	3	Наумова, 2016. С. 342.
			1936	Воеводский М.В.	осмотр	–	Герасимов и др., 1941а. С. 41
			1975	Пронин Г.Н.			АКР, Тульская обл., 1999. С. 111–112; Научно–отраслевой архив.., 2023. С. 1977
			1994	Шеков А.В.			Арх. ИА РАН. Шеков, 1994. № 18666
37	Тризново	1879					Борисов, 1879. С. 245–246
			1933	Дружинин М.А.	осмотр	–	Дружинин, 1934. С. 13–15
			1939	Доррер Г.А.			Наумова, 2019. С. 277.
			1957	Изюмова С.А.	раскоп	2	Изюмова, 1961. С. 252–257.
38	Тшлыково	1853					Зеленецкий, 1853, 28 февраля, №9.
			1888	Лаврова М.А.	осмотр	–	Лаврова, 1888. С. 211–214
			1903	Апухтин В.Р.	раскоп	3	Наумова, 2016. С. 175
			1906	Евсеев И.Е.		5	Евсеев,1908. С. 22–23; 1911. С. 64
			1907				
			1925	Ткачевский П.С.		1	Наумова, 2016. С. 236
			1971	Трофимов Н.Г		3	Арх. ИА РАН. Трофимов, 1971. № 4419
			1973				Арх. ИА РАН. Трофимов, 1973. № 10054
			1987				Арх. ИА РАН. Трофимов, 1987. № 11968–11968а
			1975	Пронин Г.Н.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 1999. С. 196; Научно–отраслевой архив.., 2023. С. 1977
			1995	Заидов О.Н.	раскоп	1	Арх. ИА РАН. Заидов, 1995. № 19231.
селища							
39	Андреевка-1	2014					Приказ министра культуры и туризма Тульской области № 45 от 06.03.2014 г. Прил.
40	Андреевка-2						

							№ 5. №№ 90,91
41	Батищево-4	2000	2000	Воронцов А.М.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Воронцов, 2000. № 24216–24217
42	Березово-1	1990	1990	Гриценко В.П.			Арх. ИА РАН. Гриценко, 1990. № 15612
43	Березово-2						
44	Берхино-1	1993	1993	Коваль В.Ю.			АКР, Московская обл., 1997. С. 106.
45	Болтенки	2005					Прошкин и др., 2005. С. 203–218.
46	Болхово-1	1993	1993	Гриценко В.П.	осмотр		Арх. ИА РАН. Гриценко, 1993. № 18477.
47	Бунаково	1973		Трофимов Н.Г.	раскоп	1 горн	Личный архив Н.Г. Трофимова
48	Бутырки	1969	1969	Равдина Т.В.	осмотр	–	Григорьев, 2005б. С. 176; Арх. ИА РАН. Равдина, 1956. № 4056
49	Б.Тризново-3	2017	2017	Столярова К.А.	шурф	1	Арх. ИА РАН. Столярова, 2017. № 57923–57924
50	Б.Тризново-4	2022	2022	Простяков И.С.	шурф	4	Арх. ИА РАН. Простяков, 2022. Б.н.
			2023	Полукеева Т.А.	раскоп	23	Арх. ИА РАН. Полукеева, 2023. Б.н.
51	Воздремо-10	2017	2017	Столярова К.А.	шурф	1	Арх. ИА РАН. Столярова, 2017. № 57923–57924
52	Воротынцево-8	1985	1985	Патрик Г.К.	осмотр	–	АКР, Орловская обл., 1992. С. 62
53	Головеньки-1						АКР. Тульская обл., 1999. С. 205
54	Головеньки-3	2018	2018	Столярова К.А.	шурф	1	Арх. ИА РАН. Столярова, 2018. Б.н.
55	Голощапово-3	2008	2008	Воронцов А.М.	осмотр	–	Приказ № 45 от 06.03.2014 г. № 224.
56	Грабоново-1	2014	2014	Гоняный М.И			Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. № 42031–42033
57	Давыдово	2005					Прошкин и др., 2005. С. 203–218.
58	Денисово-1	1996	1996	Шеков А.В.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. № 20271–20274
59	Денисово-2						
60	Денисово-3						
61	Дубики-1	1979	1979	Миронова В.Г.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 2002. С. 70
			1983	Разуваев Ю.Д	раскоп	200	Разуваев, 1985. С. 79
62	Железное городище-1	1964					АКР, Орловская обл., 1992. С. 76
		1968 – 1970	1968 – 1970	Форолов И.К.	осмотр	–	Фролов, 1969. С. 54; 1971. С. 69
			2014	Столяров Е.В.	раскоп	81	Арх. ИА РАН. Столяров, 2014. № 48637
63	Жемчужниково	1996	1996	Шеков А.В.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. № 20271–20274
64	Ивановка-2	1988	1988	Гриценко В.П.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Гриценко, 1988. № 13096
			2004	Зацаринный С.В.			Арх. ИА РАН. Зацаринный, 2004 г. № 31577

			2006		шурф	20	Арх. ИА РАН. Зацаринный, 2006 г. № 36078–36079
65	Изволь-1	2014	2014	Столяров Е.В.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Столяров, 2014. № 48611–48612
66	Калединовка-4	2017	2017	Гоняный М.И.			Арх. ИА РАН. Гоняный, 2017. № 57608
67	Кализна-1	2005					Прошкин и др., 2005. С. 203–218.
68	Кализна-2						
69	Каменка-1	1962	1962	Грехова Л.В.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Грехова, 1962. № 2548.
			1979	Миронова В.Г.			Арх. ИА РАН. Миронова, 1979. №7494
			1993	Шеков А.В.	шурф	1	Арх. ИА РАН. Шеков, 1993. № 17749
			2005	Екимов Ю.Г.	раскоп	1464	Арх. ИА РАН. Екимов, 2005. № 35740
			2006				Арх. ИА РАН. Екимов, 2006. № 42798; 42799
			2010				Арх. ИА РАН. Екимов, 2010. № 29657; 29658
			2012				Арх. ИА РАН. Екимов, 2012. № 49785; 49786
			2016				Арх. ИА РАН. Екимов, 2016. № 53311; 53312
70	Каменка-2		2012	Екимов Ю.Г.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Екимов, 2012. Б/н.
71	Карташово-1	2014	2014	Столяров Е.В.			Арх. ИА РАН. Столяров, 2014. № 48611–48612
72	Кетри	2000	2000	Фомин К.Н.			Арх. ИА РАН. Фомин, 2000. № 24288–24289
73	Кирилловка-3	1996	1996	Шеков А.В.			Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. № 20271–20274
74	Кондратово	2005					Прошкин и др., 2005. С. 203–218.
75	Крапивна	2019	2019	Богомолов В.В.	шурф	1	Арх. ИА РАН. Богомолов, 2019. № 63866
76	Козье	1963	1963	Пряхин А.Д.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 2002. С. 71–72
			1983	Разуваев Ю.Д.			
77	Лужки-1	1996	1996	Шеков А.В.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. № 20271–20274
78	Лужки-5						
79	Лужное-8						
80	Майский-1	1991	1991	Екимов Ю.Г.	шурф	1	Арх. ИА РАН. Екимов, 1991. № 16550
81	Майский-4				осмотр	–	
82	Майский-5						
83	Маслово	1963	1963	Пряхин А.Д.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 2002. С. 71–72
			1983	Разуваев Ю.Д.			
84	Мощены	2005					Прошкин и др., 2005. С. 203–218.
85	Новоселки-2 (Тульская обл.)	1998	1998	Фомин К.Н.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Фомин, 1998. № 21373
86	Новоселки-1 (Московская обл.)	1974	1974, 1982	Розенфельдт Р.Л.			АКР, Московская обл., 1997 С. 49–50.
87	Новоселки-2 (Московская						

	обл.)						
88	Новоселки-3 (Московская обл.)						
89	Образцово-2	2014	2014	Столярова К.А.			Арх. ИА РАН. Столярова, 2014. № 48641
90	Озерки-1	1996	1996	Шеков А.В.			Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. № 20271–20274
91	Панское-1	2008	2008	Бурцев И.Г.			Арх. ИА РАН. Бурцев, 2008. № 42480.
92	Песковатое-1	2005					Прошкин и др., 2005. С. 203–218.
93	Песковатое-4						
94	Победа-2	1901	Покровский Н.П.				Покровский, 1901. С.21–29
			1926	Дружинин М.А.	осмотр	–	Дружинин, 1927. С.48–49
			1938	Доррер Г.А.			Наумова, 2016. С. 351
			1977	Миронова В.Г.			АКР, Тульская обл., 2002. С. 131–132;
			1993	Гриценко В.П.			Арх. ИА РАН. Гриценко, 1993. № 18477.
			1999	Шебанин Г.А.			Арх. ИА РАН. Шебанин, 1999. № 23485.
95	Причаль-1	1989	1989	Клянин Р.В.			Арх. ИА РАН. Клянин, 1989. №14430
			2014	Гоняный М.И.			Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. № 42031–42033
96	Причаль-2		1989	Клянин Р.В.			Арх. ИА РАН. Клянин, 1989. № 14430
			2014	Гоняный М.И.			Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. № 42031–42033
97	Пушкарские выселки-1	2013	2013	Столяров Е.В.			Арх. ИА РАН. Столяров, 2013. № 41413
98	Пятницкое-1						
99	Ратькино-2	1974	1974	Розенфельдт Р.Л.			АКР, Московская обл., 1997. С. 53.
100	Сатинка-1	2009	2009	Столяров Е.В.			Арх. ИА РАН. Столяров, 2009. № 37918
101	Свиридовский-2	1987	1987	Клянин Р.В.			Арх. ИА РАН. Клянин, 1987. № 12104
			1991		раскоп	60	Арх. ИА РАН. Клянин, 1991. №16843.
102	Сестринский	2005					Прошкин и др., 2005. С. 203–218.
103	Слободка-1	1993	1993	Гриценко В.П.	осмотр		Арх. ИА РАН. Гриценко, 1993. № 18477.
			1999	Шебанин Г.А.	раскоп	250	Арх. ИА РАН. Шебанин, 1999. № 23485.
			2000				Арх. ИА РАН. Шебанин, 2000. № 23132.
			2001				Арх. ИА РАН. Шебанин, 2001. № 23275.
104	Слободка-2	1989	1989	Клянин Р.В.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Клянин, 1989. № 14430
			1993	Гриценко В.П.			Арх. ИА РАН. Гриценко, 1993. № 18477
			2000	Шебанин Г.А.	раскоп	21	АКР, Тульская обл., 2002. С.

							132–133
105	Сотино-1	2014	2014	Столяров Е.В.	шурф	2	Арх. ИА РАН. Столяров, 2014. № 48611–48612
106	Тимофеевка-1	1990	1990	Гриценко В.П.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Гриценко, 1990. № 15612
107	Тимофеевка-2						
108	Тимофеевка-3						
	Торхово-3	1993	1993	Гриценко В.П.	раскоп	660	Арх. ИА РАН. Гриценко, 1993. № 18477
			1997	Григорьев А.В.			Арх. ИА РАН. Григорьев, 1997. № 23152
			1998				Арх. ИА РАН. Григорьев, 1998. № 21371
			1999				Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999. № 23268
109	Тшлыково-1	1908	Евсеев И.Е.				Евсеев, 1908. С. 30–31
			1971	Трофимов Н.Г.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Трофимов, 1971. № 4419
			1975	Пронин Г.Н.			АКР, Тульская обл., 1999. С. 195.
			1993	Заидов О.Н.			Арх. ИА РАН. Заидов, 1993. № 18514
110	Тшлыково-3	1993					
111	Устье-2	1983	1983	Фоломеев Б.А.			АКР, Тульская обл., 2002. С. 134.
			2014	Гоняный М.И.	м/д сборы	–	Гоняный, 2017. С. 165–170; 2020. С. 62–101.
			2015			–	
			2014		раскоп	251	
			2015				
			2017				
112	Устье Гастунки	2005					Прошкин и др., 2005. С. 203–218.
113	Устье Усты						
114	Уткино-1	1969	1969	Равдина Т.В.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 2002. С. 134; Научно–отраслевой архив.., 2017. С. 158.
			1983	Патрик Г.Н.	осмотр	–	Патрик, 1985. С. 74–75
			1989	Смирнова М.Е.	раскоп	686	Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. № 13613
115	Уткино-3	2005					Прошкин и др., 2005. С. 203–218.
116	Уткино-4	1969	1969	Равдина Т.В.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 2002. С. 134.
			1982	Патрик Г.Н.			
117	Хотетово-2	1996	1996	Шеков А.В.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. № 20271–20274
118	Хотетово-5						
119	Хотетово-7						
120	Чифировка	1969	1969	Равдина Т.В.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 2002. С. 135.
			1983	Патрик Г.Н.			
121	Шатск-17	2009	2009	Колоколов А.М.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Колоколов, 2009. № 37848
122	Шатск-18						
123	Шилово	1963	1963	Пряхин А.Д.	осмотр	–	АКР, Тульская обл., 2002. С. 76.
			1983	Разуваев Ю.Д.			
124	Щучье-1	1989	1989	Клянин Р.В.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Клянин, 1989. № 14430
			2014	Гоняный М.И	шурфа	5	Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. № 42031–42033
			2015	Володин Е.О.	раскоп	72	Арх. ИА РАН. Володин,

							2015. № 49109
			2016			118	Арх. ИА РАН. Володин, 2016. № 53092
125	Яковлево-1	2004	2004	Фомин К.Н.	осмотр	–	Арх. ИА РАН. Фомин, 2004. № 33517
			2013	Столяров Е.В.	шурф	1	Арх. ИА РАН. Столяров, 2013. № 41413
126	Ярцево-5	2017	2017	Наумова Т.В.	шурф	6	Арх. ИА РАН. Наумова, 2017. № 56711–56714

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Каталог памятников VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона[1]

1. **Акиньшино, городище (Тульская область, МО г. Тула)**

Расположено на высоком коренном мысу образованном слиянием правого отвершка с безымянным оврагом – левым притоком р. Свободь (правый приток Оки), в 4.3 км. от берега Оки по прямой, в 8.5 км по руслу р. Свободь до впадения в Оку. Материалы середина – 2-я половина X в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Воронцов, 2009. № 36737; Арх. ИА РАН. Воронцов, 2010. №33216

2. **Андреевка-1, селище (Тульская область, Веневский район)**

Располагается на мысу образованном берегами оврагов – притоков р. Осётр и левым берегом реки в 300 м к юго-западу от деревни Андреевка. Площадка селища частично задернована, частично распахивается. Высота поселения над урезом воды реки – 10–19 м. Площадка селища с севера и юга ограничена оврагами – левыми притоками р. Осётр. Материалы – IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Приказ министра культуры и туризма Тульской области № 45 от 06.03.2014 г. Прил. № 5. № 90

3. **Андреевка-2, селище (Тульская область, Веневский район)**

Располагается на мысу образованном правым берегом небольшого оврага – притока р. Осётр и левым берегом надпойменной террасы р. Осётр 400 м к северо-востоку от деревни, к югу (через овраг) от селища Андреевка 1. Площадка селища частично задернована, частично распахивается. Высота поселения над урезом воды реки – 7–15 м. Материалы – IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

[1]Нумерация памятников соответсвует рис. 4.

Приказ министра культуры и туризма Тульской области № 45 от 06.03.2014 г. Прил. № 5. № 91

4. **Батищево-4, селище (Тульская область, МО г. Тула)**

Расположено в излучине прав, берега р. Песочня (лев. приток р. Упа). Обследовано А. М. Воронцовым в 2000 г. Размеры 270 х 150 м, частично распахано. Подъемный материал представлен грубой лепной керамикой роменского типа и позднесредневековой (всего 25 фр-тов). Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Воронцов, 2000. №№ 24216, 24217

5. **Березово-1, селище (Тульская область, Дубенский район)**

Расположено в 0,8 км к СВ от вост. окраины д., к С от городища, непосредственно за валом. Занимает лев. берег ручья Ямный Проток (лев. приток р. Волкона, прав, притока р. Упа). Высота над уровнем реки – 8–13 м, площадь – до 3 га (300 х ЮО м).. В подъемном материале 4 фр-та «лепной с примесью песка» керамики и 71 фр-т древнерусской. Из 4-х шурфов лишь в одном 5 фр-тов «лепной» керамики, в т. ч. 1 фр-т «с линейным орнаментом» Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 120.

6. **Березово-2, селище (Тульская область, Дубенский район)**

Расположено в 0,7 км к СВ от вост. окраины д., в 0,1 км к 3 от городища. Занимает склон лев. берега р. Волхона (прав, приток р. Упа). Высота над поймой 4–6 м, площадь ок. 1,5 га (150 х Ю0 м). Материал – IX–X вв, а так же XII–XIV вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 120.

7. **Берхино-1, селище (Московская область, Луховицкий район)**

Расположено в 1,3 км к югу от деревни, на краевой части первой надпойменной террасы лев. берега р. Осетр (прав, приток р. Ока), 0,14 км от русла. Размеры

ок. 65х35 м, высота над рекой 7–10 м. Культ, слой – темно-серая супесь мощностью 0,15-0,20 м. Керамика лепная, конца I тыс. н. э. гончарная древнерусская и позднесредневековая.

АКР, Московская обл. Часть 4. С. 106.

8. Болтенки (Тульская область, Белевский район)

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на левом берегу Оки, в районе д. Болтенки. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

9. Болхово-1, селище (Тульская область, Киреевский район)

Расположено на ЮЗ окраине г., на обоих берегах р. Вьевка (лев. приток р. Шат, прав, притока р. Упа), к З от ж. д. Размеры правобережной части ок. 585х230 м, левобережной – ок. 680 х 220 м, высота над рекой 7–20 м. Материал – IX–X вв., XII–XIV вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 128.

10. Бунаково, селище (Тульская область, Чернский район).

Расположено на пологом склоне правого берега реки Устайки (прав. приток р. Чернь) в 180 м. к северо-западу от д. Бунаково. В 1973 г. Чернским краеведом Н.Г. Трофимовым на памятнике был раскопан грунтовый железноделательный сыродутный горн IX–X вв. с тремя продухами и проведен сбор подъемного материала. Коллекция утрачена.

Трофимов Н.Г. Доклад на областной краеведческой конференции в г. Тула 13–14 июня 1984 г.

11. Бутырки, селище (Тульская область, Кирееский район)

Расположено на прав, берегу р. Упа, к С от д., по склону вдоль реки. В центральной части прорезано ручьем, впадающим в Упу. Площадь

распространения подъемного материала 2,2–3 га (150–200 х 150 м). Материал: незначительное количество позднесредневековой керамики, 21 фр-т лепной тонкостенной керамики (вероятно, мощинской), 60 фр-тов «грубых лепных толстостенных с примесью шамота» сосудов. Кроме того, на поселении найдены: бронзовая трапециевидная подвескас пуансонным орнаментом и синяя двучастная стеклянная бусина, датированная Ю. Л. Щаповой V–VIII вв. Коллекция в ГИМ.

Арх. ИА РАН. Равдина, 1956. № 4056

12. Воздремо-10, селище (Тульская область, Щекинский район)

Селище 10 у д. Воздремо расположено на мысовом участке правого берега р. Воздремок (правого притока р. Солова, правого притока р. Упа, правого притока р. Ока, правого притока р. Волга), в 5 км к северу от д., на территории Тульских засек. Размеры: с севера на юг – 175 м, с запада на восток – 120 м. Высота над уровнем воды в реке – 9–19 м. Материал – II в. до н.э. – I в., IV–V вв., IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столярова, 2017. № 57923–57924

13. Воронец, курганный могильник (Тульская область, Белевский район)

Расположен 0,3 км к юго-востоку от бывшей деревни Воронец, на правом берегу р. Ока. На момент последнего осмотра в 1995 году зафиксированы следы 3-х курганов. Материал – IX–X вв. Коллекция в утрачена.

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 106.

14. Вороново, городище и селища (Калужская область, Перемышльский район)

Городище расположено в 0,2 км к северу от деревни, на правом берегу р. Оки. С напольной стороны сохранились вал и ров, размер площадки – 0.25 га. Культурный слой содержит материалы эпохи РЖВ и IX–X вв. Селище 1 примыкает к городищу с запада. В подъемном материале содержится керамика

1-й половины I тысячелетия н. э. и IX–XI вв. Селище 2 расположено в 0,05 км к северо-востоку от городища. В подъемном материале содержится керамика IX–XI вв. и позднего средневековья

Никольская, 1964. С. 75; Арх. ИА РАН. Грудинкин, 1988.

15. Вороново, курганный могильник. (Калужская область, Перемышльский район)

Могильник расположен в 0,1 км к северо-западу от городища, насчитывает из 13 насыпей. В результате раскопок одного из курганов обнаружены остатки кремационного захоронения и фрагменты лепных сосудов роменского типа.

Никольская, 1958. С. 7–8.

16. Воротынцево, городище (Орловская область, Новосильский район)

Расположено на мысу правого коренного берега р. Зуша при впадении в ее долину глубокого оврага, в 0,6 км. к западу от села. Имеет две площадки – мысовую и напольную, которые разделены линией укреплений. Мысовая площадка имеет размеры 68х60 м., высота над рекой 30–35 м. С напольной северо-западной стороны − вал высотой до 3 м. и ров глубиной до 3 м. Слабо прослеживаются следы второго вала, отделяющего мысовую площадку от напольной. Последняя трапециевидная в плане, размеры 165х95 м., высота над рекой 34–41 м. С напольной северо-западной стороны – вал высотой до 2 м. и ров глубиной до 1–1,5 м. Система валов была первоначально сооружена в раннем железном веке и перестроена в древнерусское время. На площадке городища найдена лепная грубая керамика относящаяся к древностям Роменской культуры и ряд находок. Они датируются в пределах X–XI вв. Коллекция в ОКМ.

Никольская. 1959. С. 87–89; Никольская, 1981. С. 22–23.

17. Воротынцево-8, селище (Орловская область, Новосильский район)

Расположено напротив северной окраины села. На коренном берегу р. Зуша, в 1 км к северо-востоку от городища. Размеры 240х100, высота над рекой 50–55 м.

Культурный слой имеет мощность до 0.4 м. Керамика лепная мощинской культуры, X–XI вв., гончарная древнерусская. Коллекция в ОКМ.

АКР, Орловская обл. С. 62.

18. Вортынцево, курган (Орловская область, Новосильский район)

Расположенного на правом берегу р. Зуши, в 1 км от Воротынцевского городища. Под насыпью кургана была расположена обугленная погребальная камера, вмещавшая 4 груболепных сосуда роменского типа, два из которых содержали остатки трупосожжения. Коллекция в ОКМ.

Никольская, 1981. С. 31

19. Вырск, городище (Калужская область, Козельский район).

Расположено на левом берегу р. Средняя Вырка в 6.5 км (по руслу) от ее впадения в р. Ока, на останцовом мысу, имеющем вытянутую форму, и ориентровку северо-запад – юго-восток. Высота от уровня русла р. Средняя Вырка – 30 м. Поверхность ровная, с незначительным понижением в сторону реки. Городище состоит из 2-х площадок. Внешняя (малая) площадка имеет размеры 40х70 м, отделена от напольной части системой укреплений, состоящей из 2-х валов и рва, от внутренней площадки – валом и рвом. Внешний вал расположенный с напольной стороны внешней площадки имеет высоту ок. 2 м, ширину подножья – ок. 8 м. Внутренний вал расположенный с напольной стороны внешней площадки имеет высоту ок. 3 м, ширину подножья – ок. 10 м. Вал расположенный в мысовой части внешней площадки имеет высоту ок. 3 м, ширину подножья – ок. 15 м. Через внешнюю площадку проходит старая грунтовая дорога. Внутренняя (большая) площадка имеет размеры 280х80 м., отделена от внешней площадки расплывшимся валом (высотой ок. 1 м, шириной у подножья – ок. 15 м.) и рвом. Поверхность обеих площадок задернована, и частично покрыта смешанным лесом. Материал – 2-я половина X в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Наумова, 2021. Б.н.

20. Головеньки-1, селище (Тульская область, Щекинский район).

Расположено на северной окраине деревни, на мысу левого берега ручья, впадающего слева в р. Головенка, правый приток р. Солова (левый приток р. Упа, правый притока р. Ока). Размер около 90х90 м, высота над ручьем 7–18 м. Керамика гончарная XVI–XVI вв. и более позднего времени. В 2017 году в фонды ГМЗ «Куликово поле» был передан клад бочковидных весовых гирек IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл, Часть 1. С. 205; Колоколов, 2022. С. 211, рис. 12, 4–7

21. Головеньки-3, селище (Тульская область, Щекинский район)

Памятник расположен в 1350 м к СЗ от д. Головеньки, на левом берегу безымянного оврага, левого притока р. Воздремок. Высота относительно тальвега оврага составляет 19–32 м. Границы селища определены по распространению подъемного материала. Всего на поверхности памятника было обнаружено 11 неорнаментированных стенок груболепных сосудов типа роменского типа и 14 неорнаментированных стенок круговых позднесредневековых сосудов. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столярова, 2018. С. 70–73

22. Голощапово-3, селище (Тульская область, Щекинский район)

Памятник расположен на правом берегу истока реки Крупец, левого притока реку Плавы (бассейн реки Упы), в 0,6 км к западу-юго-западу от деревни Голощапово. Поселение расположено на высоте 8–17 м над ложем оврага. в северо-восточной части памятника обнаружена лепная керамика роменского облика (12 фрагментов). Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Приказ министра культуры и туризма Тульской области № 45 от 06.03.2014 г. № 224.

23. Гора Услань, городище и мемориальный комплекс (Тульская область, МО г. Тула)

Расположено на территории Тульских засек, в 1,4 км к северо-северо-востоку от д. Гора Услань и в 1,5 км к северо-востоку от с. Ломинцево, на левом берегу р. Упа, на мысу, образованном двумя оврагами. Высота площадки городища над уровнем воды в р. Упа составляет около 8–24 м. Размеры площадки городища: с северо-запада на юго-восток около 100 м, с северо-востока на юго-запад около 50 м. Городище с напольной стороны защищено двумя валами и рвом. Высота внутреннего вала около 0,5 м, внешнего около 1,2 м. Глубина рва около 0,5 м. В 2021 году на городище были заложены 3 раскопа общей площадью 86 кв.м. Городище представляет собой многослойное поселение, жизнь на котором началась еще в самом начале раннего железного века (VIII в. до н.э.) и продолжалась до V–IV вв. до н.э. На площадке изучено поселение IX–X вв., а так же поминальный комплекс VIII в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Колоколов, 2023. С. 173–188; 2023а. С. 252–267.

24. Грабоново-1, селище (Тульская область, Веневский район)

Расположено на верхушке суходольной балки (*«логъ суходольской»*), выходящей в долину левого берега р. Осетр – правом притоке р. Ока, в 1100 м. на запад от д. Грабоново. Материал – IV–V вв., IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Гоняный, 2014. № 42031–42033

25. Давыдово, селище (Тульская область, Белевский район).

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на левом берегу Оки, в районе д. Болтенки. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

26. Денисово-1, селище (Тульская область, Одоевский район)

Расположено на прав, берегу р. Ватца (прав, приток р. Упа), на 3 склоне оврага в 1 км к ЮЗ от д. Высота площадки 11–13 м, площадь распространения подъемного материала ок. 2,4 га (110 х 220 м). Материал – 15 фрагментов раннекруговых сосудов, фрагмты керамики XII–XIV вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 151–152.

27. Денисово-2, селище (Тульская область, Одоевский район)

Расположено на прав, берегу р. Ватца (прав, приток р. Упа), на 3 склоне оврага в 1 км к З от д., к С от поселения 1. Обследовано А. В. Шековым в 1996 г. Высота площадки 9–18 м, площадь ок. 1,3 га (60–70 х 100 м). Материал – фрагменты раннекруговой и круговой древнерусской керамики. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 151–152.

28. Денисово-3, селище (Тульская область, Одоевский район)

Вероятно, представляет собой один памятник с селищами 1 и 2. С него происходят 2 стенки лепных сосудов и 1 стенка раннекругового сосуда с линейным орнаментом. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 151–152.

29. Доброе, курганный могильник (Тульская область, Суворовский район)

Расположен в 0,5 км к северу от северо-восточной окраины села Доброе, на правом берегу р. Ока, в 1 км. от русла реки, на пахотном поле у опушки леса. На сегодняшний день сохранилась одна, сильно поврежденная насыпь, высотой 2 м, диаметром 15–16 м. На территории могильника было вскрыто 27 курганов, в подавляющем большинстве которых были обнаружены захоронения, совершенные по обряду кремации. В ряде случаев остатки кремации помещались в погребальный груболепной сосуд. Выделяются 2 категории кремаций: совершенные на месте и на стороне. Часть кремаций совершенных

на стороне были помещены в погребальные камеры, прочие осуществлены без сооружения внутрикурганных погребальных конструкций. Груболепные сосуды, в которые были помещены остатки кремаций, характерны для роменской археологической культуры. Так же в кремационных погребениях были обнаружены фрагменты лепных сосудов роменского типа, стеклянные трехчастные и бирюзовые бусы, сдвоенная желтая бусина, а так же фрагменты раннегончарных сосудов. Описанный выше обряд погребения, в совокупности с погребальным инвентарем позволяет отнести кремационные захоронения могильника к древностям роменской археологической культуры в IX–X вв. Коллекция в ГИМ.

Изюмова, 1970. С. 191–201; Миронова, 1980. С. 64.

30. Дубики, городище (Тульская область, Ефремовский район)

Расположено у д. Дубики Ефремовского района Тульской области, занимает мыс левого берега р. Красивая Меча (правый приток Дона), возвышающийся над урезом воды на 40–45 м. Укрепления, расположенные в напольной части городища, представляют собой два вала и ров между ними. На площадке городища и в насыпи внутреннего вала обнаружены фрагменты груболепных сосудов IX–X вв., а так же арабский дирхем отчеканенный в 914–915 гг. Так же обнаружены фрагменты раннегончарных древнерусских сосудов, характерных для X – 1-й половины XI в. Коллекция в Ефремовском художественно-краеведческом музее.

Разуваев, 1987. С. 121–128.

31. Дубики-1, селище (Тульская область, Ефремовский район)

Расположено 0,3 км к ЮВ от д., мыс лев. коренного берега р. Красивая Меча (прав. приток р. Дон) при устье оврага, к С от городища. Размер ок. 60х50 м, высота над рекой 45–50 м. Материал – IX–X вв., XII–XIII вв**.** Коллекция в Ефремовском художественно-краеведческом музее.

Разуваев, 1985. С. 79.

32. Дуна, городище (Тульская область, Суворовский район)

Расположено в 1,2 км к северо-востоку от окраины города Чекалин, на мысу лев. берега р. Ока при устье безымянного ручья. Площадка подтреугольной формы. К началу XXI в. сохранилась ее северо-западная часть размером ок. 60х10 м с остатками вала высотой до 2 м. На сегодняшний день городище полностью утрачено. Культурный слой достигал мощности 1 м. Материал – 3-я четверть 1-го тыс. н.э., IX–X, XI–XIII вв. Среди находок – аббасидский дирхем 758–759 гг., перстень салтовского типа. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле», ГИМ, Эрмитаж.

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 186–187.

33. Жабынь, городище (Тульская область, Белевский район)

С востока площадка городища отделена от северной части селища 4 у д. Жабынь остатками монастырской ограды, описанной выше. С юга от угла ограды на склоне оврага обнаружены следы промоины, по всей видимости, остатки рва. Площадка городища овальной формы имеет площадь около 1750 кв.м. (50х35 м). Материал – Ново-Клейменово, мощинский, роменский, позднее средневековье. На сегодняшний день памятник полностью утрачен. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Заидов, 2008. № 42859

34. Жемчужниково, селище (Тульская область, Одоевский район)

Поселение расположено на огородах, к СЗ от с, на лев. берегу р. Упа. Обследовано А. В. Шековым в 1996 г. Высота над уровнем поймы 16–25 м, площадь распространения подъемного материала ок. 3,25 га (130 х 250 м). Материал X–XI вв., XIV–XVI вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 153.

35. Западное, курганный могильник (Тульская область, Суворовский район)

Расположен в 1 км к юго-западу от деревни Западное, на каменистом плато правого берега р. Черепеть (правый приток р. Ока), в 0,5 км от русла. В середине XX в. могильник насчитывал 22 кургана. На территории могильника, в ходе многолетних раскопок, было вскрыто 18 курганов, в подавляющем большинстве которых были обнаружены захоронения, совершенные по обряду кремации. В ряде случаев остатки кремации помещались в погребальный груболепной сосуд. Выделяются захоронения совершенные в деревянных погребальных камерах, и осуществленные без сооружения внутрикурганных погребальных конструкций. Груболепные сосуды, в которые были помещены остатки кремаций, характерны для роменской археологической культуры. Кроме того, в погребениях обнаружены железные ножи, обрывок кольчуги, поясные пряжки подпрямоугольной и округлой формы, детали застежек, бронзовое височное кольцо, однопрорезной бубенчик, стеклянные и сердоликовые бусы. Описанный выше обряд погребения, в совокупности с погребальным инвентарем позволяет отнести кремационные захоронения могильника к древностям роменской археологической культуры в X–XI вв. Коллекция в ГИМ.

Изюмова, 1964. С. 151–163; Миронова, 1980. С.64

36. Ивановка-2, селище (Тульская область, МО г. Тула)

Расположено в устье р. Холкельцы, на её левом берегу, в 0,7 км от места впадения в р. Тулицу. Памятник расположен на низкой надпойменной террасе в основании высокого и достаточно крутого левого коренного берега реки. Площадка поселения плавно понижается в западном и южном направлениях. Её высота над урезом воды в реке составляет 4,4–9,7 м. Поселение имеет форму неправильного овала, вытянутого длинной осью вдоль реки по линии север-юг. Уточненные размеры памятника – 290 х 170 Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Арх. ИА РАН. Зацаринный, 2006 г. №36078–36079

37. Изволь-1, селище (Тульская область, Алексинский район)

Расположено на правом берегу речки Растовка (правый приток р. Упа, правого притока р. Ока) в 0,8 км к юго-востоку от восточной окраины д. Изволь. Высота над уровнем воды в реке Упа – 8–15 м. Размеры: с северо-востока на юго-запад 350 м, с северо-запада на юго-восток – 180 м. Материал – IX–XI, XII–XIII вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столяров, 2014. № 48611–48612

38. Калединовка-4, селище (Тульская область, Заокский район)

Селище расположено на мысу, образованном правым берегом р. Нериска и правым берегом безымянного оврага – правого притока реки, в 1 км к западу от западной окраины д. Калединовка Заокского района Тульской области. Селище вытянуто вдоль берега оврага на 140 м, ширина 30–60 м., высота над урезом воды р. Нериска – 8–19 м. Подъёмный материал, представленн фрагментами лепных сосудов X–XI вв., и фрагментами круговой керамической посуды, конца XI – середины XII в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Гоняный, 2017. С. 57–58.

39. Кализна-1, селище (Тульская область, Белевский район)

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на левом берегу Оки, в районе д. Кализна. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

40. Кализна-2, селище (Тульская область, Белевский район)

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на левом берегу Оки, в районе д. Кализна. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

41. Каменка-1, селище (Тульская область, Белевский район)

Расположено на левом берегу левого притока Оки р.Вырка (Фатьяновская), в 2,0–2,5 км к юго-западу от южной окраины г.Белёв Белёвского района Тульской области, между с.Каменка и д.Фатьяново. В 3,0 км ниже поселения р.Вырка впадает в р.Оку. Памятник занимает юго-западную оконечность обширного мыса (300 х 230–70 м) подтреугольной формы первой надпойменной террасы, плавно переходящей в коренной берег. На памятнике были проведены раскопки на площади 1464 кв. м. На памятнике, помимо древностей бронзового века, выявлены материалы VII–VIII вв. типа сахновки-волынцево, и древности роменского типа IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Екимов, Колоколов, 2023. С. 208–235.

42. Каменка-2, селище (Тульская область, Белевский район)

Расположено напротив с. Каменка, на достаточно ровном участке р. Вырки, между двумя её изгибами. Поселение занимает прибровочную часть коренного правого берега реки, плавно, без видимых границ, переходящего в первую надпойменную террасу. Длинной осью поселение вытянуто в направлении СВ – ЮЗ. С северо-запада его ограничивает склон берега реки, с юго-запада – «Дёмкин овраг». Размер поселения – 855 х 180–120 м. Высота от уреза воды в реке – 10,5 – 34,0 м. Материалы – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Арх. ИА РАН. Екимов, 2012. Б/н.

43. Карташово-1, селище (Тульская область, Алексинский район)

Расположено на левом берегу реки Вашана (правый приток реки Ока), в 1,5 км к северу от окраины д. Карташево. Подъемный материал представлен фрагментами лепных сосудов роменского типа. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столяров, 2014. № 48611–48612

44. Кетри, городище (Тульская область, МО г. Тула)

Расположено на левом, высоком берегу, р. Упка правого притока р. Упа, на мысу образованным долиной реки и двумя небольшими оврагами, в 0,5 км к

северо-западу от урочища Кетри, в 0,6 км к востоку-юго-востоку от юго-восточной окраины с. Скороварово. Высота площадки городища – 8 м. от уровня русла р. Упка. Городище имеет подовальную форму, вытянуто вдоль берега реки, по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Площадка имеет размер внутри вала – 105х90 м. Площадка окружена валом в форме незамкнутого кольца. Высота вала, по состоянию на сегодняшний день – от 3 до 4 м, ширина у подошвы – 12 м. Со стороны оврагов заросших лесом, высота валов составляет 0,5 – 1,0 м. В напольной части у подножья вала читается заплывший ров, в северной и южной части плавно переходящий в овраги. Ширина рва – около 10 м, современная глубина не превышает 1 м. Материалы – конец X – начало XI вв., 2-я половина XI – 1-я половина XII вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Колоколов и др., 2021. С. 172–204

45. Кирилловка-3, селище (Тульская область, Одоевский район)

Поселение расположено на мысе, в 0,6 км к Ю от д., в 0,5 км к С от р. Сырая Ватца (прав, приток р. Упа). Обследовано А. В. Шековым в 1996 г. Высота мыса 6–20 м, площадь ок. 2,5 га (70 х 360 м). Материал: 1 фрагмент венчика раннекругового сосуда, 15 фрагментов стенок раннекруговых и круговых сосудов. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 154.

46. Козье, селище (Тульская область, Ефремовский район)

Расположено в 0,2 км к В от д., надпойменная терраса лев. берега р. Красивая Меча (прав. приток р. Дон), у резкого изгиба русла. Разм. ок. 140х50 м, выс. над рекой 10–11 м. Материал – IX–X вв. Коллекция в Ефремовском художественно-краеведческом музее.

АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 71–72.

47. Кондратово, селище (Тульская область, Белевский район)

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на левом берегу Оки, в районе д. Кондратово. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

48. Крапивна, селище (Тульская область, Щекинский район)

В 2019 году на территории села Крапивна осуществлялись археологические разведки с целью определения границы распространения культурного слоя, связанного с историческим ядром города Крапивна, известного по письменным и картографическим архивным материалам. На участке левого берега оврага левого притока р. Плава в шурфе 23 и его окрестностях были найдено 12 фрагментов керамики, относящейся к роменской культуре, границы распространения которой определены не были. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Богомолов, 2019. № 63866

49. Лобынское, городище (Тульская область, МО г. Тула)

Памятник расположен на левом берегу Лобынского оврага (левый притока р. Упа, правый приток р. Ока) в 0,5 км к юго-востоку от деревни Лобынское, на мысу образованном оврагам и карстовыми провалами. Площадка городища подпрямоугольной формы, размером 60х40 м., высота над тальвегом оврага 12–16 м. С напольной стороны городища расположены три ряда валов и рвов. Высота валов от 1 до 2,5 м., глубина рвов от 1 до 2 м. Материалы – РЖВ, 2-я половина X в., XII–XIII вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Иванов, 2003. № 32767; Колоколов, 2024а.

50. Лужки-1, селище (Тульская область, Одоевский район)

Расположено на прав, берегу ручья, прав. притока р. Сырая Ватца (прав, приток р. Упа). Подъемный материал с памятника представлен венчиками лепных сосудов роменского типа, один из которых орнаментирован веревочным

штампом по краю, стенками лепных сосудов и стенками раннекруговых сосудов с линейным орнаментом. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР, Тульская обл. Часть 1. С. 158.

51. Лужки-5, селище (Тульская область, Одоевский район)

Расположено на правом берегу ручья, впадающего справа в р. Сырая Ватца (правый приток р. Ватца, правый приток р. Упа) между двумя оврагами. С селища происходит донце раннекругового сосуда, стенки раннекруговых сосудов с линейным орнаментом, стенка лепного сосуда орнаментированная веревочным штампом, неорнаментированные стенки лепных сосудов, венчик лепного сосуда орнаментированный веревочным штампом. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР, Тульская обл. Часть 1. С. 159.

52. Лужное-8, селище (Тульская область, Дубенский район).

Расположено на мысе, образованном ручьем и р. Колодня (прав, приток р. Упа), в 0,1 км к В от вост. окраины д. Обследовано А. В. Шековым в 1996 г. Высота мыса 14–20 м, площадь ок. 2,6 га (120 х 220 м). Подъемный материал представлен 2 фр-тами венчиков раннекруговых сосудов и 31 фр-том стенок лепных и раннекруговых сосудов. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 131.

53. Майский-1, селище (Тульская область, Щекинский район)

Расположено на ЮВ окраине пос, к Ю от пруда, на лев. Берегу р. Троена (прав, приток р. Солова, лев. притока р. Упа). Высота над ручьем 15–37 м, площадь ок. 9 га (630 х 80–210 м). Культурный слой до 0,65 м. Материал – мощинская, роменская, XII–XIV вв., позднесредневековая. Коллекция в ТОКМ.

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 222.

54. Майский-4, селище (Тульская область, Щекинский район)

Расположено в 0,35 км к Ю от СЗ части пос, на прав, берегу ручья – лев. притока р. Троена (прав, приток р. Солова, лев. притока р. Упа). Обследовано Ю. Г. Екимовым в 1991 г. Высота над ручьем 15–26 м, площадь ок. 8 га (380 х 210 м). Материал – эпоха бронзы, роменская, XII–XIV вв. Коллекция в ТОКМ.

АКР, Тульская обл. Часть 1. С. 221.

55. Майский-5, селище (Тульская область, Щекинский район)

Расположено в 0,1 км к С от ЮВ части пос, на мысе прав, берега ручья, лев. притока р. Троена (прав, приток р. Солова, лев. притока р. Упа), к В от городища р. ж. в. Высота над ручьем 35– 40 м, площадь ок. 0,7 га (120 х 60 м). Культурный слой до 0,40 м. Подъемный материал и материал из шурфа представлен всего 4-мя фр-тами древнерусской керамики и несколькими мелкими фрагментами лепной, которую «возможно... следует относить к боршевскому времени». Коллекция в ТОКМ.

АКР, Тульская обл. Часть 1. С. 222.

56. Маслово, селище (Тульская область, Ефремовский район)

Расположено в 0,4 км к ЮЗ от с., к З от ц., мыс высокой надпойменной террасы лев. берега р. Красивая Меча (прав. приток р. Дон). Разм. не менее 50х20 м, выс. над рекой ок. 20 м. Культ. слой толщиной до 0,15 м. Керамика лепная, роменско-боршевского типа. Коллекция в в Ефремовском художественно-краеведческом музее.

АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 74

57. Мишнево, городище. (Тульская область, Суворовский район)

Находится 1,5 км к востоку от северной окраины села, на мысу высокой надпойменной террасы лев. берега р. Упа (прав. приток р. Ока). Материалы раннего железного века, мощинской культуры. В 1892 г. на городище местными крестьянами найден клад куфических монет 742–869 г. На сегодняшний день городище полностью уничтожено карьером. Коллекция в ГИМ.

АКР, Тульская обл. Часть 1. С. 183–184; Марков, 1910. С.12.

58. Мосолово, городище (Тульская область, Алексинский район).

Расположено на мысу левого берега р. Выпрейка, в 9 км (по руслу) от впадения в Оку, в 3.7 км от берега Оки по прямой, в 9 км. по руслу р. Выпрейка до впадения в Оку. Городище имеет подтреугольную форму размерами 85х50 м и защищено с напольной стороны серповидным валом высотой до 2,5 м. Материал – РЖВ, мощино, роменцы. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Грищук, 2017. №57558

59. Мощены, селище (Тульская область, Белевский район)

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на правом берегу Оки, в районе д. Мощены. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

60. Нижняя Городня, городище (Тульская область, Заокский район)

Расположено на правом берегу руч. Городенка, правого притока р. Скнига, правого притока р. Оки. Расстояние до берега р. Оки по прямой составляет 10 км., расстояние по руслам руч. Городенки и р. Скниги до впадения в Оку – 30 км, расстояние по руслу руч. Городенки до впадения в Скнигу – 1.5 км. Материалы – IX–X вв. Коллекция утрачена.

Арх. ИА РАН. Клянин, 1998. №21968

61. Никулино, городище (Тульская область, Алексинский район)

Расположено на правом берегу р. Вашана на мысовом участке при впадении в нее безымянного ручья. Городище состоит из двух площадок. Малая площадка отделена от большой валом высотой до 4 м и рвом глубиной до 3 м и имеет размеры 50х100 м. Большая площадка отделена с напольной стороны серповидным валом высотой до 4 м, длинной 85 м и рвом глубиной до 1,5 м. и

имеет размеры 100х100 м. Материал датируется концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. и IV–VII вв., IX–X вв. XII–XIV вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Воронцов, 2000. №№ 24216, 24217

62. Новоселки-2, селище (Тульская область, МО г. Тула)

Расположено на южн. окраине д., лев. берегу р. Бежка (прав.приток р. Упа), вдоль края оврага. Обследовано К. Н. Фоминым в 1998 г. Размеры ок. 2 га (450 х 50 м), высота над рекой 6–18 м. Территория памятника распахивается. Керамика лепная, отнесенная к роменской культуре, гончарная, белоглиняная, датированная XII–XIV в., и позднесредневековая XV–XVII вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 154.

63. Новоселки. Поселение 1 (Московская область, Зарайский район)

Расположено в 2 км к западо-северо-западу от юго-западной, окраины села, на мысу прав., берега р. Осетр (прав. приток р. Ока), образованным с запада оврагом, с востока – руслом безымянного ручья, в 0,6 км к северу от устья р. Осетрик (прав, приток р. Осетр). Размеры ок. 100х70 м, высота над рекой 12–15 м. Культурный слой мощностью 0,4 м. Найдены кремневые орудия неолитического облика, лепная керамика городецкой и роменско-боршевской культуры, гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом.

АКР, Московская обл. Часть 4. С. 49.

64. Новоселки. Поселение 2 (Московская область, Зарайский район)

Расположено на расстоянии. 2,2 км к западо-северо-западу от юго-западной, окраины села, на прав. берегу р. Осетр (прав. приток р. Ока) и прав. берегу безымянного ручья (прав. приток р. Осетр). Размеры памятника и мощность культ слоя не определены. Найдены кремневые орудия неолитического облика, керамика лепная роменско-борщевской культуры, гончарная древнерусская.

АКР, Московская обл. Часть 4. С. 50.

65. Новоселки. Поселение 3 (Московская область, Зарайский район)

Расположено на расстоянии. 2,5 км к западо-юго-западу от окраины села, на пологом склоне прав. берега р. Осетр (прав, приток р. Ока), 0,8 км от русла. Размеры ок. 140х60 м. высота над р. 6–20 м. Культурный слой темного цвета, мощностью ок. 0,4 м. Керамика лепная, роменско-борщевской культуры, гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом.

АКР, Московская обл. Часть 4. С. 50.

66. Новосиль, городище (Орловская область, Новосильский район)

Поселение находится в черте современного г. Новосиль (Новосильский район Орловской области) на юго-восточной его окраине, в 350 м к югу от ц. Святого Николая. Оно расположено на вытянутом мысу (Острожная гора) высокого правого берега р. Зуша (правый приток р. Ока, правого притока р. Волга), который с одной стороны отделен глубокой балкой (Градский овраг). Размеры подтреугольной в плане площадки составляют около150х40–70 м, высота над уровнем уреза воды в р. Зуша до 50 м. Материал IX–X вв. Коллекция в ОКМ.

Радюш, 2016. С. 146–147

67. Образцово-2, селище (Тульская область, Щекинский район)

Расположено на правом берегу правого отвершка оврага (правый приток р. Плава, левого притока р. Упа, правого притока р. Ока), (Столярова, 2016. С. 20), в 4.2 км от левого берега р. Упы по прямой, в 7.9 км по руслу безымянного оврага и р. Плава до устья. Материал – середина – 2-я половина X в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столярова, 2014. № 48641

68. Озерки-1, селище (Тульская область, Дубенский район).

Расположено на склоне лев. берега р. Малая Колодня (прав, приток р. Колодня, притока р. Упа), на ЮЗ окраине д. Обследовано А. В. Шековым в 1996 г.

Высота площадки поселения 8–16 м, площадь ок. 2,5 га (100 х 260 м). Задерновано. Материал – IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 134.

69. Орлово, местонахождение. (Тульская область, Щекинский район)

Находилось в 2,2 км к северу от д. Орлово, в 0,1 км к востоку от а/д «Орлово-Никольское», на правом берегу безымянной лощины. Обнаружен боевой топор степного круга древностей, два железных черешковых ножа, серебряный дирхем плохой сохранности. В результате обследования территории памятников археологии найдено не было. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Простяков, 2022. С.101–102

70. Панское, курганная группа (Тульская область, Алексинский район)

Состоит из 2-х курганов (№ 3 и 4 на плане) и предполагаемого распаханного кургана или могильника (№ 2 на плане). Курган № 3 расположен на левом коренном берегу р. Крушма (приток р. Ока), на террасе на высоте 10–15 м над урезом воды, в 500 м северно-западнее с. Панское и в 100 м западнее остатков д. М. Панское (часть села), имеет высоту 5–5,5 м, диаметр ок. 40 м, окружен небольшим рвом. Курган № 4 расположен в 100 м северо-западнее кургана № 3, на террасе на высоте 20–25 м над урезом воды, имеет высоту 4,5–5 м, диаметр ок. 30 м. Материал – IX–XI вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Бурцев, 2008. № 42480.

71. Панское-1, селище (Тульская область, Алексинский район)

Расположено в 1100 м к западу от с. Панское, на правом берегу безымянного ручья – правого притока р. Крушма (приток р. Ока), и правом берегу р. Крушма. Площадка селища находится на высоте 6–19 м над урезом воды р. Крушма. Селище подковообразной формы имеет протяженность ок. 550 м при ширине ок. 100 м, площадь поселения составляет ок. 55 тыс. кв. м. Материал – IX–XI вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Бурцев, 2008. № 42480.

72. Першино, городище (Тульская область, Алексинский район)

Памятник полностью уничтожен, раскопочных исследований на нем проведено не было. Городище располагалось на ручье Свинка, в 1.5 км. от впадения его в р. Упу. В 2005 при обследовании тракторных отвалов на месте разрушенного городища была собрана небольшая коллекция керамики. Материалы – IX–XI вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле» и ГИМ.

Арх. ИА РАН. Наумова, 2005. № 36081

73. Песковатое, курганный могильник (Тульская область, Белевский район).

Расположен 1,1 км к юго-западу от деревни, на мысу прав. берега р. Ока при устье глубокого оврага. Сохранились 13 насыпей выс. 0,5–2,0 м, диам. 8–19 м, с кольцевыми ровиками у основания. Исследованы два кургана, содержавшие остатки трупосожжений, произведенных на стороне, вне пределов подкурганных площадок. Кальцинированные кости с углем и золой обнаружены под насыпями на уровне материка, а также в насыпи, в одном случае в деревянной камере подквадратной формы, стенки которой были обожжены. В погребениях обнвружены фрагменты лепных толстостенных сосудов роменского типа.

АКР, Тульская обл. Часть 1 С. 111–112

74. Песковатое-1, селище (Тульская область, Белевский район).

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на правом берегу Оки, в районе д. Песковатское. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

75. Песковатое-4, селище (Тульская область, Белевский район).

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на правом берегу Оки, в районе д. Песковатское. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

76. Петровское, городище (Тульская область, Одоевский район)

Находится в 2,3 км к северу от с. Петровское и в 1,2 км к северо-востоку от п. Приупского, на мысу левого коренного берега р. Упа. Городище расположено на мысу овальной формы, образованном с запада и востока глубокими лощинами. Материалы IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. № 57410

77. Победа, селище (Тульская область, Киреевский район).

Расположено в 0,3 км к северу от д. Победа, на склоне высокой надпойменной террасы правого берега р. Шат (прав. приток р. Упа, прав. притока р. Ока), к югу, западу и северу от городища. Размер ок. 400х170 м, высота над рекой 10–30 м. Представляет собой посад городища у д. Новое Село. На памятниках выделены лепная грубая керамика относящаяся к древностям Роменской культуры. Они датируются в пределах IX–X вв. Укрепления городища возведены на территории поселения этого времени. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Архив ИА РАН. Шебанин, 1999. № 27433; Григорьев, 2005б. С. 180.

78. Причаль-1. Селище (Тульская область, Веневский район)

Расположено в 1,3 км к северо-западу от деревни, мыс левого берега р. Осетр (правый приток р. Ока) при устье оврага. Размеры 110х40 м, высота над рекой 13–21 м. Материал – IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Клянин, 1989. № 14430.

79. Причаль-2, селище (Тульская область, Веневский район)

Расположено в 1,3 км к северо-западу от деревни, мыс левого берега р. Осетр (правый приток р. Ока), 70 м к западу от селища 1. Размеры 155х120 м, высота над рекой 20–24 м. Материал – IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Клянин, 1989. № 14430

80. Пушкарские выселки-1, селище (Тульская область, Киреевский район)

Расположено на левом берегу ручья – левого притока р. Шиворонь, в 150 м от южной окраины д. Пушкарские Выселки. Площадка памятника распахивается. Высота площадки над урезом воды ручья – 3–17 м. Материал – VIII–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столяров, 2013. № 41413

81. Пятницкое-1, селище (Тульская область, Киреевский район)

Располагается в 350 м к юго-востоку от села, на левом берегу ручья. Площадка селища с запада и востока ограничена небольшими отрогами – левыми притоками ручья. Поверхность селища распахивается. Высота площадки над урезом воды ручья – 3–10 м. Материал – VIII–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столяров, 2013. № 41413

82. Ратьктно-2, поселение (Московская область, Зарайский район)

Расположено на расстоянии 0,5 км к юго-юго-востоку от деревни на лев. берегу р. Осетр (прав. приток р. Ока), на лев. стороне оврага Дубовый, близ его устья. Размеры памятника не определены. Культурный слой темного цвета, толщиной ок. 0,3 м. Керамика лепная, роменско-борщевской культуры, гончарная древнерусская, кремневые отщепы, сколы.

АКР, Московская обл. Часть 4. С. 53.

83. Сатинка-1, селище (Тульская область, Киреевский район)

Расположено на правом коренном берегу р. Упа, в 0,15 км. к востоку от восточной окраины деревни. С запада и востока ограничено оврагами. Высота над рекой 5–10 м. Памятник практически полностью разрушен (большая часть заасфальтирована) размеры сохранившейся части площадки – 10х10 м. Материал – IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столяров, 2009. № 37918

84. Свиридовский, селище 2; (Тульская область, Веневский район)

Расположено в 0,25 км к юго-западу от поселка, на лев. берегу р. Веневка (прав. приток р. Осетр, прав. притока р. Ока), недалеко от устья р. Сухой Осетрик. Размер 150х150 м, высота над рекой 10–33 м. Культурный слой нарушен при сооружении насыпей курганного могильника, находящегося на территории селища. Керамика лепная толстостенная, с защипами по венчику, близкая к посуде роменского типа. При раскопках курганов в 1991 г. обнаружены остатки жилой постройки с печами-каменками. Коллекция в Венёвском краеведческом музее.

АКР, Тульская обл. Часть 2. С. 48; Арх. ИА РАН. Клянин, 1991. № 16843

85. Свисталовка, городище (Тульская область, Киреевский район)

Расположено в 0,8 км к юго-западу от д., в 1 км к СЗ от д. Крутицы, на мысе первой надпойменной террасы прав, берега р. Упа при устье р. Лебягожка (Людогожка). Площадка округлая в плане, размеры ок. 95х90 м, высота над рекой 4 м, с напольной вост. стороны вал высотой до 5 м и ров перед ним глубиной до 2,5 м. Материал – IX–X вв., Древняя Русь, позднее средневековье Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 130–131.

86. Сергиевское, местонахождение (Тульская область, Киреевский район).

По устному сообщению, на прав, берегу р. Упа, в 4-х км от устья р. Шат, в 2-х км от автодорожного моста через р. Упа, вверх по течению. На склоне берега были отмечены находки лепной и раннекруговой керамики.

Григорьев, 2005б. С. 181

87. Сестринский, селище (Тульская область, Белевский район).

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на правом берегу Оки, в районе п. Сестринский. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

88. Слободка-1, селище (Тульская область, Киреевский район)

Расположено на правом берегу р. Шат (правый приток р. Упа, правого притока р. Ока), в 200 м. к северу от пос., на расстоянии 130 м. от уреза воды. С севера и востока селище ограничено глубоким оврагом. Поселение вытянуто вдоль всего оврага – правого притока р. Шат. При раскопках зафиксированы многочисленные хозяйственные ямы, часть из которых может быть интерпретирована как зерновые, часть – как смолокуренные. В заполнении ям и культурном слое селища обнаружены фрагменты сосудов роменского типа. Присутствует и фрагменты причерноморских амфор. На селище найдены многочисленные сельскохозяйственные орудия: коса-горбуша, мотыга, пружинные ножницы. Прочие находки представлены наконечниками стрел, металлическими предметами одежды и поясного набора, керамическими пряслицами. Этот комплекс материалов датируется IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле» и Узловском художественно-краеведческом музее.

Шебанин, Колоколов, 2023. С. 410–434

89. Слободка-2 (городище), селище (Тульская область, Киреевский район)

Расположено на прав, берегу р. Шат (прав, притока р. Упа), в 0,6 км к северо-востоку от д. Высота от уровня реки 30–32 м, площадь ок. 1575 кв. м (45х35 м), протяженность вала до 50 м, высота вала от уровня площадки 1–2 м. Подъемный материал: лепная роменская керамика, круговая древнерусская XIII–XIV вв., наконечник стрелы IX–XIV вв., железная поясная накладка XIV в. Раскопками установлено, что вал возведен не ранее 2-й половины XII в. на окраине поселения IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 132–133.

90. Снедка, городище (Тульская область, Одоевский район)

Расположено на левом берегу р. Снедка (Снетка), правого притока р. Упа в 1.4 км (по прямой) к северу от впадения р. Снедка в Упу. Разрез вала в 2008 г. установил, что укрепления на городище имели один этап строительства. Площадка городища практически не содержит культурных напластований, материал содержался исключительно в комплексах относящихся к сгоревшим укреплениям и представлял собой скопление фрагментов груболепных сосудов роменского типа и несколько костяных изделий, не имеющих узкой датировки. Эти материалы относятся к комплексу укреплений городища, и датируют время его создания. Материалов других эпох на памятнике не обнаружено. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Григорьев, Колоколов, 2021. С. 141–161

91. Сотино-1, селище (Тульская область, Алексинский район)

Расположено на правом берегу реки Вашана (правый приток реки Ока), в 0,45 км к северо-востоку от северо-восточной окраины д. Сотино, на правом берегу оврага, по дну которого течет безымянный ручей (правый приток р. Вашана), в. 3 км. от впадения в р. Вашана, в 10.5 км. от впадения р. Вашана в Оку по руслу, в 5 км от правого берега р. Оки по прямой. Материал – дптирован серединой – 2-й половиной X в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столяров, 2014. № 48611–48612

92. Спицино, городище (Тульская область, Ясногорский район)

Расположено на правом берегу р. Апрань, левого притока р. Беспуты, правого притока р. Оки, на продолговатом мысу образованном руслом реки. Расстояние до берега р. Оки по прямой составляет 27 км., расстояние по руслам р. Апрани и р. Беспуты до впадения в Оку – 45 км, расстояние по руслу р. Апрани до впадения в Беспуту – 17 км. В 2020 г. на площадке городища были проведены раскопки на площади 60 кв. м., Материал – 2-й половины X в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Колоколов, Простяков, 2021. С. 50–66

93. Супруты, городище. (Тульская область, Щекинский район)

Расположено в 0,8 км к юго-востоку от села, на мысу правого, коренного берега р.Упа (правый приток р. Ока) при устье ручья Солодка. Площадка подтреугольная в плане, размером около 100х40 м, высота над рекой от 20 м на краю мыса до 29 м у подножия вала. С напольной, северо-западной стороны площадка ограничена валом высотой до 5 м и рвом перед ним глубиной до 2 м. Территория памятника нарушена старым карьером, оконечность вала прорезает грунтовая дорога. Всего на городище раскопано свыше 2500 кв. м., прорезан вал. Культурный слой имеет мощность от 0,1-0,3 м в центре площадки до 3,5 м по краям. Материалы типа Ново-Клеймёново, верхнеокской, мощинской и роменской культур, XII–XIV вв. и XVI–XVII вв. Коллекции в ГИМ, ТОКМ, ГМЗ «Куликово поле».

Изюмова 1954; 1956; 1957; 1959; 1960; 1967; 1969; 1970а; 1970б; 1971а; 1971б; 1972а; 1972б; 1973а; 1973б; 1974; 1976; Шеков, 1995; 1996б; Григорьев 1999; 2000б; 2002б; Воронцов 2000а, 2003в; 2004а; 2006а; 2006б; 2007; АКР: Тульская обл. Часть 2. С. 214–217.

94. Тимофеевка, городище (Тульская область, Дубенский район)

Расположено на ЮЗ окраине д., на лев. берегу р. Волкона (прав, приток р. Упа), в 0,5 км от русла. Городище занимает оконечность мыса, образованного

ручьем и поймой р. Волкона. Площадка подпрямоугольной формы ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, размеры 125 х 90 м, высота от уровня поймы 10–13 м. С напольной северо-западной стороны ограничена двумя валами высотой до 5 м (внутренний) и до 3 м (внешний). Внешний вал в центральной части прорезан грунтовой дорогой. Следы невысокого, до 1 м, вала и эскарпирования склонов прослеживаются и по периметру городища. На 2–3 м ниже основной площадки, на ЮВ склоне мыса, наблюдается еще одна небольшая площадка размерами 50 х 30 м. На памятнике выделяются три различных по структуре и хронологии слоя. Нижний слой датируется концом X – XI в. К этому же периоду относятся укрепления горордища. Верхние слои относятся к XIV – началу XVI в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 135–136; Столяров, Шеков, 2021. С. 162–171.

95. Тимофеевка-1, селище (Тульская область, Дубенский район)

Расположено в 0,4 км к З от д., в 0,25 км к СЗ от городища (за дорогой) на прав, берегу безымянного ручья. Высота от уровня ручья 10–24 м, площадь ок. 1,5 га (210 х 75 м). Культурный слой до 0,3 м, распахан. Подъемный материал: «лепная» керамика (92 фр-та, в т. ч. 2 – с волнистым орнаментом), круговая древнерусская (139 фр-тов) и позднесредневековая (13 фр-тов). Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 136.

96. Тимофеевка-2, селище (Тульская область, Дубенский район)

Расположено ближе к д. Березово, в 0,7 км к СЗ от Березовского городища, на лев. берегу ручья Ямный Проток. Высота над ручьем 16–27 м, площадь до 1,5 га (250 х 60 м). Распахивается. Подъемный материал: керамика «лепная с примесью песка» – 1 фр-т, древнерусская – 8 фр-тов, позднесредневековая – 3 фр-та. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 136.

97. Тимофеевка-3, селище (Тульская область, Дубенский район)

Расположено на СВ окраине д., на огородах. Занимает склон лев., противоположного городищу берега безымянного ручья, с ЮЗ ограничено поймой р. Упа и р. Волхона. Высота над поймой – 14 м, площадь – 3,5 га (350 х 100 м). Подъемный материал: лепная роменская и раннекруговая керамика в количестве 62 фр-тов, в т.ч. 1 -с линейным орнаментом, 1 – с волнистым, 1 – с веревочным. Венчики раннекруговых сосудов по типам идентичны материалу городища. Кроме того, имеется керамика XIV–XVI вв. и фр-т цилиндрического замка. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 136.

98. Таптыково, городище. (Тульская область, МО г. Тула)

Располагалось на левом берегу р. Упы ниже с. Таптыково. Имело площадь около 4000 кв. м., площадку овальной формы, с юга находился вал высотой 8 м и ров. Полностью утрачено. По свидетельству С.А. Изюмовой, обследовавшей городище в 1951 году, помимо материалов мощинской культуры, на его площадке встречалась керамика «толстостенная, с шамотом или дресвой в глине, с шероховатой поверхностью, без орнамента, а так же с орнаментом, характерным для роменских городищ». Кроме того, в разведочной коллекции С.А. Изюмовой содержится фрагмент донца лепного толстостенного сосуда роменского типа. Коллекция в ГИМ.

Изюмова, 1953. С. 70; Фонды ГИМ, № 83491

99. Торхово-3, селище (Тульская область, МО г. Тула).

Расположено в 0,2 км к северо-востоку от деревни, на склоне правого берега р. Синетулица (лев. приток р. Тулица, прав. притока р. Упа). Размеры около 2000х1300 м, высота над рекой 5–25 м. Культурный слой толщиной 0,2-0,5 м. Материалы мощинской и роменской культур, XII–XIV вв. и XVI–XVII вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Гриценко, 1992. Л. 81–94; Григорьев, 1998. Л. 2–23; Григорьев, 1999. Л. 1–20; АКР. Тульская область. Часть 2. С. 162–164.

100. Б. Тризново, кург. могильник (Тульская область, Щекинский район)

Располагается в 0,8 км к ЮЗ от д., на первой надпойменной террасе прав. берега р. Упа. Два кургана находились на расстоянии 10-ти м друг от друга. Курган № 1 содержал безурновое трупосожжение, в кургане № 2 следов погребения не отмечено. Оба кургана имели кольцевые канавки. Материал из насыпей представлен несколькими фрагментами грубой лепной керамики. Коллекция в ГИМ

Изюмова С. А., 1961. С. 252–258.

101. Б. Тризново-3, селище (Тульская область, Щекинский район)

Расположено на высоком правом коренном берегу р. Упа (правого приток р. Ока), в 1 км к северо-востоку от д. Размеры с северо-запада на юго-восток – 120 м, с юго-запада на северо-восток – 50 м. Высота над уровнем воды в р. Упа – 32–38 м. Территория памятника распахивается. Материал – 2-я половина VII – VIII в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столярова, 2017. № 57923; 57924.

102. Б. Тризново-4, селище (Тульская область, Щекинский район)

Расположено 2,5 км к северо-северо-востоку от деревни, в верховьях безымянного ручья правого притока, р. Упы, в 3 км от устья. На основании находок раннегончарной керамики, поясной накладки и фрагмента ладьевидного браслета датировано 2-й половиной X в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Колоколов, 2023. С. 24–43; 2024.

103. Тшлыково, курганный могильник (Тульская область, Чернский район)

Расположен в 1,7 км к западу от д. Тшлыково, на береговом склоне надпойменной террасы правого берега р. Зуши, в 0,5 км к северо-востоку –

востоку от слияния рек Зуши и Оки. В начале XX в. могильник насчитывал около 30 курганных насыпей, к 1995 году – 5 сильно поврежденных курганов. На территории могильника в ходе раскопок обнаружены остатки кремаций, помещенные в груболепные сосуды, стоявшие под курганной насыпью на древней дневной поверхности, а также кремационные захоронения в ямах, без погребальных урн. Груболепные сосуды, в которые были помещены остатки кремаций, характерны для роменской археологической культуры. Описанный выше обряд погребения так же характерен для носителей роменской археологической культуры в IX–X вв. Одно из захоронений содержащихся в нем представляло собой трупосожжение, помещенное в раннекруговой сосуд с линейным орнаментом. Сочетание кремационного обряда захоронения с раннекруговой керамикой может указывать на принадлежность этого погребения к периоду 2-й половины X – начала XI в. Коллекция утрачена.

Трофимов, 1973; 1987; Архив ИА РАН. Заидов, 1995. С. 28–45.

104. Тшлыково, селище 1 (Тульская область, Чернский район)

Расположено в 1,7 км к северо-западу от окраины деревни, на правом берегу р. Зуша (прав. приток р. Ока), вблизи близ курганного могильника. Имеет размер ок. 175х120 м. В подъёмном материале содержится лепная керамика роменского типа. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская область. Часть 1. С. 195.

105. Тшлыково, селище 3 (Тульская область, Чернский район)

Расположено в 1,4 км к западу от деревни на правом берегу р. Зуша (прав. приток р. Ока), к юго-востоку от курганного могильника. Имеет размер ок. 625х100 м, выс. над рекой 5-25 м. В подъёмном материале содержится лепная керамика роменского типа и гончарная древнерусская. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская область. Часть 1. С. 195–196.

106. Устье-2, селище (Тульская область, Кимовский район).

Расположено в 1 км к северу от д. Устье Кимовского района Тульской области и в 1,7 км к северу от впадения р. Мокрая Табола в р. Дон. Размер – 260х86м. Высота памятника над урезом воды в р. Мокрая Табола 25–42м. Материалы IX–X вв., XII–XIV вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле» и ГИМ.

Гоняный, 2020. С. 62–101.

107. Устье Гастунки, селище (Тульская область, Белевский район)

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на правом берегу Оки, в районе устья руч. Гастунка. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

108. Устье Усты, селище (Тульская область, Белевский район)

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на правом берегу Оки, в районе устья руч. Уста. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошки и др., 2005. С. 203–218.

109. Уткино-1, селище (Тульская область, Киреевский район)

Расположено на пологом склоне правого берега р. Упа, в 0,8 км к северу от устья р. Уперта, в 2 км к юго-западу от д. Уткино. Высота от уровня реки 6–17 м. На селище в ходе раскопок зафиксированы остатки многочисленных жилых построек с развалами останцовых печей и печей-каменок, многочисленные хозяйственные ямы, в т. ч. зерновые, металлургический горн наземного типа. Керамика груболепная, роменского типа, гончарная, волынцевского и салтовского типов. Прочие находки представлены топорами, стрелами, фрагментом удил, железной подковообразной фибулой, бронзовыми перстнями, подвесками, бубенчиками, стеклянными бусами, глиняными и

вырезанными из стенок сосудов пряслицами. Этот комплекс материалов датируется IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Григорьев, 2005б. С. 152, 189–190.

110. Уткино-3, селище (Тульская область, Киреевский район)

Расположено в 0,8 км к Ю от д., в 1,5 км к СЗ от с. Спасское, склон прав, берега р. Уперта (прав, приток р. Упа). Площадь ок. 4 га (250 х 160 м), высота над рекой 15–25 м. Культурный слой имеет толщину до 0,4 м. Керамика лепная, роменско-боршевского типа, и гончарная позднесредневековая. Коллекция в ГИМ

АКР, Тульская обл. Часть 2. С. 134.

111. Уткино-4, селище (Тульская область, Белевский район)

Упоминается в совместной публикации Прошкина О.Л., Екимова Ю.Г. и Барбашова Е.Р. Расположено на левом берегу Оки, в районе д. Уткино. Точное местонахождение не известно. Материал – IX–X вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин и др., 2005. С. 203–218.

112. Федяшево, городище (Тульская область, Белевский район)

Расположено на мысу второй надпойменной террасы правого берега р. Ока при впадении в нее оврага. В 0,5 км к северо-северо-востоку от д. Федяшево. Площадка подтреугольная в плане, размер ок. 3300 м^2. Вал с напольной северо-восточной стороны высотой до 4 м, ров перед ним глубиной до 1,5 м. На площадке городища выделены лепная грубая и раннегончарная керамика, а так же находки предметов относящаяся к древностям роменской культуры. Они датируются в пределах IX–X вв. Коллекция в ГИМ и ГМЗ «Куликово поле».

Никольская, 1981. С. 22.

113. Фурсово-2, городище (Тульская область, Арсеньевский район)

Городище 2 у расположено на мысу правого берега р. Иста, образованным впадением в нее р. Городенки и безымянного оврага, на юго-западной окраине с.

Фурсово. В 70 м. к северо-западу от городища 2 располагается городище 1, содержащее материалы раннежелезного века и мощинской археологической культуры. Площадка имеет подпрямоугольную форму. Размеры площадки городища 200х175 м, высота на урезом воды – 15–20 м. Площадка имеет покат на юго-запад. Центральная часть площадки городища нарушена молодым оврагом, прорезающим его по направлению юго-запад – северо-восток. С северо-запада и юго-востока городище защищено крутыми обрывистыми склонами оврагов, с юго-запада – склоном к р. Исте. Городище было защищено кольцевым валом и заплывшим в настоящее время рвом с напольной стороны. Вал имеет многочисленные нарушения и достигает максимальной высоты 2,5 м. Материал – предположительно 2-я половина X в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Колоколов, 2019. С. 181–196.

114. Хотетово-2, селище (Тульская область, Дубенский район)

Расположено на склоне лев. берега р. Вера (прав.приток р. Упа) в 0,5 км к В от д. С В ограничено оврагом. Высота от уровня реки 12–15 м, площадь ок. 2,5 га (160 х 160 м). Подъемный материал: 29 фр-тов стенок раннекруговых сосудов (из них 3 имеют линейный и 1 – волнистый орнамент), 2 раннекруговых венчика, а также керамика древнерусского (XII–XIII вв.) и позднесредневекового времени. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 137.

115. Хотетово-5, селище (Тульская область, Дубенский район)

Расположено в 0,3 км к Ю отд., на противоположном прав, берегу р. Вера (прав, приток р. Упа), в верховьях небольшого ручья. Высота над рекой 20–22 м, площадь ок. 0,4 га (70 х 60 м). Подъемный материал: фрагменты лепной керамики р.ж.в., раннекруговая керамика, гончарная позднесредневековая. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 137.

116. Хотетово-7, селище (Тульская область, Дубенский район)

Расположено на прав, берегу р. Вера, в 2,1 км к ЮВ от д. В собранной на поверхности поселения коллекции среди многочисленных фр-тов керамики XIII–XIV вв. имеется один небольшой фр-т венчика кругового сосуда, который по характеру теста и оформления края может быть отнесен к концу X – 1-й половине XI в. (тип 3, по типологии И. Г. Сарачева). Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

АКР. Тульская обл. Часть 1. С. 137.

117. Чекалин, городище (Тульская область, Суворовский район)

Городище находится на восточной окраине г. Чекалина, на мысу левого берега р. Оки, между оврагами. Площадка в плане имеет трапециевидную форму и защищенную валами площадь около 4500 кв. м. Высота над уровнем воды в р. Оке составляет 34–37 м. Высота вала достигает 2,3 м. На юго-восточном склоне мыса, чуть ниже площадки имеется еще один вал протяженностью до 53 м и высотой до 2 м. Исследовалось в 1899 г. И. Д. Четыркиным, в 1994 г. Б. В. Грудинкиным и О.Л. Прошкиным. В 2019 г. при раскопках под рук О.Л. Прошкина обнаружены фрагменты лепной керамики роменского облика IX–XI вв. Коллекция в ТОКМ.

Прошкин, Терещенко, 2023. С. 52–62

118. Чифировка, селище (Тульская область, Киреевский район)

Расположено в 2 км к З от с, надпойменная терраса прав, берега р. Уперта (прав, приток р. Упа), близ старой мельницы. Площадь ок. 0,8 га (170 х 50 м), высота над рекой 10–16 м. Культурный слой имеет толщину 0,3–0,4 м, нарушен распашкой. Керамика лепная, роменско-боршевского типа, и гончарная позднесредневековая. Коллекция в ГИМ.

АКР Тульская обл. Часть 2. С. 135.

119. Шатск-17, селище (Тульская область, МО г. Тула)

Находится в верховьях оврага, правого притока реки р. Шат (правый приток р.Упы, бассейн р.Оки) в 0,5 км к югу от п. Шатск. Площадь поселения составляет около 15000 кв. м (150х100 м), высота над дном оврага 16–25 метров. С восточной и западной стороны ограниченно оврагами. В центральной части прорезано оврагом с севера на юг. Материал – IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Колоколов, 2009. № 37848

120. Шатск-18, селище (Тульская область, МО г. Тула)

Находится в верховьях оврага, правого притока реки р. Шат (правый приток р.Упы, бассейн р.Оки) в 0,5 км к югу от п. Шатск. Площадь поселения составляет около 20000 кв. м (200х100 м), высота над дном оврага 16–25 метров. Материал – IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Колоколов, 2009. № 37848

121. Шилово, селище (Тульская область, Ефремовский район)

Расположено 1 км к СЗ от с., 100 м к С от базы отдыха «Шилово», первая надпойменная терраса лев. берега р. Красивая Меча (прав. приток р. Дон). Разм. ок. 130х110 м, выс. над рекой 4,0–4,5 м. Культ. слой толщиной до 0,3 м, нарушен распашкой. Материал – IX–X вв. Коллекция в Ефремовском художественно-краеведческом музее.

АКР. Тульская обл. Часть 2. С. 76

122. Щепилово, городище (Тульская область, МО г. Тула)

Расположено на правом берегу реки Упы (бассейн р. Оки), на небольшом пойменном всхолмлении, в 0,8 м к востоку-северо-востоку от деревни, напротив устья оврага, по берегам которого расположен летний лагерь «Березка». Валы городища, практически уничтожены при строительстве спортплощадки, лишь в восточной и западной частях памятника остались незначительные остатки валов высотой менее метра. Площадка городища расположена на высоте 1,5–2,5 м над урезом воды в реке. Площадь городища

составляет около 4 тыс. кв. м^2. Исследовалось экспедицией МГУ под руководством С.А. Изюмовой в 1951–1953 гг. В 2002 и 2004 гг. было исследовано 65 кв. м. (Воронцов А.М.). Всего на площадке исследовано 365 кв. м. Культурный слой имеет толщину до 1,8 м (Подробнее см. Приложение 2). Материалы типа Ново-Клеймёново, мощинской и роменской культур. Коллекции в ГИМ и ГМЗ «Куликово поле».

Изюмова, 1951; 1952; 1953а; 1953б; 1958; Воронцов, 2002б. Л. 5–22; Воронцов, 2004а; 2004б. Л. 5–22; 2006а; 2007.

123. Щучье-1, селище (Тульская область, Веневский район)

Селище Щучье 1 расположено в 1500 м к северо-востоку от д. Щучье, на левом берегу р. Осетр (правый приток р. Ока), 150 м к востоку от устья р. Низовка. Материал – мощинской культуры, IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Володин, 2015. № 49109; Володин, 2016. № 53092

124. Юрцово, городище (Тульская область, Ясногорский район)

Городище у д. Юрцово расположено в 200 м к северо-западу от деревни, в 1,5 км к востоку от д. Иваньково, на мысу надпойменной террасы, образованном левым берегом р. Беспута (правый приток р. Ока) и правым берегом ее притока – ручья Рядовище, при броде близ его устья. С южной стороны зафиксирован вал до 2 м и ров перед ним глубиной до 3 м. Материал – IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Воронцов, 2009. №36740

125. Яковлево-1, селище (Тульская область, Заокский район)

Расположено на левом берегу р. Скнига (правый приток р. Оки), в 7.5 км от берега р. Оки по прямой, в 12,5 км по руслу р. Скнига до устья. Подъемный материал с памятник представлен стенками лепной (и раннекруговой посуды с грубым волнистым, линейным и комбинированным орнаментом. Венчики раннекруговых сосудов обнаруженные на памятнике схожи с типами I-II по Е.

В. Каменецкой, датирующимися 2–3-ей четвертью X в. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Столяров, 2013. № 41413

126. Ярцево-5, селище (Тульская область, Щекинский район)

На карте Крапивны первой половины 18 в. территория поселения отмечено как «Старое городище». В историографии встречается название городище Пушкарская крутовина. Современные исследования остатков укреплений не выявили. Расположено в 1,5 км к юго-востоку от деревни, на правом высоком коренном берегу р. Плава (левый приток р. Упа). Размеры: 430×100 м, высота над рекой около 10 м. Материал – IX–X вв. Коллекция в ГМЗ «Куликово поле».

Арх. ИА РАН. Наумова, 2017. № 56711–56714

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

КАТАЛОГ ОПОРНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Комплексы IX – 1-й половины X века.

(рис. 81–102)

№	год	№ раскопа	Название объекта	Описание	Рис.
городище Супруты					
1	1999	XXIII	Постройка 1	Располагалась в центре раскопа, имела в плане форму прямоугольника и была ориентирована углами по сторонам света. Керамика роменского типа составляла 92%, мощинского – 5,7%, салтовского – 2,3% . Находки: шумящая застёжка, железный наконечник стрелы, железная фитильная трубочка, фрагмент железной дужки, железная поковка, 2 глиняных пряслица, фрагмент бронзового браслета. На дне котлована зафиксированы три погребения. Жилище может быть реконструировано как наземное срубное сооружение с нежилым подклетом. (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999. С. 23–26). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится к V, финальному этапу существования славянского поселения (рис. 81).	82: 1–5
2	2000	XXIV	Постройка 5	Располагалась в В половине раскопа и в значительной мере выходила за южную границу раскопа. В плане постройка имела прямоугольную форму и была ориентирована стенами по сторонам света с небольшим отклонением к востоку. Внутреннее пространство сооружения было разделено на две части перегородкой, от которой сохранилась траншея, идущая с севера на юг. В заполнении содержались керамика роменского типа, наконечник стрелы (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2000. С. 8–10). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится ко II–III этапу существования славянского поселения (рис. 81).	82: 6–10
3			Постройка 6	Располагалась в С части раскопа, имела в плане форму прямоугольника и была ориентирована стенками по сторонам света. В заполнении содержалась керамика роменского типа. Находки: дирхем 870–895 гг. (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2000. С. 10). Исходя из стратиграфической позиции,	

				постройка относится к V, финальному этапу существования славянского поселения (рис. 81)	
4	2002	XXV	Постройка 1	Располагалась в ЮЗ части раскопа, имела прямоугольную форму и была произвольно ориентирована. Сохранился котлован гл. 0.3 м. В ЮВ углу зафиксированы остатки отопительного сооружения. Находки: керамика роменского типа, кольцо из бронзовой проволоки, железный наконечник стрелы, железный нож, 2 астрагала с отверстиями, 2 пряслица – керамическое и сланцевое (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2000. С. 12). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится к V, финальному этапу существования славянского поселения (рис. 81).	83: 1, 2, 4, 5
5			Постройка 2	Располагалась в СВ части раскопа, имела прямоугольную форму и была ориентирована стенками по сторонам света. Сохранился котлован гл. до 1 м. Находки: керамика роменского типа, половина серебряного дирхема 867 г. Шесть бусин: хрустальная, 2 сердоликовых, бронзовая, глиняная, из розового сланца, 4 бронзовые пуговицы, 2 трапециевидные подвески, псалий, наконечник стрелы, ладьевидная привеска, рыболовный крючок, фрагменты изделий из бронзы, железа, кости и глины (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2000. С. 13–14). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится к IV этапу существования славянского поселения, предшествующему его финальному периоду (рис. 81).	83: 1, 3, 6–23
6		XXVII	Постройка 1	Располагалась в ЮВ части раскопа. Сохранился котлован овальной в плане формы, вероятно, ориентированный по линии СЮ, гл. до 0,85 м. Находки: 10 форм лепных сосудов роменского типа, бронзовый бубенчик, железная фитильная трубочка, ледоходный шип, железный наконечник стрелы (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. С. 19–20). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится к IV этапу существования славянского поселения, предшествующему его финальному периоду (рис. 81).	84: 1–15
7			Постройка 2	Располагалась в 1 м к западу от постройки 1. Сохранился котлован, вытянутый по линии Ю–С, гл. до 0,5 м. Находки: керамика	84: 1, 2, 16–19

				роменского типа, направляющее ремня конского оголовья в стиле Borre, бронзовая овальнорамчатая пряжка, фрагмент витой железной гривны, железная пряжка, железный наконечник стрелы, железная трапециевидная подвеска, фрагмент костяной орнаментированной накладки, многочастная стеклянная бусина с серебряной подкладкой, фрагмент костяной проколки, битрапециевидное глиняное пряслице и ряд фрагментов железных предметов (Арх. ИА РАН. Григорьев, 2002. С. 20–21). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится к IV этапу существования славянского поселения, предшествующему его финальному периоду (рис. 81).	
8	2006 – 2007	XXVIII	Постройка 1	Располагалась в Ю части раскопа и была частично исследована в 2006 г. Восточный угол постройки был прорезан котлованом постройки 2. Постройка 1 была перекрыта ямой 3, и в свою очередь, перекрывала постройку 7. Сохранился прямоугольный котлован, ориентирован углами по сторонам света, имел размеры 2,8 х 3,2 м., при глубине 0,5–0,7 м. Стенки отвесные, дно ровное. Заполнение имеет характер единовременной забутовки. Находки: втульчатый наконечник дротика, бронзовая поясная накладка, топор и фрагмент изделия с зооморфным окончанием. (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. С. 8; 2007. С. 9–10). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится к IV этапу существования славянского поселения, предшествующему его финальному периоду (рис. 81).	85: 1–7
9			Постройка 2	Располагалась в ЮВ части раскопа. Постройка была заглублена в нижележащие слои и перекрывалась постройкой 4. Котлован имел прямоугольную форму и был ориентирован стенами по сторонам света. Его размеры составляли 4,2 х 1,9 м., глубина – до 0,6 м. В ЮЗ углу котлована зафиксированы остатки печи-каменки. Находки: фрагменты лепной роменской керамики, бронзовая пуговица (gombik), бронзовый ременной разделитель, бронзовая поясная накладка, бронзовая ворворка, браслет, два железных наконечника стрел, заклёпка, две стеклянных бусины. (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. С. 9–10). Исходя из	85: 11–26

				стратиграфической позиции, постройка относится к IV этапу существования славянского поселения, предшествующему его финальному периоду (рис. 81).	
10			Постройка 4	Располагалась в центральной части раскопа, и перекрывала предшествующие сооружения – постройки 3, 5 и 7. Сохранился подпрямоугольный котлован размером 5,6 х 6,5 м, гл. 0,4–0,5 м. Жилище можно реконструировать как прямоугольную срубную постройку с погребом. Оно погибло в пожаре. В заполнении находились разрозненные человеческие кости, в том числе фрагменты мужского черепа. Всего обнаружено 65 находок: топор наконечник копья, 16 наконечников стрел, фрагмент кнутовища плети, наконечник ремня конского оголовья, бронзовая спиралевидная пронизка, фрагмент чашечки от весов, весовая гирька, шарнирные ножницы, фрагмент фитильной трубки, нож, шило, 3 костяных томара, овальнорамчатая пряжка, астрагал, кольчатые удила, 3 серебростеклянные бусины-пронизки, граненая бусина из горного хрусталя, 2 колчанные петли, 14 развалов лепных сосудов роменского типа, придонная часть гончарного салтово-маяцкого сосуда (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2006. С. 9–11; 2007. С. 10–13). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится к V, финальному этапу существования славянского поселения (рис. 81).	86–89
11			Постройка 5	Располагалась к С от постройки 4 и прорезала заполнения построек 3 и 8. В свою очередь постройка была частично повреждена постройкой 4. Сохранился котлован прямоугольной формы, размерами 4 х 2,3 м. Находки: фрагменты железной подковообразной фибулы, бронзовый колчанный крючок, две хрустальных и одна сердоликовая бусины, фрагмент железного ножа и миниатюрный сосуд. Керамический комплекс постройки представлен развалами груболепных роменских сосудов (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. С. 13–14). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится к IV этапу существования славянского поселения, предшествующему его финальному периоду (рис. 81).	90
12			Постройка 6	Располагалась в С части раскопа. Постройка	91

				имела наземный характер и перекрывала постройку 8. Она имела форму близкую к квадрату размерами 4 х 4 м и была ориентирована углами по сторонам света. СВ половину постройки занимал котлован, размерами 2 х 2,5 м, гл. – 0,35 м. Находки: фрагмент подковообразной фибулы, два наконечника стрел и наконечник копья Керамический комплекс постройки представлен развалами груболепных роменских сосудов (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. С. 14–15). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится к III этапу существования славянского поселения (рис. 81).	
13			Постройка 7	Котлован постройки перекрывал яму 7. В южной части она была повреждена постройкой 1, а в северной полностью уничтожена постройкой 4. Котлован постройки имел прямоугольную форму размером 2,1 х 2,4 м., и гл. 0,9 м. Керамика представлена немногочисленными мелкими фрагментами лепных роменских сосудов. В заполнении было обнаружено железное долото (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. С. 15). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится ко II, наиболее раннему этапу существования славянского поселения роменского периода[2] (рис. 81).	92: 1–3
14			Постройка 8	Имела прямоугольную в плане форму и была ориентирована стенами по сторонам света, перекрыта постройками 5 и 6. Котлован был углублён исключительно в культурный слой и в материке не читался. Стенки котлована пологие, дно ровное. Заполнение содержало лишь незначительное количество мелких фрагментов лепных сосудов роменского типа, наконечник стрелы и железное кольцо. (Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007. С. 15–16). Исходя из стратиграфической позиции, постройка относится ко II, наиболее раннему этапу существования славянского поселения роменского периода (рис. 81).	92: 4–11
городище Петровское					
15	2015	1	Постройка 2	Котлован постройки подпрямоугольной формы, размером 2,7 х 1,7 м, заглублен в	93

[2]Постройка 3 XXVIII раскопа и постройка 4 XXI раскопа относятся к предроменскому периоду существования славянского поселения на городище. При чем, если постройка 3 имела в своем заполнении формы сосудов круга Сахновки (см. гл. 3), то постройка 4 XXI раскопа отнесена к этому периоду лишь стратиграфически, репрезентативного материала она не содержала.

				материк на 0,33 – 0,39 м., дно имеет покат к центру, заполнен серым гумусированным суглинком с мелкими вкраплениями древесного угля и печины. Отопительного устройства не зафиксировано. Находки: железное шило, фрагмент груболепного биконического пряслица, синяя стеклянная бусина, фрагменты лепных роменских сосудов. (Арх. ИА РАН. Простяков, 2015. С. 16)	
городище Гора Услань					
16	2021	2	Постройка 1	Жилище подпрямоугольной формы и было ориентировано по сторонам света. Длина котлована – 3,5 м, ширина – ок. 3 м., глубина – 0,2–0,3 м. В юго-западной его части зафиксированы остатки печи-каменки. Находки: фрагменты лепных роменских сосудов, фрагмент гончарного салтовского сосуда, фрагментом браслета, фрагмент керамического биконического пряслица, сгустки металлургического шлака (Колоколов, 2023г. С. 253–254)	94
селище Уткино-1					
17	1989	1	Постройка 1 (яма 34)	Представляет собой полуземлянку квадратной формы, размером 3 х 3,2 м., глубиной 85 см., ориентированную углами по сторонам света. В северном углу постройки зафиксирован развал печи-каменки. Находки: груболепная керамика роменского типа, глиняные пряслица, железный нож, синяя стеклянная бусина, многочастная бусин-пронизка. Вероятно, в результате вторичного использования была переоборудована в предгорновую яму – она была связана узкой траншеей с устьем металлургического горна (яма 54). В заполнении котлована постройки, помимо сгустков металлургического шлака, было обнаружено скопление гончарной керамики салтовского типа. Судя по тому, что керамика была зафиксирована в верхней части заполнения (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 29), она, вероятно, попала в объект вследствие его использования в качестве мусорной ямы (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 26–29).	98
18		2	Постройка 1	Представляет собой полуземлянку квадратной формы, размером 3,1х3,4 м., глубиной 80 см., ориентированную углами по сторонам света. В северном углу постройки зафиксирован развал печи-	99: 1–9

				каменки. Находки: груболепная керамика роменского типа, два железных трехгранных наконечника стрел, глиняные пряслица, синий бисер, костяные амулеты, фрагменты железных изделий (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 46–49).	
19		3	Яма 11	Представляет собой округлую колоколовидную яму размером 0,69 х 0.93 м. Вероятно выполняла функции зерновой ямы, затем использовалась в качестве мусорной. Находки: груболепная керамика роменского типа, гончарная керамика салтовского типа, железный боевой топорик-чекан (Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989. С. 65–66)	99: 10–13
селище Торхово-3					
20	1997	III, IV	Постройка 1	От постройки сохранился котлован подквадратной формы, размерами 2,7 х 2,9 м, глубиной 0,7 м., ориентированный по сторонам света. Отопительное устройство, сложенное из конкреций известняка располагалась в СВ углу постройки. Находки: груболепная керамика роменского типа, гончарная салтовская керамика, бронзовая трапециевидная подвеска с пуансонным орнаментом (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1997. С. 7–9).	95
21	1997	III, IV, VI	Яма 33	Яма являлась заглубленной частью постройки. Она имела подпрямоугольную форму, была ориентирована углами по сторонам света. Размеры исследованной части 3 х 2 м, глубина – до 0,3 м. В Ю части котлована зафиксировано скопление обожжённых камней, являвшихся остатками отопительного сооружения. Находки: груболепная керамик роменского типа, гончарная керамика салтовского типа, три фрагмента кольчужного плетения, фрагмент ножа с перекрестием, железная прогнутая фибула (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1997. С. 10–11).	96
22	1999	VI	Постройка 4	Постройка имела подквадратную форму и была ориентирована углами по сторонам света. Её размеры 3,8 х 3,9 м., глубина – 0.2 м. СЗ половину постройки занимал овальный котлован, размерами 3,5 х 2,2 м, глубиной 0.4 м. Там же зафиксированы остатки отопительного сооружения. В СВ половине котлована, и соответственно, в северном углу постройки располагалась яма колоколовидной формы, глубиной 1,4 м.	97

				Находки: лепная керамика роменского типа, гончарная салтовская керамика, глиняные пряслица, пряслице из известняка, фрагменты железных изделий, бронзовая трапециевидная подвеска, серебряная серьга, три бусины – две синие полосатые с белыми глазками в красном ободке и одна синяя прозрачная гранёная (Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999. С. 4–7).	
селище Каменка-1					
23	2010	1	яма XXII	Яму следует рассматривать в качестве остатков жилой постройки. Ее углубленная часть представляет собой котлован вытянутой подпрямоугольной формы, размером 2,6 х 1,35 м. ориентированный по линии СЮ. Заполнение представлено темно-серым гумусированным суглинком, насыщенным печиной, древесным углем и обожженными камнями. В СЗ углу расположены остатки печи-каменки. Находки: фрагменты лепных роменских и мощинских сосудов (Екимов, Колоколов, 2023. С. 210)	101
селище Устье-2					
24	2017	3	Постройка 1	Постройка имела котлован подпрямоугольной формы, ориентированный углами по сторонам света. Его размеры 2,6 х 2,8 м., глубина – до 0.35 м. В заполнении содержались включения древесного угля, печины, прокаленных камней, являвшиеся, очевидно, остатками отопительного устройства. Находки: лепная керамика роменского типа, наконечник стрелы (Гоняный, 2020. С. 62–101)	100
селище Ивановка-2					
25	2006	Шурф 1	Яма 1	Яма располагалась в центре шурфа, заложенного в СЗ части селища, имела прямоугольную в форму, размеры 2,76 х 1,14 м, глубину – 0,38 м., и была ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Заполнена гумусированным суглинком с включениями углей, золы, камней и кусков обожженной глины мелкой фракции. Находки представлены фрагментами груболепной керамики роменского типа и гончарной салтовского типа (Зацаринный, 2023. С. 244–245). Вероятнее всего яма является заглубленной частью жилой постройки, с остатками отопительного устройства в заполнении.	102

Комплексы 2-й половины X – середины XI в.

(рис. 129–136)

№	год	№ раскопа	Название объекта	Описание	Рис.
городище Лобынское					
1	2022	2	Постройка 1	Постройка располагалась в Ю–В части раскопа. Следов котлована не зафиксировано. Сооружение имело подпрямоугольную форму, и было ориентировано по сторонам света. Реконструируемые размеры жилища – около 4 х 4 м. В юго-восточном углу зафиксированы остатки печи-каменки. Находки: фрагменты и развалы лепной роменской и раннегончарной посуды, 2 поясных накладки венгерского круга, бронзовая игла от подковообразной фибулы, две стеклянные многочастные бусины-пронизки, астрагал (Колоколов, 2024а. С. 138–156).	130
2			Постройка 2	Постройка 2 располагалась к западу от постройки 1. В Ю углу зафиксированы остатки печки-каменки. Жилище имеет небольшой котлован, край которого попал в створ раскопа. По причине плохой сохранности невозможно установить размер и конфигурацию постройки 2. Находки: серия нашивок (6 шт.) из свинцово-оловянистого сплава, фрагменты лепных роменских сосудов Колоколов, 2024а. С. 138–156).	131
городище Спицино					
Подъемный материал				Ряд находок с памятника позволяет ограничить период существования на его площадке славянского поселения 2-й половиной X в. Ими являются предметы североевропейского происхождения: серебряная подвеска с орнаментом в виде валют и пирамидки в центре, фрагмент подковообразной бронзовой фибулы с напускными усеченными пирамидками на дуге, игла от овальной фибулы «со шпорой» (Колоколов, Простяков 2021. С. 50–66)	129: 8–14
3	2019	1	Постройка 1	Постройка наземная, подквадратной формы, размерами около 4 х 4 м, ориентирована углами по сторонам света, незначительно заглублена в материк: 0.05 – 0.15 м. В северном углу зафиксированы остатки разрушенного отопительного сооружения –	129: 1, 16, 17

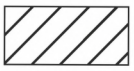
				пода округлой формы, диаметром около 0,9 м., изготовленного из глины с примесью мелких камней. Находки: 3 керамических лепных пряслица, железный нож, фрагменты лепных роменских и раннекруговых сосудов. (Арх. ИА РАН. Простяков, 2020. С. 17–18)	
4			Постройка 2	Постройка хозяйственная, относится к 1-му строительному периоду славянского поселения на городище. Имеет подпрямоугольную форму, сориентирована углами по сторонам света с незначительным отклонением, слабо заглублена в материк. Из заполнения происходит железное шило круглого сечения с плоским черешком, центральная часть которого тордирована, фрагменты лепных роменских сосудов (Арх. ИА РАН. Простяков, 2020. С. 19)	129: 1, 8.
5			Постройка 3	Постройка 1 имела наземную и заглубленную часть, имела подквадратную форму размерами около 4 х 4 м и была ориентирована углами по сторонам света с незначительным отклонением. Наземная часть постройки 3 незначительно заглублена в материк: 0.1 – 0.2 м. В З части постройки зафиксированы остатки сильно разрушенного отопительного сооружения. Находки: железный черешковый нож, фрагменты лепных роменских сосудов. (Арх. ИА РАН. Простяков, 2020. С. 19–21)	129: 1, 2, 7, 15
6			Постройка 5	Постройка 5 имела наземную и заглубленную часть, сориентирована по линии СЗ–ЮВ. Постройка имела подквадратную в плане форму, реконструируемые размеры около 5 х 4 м и была ориентирована углами по сторонам света с незначительным отклонением. Находки: железное зубильце, S-видный односоставной псалий, фрагменты лепных роменских сосудов, сгустки металлургического шлака (Арх. ИА РАН. Простяков, 2020. С. 22–23).	129: 1, 3–6
селище Сотино-1					
7	2014	Шурф 1	Объект 1	В 2014 году на селище был заложен шурф площадью 2 кв. м. На уровне материка, в планиграфии, вдоль южного и западного борта шурфа отмечен слой бурой супеси с вкраплением мелкого камня, угольков и печины – заполнение объекта. Из него происходили фрагменты лепной и раннекруговой керамики (Арх. ИА РАН.	133

				Столяров, 2014. С. 48–55)	
селище Б. Тризново-4					
8	2023	1	Постройка 1	Постройка имела наземную часть и нежилой котлован, который занимал большую часть сооружения. Котлован имел подпрямоугольную форму, и был ориентирован по сторонам света. Длина его исследованной части составляла 3,2 м, ширина – около 3 м, глубина – 0,3-0,4 м. Основание печи было зафиксировано рядом с котлованом, в 0,1 м к востоку, и представляло собой скопление прокаленных камней, печины и древесного угля. Находки: роговое острие, железный инструмент, фрагменты и развалы лепной роменской и раннегончарной посуды (Колоколов, Простяков, 2024)	132
городище Кетри					
9	2019	1	Постройка 2	Постройка имела наземную часть и нежилой котлован. Котлован имел длину 2,8 м, ширину – 1,5 м, занимал СВ половину сооружения, и был вытянут по линии СЗ–ЮВ. В ЮВ углу постройки зафиксирован развал печи-каменки. Находки: Железный дротовый браслет, Подвеска-амулет, изготовленная из клыка животного, фрагменты лепной роменской, раннегончарной и гончарной древнерусской посуды (Колоколов, Простяков, Столяров, 2021. С. 173–175)	134: 1–15
10			Постройка 4	Котлован постройки 4 имел подпрямоугольную в плане форму размерами около 4 х 1,5 м и был вытянут по линии С–Ю. Находки: фрагменты лепной роменской, раннегончарной и гончарной древнерусской посуды, сгустки металлургического шлака (Колоколов, Простяков, Столяров, 2021. С. 175)	134: 16–21
городище Тимофеевка					
11	1995	2	Яма 22	Яма вытянутой формы, имела размер 1,5 х 6,2 м, глубину 0,15 м, была сориентирована по линии СВ–ЮЗ. В заполнении содержались включения древесного угля, печины, большое количество прокаленных известняковых камней, являвшиеся, очевидно, остатками отопительного устройства. Яма представляет собой нежилой котлован наземного жилища. Находки: лепная керамика роменского типа, раннекруговая керамика с волнистым орнаментом, шиферное пряслице, 6 мелких	136

				фрагментов стенок гончарных белоглиняных сосудов (Арх. ИА РАН. Шеков, 1995).	
12	1996	3	Яма 33	Яма вытянутой подпрямоугольной формы, имела размер 1,5 х 4,9 м, глубину 0,3-0,4 м, была сориентирована по линии ЮВ–СЗ. В заполнении содержались включения древесного угля, печины, прокаленных известняковых камней. Над заполнением ямы были зафиксированы два скопления прокаленных известняковых камней, являвшиеся, очевидно, остатками отопительного устройства. Вероятно, яма представляет собой нежилой котлован наземного жилища. К СВ от него расположена линия столбовых ям, относящихся к конструкции наземной части постройки. Находки: лепная керамика роменского типа, раннекруговая керамика с линейным и волнистым орнаментом, гончарная древнерусская керамика, костяна проколка, оселок. (Арх. ИА РАН. Шеков, 1996).	135

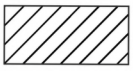
АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Условные обозначения:

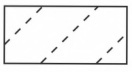

серый гумусированный суглинок

светло-серый гумусированный суглинок

светло-бурый гумусированный суглинок


темно-серый гумусированный суглинок

темно-серая супесь

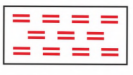

дифузионный предматериковый горизонт

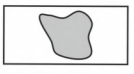
материковый горизонт

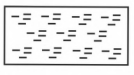
печная обмазка

фрагмент керамического сосуда

кость животного


прокаленный суглинок (печина)

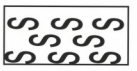

камень


материковый суглинок

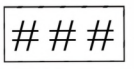
древесный уголь

индивидуальная находка

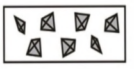
перекоп

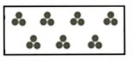

зола

песок



известь


обожженные камни

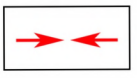

отходы металлургического производства

сгусток металлургического шлака

целая форма лепного сосуда

разрез объекта

развал сосуда


место заложения стратиграфического разреза

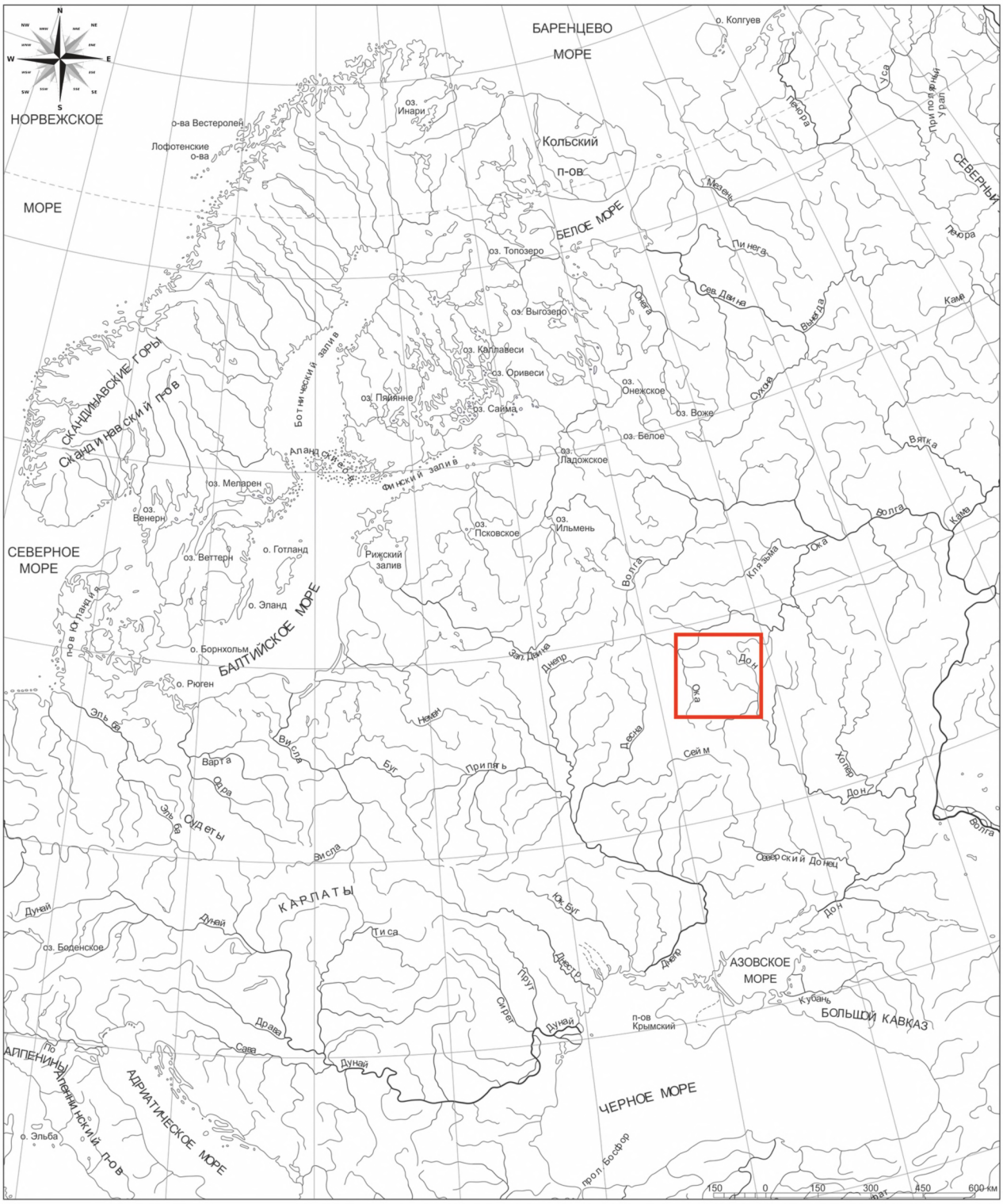
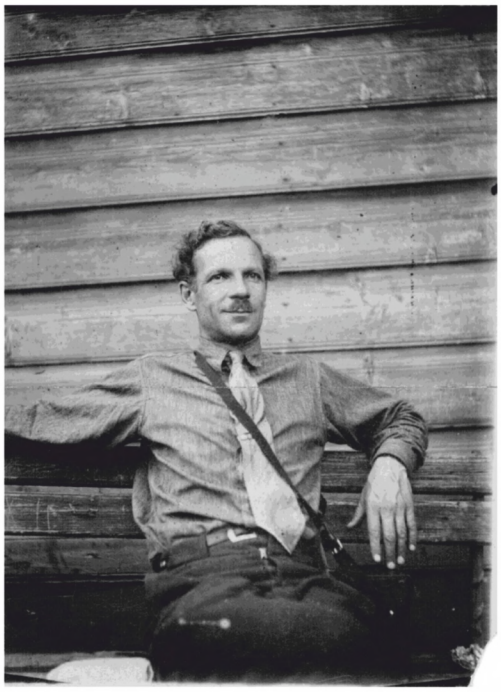


Рис. 1. Верховья Оки и Дона. Географические рамки исследования.

Гендуне
Юлия Густавовна
(1863-1909)

Городцов
Василий Алексеевич
(1860-1945).

Доррер
Георгий Алексеевич
(1910-1941)

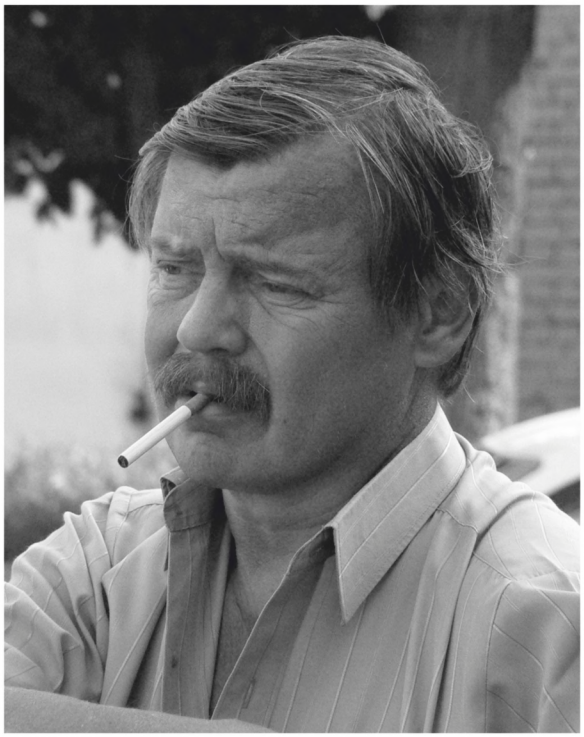


Дружинин
Михаил Андреевич
(1896-1938)

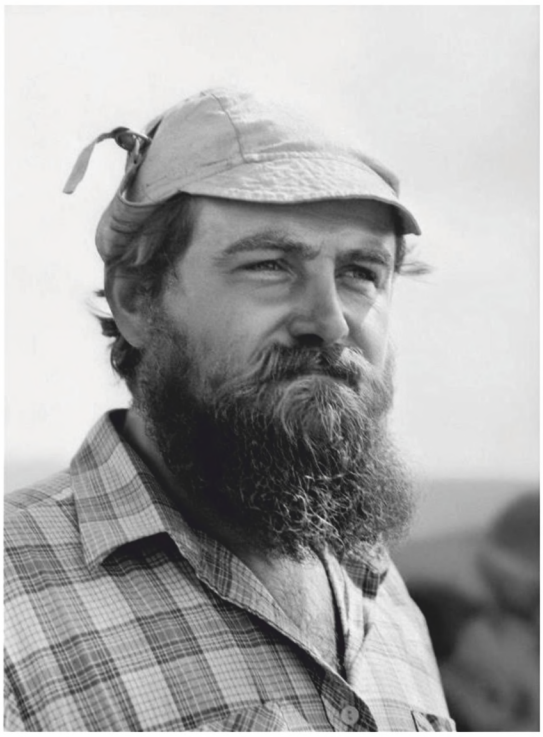
Рис. 2. Исследователи славянских памятников верховьев Оки и Дона конца XIX – 1-й половины XX в.

Изюмова Софья Андреевна
(в центре)
(1920-2020)

Никольская
Татьяна Николаевна
(1919-2001)



Григорьев
Александр Вадимович
(1959-2017)



Гоняный
Михаил Иванович
(1953-2020)

Рис. 3. Исследователи славянских памятников верховьев Оки и Дона 2-й половины XX – начала XXI в.

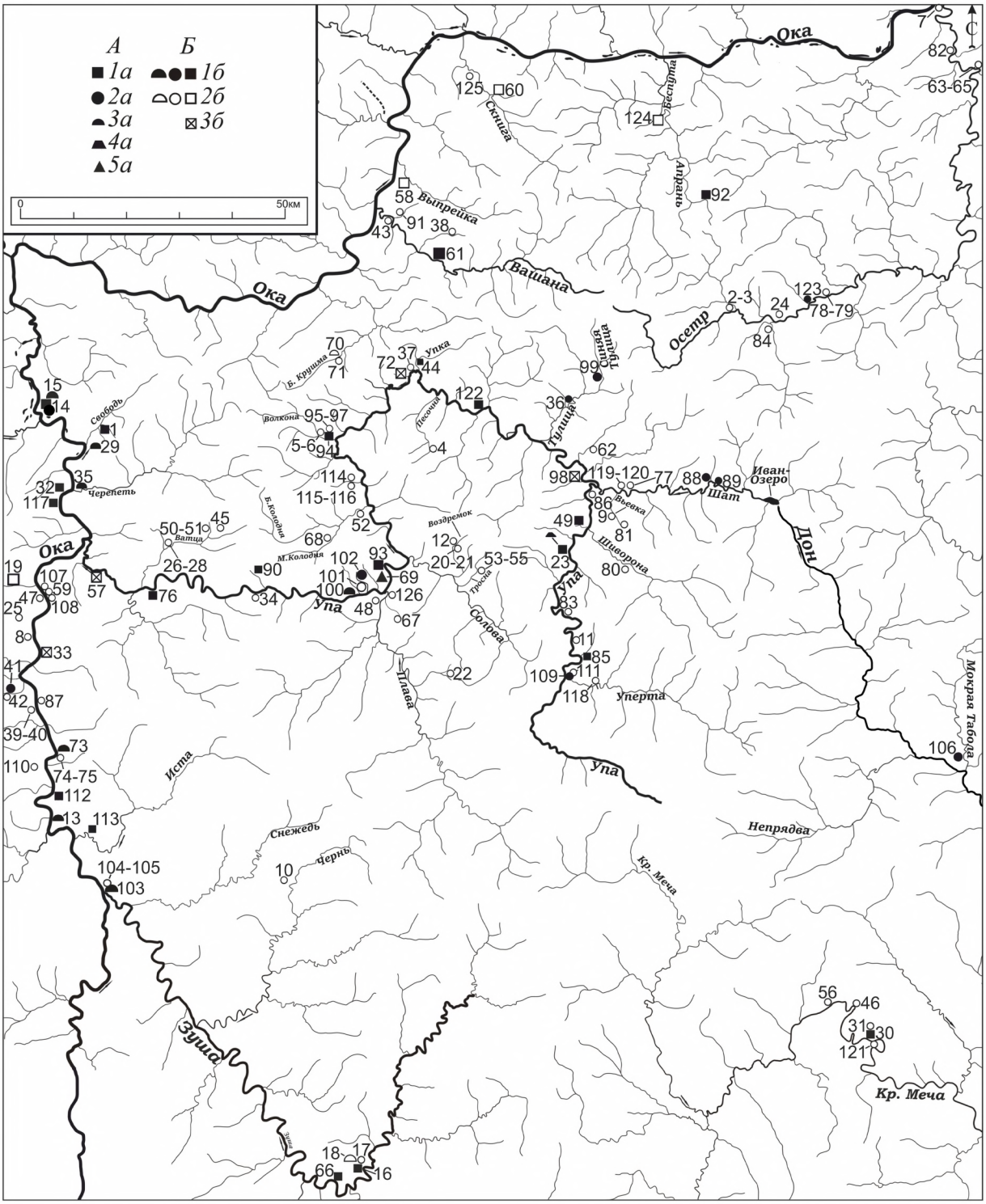


Рис. 4. Памятники VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона.

Условные обозначения:

а – тип памятника: 1а – городище; 2а – селище; 3а – курганный могильник; 4а – мемориальный комплекс; 5а – местонахождение; б – степень изученности: 1б – памятники изученные раскопками; 2б – памятники известные по разведочным данным; 3б – утраченные памятники.

Рис. 4. Памятники VIII – 1-й половины XI вв. верховьев Оки и Дона.

Легенда к карте.

1 – Акиньшино; 2 – Андреевка-1; 3 – Андреевка-2; 4 – Батищево-4; 5 – Березово-1; 6 – Березово-2; 7 – Берхино-1; 8 – Болтенки; 9 – Болхово-1; 10 – Бунаково; 11 – Бутырки; 12 – Воздремо-10; 13 – Воронец; 14 – Вороново; 15 – Вороново; 16 – Воротынцево; 17 – Воротынцево-8; 18 – Воротынцево; 19 – Вырск; 20 – Головеньки-1; 21 – Голвеньки-3; 22 – Голощапово-3; 23 – Гора Услань; 24 – Грабоново-1; 25 – Давыдово; 26 – Денисово-1; 27 – Денисово-2; 28 – Денисово-3; 29 – Доброе; 30 – Дубики; 31 – Дубики-1; 32 – Дуна; 33 – Жабынь; 34 – Жемчужниково; 35 – Западное; 36 – Ивановка-2; 37 – Изволь-1; 38 – Калединовка-4; 39 – Кализна-1; 40 – Кализна-2; 41 – Каменка-1; 42 – Каменка-2; 43 – Карташово-1; 44 – Кетри; 45 – Кирилловка-3; 46 – Козье; 47 – Кондратово; 48 – Крапивна; 49 – Лобынское; 50 – Лужки-1; 51 – Лужки-5; 52 – Лужное-8; 53 – Майский-1; 54 – Майский-4; 55 – Майский-5; 56 – Маслово; 57 – Мишнево; 58 – Мосолово; 59 – Мощены; 60 – Нижняя Городня; 61 – Никулино; 62 – Новоселки-2; 63 – Новоселки-1; 64 – Новоселки-2; 65 – Новоселки-3; 66 – Новосиль; 67 – Образцово-2; 68 – Озерки-1; 69 – Орлово; 70 – Панское; 71 – Панское-1; 72 – Першино; 73 – Песковатое; 74 – Песковатое-1; 75 – Песковатое-4; 76 – Петровское; 77 – Победа; 78 – Причаль-1; 79 – Причаль-2; 80 – Пушкарские выселки-1; 81 – Пятницкое-1; 82 – Ратьктно-2; 83 – Сатинка-1; 84 – Свиридовский-2; 85 – Свисталовка; 86 – Сергиевское; 87 – Сестринский; 88 – Слободка-1; 89 – Слободка-2; 90 – Снедка; 91 – Сотино-1; 92 – Спицино; 93 – Супруты; 94 – Тимофеевка; 95 – Тимофеевка-1; 96 – Тимофеевка-2; 97 – Тимофеевка-3; 98 – Таптыково; 99 – Торхово-3; 100 – Б. Тризново; 101 – Б. Тризново-3; 102 – Б. Тризново-4; 103 – Тшлыково; 104 – Тшлыково-1; 105 – Тшлыково-3; 106 – Устье-2; 107 – Устье Гастунки; 108 – Устье Усты; 109 – Уткино-1; 110 – Уткино-3; 111 – Уткино-4; 112 – Федяшево; 113 – Фурсово-2; 114 – Хотетово-2; 115 – Хотетово-5; 116 – Хотетово-7; 117 – Чекалин; 118 – Чифировка; 119 – Шатск-17; 120 – Шатск-18; 121 – Шилово; 122 – Щепилово; 123 – Щучье-1; 124 – Юрцово; 125 – Яковлево-1; 126 – Ярцево-5.

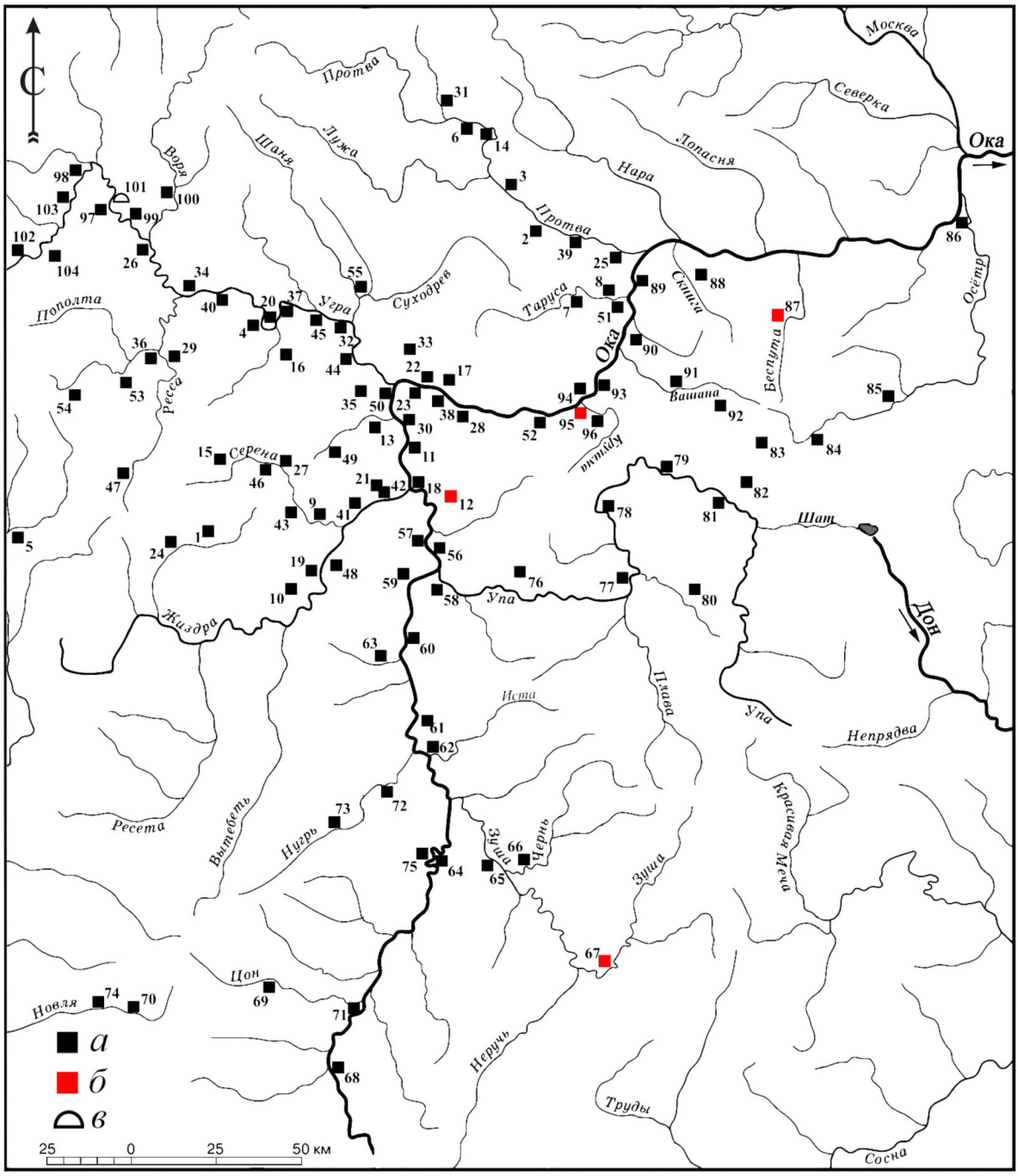


Рис. 5. Городища и курганы мощинской культуры. (По: Воронцов, 2016. Рис. 1)

а – городища, б– городища, на которых зафиксированы находки VI– VII вв., в– курганы.

Рис. 5. Городища и курганы мощинской культуры.

1- Алнеры, 2- Алтухово, 3- Огубское, 4- Бекасово, 5- Бережки, 6- Боровск, 7- Лысая гора, 8- Бояково, 9- Бурнашево, 10- Волконское, 11- Вороново, 12- Акиньшино, 13- Воротынск, 14- Высоково, 15- Городец, 16- Городище, 17- Городня, 18- Гремячево, 19- Дешевки, 20- Дюкино, 21- Ждановка, 22- Ждамирово, 23- Ромоданово, 24- Кириллово, 25- Кислино, 26- Жары, 27- Копцово, 28- Ладыгино, 29- Ленское, 30- Мал. Сушка, 31- Маламахово, 32- Матово, 33- Матюнино, 34- Мокрое, 35- Мордвиново, 36- Мощины, 37- Николо-Ленивец, 38- Никольское, 39- Оболенское, 40- Палатки, 41- Подборки, 42- Покровское, 43- Пронино, 44- Свинухово, 45- Сени, 46- Серенск, 47- Серпейск, 48- Сосенский, 49- Спас, 50- Спас-Городок, 51- Таруса 1, 52- Троицкое 2, 53- Спас-Перекша (Хотибино), 54- Шитово, 55- Щебзавод, 56- Белое, 57- Дуна, 58- Мишнево, 59- Нов. Слободка, 60- Жабынь, 61- Федяшево, 62- Фурсово 1, 63- Каменка, 64- Торкуновка, 65- Мценск, 66- Зайцево, 67- Воротынцево, 68- Лужки (Пашково), 69- Комаровское, 70- Железное, 71- Знаменка (Гать), 72- Кишкино, 73- Рожково, 74- Большое Слободкинское, 75- Сторожевое, 76- Кирилловка, 77- Супруты, 78- Поречье, 79- Щепилово, 80- Майский, 81- Таптыково, 82- Бежка, 83- Торхово, 84- Бордуково, 85- Щучье (Соколовка), 86- Ростиславль, 87- Борисово, 88- Нижняя Городня, 89- Бёхово, 90- Мосолово, 91- Никулино, 92- Ново-Клеймёново, 93- Сорокинское, 94- Петровское, 95- Картавцево, 96- Сенёво, 97- Федотково 1, 98- Азаровка, 99- Кобелёво 1, 100- Мамуши 2, 101- Федотково, 102- Самбурово, 103- Дрожжино, 104- Знаменка 2.

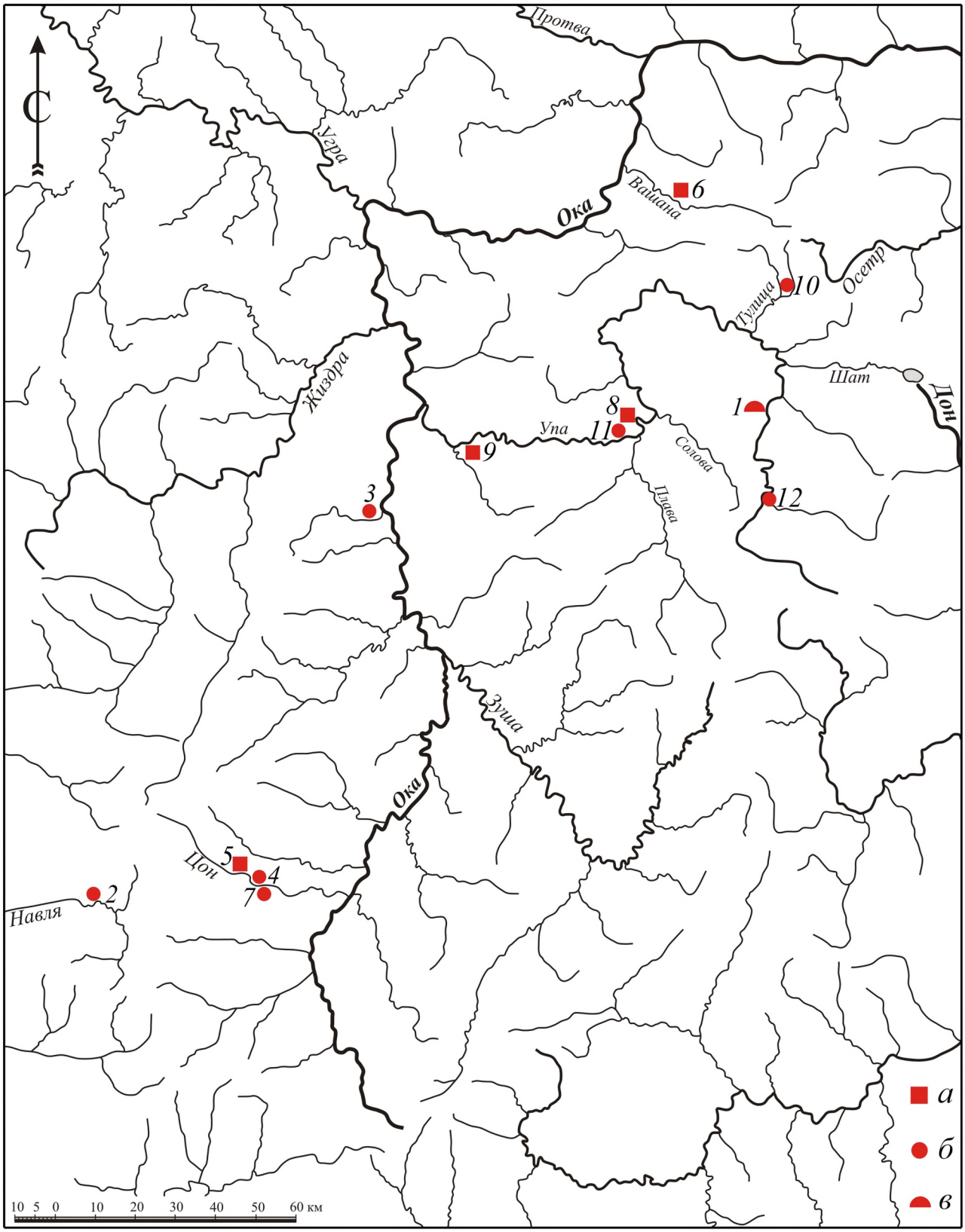


Рис. 6. Находки древностей 2-й половины VII–VIII в. на территории Верхнего Поочья. *1* – Гора Услань; *2* – Железное Городище-1; *3* – Каменка-1; *4* – Лебедка; *5* – Муравлево; *6* – Никулино; *7* – Сеножатное-3; *8* – Супруты; *9* – Петровское; *10* – Торхово-3; *11* – Б. Тризново-3; *12* – Уткино-1.

Условные обозначения: *а* – городище; *б* – селище; *в* – мемориальный комплекс.

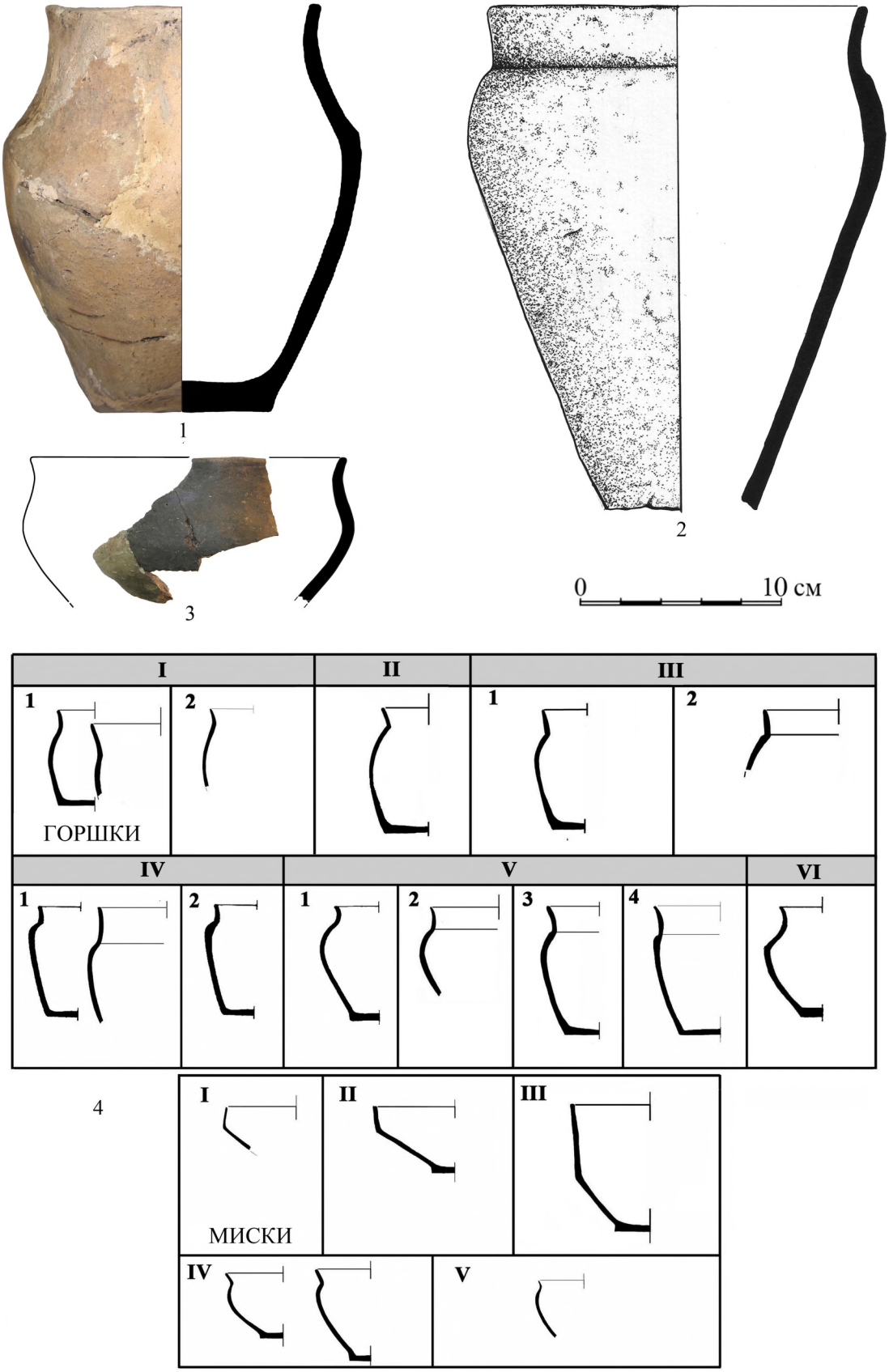


Рис. 7. Находки сосудов мощинской традиции в комплексах IX–X вв.

1,2 – гор. Супруты (1 – раскоп XXVII, постройка 1; 2 – раскоп XXV, постройка 2); 3 – сел. Каменка-1 (постройка XXII); 4 – типология керамики мощинской культуры А.М. Воронцова. (по: Воронцов, 2013. Рис. 10)

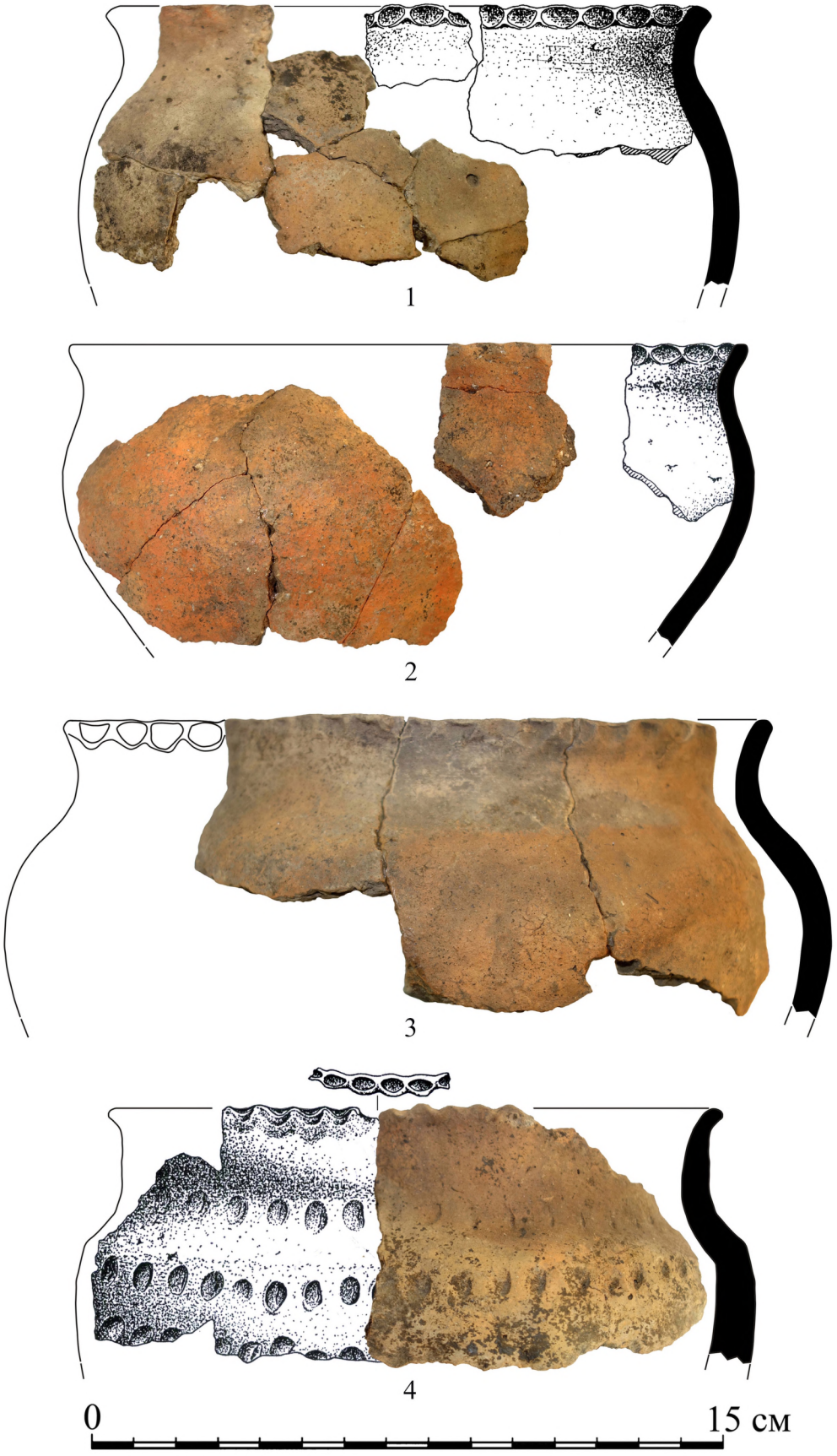


Рис. 8. Лепная керамика круга Сахновки с сел. Каменка-1.

1, 2, 4 – яма II; 3 – яма XLIX.

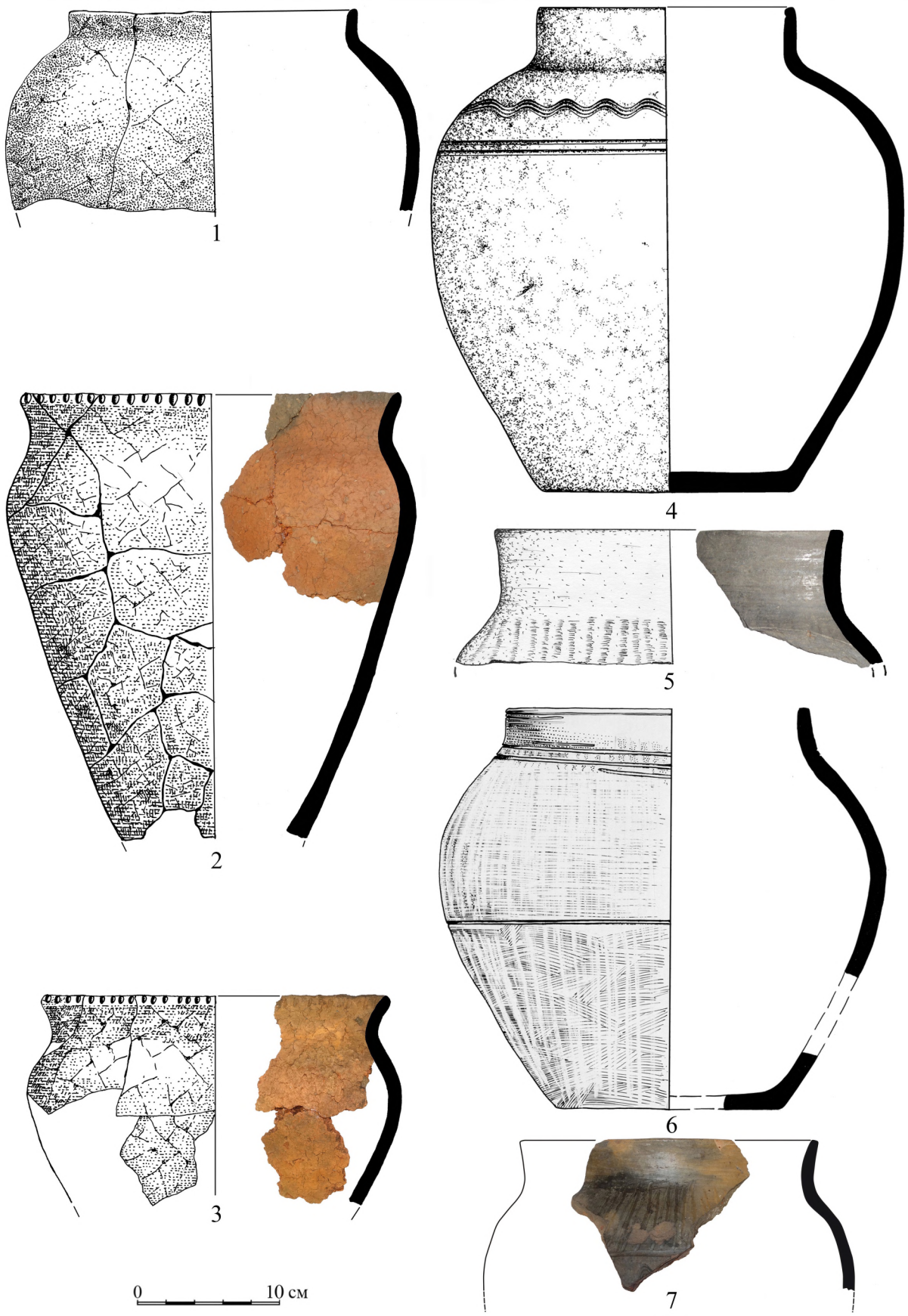


Рис. 9. Лепная керамика круга Сахновки и гончарная керамики круга Битицы с памятников верховьев Оки и Дона.

1–3 – лепные сосуды; 4–7 – круговые сосуды.

1–3 – гор. Супруты (раскоп XXVIII, постройка 3); 4 – гор. Супруты, (раскоп XIX, Кв. 465. Пл. 5); 5 ,6 – сел. Торхово–3 (5 – яма 36; 6 – яма 65); 7 – сел. Уткино-1 (р. III, яма 37).

Рис. 10. Вещевые находки 2-й половины VII – VIII в. с памятников верховьев Оки и Дона

1–3, 5 – звездчатые подвески; 4, 8 – поясные накладки; 6 – фрагмент браслета; 7 – нашивка; 9 – пряжка.

1–9 – бронза.

1–4 – сел. Б. Тризново–3; 5 – гор. Муравлево; 6 – гор. Петровское 7, 8 – городище Супруты; 9 – городище Никулино. Подъемный материал.

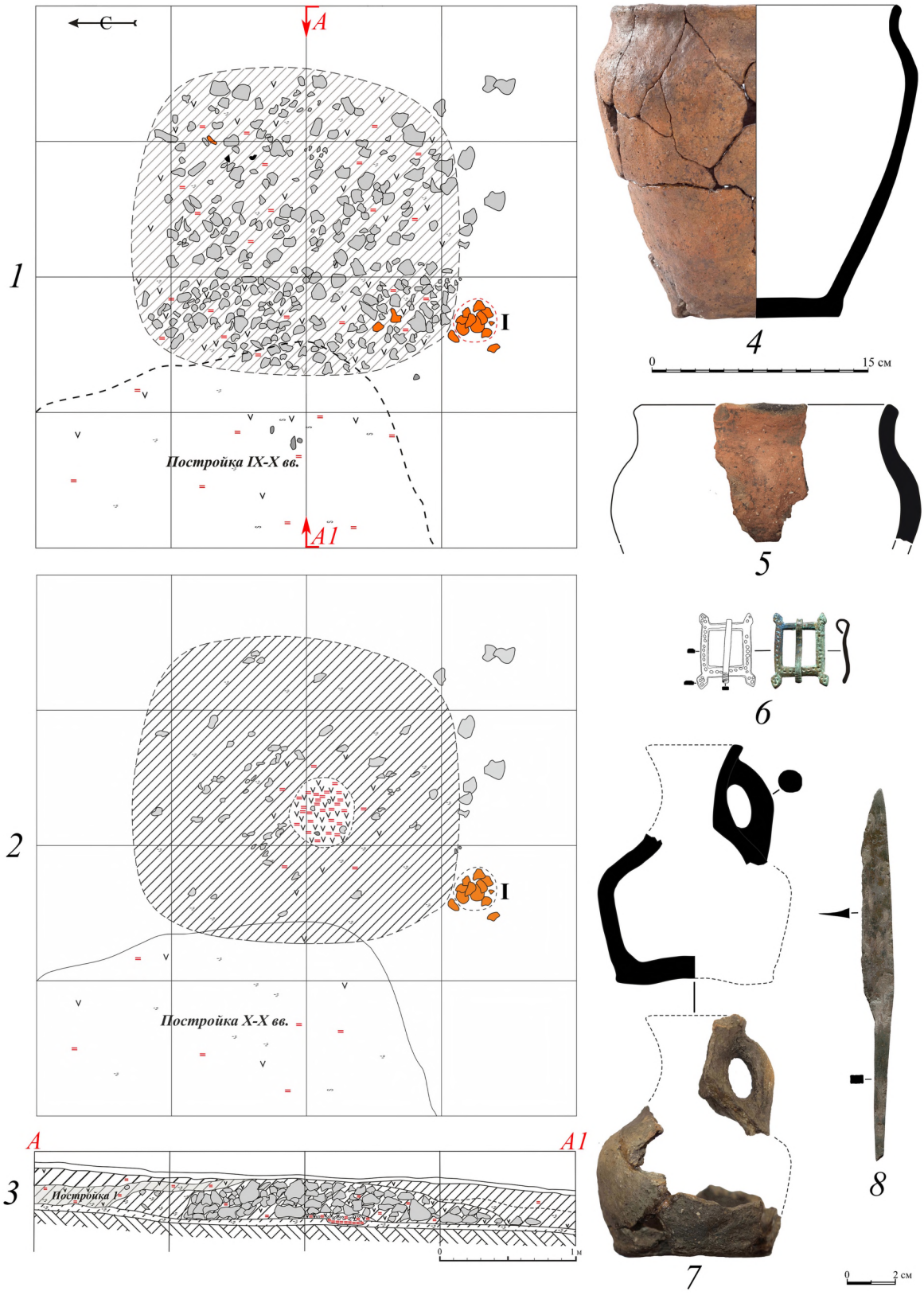


Рис. 11. Городище у д. Гора Услань. Ритуальное сооружение 1, работы 2021 года.

1 – ритуальное сооружение 1 после расчистки каменной выкладки; 2 – ритуальное сооружение 1 после разбора каменной выкладки, на уровне кострища; 3 – стратиграфический профиль каменной выкладки.

4–8 – находки из ритуального сооружения; 4 – лепной сосуд (1-I); 5 – лепной сосуд (1-II); 6 – пряжка; 7 – миниатюрный лепной кувшин; 8 – нож

4 – подножье каменной выкладки; 6, 7 – кострище; 8 – 20 см. к СЗ от кострища; 5 – нижняя часть каменной выкладки над кострищем.

4, 5, 7 – керамика; 6 – бронза; 8 – железо.

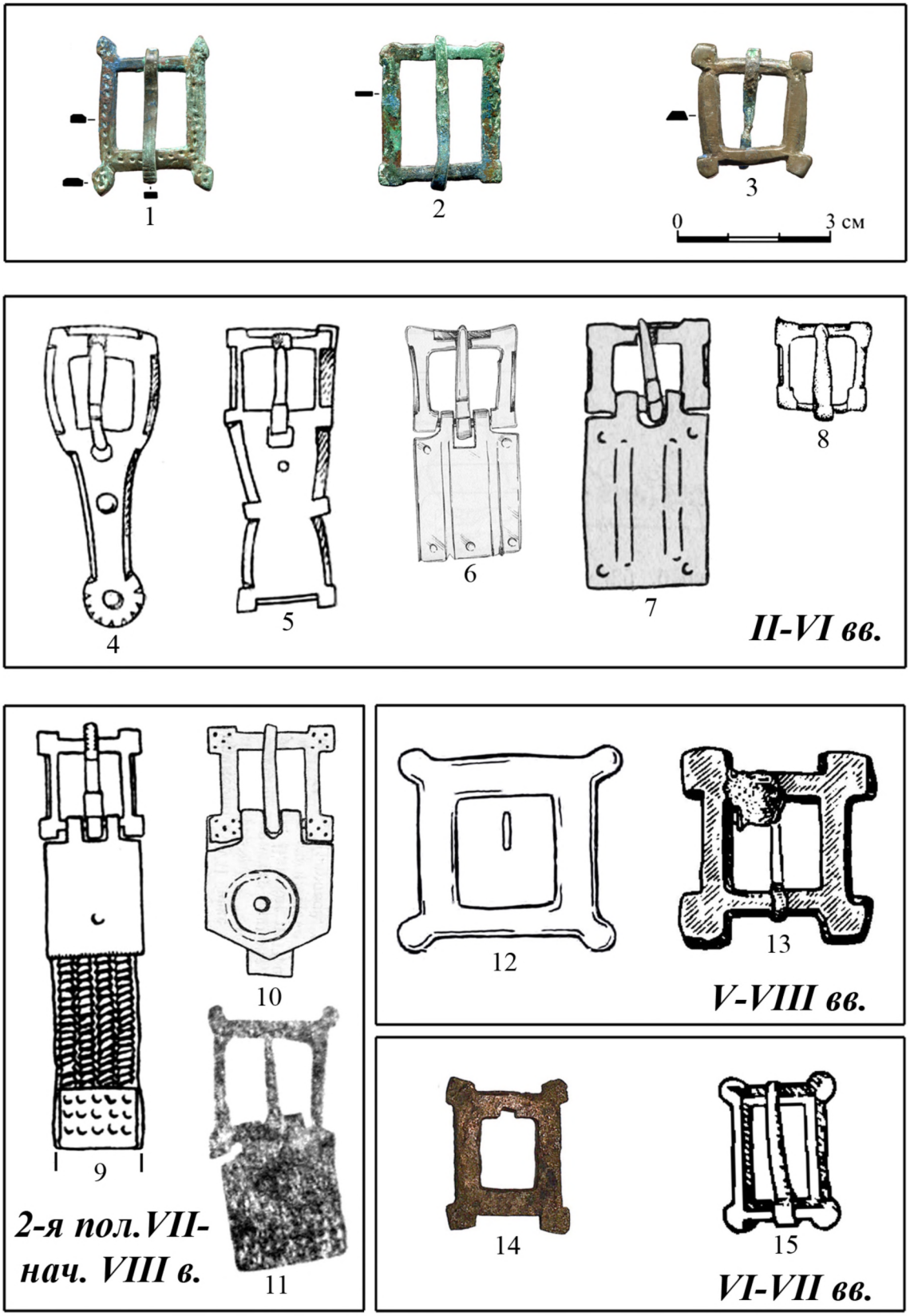


Рис. 12. Аналогии и прототипы пряжкам со склонов городища и из поминального комплекса на площадке городища у д. Гора Услань.

1 – 3 – гор. Гора Услань;

4 – Суворовский мог., погребение 5; 5 – Азелинский мог., погребение 15; 6 – Тарасовский мог., погребение 727; 7 – Селиксо-Трофимовский мог., погребение 8; 8 – Салиховский мог., курган 7; 9 – мог. Красное–III, погребение 10; 10 – Серповский мог., погребение 33; 11 – Елизавет-Михайловский мог., погребение 10; 12 – сел. Целиков Бугор, постройка 1; 13 – Харачеевский мог., погребение 10; 14 – Безводнинский мог., погребение 149; 15 – Старший Кужиндеевский мог., погребения 2 и 15.

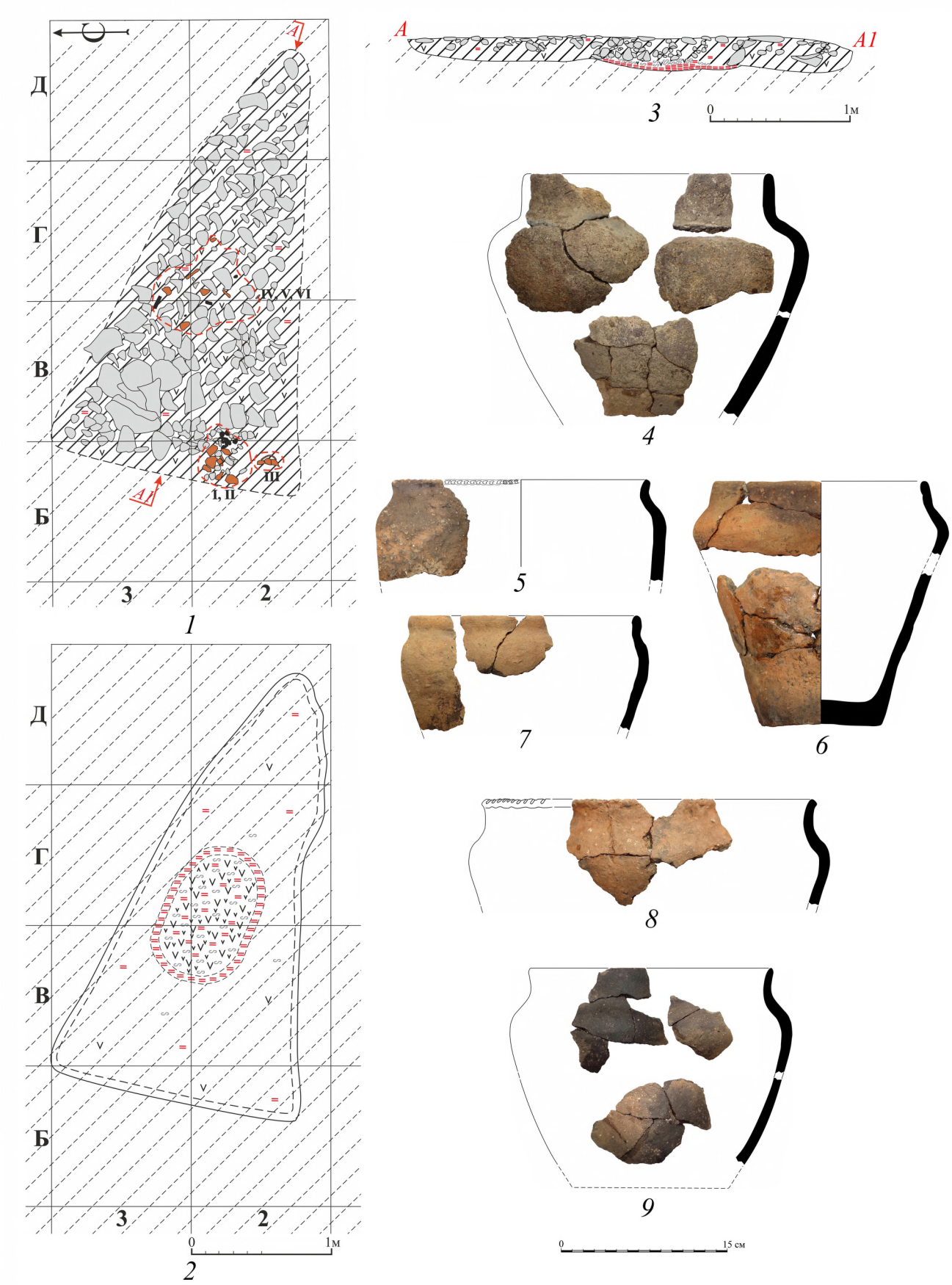


Рис. 13. Городище у д. Гора Услань. Ритуальное сооружение 2, работы 2024 года.

1 – ритуальное сооружение 2 после расчистки; 2 – ритуальное сооружение 2 после разбора каменной выкладки; 3 – разрез А–А1.

4–9 – керамические сосуды, зафиксированные на поверхности и у подножья каменной выкладки. 4 – сосуд 2-I; 5 – сосуд 2-II; 6 – сосуд 2-III; 7 – сосуд 2-IV; 8 – сосуд 2-V; 9 – сосуд 2-VI.

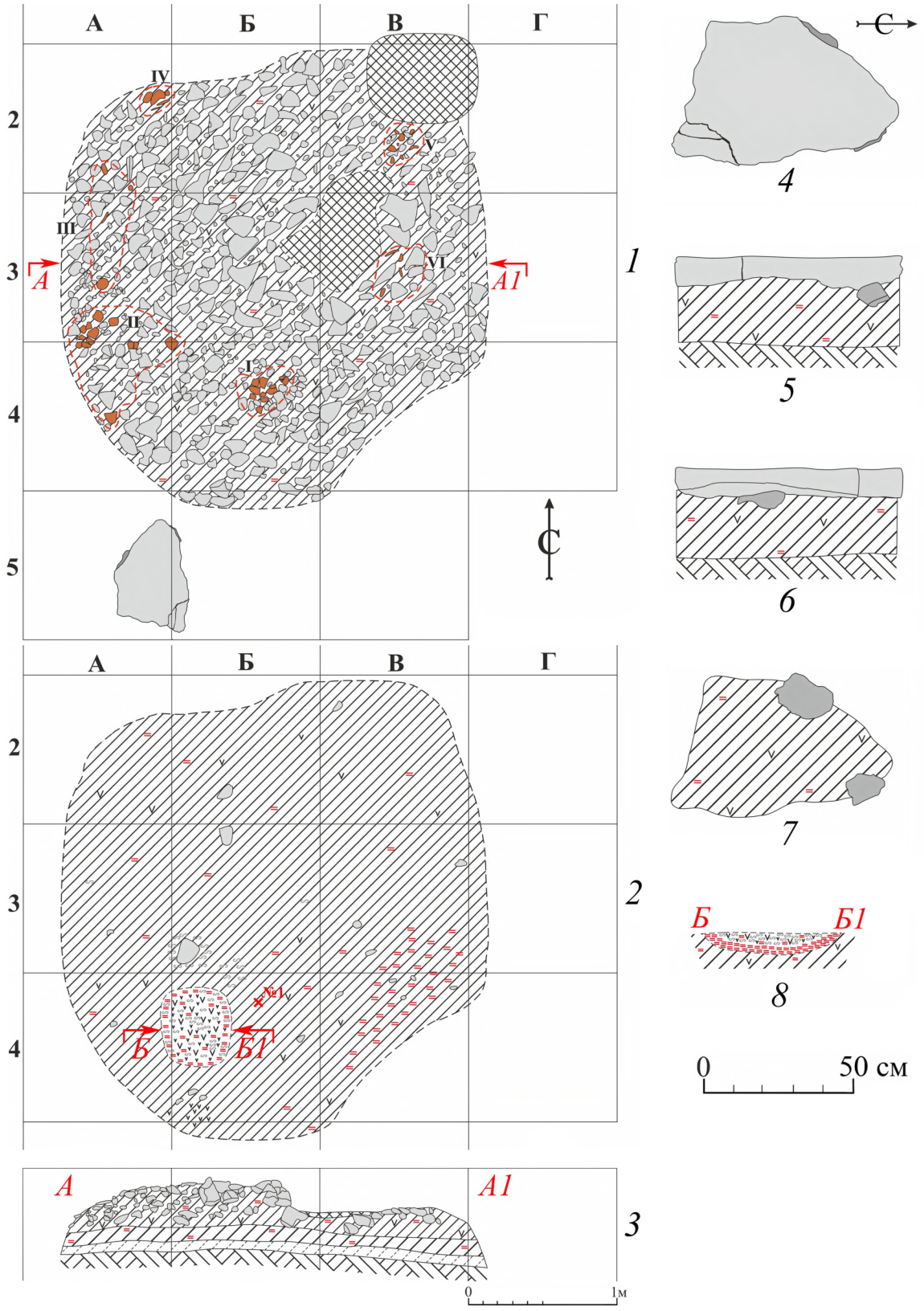


Рис. 14. Городище у д. Гора Услань. Ритуальное сооружение 3, работы 2024 года.

1 – ритуальное сооружение 3 после расчистки; 2 – ритуальное сооружение 3 после разбора каменной выкладки; 3 – разрез А–А1;

4–7 – жертвенный камень: 4 – вид сверху; 5 – вид с В; 6 – вид с З; 7 – каменные подставки под жертвенный камень.

8 – кострище, разрез Б–Б1.

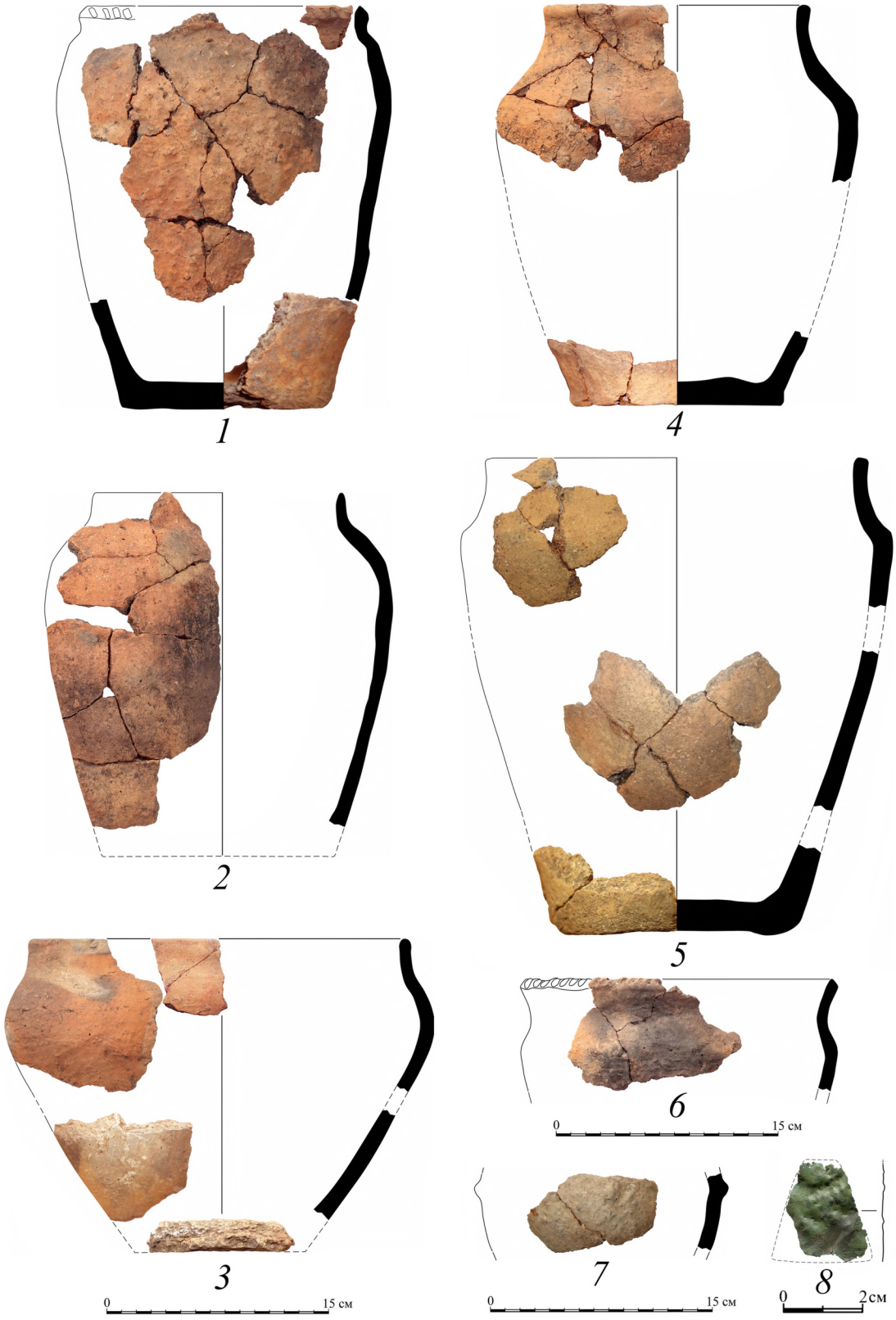


Рис. 15. Городище у д. Гора Услань. Ритуальное сооружение 3, работы 2024 года.

1–6 – керамические сосуды, зафиксированные на поверхности каменной выкладки. 1 – сосуд 3-I; 2 – сосуд 3-II; 3 – сосуд 3-III; 4 – сосуд 3-IV; 5 – сосуд 3-V; 6 – сосуд 3-VI.

7 – стенка сосуда с налепной шишечкой

8 – трапециевидная подвеска, обнаруженная вблизи кострища, бронза.

Рис. 16. Находки с площадки и склонов гор. Гора Услань.

1 – фрагмент зеркала; 2,3 – пряжки; 4,5 – фрагменты лепных сосудов.

1-4 – склоны городища; 5 – раскоп 3, слой 0.

1-3 – бронза; 4,5 – керамика.

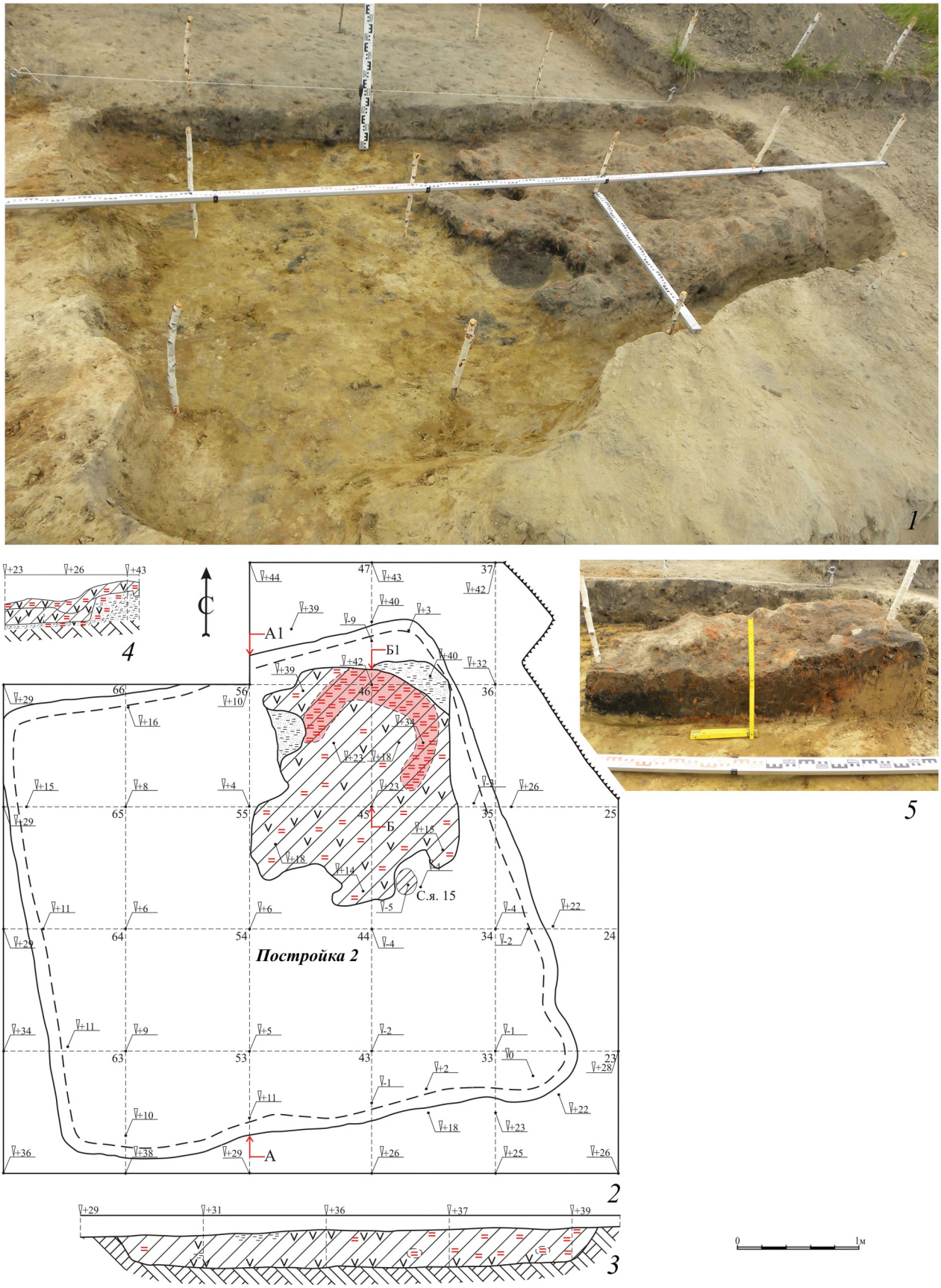


Рис. 17. Пос. «Железное городище». Постройка 2 в процессе выборки.

1 – постройка в процессе выборки, фотография, вид с востока. В северо-восточном углу – расчищенный развал глинобитной печи*; 2* – постройка в процессе выборки, чертеж*; 3* – разрез постройки А-А1, чертеж, вид с востока*; 4* – разрез глинобитной печи, чертеж, вид с востока*; 5* – разрез глинобитной печи, фотография, вид с востока. По: Арх. ИА РАН. Столяров, 2014.

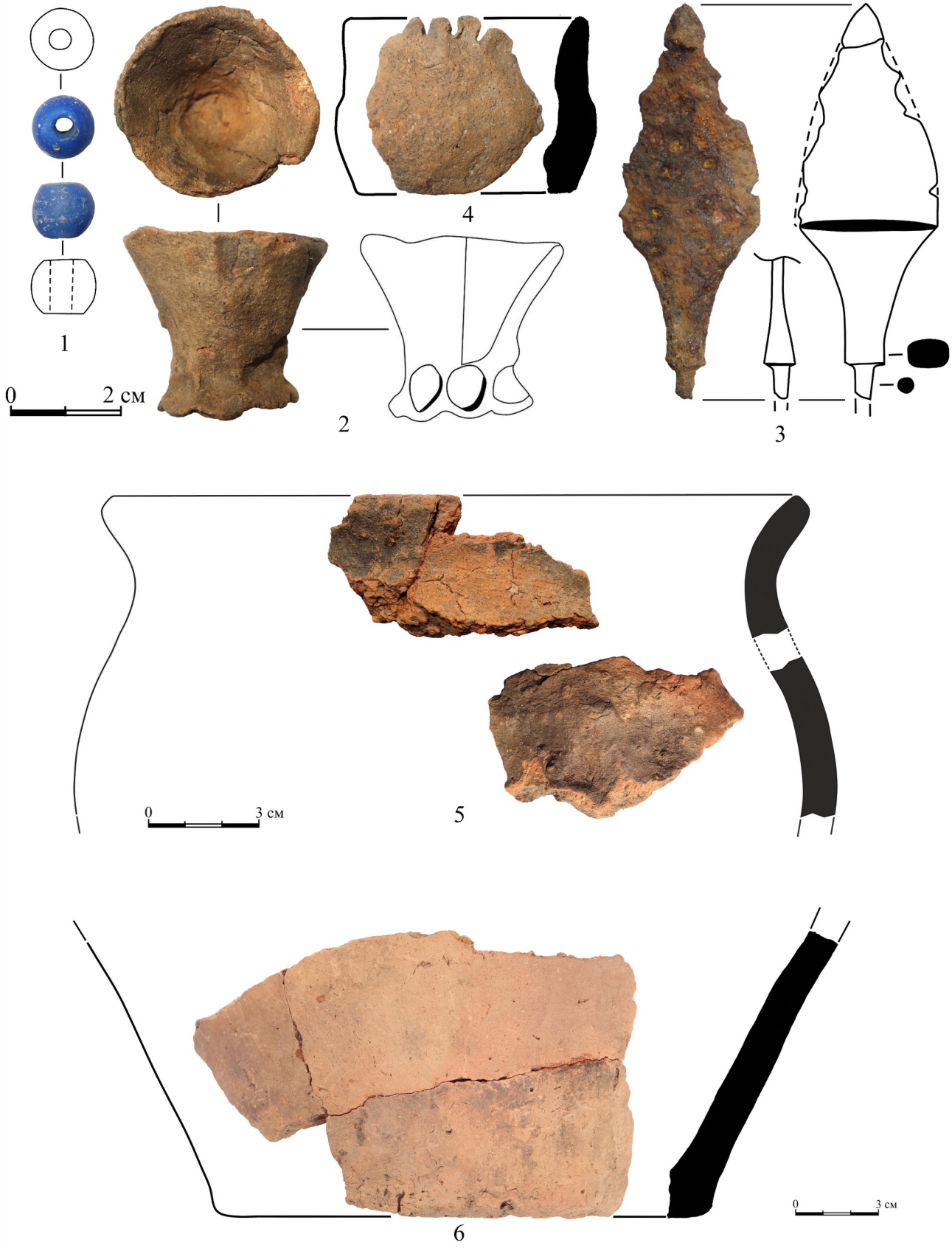


Рис. 18. Пос. «Железное городище». Находки из постройки 1.

1 – синяя бусина; 2, 4 – миниатюрные сосуды; 3 – наконечник стрелы; 5, 6 – фрагменты лепных сосудов круга Сахновки.

1 – стекло; 2, 4, 5, 6 – керамика; 3 – железо.

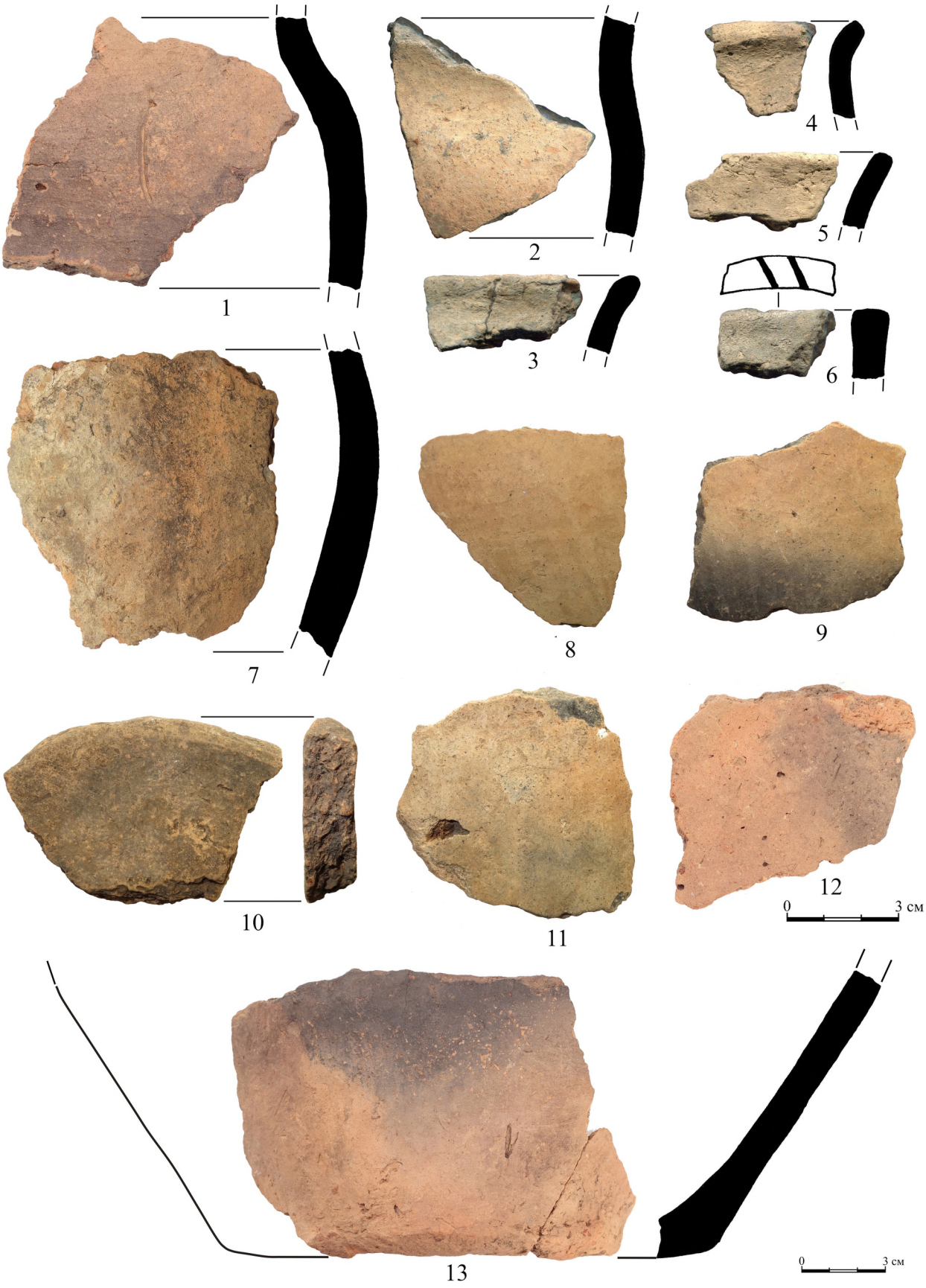


Рис. 19. Пос. «Железное городище». Находки из постройки 1.
Фрагменты лепных сосудов круга Сахновки.

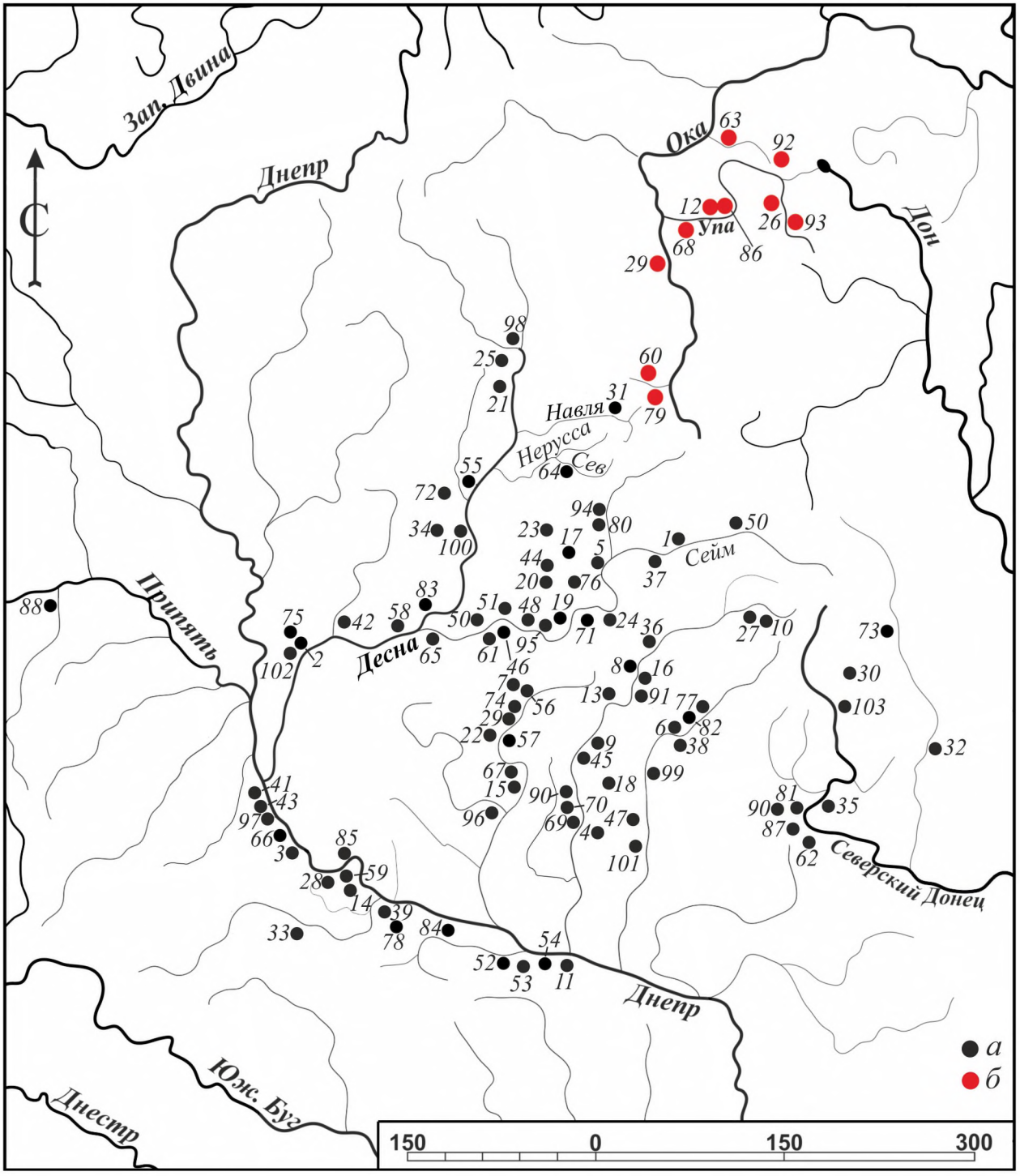


Рис. 20. Карта распространения памятников содержащих материалы волынцевского типа на территории Поднепровья, Подесенья и бассейна Северского Донца и памятников с материалами VIII в. на территории Верхнего Поочья.

Условные обозначения: *а* – памятники с материалами волынцевского типа на территории Поднепровья, Подесенья и бассейна Северского Донца*; б* – памятники с материалами волынцевского типа в Верхнем Поочье.

Рис. 20. Карта распространения памятников содержащих материалы волынцевского типа на территории Поднепровья, Подесенья и бассейна Северского Донца и памятников с материалами VIII в. на территории Верхнего Поочья.

Легенда к карте.

1 – Авдеево; 2 – Александровка 1; 3 – Белгородка; 4 – Белокони; 5 – Березняки 3; 6 – Березовка; 7 – Беседовка; 8 – Битица; 9 – Бишкинь; 10 – Бобрава 5; 11 – Большая Андрусовка; 12 – Большое Тризново 3; 13 – Бровково; 14 – Бучак; 15 – Васильки; 16 – Верхняя Чернетчина; 17 – Веселое; 18 – Вовки; 19 – Волынцево; 20 – Воргол; 21 – Выгоничи; 22 – Глинск; 23 – Глухов; 24 – Глушково 1; 25 – Голяжье; 26 – Гора Услань; 27 – Гочево 3; 28 – Григоровка; 29 – Деркачевка-Довжик; 30 – Дмитриевка; 31 – Железное Городище; 32 – Жовтенево; 33 – Журавка; 34 – Залиновье; 35 – Занки; 36 – Запселье; 37 – Иванино 2; 38 – Ивановка; 39 – Канев; 40 – Каменка 1; 41 – Киев; 42 – Киселево 2; 43 – Китаево; 44 – Кочерги; 45 – Кудановка; 46 – Куриловка 2; 47 – Лаврики; 48 – Латышевка; 49 – Лебяжье 3; 50 – Ленинское; 51 – Литвиновичи 3; 52 – Луг 1; 53 – Луг 2; 54 – Макаров Остров; 55 – Макча; 56 – Малые Будки; 57 – Мельники 1; 58 – Мена 5; 59 – Монастырек; 60 – Муравлево; 61 – Нечаевка; 62 – Нижний Бишкинь 1; 63 – Никулино; 64 – Новоямское 1–3; 65 – Обмачев; 66 – Обухов 2; 67 – Пески; 68 – Петровское; 69 – Плешивец; 70 – Поповка; 71 – Попово-Лежачи 4; 72 – Посудичи; 73 – Приоскольское 2; 74 – Раковая Сечь; 75 – Роище; 76 – Руднево; 77 – Рябовка 3; 78 – Сахновка; 79 – Сеножатное 3; 80 – Сныткино 3; 81 – Соколово; 82 – Солдатское; 83 – Сосновка; 84 – Стецовка; 85 – Стовпяги; 86 – Супруты; 87 – Сухая Гомольша; 88 – Сущаны-Хмельник; 89 – Терновый; 90 – Тимченки; 91 – Токари; 92 – Торхово 3; 93 – Уткино 1; 94 – Харасея; 95 – Харьевка; 96 – Хитцы; 97 – Ходосовка; 98 – Хотылево; 99 – Хухра; 100 – Целиков бугор; 101 – Чередники; 102 – Шестовица; 103 – Шоссейное.

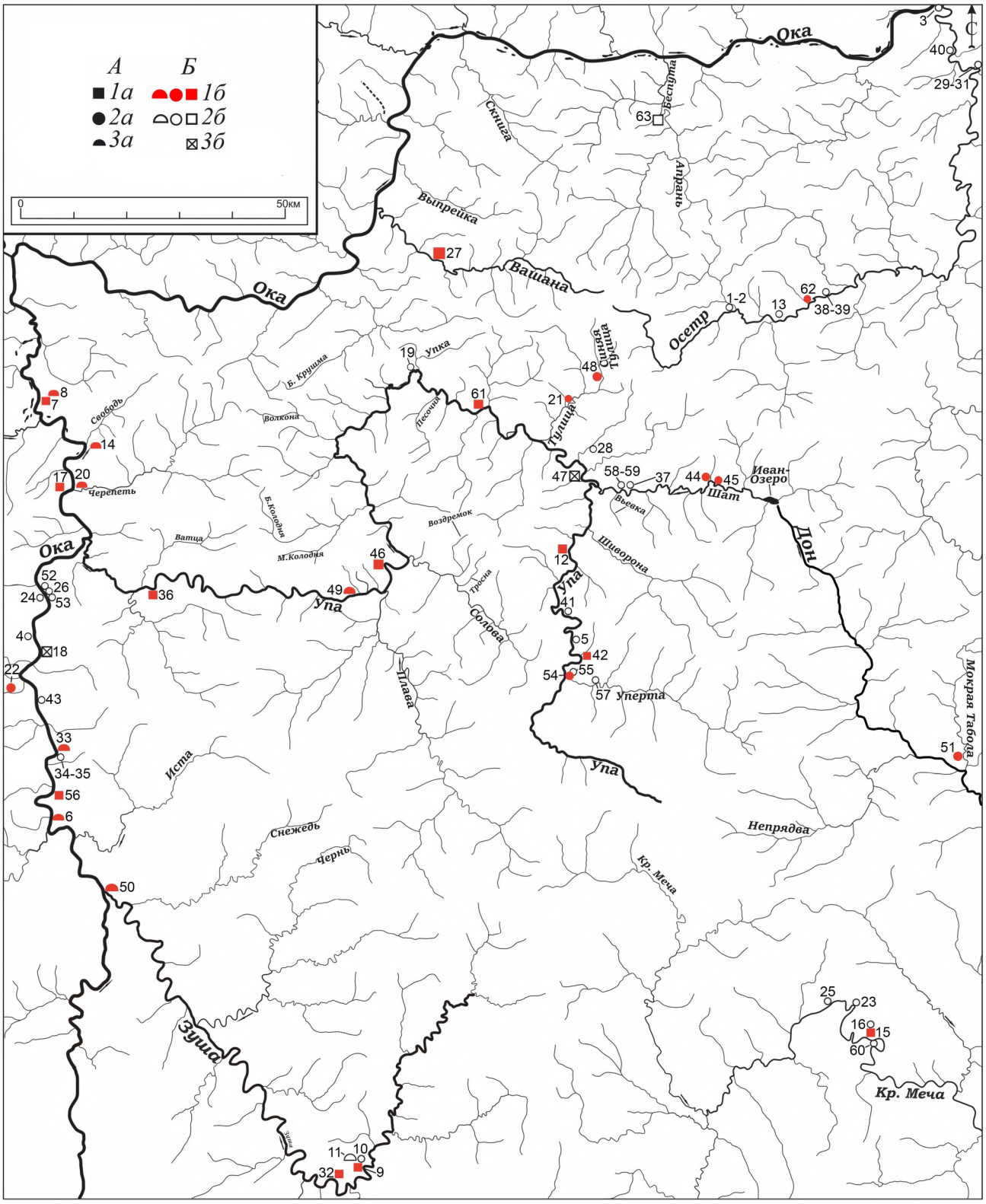

А
Б
1а
1б
2а
2б
3а
3б
0
50км
Ока
Ока
Ока

Рис. 21. Памятники IX – 1-й половины X в. верховьев Оки и Дона.

1–Андреевка-1; 2–Андреевка-2; 3–Берхино-1; 4–Болтенки; 5–Бутырки; 6–Воронец; 7–Вороново; 8–Вороново; 9 –Воротынцево; 10–Воротынцево-8; 11–Воротынцево; 12–Гора Услань; 13–Грабоново-1; 14–Доброе; 15–Дубики; 16–Дубики-1; 17–Дуна; 18–Жабынь; 19–Изволь-1; 20–Западное; 21–Ивановка–2; 22–Каменка–1; 23–Козье-1; 24–Кондратово; 25–Маслово-1; 26–Мощены; 27–Никулино; 28–Новоселки–2; 29–Новоселки–1; 30–Новоселки-2; 31–Новоселки-3; 32–Новосиль; 33–Песковатое; 34–Песковатое–1; 35–Песковатое-4; 36–Петровское; 37–Победа; 38–Причаль-1; 39–Причаль-2; 40–Ратьктно-2; 41–Сатинка-1; 42–Свисталовка; 43–Сестринский; 44–Слободка-1; 45–Слободка-2; 46–Супруты; 47–Таптыково; 48–Торхово-3; 49–Б. Тризново; 50–Тшлыково; 51–Устье-2; 52–Устье Гастунки; 53–Устье Усты; 54–Уткино-1; 55–Уткино-4; 56–Федяшево; 57–Чифировка; 58–Шатск-17; 59–Шатск-18; 60–Шилово-1; 61–Щепилово; 62–Щучье-1; 63–Юрцово.

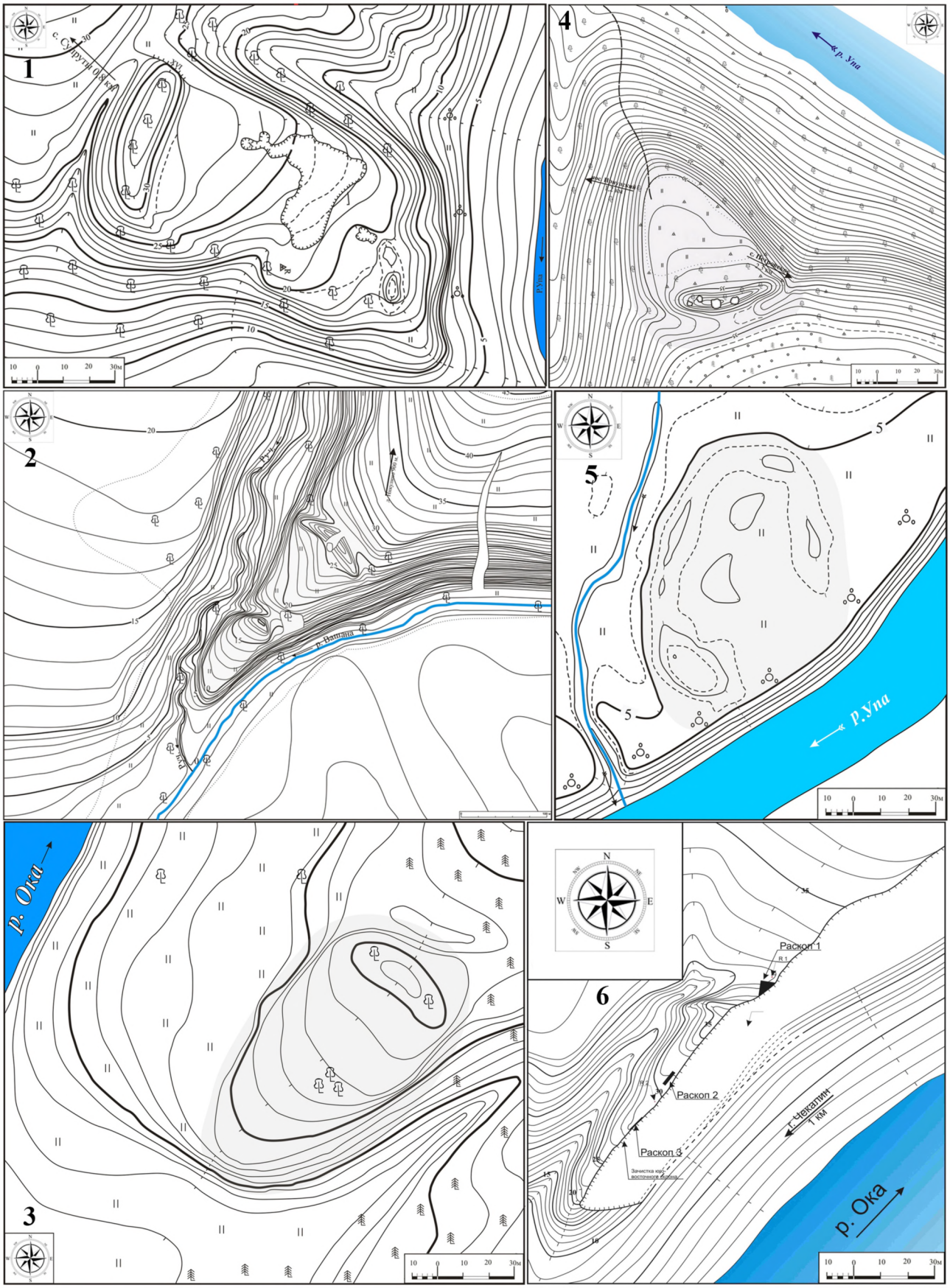


Рис. 22. Городища, на которых зафиксирован слой IX – 1-й половины X в.

1 – Супруты (по: Арх. ИА РАН. Воронцов, 2007); 2 – Никулино (по: Арх. ИА РАН. Воронцов, 2000); 3 – Федяшево (по: АКР Тульской обл., 1999. С. 116, рис. 37); 4 – Петровское (по: Арх. ИА РАН. Простяков, 2015); 5 – Щепилово (по: Арх. ИА РАН. Воронцов, 2004); 6 – Дуна (по: Арх. ИА РАН. Воронцов, 2011).

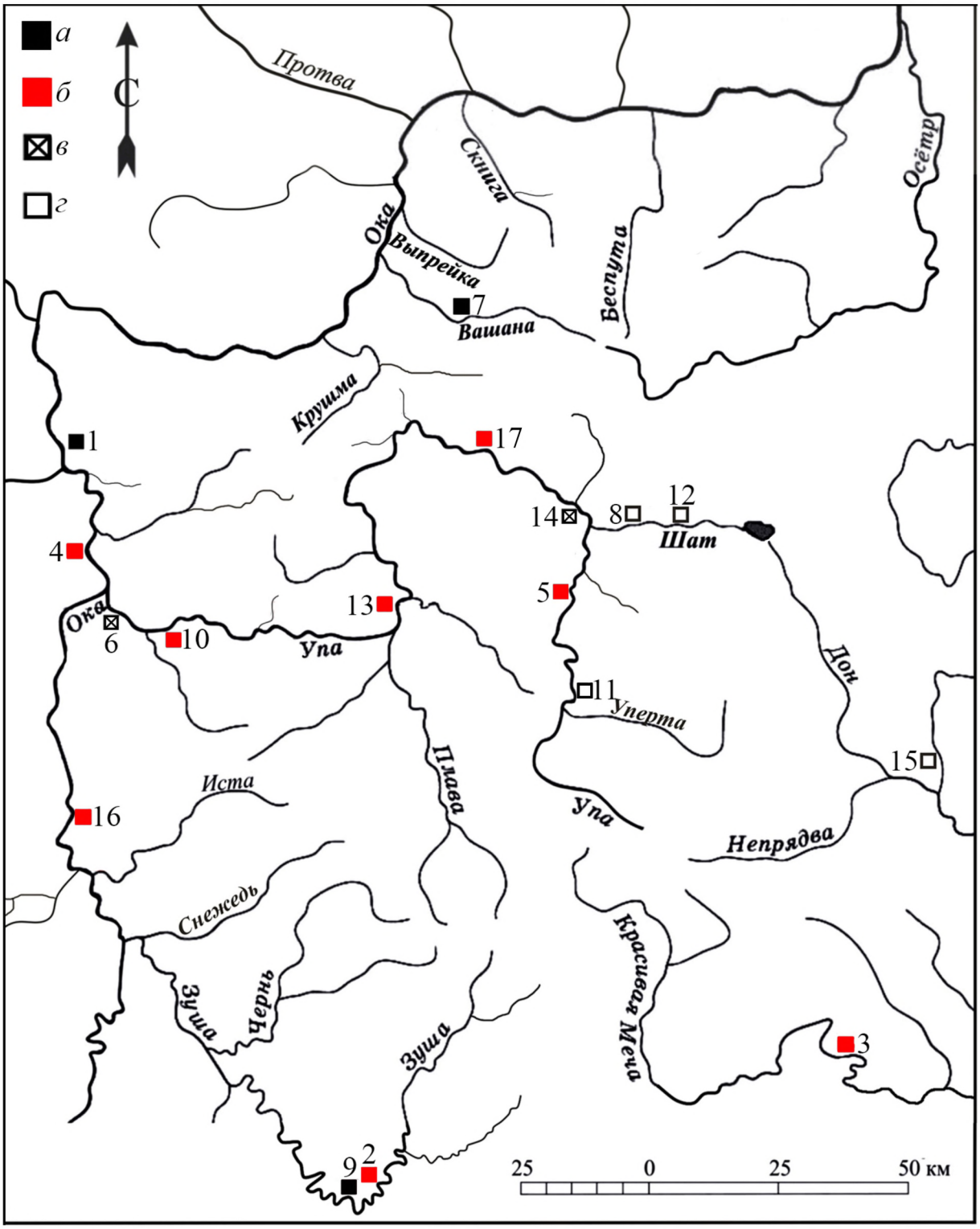


Рис. 23. Городища с горизонтом раннего периода (IX – 1-й половины IX в.)

1 – Вороново; 2 – Воротынцево; 3 – Дубики; 4 – Дуна; 5 – Гора Услань; 6 – Мишнево, 7 – Никулино; 8 – Новое Село; 9 – Новосиль; 10 – Петровское; 11 – Свисталовка; 12 – Слободка; 13 – Супруты; 14 – Таптыково; 15 – Устье; 16 – Федяшево; 17 – Щепилово.

Условные обозначения: *а* – городища, на которых исследования укреплений не осуществлялись; *б* – городища, на которых проводились раскопки на укреплениях; *в* – утраченные городища; *г* – городища XI–XV вв. возведенные на поверхности селищ IX–X вв.

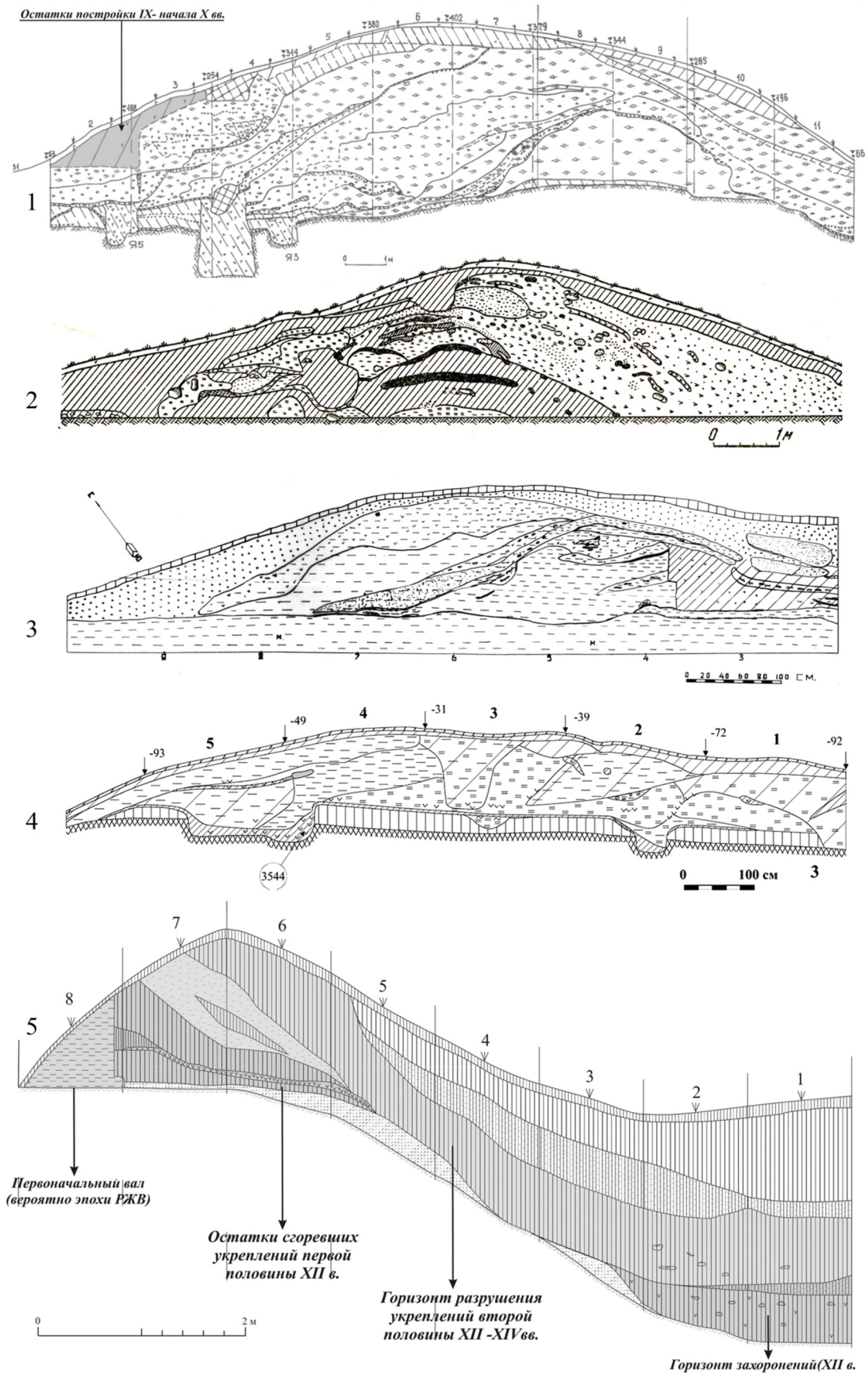


Рис. 24. Разрезы напольных валов на городищах с горизонтом IX – 1-й половины IX в.

1 – Супруты (1996 г.). По: Арх. ИА РАН. Шеков, 1996. Рис. 6–10

2 – Воротынцево (1955 г.). По: Никольская, 1959. Рис. 4

3 – Щепилово (1953 г.). По: Арх. ИА РАН. Изюмова, 1953. Фото № 8.

4 – Дубики (2014 г.). По: Разуваев, Засовская, 2014. Рис. 5.

5 – Дуна (2011 г.). По: Воронцов и др. 2018. Рис. 15.

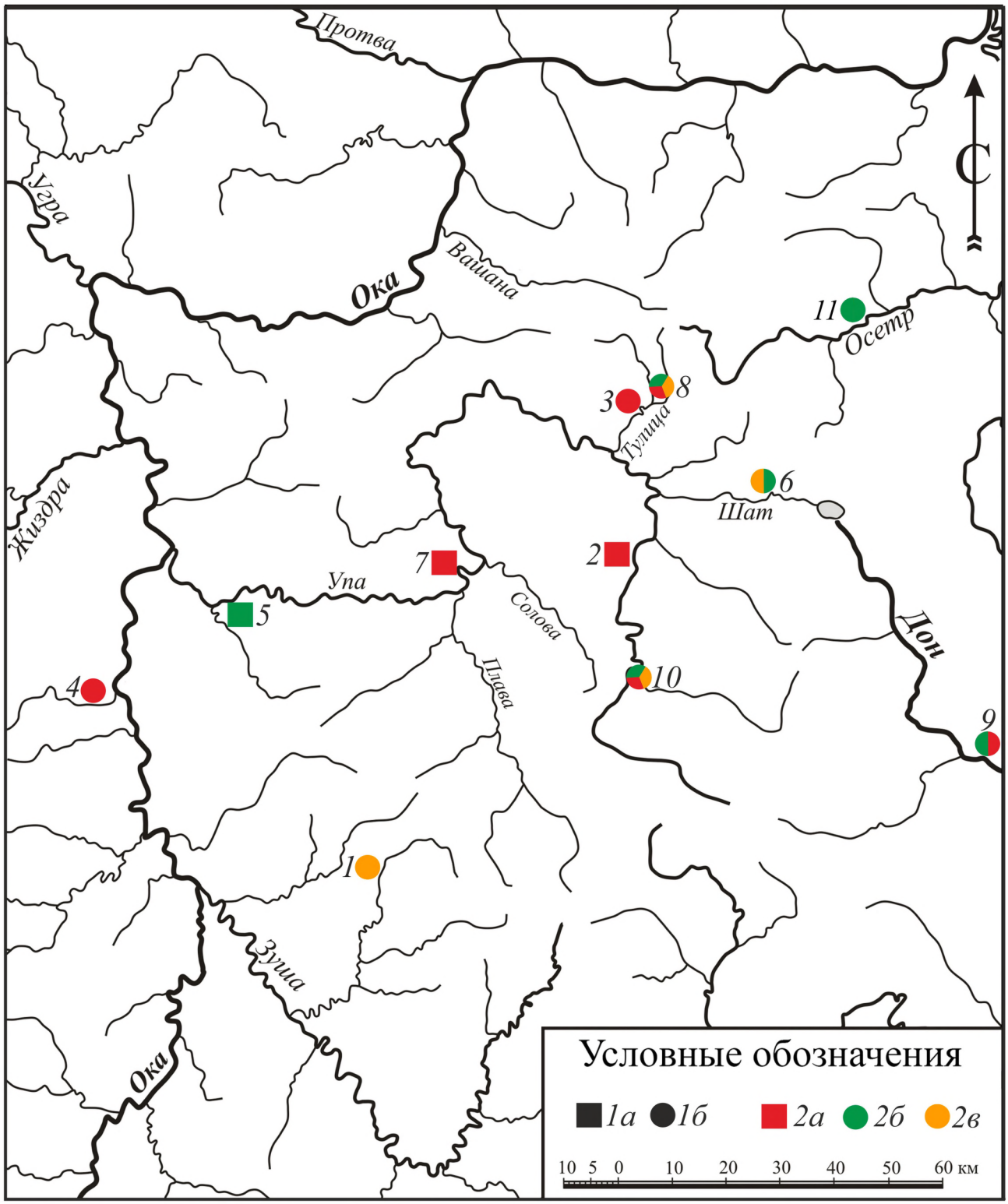


Рис. 25. Памятники верховьев Оки и Дона IX – 1-й половины X в. на которых изучены остатки жилых построек, хозяйственных и производственных сооружений.

1–Бунаково; 2–Гора Услань; 3–Ивановка-2; 4–Каменка-1; 5–Петровское; 6–Слободка-1; 7–Супруты; 8–Торхово-3; 9–Устье-2; 10–Уткино-1; 11—Щучье-1.

Условные обозначения: 1а – городище; 1б – селище; 2а – жилые постройки; 2б – хозяйственные сооружения; 2в – производственные сооружения.

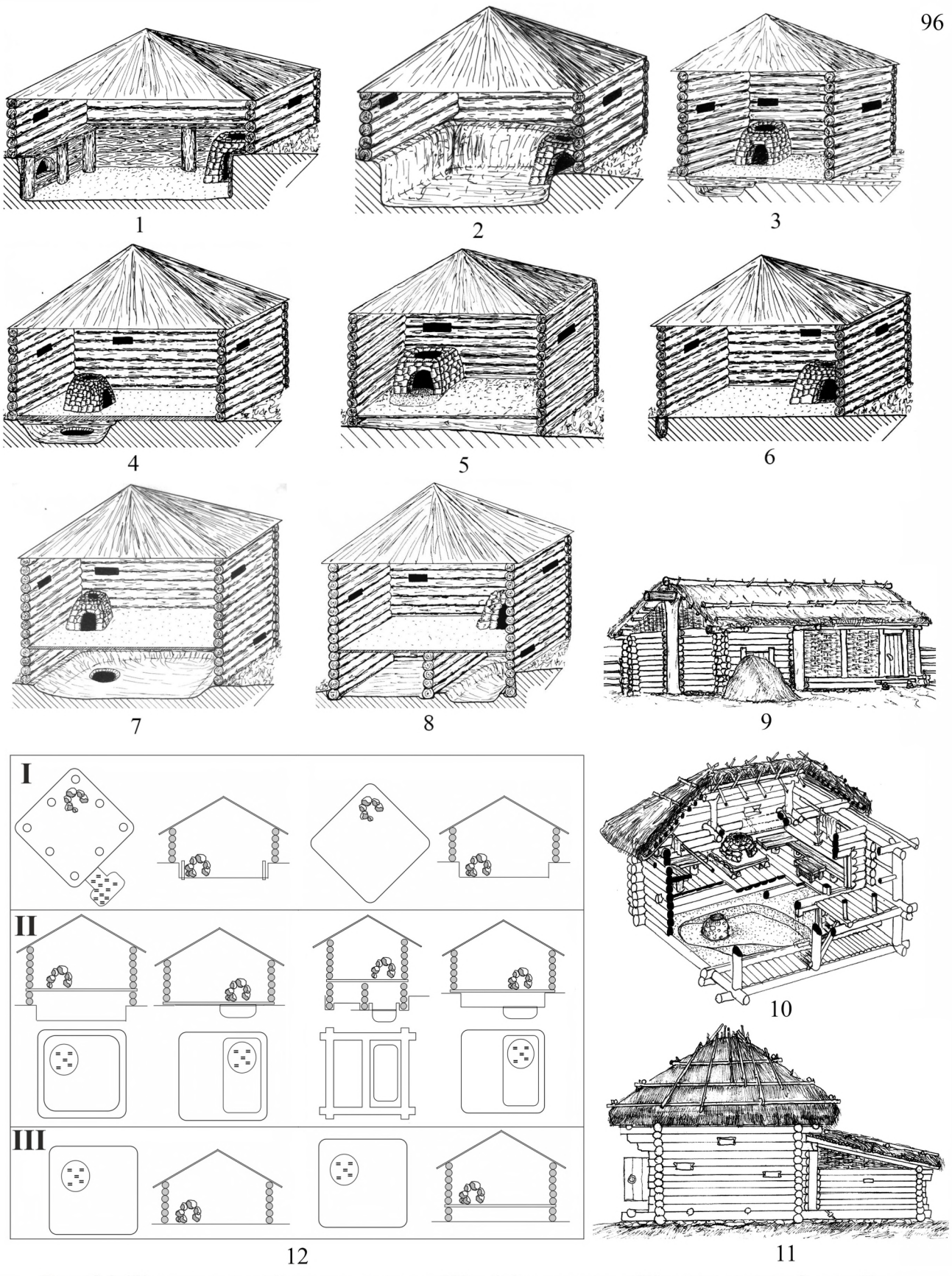


Рис. 26. Жилые постройки памятников IX – 1-й половины IX в. верховьев Оки и Дона.

1–8 – Реконструкции жилых построек с памятников Окского бассейна (по А.В. Григорьеву): 1 – сел. Уткино, раскоп 2, постройка 2; 2 – сел. Торхово-3, раскопы III, IV, постройка 1; 3 – сел. Уткино, раскоп 2, постройка 3; 4 – сел. Торхово-3, раскоп IV, постройка 3; 5 – сел. Торхово-3, раскопы 3, 4, 6, постройка 2; 6 – сел. Торхово-3, раскоп II, постройка 3; 7 – гор. Супруты, раскоп XXIII, постройка 1; 8 – гор. Супруты, раскоп XXIV, постройка 5.

9–11 – Реконструкции жилых и хозяйственных построек с сел. Устье-2 (по А.В. Шишкову): 9 – раскоп 1, яма 5; 10 – раскоп 3, постройка 1; 11 – раскоп 3, постройка 2.

12 – Типы жилых построек на поселениях IX – 1-й половины X в. (по А.В. Григорьеву).

I – полуземлянки; II – наземные постройки с подпольем, занимающим всю, половину или менее ее площади; III – полностью наземные постройки.

1–8, 12: Григорьев, 2005б. Рис. 9–16, 21; 9–11 – Шишков, 2020. Рис. 6, 11, 16.

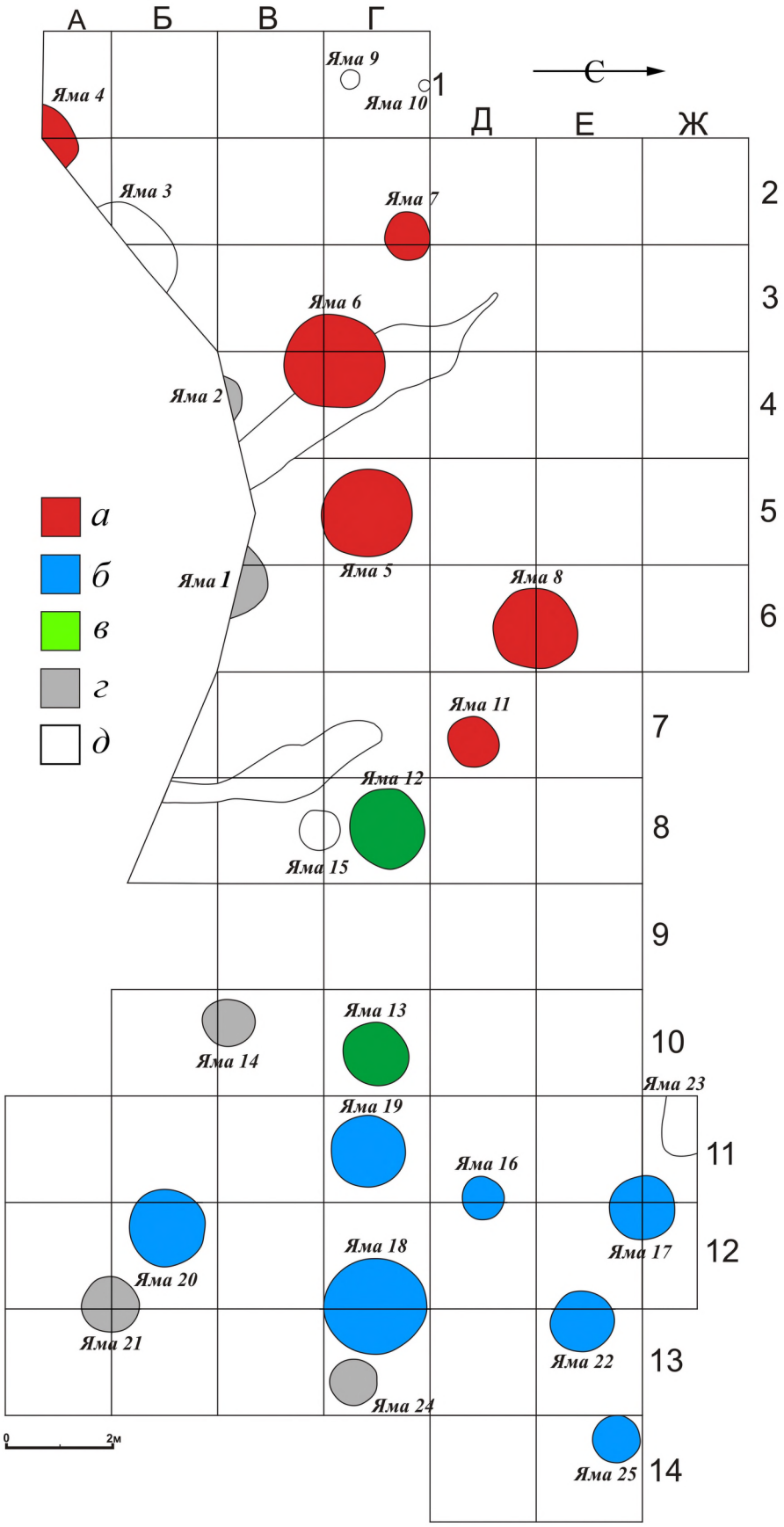


Рис. 27. Сел. Слободка-1. Раскоп 1999–2001 гг., план.

Условные обозначения: *а* – зерновые ямы содержащие фрагменты лепных сосудов роменского типа; *б* – зерновые ямы содержащие фрагменты лепных сосудов типа Упа-2; *в* – смолокуренные ямы содержащие фрагменты лепных сосудов роменского типа; *г* – зерновые ямы не содержащие археологических находок; *д* – прочие ямы не содержащие археологических находок.

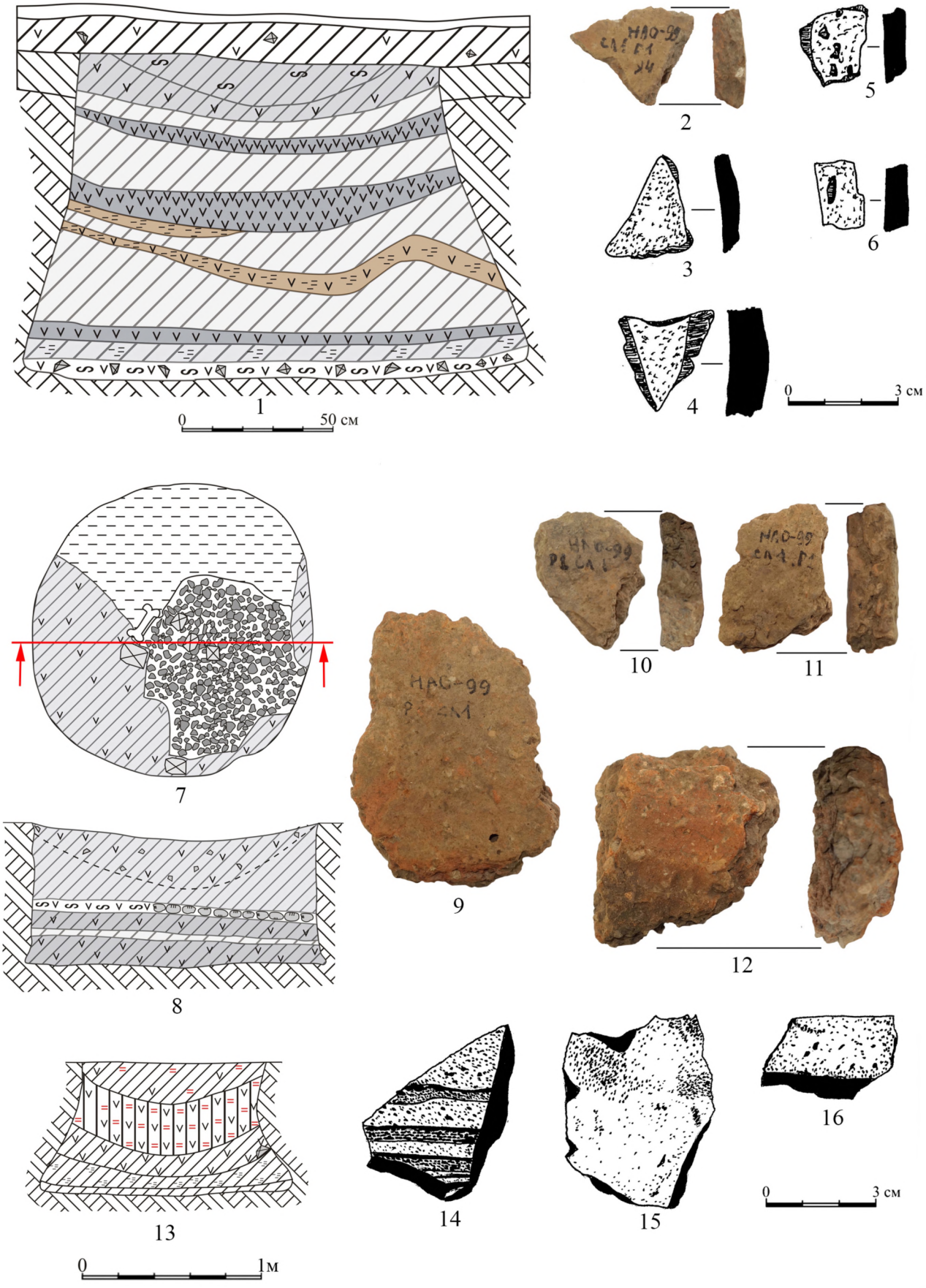


Рис. 28. Сел. Слободка-1. Зерновые ямы.

1–6 – комплекс зерновой ямы 4; 1 – разрез ямы 4, вид с Ю; 2–6 – фрагменты лепных сосудов: 2–4 – роменского типа; 5, 6 – типа Упа-2

7–12 – комплекс зерновой ямы 8. 7 – зачистка ямы на уровне каменной вымостки; 8 – разрез ямы, вид с Ю; 9–12 – фрагменты лепных сосудов роменского типа из ямы.

13–16 – комплекс зерновой ямы 11:

13 – разрез ямы, вид с З; 14 – фрагмент амфоры из ямы; 15, 16 – фрагменты лепных сосудов роменского типа из ямы

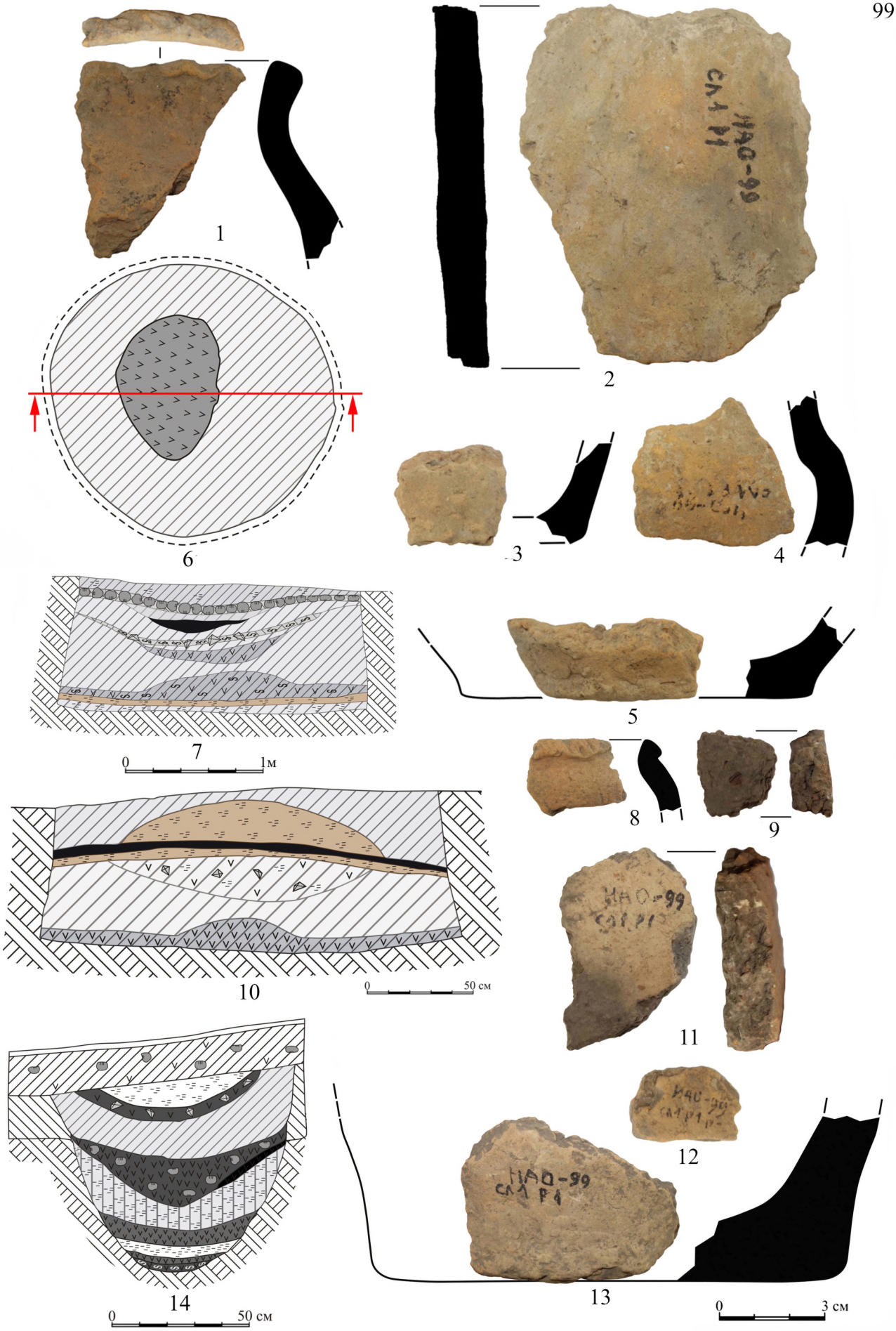


Рис. 29. Сел. Слободка-1. Комплексы зерновых ям 5, 6 и 7.

1–7 – комплекс зерновой ямы 5: 1–5 – фрагменты лепных сосудов роменского типа; 6 – зачистка ямы 5 на уровне угольного пятна; 7 – разрез ямы, вид с ЮЗ.
8–10 – комплекс зерновой ямы 6: 8–9 – фрагменты лепных сосудов роменского типа из ямы; 10 – разрез ямы, вид с СВ;
11–14 – комплекс зерновой ямы 7: 11–13 – фрагменты лепных сосудов роменского типа из ямы; 14 – разрез ямы, вид с В.

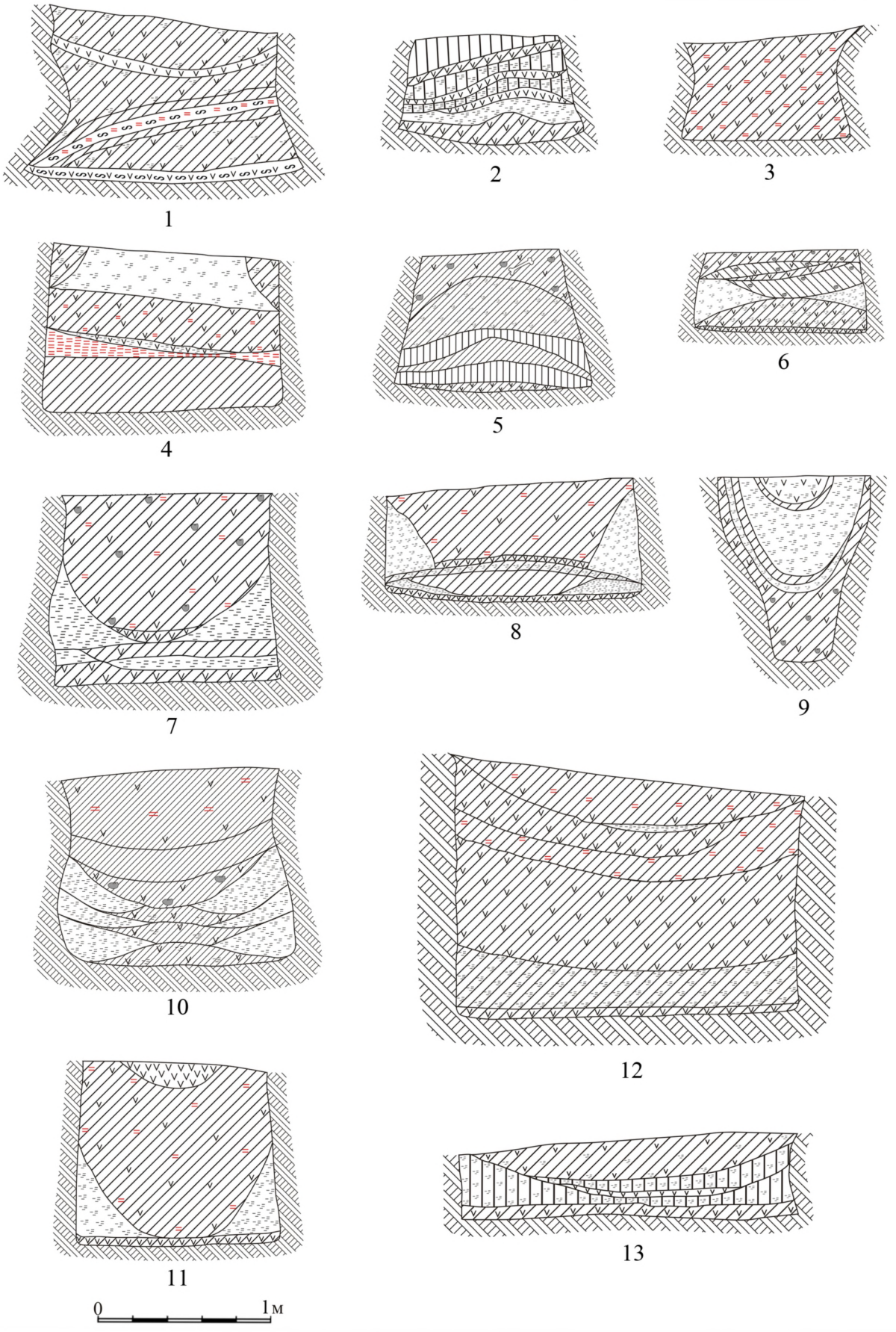


Рис. 30. Селище Слободка-1. Разрезы зерновых и хозяйственных ям.
1 – яма 1, вид с Ю; 2 – яма 2, вид с Ю; 3 – яма 14, вид с С; 4 – яма 19, вид с Ю; 5 – яма 16, вид с С; 6 – яма 25, вид с Ю; 7 – яма 17, вид с Ю; 8 – яма 20, вид с С; 9 – яма 24, вид с Ю; 10 – яма 22, вид с В; 11 – яма 21, вид с З; 12 – яма 18, вид с З; 13 – яма 3, вид с ЮЗ

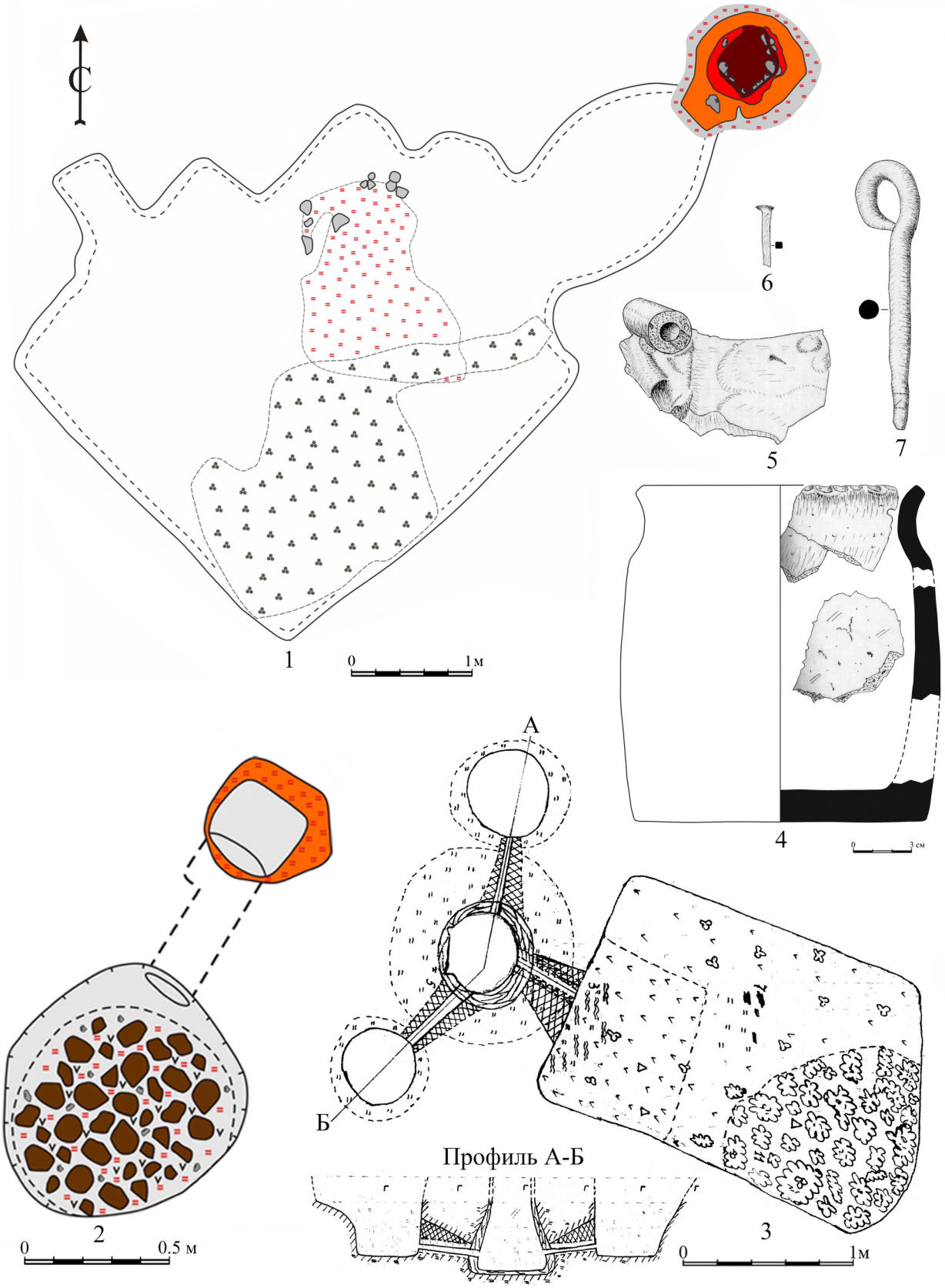


Рис. 31. Следы металлургического производства на памятниках IX – 1-й половины IX в. верховьев Оки и Дона

1 – Металлургический горн с сел. Уткино-1; 2 – Металлургический горн с сел. Торхово-3. 3–7 – Комплекс металлургического горна, исследованного Н.Г. Трофимовым у дер. Бунаково Чернского района: 3 – план горна и разрез по линии А–Б; 4–7 – находки из предгорновой ямы: 4 – груболепной сосуд роменского типа; 5 – фрагмент металлургического сопла; 6, 7 – железные изделия.

1 – по: Арх. ИА РАН. Смирнова, 1989; 2 – по: Григорьев, 2005б. Рис. 24; 3–7 – материалы из архива Н.Г. Трофимова (НА Гос. музея-заповедника «Куликово поле». Б.н.)

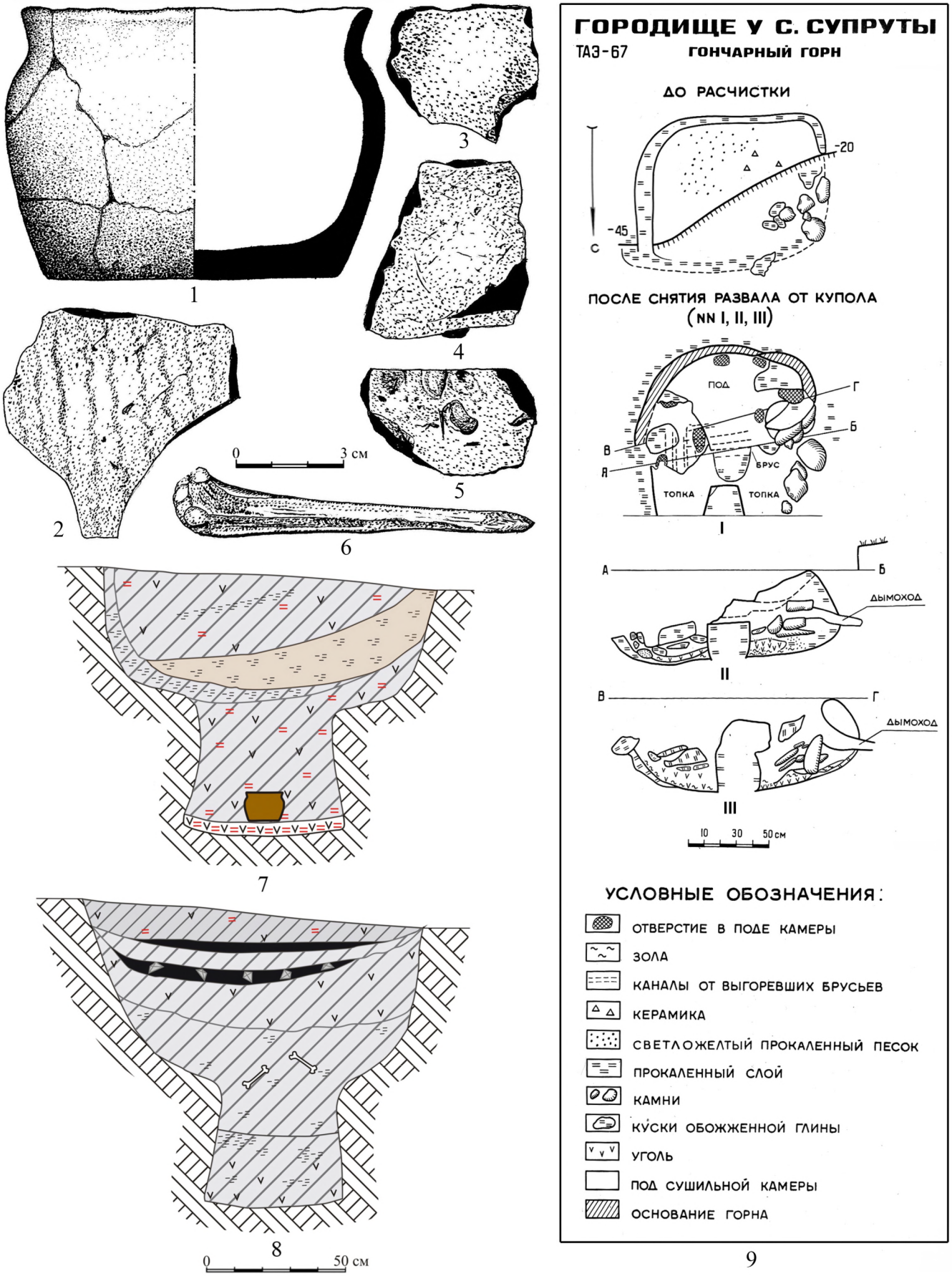


Рис. 32. Производственные комплексы на памятниках IX – 1-й половины IX в. верховьев Оки и Дона

1–8 – Сел. Слободка-1. Комплексы смолокуренных ям 12–13.
1 – груболепной горшок роменского типа со дна ямы 12; 2 – фрагмент гончарной керамики салтовского типа с лощением из ямы 12; 3–5 – фрагменты лепных сосудов роменского типа из ямы 13; 6 – костяное орудие из ямы 13; 7 – разрез ямы 12, вид с З; 8 – разрез ямы 13, вид с З.
9 – Гончарный горн на гор. Супруты. Раскоп С.И. Изюмовой 1967 года (по: Арх. ИА РАН. Изюмова, 1967; Изюмова, 1972а. С. 130–133).

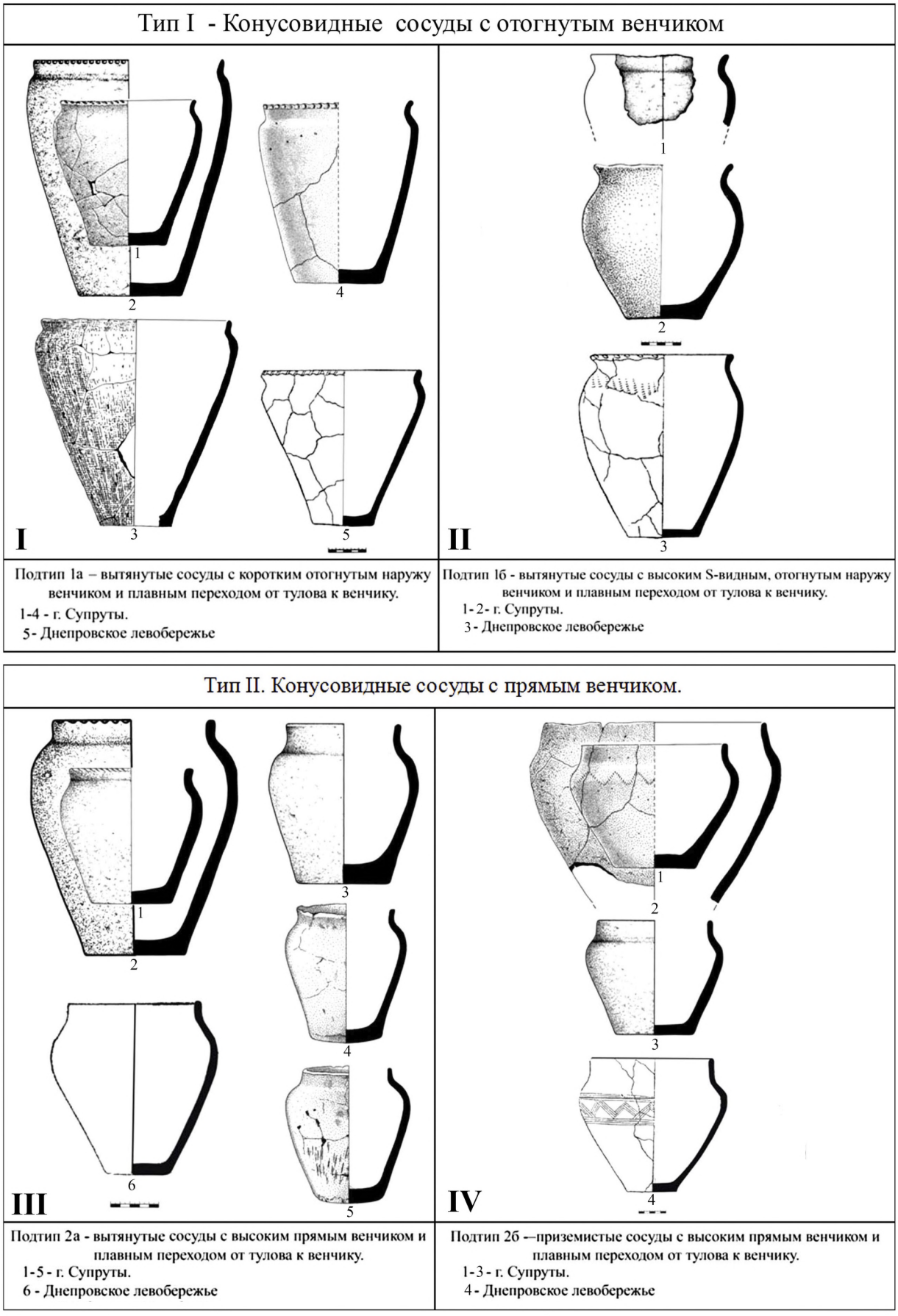


Рис. 33. Классификация лепной керамики с памятников IX – 1-й половины X в. верховьев Оки и Дона (на материалах Супрутского городища)

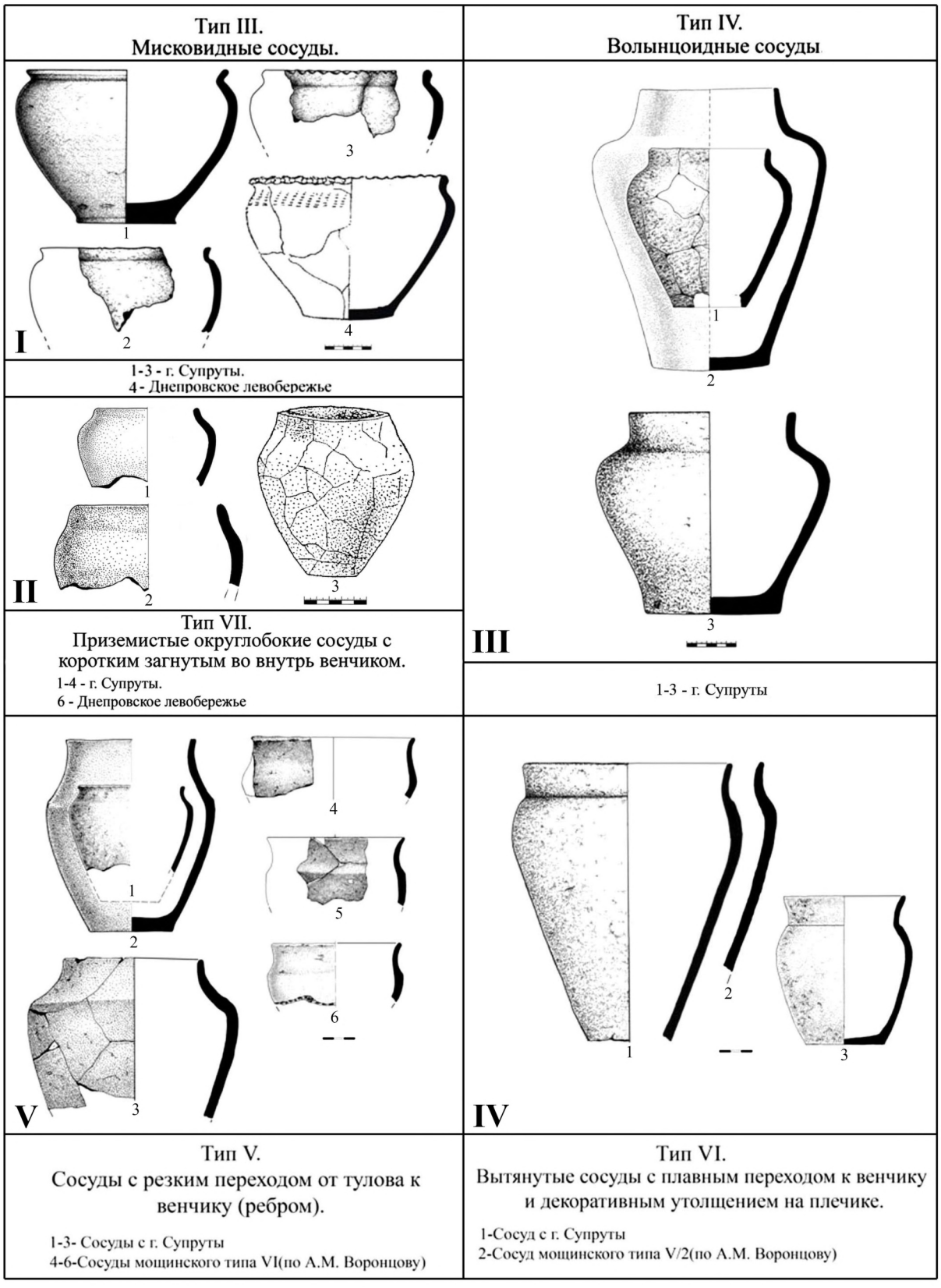


Рис. 34. Классификация лепной керамики с памятников IX – 1-й половины X в. верховьев Оки и Дона (на материалах Супрутского городища)

Рис. 35. Лепные сосуды роменского типа вытянутых форм.

1-4, 6 – конусовидные; 5 – округлобокие.
1–4 – гор. Супруты; 5 – сел. Торхово-3; 6 – гор. Гора Услань

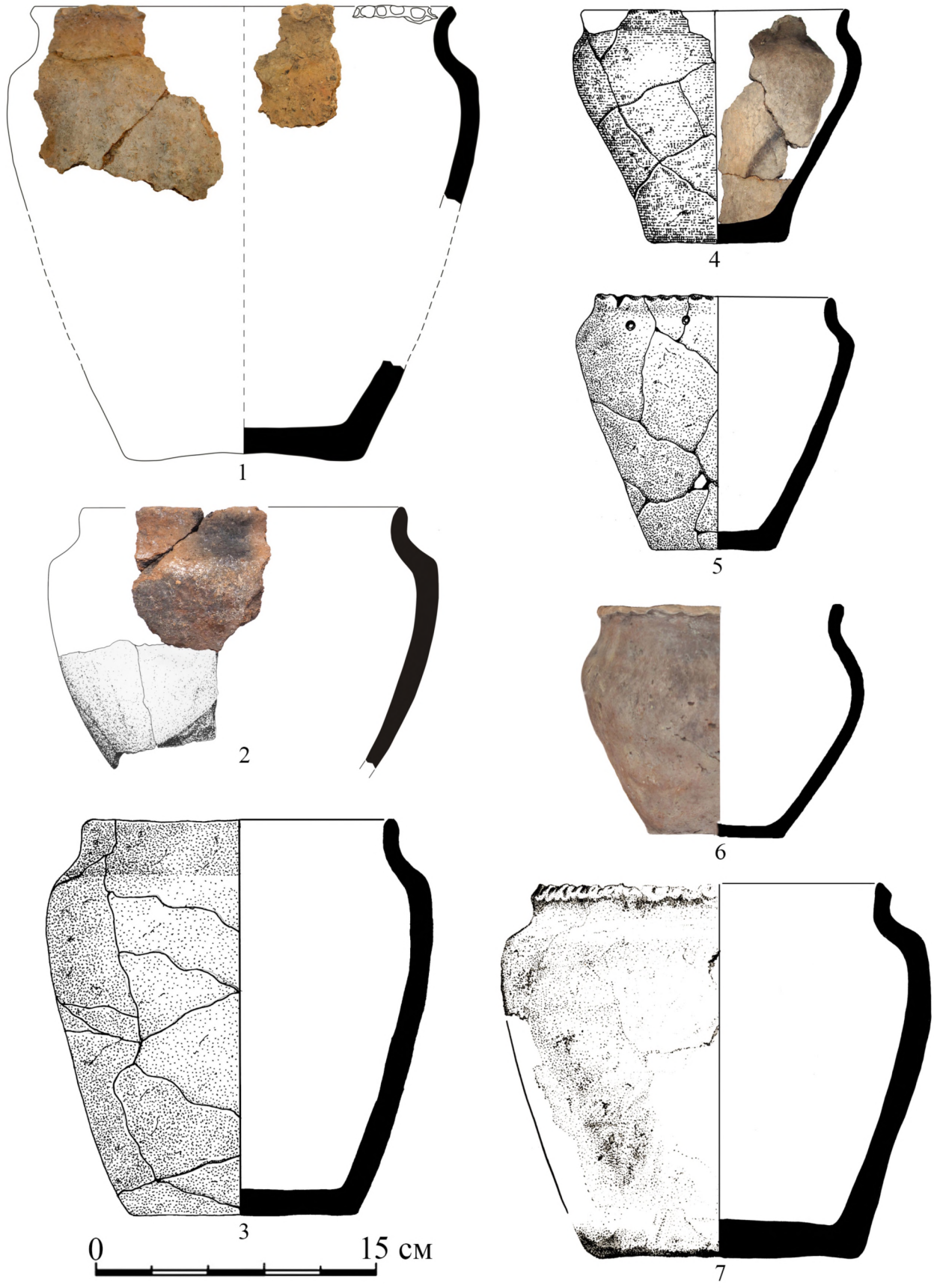


Рис. 36. Лепные сосуды роменского типа приземистых форм.

1 – сел. Каменка-1; 2 – сел. Уткино-1; 3–5 – гор. Супруты; 6, 7 – сел. Торхово-3

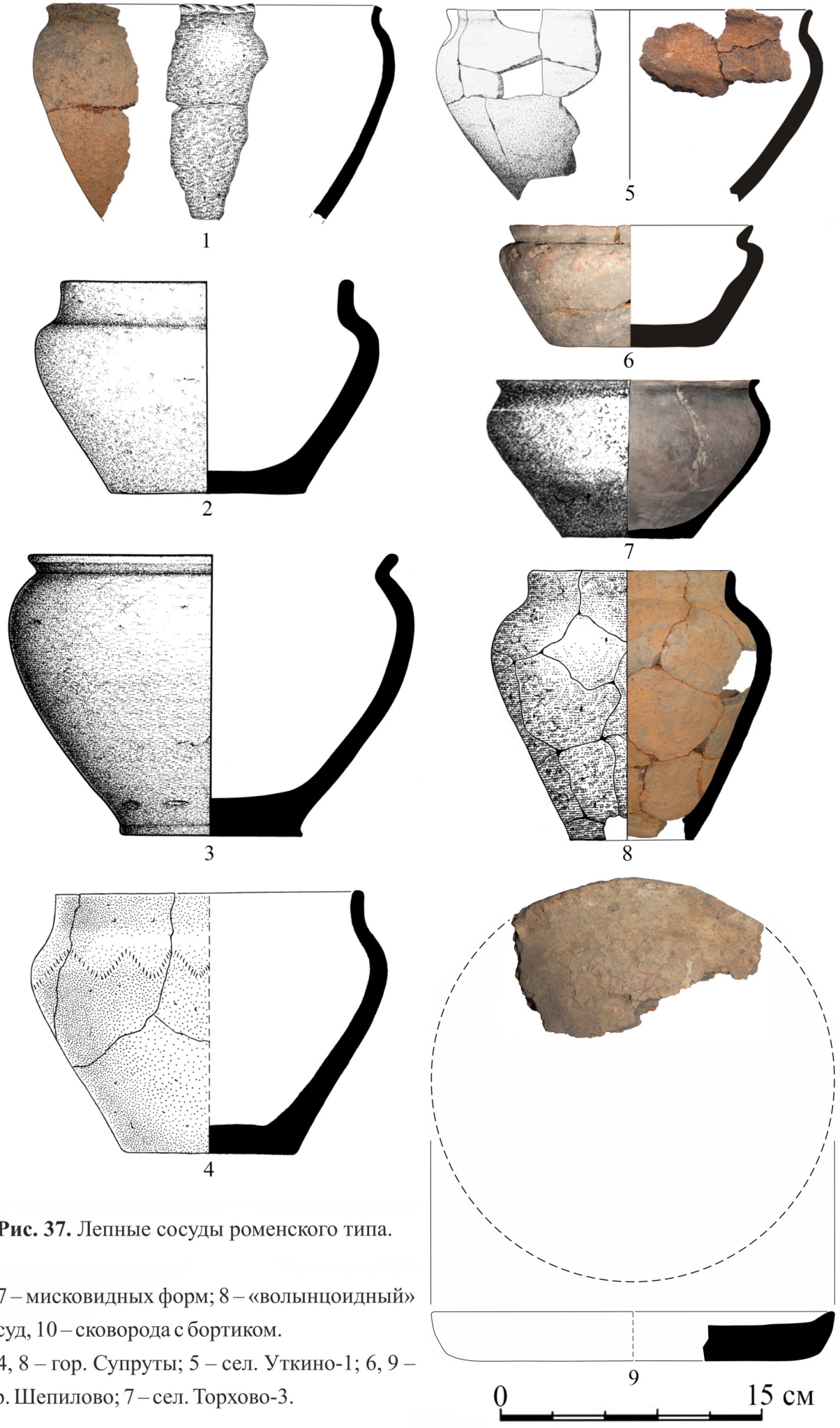


Рис. 37. Лепные сосуды роменского типа.

1–7 – мисковидных форм; 8 – «волынцоидный» сосуд, 10 – сковорода с бортиком.
1–4, 8 – гор. Супруты; 5 – сел. Уткино-1; 6, 9 – гор. Шепилово; 7 – сел. Торхово-3.

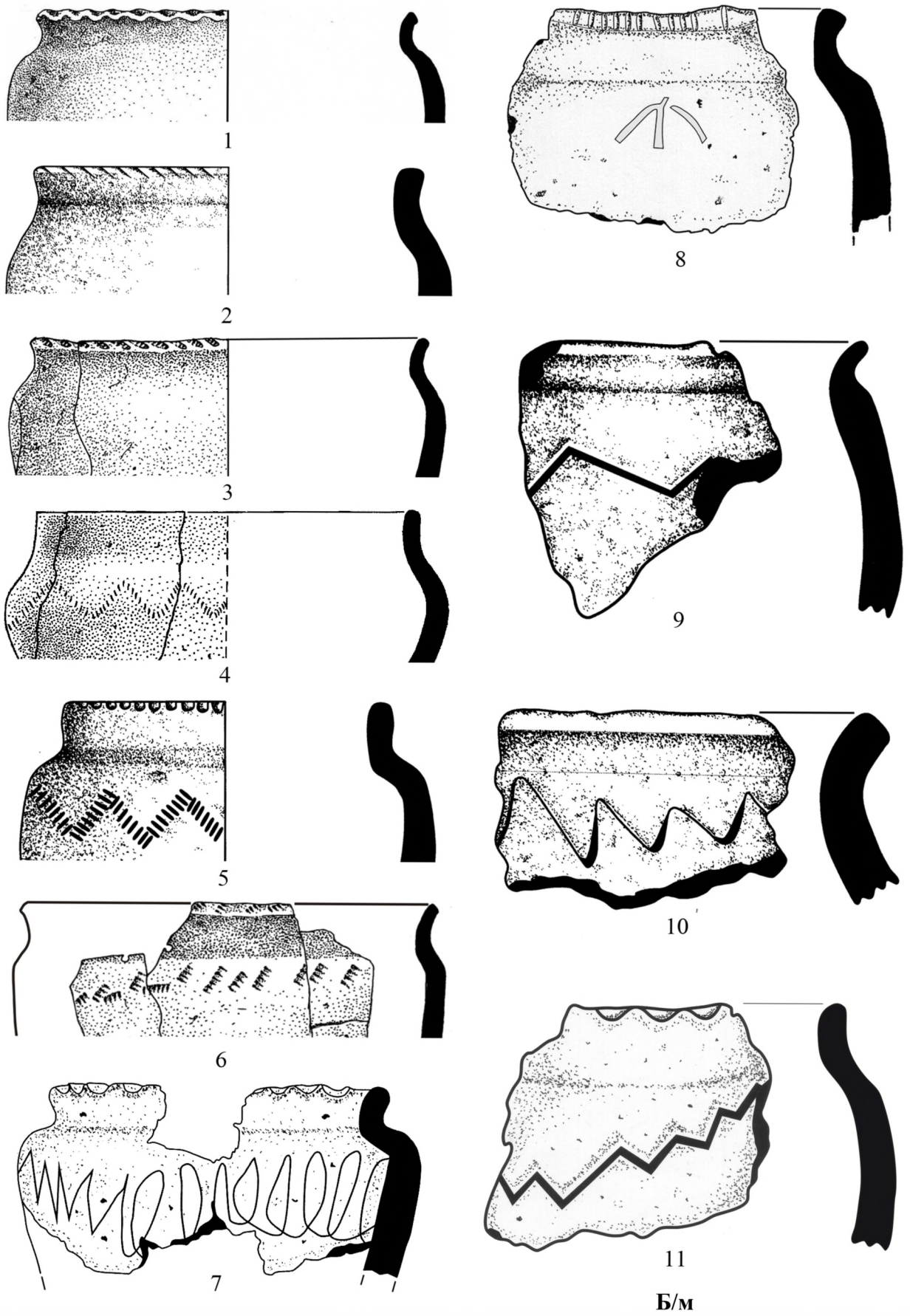


Рис. 38. Виды орнаментов лепной керамики роменского типа с памятников IX – 1-й половины X в.

1–6, 8–11 – гор. Супруты; 7 – гор. Петровское.

Рис. 39. Гончарная керамика салтовского типа с памятников IX – 1-й половины X в.

1–4 – сел. Торхово-3; 5 – гор. Гора Услань; 6, 7 – гор. Супруты; 8–23 – сел. Уткино-1.

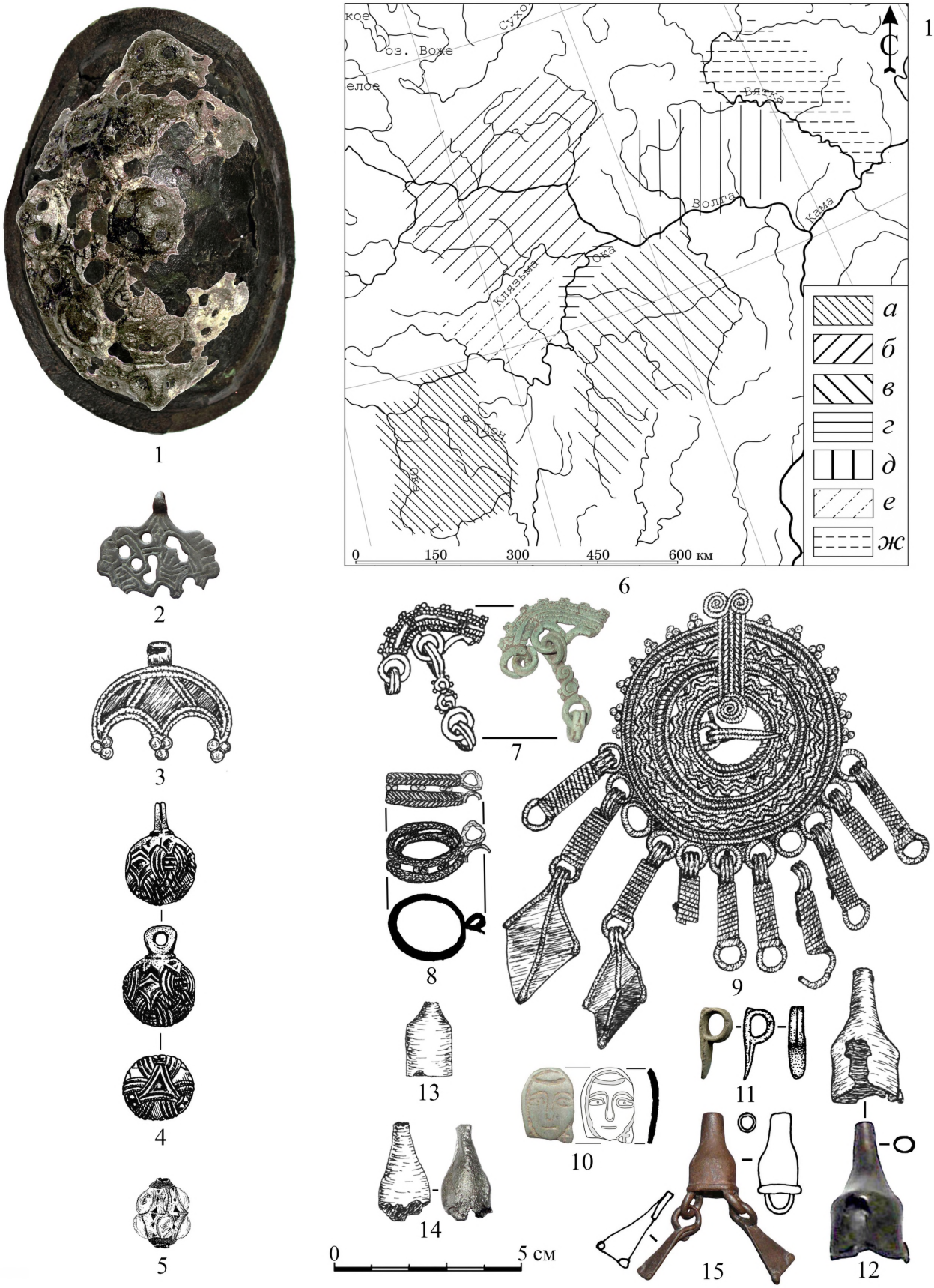


Рис. 40. Украшения и детали костюма с памятников IX – 1-й половины X в.

1, 2 – североевропейского круга; 3–5 – западнославянского круга; 7–15 – финно-угорского круга.
1 – овальная фибула; 2 – подвеска «гнездовского типа»; 3 – лунница; 4 – декоративная пуговица «gombik»; 5 – бусина; 6 – Славяне верховьев Оки и Дона и финно-угорские племена (по: Никитина, 2002, 8, рис. 5); 7 – фрагмент шумящей привески; 8 – перстень; 9 – ажурная застежка; 10 – фрагмент изделия с «личиной»; 11 – деталь шумящего украшения; 12–15 – «бутылковидные» подвески.
1, 3 – Одоевский р-н Тульской области, случайная находка; 2 – сел. Уткино–1, раскоп 3, кв. С/25; 4 – гор. Супруты, раскоп XXVIII, постройка 2; 5 – гор. Никулино, склон; 7 – сел. Торхово-3, п/м; 8 – сел. Победа, п/м; 9 – гор. Супруты, раскоп XXIII, постройка 1; 10 – сел. Слободка-1, п/м; 11 – сел. Ивановка-2, п/м; 12 – сел. Торхово-3, культурный слой; 13 – гор. Супруты, раскоп XXVII, яма 15; 14 – гор. Супруты, раскоп XXVI, культурный слой; 15 – гор. Супруты, раскоп II, культурный слой.
Условные обозначения к карте: а – Славяне верховьев Оки и Дона в VIII–X вв.; б – меря; в – мордва; г – мурома; д – мари; е – мещера; д – пермские финно-угры.

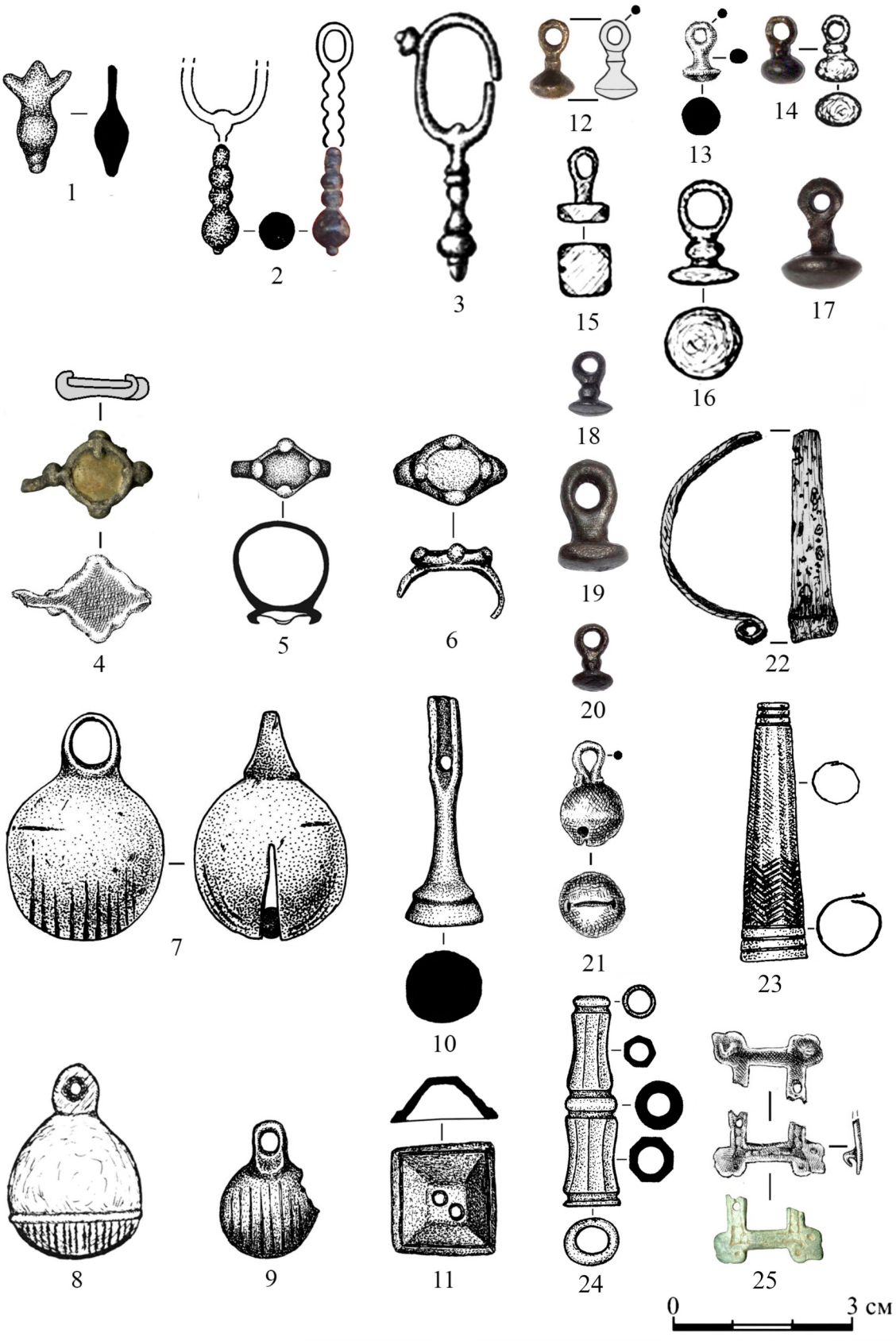


Рис. 41. Украшения и детали костюма степного круга древностей с памятников IX – 1-й половины X в.

1–3 – серьги салтовского типа; 4–6 – щитковые перстни; 7–9 – бубенчики; 10 – подвеска; 11, 23, 24 – ворворки; 12–20 – литые пуговицы; 21 – дуга фибулы; 25 – накладка на сумку.
1, 5, 6, 9–11 – сел. Устье-2, п/м; 2, 24 – сел. Ивановка-2, п/м; 3, 7, 8, 14–20 – гор. Супруты: 7, 23 – раскоп XXVIII, постройка 2; 17–20 – раскоп XXVII, постройка 2; 5, 21, 25 – гор. Петровское, п/м; 22 – сел. Торхово-3, раскоп IV, яма 33.
1–2, 4–21, 23, 24, 25 – бронза; 3 – серебро; 22 – железо.

Рис. 42. Украшения и детали костюма восточнославянского круга древностей с памятников IX – 1-й половины X в.

1–4 – проволочные серьги; 5, 5а – застежки; 6, 7 – спиралеконечные сюльгамы; 8 – фрагмент браслета; 9 – застежка; 10–21 – трапециевидные подвески.
1, 3, 5, 7, 10, 14, 18, 19 – гор. Супруты: 1, 7, 10, 18 – п/м; 3 – раскоп XXIII, постройка 1; 5, 14 – раскоп XXV, постройка 2; 5а – раскоп III, кв. 54, пл. 3; 17 – раскоп XXVIII, постройка 2; 19 – раскоп XXVII, яма 5.
1, 4, 9, 11–13, 15, 16 – сел. Торхово-3: 9, 12, 13, 15 – п/м; 2, 16 – раскоп VI, постройка 4; 4 – раскоп IV, яма 36; 11 – раскоп III, IV, постройка 1.
6, 8 – гор. Гора Услань: 6 – п/м; 8 – раскоп 2, постройка 1; 20, 21 – гор. Петровское, п/м.
1–4, 5а, 8–21 – цветной металл; 5, 6, 7 – железо.

Рис. 43. Лучевые височные кольца с памятников IX – 1-й половины X в.

1–4 – 1-го этапа развития, 5–11 – 2-го этапа развития (по А.В. Григорьеву)

1 – гор. Чертово Городище; 2 – сел. Устье-2; 3 – гор. Воротынцево; 4, 6–9, 14-16 – гор. Супруты; 10–13 – клад у дер. Ленино; 5 – гор. Новосиль.

Рис. 44. Стеклянные бусы с памятников IX – 1-й половины X в.

1–7 – гор. Супруты: 1–4 – XXVIII раскоп, постройка 4; 5 – XXV раскоп, культурный слой.
6 – гор. Петровское, постройка 2.
7–9, 41–45 – мог. Западная: 7 – кург. 3; 8 – кург. 12; 9 – кург. 20; 41 – кург. 18; 42–45 – кург. 9.
10–31 – сел. Торхово-3: 10–12 –VI раскоп, постройка 4; 13–31 – культурный слой.
32–42 – сел. Уткино-3: 32 – раскоп 2, яма 8; 33– раскоп 1, яма 34; 36 – раскоп 2, яма 22; 34, 35, 37–40 – культурный слой.

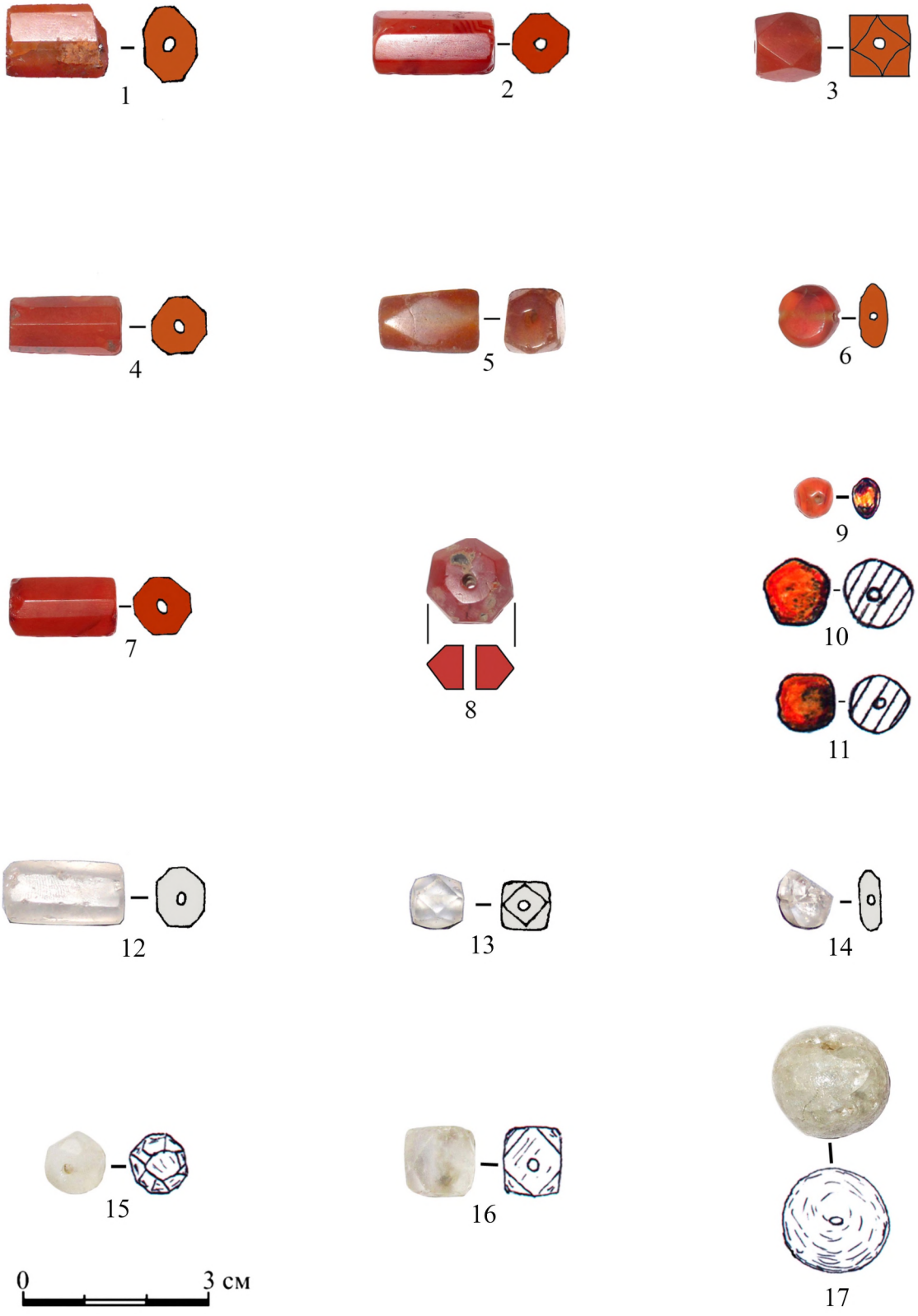


Рис. 45. Каменные бусы с памятников IX – 1-й половины X в.

1–4, 6, 7, 9, 12–17 – гор. Супруты: 2, 7, 15, 16 – раскоп XXV, постройка 2; 12 – раскоп XXVIII, постройка 4; 1, 13, 14 – раскоп XXVIII, постройка 5; 17 – раскоп XXIV, культурный слой; 4 - раскоп XXI, культурный слой.
5 – гор. Щепилово, культурный слой.
8 – сел. Торхово-3, культурный слой
10, 11 – сел. Уткино-1, культурный слой.

Рис. 46. Железные косы-горбуши (серпы) с памятников IX – 1-й половины X в.

1 – сел. Слободка-1; 2 – сел. Грабоново-1, 3 – гор. Супруты; 4 – сел. Устье-2
1–4 – п/м

Рис. 47. Железные орудия с памятников IX – 1-й половины X в.

1–3 – мотыги; 4 – острога; 5 – долото; 6 – рыболовный крючок; 7–10 – ножи; 11 – пружинные ножницы; 12, 13 – шарнирные ножницы; 14, 15 – шилья; 16 – футляр для трута, 17 – рыболовный крючок.

1 – гор. Мосолово, п/м; 2 – сел. Устье, п/м; 3, 9, 11 – сел. Слободка-1, п/м; 4, 8 – гор. Гора Услань, п/м; 5, 6, 12, 13–16 – гор. Супруты: 5 – раскоп XXVIII, постройка 7; 12 – раскоп I; 13, 14, 16 – раскоп XXVIII, постройка 4; 6, 15 – раскоп XXV, постройка 2; 7 – гор. Щепилово, раскоп 1952 г.; 10 – сел. Каменка-1, пахотный горизонт.

Рис. 48. Изделия из кости с памятников IX – 1-й половины X в.

1, 2 – амулеты из клыков животных; 3 – астрагал; 4 – «пулевидный» наконечник стрелы; 5–7 – томары; 8, 9 – пуговицы; 10 – гребень; 11 – кочедык.

1 – сел. Уткино, раскоп 2, яма 8; 2 – гор. Петровское, п/м; 3–10 – гор. Супруты: 3, 4 – раскоп XXVII, яма 16; 3, 5–7 – раскоп XXVIII, постройка 4; 8 – п/м; 9 – раскоп XXIV, костяк 1; 10 – раскоп II 1956 г., кв. 29, пл. 4; 11 – гор. Щепилово, раскоп 1953 г.

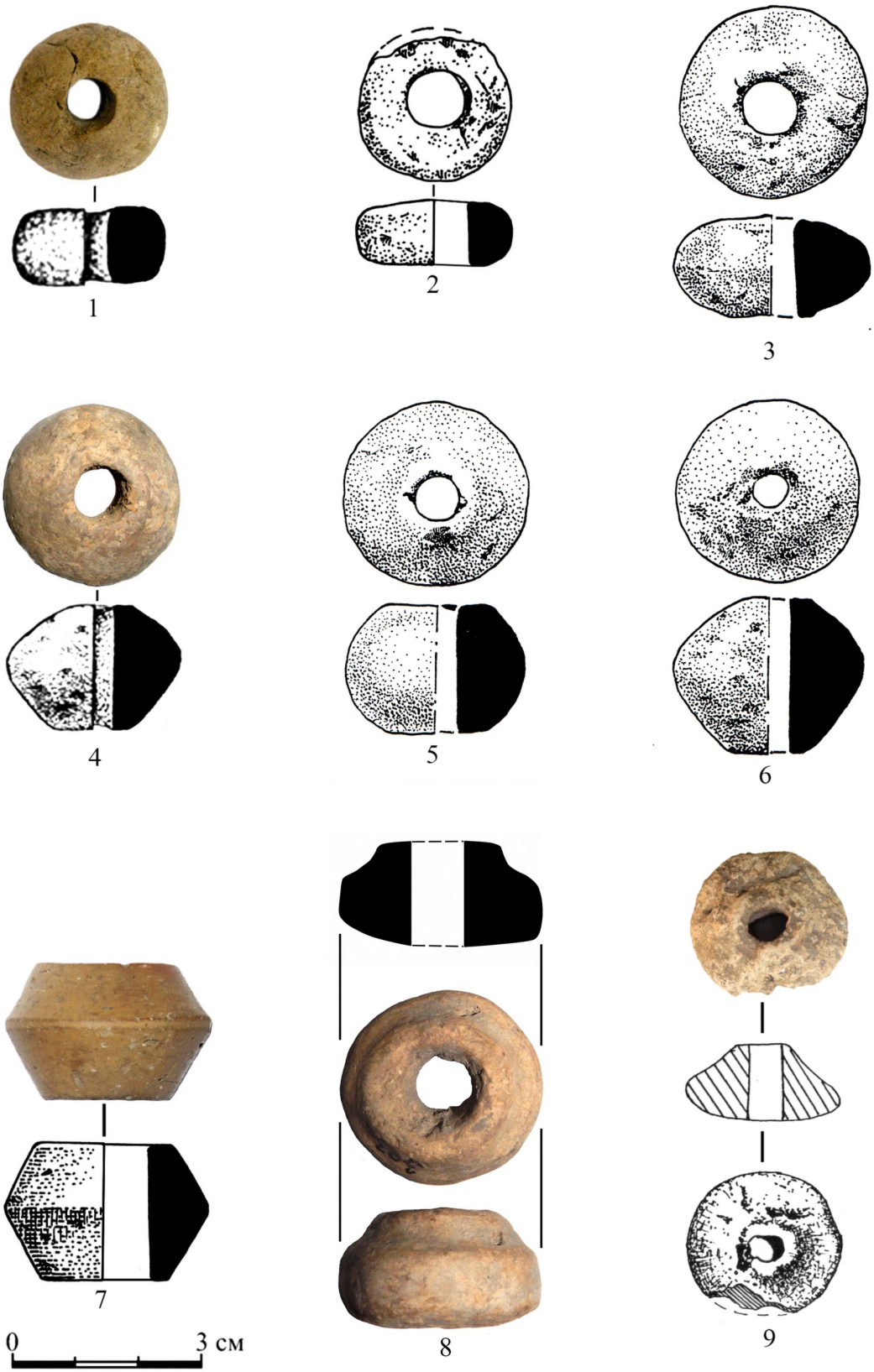


Рис. 49. Керамические пряслица с памятников IX – 1-й половины X в.

1–7 – гор. Супруты; 8 – гор. Щепилово; 9 – сел. Каменка-1.

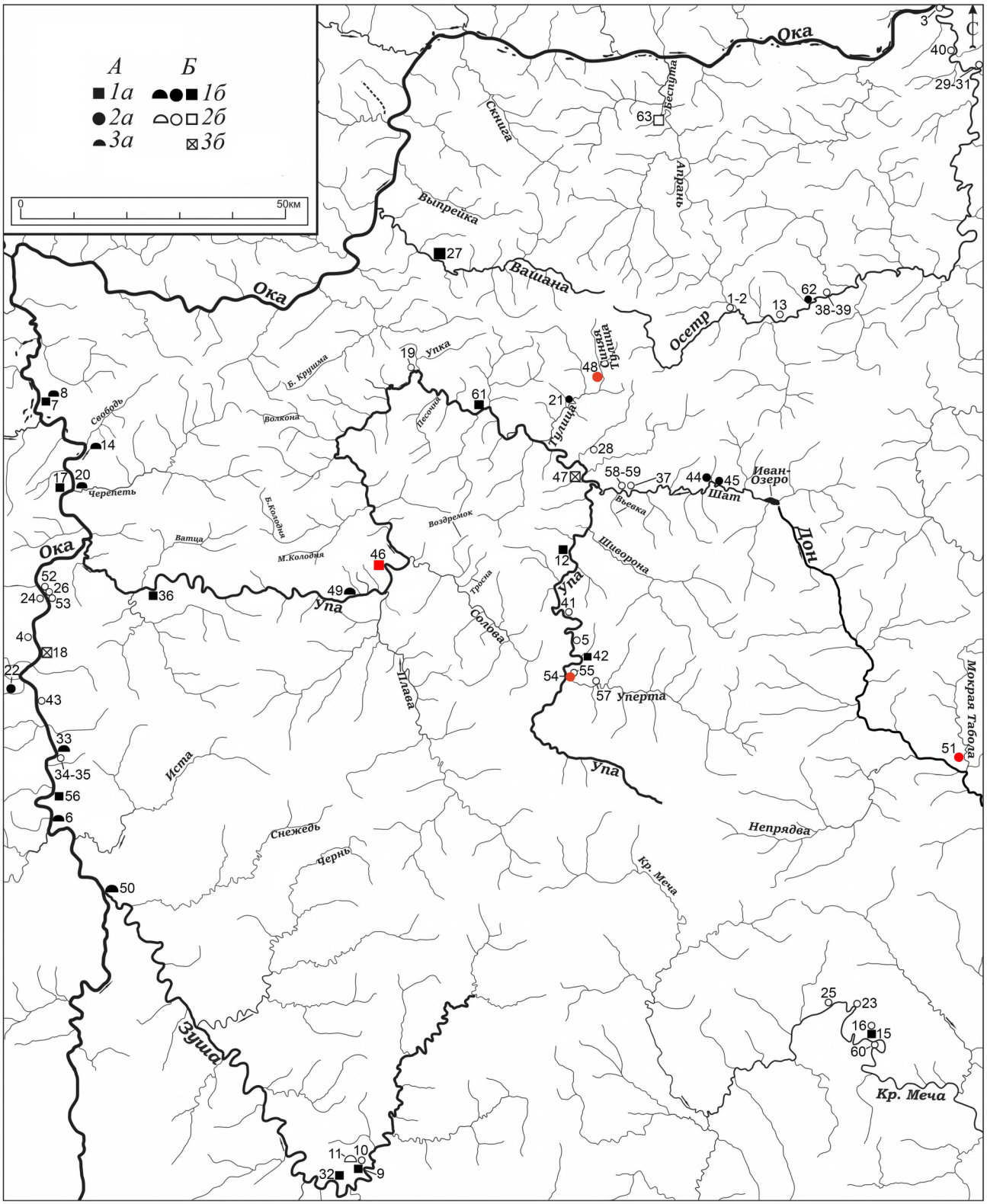


Рис. 50. Памятники IX – 1-й половины X в. верховьев Оки и Дона.

Условные обозначения: *а* – тип памятника: *1а* – городище; *2а* – селище; *3а* – курганный могильник; *1б* – памятники изученные раскопками; *2б* – памятники известные по разведочным данным; *3б* – утраченные памятники.

Красным цветом выделены памятники, на которых изучены комплексы с предметами вооружения восточнославянского круга древностей.

Легенда к карте: см. рис. 21

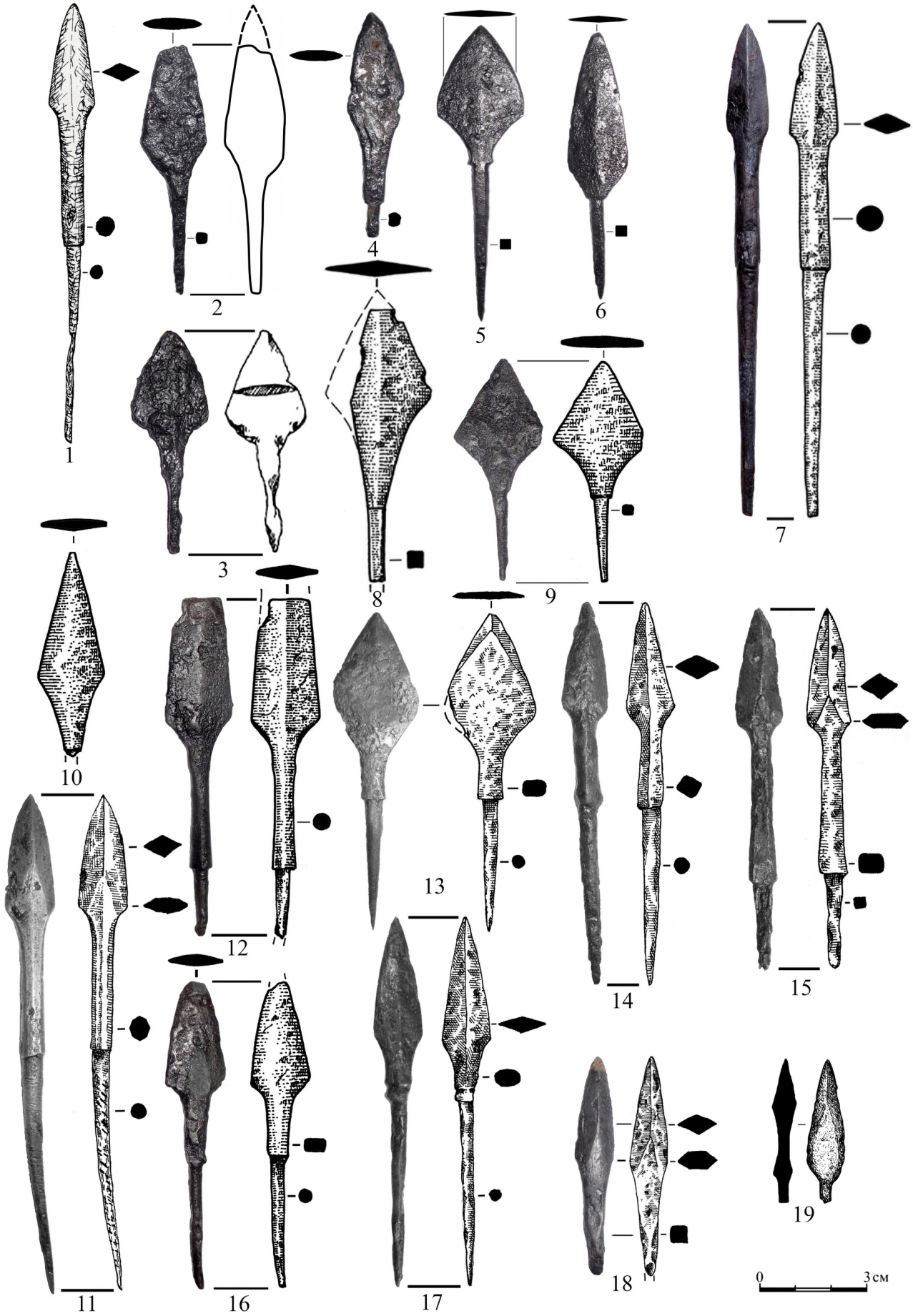


Рис. 51. Наконечники стрел восточнославянского круга древностей из построечных комплексов памятников IX – 1-й половины X в.

1–18 – гор. Супруты: 1 – раскоп XXIV, постройка 5; 2 – раскоп XXV, постройка 1; 3 – раскоп XXV, постройка 2; 4 – раскоп XXVII, постройка 1; 5, 6 – раскоп XXVII, постройка 2; 7–9 – раскоп XXVII, постройка 2; 10–17 – раскоп XXVIII, постройка 4; 18 – раскоп XXVIII, постройка 8; 19 – сел. Устье-2, раскоп 2, постройка 1.

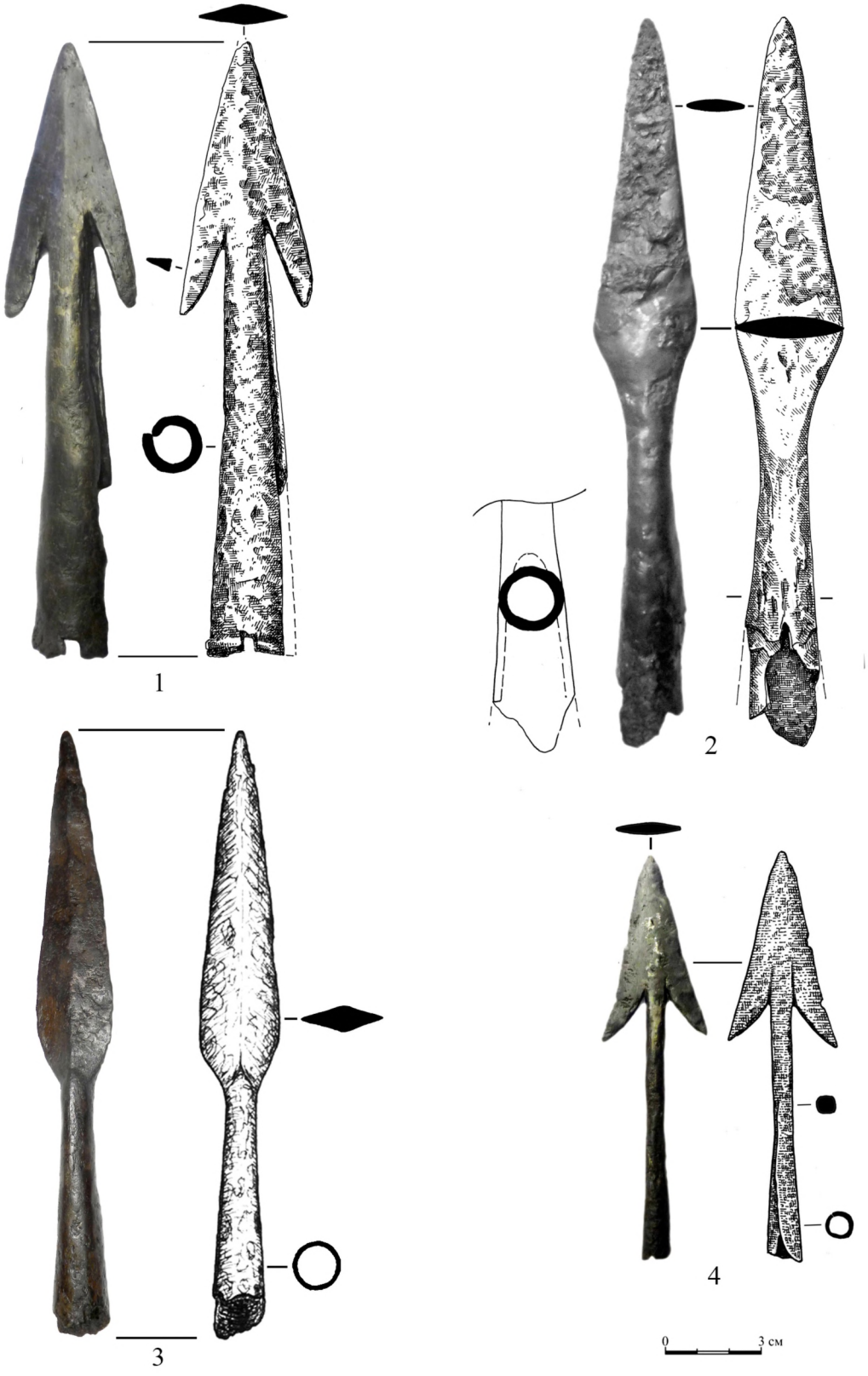


Рис. 52. Наконечники копий и дротиков восточнославянского круга древностей с памятников IX – 1-й половины X в.

1, 2, 4 – гор. Супруты: 1 – раскоп XXVIII, постройка 6; 2, 4 – раскоп XXVIII, постройка 4; 3 – гор. Щепилово, п/м.

Рис. 53. Топоры восточнославянского круга древностей (типа VIII по А.Н. Кирпичникову) с памятников IX – 1-й половины X в.

1, 2, 4 – гор. Супруты: 1, 2 – п/м; 4 – раскоп XXVIII, постройка 4; 3 – сел. Уткино-1, п/м.

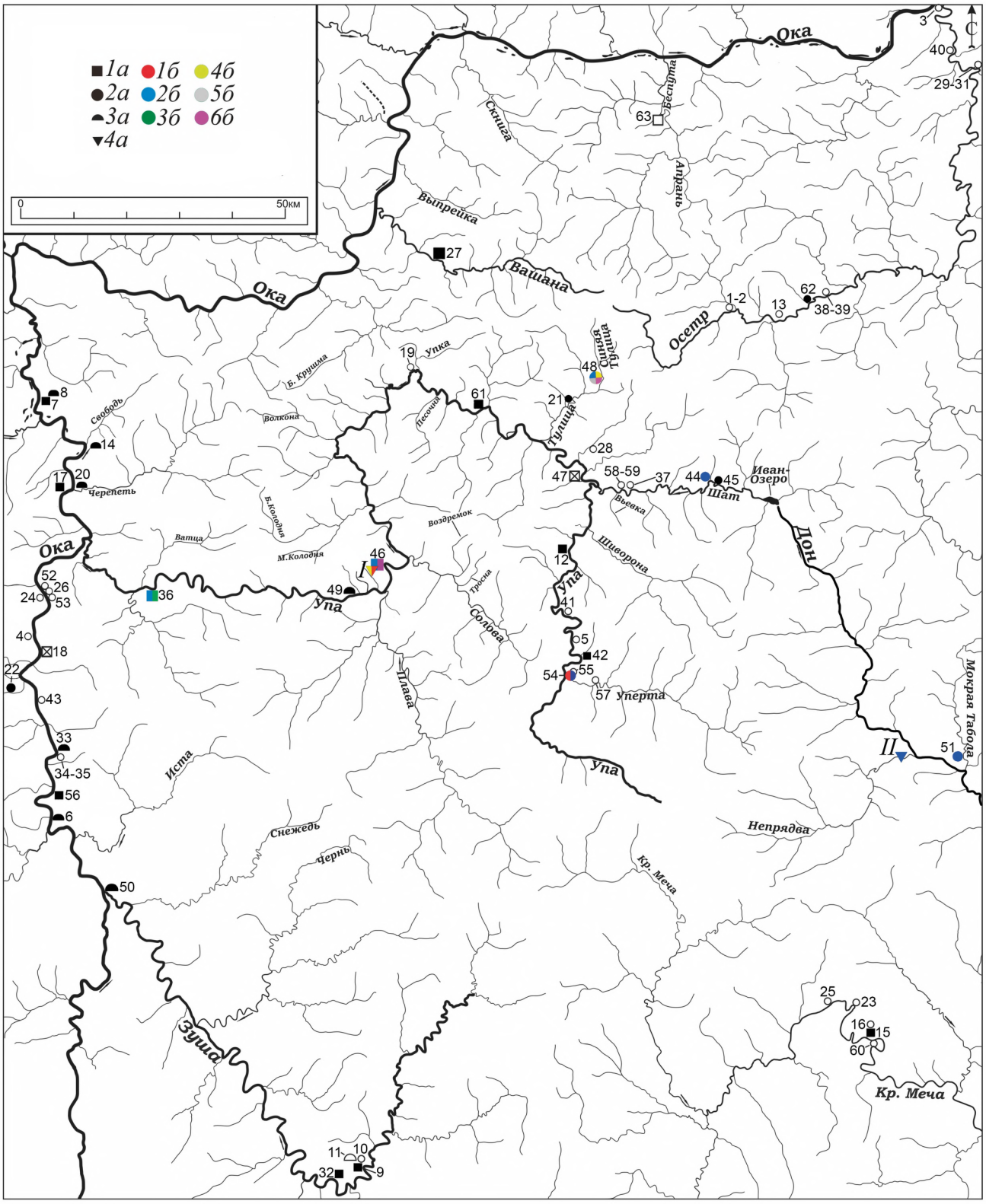


Рис. 54. Памятники IX – 1-й половины X в. верховьев Оки и Дона. Находки предметов вооружения степного круга древностей.

Условные обозначения: 1а – городища; 2а – селища; 3а – курганные могильники; 4а – местонахождения; 1б – топоры; 2б – наконечники стрел; 3б – наконечники копий; 4б – клинковое оружие; 5б – защитное снаряжение; 6 – колчанная гарнитура.

Легенда к карте: см. рис. 21

I - местонахождение у д. Орлово; II - местонахождение на сел. Березовка-4

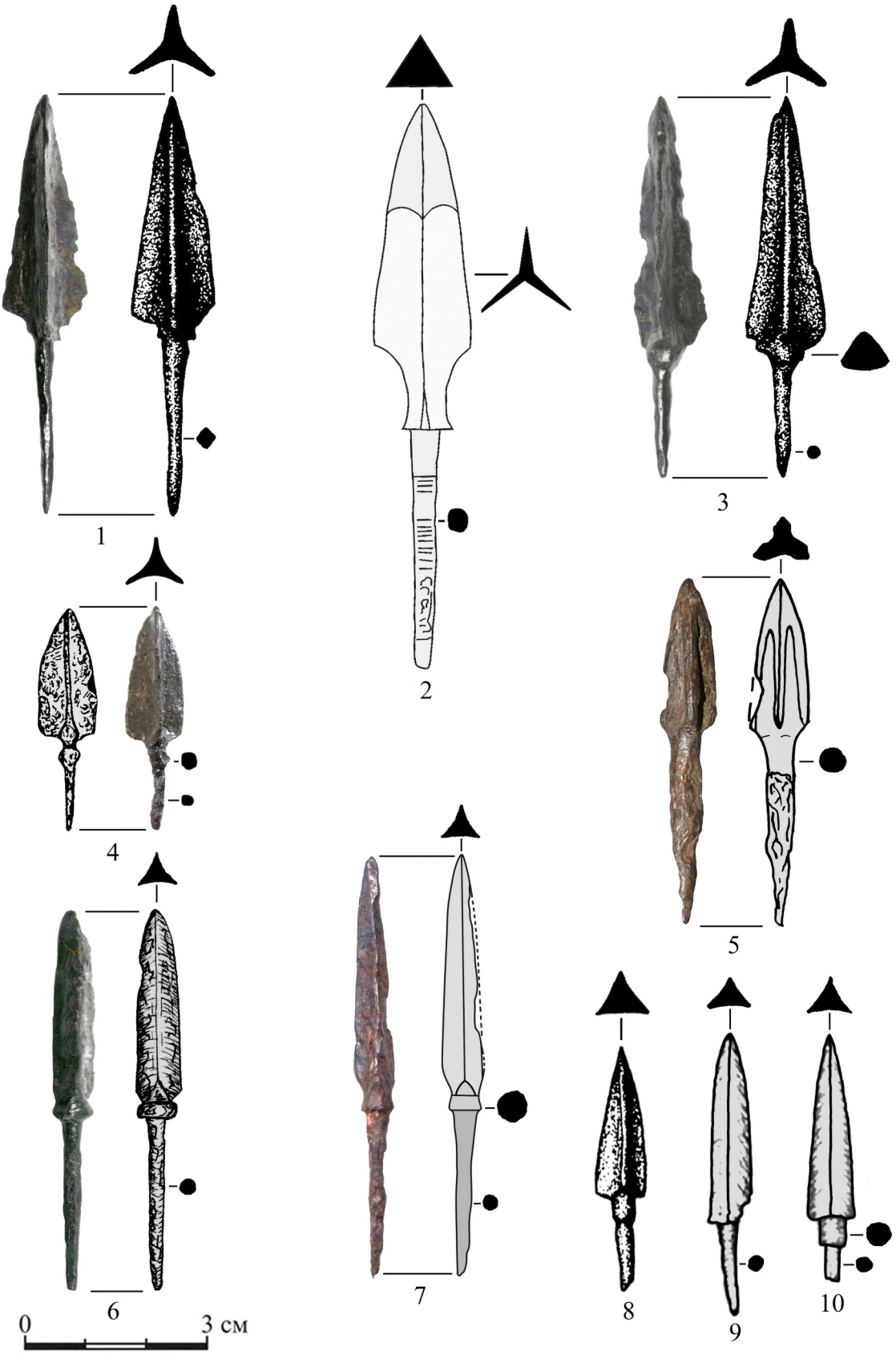


Рис. 55. Находки наконечников стрел степного круга древностей с памятников IX – 1-й половины X в.

1, 3 – сел. Устье-2, п. м.; 2 – гор. Петровское, склон; 4 – сел. Слободка-1, п. м.; 5 – гор. Супруты, раскоп V (1956 г.), кв. 91, пл. 2; 6 – сел. Торхово-3, раскоп IV (1997 г.), кв. 10. 7 – Богородицкий район Тульской области, случайная находка; 8 – сел. Березовка-4, п. м.; 9, 10 – сел. Уткино-1, раскоп 2 (1989 г.), яма 8.

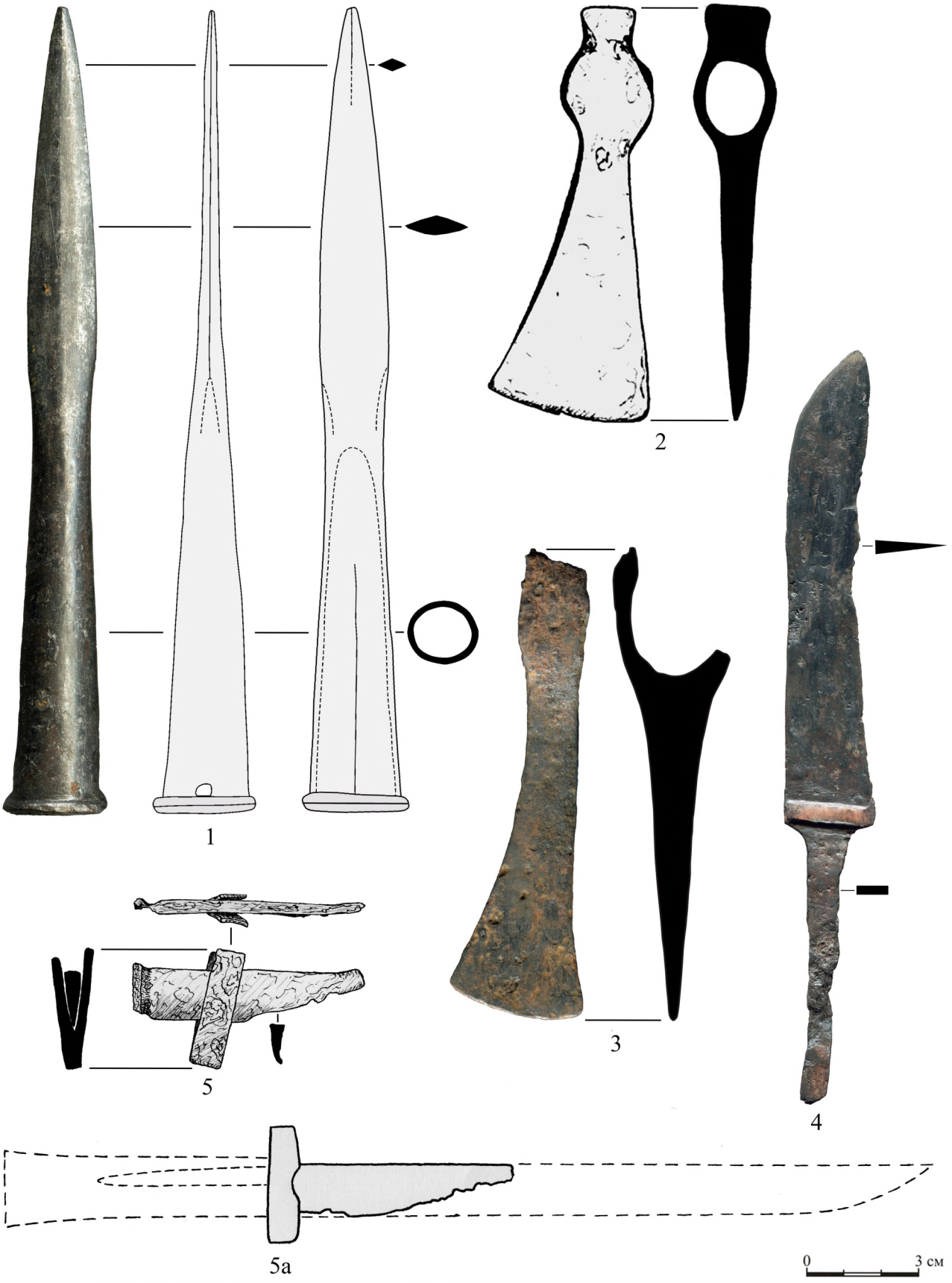


Рис. 56. Находки древкового и клинкового оружия степного круга древностей с памятников IX – 1-й половины X в.

1 – наконечник копья; 2–3 – топоры; 4 – нож; 5-5а – фрагмент кинжала

1 – гор. Петровское, склон оврага напортив городища; 2 – сел. Уткино-1, раскоп III (1989 г.), яма 11; 3, 4 – мест. Орлово; 4 – сел. Торхово-3, постройка 3, раскоп 1997 г.(4а – реконструкция А.В. Григорьева).

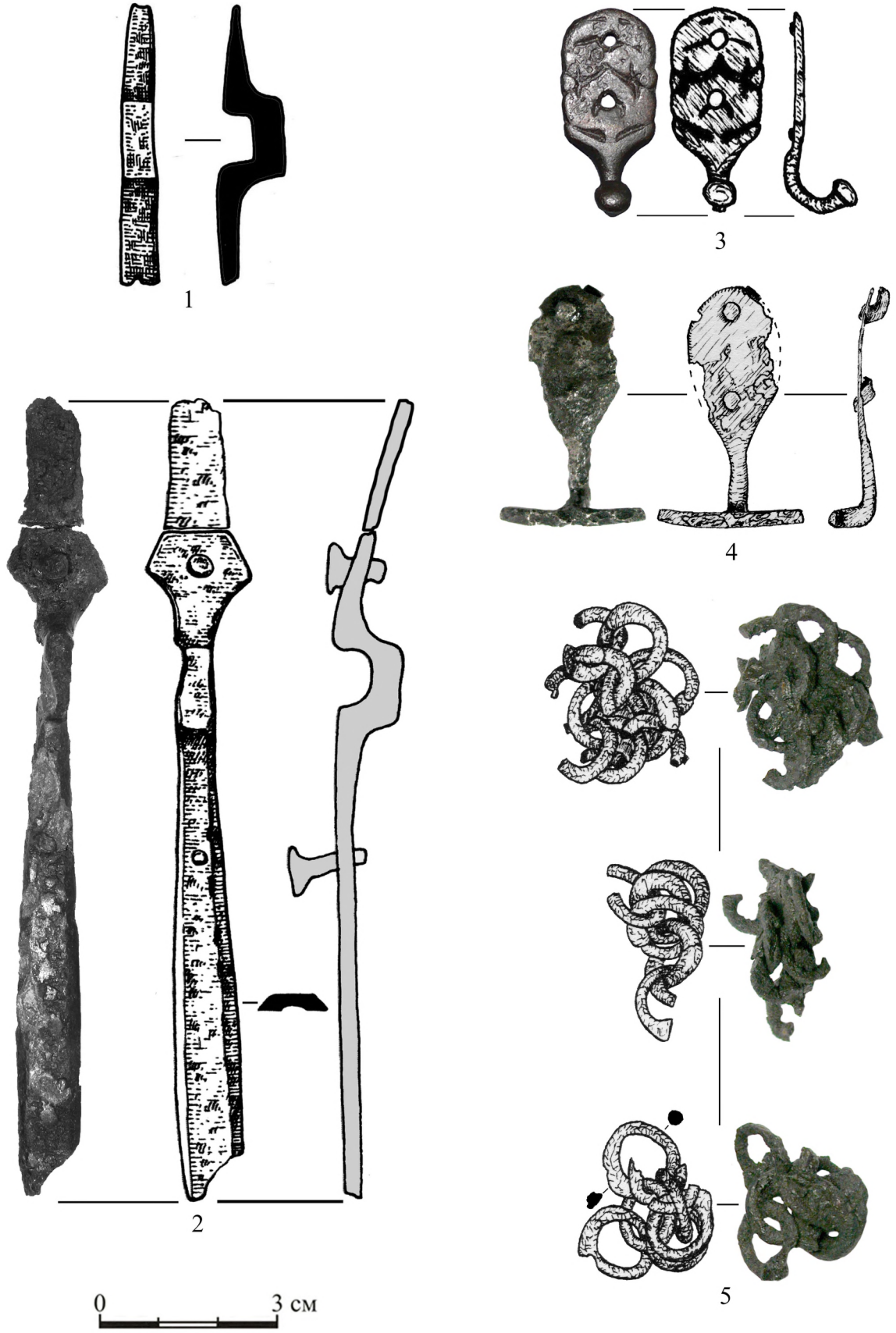


Рис. 57. Элементы колчанной гарнитуры и защитного снаряжения степного круга древностей с памятников IX – 1-й половины X в.

1, 2 – колчанные петли; 3, 4 – колчанные крючки; 5 – фрагменты кольчужного плетения.

1, 2 – гор. Супруты, раскоп XXVIII, постройка 4; 3 – гор. Супруты, раскоп XXVIII, постройка 5; 4 – сел. Торхово-3, п. м ; 5 – сел. Торхово-3, раскоп IV (1997 г.), постройка 3.

1, 2, 4–6 – железо; 3 – бронза.

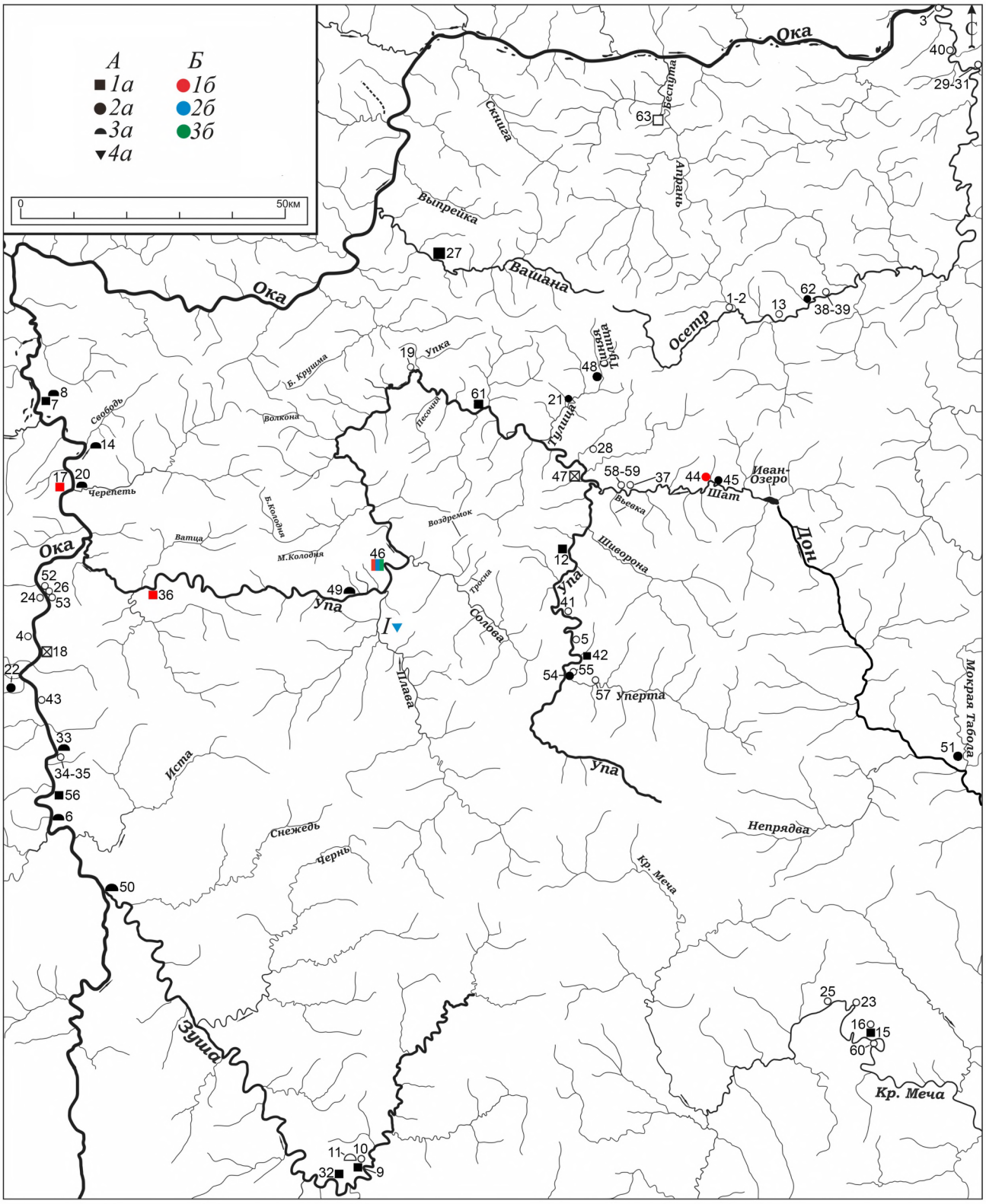


Рис. 58. Памятники IX – 1-й половины X в. верховьев Оки и Дона.
Находки предметов вооружения североевропейского происхождения.

Условные обозначения: а – тип памятника; б – характер находок

1а – городища; 2а – селища; 3а – могильники; 4а – местонахождения.

1б – наконечники стрел и сулиц; 2б – топоры; 3б – наконечники копий.

Легенда к карте: см. рис. 21

I - местонахождение у д. Кутьма.

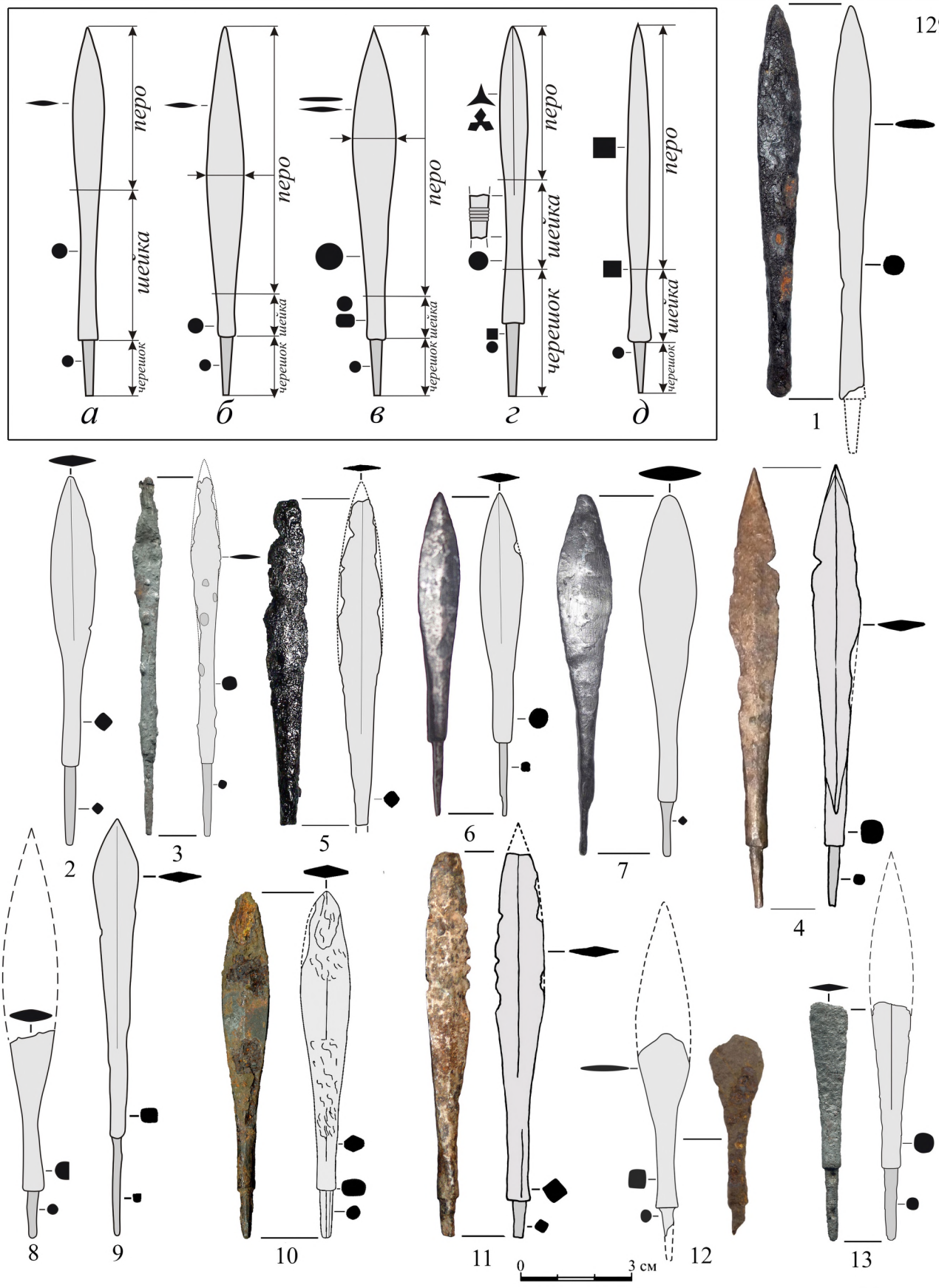


Рис. 59. Находки плоских ланцетовидных стрел с памятников IX–X вв. верховьев Оки и Дона.

а–д – типы ланцетовидных стрел с памятников IX-X вв. Окско-Донского водораздела.

а – тип 62, вар. 2 по А. Ф. Медведеву, тип А-2 по Э. Вэгре – П. Линдбому; *б,в* – тип 62, вар. 2 по А. Ф. Медведеву, тип А-1 по Э. Вэгре, типы AJ1 и AS1 по П. Линдбому; *г* – тип 75 по А. Ф. Медведеву, тип D-1 по Э. Вэгре; *д* – тип 77 по А. Ф. Медведеву, тип D-2 по Э. Вэгре.

1, 2, 4-9, 12 – гор. Супруты: 1, 2 – XXVIII раскоп, постройка 4; 5–6 – п.м. с разрушенной части памятника; 7 – раскоп XXII, кв. 3, пласт 16; 8, 9 – XXVIII раскоп, постройка 6; 4 – раскоп I, пласт 2. ТОКМ, ЕИК- 4150/5; 12 – раскоп III, кв. 56 пласт 2. ТОКМ, ЕИК- 4150/4

10 – гор. Петровское, склон

12 – сел. Слободка-1, п/м.

3, 13 – гор. Вырск, склон

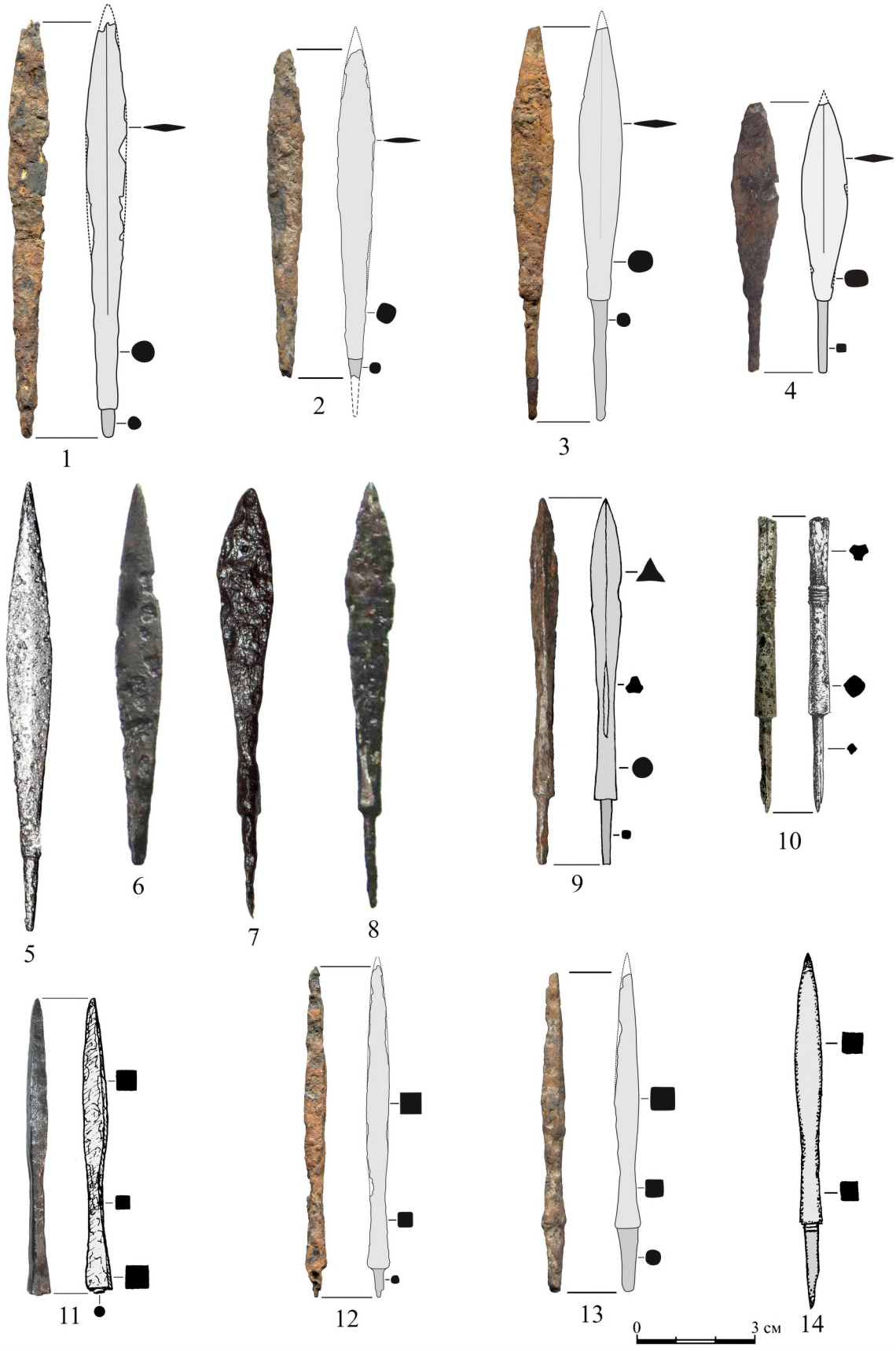


Рис. 60. Находки ланцетовидных наконечников стрел с памятников IX–X вв. верховьев Оки и Дона.

1–8 – с плоским пером; 9, 10 – с трехгранным пером; 11–14 – с четырехгранным пером.

1–3, 12, 13 – гор. Вырск, склон (работы 2021 г.)

5–11 – гор. Супруты: 5, 7 – раскопки 1969 г. С. А. Изюмовой (по Мурашева, Каинов. 2020); 6, 8 – гор. Супруты (по Григорьев, 2012); 9 – раскоп V, кв. 83, пласт 3 (работы 1956 г.). ТОКМ, ЕИК-4151/2; 10, 11 – п.м. с разрушенной части памятника.

4 – гор. Дуна (Фонды ГИМ, Б 546/709)

14 – гор. «Чертово городище», п.м.

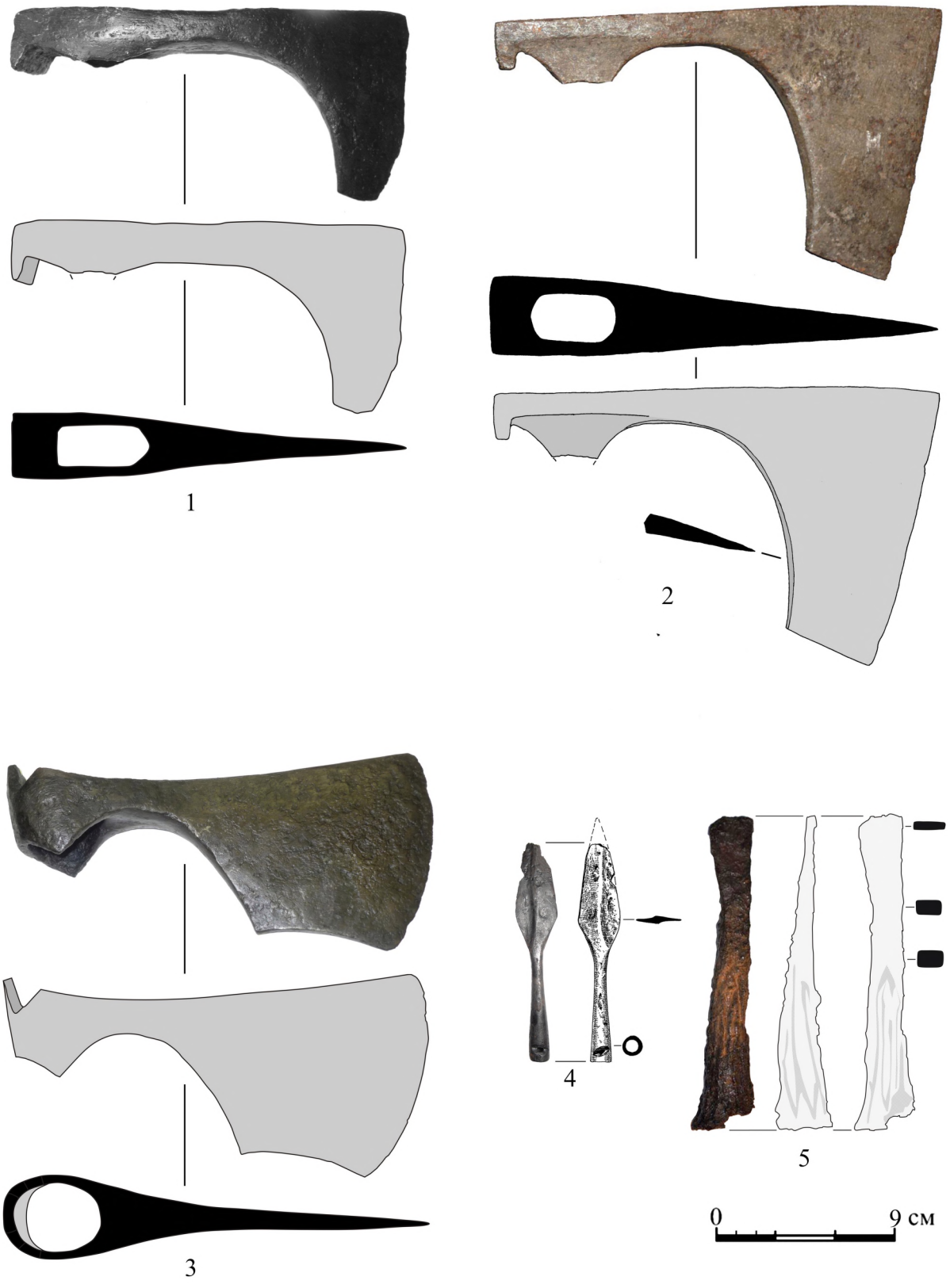


Рис. 61. Находки топоров, наконечников копий и сулиц с памятников IX – 1-й половины X в.

1-3 – топоры; 5 – наконечник копья; 4 – наконечник сулицы

1 – село Кутьма, случайная находка.

2-5 – гор. Супруты: 2 – раскоп V, кв. 73, пласт 2. ТОКМ, ЕИК- 4151/11; 3, 4 – раскоп XXVIII, постройка 1; 5 – раскоп XIX. ГИМ, Оп. В 2730/9

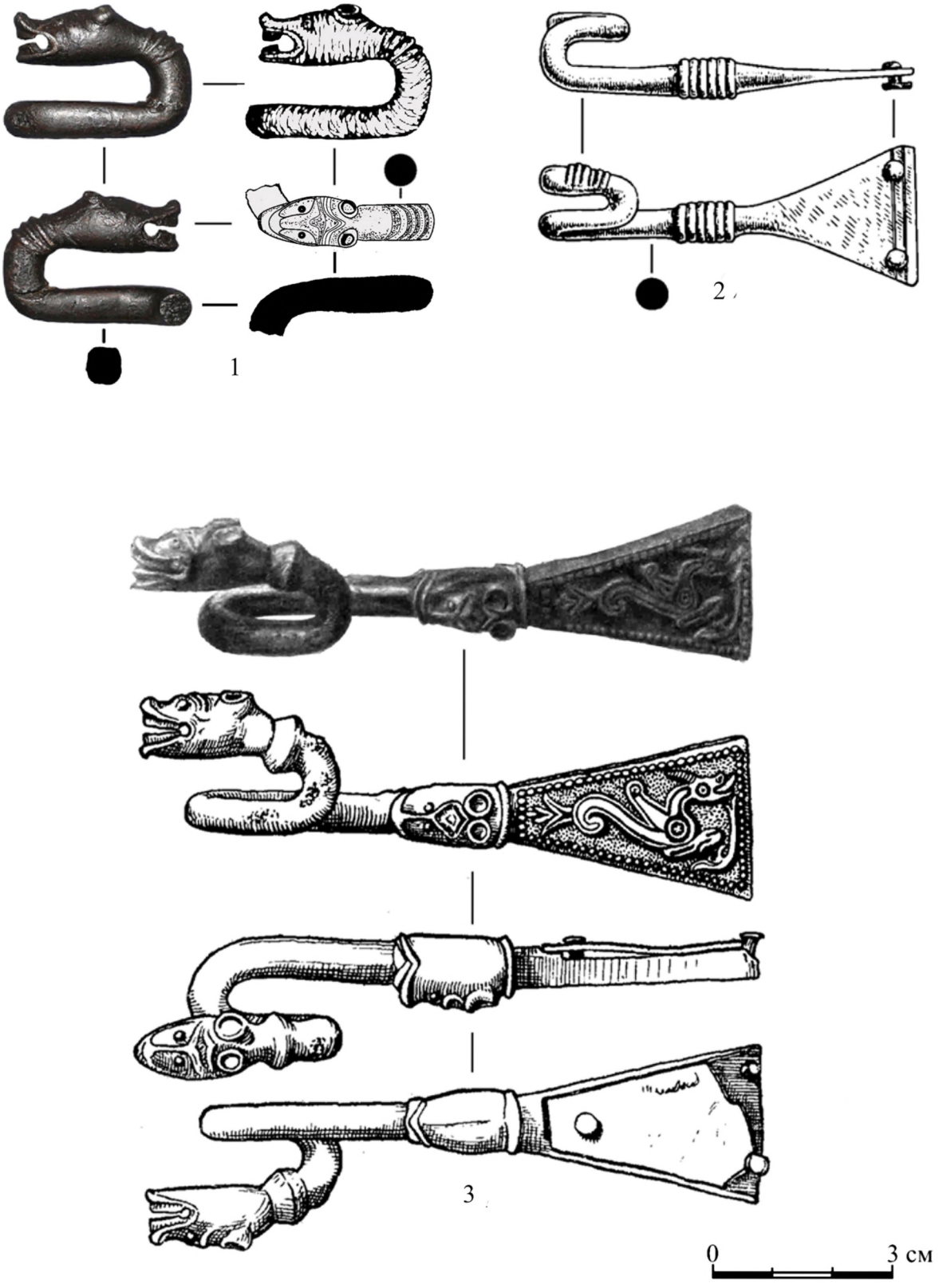


Рис. 62. Находки предметов с зооморфными окончаниями «для подвешивания мечей»

1 – гор. Супруты, раскоп XXVIII, постройка 1; 2 – Гнездовский мог., контекст обнаружения неизвестен; 3 – Гнездовский мог., курган Л-47.

1, 3 – бронза; 2 - железо

2 – по: Медведев, 1966. С. 127, табл. 7: 10; 3 – по: Авдусин, 1952. С. 96, рис. 26: 2.

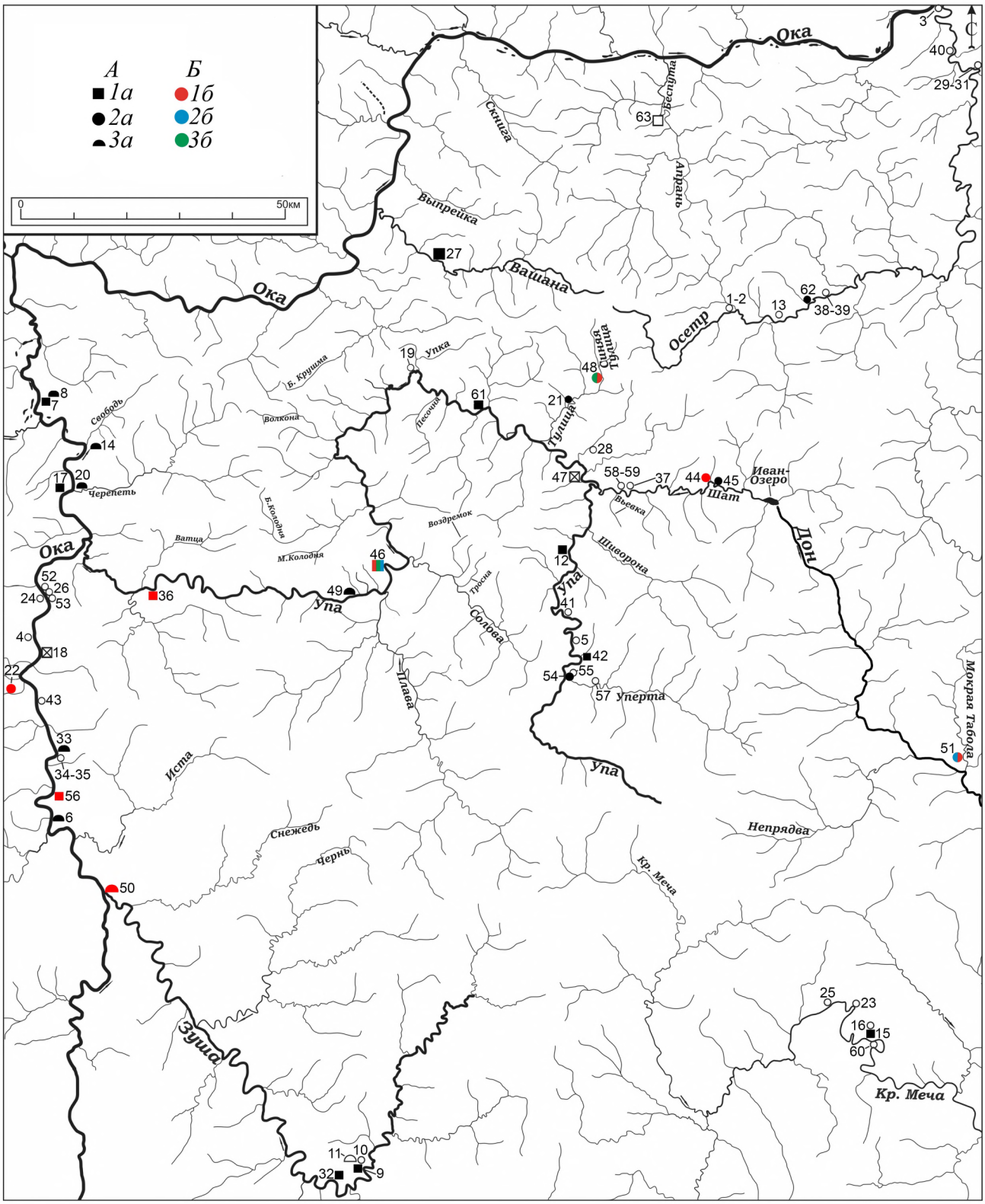

А
Б
1а
1б
2а
2б
3а
3б
0
50км
Ока
Ока
Ока

Рис. 64. Детали поясного набора с памятников IX – 1-й половины X в.

1, 2, 4, 5, 14–20, 26 – гор. Супруты; сел. 3, 11 – Устье-2; 6 – гор. Акиньшино; 7 – гор. Петровское; 8 – сел. Торхово-3; 10 – сел. Каменка-1; 12, 13 – гор. Федяшево; 21 – мог. Тшлыково; 22–24 – гор. Чертово Городище; 25 – сел. Слободка-1.

2–7, 9–20, 22, 23, 25, 26 – бронза; 1, 8, 21, 24 – серебро.

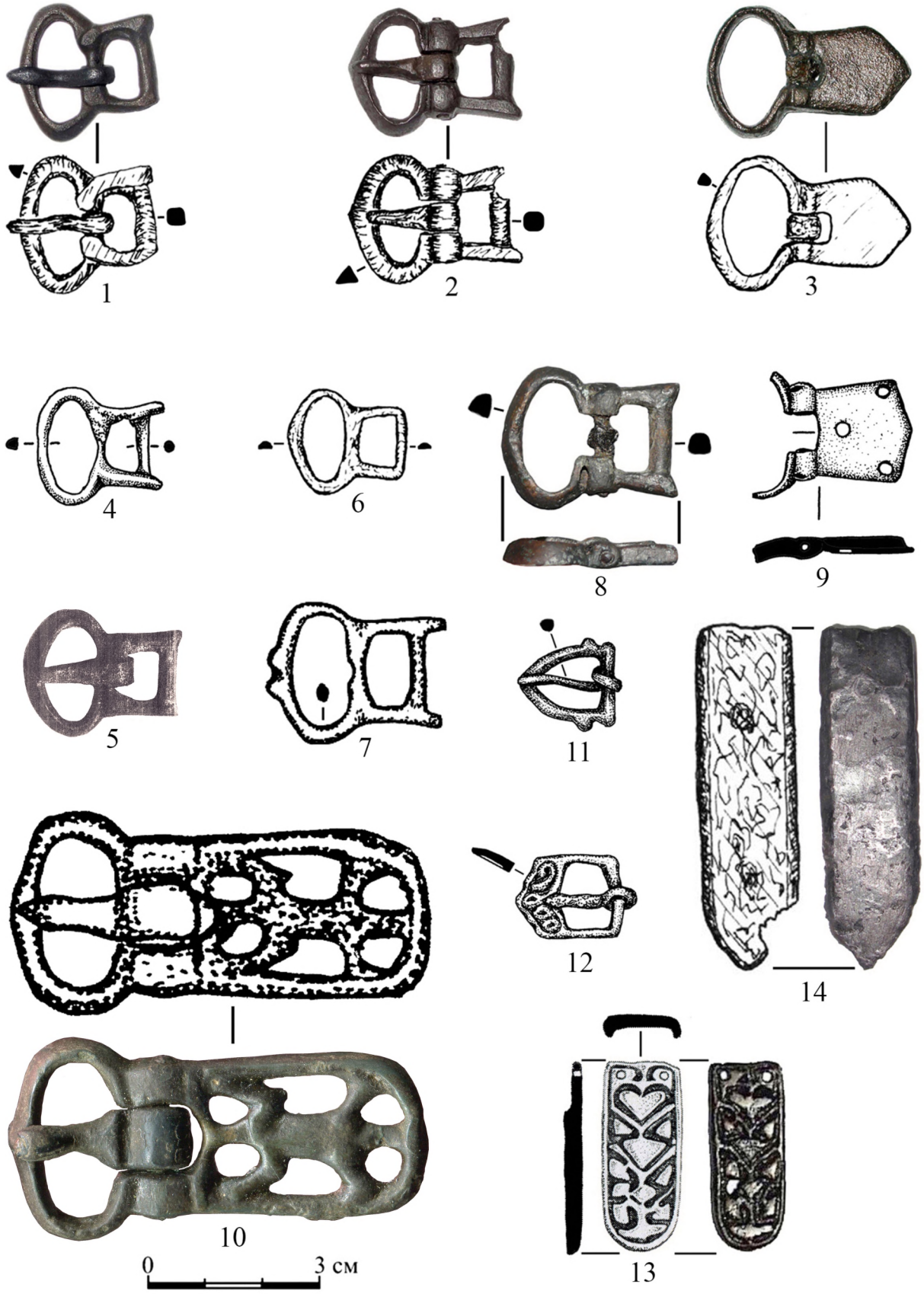


Рис. 65. Детали поясного набора с памятников IX – 1-й половины X в.

1–12 – пряжки; 13 – наконечник ремня.

1– 6, 8 – Супруты; 7, 10 – «Чертово Городище»; 9, 11, 12 – Устье-2; 13 – Торхово-3.

1–14 – бронза.

Рис. 66. Предметы поясного набора из состава Супрутского клада 1969 года.

1–2 – наконечники ремней; 3 – пряжка; 4–13 – накладка.

1–3 – серебро.

Изображения даны по: Меч и златник, 2012. С. 50–51; Мурашева, 2008.

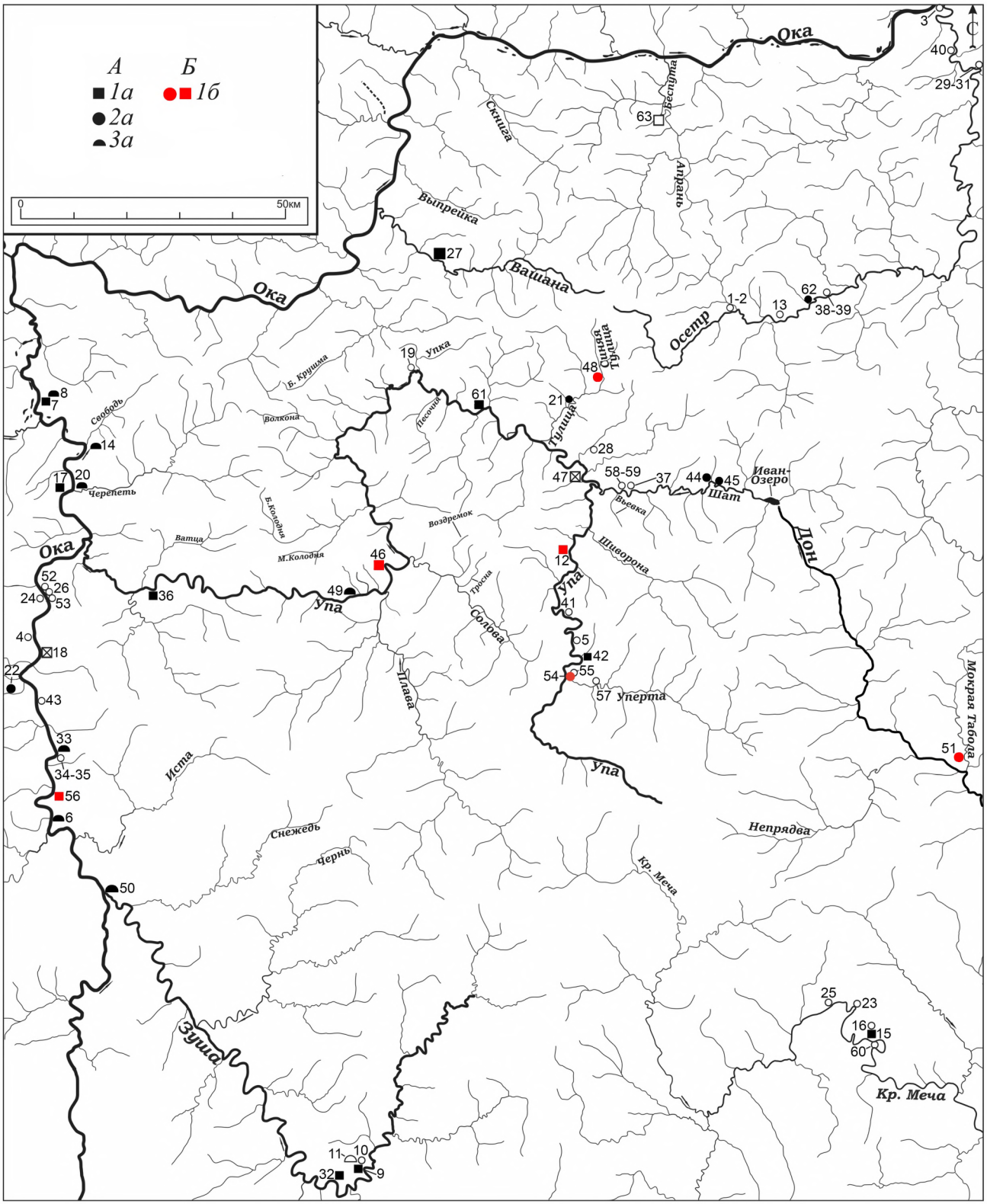


Рис. 67. Памятники IX – 1-й половины X в. верховьев Оки и Дона. Находки предметов конской упряжи.

Условные обозначения: 1а – городища; 2а – селища; 3а – курганные могильники; 1б – находки предметов конской упряжи степного круга древностей.

Легенда к карте: см. рис. 21

Рис. 68. Предметы конского снаряжения с гор. Супруты.

1 – направляющие ремней конского оголовья (постройка 2, раскоп XXVII); 2 – деталь стремени в виде головы дракона (Мурашева, 2012. С. 106, рис. 1)
3–9 – предметы конского снаряжения из состава Супрутского клада 1969 года.
3–6 – седельные накладки (Мурашева, 2008. С. 25: рис. 31); 7, 8 – бляшки ремней оголовья: рисунки (Мурашева, 2008. С. 12, рис. 9; 15, рис. 13), фотография (Меч и златник, 2012. С. 51: 60); 9 – удила с псалиями и направляющими ремней оголовья: рисунок (Мурашева, 2008. С. 7, рис. 3); фотография (Григорьев, 2012г. Рис. 13 (фотография С.А. Авдусиной и А.М. Красниковой)).

1 – бронза; 2 – латунь; 3–6 – серебро; 7, 8 – серебро, свинцово-оловянный сплав; 9 – железо, медный сплав, золочение.

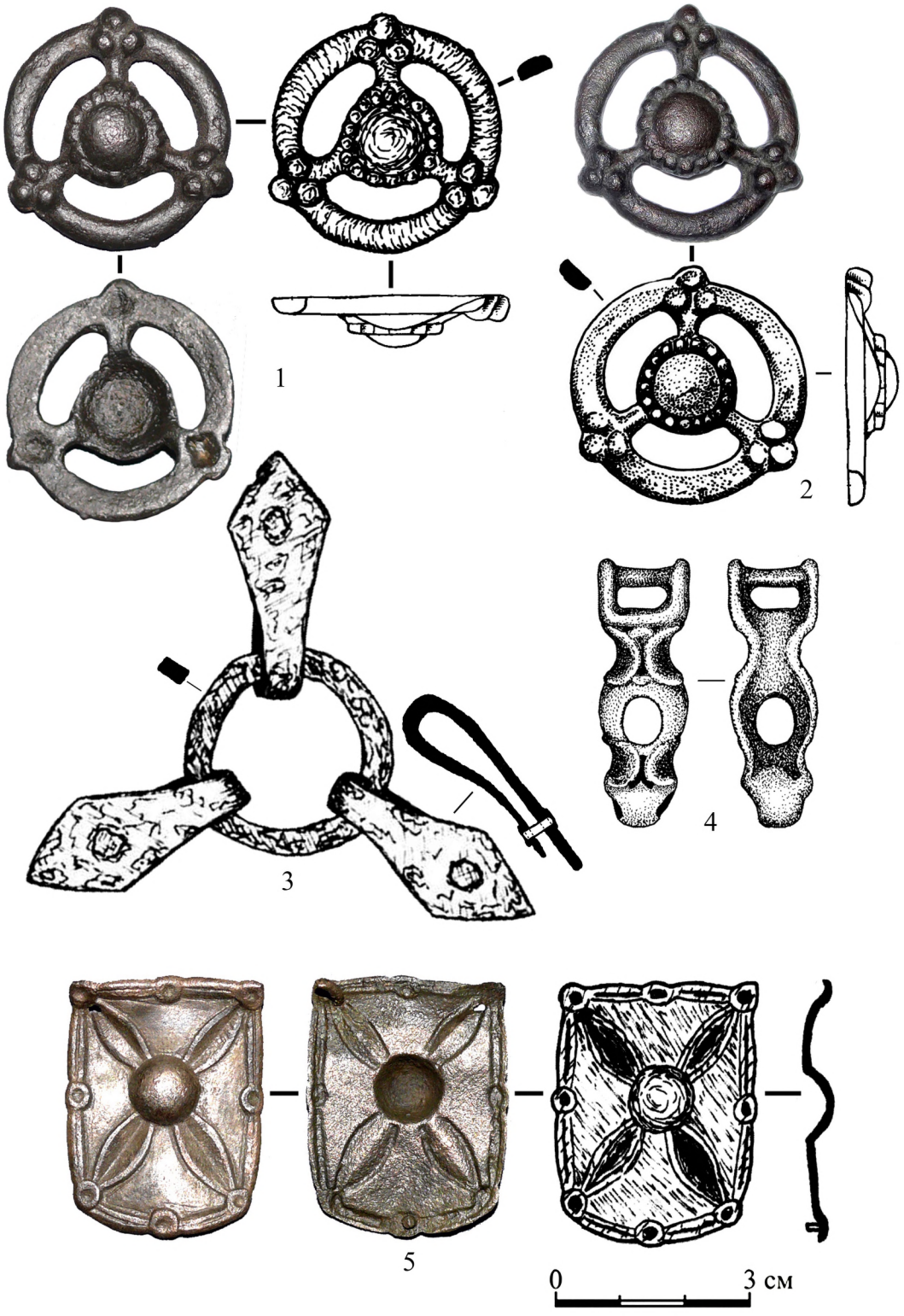


Рис. 69. Сбруйная ременная гарнитура набора с памятников IX – 1-й половины X в.

1–3 – ременные разделители; 4 – фигурная подвеска (чумбурный блок); 5 – наконечник ремня конского оголовья.

1–3, 5 – гор. Супруты: 1 – раскоп XXVIII, яма 5; 2 – раскоп XXVIII, постройка 2; 3 – п. м.; 5 – раскоп XXVIII, постройка 4; 4 – сел. Устье-2, подъемный материал.

1, 2, 4, 5 – бронза; 3 – железо.

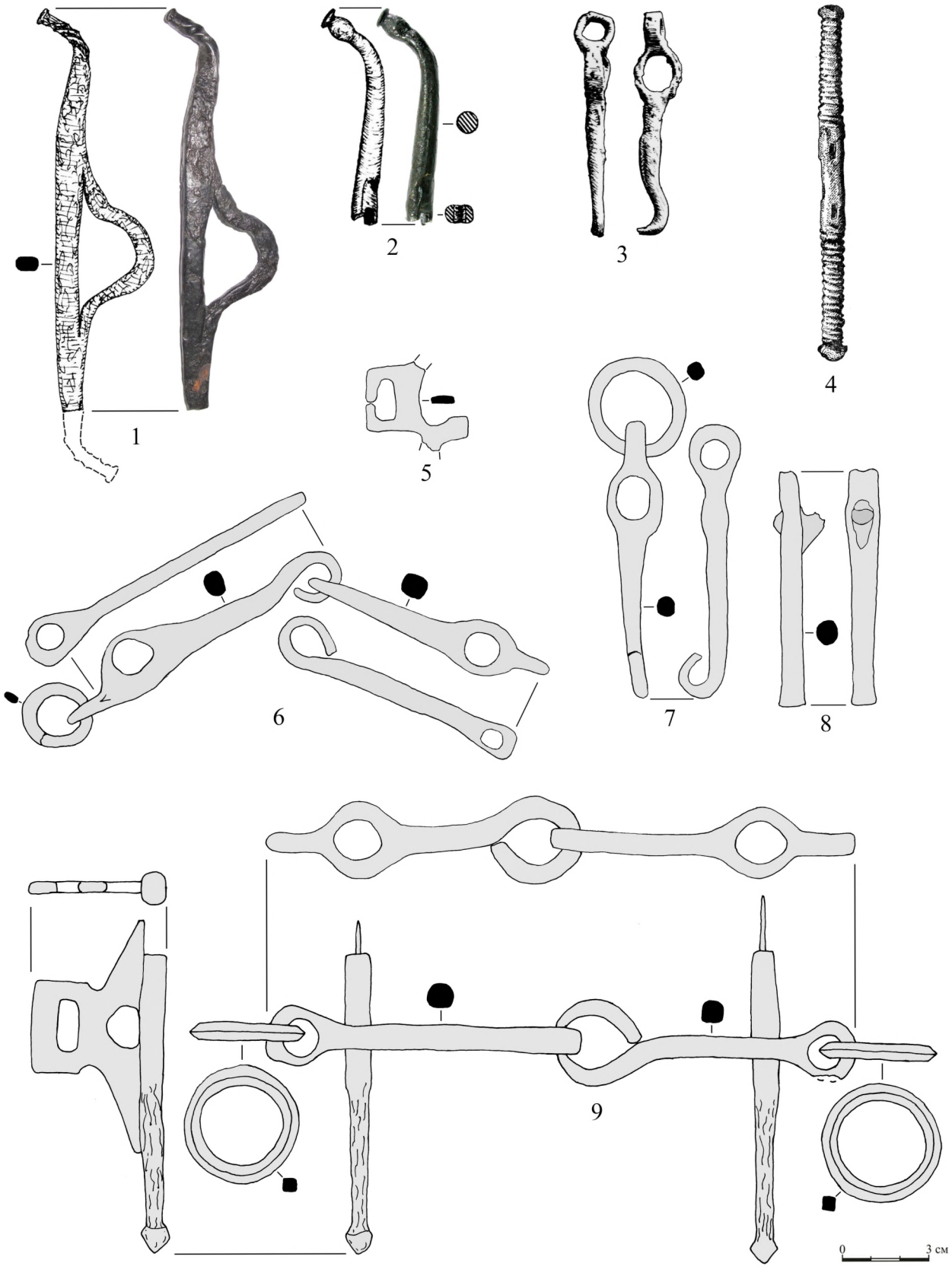


Рис. 70. Железные элементы конской упряжи с памятников IX – 1-й половины X в.

1, 2, 4 – псалии; 3, 5–9 – удила.

1 – гор. Супруты, раскоп XXV (2002 г.), постройка 2; 2 – сел. Торхово-3, раскоп 4 (1997 г.), пахотный слой; 4 – гор. Федяшево (по Т.Н. Никольской); 3 – селище Уткино-1, раскоп III (1989 г.), кв. Н-25; 5 – гор. Супруты, раскоп IV (1956 г.), пл. 3 кв. 66; 6–8 – гор. Супруты, раскоп V (1956 г.), пл. 2 кв. 96; 9 – гор. Супруты, раскоп V (1956 г.), пл. 2 кв. 89.

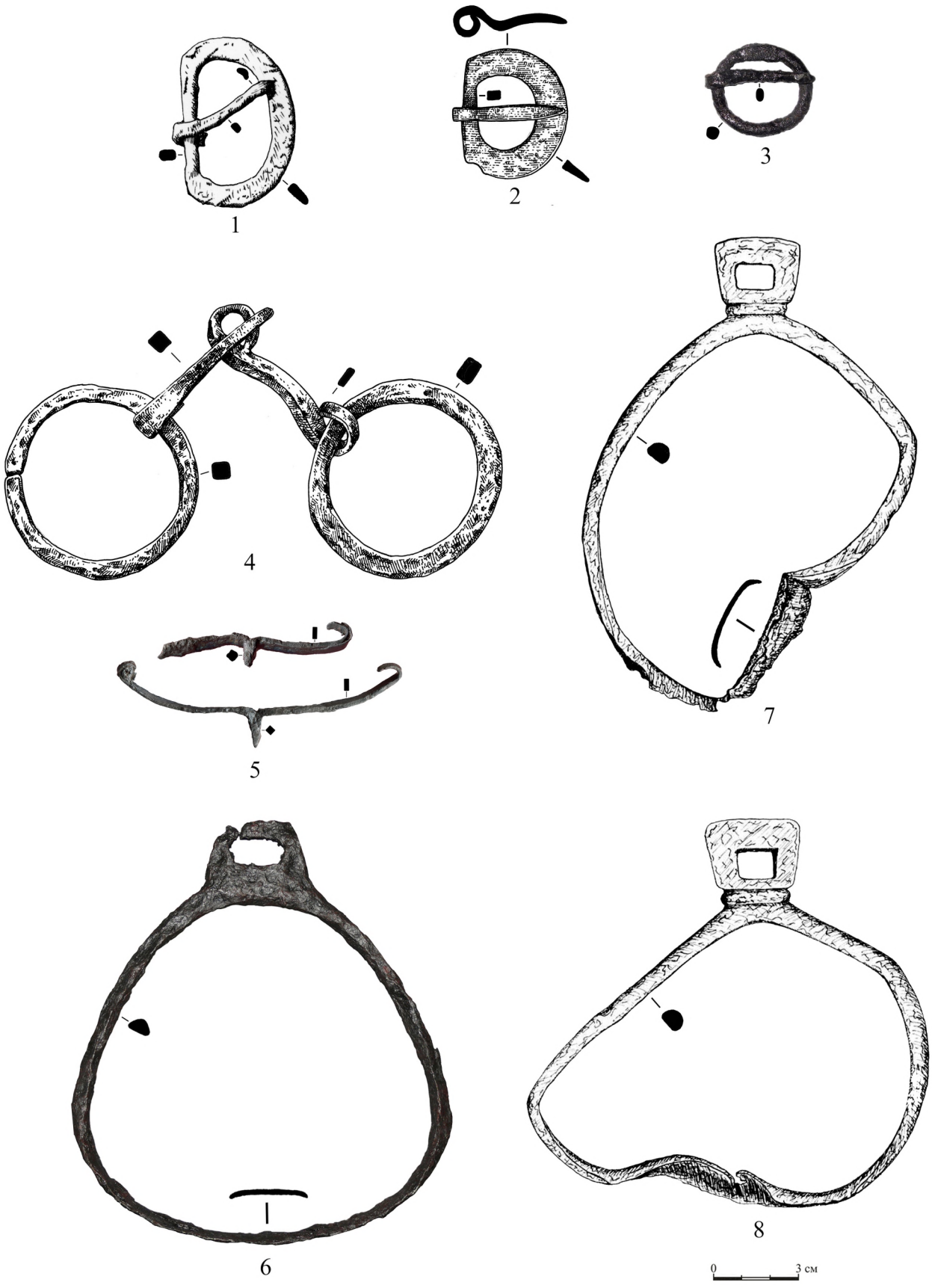


Рис. 71. Железные элементы конской упряжи с памятников IX – 1-й половины X в.

1–3 – сбруйные пряжки; 2 – кольчатые удила; 5 – шпора; 6–8 – стремена.

2–4, 6–8 – гор. Супруты

2 – раскоп XXVIII (2007 г.), постройка 4; 3 – XXVII раскоп, яма 16; 4 – раскоп XXVIII (2007 г.), постройка 4; 6 – раскопки С.А. Изюмовой, ф. ТОКМ, ЕИК 7569/89; 7, 8 – подъемный материал с разрушенной части памятника.

1 – сел. Уткино-1; 5 – гор. Гора Услань.

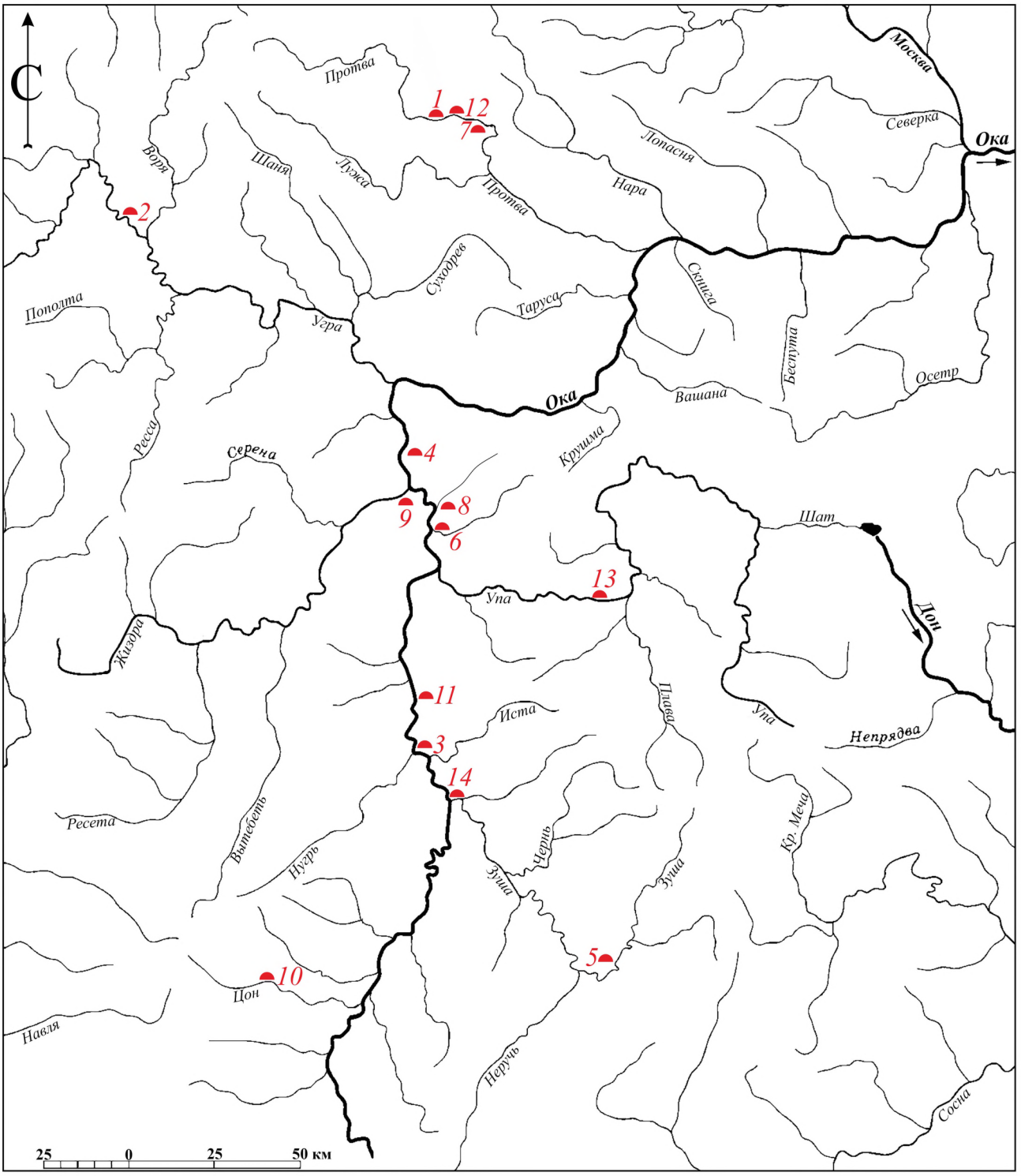


Рис. 72. Курганные могильники с захоронениями раннего периода.

1 – Беницы; 2 – Бочарово; 3 – Воронец; 4 – Вороново; 5 – Воротынцево; 6 – Доброе; 7 – Ермолино; 8 – Западная; 9 – Кудиново; 10 – Лебедка; 11 – Песковатое; 12 – Рыжково; 13 – Тризново; 14 – Тшлыково.

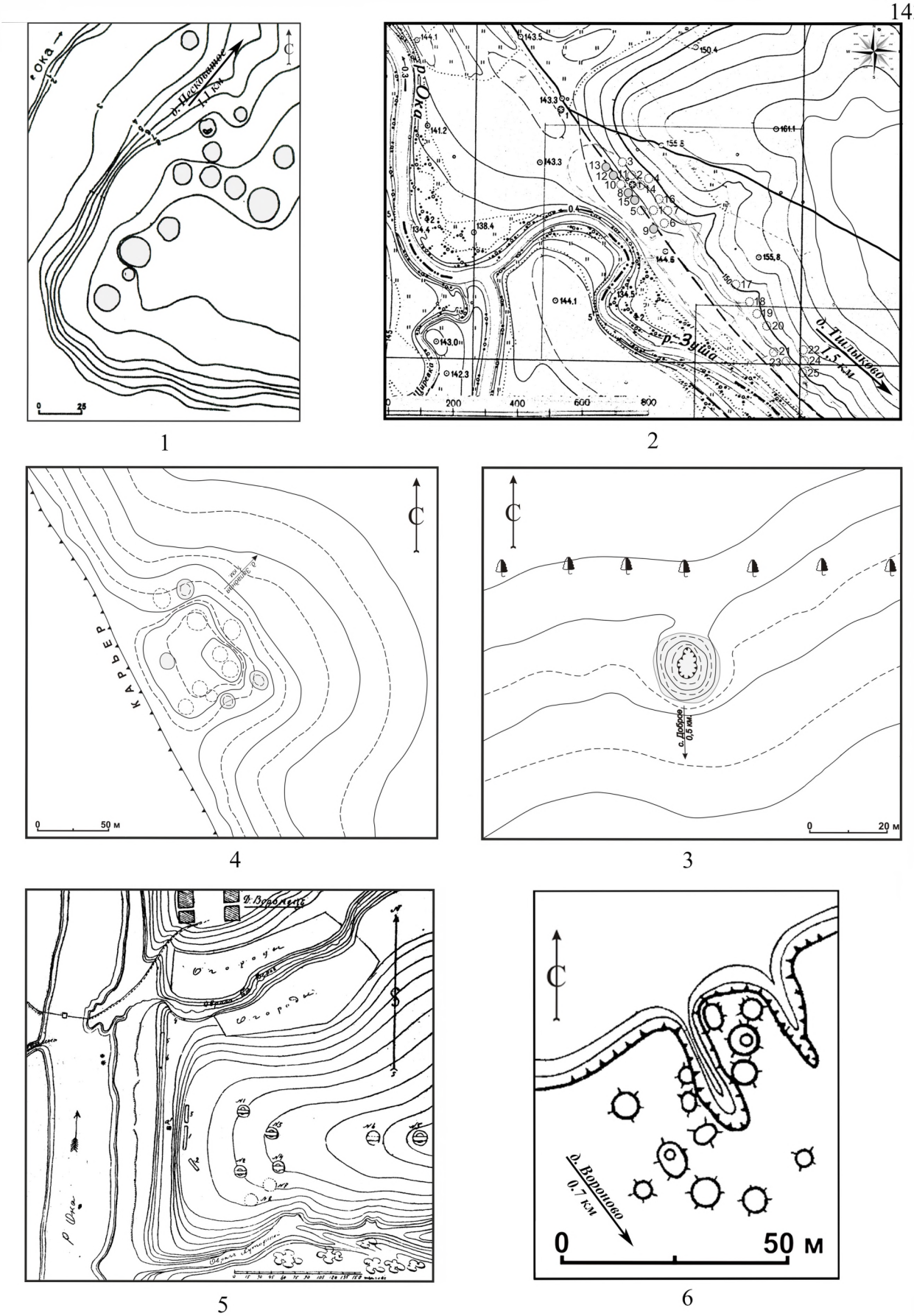


Рис. 73. Курганные могильники с захоронениями раннего периода, сохранившиеся к концу XX века.

1 – Песковатское (по: АКР, Тульская обл., 1999. С. 111, рис. 35); 2 – Тшлыково (по: Архив ИА РАН. Трофимов, 1973. С нанесением на топоподоснову); 3 – Западная (по: Паспорт памятника истории и культуры СССР. Индекс I.3_I.50.19. д. Западная. Курганы. Составитель Миронова В. Г. Дата составления 1 ноября 1979 г.; АКР, Тульская обл., 1999. С. 181, рис. 55); 4 – Доброе (по: Паспорт памятника истории и культуры СССР. Индекс I.3_I.50.19. д. Доброе. Курган. Составитель Миронова В. Г. Дата составления 1 ноября 1979 г.); 5 – Воронец (по: Городцов, 1900. С. 14, рис. 3); 6 – Вороново (по: Никольская, 1980. С. 26, рис. 9: 1)

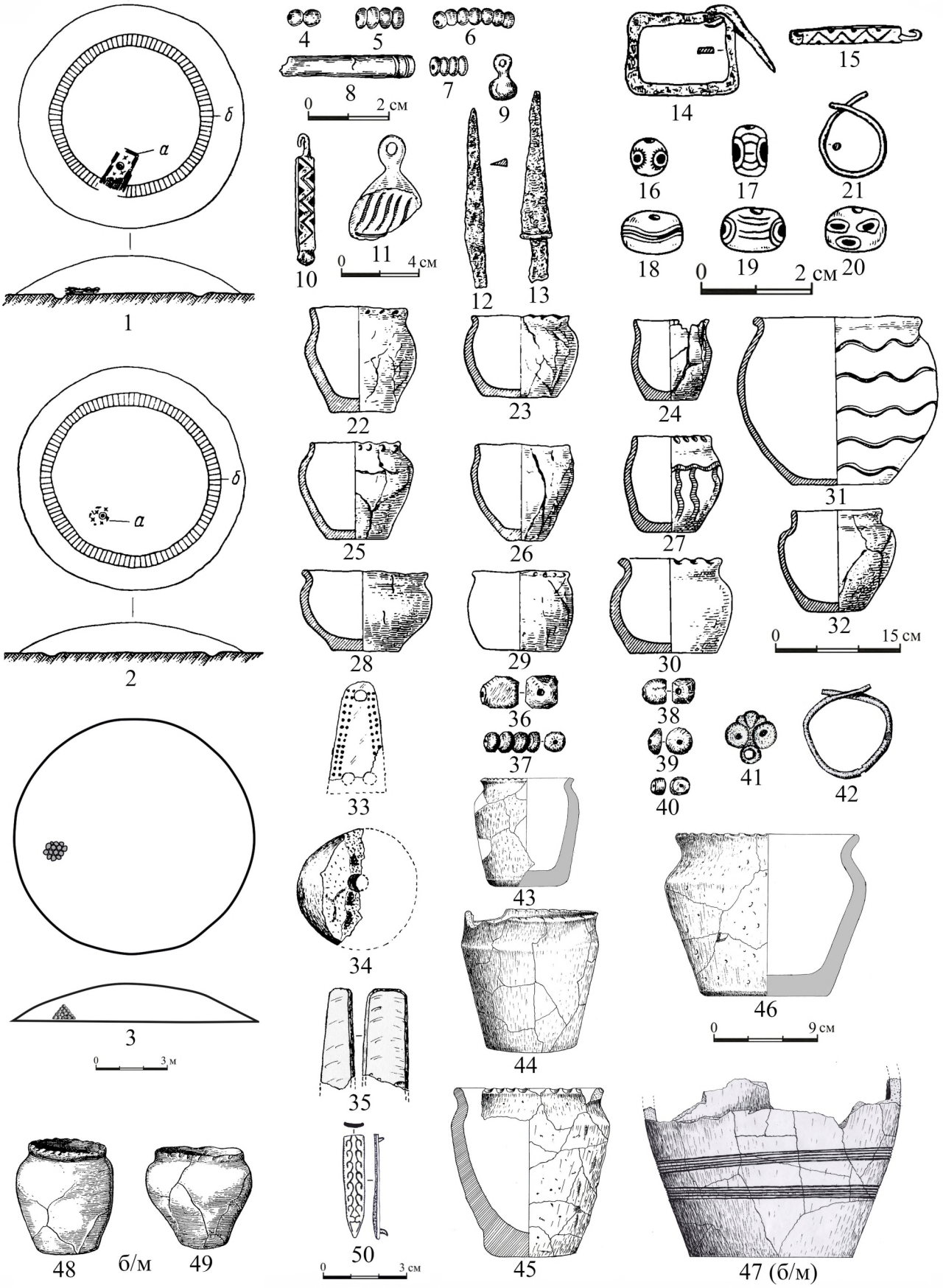


Рис. 74. Кремационные подкурганные захоронения курганных могильников верховьев Оки и Дона.

1 – урновое захоронение в деревянной камере; 2 – урновое захоронение без камеры; 3 – урновое захоронение в каменной камере;
4–49 – погребальный инвентарь.
4–32 – к.м. Западное; 22–47 – к.м. Тшлыково; 48, 49 – кург. Воротынцево; 50 – к.м. Панское.
1, 2, 4–32 – по: Изюмова, 1964. С. 151–163; 22–47: по: Арх. ИА РАН. Трофимов, 1973, 1987; 48, 49 – по: Никольская, 1981. Рис. 7; 50 – по: Арх. ИА РАН. Бурцев, 2008.

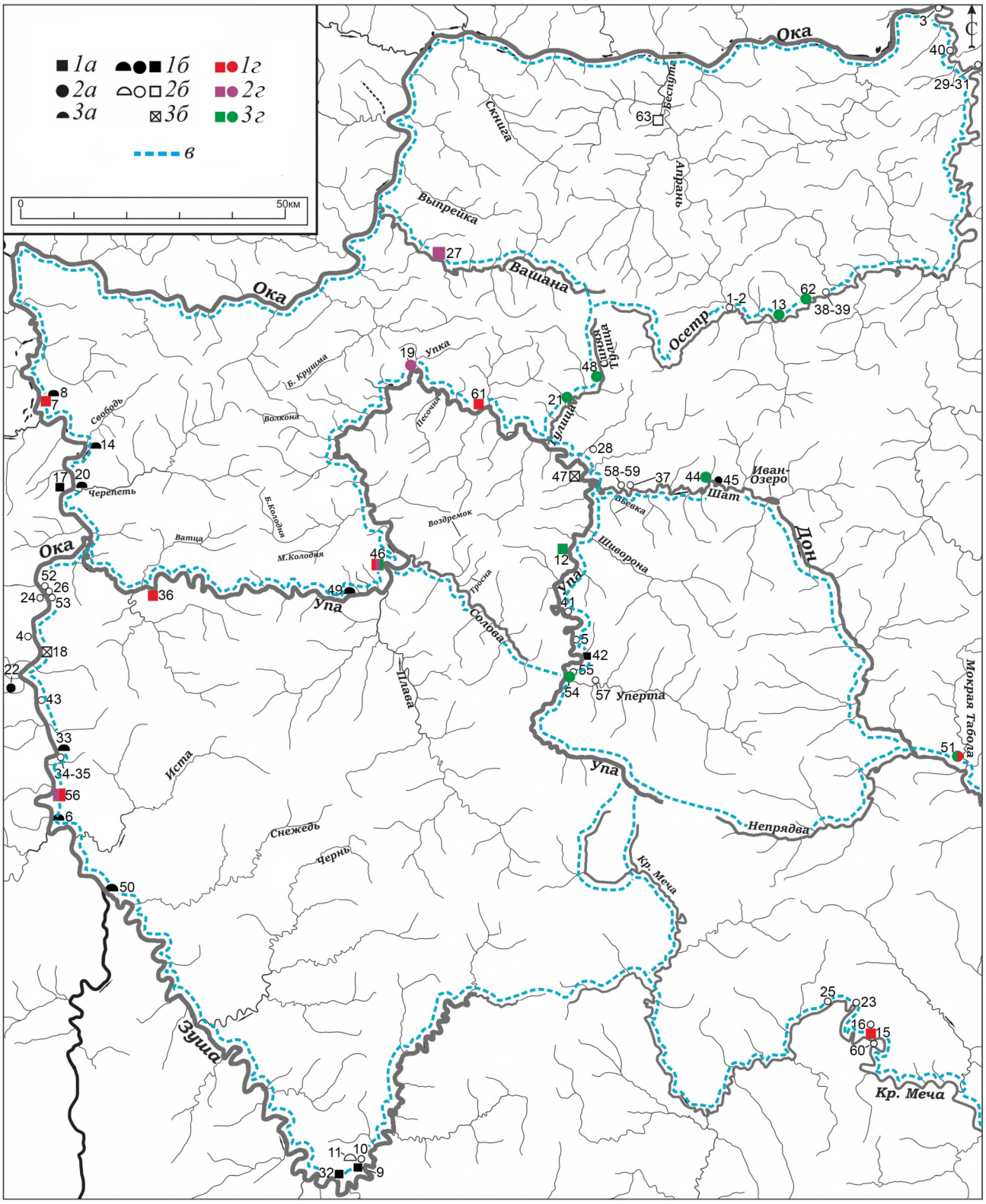


Рис. 75. Верхнеокский участок Донского торгового пути в IX – 1-й половины X в.

Условные обозначения: а – тип памятника: 1а – городище; 2а – селище; 3а – курганный могильник; б – степень изученности: 1б – памятники изученные раскопками; 2б – памятники известные по разведочным данным; 3б – утраченные памятники; в – участки Верхнеокского участка Донского торгового пути (по А.В. Григорьеву).

1г – находки монет; 2г – находки предметов торгового инвентаря; 3г – находки фрагментов тарной амфорной керамики и гончарной керамики салтовского типа.

Легенда к карте: см. рис. 21

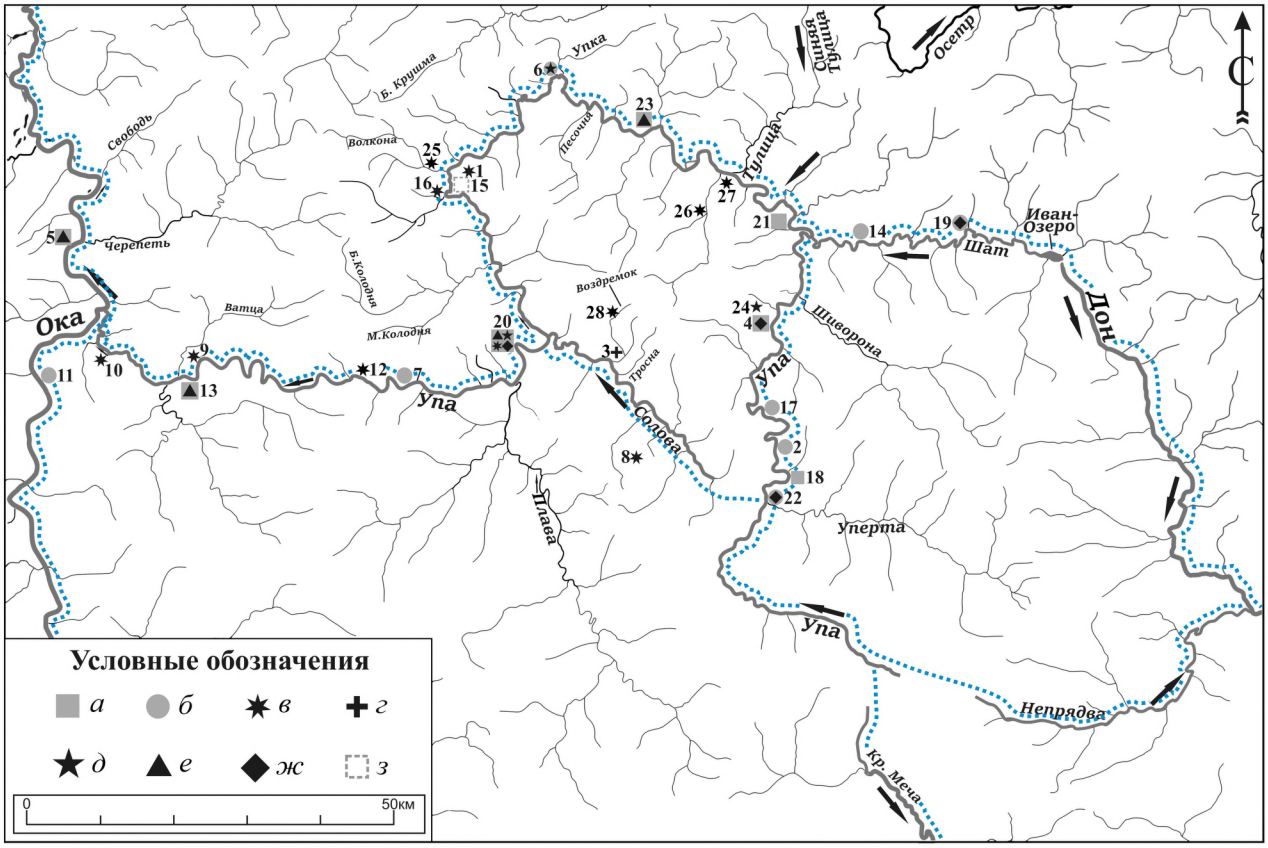


Рис. 76. Упинский отрезок Верхнеокского участка Донского торгового пути в IX – 1-й половине X в.

1 – Бабошино; 2 – Бутырки; 3 – Головеньки; 4 – Гора Услань; 5 – Дуна; 6 – Изволь-1; 7 – Прудки-1; 8 – Лапотково; 9 – Ленино; 10 – Мишнево; 11 –Мощены; 12 – Павловское; 13 – Петровское; 14 – Победа; 15 – Поречье; 16 – Протасово; 17 – Сатинка-1; 18 – Свисталовка; 19 – Слободка-1; 20 – Супруты; 21– Таптыково; 22 – Уткино; 23 – Щепилово; 24 – М.Стрекаловка-5; 25 – Тимофеевка; 26 – Китаевка; 27 – Тула; 28 – Воздремо.

Условные обозначения: *а* – городища; *б* – селища; *в* – монетные и денежно-вещевые клады; *г* – клад инструментов для малых взвешиваний; *д* – находки приспособлений для малых взвешиваний на поселениях; *е* – находки арабских дирхемов на поселениях; *ж* – находки гончарной салтовской керамики и (или) фрагментов амфорной тары; *з* – памятники, на которых предположительно существовало поселение IX–X вв., слой которого не сохранился до наших дней.

Рис. 77. Находки предметов торгового инвентаря и ладейной заклепки с памятников IX – 1-й половины X в. верховьев Оки и Дона.

1, 2 – детали равноплечных весов; 3 – гривна «глазовского» типа; 4–12 – боченковидные весовые гирьки; 13 – 14-гранная весовая гирька; 14 – ладейная заклепка
1–5, 13, 14 – гор. Супруты: 1 – раскоп 1973 г.; 2, 5 – раскоп XXVIII, постройка 4; 4 – раскоп XXVIII, постройка 2; 3 – клад 1972 г.; 13 – разрушенная часть памятника; 14 – отвал раскопа 1967 г.; 6 – сел. Изволь-1, п/м; 7 – гор. Никулино, п/м; 8 – гор. Федяшево, п/м; 9–12 – сел. Головеньки-1, клад.
1, 2 – бронза; 3 – серебро; 4–13 – железо, бронза; 14 – железо.

Рис. 78. Находки фрагментов амфорной керамики с памятников IX – 1-й половины X в.

1–3, 8 – сел. Уткино-1, р. 1. 1 –, яма 34; 2 –, яма 3; 3 –яма 24; 8 – яма 12.

4–6 – гор. Супруты, р. XXVII, постройка 1.

7 – сел. Ивановка-2, шурф 1, яма 1.

9–11 – сел. Слободка-1. 9 – зерновая яма 11; 10, 11 – ПМ.

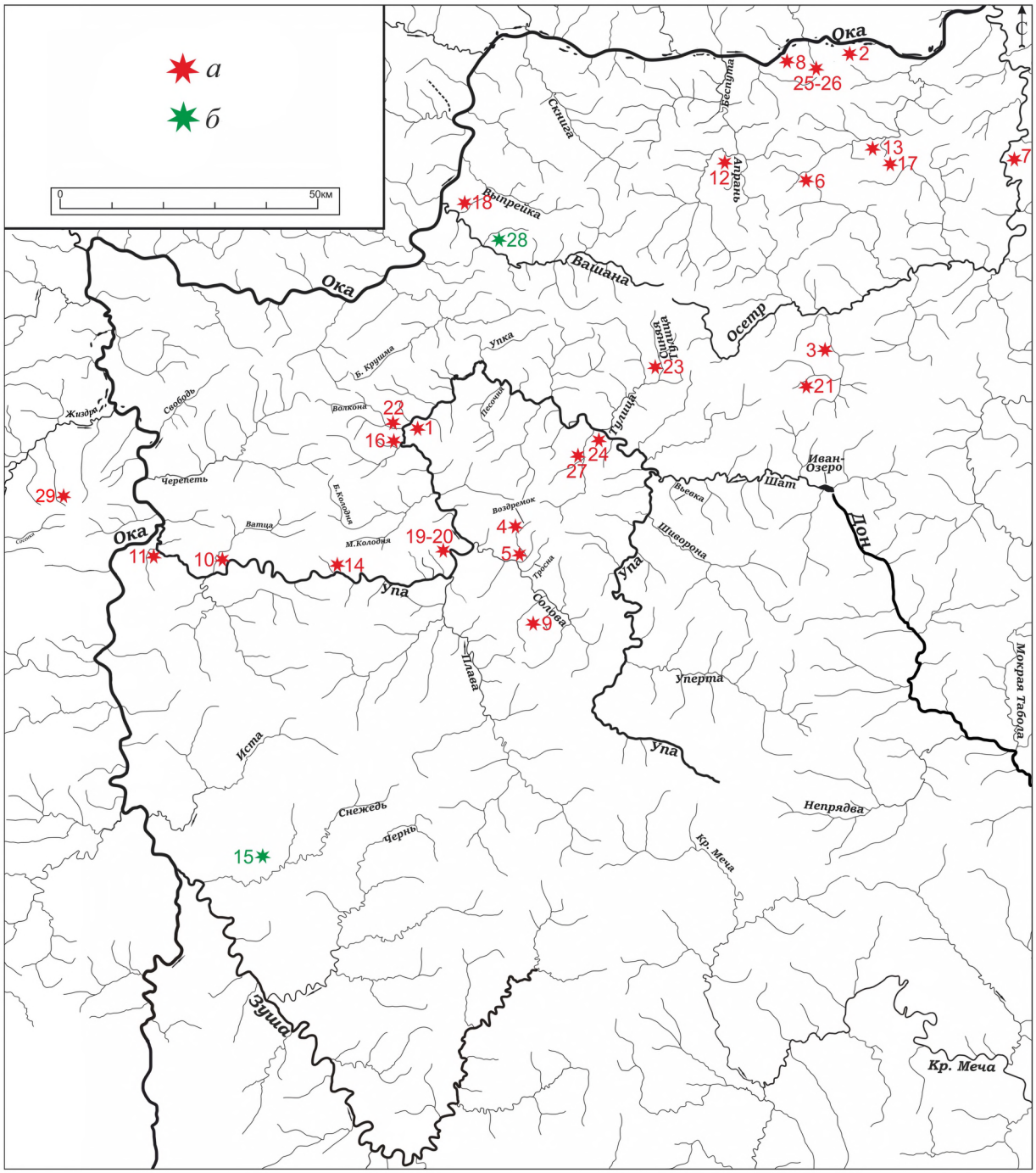


Рис. 79. Монетные, вещевые и денежно-вещевые клада верховьев Оки и Дона IX–X вв.

Условные обозначения: *а* – клады с монетами 1 и 2 периода обращения (по В.Л. Янину), либо с вещами IX– 1-й пол. X в.; *б* – клады с монетами 3 и 4 периода обращения (по В.Л. Янину), либо с вещами 2-й пол. X– 1-й пол. IX в.

1 – Бабошино; 2 – Баскач; 3 – Венев; 4 – Воздремо; 5 – Головеньки; 6 – Гритчино; 7 – Железницы; 8 – Кашира; 9 – Лапотково; 10 – Ленино; 11 – Мишнево; 12 – Одинцово; 13 – Остроги; 14 – Павловское; 15 – Полтево; 16 – Протасово; 17 – Растовец; 18 – Сотино; 19 – Супруты 1969 г.; 20 – Супруты 1972 г.; 21 – Теплое; 22 – Тимофеевка; 23 – Торхово; 24 – Тула; 25 – Хитровка; 26 – Хитровка; 27 – Китаевка; 28 – Щепотьево; 29 – Чертово Городище

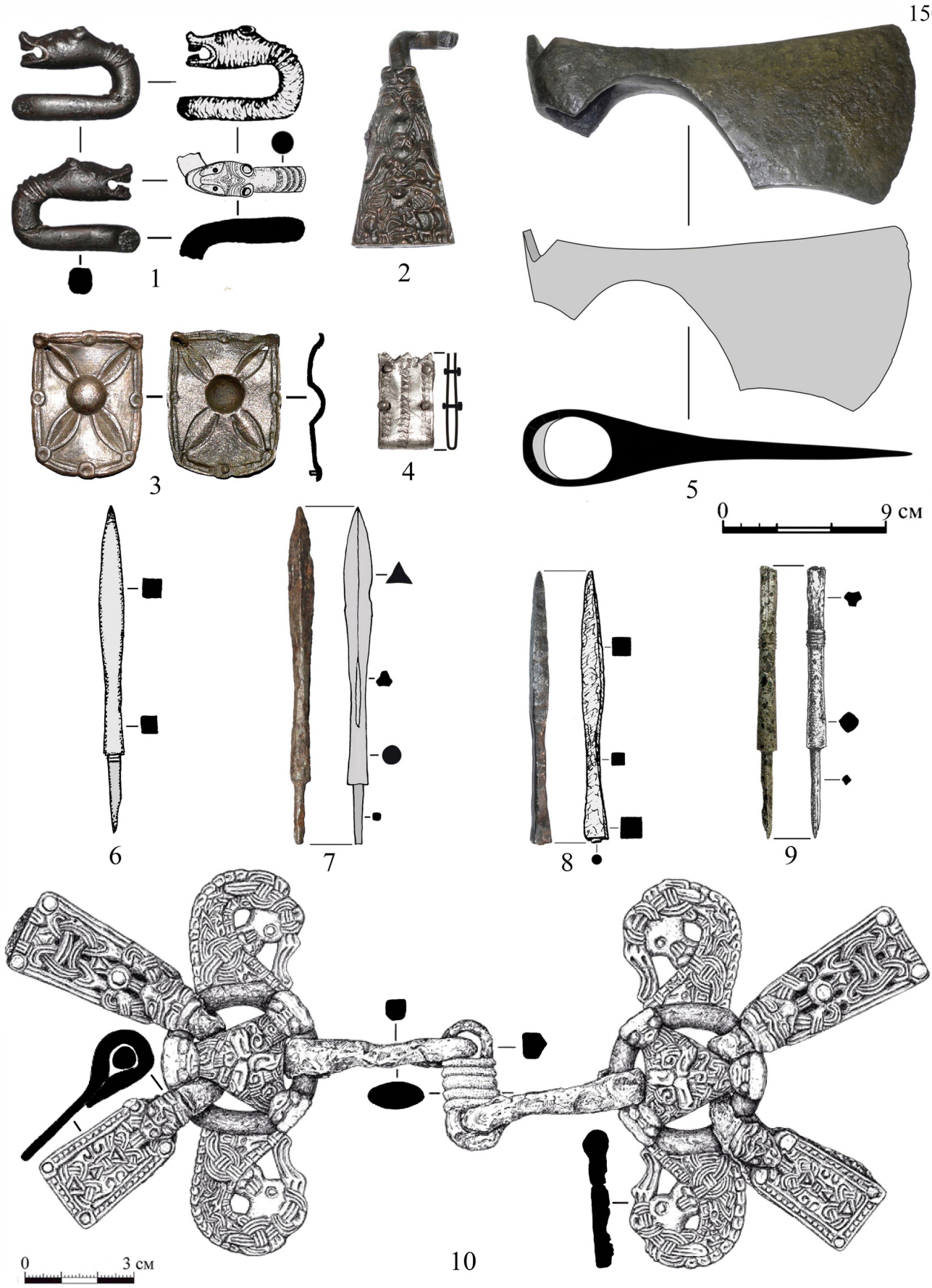


Рис. 80. Находи маркирующие финал памятников раннего периода.

1 – крючок «для подвешивания меча»; 2 – направляющая ремня оголовья в стиле «borre»; 3 – наконечник ремня оголовья; 4 – наконечник ремня; 5 – топор; 6–9 – ланцетовидные наконечники стрел; 10 – удила с псалиями в стиле «borre».

1–5, 7–10 – гор. Супруты: 1, 5 – раскоп XXVIII, постройка 1; 2 – раскоп XXVII, постройка 2; 3 – раскоп XXVIII, постройка 4; 4, 8, 9 – разрушенная часть памятника; 7 –раскоп V, пл. 3, кв. 83; 10 – клад 1969 г. 6 – гор. «Чертово городище».

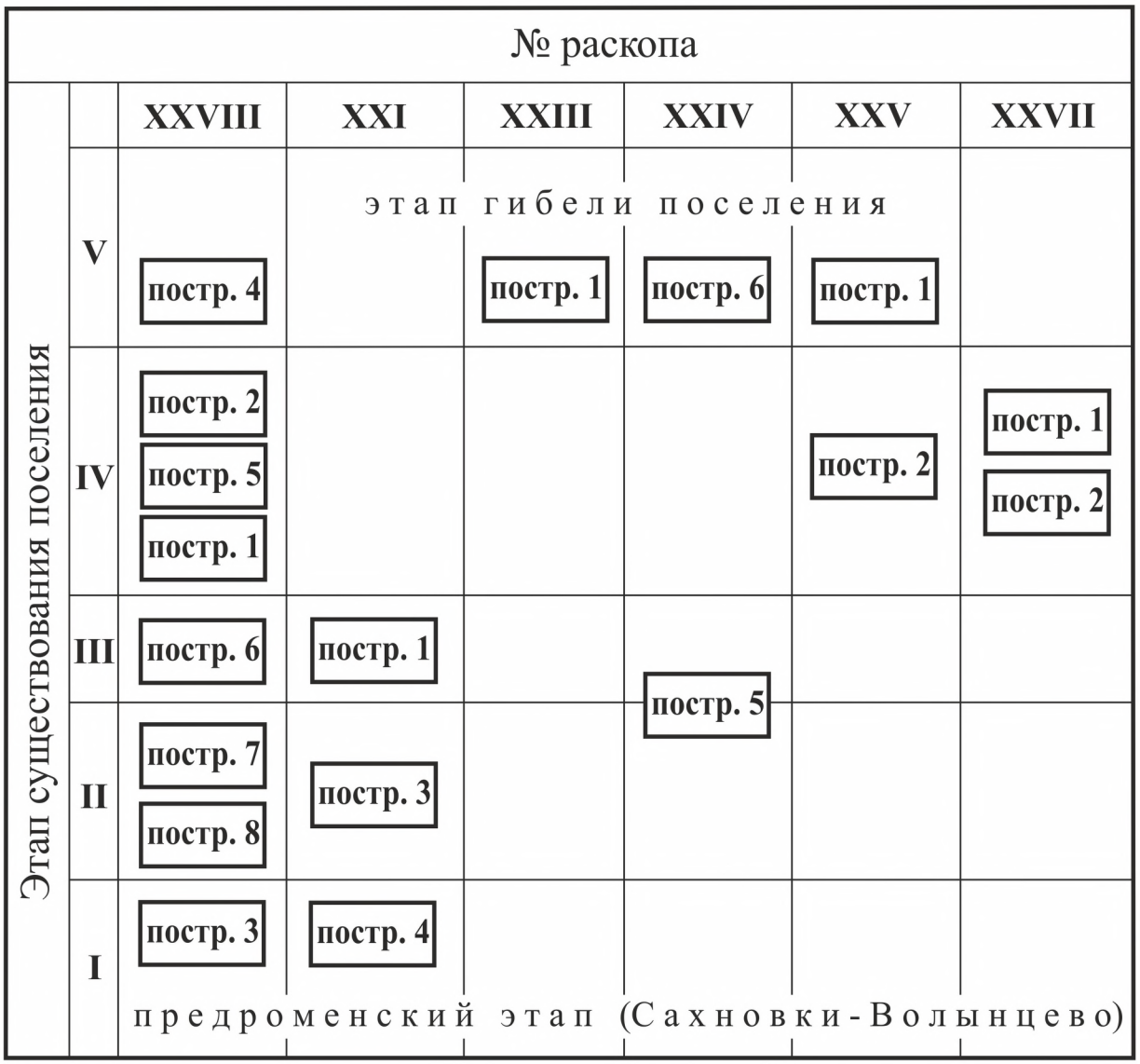


Рис. 81. Хронология построек гор. Супруты, по материалам раскопов XXI–XXVIII (по: Григорьев, 2008. С. 95–99; 2011а. С. 22–23)

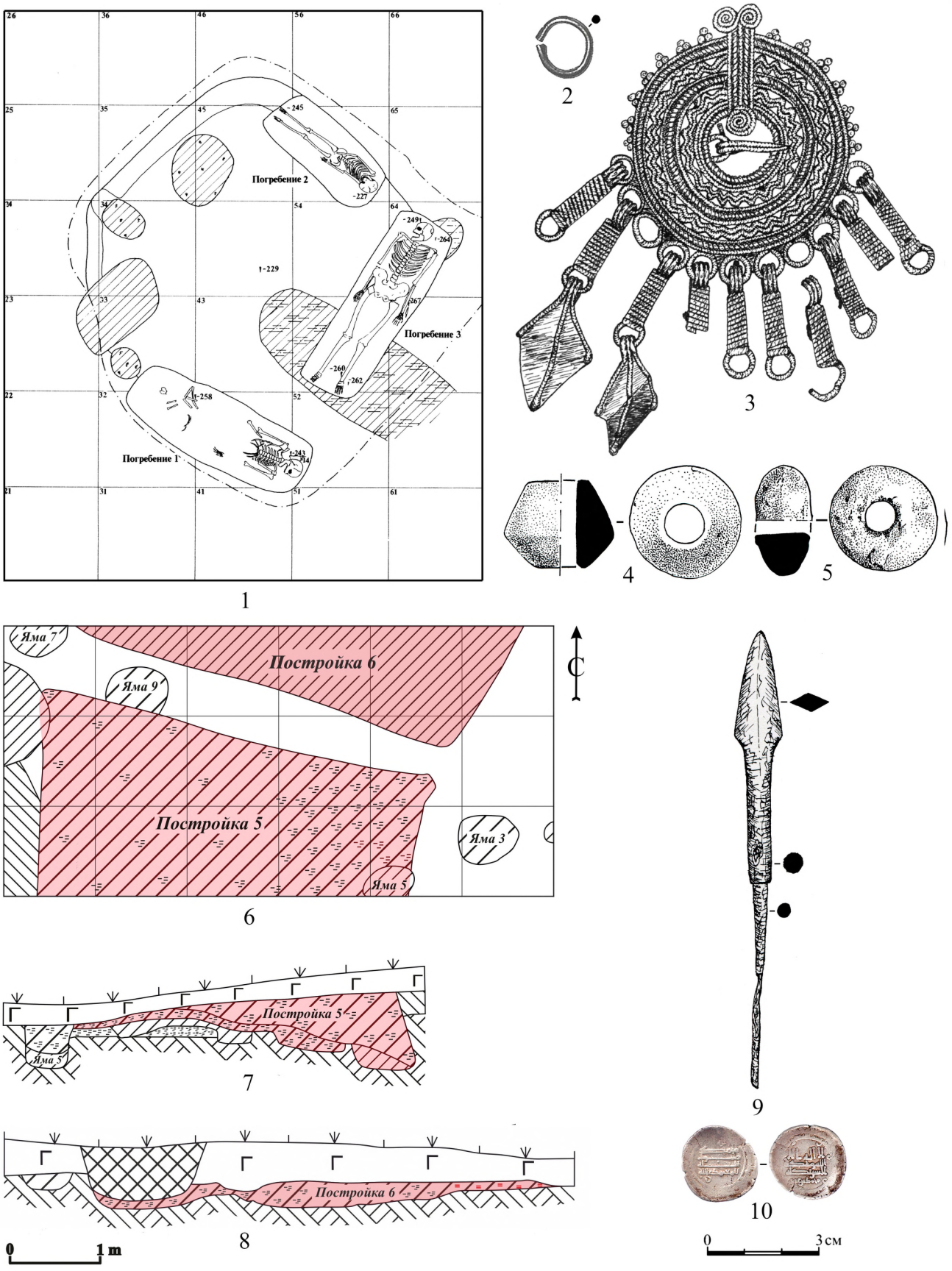


Рис. 82. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в). Гор. Супруты.

1–5 – Раскоп XXIII, постройка 1.

6, 7, 9 – Раскоп XXIV, постройка 5.

6, 8, 10 – Раскоп XXIV, постройка 6.

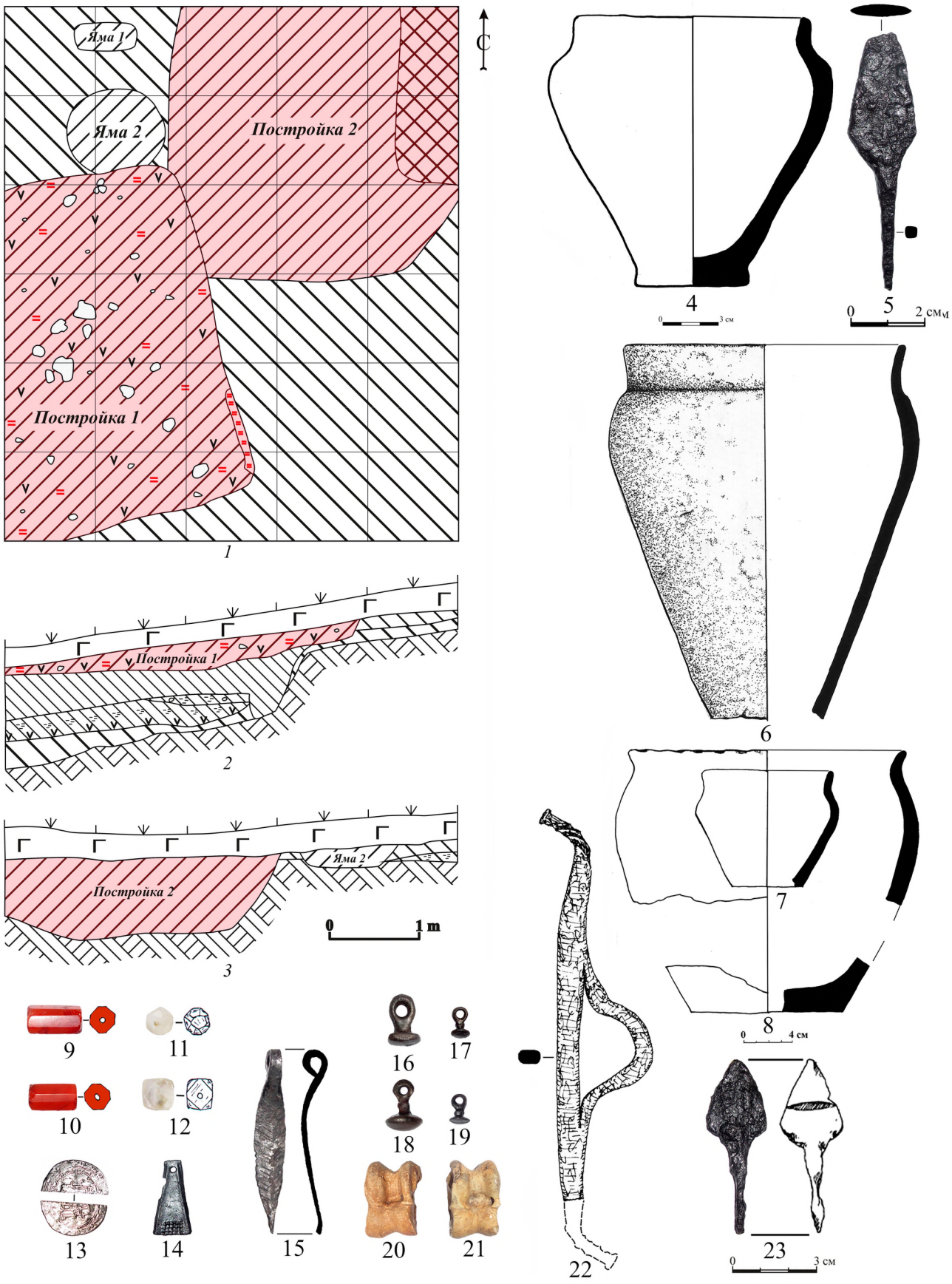


Рис. 83. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Супруты, раскоп XXV.

1, 2, 4, 5 – постройка 1
1, 3, 6–23 – постройка 2.

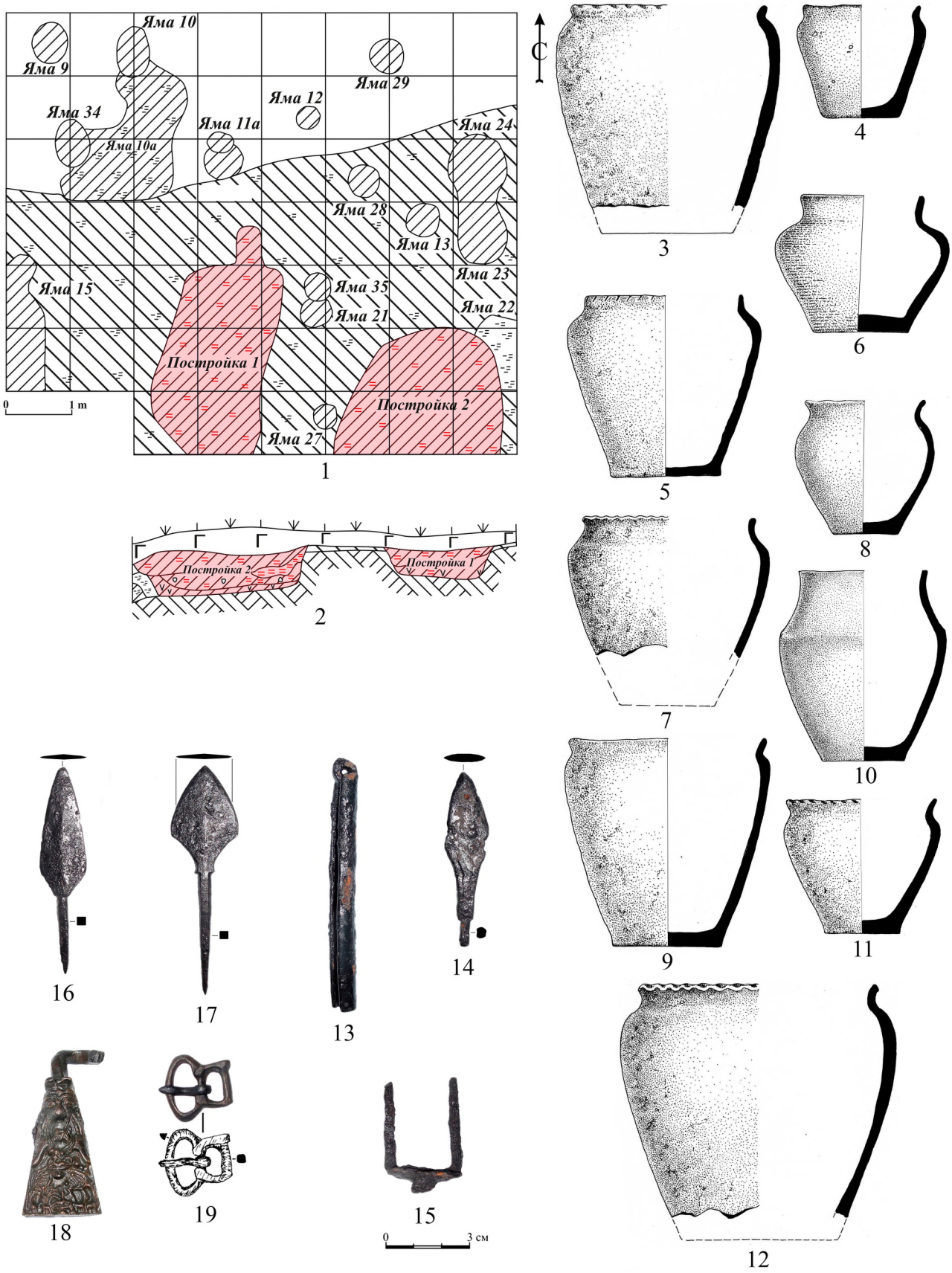


Рис. 84. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Супруты, раскоп XXVII.

1, 2, 3–15 – постройка 1
1, 2, 16–19 – постройка 2

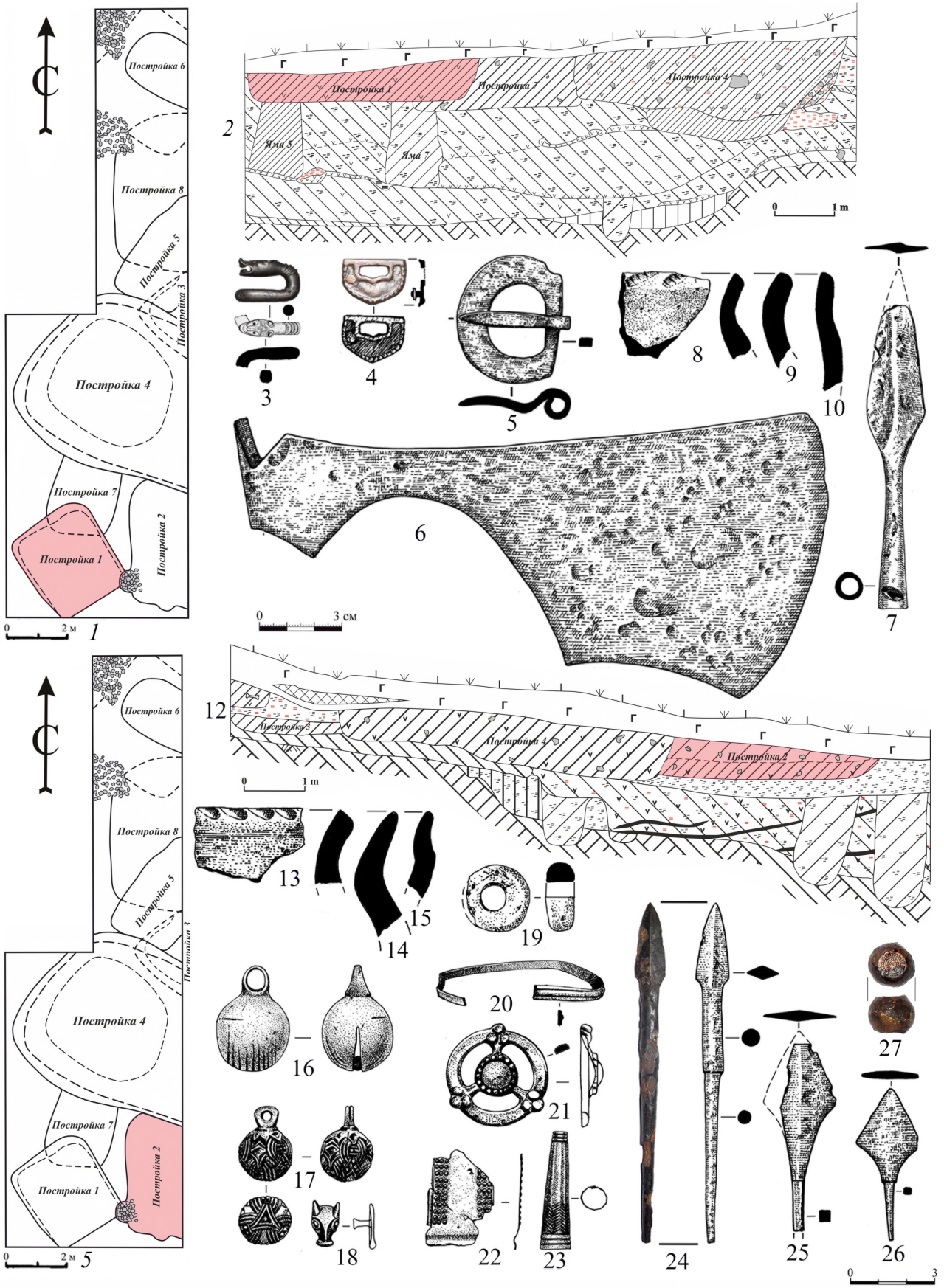


Рис. 85. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Супруты, раскоп XXVIII.

1–7 – постройка 1

11–26 – постройка 2

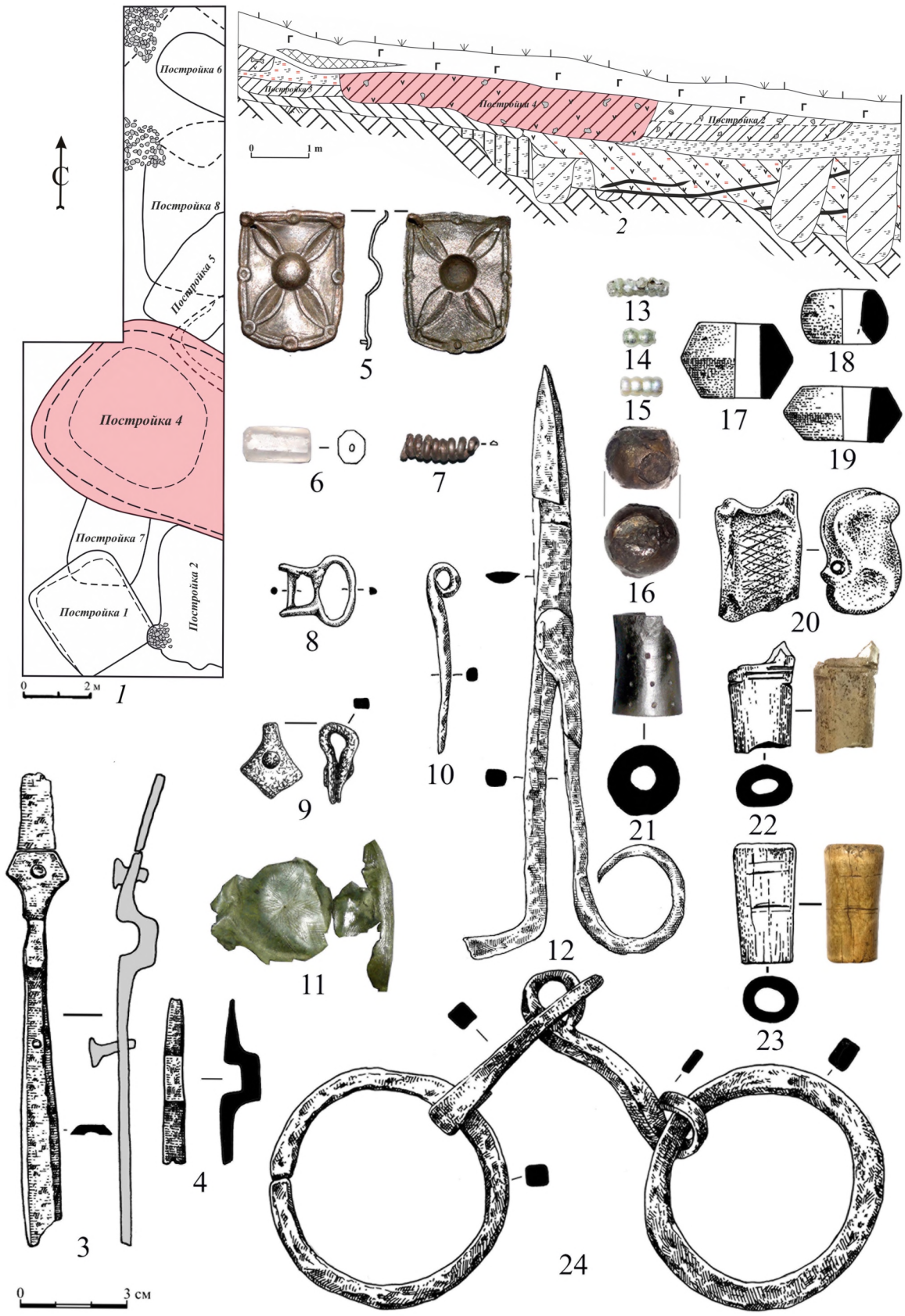


Рис. 86. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Супруты, раскоп XXVIII, постройка 4.

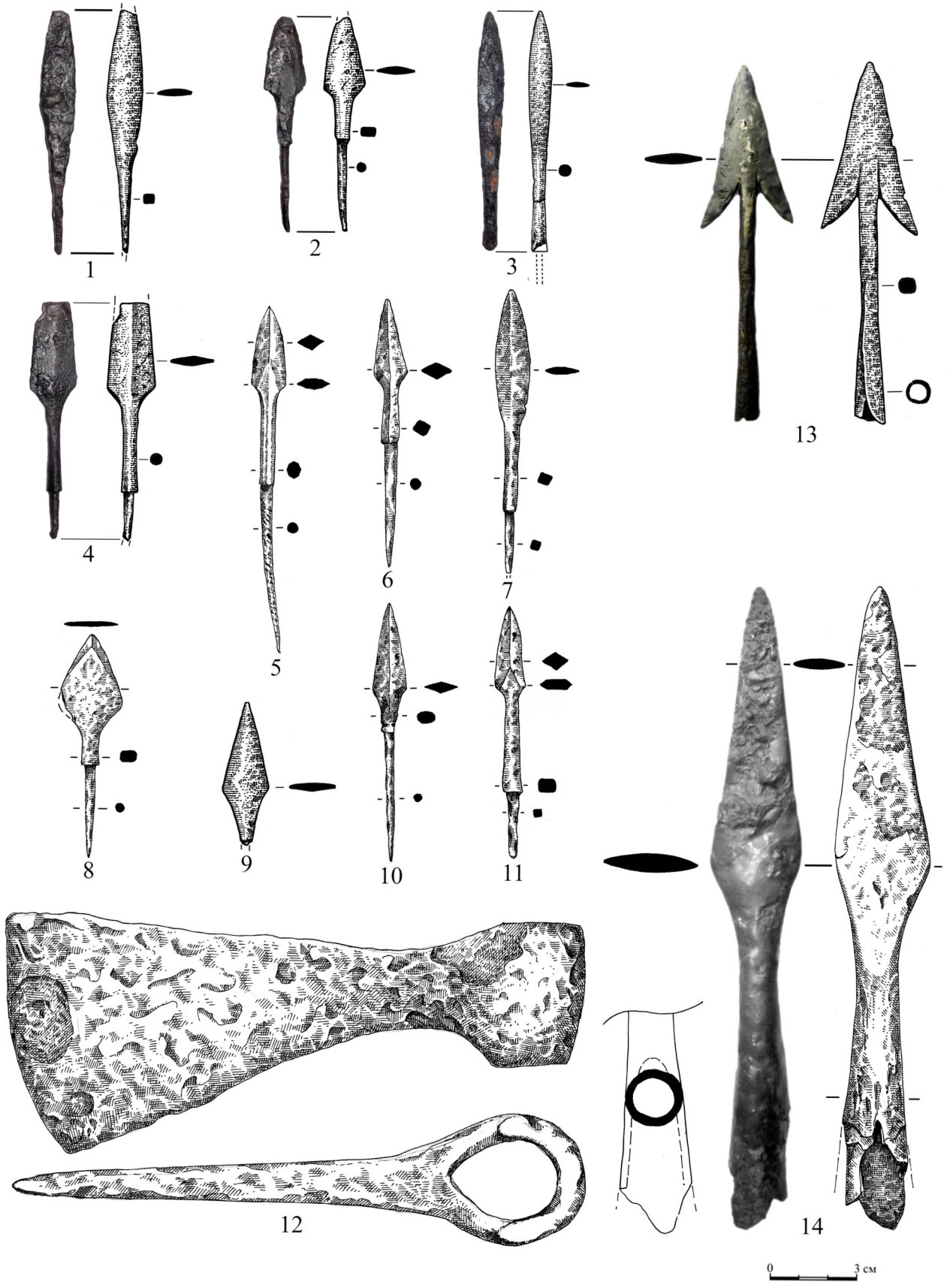


Рис. 87. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Супруты, раскоп XXVIII, постройка 4. Предметы вооружения из комплекса.

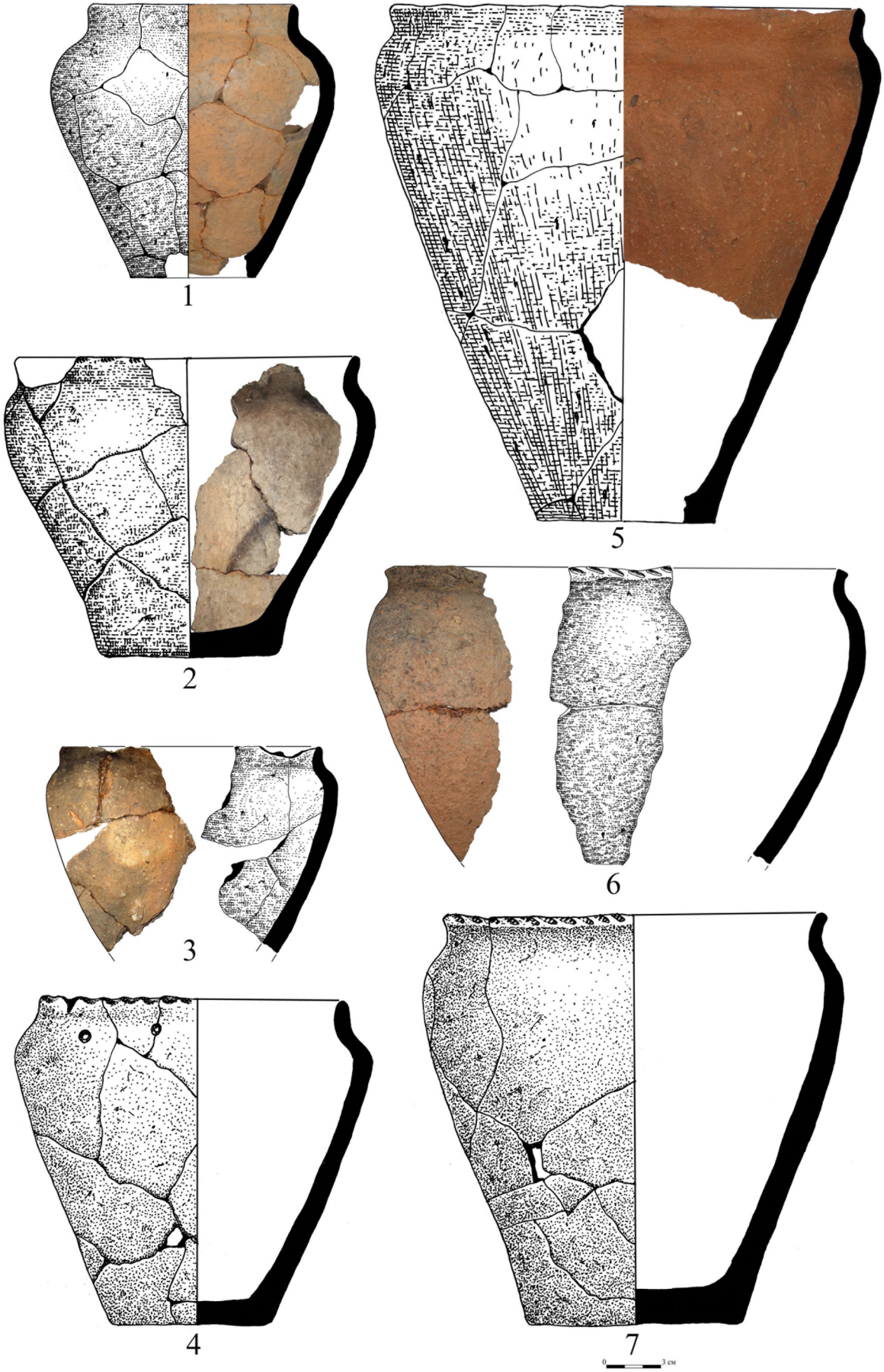


Рис. 88. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Супруты, раскоп XXVIII, постройка 4. Лепные керамические сосуды из комплекса.

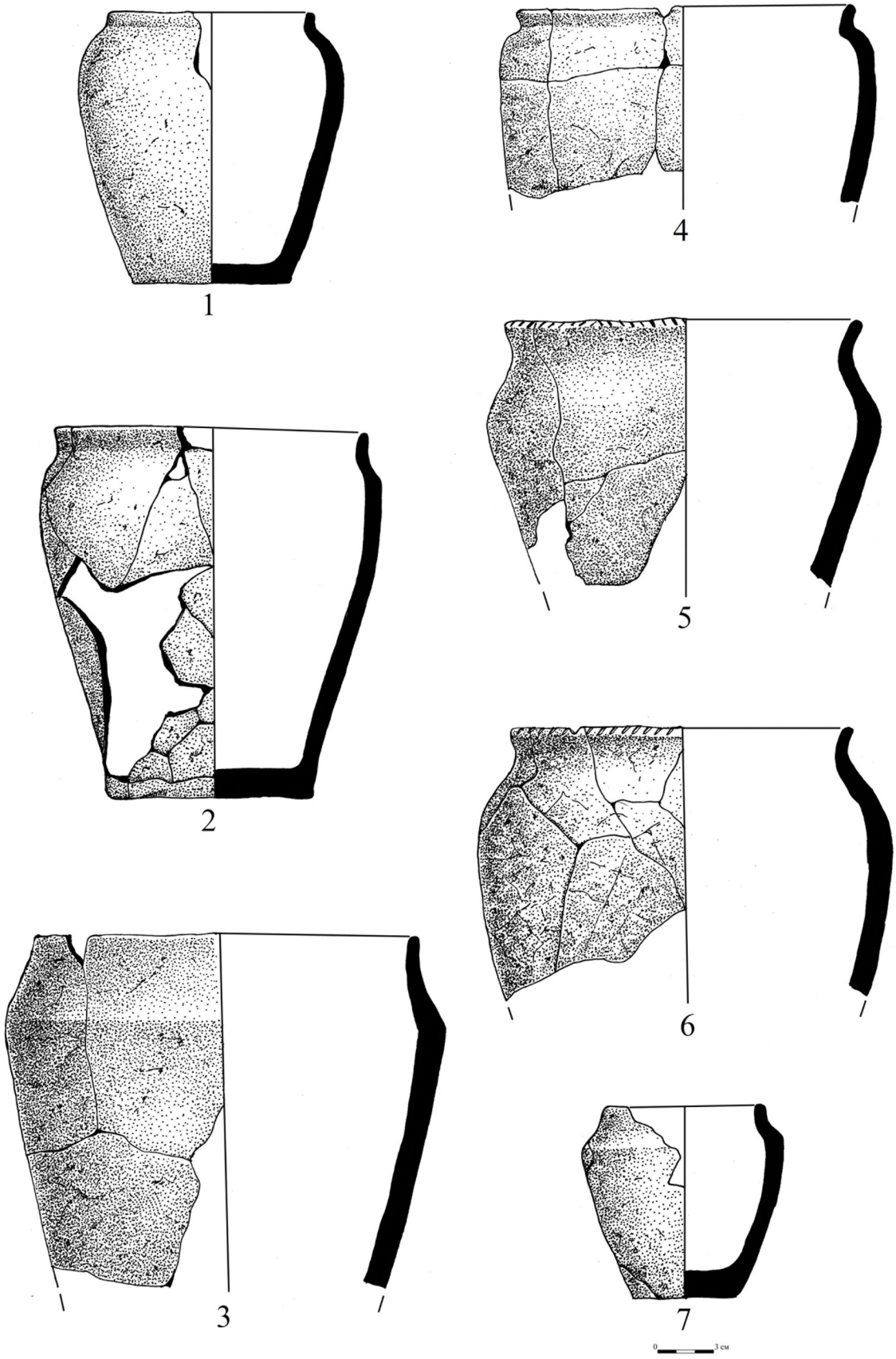


Рис. 89. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Супруты, раскоп XXVIII, постройка 4. Лепные керамические сосуды из комплекса.

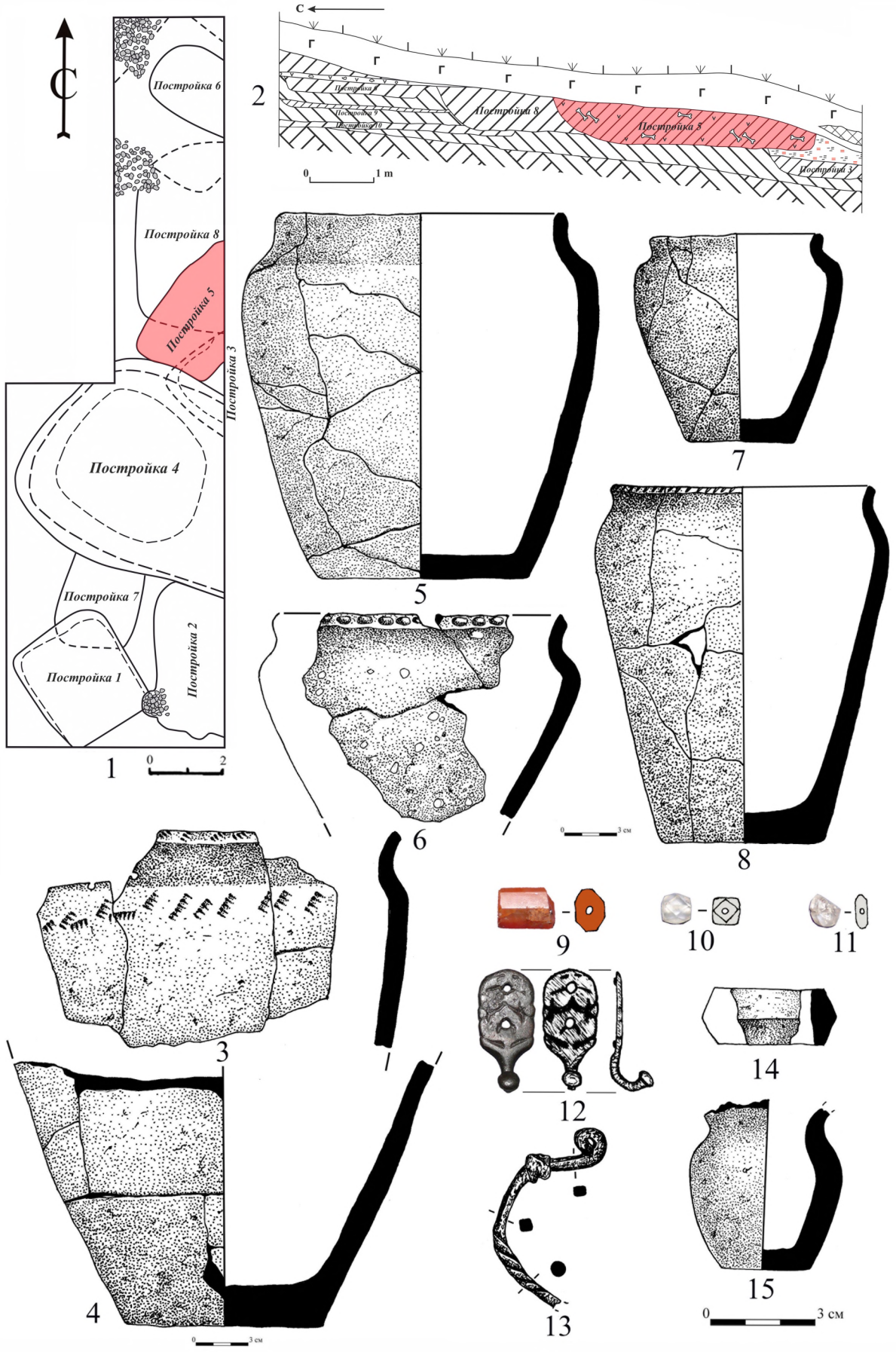


Рис. 90. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Супруты, раскоп XXVIII, постройка 5.

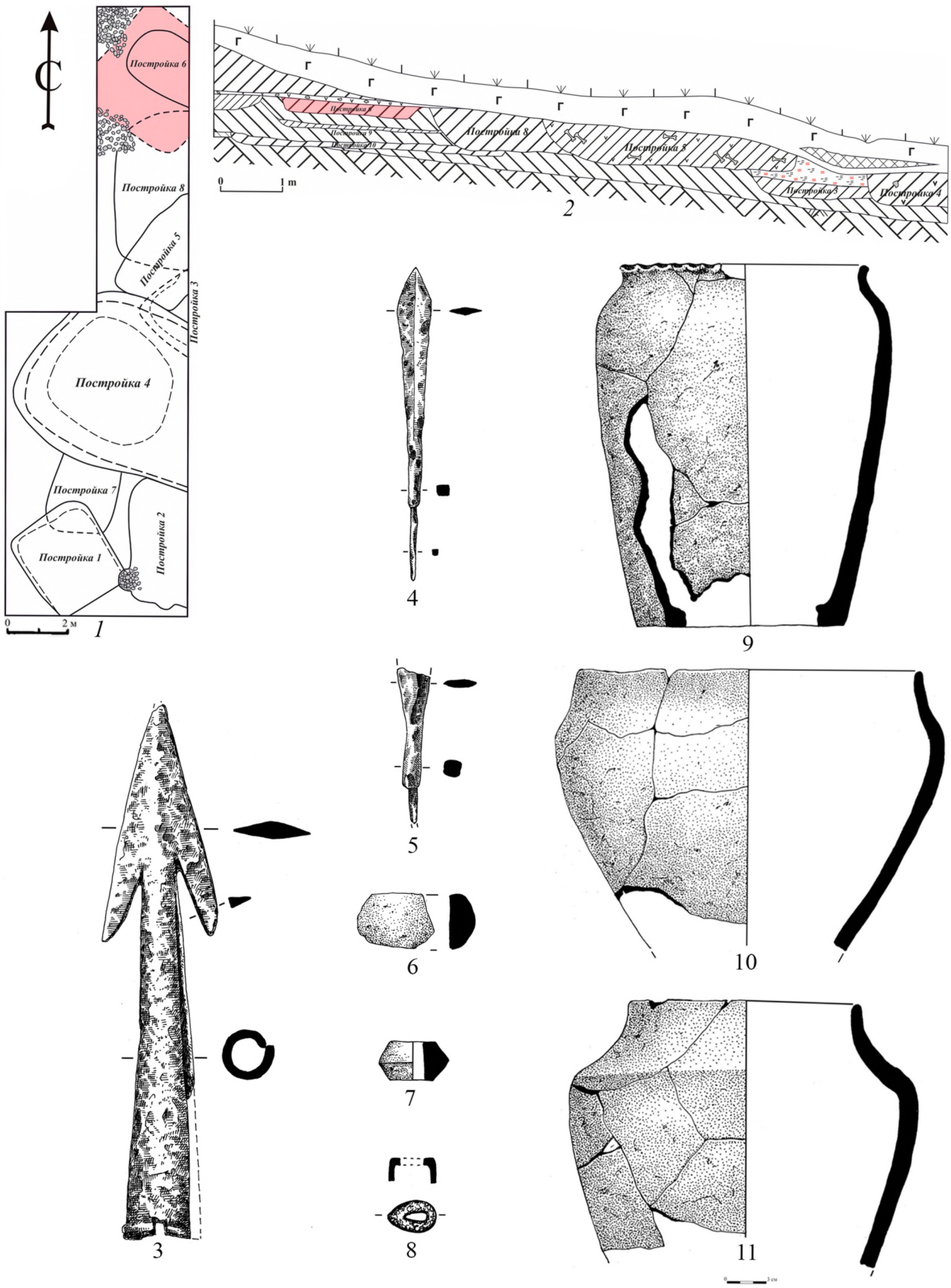


Рис. 91. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Супруты, раскоп XXVIII, постройка 6.

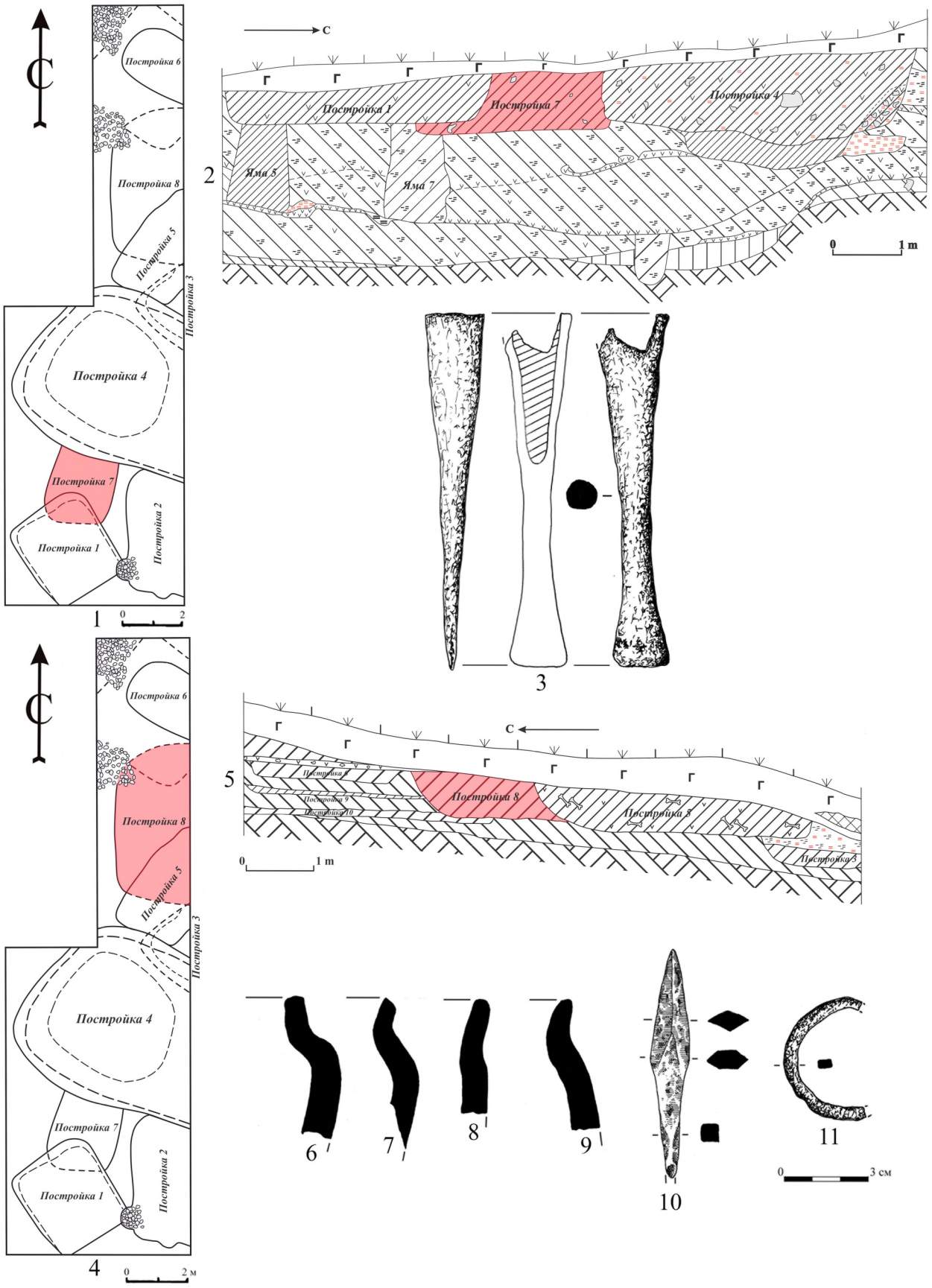


Рис. 92. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Супруты, раскоп XXVIII.

1–3 – постройка 7
4–11 – постройка 8

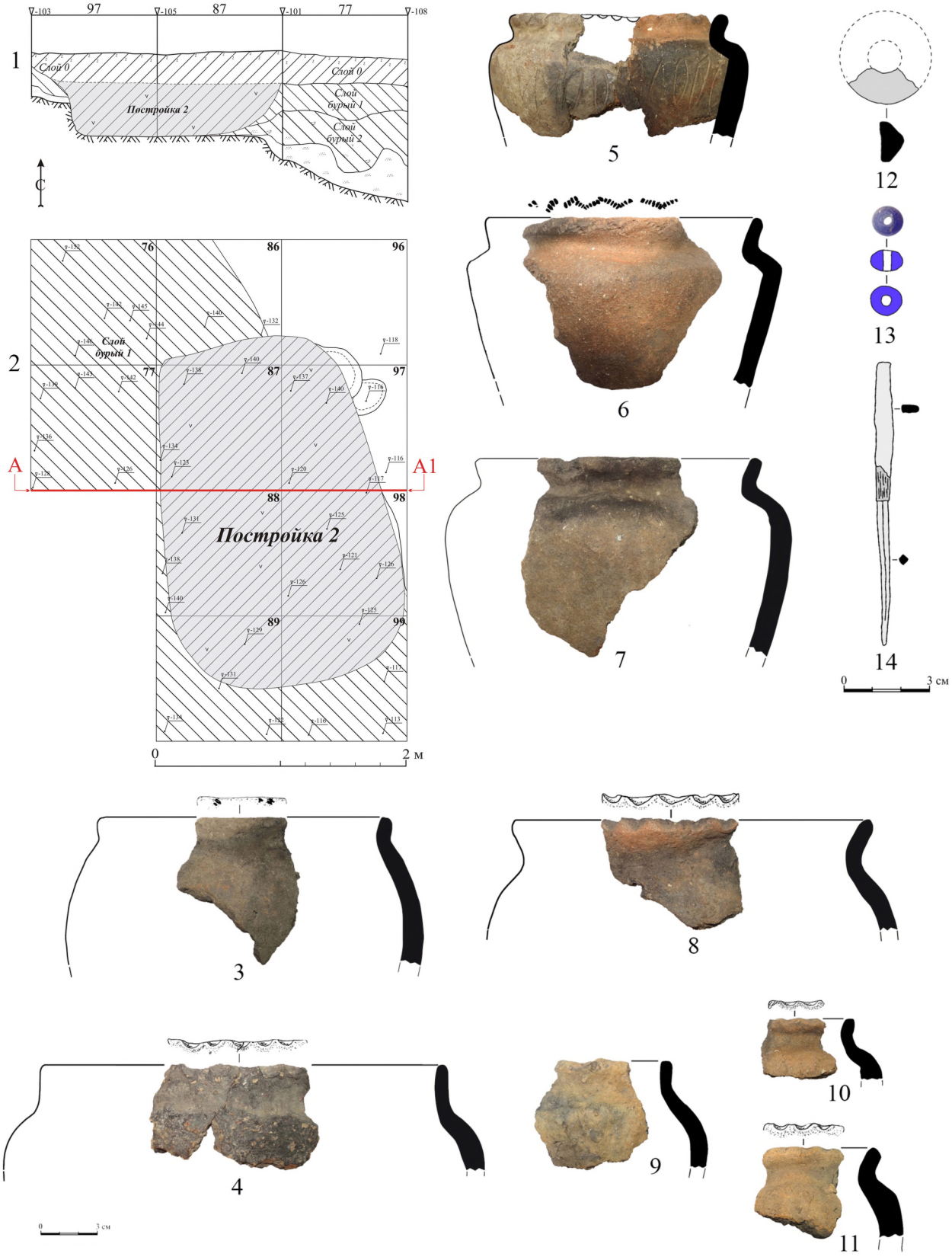


Рис. 93. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Гор. Петровское, раскоп 1, постройка 2.

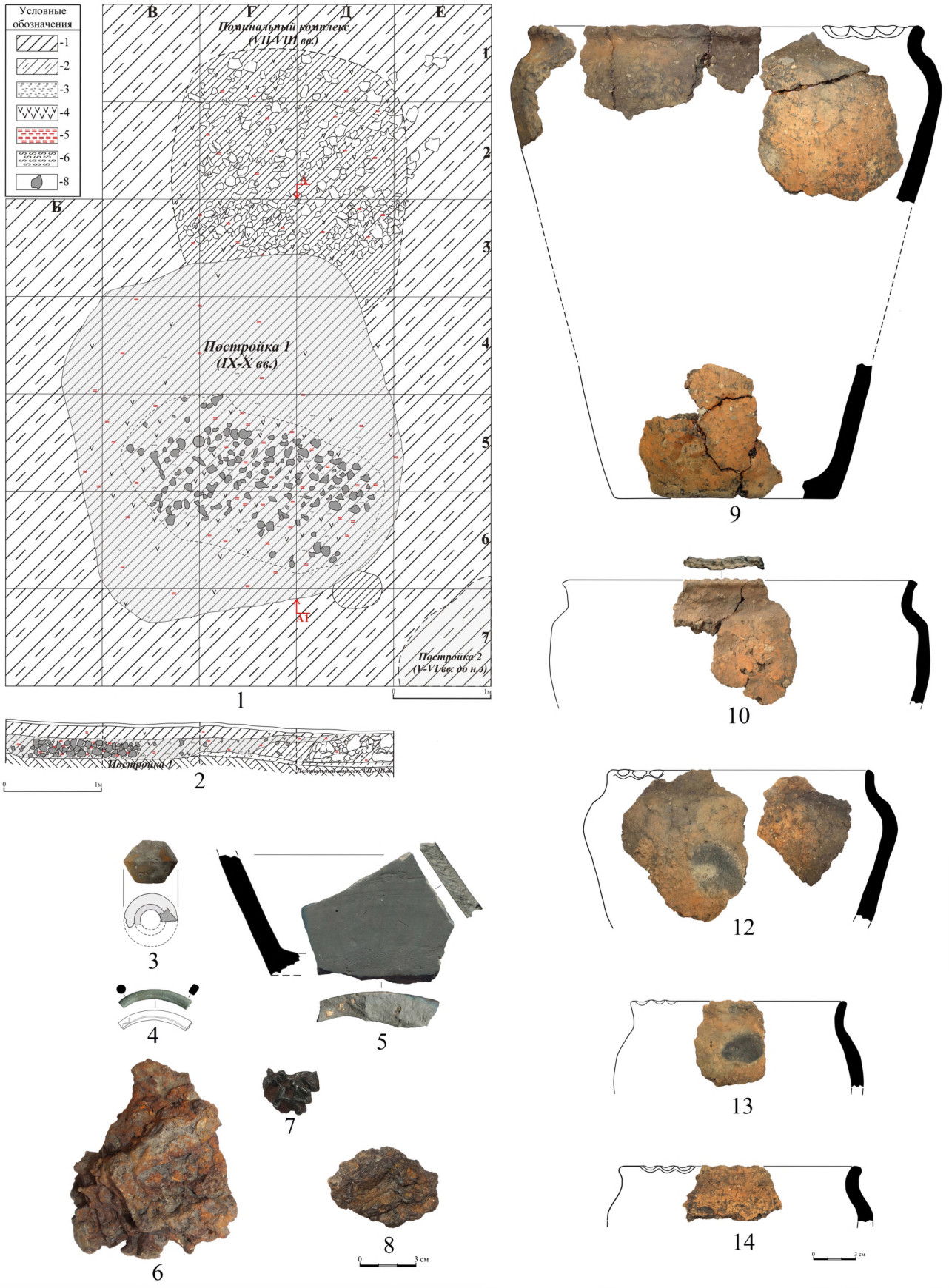


Рис. 94. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).

Гор. Гора Услань, раскоп 2, постройка 1.

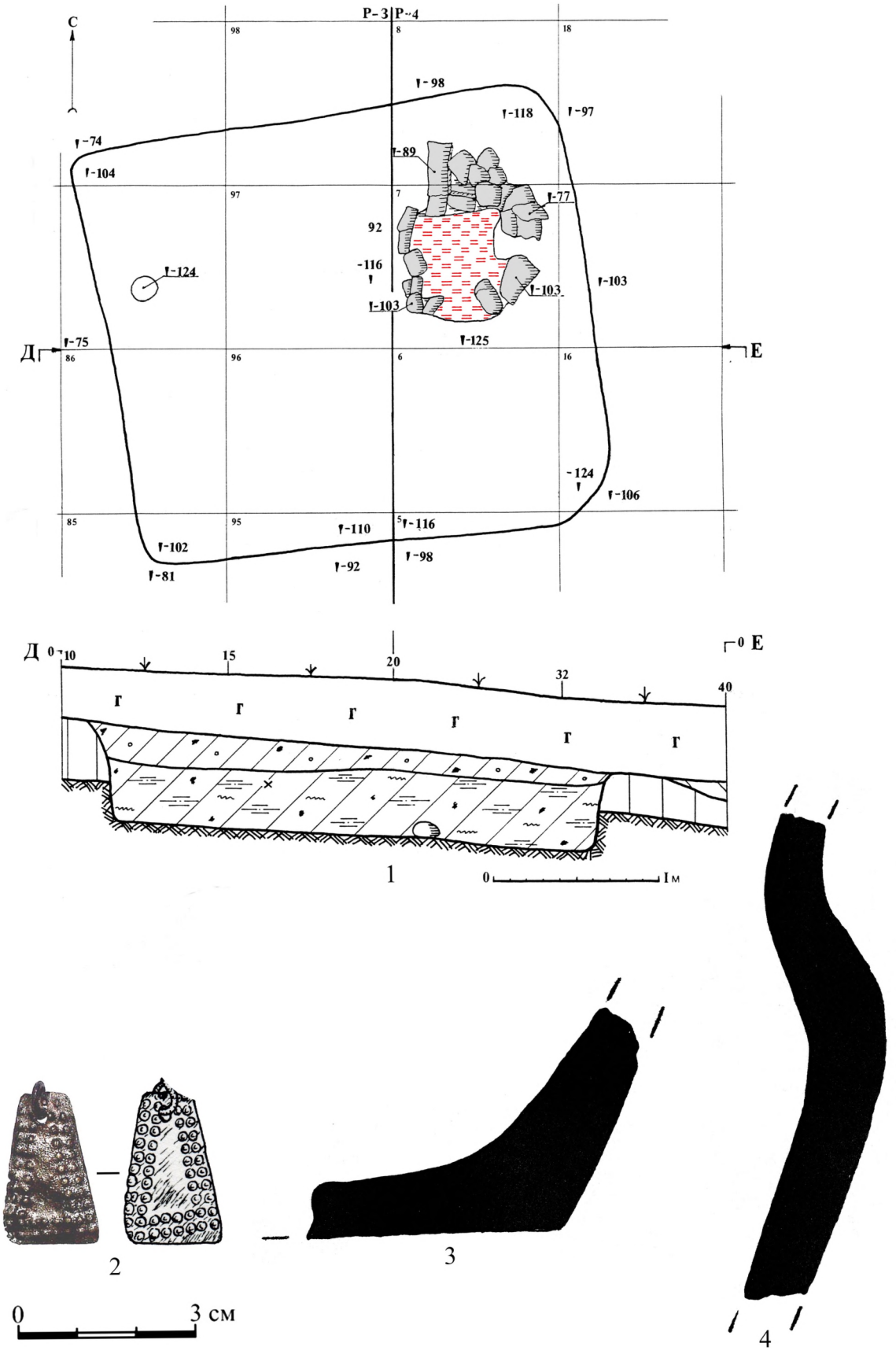


Рис. 95. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).

Сел. Торхово-3, раскопы III, IV, постройка 1.

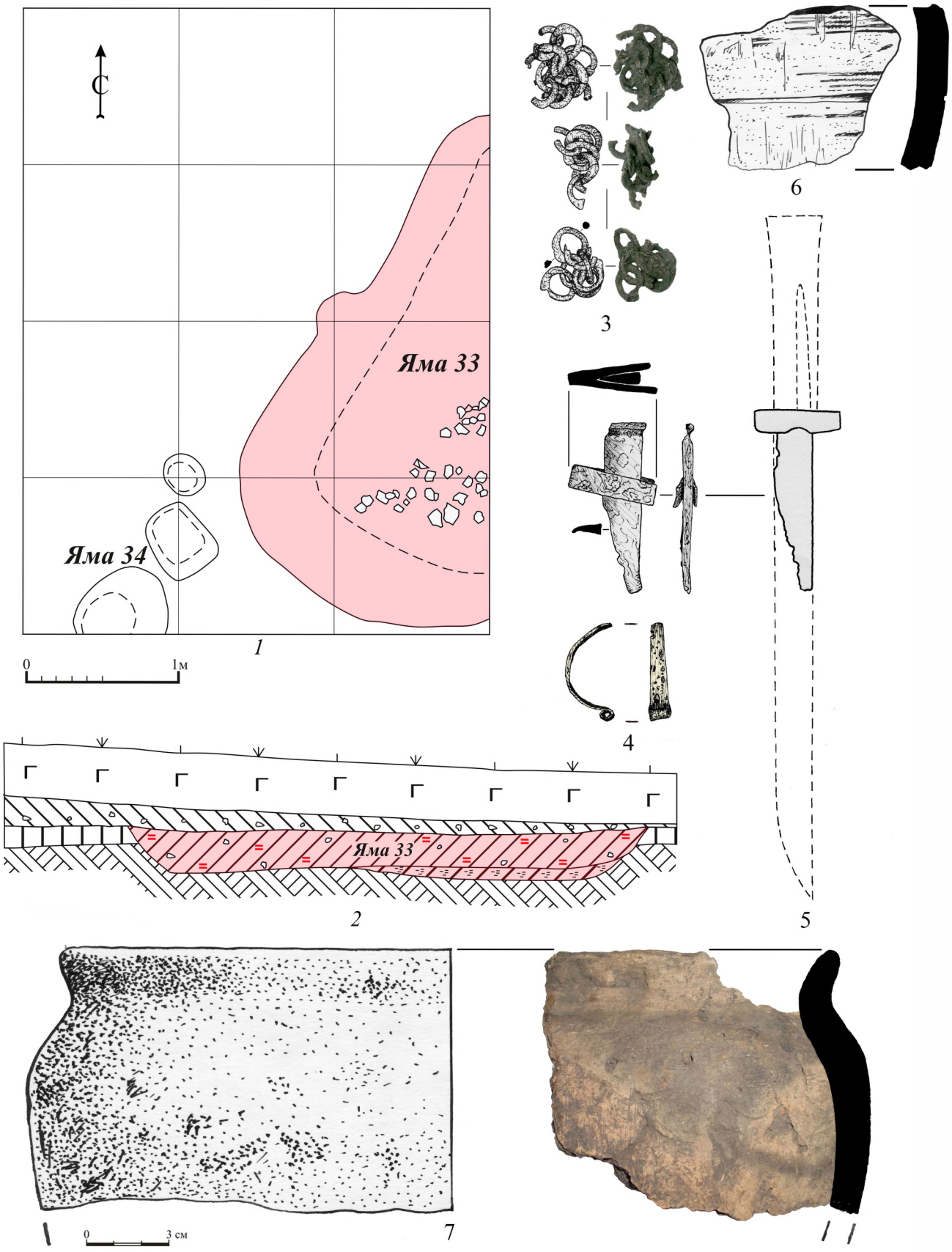


Рис. 96. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Сел. Торхово-3, раскопы III, IV, VI, яма 33.

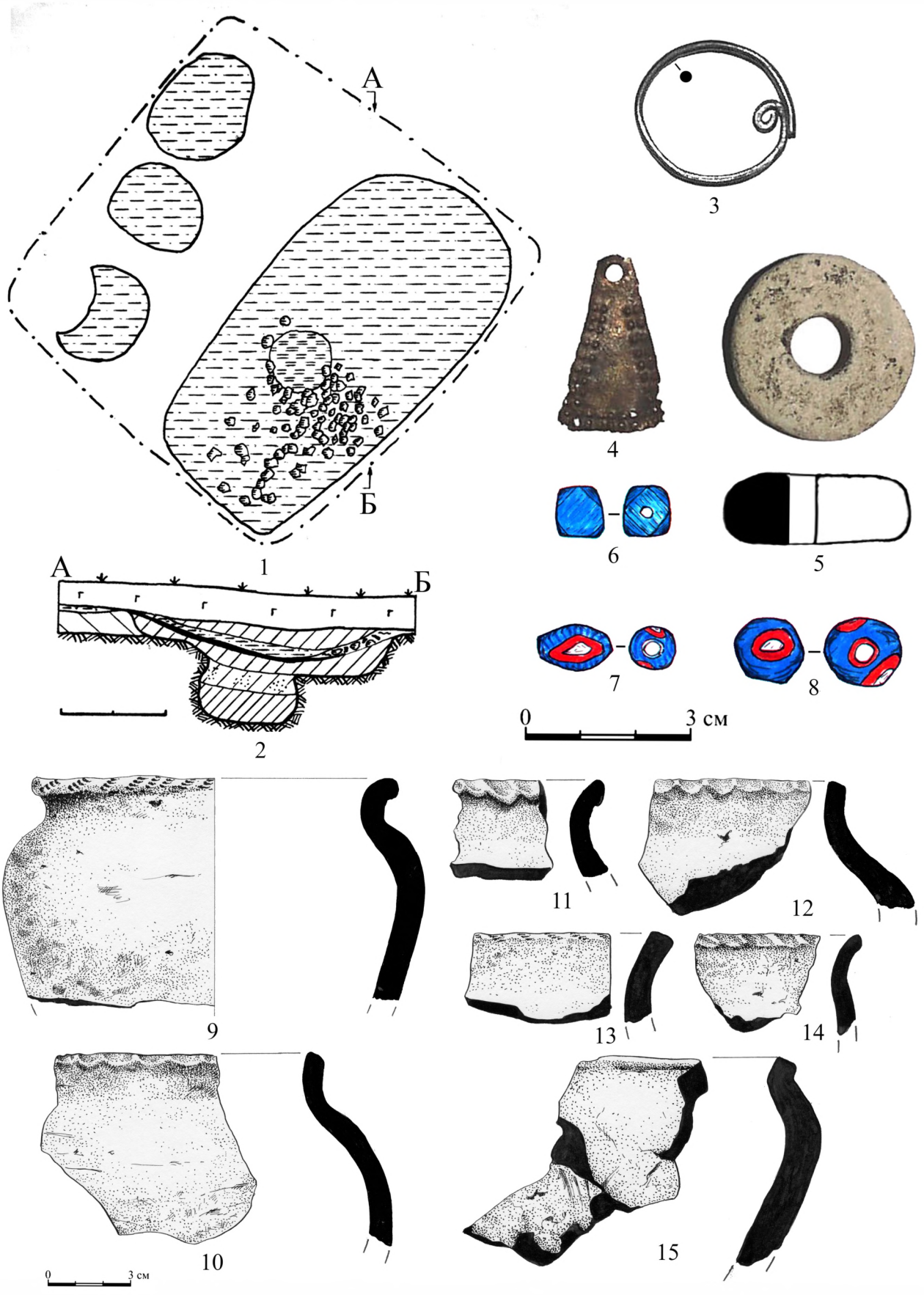


Рис. 97. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Сел. Торхово-3, раскоп VI, постройка 4.

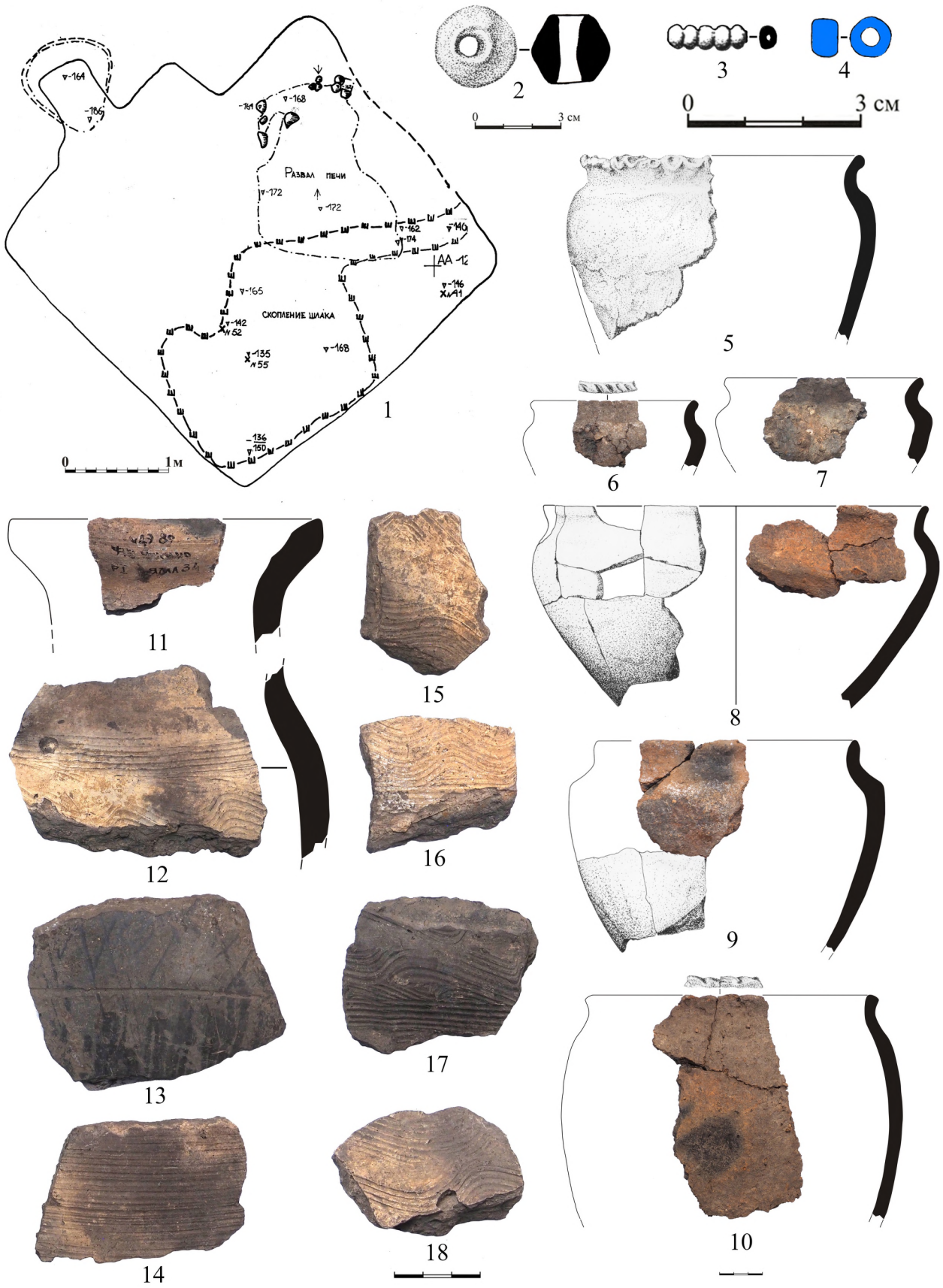


Рис. 98. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Сел. Уткино-1, раскоп 1, яма 34.

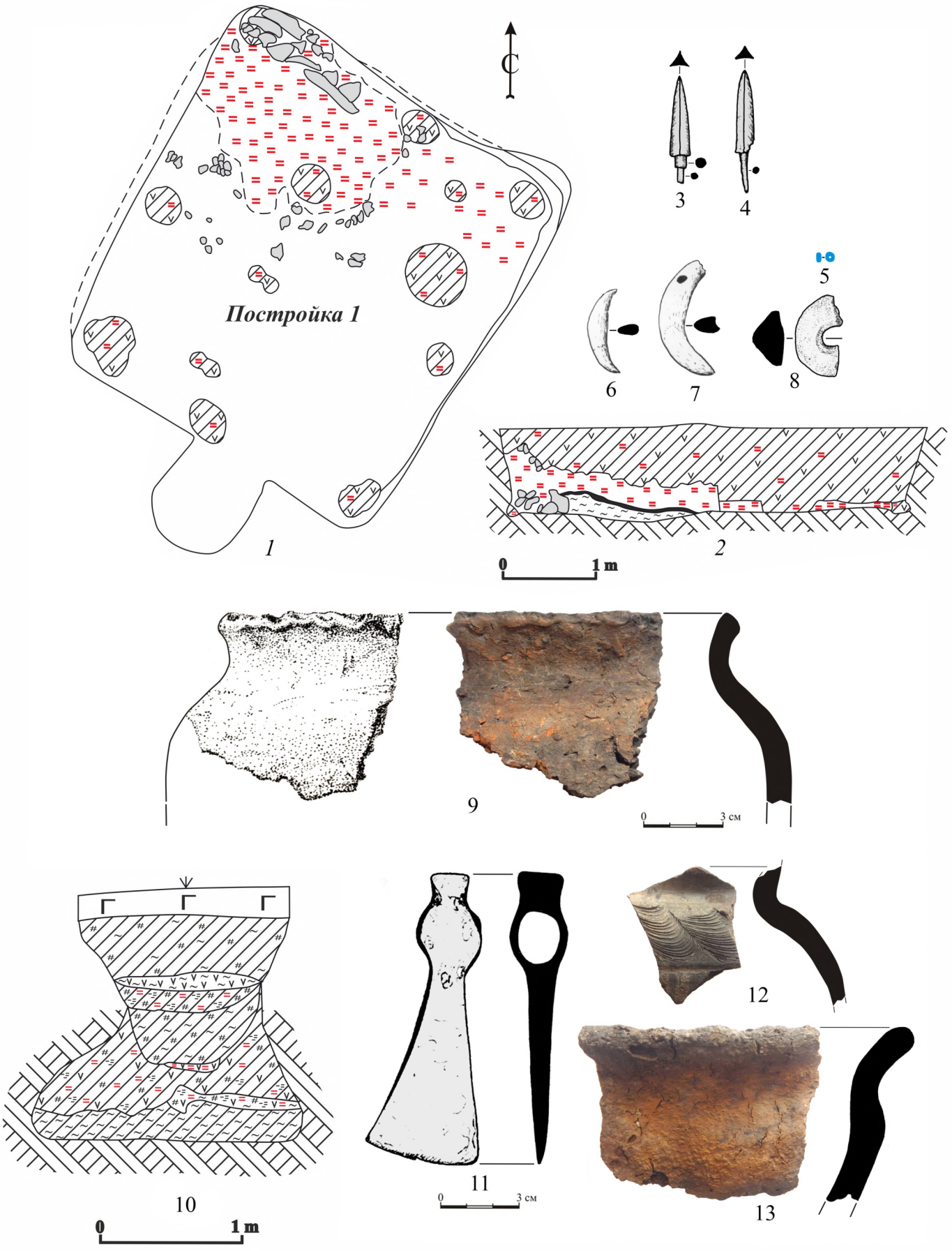


Рис. 99. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Сел. Уткино-1.
1–9 – раскоп 2, постройка 1; 10–13 – раскоп 3, яма 11.

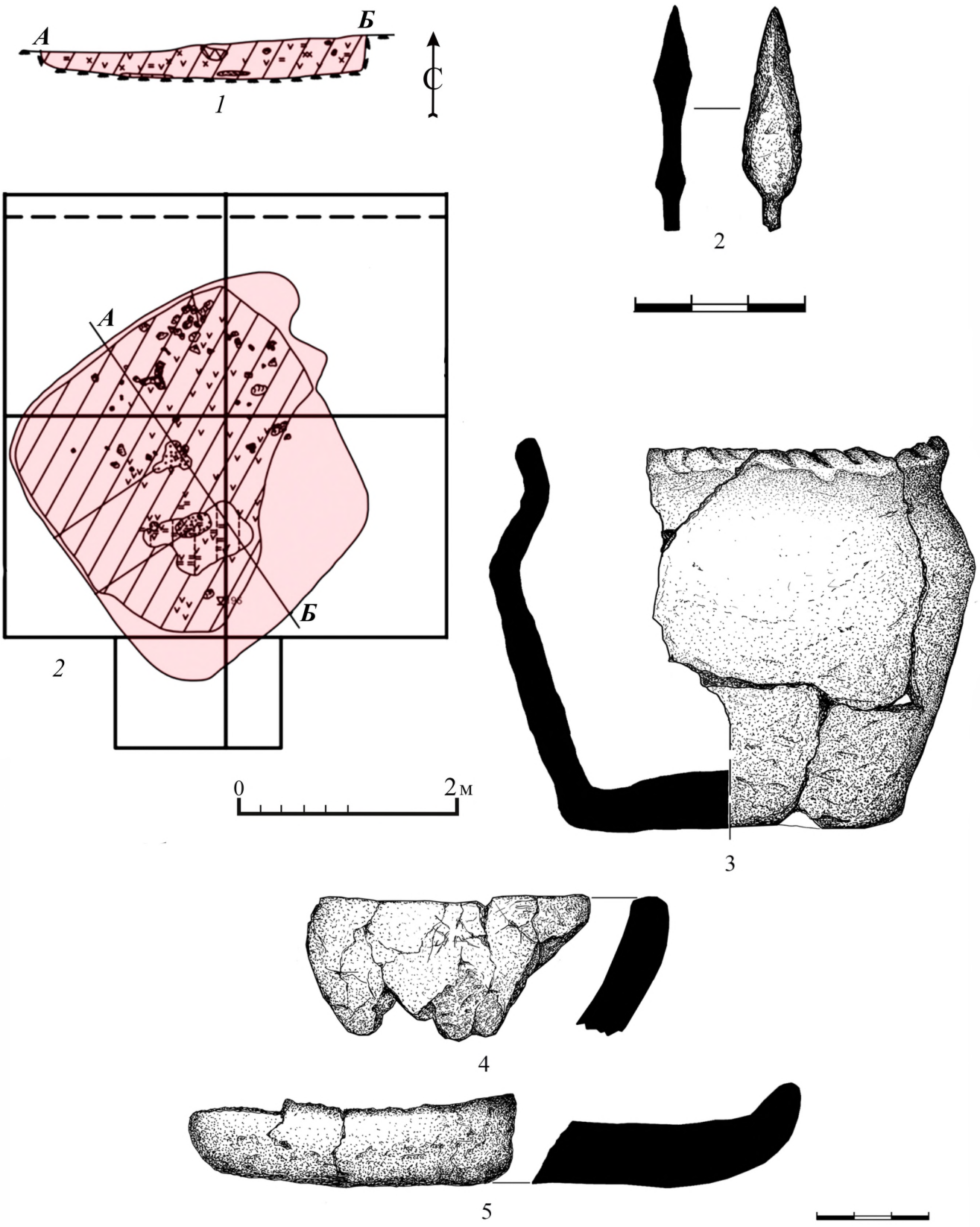


Рис. 100. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Сел. Устье-2, раскоп 3, постройка 1.

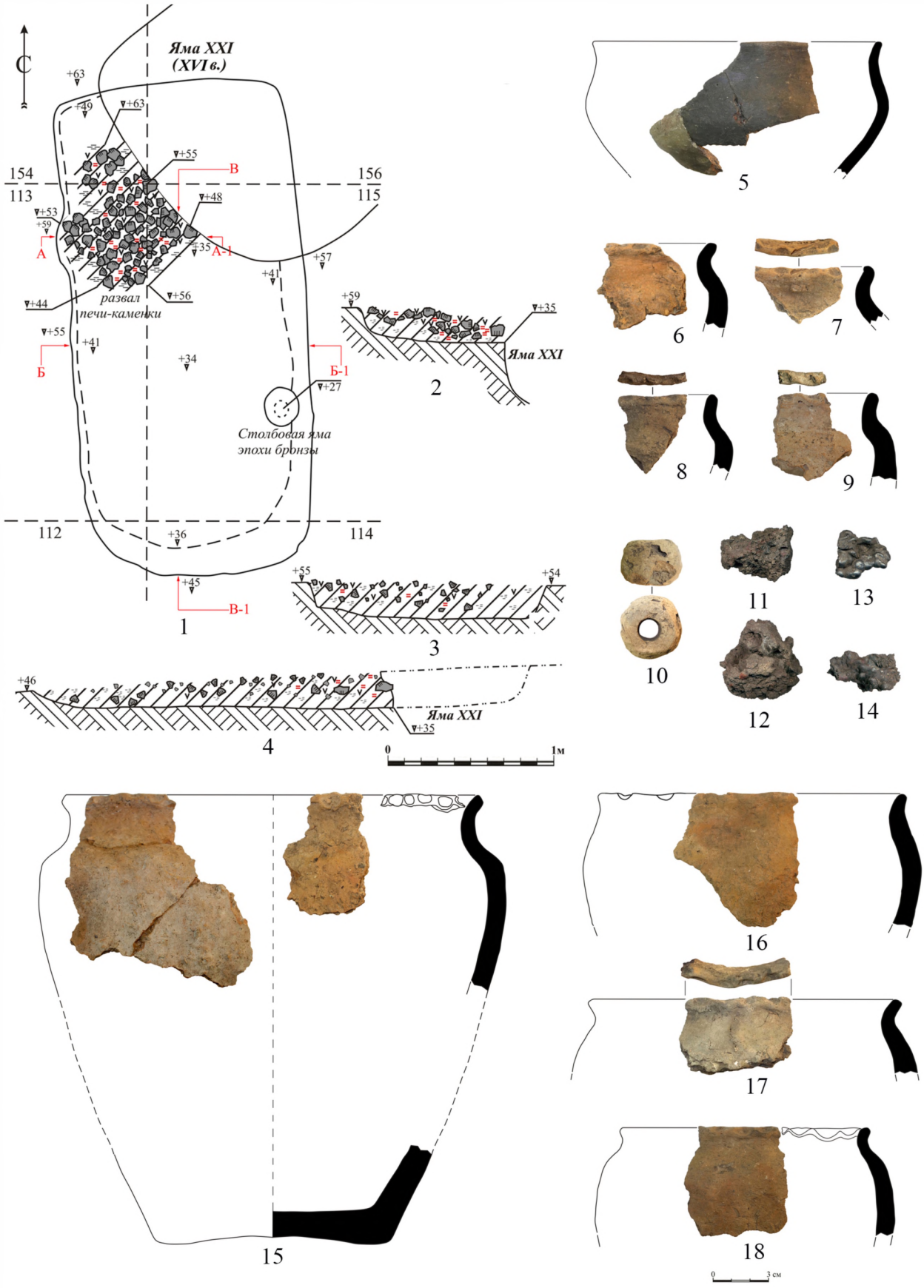
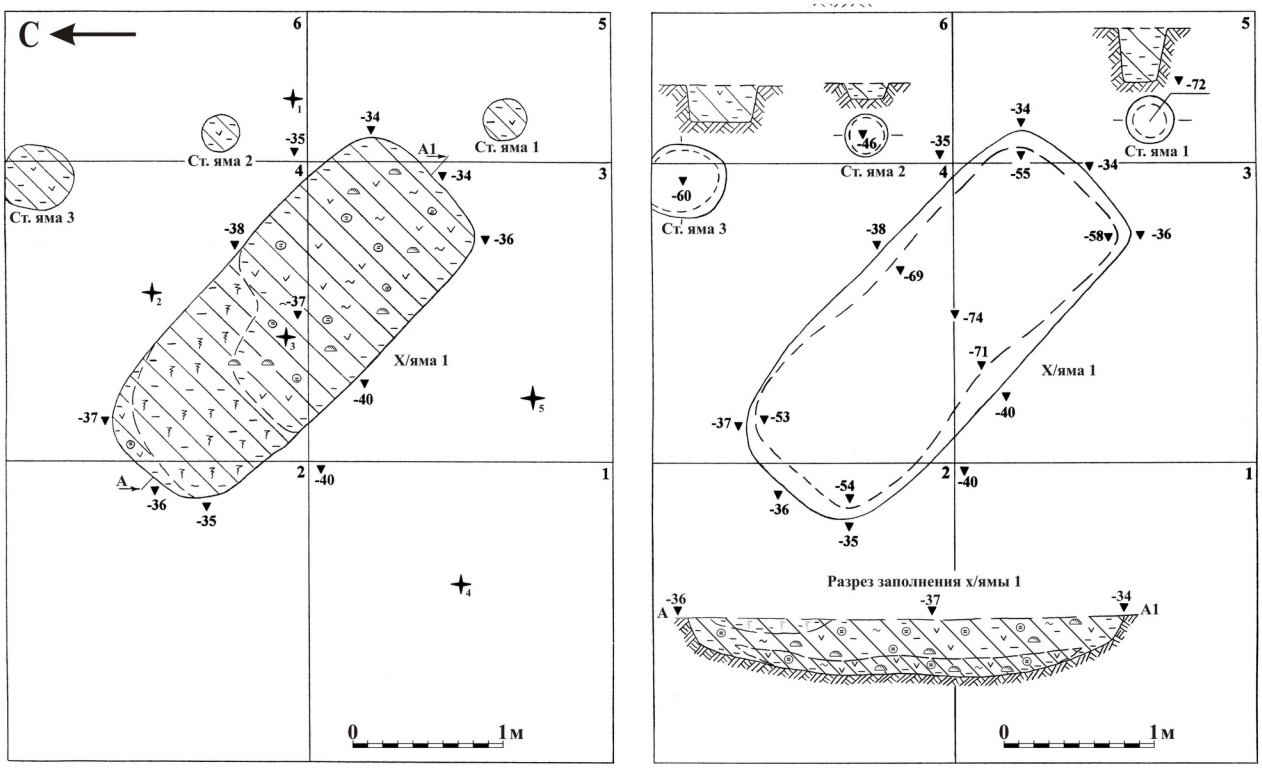


Рис. 101. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Сел. Каменка-1, яма XXII.



1

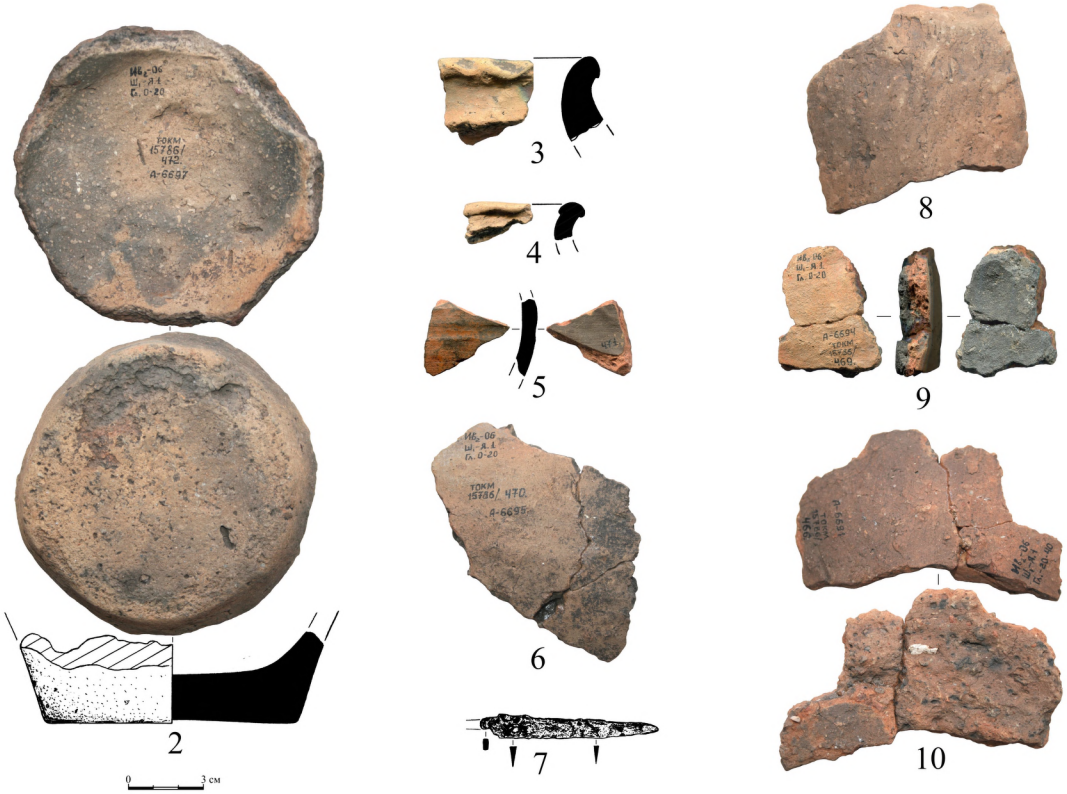


Рис. 102. Опорные комплексы раннего периода (IX – 1-я пол. X в).
Сел. Ивановка-2, шурф 1, яма 1.

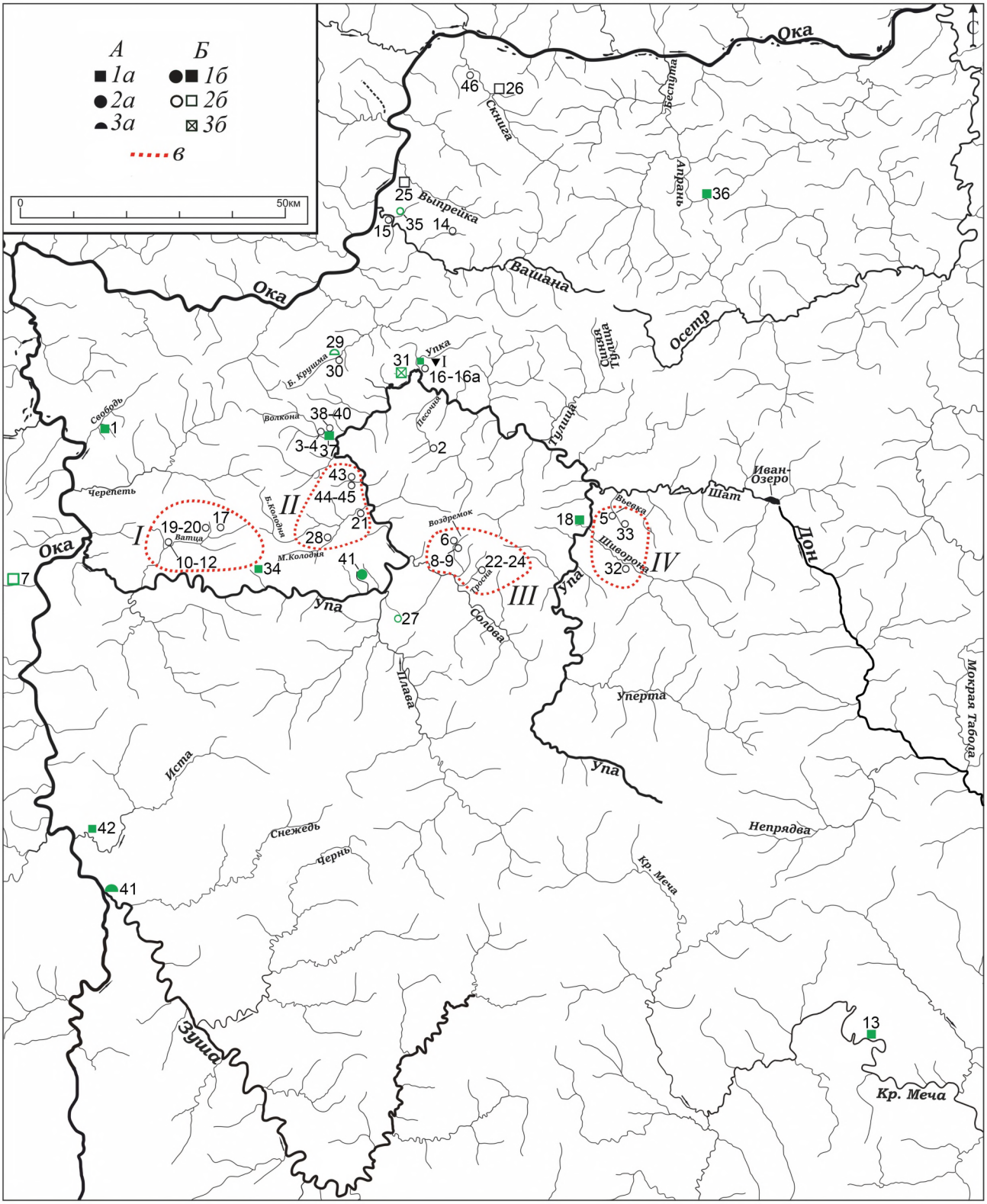


Рис. 103. Памятники 2-й половины X – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона.

Условные обозначения: а – тип памятника: 1а – городище; 2а – селище; 3а – курганный могильник; б – степень изученности: 1б – памятники изученные раскопками; 2б – памятники известные по разведочным данным; 3б – утраченные памятники; в – наиболее перспективные группы памятников, для выделения на них горизонта середины – 2-й половины X – 1-й половины XI в.

Зеленым цветом выделены памятники позднего периода.

I - местонахождение у д. Конино.

Рис. 103. Памятники 2-й половины X – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона.

1–Акиньшино; 2–Батищево-4; 3–Березово-1; 4–Березово-2; 5–Болхово-1; 6–Воздремо-10; 7–Вырск; 8–Головеньки-1; 9–Головеньки-3; 10–Денисово-1; 11–Денисово-2; 12–Денисово-3; 13–Дубики; 14–Калединовка-4,9; 15–Карташово-1; 16–Кетри; 17–Кирилловка-3; 18–Лобынское; 19–Лужки-1; 20–Лужки-5; 21–Лужное-8; 22–Майский-1; 23–Майский-4; 24–Майский-5; 25–Мосолово; 26–Нижняя Городня; 27–Образцово-2; 28–Озерки-1; 29–Панское; 30–Панское-1; 31–Першино; 32–Пушкарские выселки-1; 33–Пятницкое-1; 34–Снедка; 35–Сотино-1; 36–Спицино; 37–Тимофеевка; 38–Тимофеевка-1; 39–Тимофеевка-2; 40–Тимофеевка-3; 41–Б. Тризново-4; 41–Тшлыково; 42–Фурсово-2; 43–Хотетово-2; 44–Хотетово-5; 45–Хотетово-7; 46–Яковлево-1.

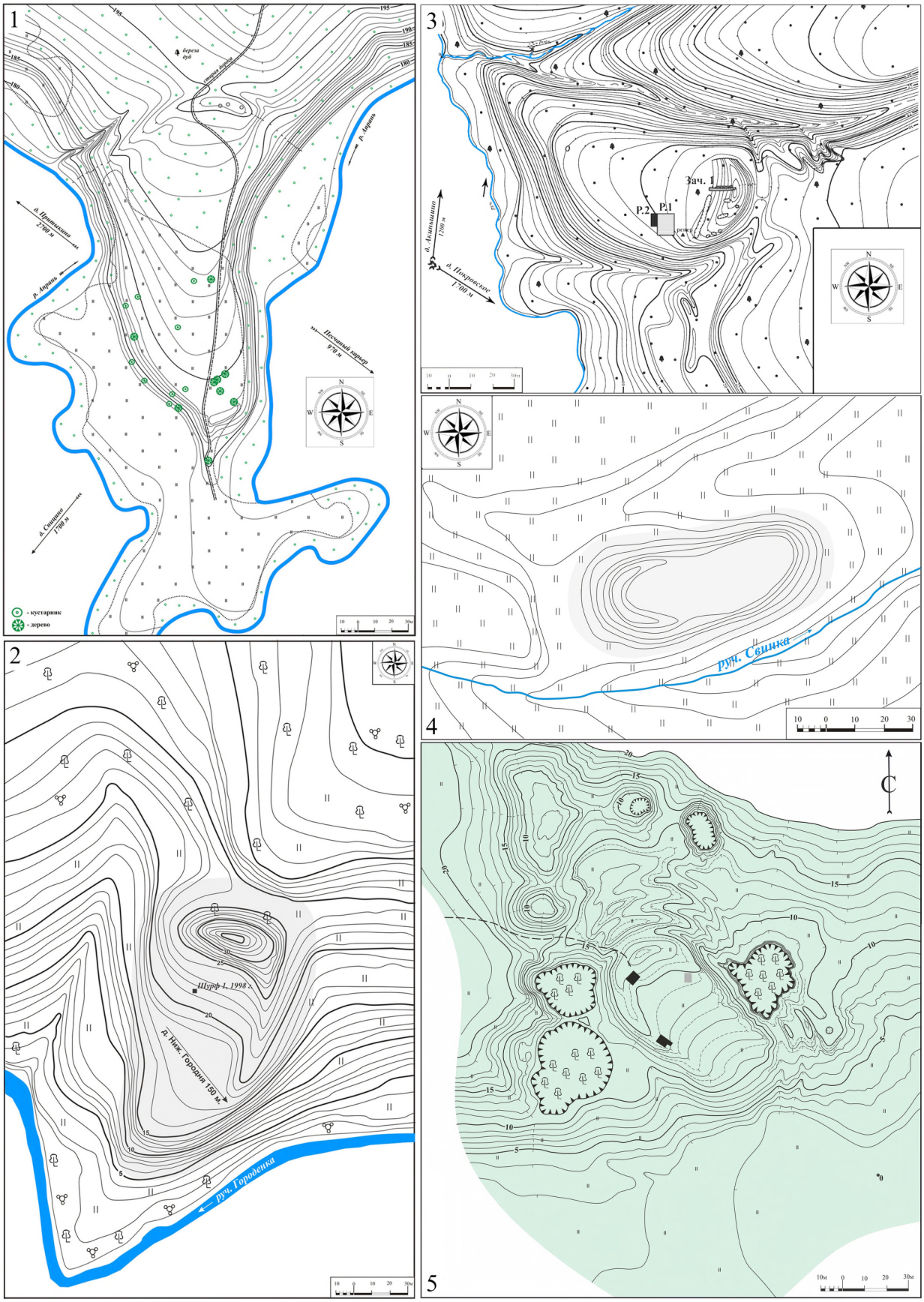


Рис. 104. Поселения позднего периода, расположенные на площадках городищ середины I тыс. до н.э. - середины I тыс. н.э. Топографические планы.

1 – Спицино (по: Арх. ИА РАН. Простяков, 2020); 2 – Нижняя Городня (по: Арх. ИА РАН. Клянин, 1998); 3 – Акиньшино (по: Арх. ИА РАН. Воронцов, 2011); 4 – Першино (по: Изюмова, 1953. С. 75, рис. 26б: 2); 5 – Лобынское (по: Арх. ИА РАН. Простяков, 2022) .

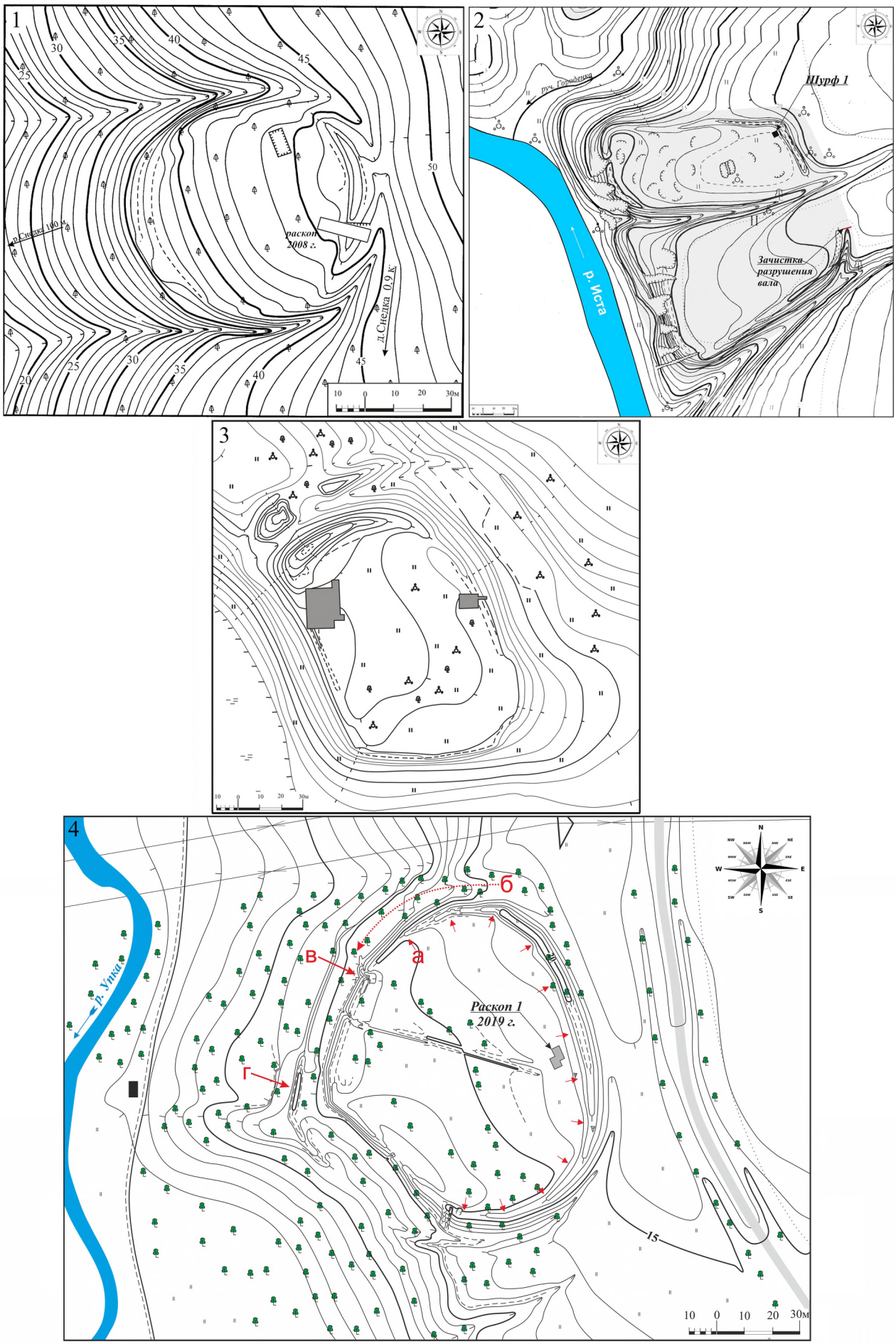


Рис. 105. Топографические планы городищ с укреплениями, возведенными во 2-й половине X – середине XI в.

1 – Снедка (по: Арх. ИА РАН. Григорьев, 2009); 2 – Тимофеевка (по: Арх. ИА РАН. Григорьев, 1999); 3 – Фурсово (по: Арх. ИА РАН. Иванов, 2001); 4 – Кетри (по: Арх. ИА РАН. Простяков, 2019).

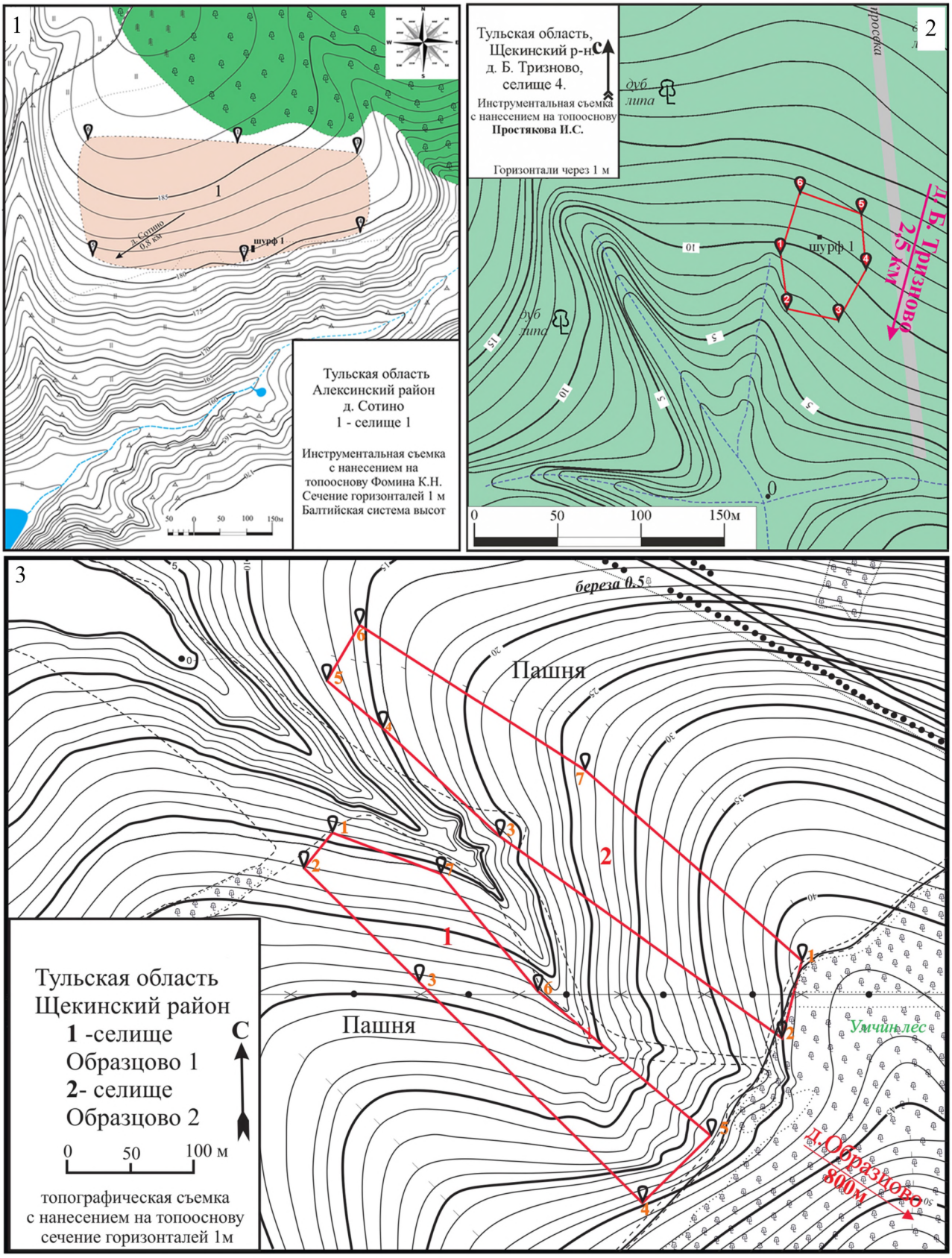


Рис. 106. Селища с материалами позднего периода. Топографические планы.

1 – Сотино-1 (по: Арх. ИА РАН. Столяров, 2014); 2 – Б. Тризново-4 (по: Арх. ИА РАН. Полукеева, 2023); 3 – Образцово-2 (по: Арх. ИА РАН. Столярова, 2014).

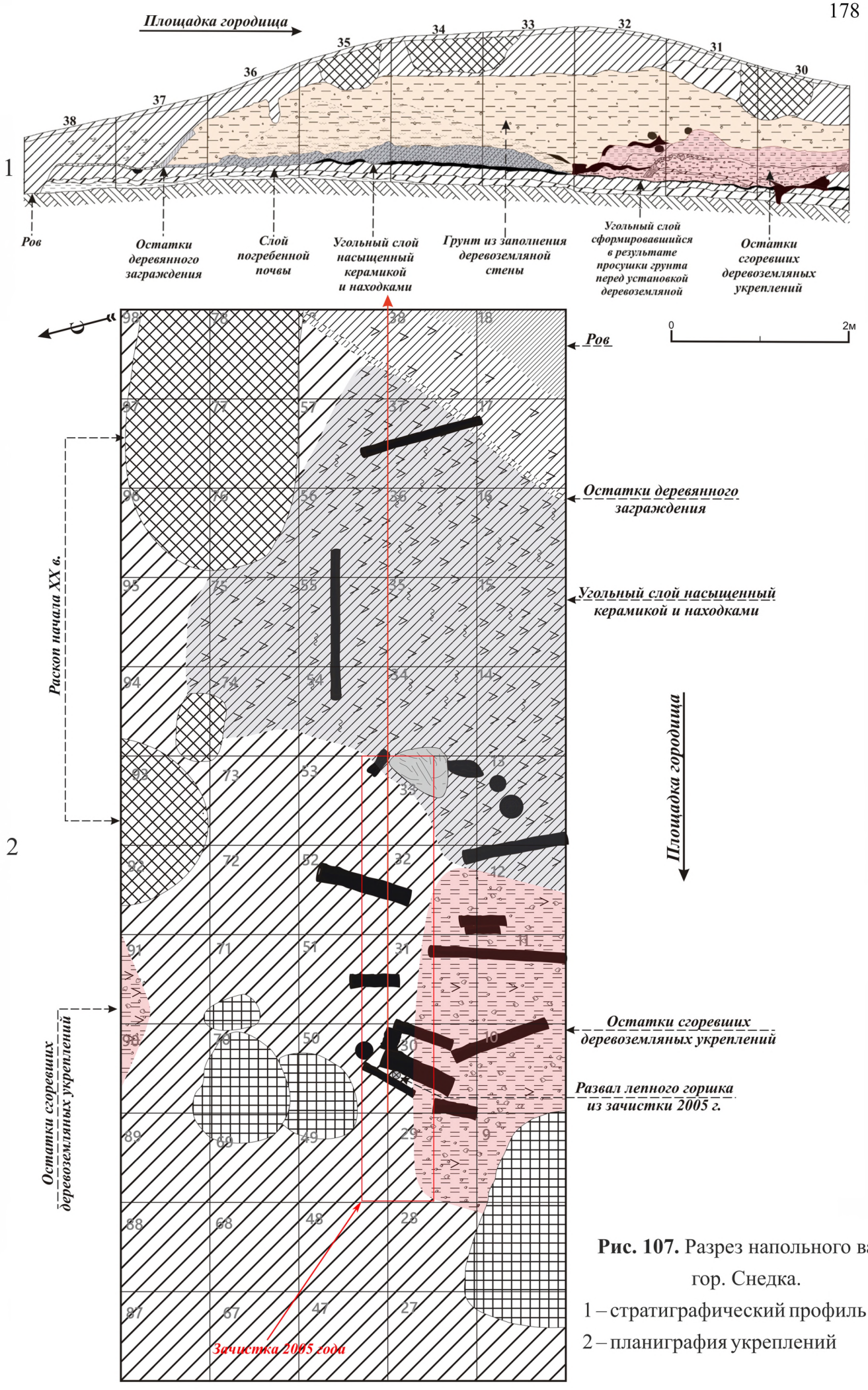


Рис. 107. Разрез напольного вала гор. Снедка.

1 – стратиграфический профиль

2 – планиграфия укреплений

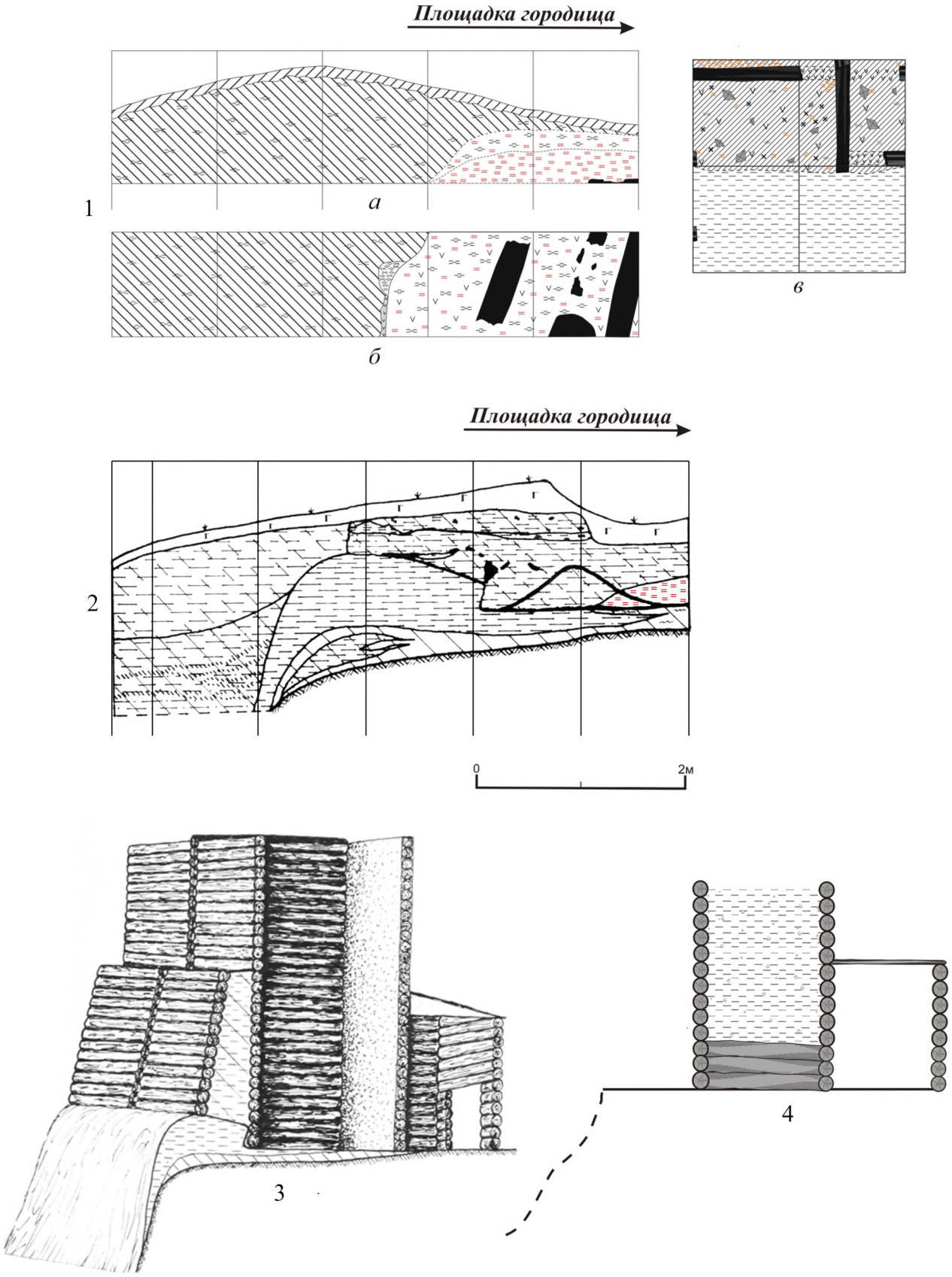


Рис. 108. Разрезы и реконструкции укреплений на городищах позднего периода.

1 – Фурсово-2 (разрез 2019 г.): а, б – зачистка разрушения вала; в – шурф в приваловой части площадки; 2 – Тимофеевка (разрез 1999 г.). 3 – укрепления восточного склона гор. Тимофеевка (реконструкция А.В. Григорьева); 4 – напольные укрепления гор. Фурсово-2 (реконструкция А.М. Колоколова).

2, 3 – по: Григорьев, 2005б. Рис. 7.

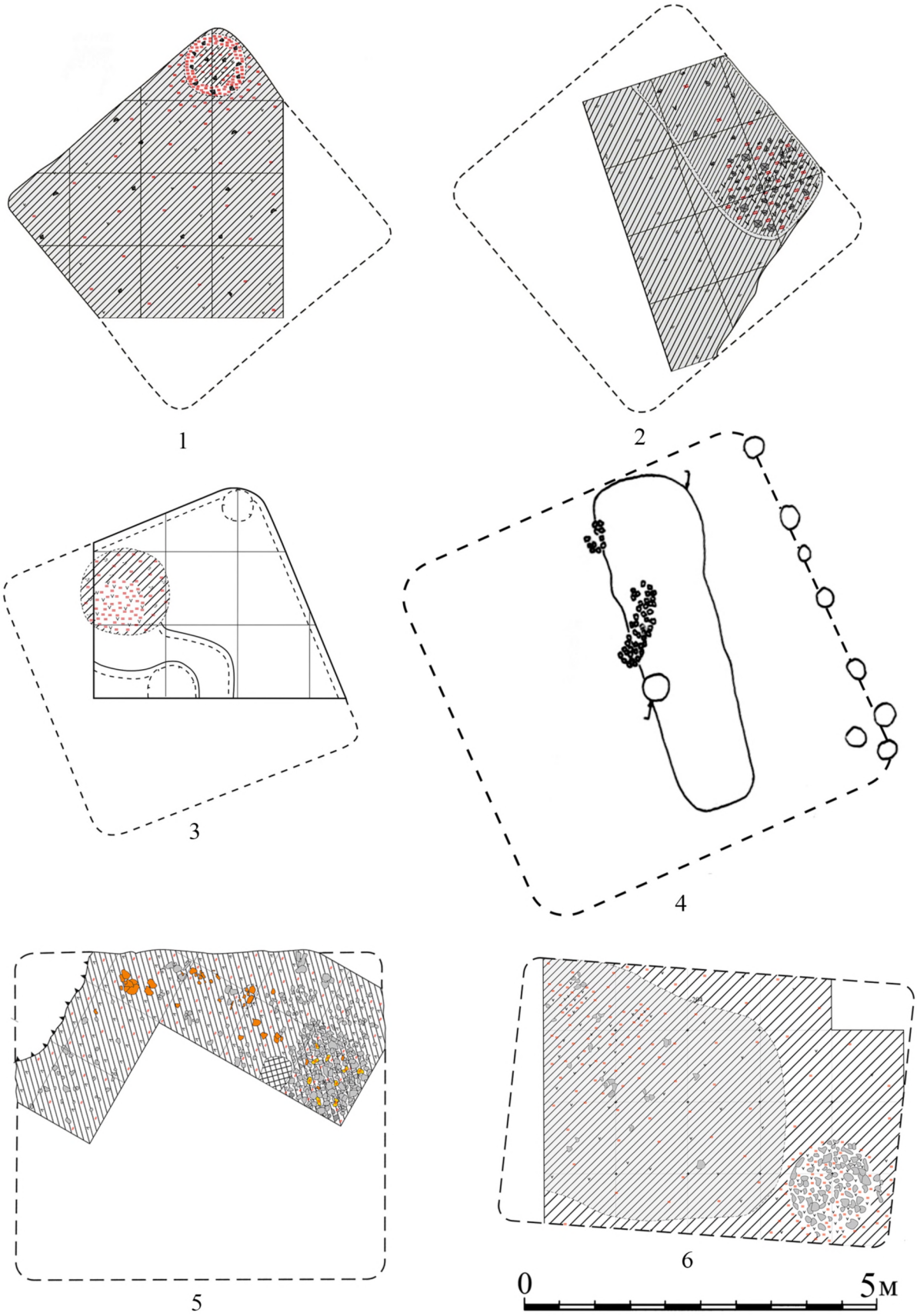


Рис. 109. Планы жилых постройки на поселениях позднего периода.

1 – гор. Спицно, раскоп 1, постройка 1; 2 – гор. Кетри, раскоп 1, постройка 2; 3 – гор. Спицино, раскоп 1, постройка 3; 4 – гор. Тимофеевка, раскоп 1996 г., яма 33; 5 – гор. Лобынское, раскоп 2, постройка 1; 6 – сел. Тризново-4, раскоп 1, постройка 1.

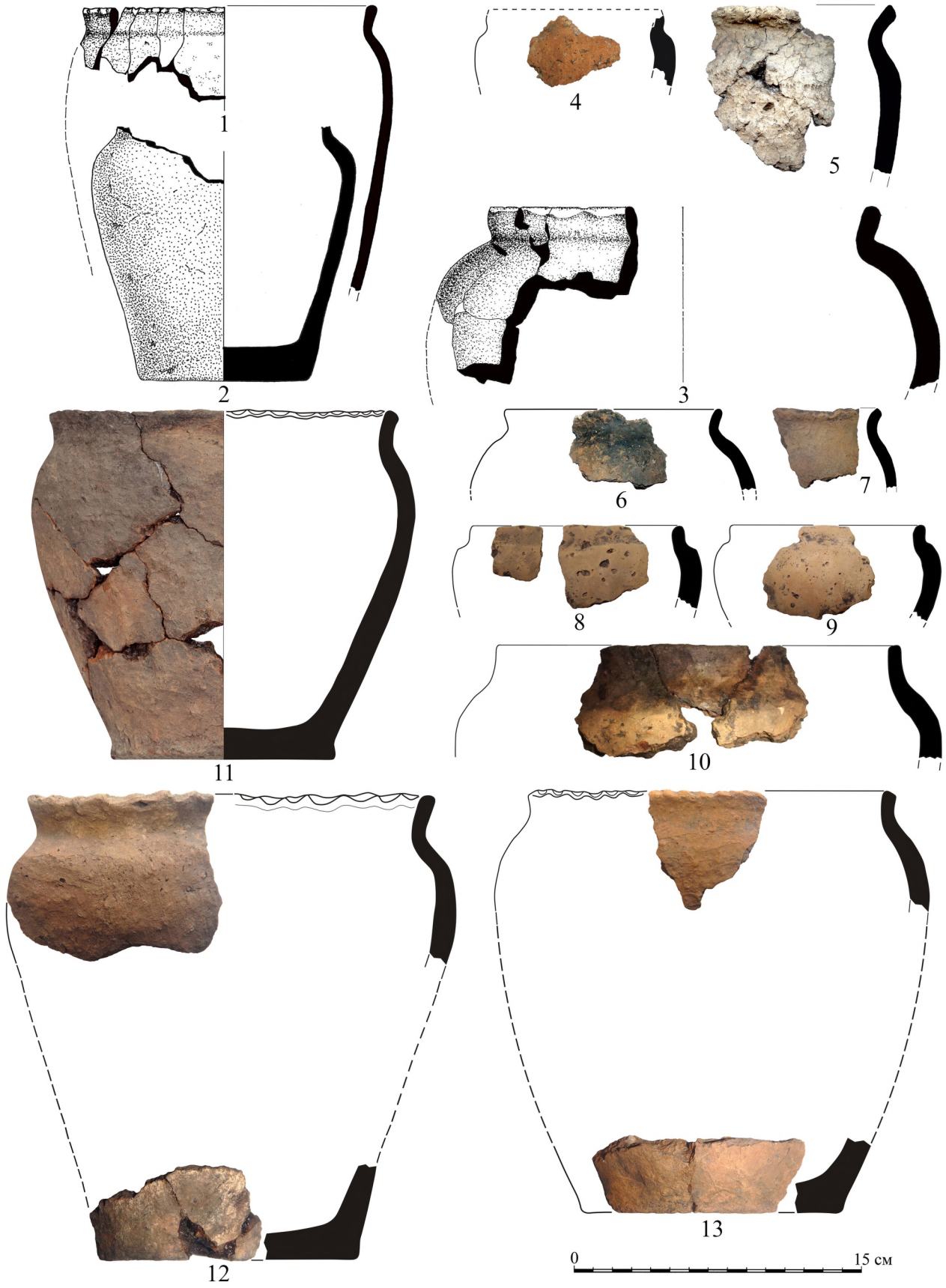


Рис. 110. Лепная керамика из комплексов городищ позднего периода.

1–3 – Снедка, слой сгоревших укреплений; 4 –Вырск, п/м; 5 –Акиньшино, раскоп 2, слой 0; 6 –Фурсово-2, слой сгоревших укреплений; 7 – Першино, п/м; 8–10 – Спицино, раскоп 2, постройка 3; 11–13 – Лобынское, раскоп 2, постройка 1.

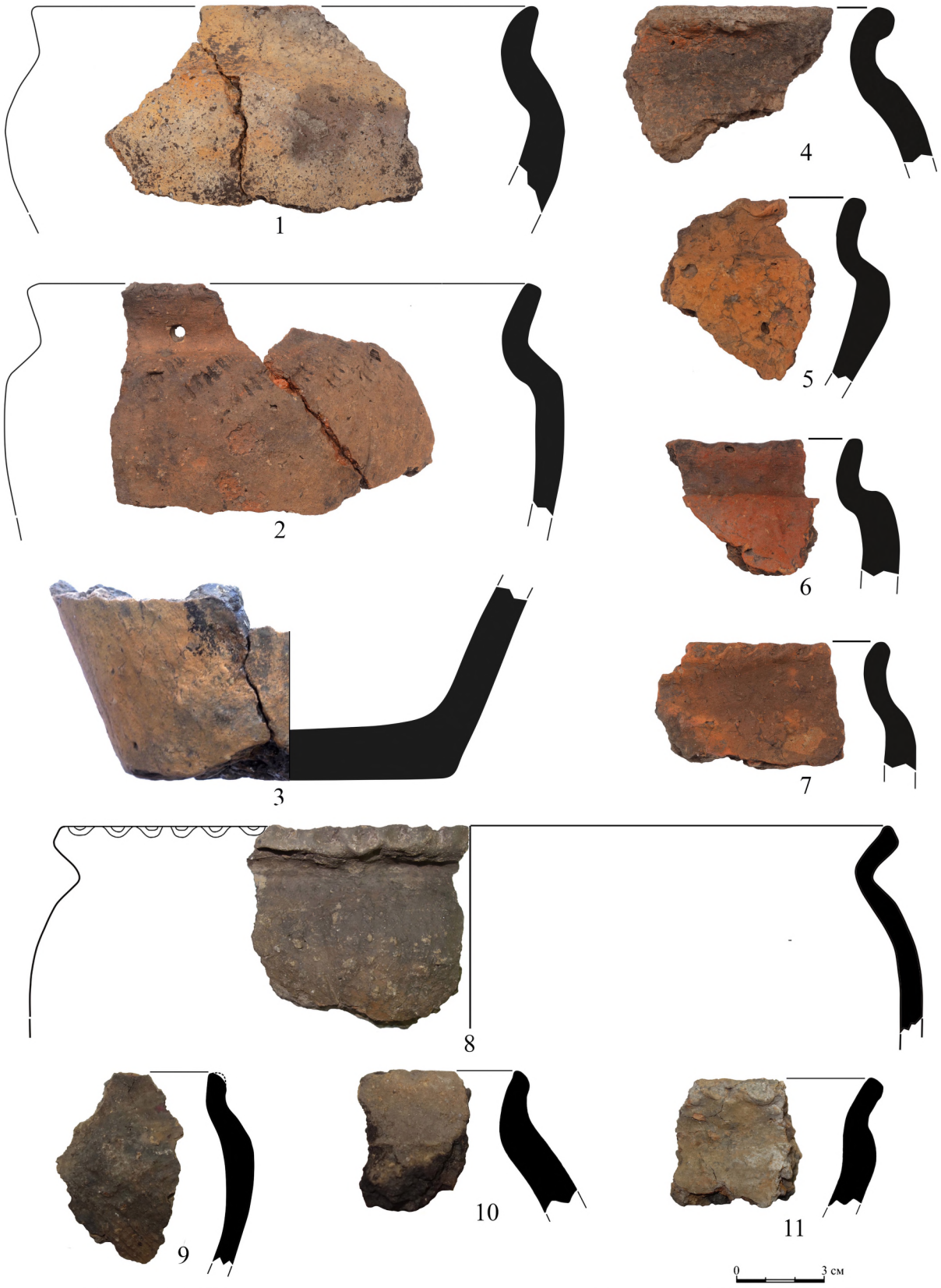


Рис. 111. Лепная керамика из комплексов селищ позднего периода.

1–7 – Б. Тризново-4, раскоп 1, постройка 1; 8 – Сотино-1, шурф 1; 9–11 – Образцово-2, п/м.

Рис. 112. Формы раннекруговых сосудов с гор. Лобынское.
1 – раскоп 2, постройка 1; 2, 3 – раскоп 2003 года.

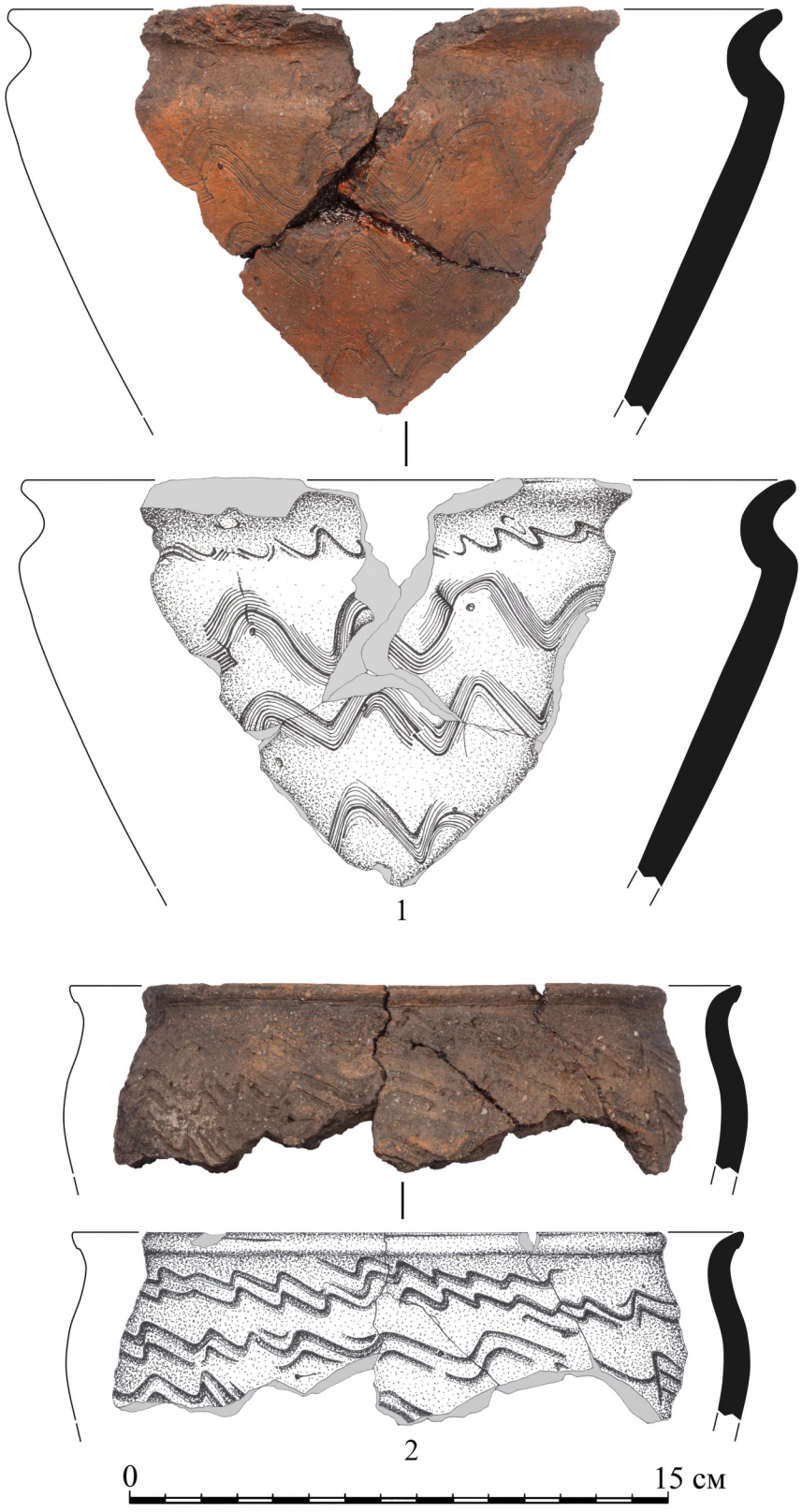


Рис. 113. Формы раннекруговых сосудов с сел. Б.Тризново-4.
Раскоп 1, постройка 1.

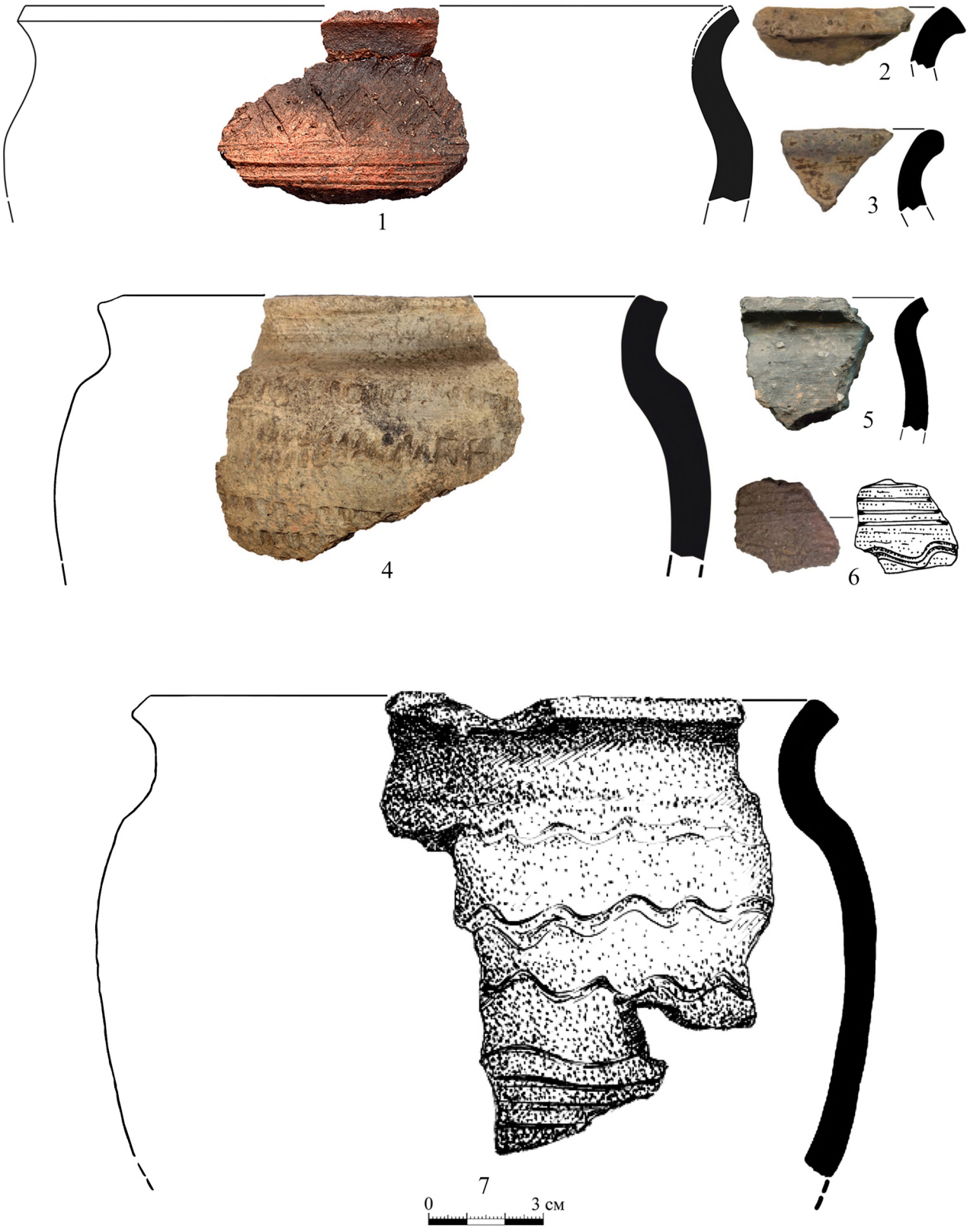


Рис. 114. Фрагменты раннекруговых сосудов с памятников позднего периода.

1 – сел. Б. Тризново-4, постройка 1; 2, 3 – гор. Спицино, постройка 1; 4 – гор. Вырск; 5 – гор. Акиньшино; 6– гор. Першино; 7 – гор. Воротынск.

2–5 – п/м.

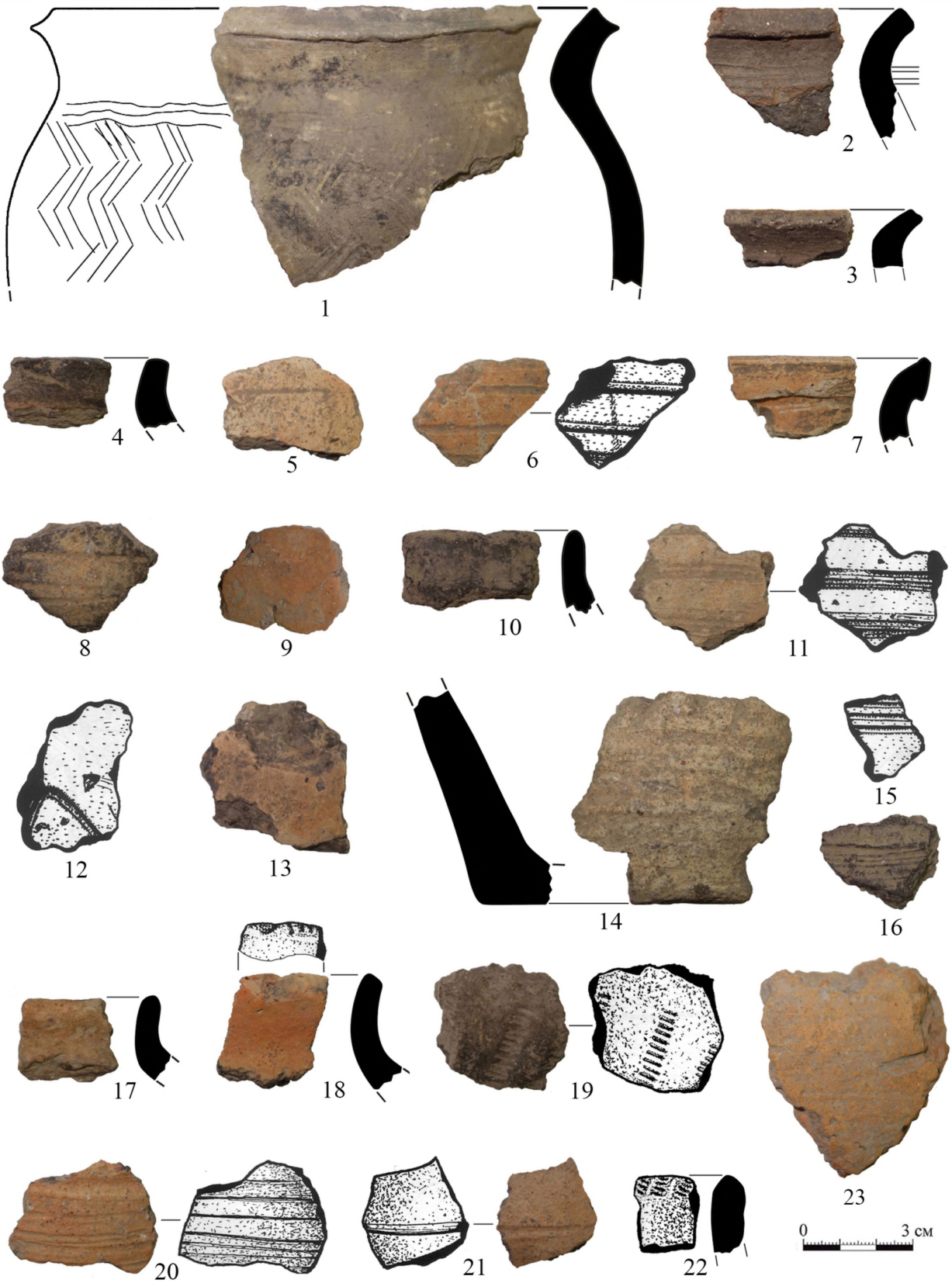


Рис. 115. Находки фрагментов раннекруговых и лепных сосудов с селищ позднего периода. Материалы разведок.

1 – Сотино-1; 2, 3 –Образцово-2; 4–9 – Денисово-1; 10–16 –Денисово–2; 17, 18, 20 – с. Лужки-1; 19, 21–23 – Лужки-5.

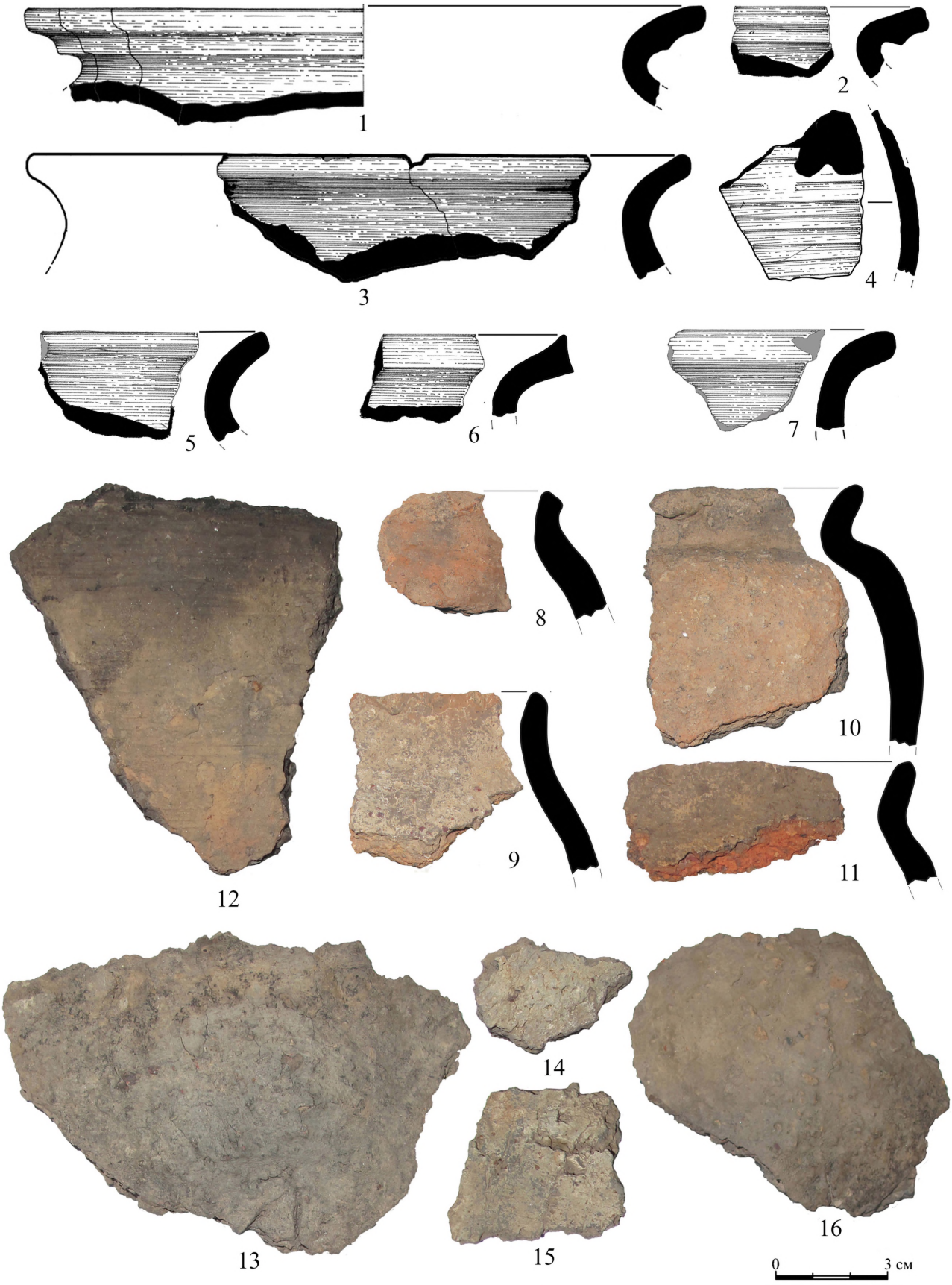


Рис. 116. Находки круговых, раннекруговых и лепных сосудов из комплексов раннего горизонта гор. Кетри.

1, 5–16 – раскоп 1 2019 г., постройка 2

2–4 – раскоп 1 2019 г., постройка 1

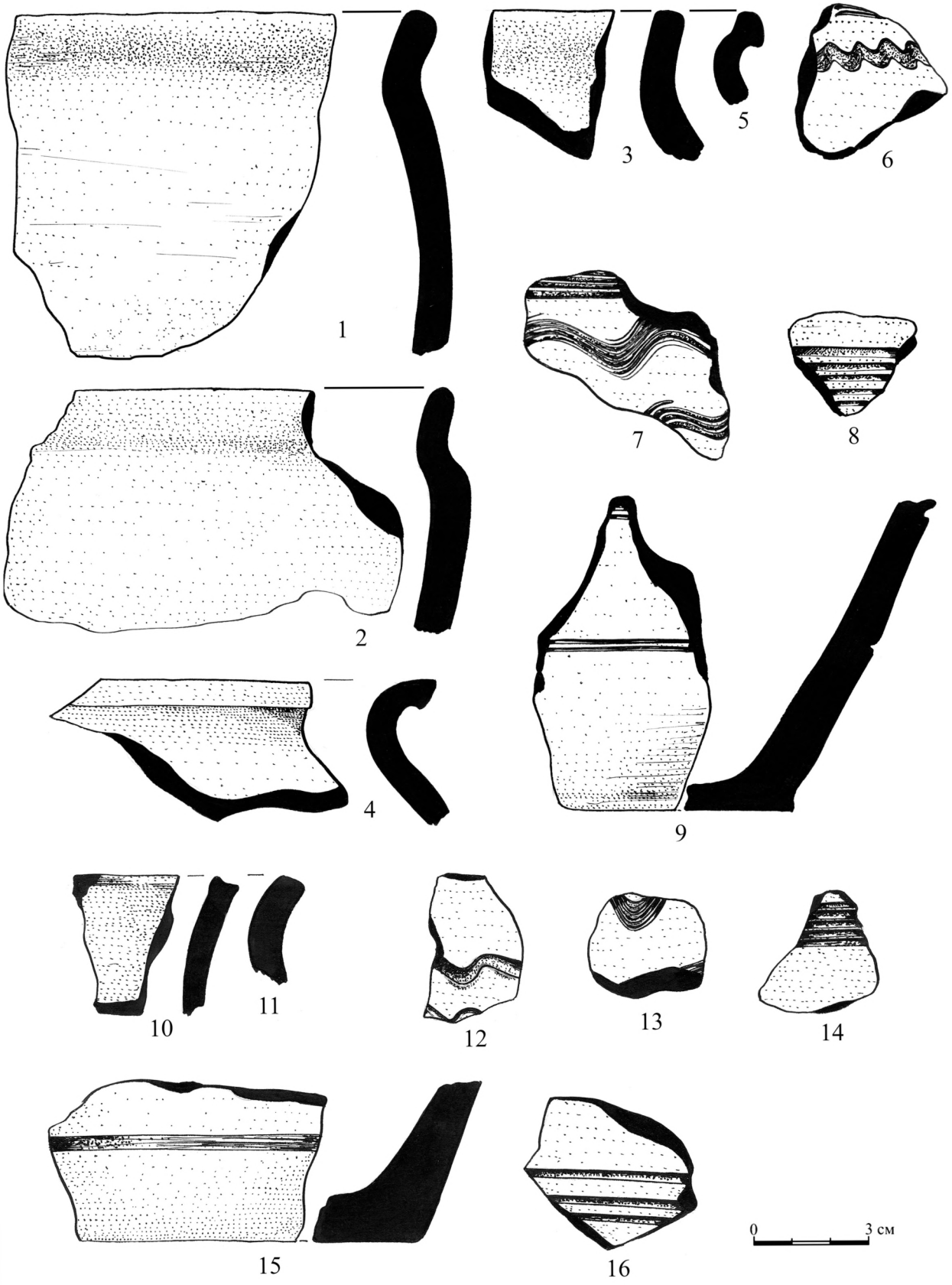


Рис. 117. Находки круговых, раннекруговых и лепных сосудов из комплексов гор. Тимофеевка.

1–9 – раскоп 3, яма 33; 10–16 – слой сгоревших укреплений.

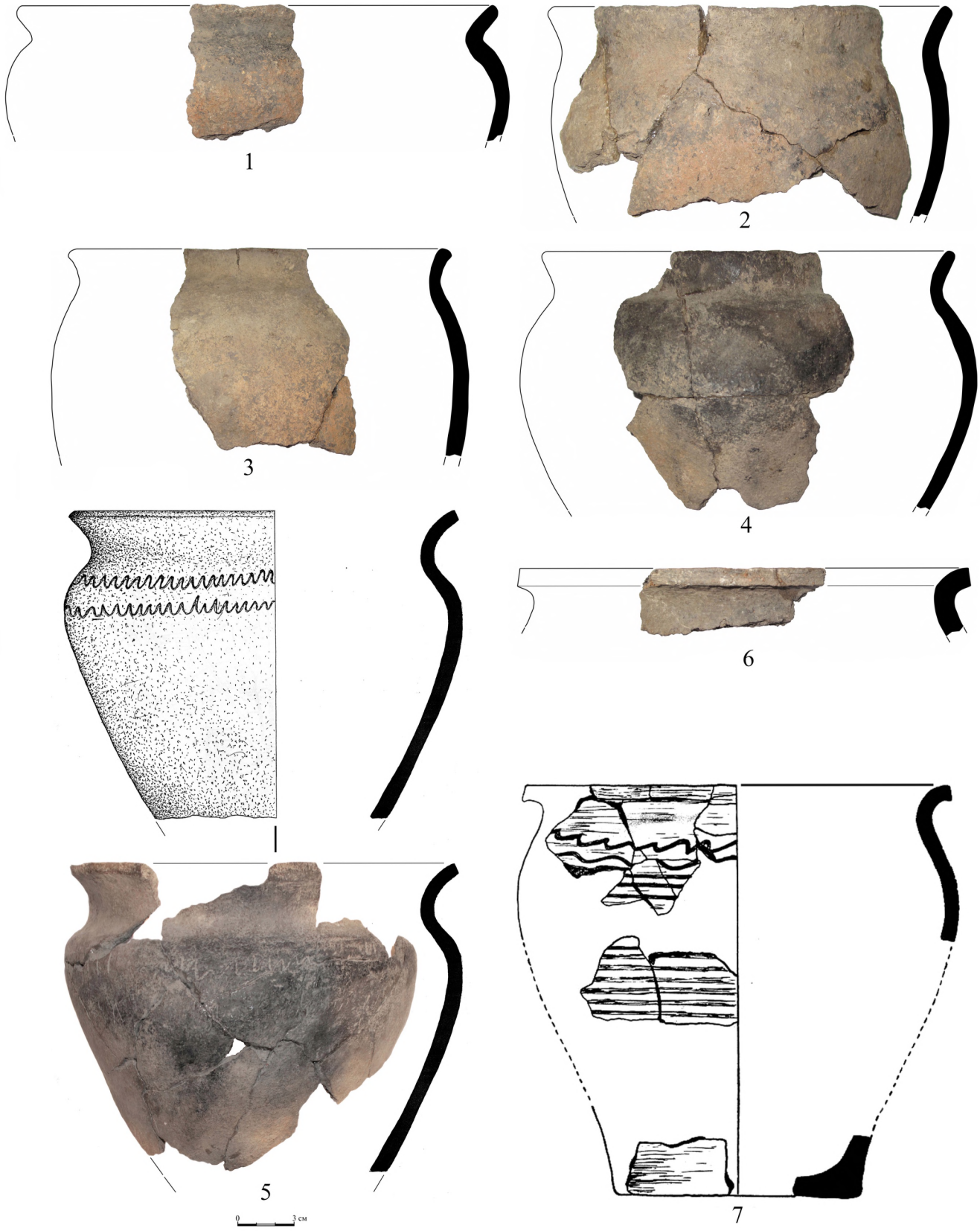


Рис. 118. Находки лепных, раннекруговых и гончарных сосудов с памятников позднего периода.

1–6 – гор. Тимофеевка (раскоп 2, яма 22); 7 – гор. Дубики (культурный слой).

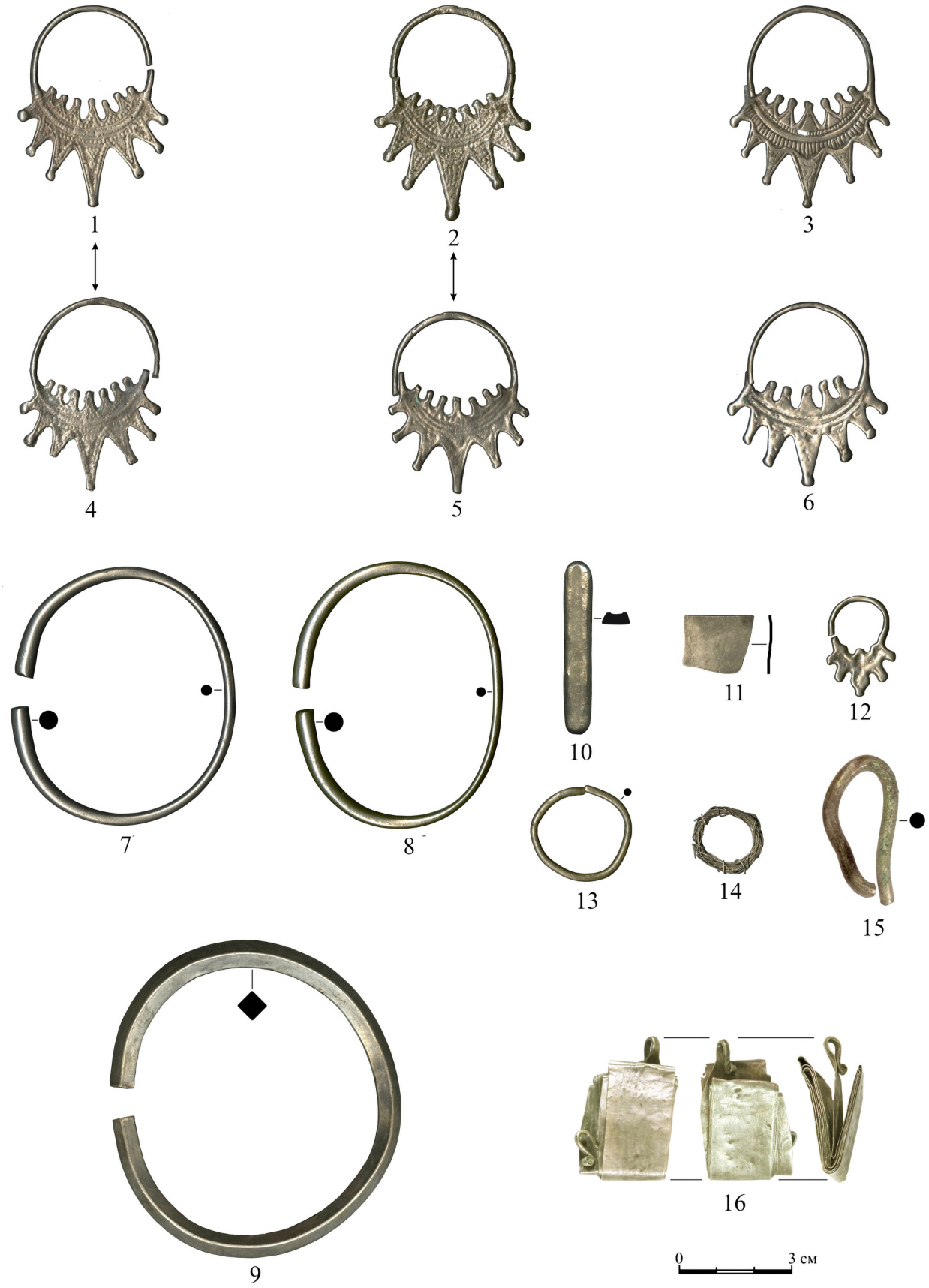


Рис. 119. Вещевой комплекс Полтевского клада.

1–6 – лучевые височные кольца; 7, 8 – браслеты; 9 – весовой слиток-браслет; 10 – весовой слиток; 12 – пятилучевая серьга; 13 – проволочная серьга; 16 – деформированное очелье; 11, 14, 15 – ювелирный лом.

1–16 – серебро

Рис. 120. Украшения и детали костюма с памятников позднего периода.

1–6 – нашивки; 7 – фрагмент височного кольца; 8 – браслет; 9 – подковообразная фибула; 10–17 – бусины.

1–6, 10, 11 – гор. Лобынское, раскоп 2: 1–6 – постройка 2; 10, 11 – постройка 1; 7 – сел. Сотино-1, п/м; 8 – гор. Кетри, постройка 2; 9, 16 – гор. Спицино, п/м; 12 – гор. Фурсово-2, п/м; 13–15, 17 – гор. Тимофеевка, слой конца X – XI в.

1–6 – свинцово-оловянистый сплав; 7 – бронза; 8, 9 – железо; 10–12, 17 – стекло; 15, 16 – сердолик.

Рис. 121. Находки украшений и деталей костюма с памятников позднего периода.

1 – подковообразная фибула с напускными пирамидами на дуге; 2 – игла от овальной фибулы; 3 – подвеска; 4 – игла от подковообразной фибулы; 5 – ладьевидный браслет; 6 – кольцо «муромского» типа; 7 – треугольная шумящая привеска; 8 – «очковидная» обувная привеска; 9, 10 – перстни; 11 – фрагмент амулета в виде лошади.
1–3, 11 – гор. Спицино (п/м); 4, 6, 7 – гор. Лобынское (4 – раскоп 2, 2022 г., постр. 1; 6 – раскоп 2003 г., 7 – п/м); 5 – сел. Б. Тризново-4 (п/м); 9, 10 – гор. Тимофеевка, слой конца X – XI в.
1, 2, 4–11 – бронза; 3 – серебро.

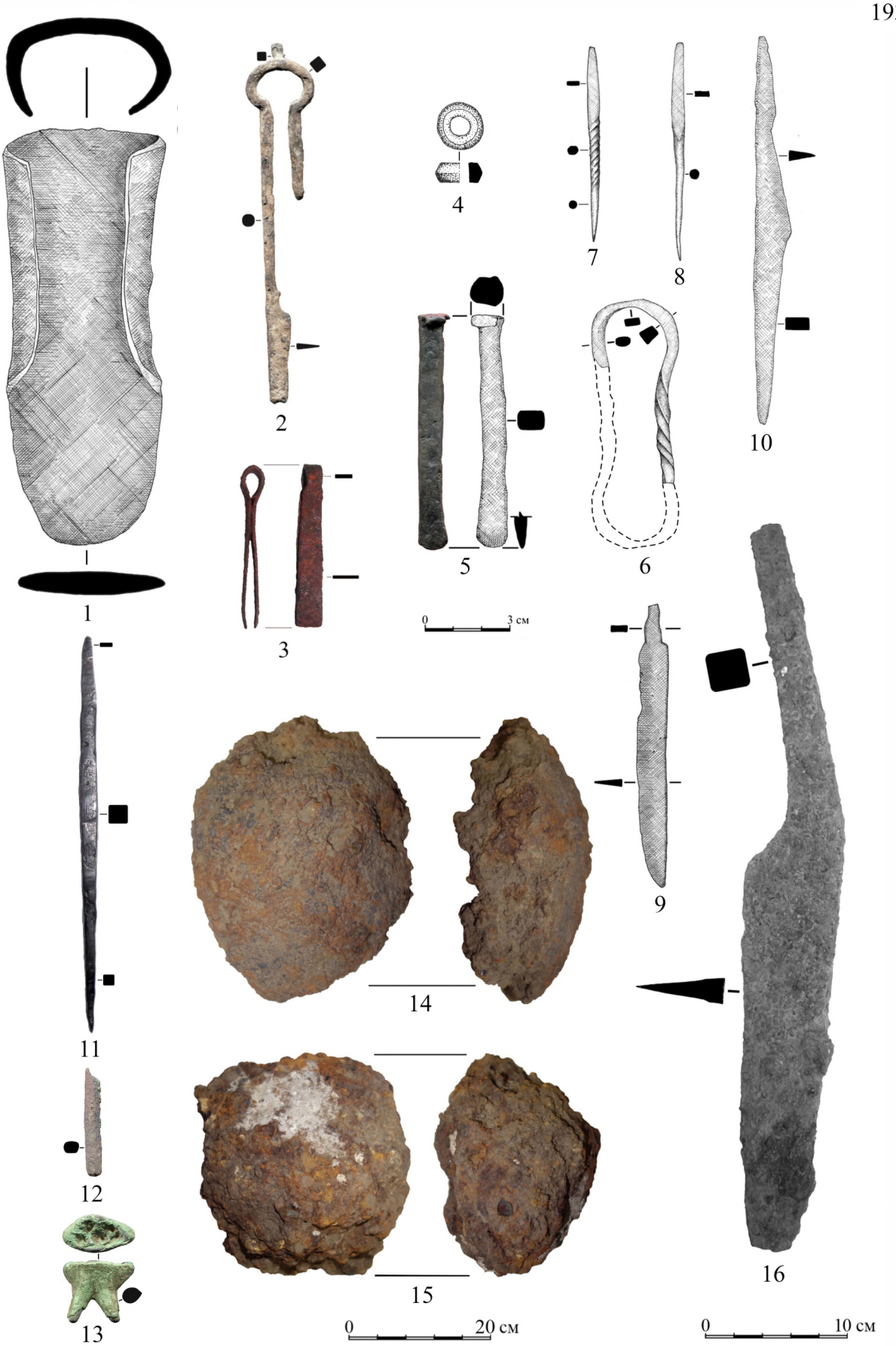


Рис. 122. Металлические изделия и следы металлургического производства с памятников позднего периода.

1 – наральник; 2 – ножницы; 3 – пинцет; 4 – свинцовый грузик; 5 – зубильце; 6 – звено надочажной цепи; 7, 8, 11 – шилья; 9, 10 – ножи; 12–13 – следы бронзолитейного производства; 14, 15 – крицы; 16 – плужный нож.
1, 3–10, 14–16 – гор. Спицино (1, 3, 4, 6, 8, 9, 14–16 – п/м; 5 – раскоп 1, постр. 5; 10 – раскоп 1, постр. 1; 7 – раскоп 1, постр. 2); 2 – гор. Вырск, п/м; 11–13 – сел. Б. Тризново-4 (11 – раскоп 1, постр. 1; 12, 13 – п/м).
1–11, 14–16 – железо; 12, 13 – бронза.

Рис. 123. Предметы из кости и глины из комплексов памятников позднего периода.

1, 2 – астрагалы; 3 – острие с V-образным вырезом; 4 – подвеска-амулет; 5 – кочедык; 6–8 – керамические пряслица.
1, 4, 5 – гор. Снедка (слой сгоревших укреплений); 2 – гор. Лобынское (раскоп 2, постр. 1); 3 – сел. Тризново-4 (раскоп 1 , постр. 1); 6–8 – гор. Спицино (раскоп 1, постр. 1)

Рис. 124. Орудия труда, бытовые предметы и следы металлургического производства с памятников финального этапа позднего периода.

1, 2 – пряслица; 3 – оселок; 4 – амулет из клыка животного; 5 – проколка; 6, 7 – сгустки металлургического шлака; 8 – серп.
1–3, 5 – гор. Тимофеевка (1 – слой конца X – XI в.; 2 – раскоп 2, яма 22; 3 – раскоп 3, яма 35; 5 – раскоп 3 , яма 33); 4, 6–8 – гор. Кетри (4 – раскоп 1, постройка 2; 6, 7 – раскоп 1, постройка 4; 8 – раскоп 1, постройка 5).
1, 2 – пирофилитовый сланец; 3 – черный сланец; 4, 5 – кость; 6–8 – железо.

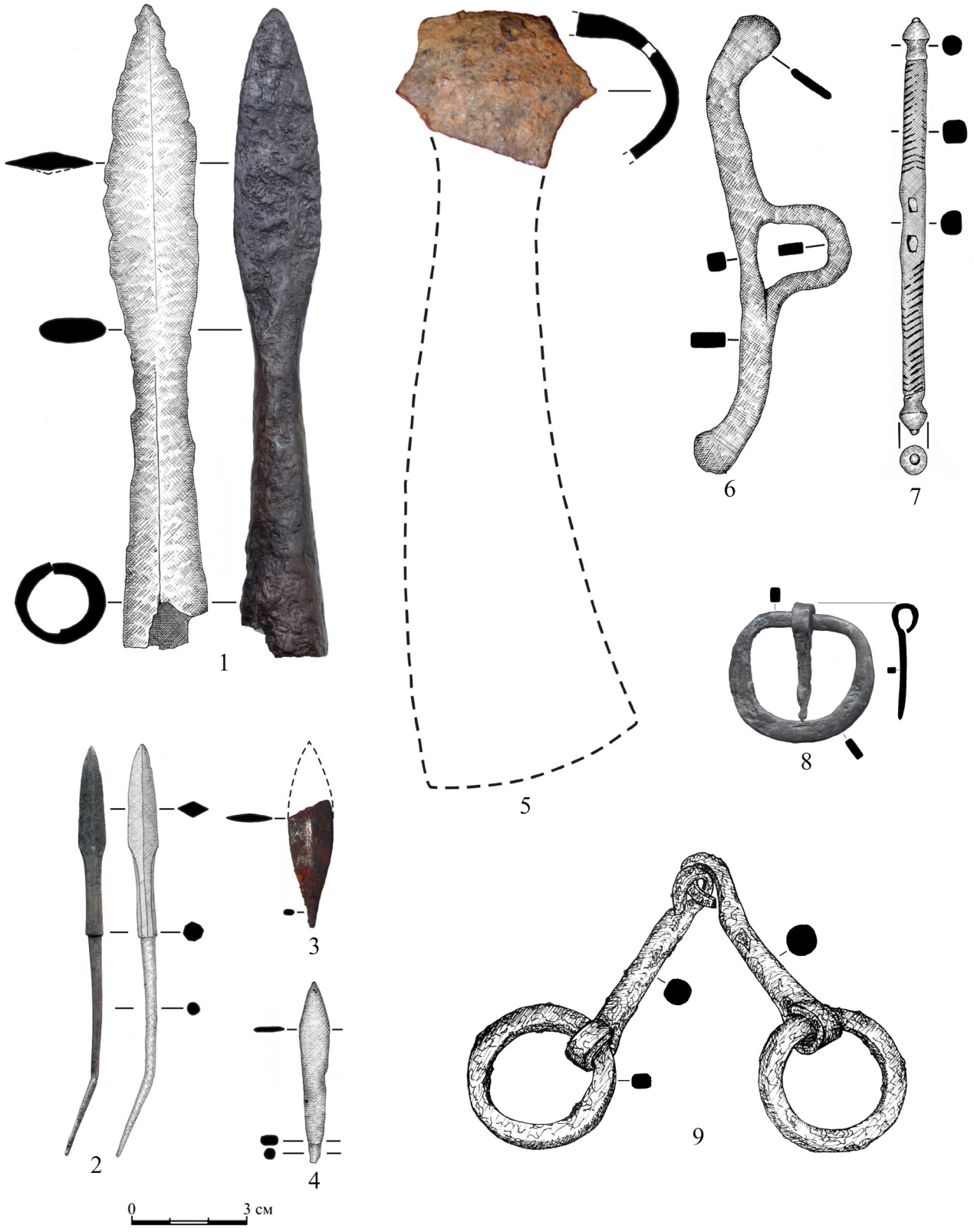


Рис. 125. Предметы вооружения и конского снаряжения с памятников позднего периода.

1– наконечник копья; 2–4 – наконечники стрел; 5 – обух топора; 6, 7 – псалии; 8 – сбруйная пряжка; 9 – удила.

1–7 – гор. Спицино, п/м; 8 – сел. Б. Тризново-4, п/м; 9 – гор Тимофеевка, слой конца X – XI вв.

1–9 – железо

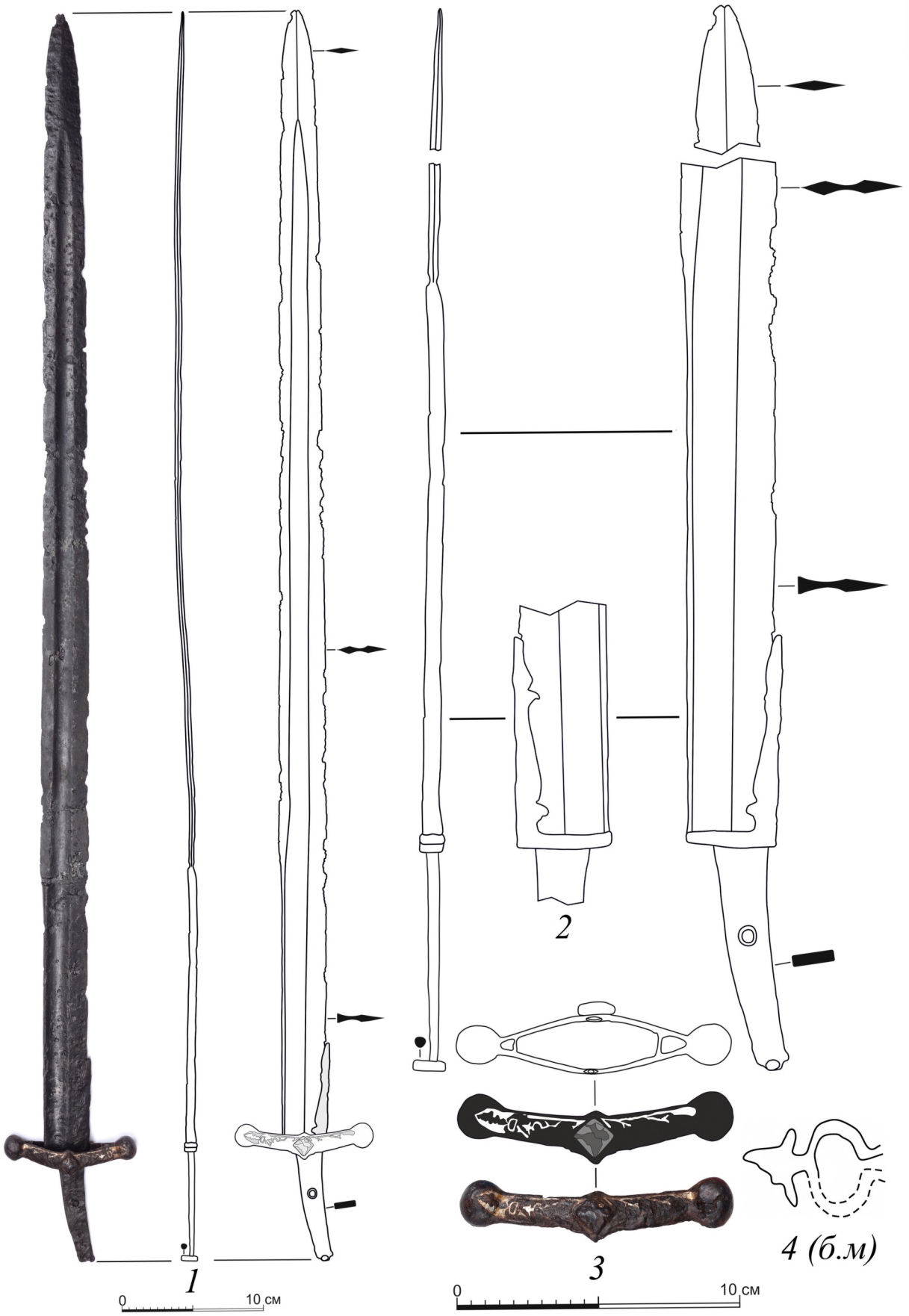


Рис. 126. Сабля, обнаружения в районе д. Конино, МО г. Тула.

1 – изделие целиком; 2 – верхняя четверть сабли с черешком и обоймой; 3 – перекрестие; 4 – основной художественный элемент орнаментации перекрестия.

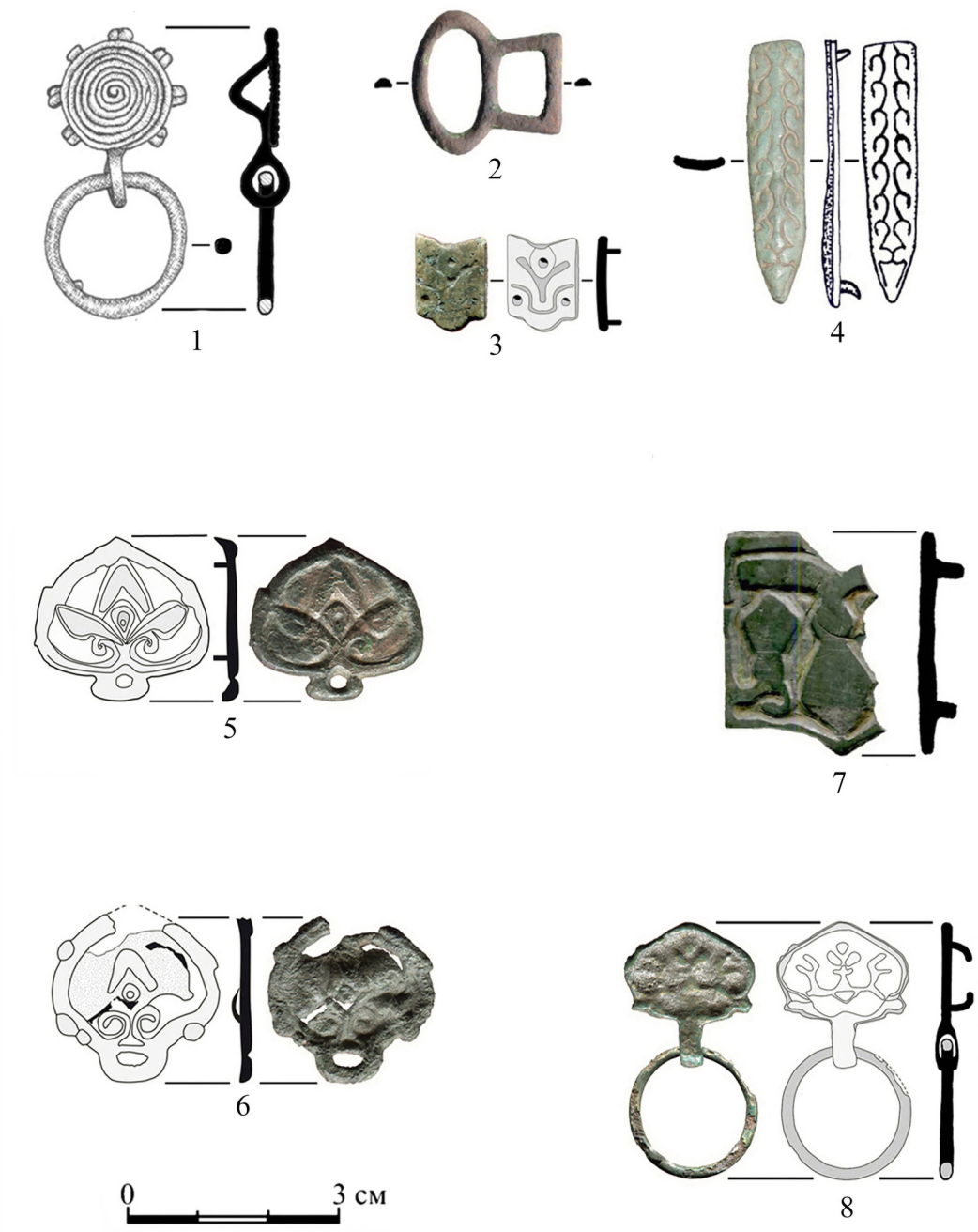


Рис. 127. Находки деталей поясного набора с памятников позднего периода.

1, 3, 5–8 – поясные накладки; 2 – пряжка; 4 – наконечник ремня.
1– гор. Спицино (п/м); 2 – гор. Вырск (п/м); 3 – сел. Б. Тризново (п/м); 4 – кург. мог. Панское (п/м); 5, 6 – гор. Лобынское (раскоп 2, 2022 г., постройка 1); 7, 8 – гор. Акиньшино (культурный слой).
1–8 – бронза.

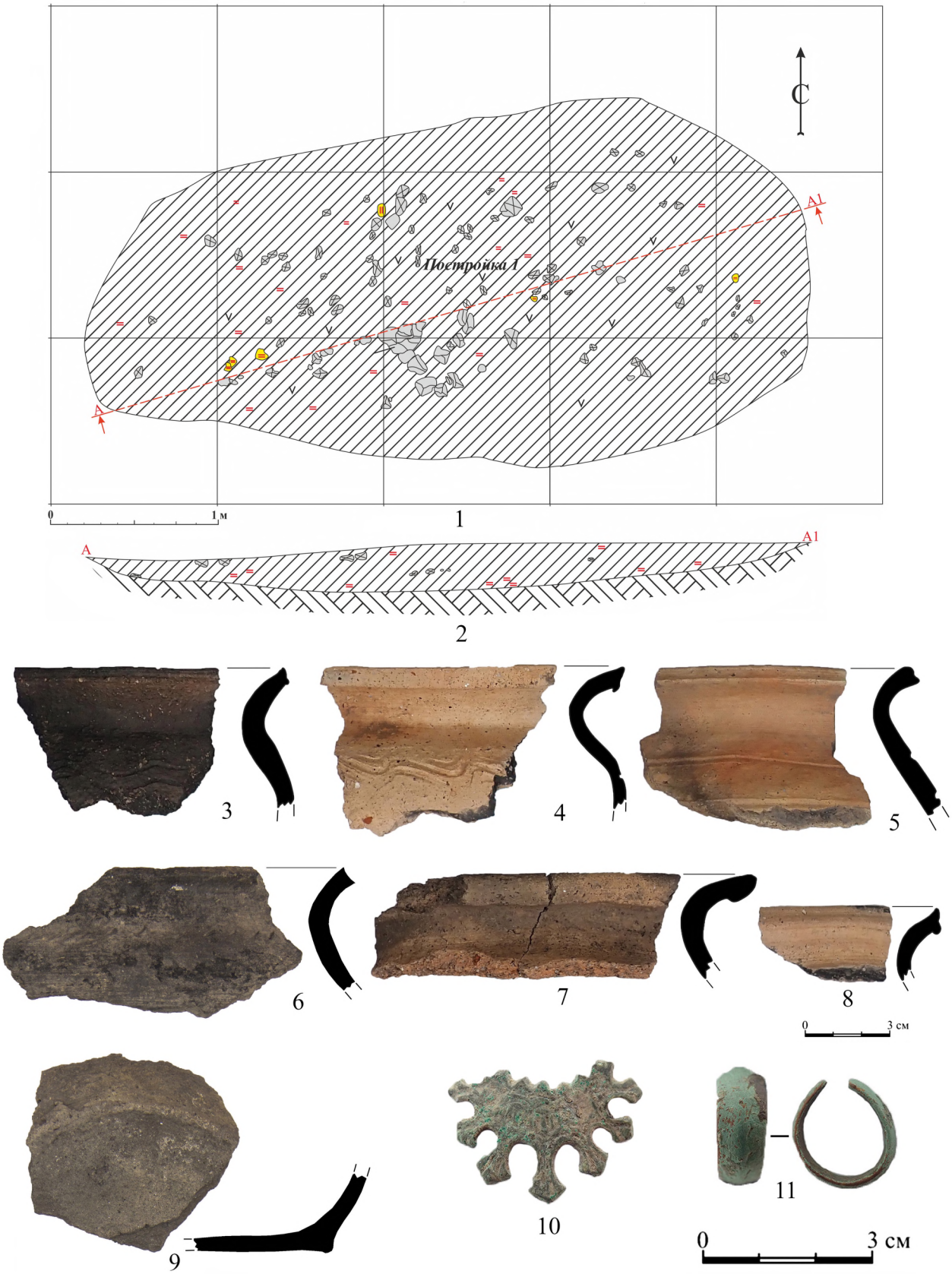


Рис. 128. Комплекс XI в., изученный на сел. Калединовка-9.

1, 2 – постройка 1 (раскопки 2023 г.); 3–11 – находки из заполнения постройки 1: 3–9 – профильные части гончарных сосудов; 10 – височное кольцо типа «сельцо»; 10 – перстень.
3–9 – керамика; 10, 11 – бронза.

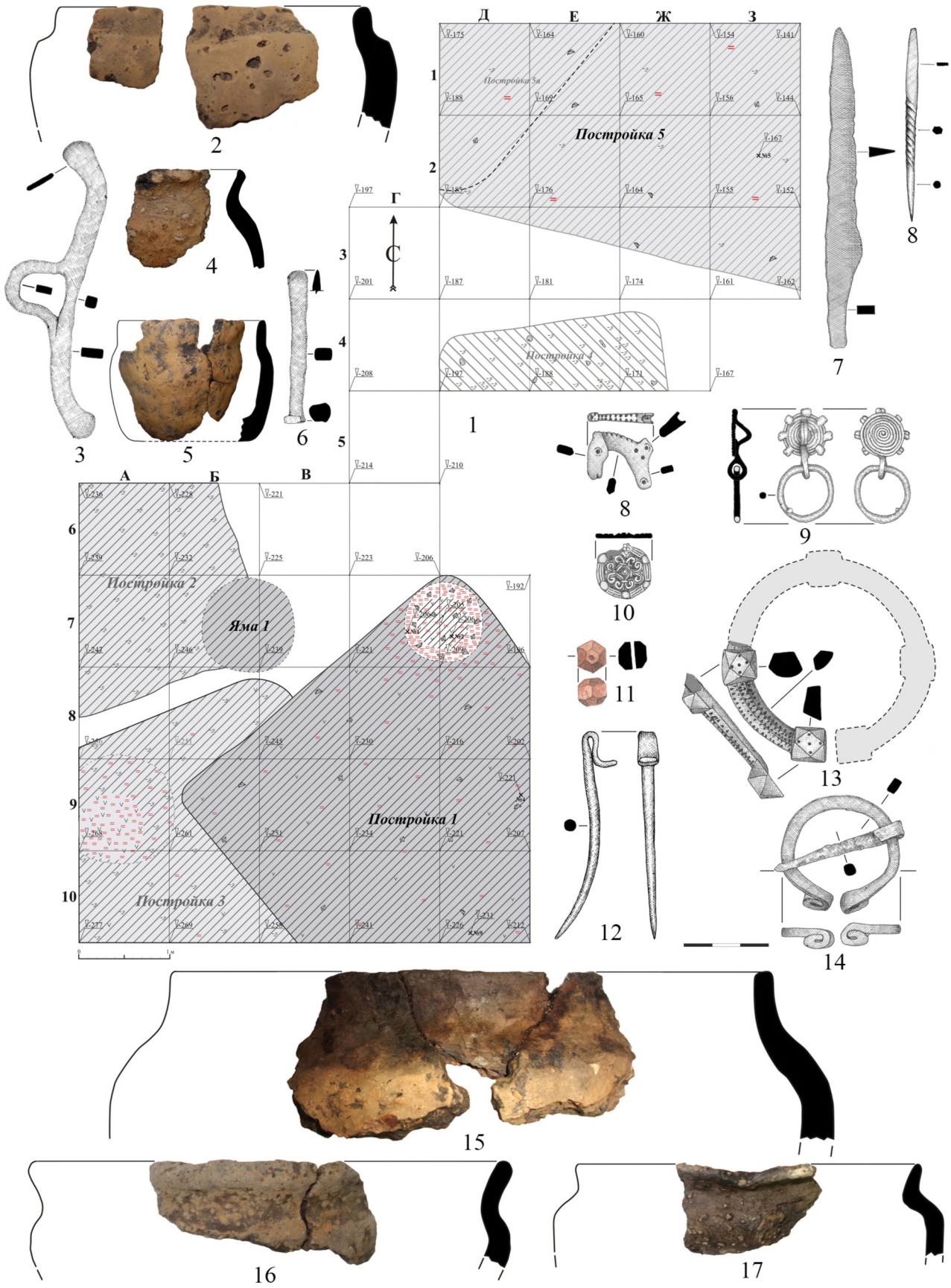


Рис. 129. Опорные комплексы позднего периода.
(2-я половина X — середина XI в.)

Гор. Спицино, 2020 г., раскоп 1. 8–14 – п.м.; 7, 16, 17 – постройка 1; 2, 15 – постройка 3; 8 – постройка 2; 3–6 – постройка 5.

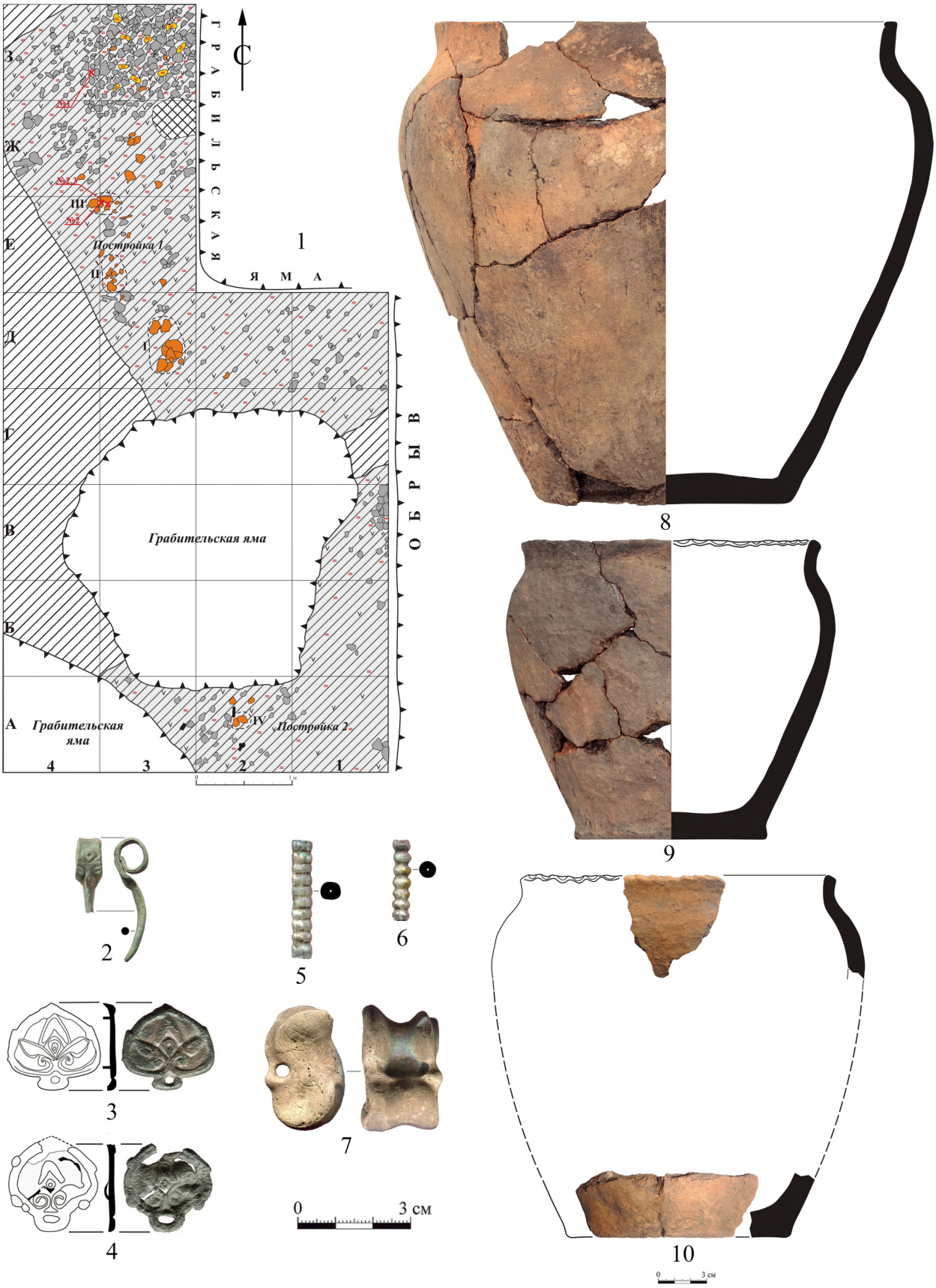


Рис. 130. Опорные комплексы позднего периода.
(2-я половина X — середина XI в.)

Гор. Лобынское, 2022 г., раскоп 2, постройка 1.

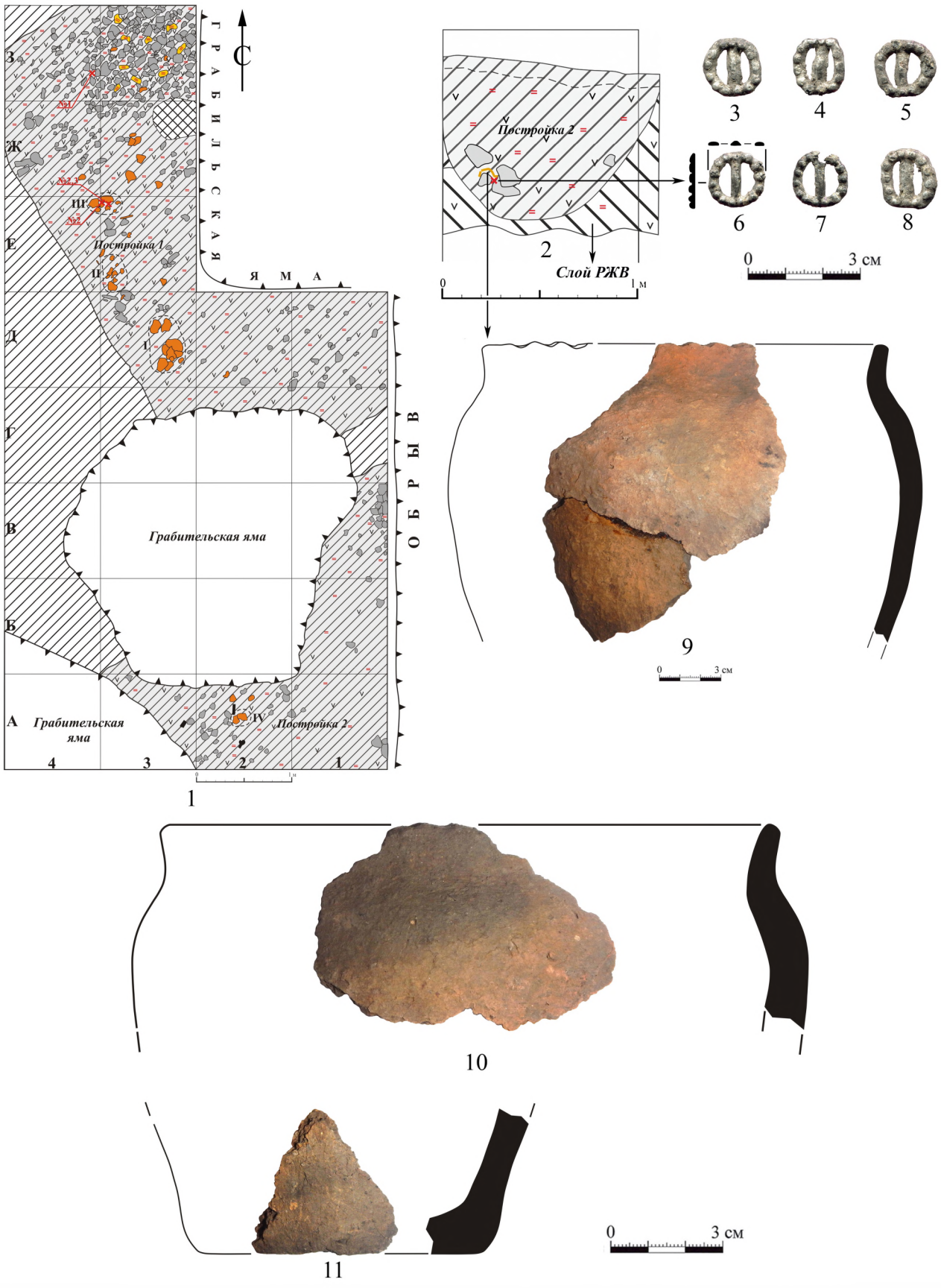


Рис. 131. Опорные комплексы позднего периода.
(2-я половина X — середина XI в.)

Гор. Лобынское, 2022 г., раскоп 2, постройка 2.

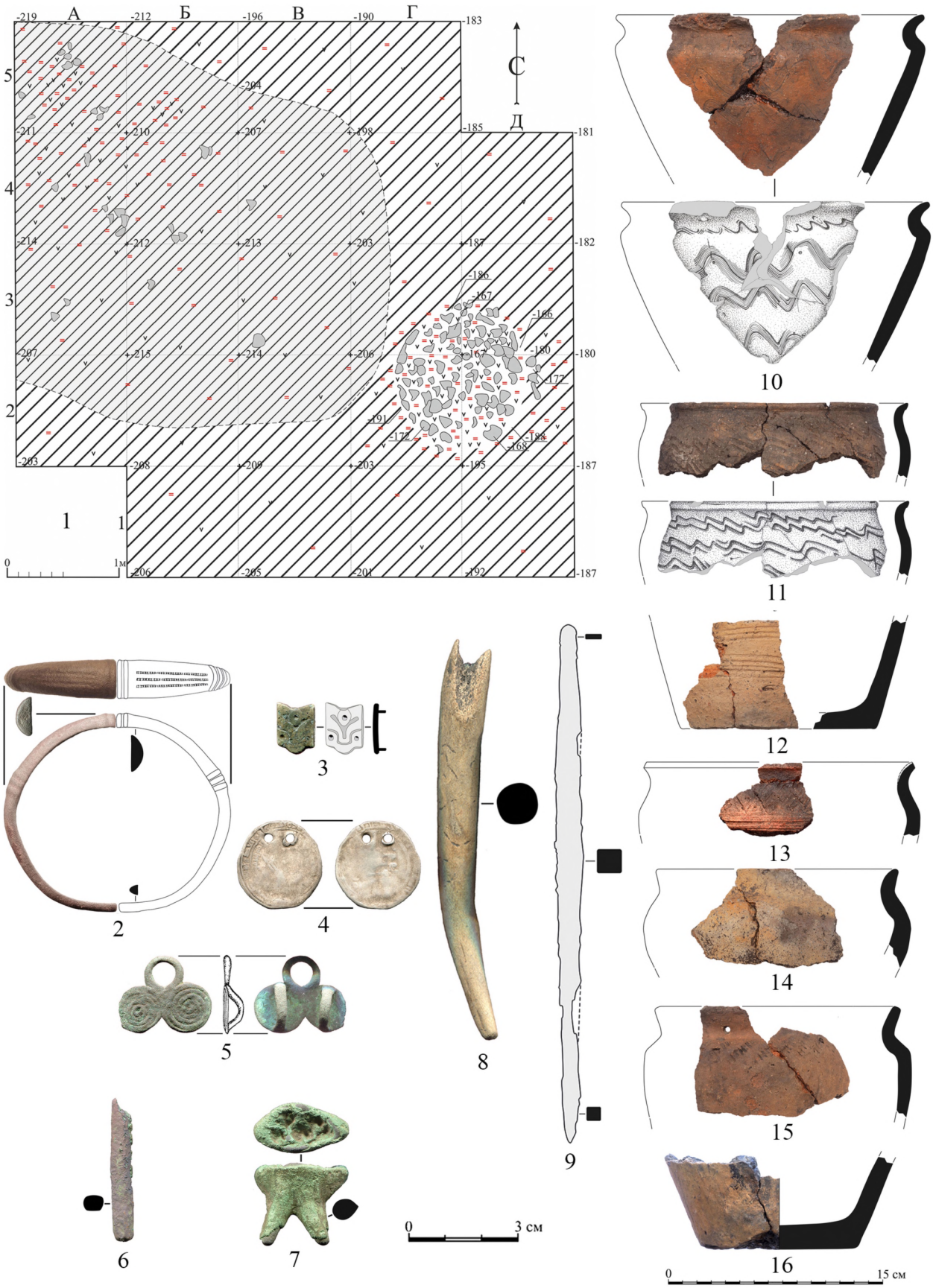


Рис. 132. Опорные комплексы позднего периода.
(2-я половина X – середина XI в.)

Сел. Б. Тризново-4, 2023 г. 2–7 – п.м.; 1, 8–16 – раскоп 1, постройка 1.

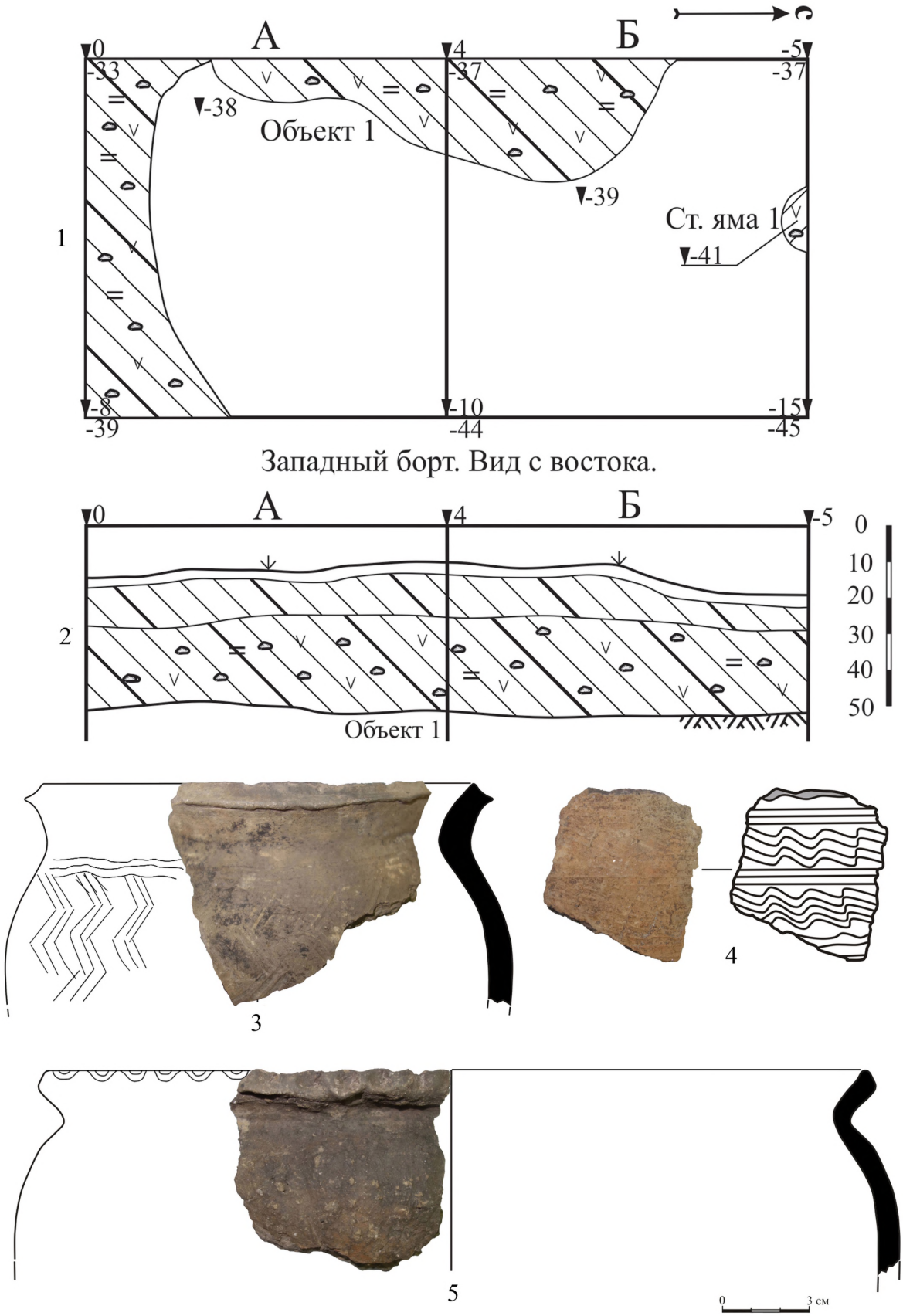


Рис. 133. Опорные комплексы позднего периода.
(2-я половина X — середина XI в.)

Сел. Сотино-1, 2014 г., шурф 1, объект 1.

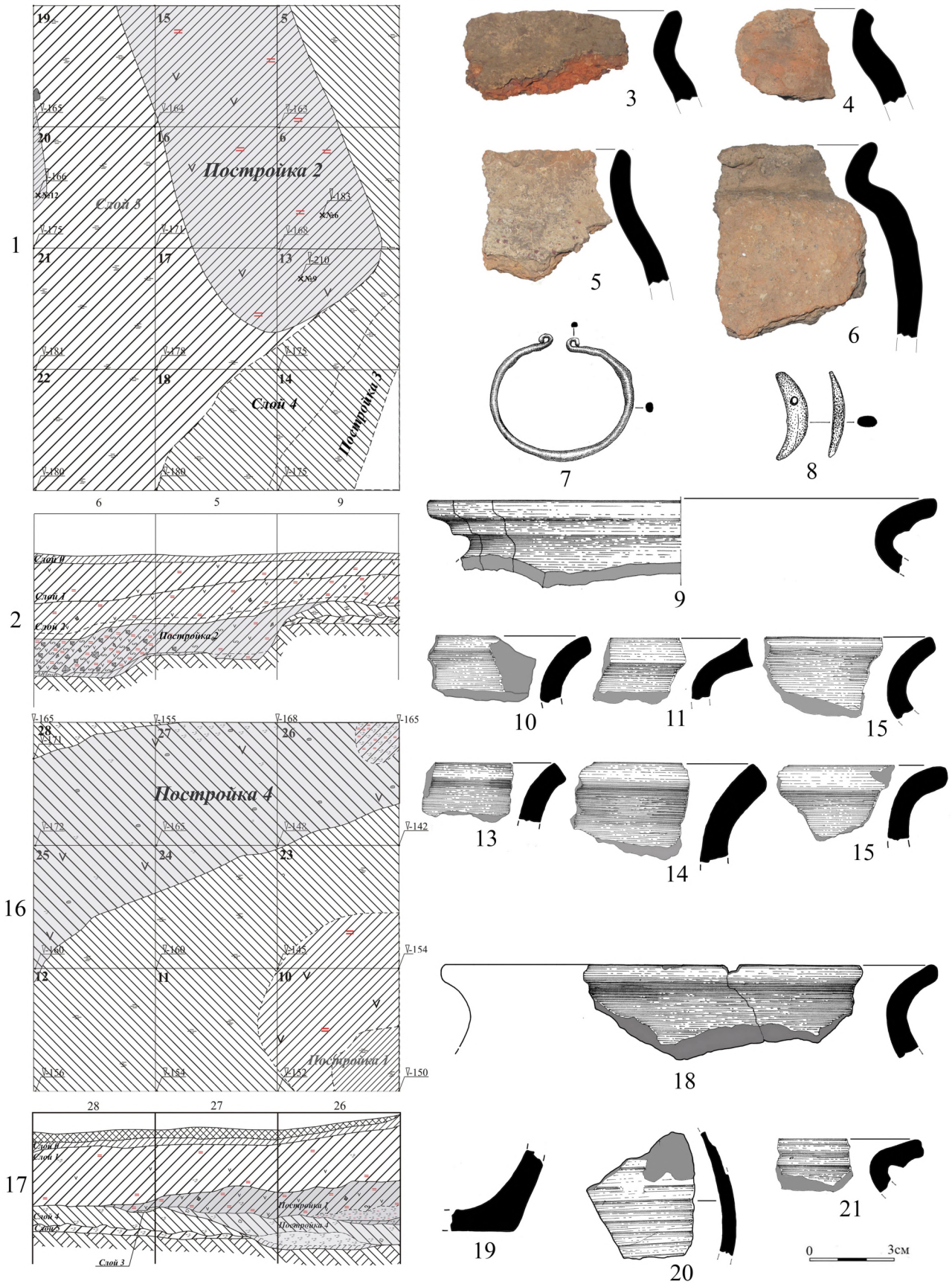


Рис. 134. Опорные комплексы позднего периода.
(2-я половина X — середина XI в.)

Гор. Кетри, 2019 г., раскоп 1. 1 – 15 – постройка 2; 16–21 – постройка 4.

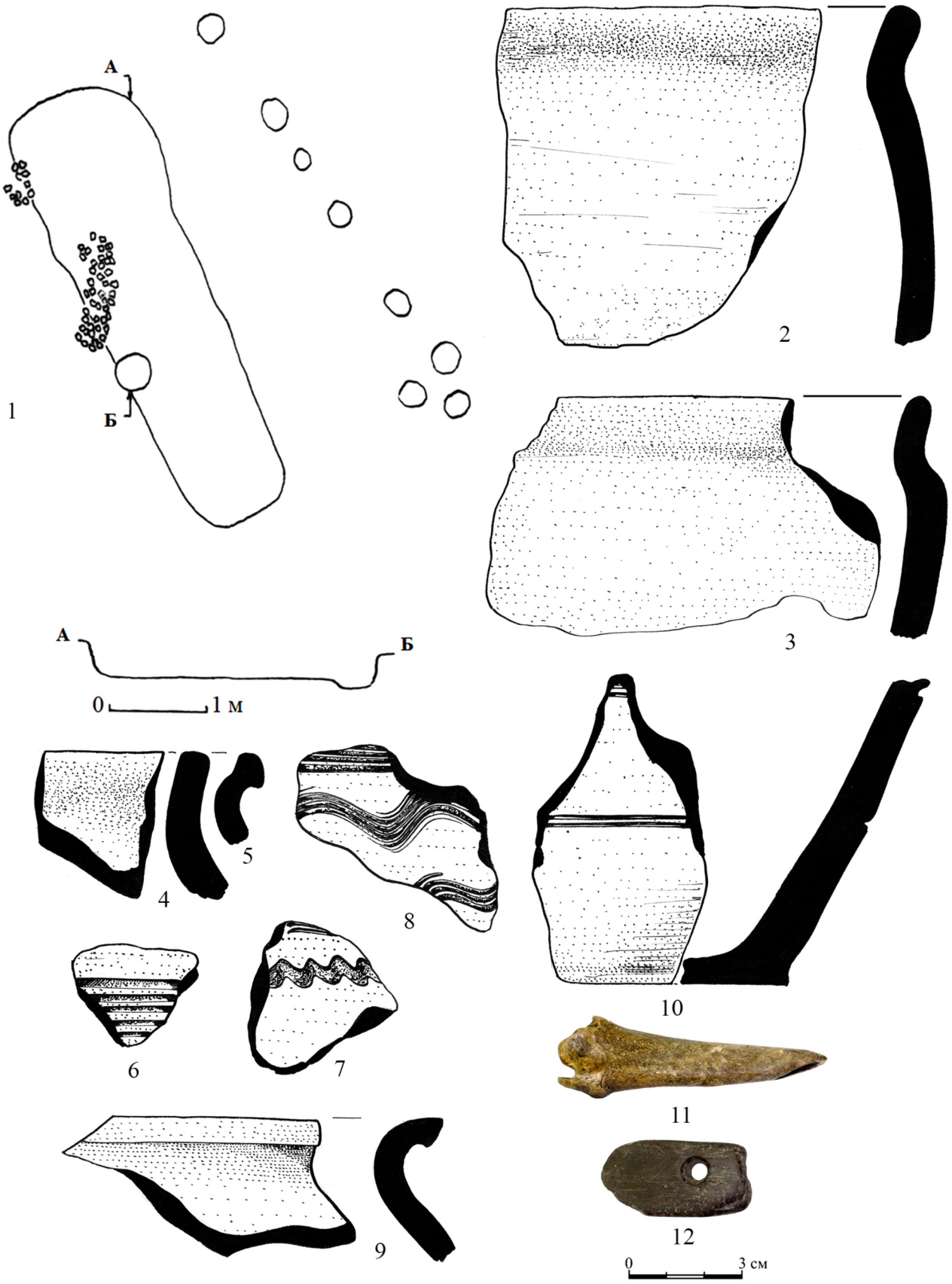


Рис. 135. Опорные комплексы позднего периода.
(2-я половина X — середина XI в.)

Гор. Тимофеевка, 1996 г, яма 33.

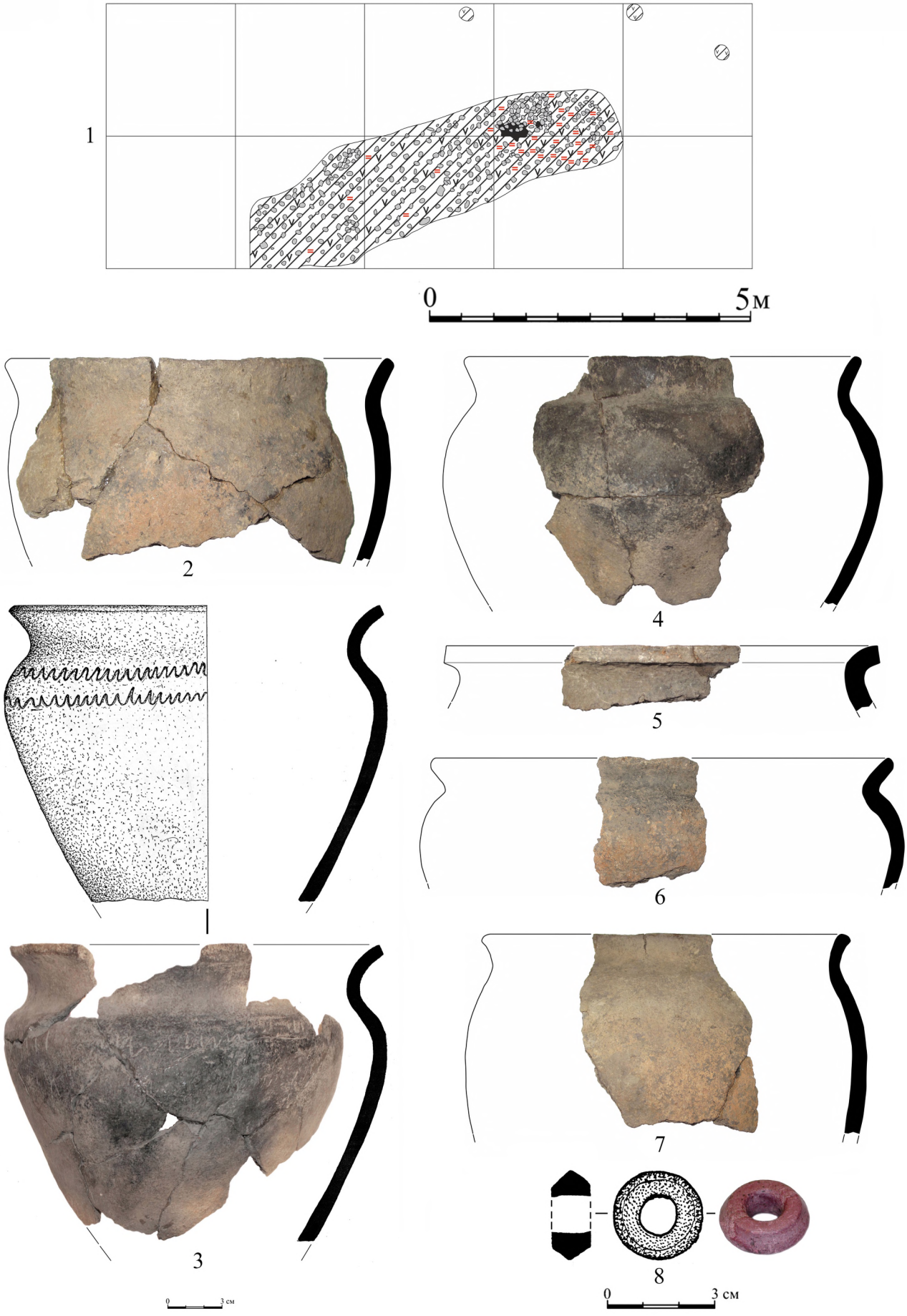


Рис. 136. Опорные комплексы позднего периода.
(2-я половина X — середина XI в.)

Гор. Тимофеевка, раскоп 2, яма 22.

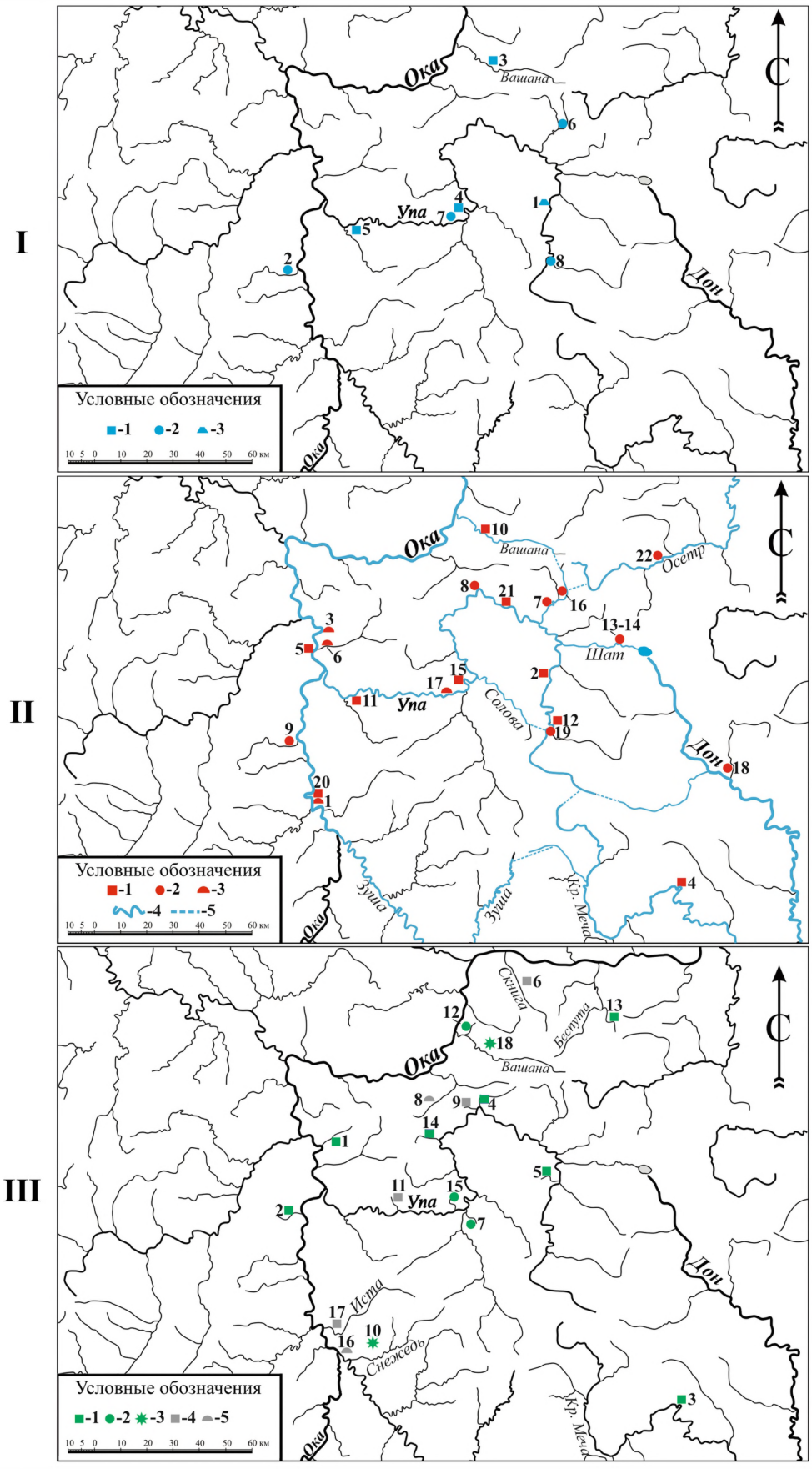


Рис. 137. Археологическая ситуация в разные периоды славянского освоения региона.

Условные обозначения: I: 1 – городище, 2 – селище, 3 – поминальный комплекс. II: 1 – городище, 2 – селище, 3 – курганный могильник; 4 – Окско–Донской участок речного торгового пути (по А.В. Григорьеву); 5 – предполагаемые участки волоков. III: 1–3 – памятники 2-я пол. X – сер. XI в. 1 – городище, 2 – селище, 3 – клад; 4, 5 – памятники предположительно отнесенные к периоду 2-я пол. X – сер. XI в.

Рис. 137. Археологическая ситуация в разные периоды славянского освоения региона.

Легенда к карте:

I – VIII в.: 1 – Гора Услань; 2 – Каменка-1; 3 – Никулино; 4 – Супруты; 5 – Петровское; 6 – Торхово-3; 7 – Тризново-3; 8 – Уткино-1.

II – IX – 1-я пол. X в.: 1 – Воронец; 2 – Гора Услань; 3 – Доброе; 4 - Дубики; 5 – Дуна; 6 – Западное; 7– Ивановка-2; 8 – Изволь-1; 9 – Каменка-1; 10 – Никулино; 11 – Петровское; 12 – Свисталовка; 13 – Слободка-1; 14 – Слободка-2; 15 – Супруты; 16 – Торхово-3; 17 – Тризново; 18 - Устье-2; 19 – Уткино-1; 20 – Федяшево; 21 – Щепилово; 22– Щучье-1

III – 2-я пол. X – сер. XI в. 1 – Акиньшино; 2 – Вырск; 3 - Дубики; 4 – Кетри; 5 – Лобынское; 6 – Нижняя Городня; 7 – Образцово-2; 8 – Панское; 9 – Першино; 10 – Полтево; 11 – Снедка; 12 – Сотино-1; 13 – Спицино; 14 – Тимофеевка; 15 – Б. Тризново-4; 16 – Тшлыково; 17 – Фурсово-2; 18 – Щепотьево.

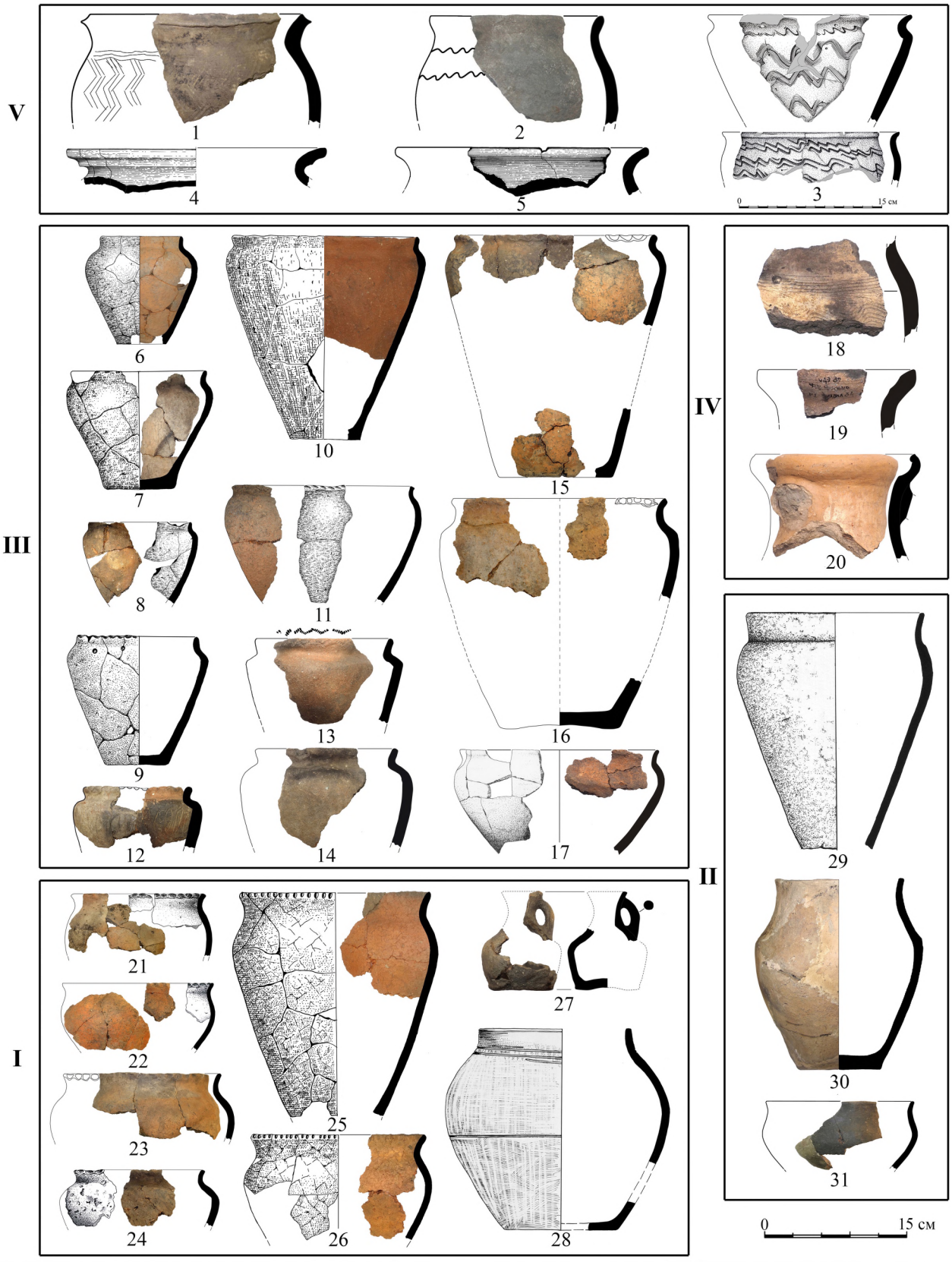


Рис. 138. Находки керамических сосудов характерных для различных периодов славянского освоения региона.

I – VIII в.; II, III, IV – IX – 1-я пол. X в. V – 2-я пол. X – сер. XI в.

1 – сел. Сотино-1; 2 – гор. Лобынское; 3 – сел. Б. Тризново-4; 4, 5 – гор. Кетри; 6–11, 25, 26, 29, 30 – гор. Супруты; 12–14 – гор. Петровское; 15, 27 – гор. Гора Услань; 16, 21–24, 31 – сел. Каменка-1; 17–20 – сел. Уткино-1; 28 – сел. Торхово-3.

1–3 – раннекруговые; 4, 5, 18–20, 28 – круговые; 6–17, 21–27, 29–31 – лепные.

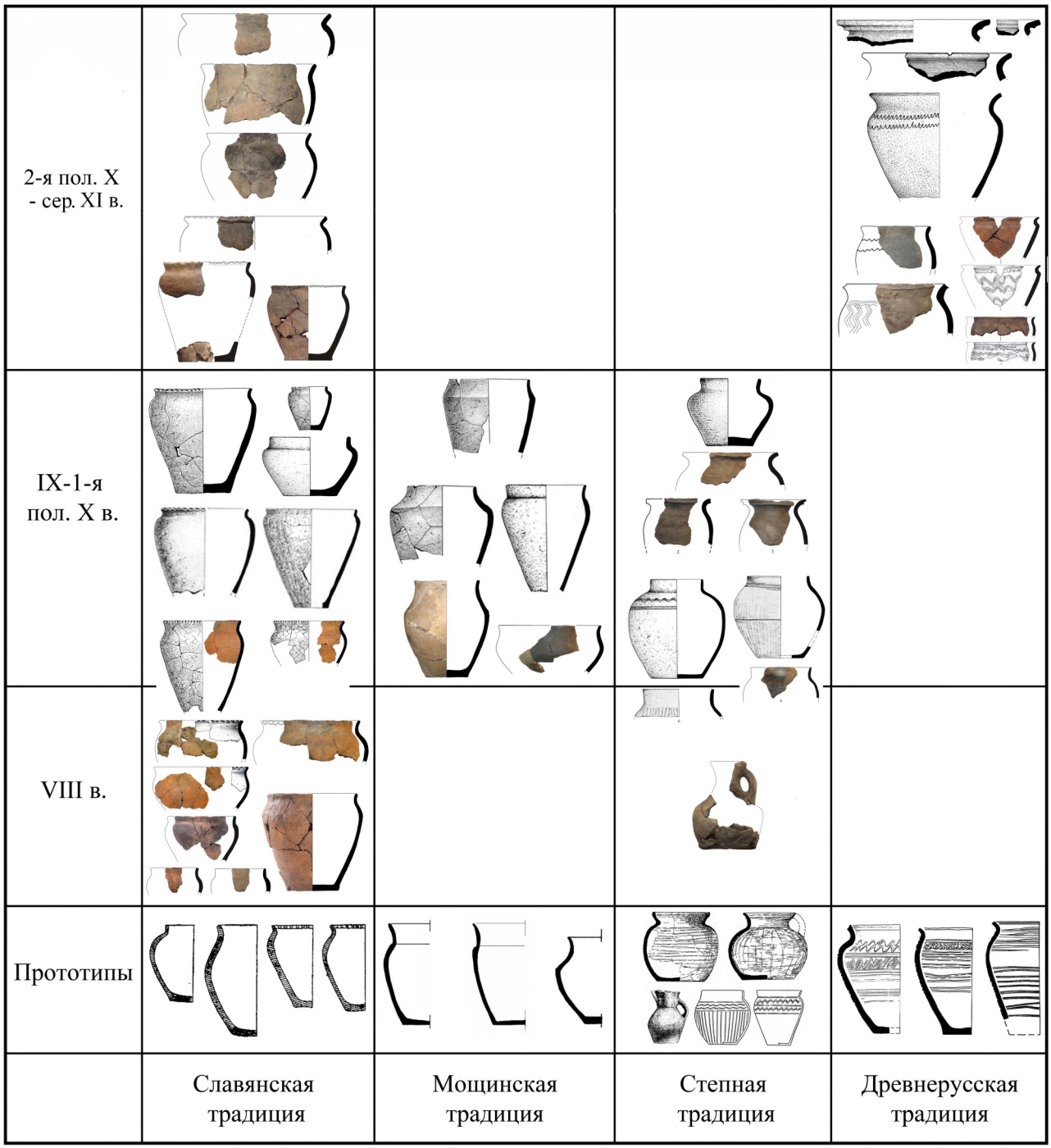


Рис. 139. Схема развития керамического комплекса верховьев Оки и Дона на протяжении VIII – 1-й половины XI в.

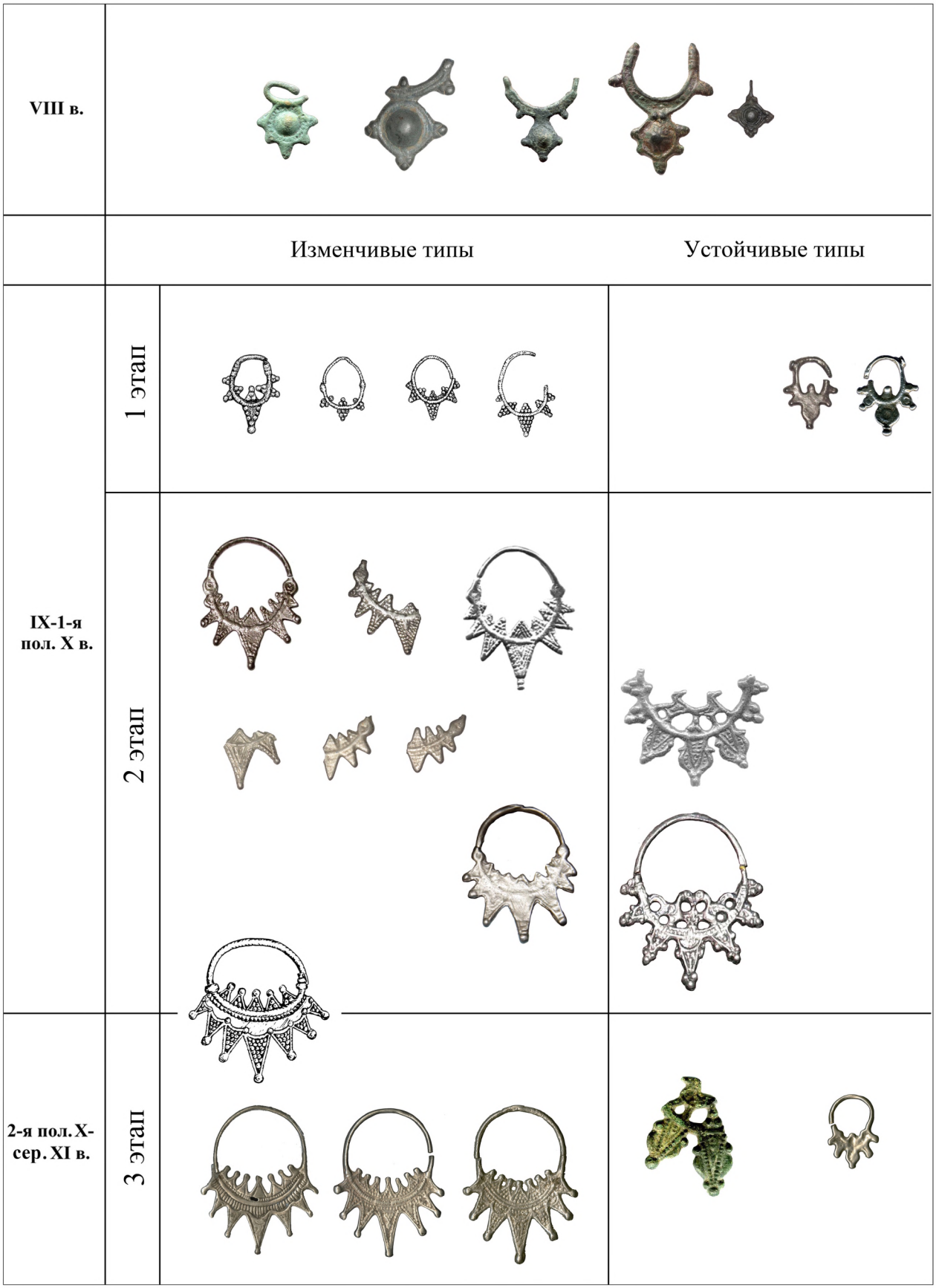


Рис. 140. Эволюция форм височных колец на территории междуречья верховьев Оки и Дона.

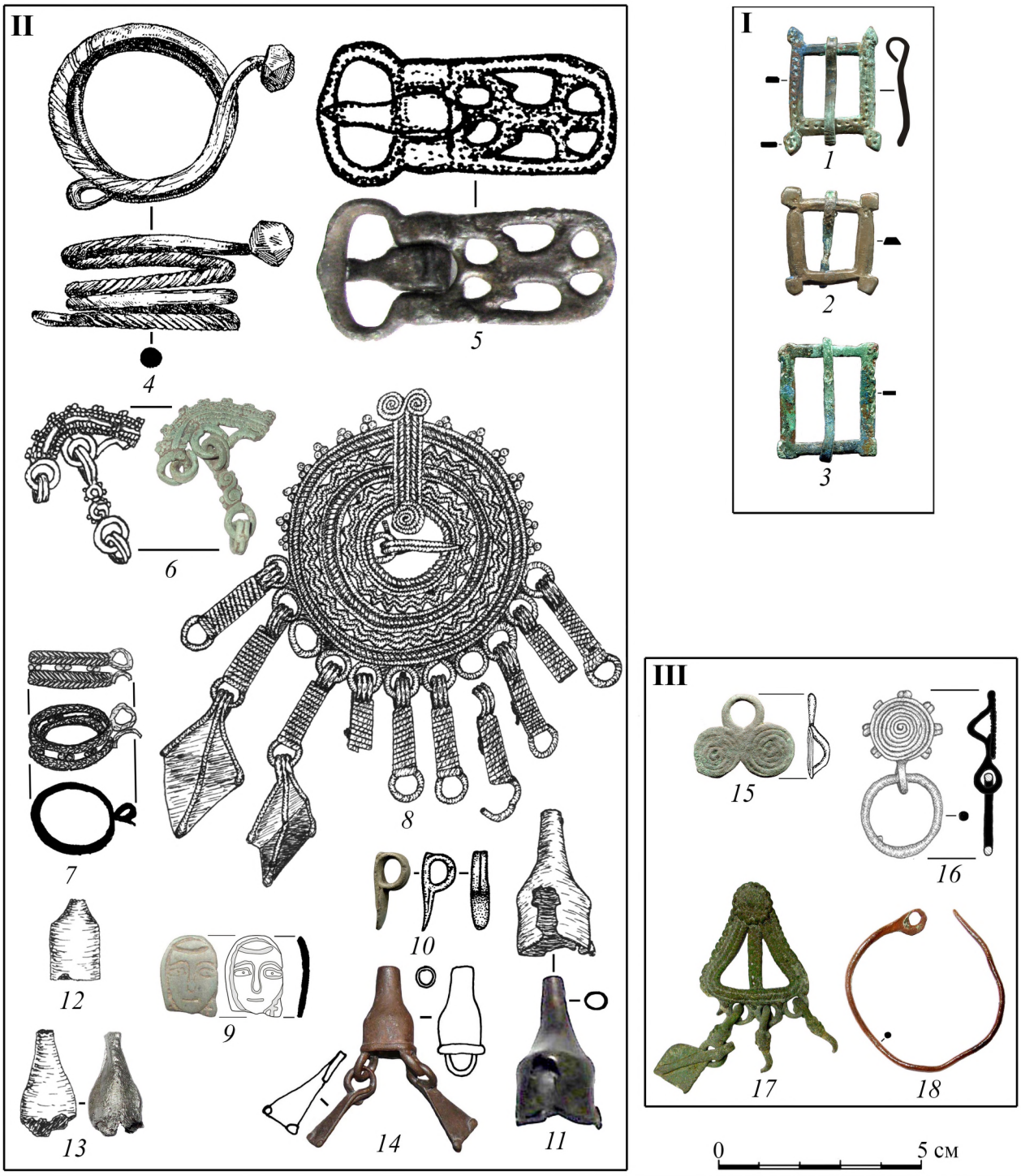


Рис. 141. Сводная таблица находок финно-угорского круга с памятников верховьев Оки и Дона VIII– 1-й половины XI вв.

I – VIII вв.; II – IX – 1-я пол. X в.; III – 2-я пол. X в. – 1-я пол. XI вв.

1–3 – городище Гора Услань; 5 – городище «Чертово Городище»; 6, 11 – селище Торхово-3; 7 – селище Победа-2; 4, 8, 12–14 – городище Супруты 9 – селище Слободка-1; 10 – селище Ивановка-2; 15 – селище Тризново-4; 16 – городище Спицино.17, 18 – городище Лобынское.

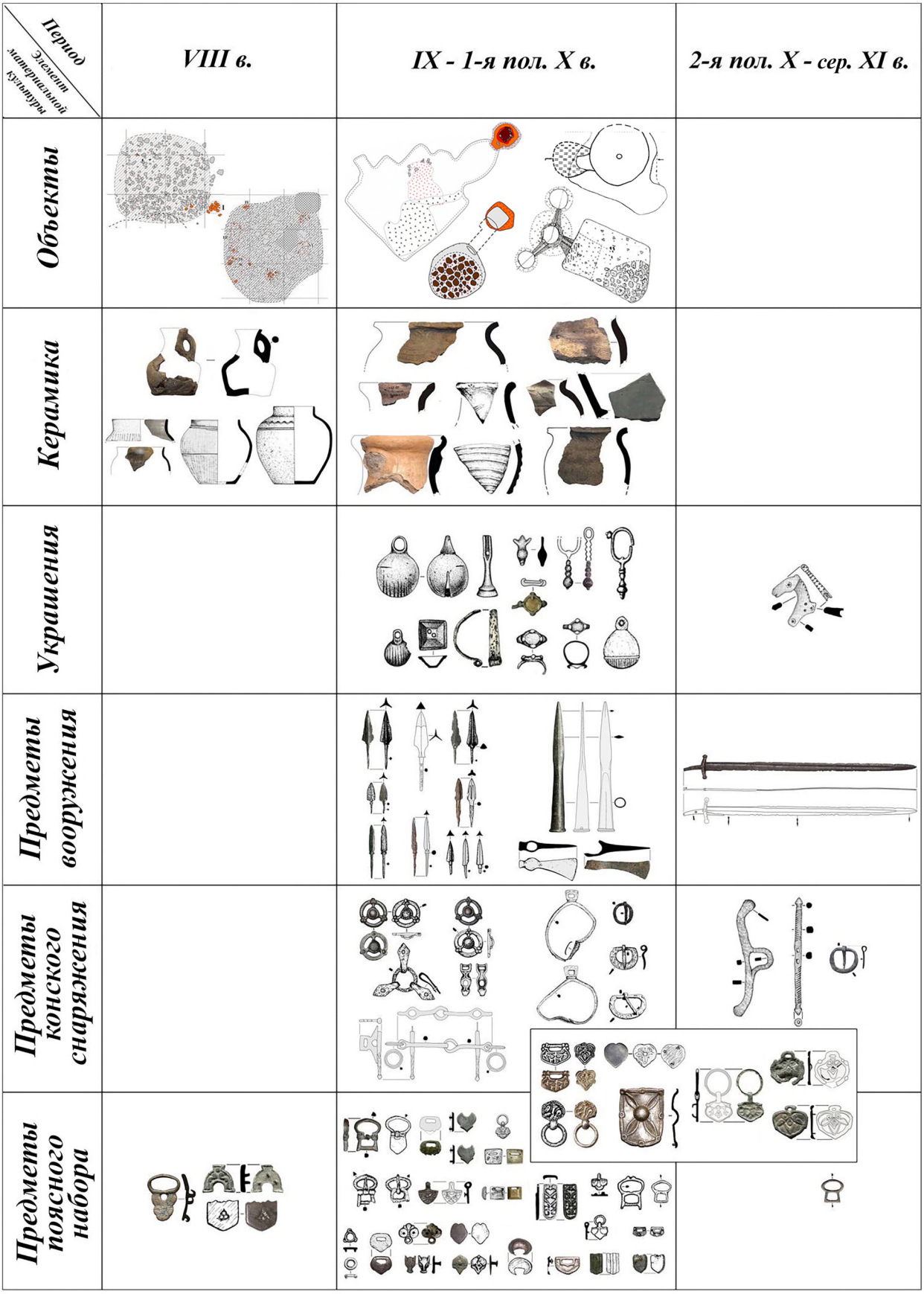


Рис. 142. Хронологическая таблица древностей степного круга верховьев Оки и Дона.

Рис. 143. Находки украшений, деталей костюма и предметов вооружения, характерных для разных периодов славянского освоения региона.

I – VIII в.; II – IX – 1-я половина X в.; III – находки, маркирующие финал базовых памятников IX – 1-й половины X в.; IV – 2-я половина X – 1-я половина XI в.
1, 2 – сел. Б. Трзново-3; 3 – поминальный комплекс у д. Гора Услань; 4 – гор. Никулино; 5 – гор. Федяшево; 6, 14 – сел. Устье-2; 7–10, 12, 15, 19–25 – гор. Супруты; 26 – гор. Чертово Городище; 11 – сел. Торхово-3; 13 – гор. Петровское; 16, 18 – сел. Уткино-1; 17 – сел. Слободка-1; 27 – гор. Лобынское; 28–30 – гор. Спицино; 31–33 – Полтевский клад.
1–4, 9–11, 13-15, 20, 21, 27, 30 – бронза; 6–8, 12, 22, 29, 31–33 – серебро; 16–19, 23–26, 28 – железо; 5 – биметалл